SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Univ. of California
60977

НОЯБРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Дозволено цензурою 27-го октября 1898 г. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1898:11
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТР.

1. ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. В. ШЕЛГУНОВА. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЪ КОЛОДНИКА. (Памяти Ѳ. М. Достоевскаго). **П. Я.** 28
3. ЧЕРНЫЙ ФЛАГЪ. (Степные очерки). **Юліи Безродной.** . . . 30
4. ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ. (Критико-біографическій очеркъ **Людвига Штейна**). Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Бердяева**. (Окончаніе). 63
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОСЕНЬЮ. **Allegro.** 80
6. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть четвертая. (Продолженіе). **Ив. Иванова.** 81
7. ДОНЪ АНТОНІО. Разсказъ. **Чарльза Гранта.** Переводъ съ англійскаго **Д. Муратова.** 125
8. КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. **Л. Кржывицкаго.** (Окончаніе). 160
9. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Книга третья). (Продолженіе). 183
10. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть третья. **И. Потапенко.** 210
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИДЕАЛЪ. (Сюлли Прюдома). **А. Герцева.** . 242

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Эпигоны народничества. — Г. Меньшиковъ, какъ самый яркій представитель ихъ.—Его «откровенія» или «Думы о счастьѣ».—Его мудрый совѣтъ.—строить города въ деревнѣ.—Народничество прежнягоо времени.—Одинъ изъ его представителей.—Н. Е. Петропавловскій-Каронинъ. — Полное собраніе его сочиненій. — Нѣкоторыя біографическія черты Каронина. — Свѣтлый образъ его, какъ человѣка и писателя. — Значеніе его въ литературѣ. — Лучшія его произведенія.—Основные взгляды.—Рѣзкое отличіе стараго и новаго народничества. **А. Б.** 1
13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изслѣдованіе народнаго образованія въ Россіи.—Къ вопросу о голодѣ. — Въ Тургайской степи. — Кустари-личильщики, Горбатовскаго уѣзда. — Разсказъ сектанта. — Эксплуатація паломниковъ.—Я. П. Полонскій (некрологъ) 16

384305

стр.

14. **За границей.** Китайскія дѣла.—Двѣнадцать лѣтъ въ плѣну у махдистовъ. — Причина самоубійствъ съ точки зрѣнія вегетаріанской пищи.—Суевѣрія въ концѣ XIX вѣка.—Изъ области женскаго движенія 25
15. **Изъ иностранныхъ журналовъ:** «Fortnightly Review».—«Contemporary Review».—Review of Reviews».—«Revue des deux Mondes». 35
16. БЕРЛИНСКІЯ СТУДЕНТКИ. (Письмо изъ Берлина). **В. Вишневскаго.** 38
17. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О фальсификаціи пищи. Женщины-врача **М. И. Покровской.** 48
18. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Новыя свѣтила. 2) Возрастъ солнца. **Физика.** Новый телеграфъ безъ проволоки. **Біологія.** 1) Дѣйствіе анэстезирующихъ веществъ на животную и растительную протоплазму. 2) Вліяніе разсѣяннаго свѣта на растенія. **Физіологія.** Велосипедъ и его вліяніе на организмъ. **Медицина и гигіена.** 1) Лѣченіе желтой лихорадки сывороткой. 2) Окись углерода при взрывахъ газа въ шахтахъ. **Географія и путешествія.** 1) Калифорнское землетрясеніе. 2) Къ полярной экспедиціи Нансена 1893—1896 гг. 3) Къ полету Андре. **Техника.** Два новыхъ подводныхъ кабеля. **Н. М.** 62
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРАНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя сочиненія. — Бѣллетристика. — Публицистика. — Критика и исторія литературы.—Политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 69
20. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Горькая участь одной молодой науки **Ив. Иванова.** 95
21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 117
ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ. Романъ **А. Лундегорда.** Переводъ со шведскаго **В. Фирсова.** (Окончаніе) 97
23. ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА. **Морица Фармана.** Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и подъ редакціей **В. Агафонова.** (Продолженіе). 71
24. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ.** (Продолженіе). 135
25. БОРЬБА МІРОВЪ. Романъ **Г. Уэльса.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе). 25

Univ. of California

ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. В. ШЕЛГУНОВА.

Предлагаемые отрывки изъ дневника Николая Васильевича Шелгунова относятся къ концу сороковыхъ годовъ, когда Шелгуновъ былъ молодымъ офицеромъ лѣсного корпуса и жилъ въ Самарѣ. Писанъ дневникъ для любимой дѣвушки, впослѣдствіи жены Шелгунова, которая тоже писала дневникъ, и влюбленные ими обмѣнивались. Такимъ назначеніемъ вполнѣ опредѣляется содержаніе дневника, имѣющаго чисто личный характеръ. Жизнь общественная въ дневникѣ не затрогивается, да и какая жизнь могла быть въ то глухое время? Тѣмъ не менѣе, дневникъ очень любопытенъ, какъ характеристика взглядовъ молодого Шелгунова,—взглядовъ, которымъ и впослѣдствіи онъ оставался вѣренъ, конечно, во многомъ ихъ углубивъ и расширивъ. Уже съ первыхъ страницъ въ немъ видна та же чистая, идеальная душа, которая такъ покоряла всякаго, имѣвшаго счастіе знать лично Николая Васильевича въ старости. Для пониманія цѣльной и крѣпкой личности Шелгунова дневникъ его даетъ очень много, и мы думаемъ, что читатели прочтутъ его съ пользой и интересомъ.

Дневнику предпосылаются два письма, писанныя Шелгуновымъ своей невѣстѣ, чтобы для читателя было ясно взаимное положеніе главныхъ лицъ, въ которомъ ихъ застаемъ въ началѣ дневника.

Май 1848 г.

«Отчего такъ трудно написать къ вамъ письмо? Принимаюсь уже за четвертое: два письма разорвалъ, усладительное написать не смѣю, не имѣю на то права, жесткое не могу, а между тѣмъ мнѣ хочется сказать вамъ: одинъ Богъ на небѣ, одинъ дядя *) на землѣ, который умѣетъ любить такъ свою племянницу, какъ я.

«Уѣхавъ отъ васъ, я готовъ былъ 10 разъ воротиться, чтобы провести хоть $^1/_{10}$ минуты, но, къ счастью или къ несчастью (право, не знаю), я этого не сдѣлалъ по общей слабости всѣхъ мужчинъ, щего-

*) Н. В. приходится двоюроднымъ дядей своей женѣ и на правахъ такового посѣщалъ домъ ея родителей, пока эти посѣщенія не привели къ болѣе теплымъ отношеніямъ, завершившимся бракомъ. Родители не сочувствовали вначалѣ этому, что видно изъ писемъ. Ихъ нежеланіе и послужило причиной разлуки.

ляющихъ воображаемою твердостью характера; на пароходѣ, когда возвращеніе въ деревню сдѣлалось невозможнымъ для меня дѣломъ, я чувствовалъ, что могъ бы заплакать,—такъ не хотѣлось мнѣ съ вами разставаться. Желая какъ-нибудь размыкать свое горе, я убѣжалъ въ каюту и, сложивъ шинель въ видѣ подушки, легъ на своемъ старомъ мѣстѣ,—кажется я тогда думалъ, я мечталъ о чемъ-то. Простившись съ вами, я простился и со своимъ счастьемъ, нашли тучи громовыя и вѣтеръ началъ дуть съ сѣвера, мнѣ было холодно, страшно холодно, отогрѣлся уже дома; если бы вы видѣли, какъ встрѣтили меня радостно, какъ старались исполнить, даже предугадать мои желанія—теперь я убѣжденъ, что есть на свѣтѣ люди, которые любятъ меня.

«Однако, письмо мое похоже нѣсколько на дурную музыку въ минорномъ тонѣ,—надобно улыбнуться.

«Изъ Петербурга я выѣхалъ въ почтовой каретѣ; такое путешествіе нѣсколько удобнѣе поѣздки въ телѣгѣ, — по крайней мѣрѣ, не рискуешь откусить себѣ языкъ, что при тряской дорогѣ очень удобно,—и ночью не потеряешь фуражку. Очень интересно было наше общество: берейторъ англичанинъ, шведъ, унтеръ-офицеръ ф. стрѣлковаго батальона, лакей, нижегородская мѣщанка и я—каждый изъ насъ говорилъ на своемъ прирожденномъ языкѣ или нарѣчіи, и потому во всю дорогу мы молчали, но зато какъ краснорѣчиво, особенно англичанинъ и нижегородская мѣщанка. Эти люди, кажется, хотѣли подтвердить великую истину, которой я служу опроверженіемъ, что языкъ данъ человѣку для того, чтобы онъ умѣлъ молчать, а молчать мнѣ не мѣшало бы выучиться—какъ вы думаете?

«Знаете, отчего я люблю лошадей?—имъ, какъ и женщинамъ (простите мою дерзость, но я только повторяю чужія слова) нельзя ни въ чемъ вѣрить. А если не вѣришь, то и не обманешься,—люблю людей, у которыхъ на лбу написано: «враги—они не опасны, опасны только друзья». Надѣюсь, однако, Людинька, что мы съ вами друзья не опасные, а скорѣе вѣрные, и даже, можетъ быть, вѣчные; не забудьте, что я говорю только про себя.

«У меня несчастная слабость философствовать кстати и некстати,—говоря что-нибудь дѣльное, вдругъ вклею какую-нибудь общипанную мысль, и начну раздувать ее, какъ школьникъ мыльный пузырь.

«Въ каретѣ ѣхалъ я до Вилькоміра, а оттуда и до Минска на телѣгѣ; первую половину дороги шелъ такой дождь, что если бы не случился на дорогѣ городъ Вильно, то я превратился бы въ ручей, но, благодареніе силамъ небеснымъ, я удержалъ за собою человѣческій образъ.

«Въ Вильно я остановился ночевать; для меня это было необходимо, ибо я не спалъ три ночи. Не успѣлъ я еще снять фуражку и сказать фактору, что онъ мошенникъ, какъ въ передней уже толпилось, по крайней мѣрѣ, сто евреевъ.

«— Что вамъ нужно?

«— Чи панъ хце ваксы, запалокъ?..» *).

Во времена крѣпостничества среднее сословіе было болѣе обезпечено и дѣвушкамъ не приходилось бѣгать по урокамъ, и бояться за завтрашній день. Я не помню, чтобы въ разговорахъ, какіе велись между знакомыми, проглядывала боязнь остаться безъ работы и оказаться чуть не на улицѣ. Страшнаго призрака необезпеченности тогда точно не чувствовалось, и люди, живя на чужіе труды, имѣли много свободнаго времени. Большинство барышенъ писало свои журналы. Не скажу, чтобы эти журалы не приносили своей доли пользы людямъ, способнымъ анализировать себя. Пишетъ, пишетъ человѣкъ, ежедневно, что онъ дѣлаетъ и думаетъ, да, наконецъ, невольно увидитъ, если онъ думаетъ все о пустякахъ и дѣлаетъ все глупости.

Я тоже писала журналъ и прятала его очень тщательно, такъ какъ въ этомъ журналѣ я раскрывала свою душу.

Когда къ зимѣ всѣ съѣхались въ Петербургъ, къ намъ явился Шелгуновъ и сталъ бывать часто. Отецъ у меня былъ строгій, суровый нѣмецъ, и мы всѣ поголовно боялись его. Будь онъ домосѣдомъ, мы были-бы совсѣмъ несчастны, но онъ любилъ вистъ и преферансъ. До обѣда онъ сидѣлъ въ департаментѣ, послѣ обѣда ложился спать, а вечеромъ уходилъ куда-нибудь играть въ карты, и возвращался часа въ два, въ три. Шелгуновъ вмѣстѣ съ нами боялся старика и по вечерамъ, поднимая руку къ звонку нашей двери, онъ задавалъ только одинъ тревожный вопросъ: «а что, если Петръ Ивановичъ дома?» Мать мою онъ не боялся, хотя зачастую негодовалъ на нее за то, что она напоминала ему, что онъ мнѣ дядя и болѣе ничего.

Моя няня, Оля, зорко слѣдила за Николаемъ Васильевичемъ. Разъ утромъ она пришла къ моей матери и ехидно спросила:

— А развѣ Людинька у насъ невѣста?

— Нѣтъ.

— Такъ отчего же Николай Васильевичъ цѣлуетъ у нея руки?

Этотъ доносъ, какъ я называла это сообщеніе тогда, произвелъ объясненіе, вслѣдствіе котораго Николай Васильевичъ заявилъ, что ходить къ намъ въ качествѣ дяди онъ не желаетъ.

На другой день я получила слѣдующее, далеко не сдержанное письмо:

«Благородство, чистота поступковъ, правда и желаніе добра ближнимъ должны быть основаніемъ дѣйствій человѣческихъ; кто поступаетъ иначе, тотъ не имѣетъ права на уваженіе и не смѣетъ претендовать на умъ и доброту... Причины посѣщеній моихъ въ послѣдніе три года дома вашего папеньки были для всѣхъ ясны; извѣстныя причины даютъ извѣстные результаты, — ваша маменька должна была

*) Здѣсь прерывается первое письмо, и лицо, къ которому оно относится, дѣлаетъ отъ себя нѣсколько необходимыхъ поясненій.

знать это, и, разумѣется, она знала, къ чему приведетъ меня знакомство съ вами. Вчерашній поступокъ ее со мною ниже всякой критики, относительно меня онъ черенъ по злости дѣйствія, а относительно васъ онъ замѣчателенъ по безразсудству дѣйствій. Ваша маменька видѣла, что я люблю васъ, но, кажется, она не умѣла понять, что любовь чистая, основанная на благородствѣ чувствованія и уваженіи любимаго существа, приводитъ человѣка къ мысли о необходимости соединенія съ нимъ союзомъ, болѣе твердымъ родственнаго знакомства.

«Если по природной безпечности своего характера, по глубокому эгоизму своему и по непривычкѣ разсуждать и глядѣть впередъ нѣсколько далѣе своего носа и сегодняшняго дня, Евгенія Егоровна не хотѣла и не умѣла понять этихъ вещей, то по обязанности матери она должна была понять ихъ и своевременно принять мѣры, которыя разорвали-бы наше знакомство и не завлекли бы меня такъ далеко. Евгенія Егоровна увѣряетъ цѣлый свѣтъ, что въ ней много материнскаго чувства, но ради Святого Николая скажите, гдѣ это чувство относительно васъ? Не въ желаніи ли нарядить васъ какъ куклу, выставленную на показъ зѣвающей и глупой толпы въ окнѣ игрушечной лавки? Не въ хитро-радостной-ли улыбкѣ и глупо-животномъ самодовольствіи при взглядѣ на толпу дурандасовъ, окружающую васъ, и восхищающуюся вашими тѣлесными достоинствами безъ способности понять вашу прекрасную душу, ваше прекрасное сердце? Наконецъ, не въ заботливости ли о вашемъ будущемъ, для котораго Евгенія Егоровна не сдѣлаетъ и полушага. Гдѣ же это чувство, скажите? Можетъ быть, въ тѣхъ высокихъ нравственныхъ правилахъ, которыя, какъ результатъ опытности Е. Е., не годятся ровно ни для кого и должны остаться тайной Е. Е., потому что за подобныя истины, сказанныя вслухъ, закидываютъ грязью, забрасываютъ каменьями. Нѣтъ, Людинька, не въ подобныхъ вещахъ проявляется материнское чувство. Прежде всего оно должно излиться въ нравственномъ образованіи своихъ дѣтей, въ раскрытіи имъ міра души и возбужденіи въ нихъ сознанія о необходимости жить умомъ, душою и сердцемъ на основаніи закона благородныхъ чистыхъ побужденій и нравственныхъ человѣческихъ правилъ.

«Вы помните, вѣроятно, слова вашей маменьки на мой вопросъ: «могу ли я посѣщать вашъ домъ?» на основаніи того закона, который я чувствую глубоко и который въ настоящее время составляетъ цѣль моей жизни. Вы знаете, что я могу быть у васъ, я могъ быть вашимъ дядей четыре года назадъ, но теперь быть имъ не могу, или я вашъ женихъ (на условіи обезпеченія васъ на случай моей смерти или нежеланія вашего жить со мною), или я никто, человѣкъ вовсе незнакомый, иначе поступить я немогу. Мы съ вами должны разстаться, вы это сами понимаете. Прощайте, Людинька, не забудьте, что во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ человѣкъ долженъ предлагать себѣ вопросъ: «къ

чему это, добро это или зло, подло или благородно я буду дѣйствовать, поступая такимъ образомъ?» Я предложилъ себѣ этотъ вопросъ вчера, обдумалъ свои дѣйствія сегодня утромъ, и рѣшилъ, что я долженъ поступить такимъ образомъ. Прощайте, Людинька, еще разъ, дай Богъ, чтобы мы встрѣтились еще когда-нибудь въ жизни, а теперь мнѣ не суждено видѣть васъ,—я вамъ чужой, даже незнакомый, потому что не могу быть у васъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ хотѣлъ бы быть у васъ. Прощайте. Людинька, прощайте. Въ душѣ вашъ другъ, а для людей и для приличія вашъ покорный слуга».

Они съ матерью пришли къ какому-то соглашенію, и хотя мать моя стала на нашу сторону, но бесѣды наши глазъ на глазъ прекратились, и мы порѣшили ежедневно писать другъ другу, и по вечерамъ обмѣниваться написаннымъ.

6-го апрѣля.

«...Сегодня утромъ я былъ у Калашникова; я пошелъ къ нему для того, чтобы видѣть его, но у него пришла ко мнѣ другая мысль; ѣхать къ Массальскимъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать одному, и я думалъ отправиться вмѣстѣ съ N. и все-таки я не поѣхалъ. Я объясню вамъ причину этого чистосердечно, и отчего мнѣ не говорить съ вами такъ-же откровенно, какъ я говорю съ собою, вѣдь я люблю васъ, а человѣкъ любимый отъ нелюбимаго отличается только тѣмъ, что мы довѣряемъ ему, что мы вѣримъ ему, что мы уважаемъ его, а первый признакъ уваженія въ довѣріи. Людинька, я не могу быть у тѣхъ людей, которые не видятъ во мнѣ человѣка, которые полагаютъ, что человѣкъ можетъ быть вполнѣ человѣкомъ съ 40 лѣтъ или съ чина коллежскаго совѣтника. Будьте увѣрены, что человѣкъ, понимающій вещи такимъ образомъ, только далекое подобіе человѣка, а не человѣкъ. Дурачье, они думаютъ, что старость—заслуга человѣку, какъ-будто бы они не знаютъ, что старыхъ ословъ много на свѣтѣ, но никто не цѣнитъ ихъ. Массальскій, И. Т. Калашниковъ и вашъ папенька не уважаютъ меня, какъ молодого человѣка, а я не уважаю ихъ, потому что не вижу въ нихъ людей, не вижу въ нихъ разумности и не считаю ихъ выше себя за то, что они родились ранѣе меня какими-нибудь сорока годами. Вотъ причина, почему я не хотѣлъ сегодня оставаться обѣдать у Калашникова, почему не хотѣлъ быть у Массальскаго и почему я никогда не былъ бы у вашего папеньки, если бы онъ жилъ одинъ. Вчера, Людинька, я объяснилъ вамъ свое нежеланіе быть у Массальскихъ другими причинами, потому что не сознавалъ ясно этихъ причинъ. Думая писать вамъ объ этомъ, я вспомнилъ свой разговоръ съ Влад. Калашниковымъ о любви и женщинахъ, вспомнилъ, что мы допускали любовь къ женщинамъ разумнымъ, вспомнилъ, что всѣ ваши знакомые смотрятъ на васъ, какъ на ребенка, и эта мысль поколебала мое убѣжденіе, но не надолго. Людинька, вѣдь я люблю васъ за то, что въ васъ есть скромность, что

въ васъ нѣтъ желанія обнаруживать всѣ достоинства и начала прекраснаго будущаго, которыми вы владѣете. Васъ нисколько не задѣваетъ, что знакомые ваши видятъ въ васъ дитя и не хотятъ понять, что это дитя—человѣкъ, который если и молодъ еще теперь, то скоро, очень скоро будетъ прекраснымъ юношей и затмитъ эту неразумную старость.

Ваше самолюбіе, какъ кажется, не оскорбляется этими взглядами вашихъ знакомыхъ, и вы сортируете ихъ не по степени ихъ человѣчности и способности цѣнить людей, а по суммамъ удовольствій, которыя вы имѣете, посѣщая ихъ. У меня не это основаніе при выборѣ знакомыхъ: мнѣ нужны люди, которые были бы людьми по человѣческому образу, по способности понимать себя и другихъ; всякій же, не понимающій этого, оскорбляетъ мое человѣческое значеніе, и я не хочу имѣть его своимъ знакомымъ. Въ прежнія свои посѣщенія дома Массальскихъ, хотя я не скучалъ у нихъ, но чувствовалъ, что я не у мѣста тамъ, мнѣ всегда было неловко, и не смотря на то, я ѣздилъ къ нимъ, потому что вы хотѣли этого, потому что вы были тамъ. Странно, отчего люди скоро привыкаютъ къ своимъ домашнимъ и скоро перестаютъ уважать ихъ мнѣнія, предпочитая имъ часто мнѣнія людей постороннихъ, не имѣющихъ права на подобное уваженіе. На этихъ же причинахъ держатся и правила семейной жизни и родственныхъ отношеній, по которымъ мы позволяемъ себѣ съ своими такія вещи, которыхъ не смѣемъ допускать съ своими знакомыми.

7-го апрѣля.

Я читалъ сейчасъ отрывки «Герой нашего времени». Не знаю, почему-то мнѣ кажется, что я имѣю много общаго съ Печоринымъ. Я не золъ, но могу дѣлать злое, хотя и жалѣю потомъ объ этомъ. Я не способенъ огорчать человѣка умышленно, но если я задѣтъ имъ, то хочу выместить свое неудовольствіе и не вѣрю въ дѣйствительность сдѣланнаго огорченія, пока не увижу слезъ или страданія на лицѣ. Потомъ у меня является всегда раскаяніе, мнѣ жаль, и я готовъ загладить свою вину. Я говорю объ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ—мужчинъ огорчать не стоитъ, потому что нисколько не льститъ самолюбію быть увѣреннымъ въ подобномъ правѣ превосходства надъ ними. Коммунисты хотятъ равенства между мужчиною и женщиной, они, вѣрно, никогда не любили, они вполовину мужчины, потому что не понимаютъ наслажденія власти. Идея равенства была чужда Творца міра. Изъ двухъ людей, любящихъ другъ друга, одинъ всегда сильнѣе другого, и въ такомъ случаѣ сильнѣйшимъ лучше всегда быть мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Да, я думаю, что и сами женщины отказались бы отъ права власти, потому что онѣ потеряли бы право плѣнять и заставлять себя любить любовью страсти, выигравъ взамѣнъ ея какое-то почтеніе и покорность. Что можетъ быть смѣшнѣе покорности и смиренія предъ властью, когда покорность—мужчина, а власть—женщина?

Я не читалъ того, что написалъ предъ этимъ, но знаю, что вы увидите не того меня, котораго привыкли видѣть; я всегда какъ будто бы смирялся предъ вами, но меня всегда возмущала мысль, что я могу быть подъ властью, быть можетъ, потому что я избалованъ, потому что я до сихъ поръ не былъ подъ властью, и мнѣ повиновались большею частью, я же рѣдко былъ покоренъ.

Власть, а какъ часто власть смиряется предъ покорностью, какъ часто мужчина отдается вполнѣ женщинѣ, и самъ не замѣчая того. Любовь—единственная сила, которая можетъ управлять всѣмъ, можетъ срывать горы, уничтожать всѣ преграды, уничтожить даже счастье человѣка. Какъ сильна женщина въ самой своей слабости, и чего желать ей болѣе, какой нужно ей еще власти? Глупцы мужчины, проповѣдывающіе равенство, дуры женщины, слушающія ихъ, — въ власти равенства, котораго онѣ добиваются, онѣ найдутъ свое безсиліе и потеряютъ силу, которою владѣютъ теперь, принявъ малиновую фольгу за огонь. Женщина сильнѣе его, потому что слабѣе его.

Знаете мою заднюю мысль?.. Я боялся, что, обнаруживая свои слабости предъ вами, я даю вамъ возможность со мной *дѣйствовать*. Къ несчастью, женщины созданы такъ или избалованы жизнью, но только выполненіе своихъ желаній, оправдывающія всякія средства, даже *маленькія подлости*,—для нихъ законъ ихъ жизни, отъ котораго онѣ не умѣютъ и не хотятъ отказаться. Ни одна женщина въ мірѣ не умѣла еще владѣть, господствовать надъ своими желаніями и страстями и для нихъ незнакомо торжество побѣды надъ собою. Людинька, законъ жизни — не личная прихоть, а истина, которую мало кто изъ людей понимаетъ, а особенно женщины. Всѣ хлопочатъ о своихъ цѣляхъ, но никто не думаетъ о степени ихъ разумности и справедливости.

Отчего человѣкъ самъ создаетъ себѣ несчастіе? Отчего онъ не хочетъ понять, что тихая жизнь сердцемъ, основанная на увѣренности, основаніе жизни, ищетъ какихъ-то порывовъ? Неужели онъ дѣлаетъ это для того, чтобы не понимать впослѣдствіи горькое чувство раскаянія? Жаль; право, объ этомъ хлопотать не стоитъ. Тихую спокойную жизнь поэты называютъ прозой, но неужели они не умѣютъ понять, что и въ тишинѣ есть поэзія, — правда, не всеразрушающая, но что же до этого? Впрочемъ, у всякаго свой взглядъ на вещи.

Отчего я не люблю, когда женщины щелкаютъ орѣхи? Вы не можете представить себѣ, какое непріятное чувство является тогда у меня, мнѣ почти противно смотрѣть на женщину.

Если сказать женщинѣ, что она прекрасна и пуста, я увѣренъ, что подобная похвала польститъ ей гораздо болѣе, чѣмъ увѣренность, что она не пуста и не прекрасна. Въ ряду разумныхъ созданій женщина менѣе всѣхъ понимаетъ, что она можетъ быть разумна, что она можетъ быть человѣкомъ; она полагаетъ, что создана только для того, чтобы плѣнять своими наружными достоинствами, и не любитъ, когда

восхищаются ея душевными богатствами, полагая, что эти восторги отнимаютъ много отъ ея наружности. Впрочемъ, я не знаю, къ чему пишу объ этомъ—степень неразумности женщины всегда остается прямо пропорціональной восторгамъ дураковъ ея красотѣ. Отчего женщины, возстающія такъ сильно противъ матеріализма, не умѣютъ понять, что похвалы ихъ красотѣ есть ни больше, ни меньше, какъ безсознательная тенденція мужчинъ къ сенсуальности? Женщины считаютъ себя высокодуховными существами и не умѣютъ понять, что онѣ поклоняются только тѣлу.

8-го апрѣля.

Между мною и Надей сегодня пробѣжала черная кошка. Мы не сказали другъ другу ни одного непріятнаго слова, а между тѣмъ недовольны другъ другомъ. Я знаю, отчего Надя сердится на меня.—Я просилъ ее съиграть польку-мазурку, игранную вами вчера. Отвѣтомъ Нади на мою просьбу былъ вопросъ: «кто игралъ ее?» Какъ будто бы для увѣренности, въ достоинствѣ музыки нужно непремѣнно знать, что она играна тѣмъ или другимъ, развѣ музыка не можетъ быть хороша сама по себѣ. Надя разсердилась, зачѣмъ я сказалъ ей это, и упрямится упрямствомъ женщины, а самая несносная вещь въ мірѣ — это упрямство женщины, чуждое всякой человѣческой разумности. Люди сами добровольно оскорбляютъ себя, поклоняясь авторитетамъ и отнимая отъ себя всякую независимую, свободную дѣятельность ума. Вы, можетъ быть, помните мой разговоръ съ Богомоловымъ,—онъ тоже поклоняется авторитетамъ и не допускаетъ въ себѣ возможности свободной мысли. Жалкое, добровольное униженіе, впрочемъ, понятное у людей, которые не знаютъ, что имъ дѣлать со своею головой.

Какъ много на свѣтѣ людей, которые счастливы, когда подлѣ нихъ сидитъ женщина, женщина по тѣлу, а не по духу или душѣ. Женщины не понимаютъ своего униженія и довольны производимымъ ими впечатлѣніемъ. Нѣтъ, я не такъ смотрю на женщину, я хочу уважать ее, и потому мнѣ нужно, чтобы подлѣ меня сидѣло существо разумное, мыслящее, чувствующее и прекрасное. Я объясню вамъ, почему мнѣ пришла эта мысль, если вы захотите знать это.

Мнѣ нужно быть сегодня у васъ, я это знаю, я это чувствую, но меня тревожитъ мысль, что я встрѣчу П. И. *). Вы не знаете, какое непріятное чувство закрадывается въ сердце, когда я беру ручку колокольчика, чтобы позвонить, и мнѣ кажется, что меня встрѣтитъ П. И. Вамъ, вѣроятно, не приходилось испытывать подобнаго чувства—мнѣ хочется теперь отправиться къ вамъ и, несмотря на это, меня что-то удерживаетъ.

*) Отецъ Л. Шелгуновой.

9-го апрѣля.

Сейчасъ я пришелъ изъ департамента; дорогой мнѣ попался Далматовъ, онъ идетъ къ вамъ. Думая о немъ, я по закону человѣческой мысли перешелъ къ своимъ отношеніямъ къ нему и вспомнилъ о его дѣтской замашкѣ трунить надъ людьми, которые гораздо больше его и передумали, и перечувствовали. Люди часто употребляютъ многія слова, не понимая ихъ смысла, напр.: «дуракъ»—слово вполнѣ обыкновенное, даже на языкѣ дурака, но согласились ли люди въ значеніи этого слова—нѣтъ, каждый толкуетъ его по своему. Мнѣ кажется, что дуракомъ должно называть того человѣка, который видитъ человѣка въ самомъ себѣ только и не понимаетъ, что и другіе могутъ быть тоже людьми и не понимаетъ, что человѣкъ—человѣкъ. Что онъ долженъ быть существомъ мыслящимъ, чувствующимъ, понимающимъ человѣческія страданія, человѣческія радости, и заслуживаетъ уваженія только въ томъ случаѣ, когда умѣетъ уважать другихъ.

10-го апрѣля.

Неужели я не вѣрю многому оттого, что у меня есть кусокъ ума (Людинька, вѣдь это не самоувѣренность, это мнѣ такъ кажется) въ головѣ; отчего же есть на свѣтѣ счастливцы, которые вѣрятъ всему?

18-го апрѣля.

Я скажу вамъ, что думаю о поцѣлуяхъ: большинство людей стремятся къ тѣлеснымъ наслажденіямъ; въ эти минуты человѣкъ забываетъ свою духовность, забываетъ все, а потому эти минуты называются минутами счастья, но есть еще минуты,—минуты высшаго наслажденія, когда не чувство тѣлесности управляетъ нашими дѣйствіями, но чувство безкорыстное, чувство высокой, чистой любви, дружбы. Поцѣлуи перваго чувства хороши, но они часто оставляютъ за собою чувство разочарованія, но если поцѣлуй будетъ результатомъ второго чувства, то легко дѣлается на душѣ человѣка и нѣтъ въ сердцѣ его другого ощущенія, кромѣ прекрасной, высокой радости, радости безотчетной и чистой, которая оставляетъ по себѣ вѣчное, пріятное воспоминаніе. Причину этихъ двухъ противуположныхъ результатовъ вы понимаете; въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ матеріализмъ, во второмъ—духовность. Я могу быть матеріалистомъ, я это знаю, но не хочу быть имъ въ сношеніяхъ съ вами, мнѣ кажется, я оскорбляю тогда мое чувство, я оскорбляю васъ.

19-го апрѣля.

Во мнѣ страннымъ образомъ дѣлится человѣкъ,—я не могу согласить духовнаго съ тѣлеснымъ и оттого во мнѣ два отдѣльныхъ человѣка. Въ сношеніяхъ съ вами во мнѣ почти всегда дѣйствуетъ ду-

ховный человѣкъ — рѣдко матеріальность и въ послѣднемъ случаѣ я не бываю доволенъ собою, съ другими же женщинами, разумѣется, исключая самыхъ молоденькихъ и пожилыхъ женщинъ, въ которыхъ я не вижу человѣка, а представляется мнѣ нѣчто среднее между неразумнымъ и разумнымъ существомъ, я чистый матеріалистъ, я не вѣрю въ духовность этихъ женщинъ, не вѣрю (кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній) въ возможность духовныхъ сношеній съ ними. Впрочемъ, и сами женщины такого же о себѣ мнѣнія,—онѣ думаютъ нравиться только одною наружностью, а о головѣ и сердцѣ своемъ нисколько не заботятся.

20-го апрѣля.

Людинька, заключимте условіе: разсуждая о недостаткахъ людей и причинахъ разныхъ несовершенствъ и самыхъ несовершенствахъ нашихъ, т. е. не собственно нашихъ семейныхъ отношеніяхъ; замѣчая дурное, будемъ взглядывать внутрь себя и справедливо примѣняя хорошее и дурное и устраняя самолюбіе, будемъ увѣрены, что мы желаемъ другъ другу добра.

21-го апрѣля.

Вы говорите, что если я браню женщинъ, то «всѣ ихъ недостатки приписываю вамъ»; это, Людинька, справедливо, но не вполнѣ. Не уважая женщинъ за ихъ тупыя и смѣшныя стороны, за ихъ неразумность, я не хотѣлъ бы видѣть въ васъ что-нибудь подобное, потому что, разсуждая о женщинахъ, я часто или, лучше сказать, почти всегда, обращаюсь къ вамъ, говоря какъ бы увѣрительно о недостаткахъ женщинъ и приписывая ихъ вамъ; но внутри меня нѣтъ увѣренности въ вашемъ дурномъ, а только сомнѣнія въ вашемъ хорошемъ; мнѣ хочется услышать отъ васъ самихъ, что вы чужды недостатка, о которомъ мы говорили, а вы не хотѣли никогда увѣрить меня въ этомъ.

28-го апрѣля.

Знаете, что намъ нужно теперь сдѣлать? Намъ нужно узнать короче другъ друга, и, уважая другъ друга за хорошее, на недостатки будемъ смотрѣть, какъ на странности и особенности характера извиняемыя. Я не буду уже болѣе раздражаться, мой другъ, да я уже и не могу теперь болѣе, потому что всякая моя досада на васъ не имѣла никогда основанія,—въ этомъ я убѣжденъ теперь потому, что думалъ дорогой о причинахъ своей раздражительности. Странно, отчего это убѣжденіе и даже мысль о немъ не приходила мнѣ въ голову въ Петербургѣ? Теперь я признаюсь, что былъ постоянно виноватъ передъ вами.

Самара, 12-го мая.

Въ 5 часовъ вечера я увидѣлъ, наконецъ, цѣль своей поѣздки но и тутъ новое горе: Самара лежитъ по ту сторону Волги, перевозъ ровно 5 верстъ; подъѣхавъ къ перевозу, я не нашелъ парома, надобно было ждать; но каково подобное ожиданіе въ холодной шинели при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, вы можете себѣ представить.

Къ закату солнца я добылъ себѣ какую-то лодку, нашелъ желающихъ ѣхать въ Самару и, благословясь, отправился въ путь.

Выйдя на противоположный берегъ, я дрожалъ, какъ осиновый листъ; а на бѣду свою, отпустивъ ямщика еще на томъ берегу, я остался безъ всякой возможности переправить себя съ своимъ огромнымъ багажемъ въ городъ. Хозяинъ перевоза помогъ моему горю: давъ мнѣ чаю, онъ согрѣлъ меня, а найдя лошадь и телѣгу, далъ мнѣ средство пріютиться въ гостинницѣ. Но что это за гостинница? Здѣсь сыро и холодно, какъ въ колодцѣ—стѣны покрыты плесенью, отъ оконъ дуетъ, какъ изъ устъ Борея, а ноги мои холодны, какъ ледъ. Если Самара не хотѣла даться такъ легко, то я думаю, что въ ней не должно быть мнѣ худо; вѣдь это справедливо? Что это за комната, въ которой теперь я,—въ ней пять оконъ и три стула, каждый своего характера, кромѣ, разумѣется, того, который слѣдуетъ имѣть стулу, двѣ досчатыя кровати безъ постели, потому что хозяинъ гостинницы не завелъ ее, а у меня тоже не имѣется ничего подобнаго. Все это производитъ на меня весьма непріятное впечатлѣніе. Я, кажется, писалъ вамъ, что скрипка сломалась у меня дорогой. Починивъ ее въ Москвѣ, я везъ ее до Самары на рукахъ, даже ночью я не выпускалъ ее изъ рукъ и ѣхалъ, какъ съ своимъ ребенкомъ, прижавъ къ груди. Заботливость моя не пропала даромъ, скрипка мои невредима. Сейчасъ поѣду къ лѣсничему.

13-го мая.

Вчера я сдѣлалъ смѣшную ошибку: отыскивая Леонтьева лѣсни чаго, я попалъ къ Леонтьеву помѣщику; интересна была наша встрѣча: я говорилъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, 1/4 часа, какъ съ лѣсничимъ и только въ концѣ разговора выяснилось, что я говорю не съ тѣмъ человѣкомъ, котораго мнѣ нужно! Кажется, мнѣ придется порядочно проскучать цѣлое лѣто; правда, подлѣ меня будутъ скрипка и труба, но мнѣ этого мало,—мнѣ нуженъ еще человѣкъ.

Осматривалъ вчера Самару; городъ, какъ почти всѣ наши уѣздные города, развѣ немного лучше. Самара довольно велика, лежитъ на самомъ берегу Волги, есть въ ней разные дома и для меня, вѣроятно, найдется хорошая квартира. Я не хотѣлъ бы слишкомъ большой—комнатъ пять, и довольно? Меньше квартиры тоже имѣть нельзя, я говорю, разумѣется, не про одного себя, потому что собственно для меня

довольно и трехъ комнатъ. Какъ бы мнѣ поскорѣе занять мѣсто, вмѣстѣ съ представленіемъ обо мнѣ Борисова, я буду писать тоже въ Петербургъ, чтобы быть въ іюнѣ уже завѣдывающимъ новою должностью. По моимъ разсчетамъ это будетъ хорошо.

Въ Москвѣ я купилъ разграфленную книжку для записыванія расхода денегъ, хочу быть экономнымъ хозяиномъ. Вотъ мои основанія для жизни: всѣ мои знакомые и родные начали жить хорошо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе разстраивались ихъ финансовыя средства,— мнѣ не хотѣлось бы идти этимъ путемъ и чужой опытъ долженъ быть моимъ наставникомъ: я буду жить скромно, очень скромно,—обѣдъ мой будетъ изъ двухъ хорошихъ, здоровыхъ блюдъ, безъ роскоши, особыхъ желаній, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей, я себѣ не позволю, а на этихъ основаніяхъ надѣюсь прожить въ довольствѣ и образовать запасной капиталъ.

14-го мая.

Былъ я сейчасъ у Борисова; онъ принялъ меня прекрасно и пригласилъ меня къ себѣ обѣдать одинъ разъ навсегда. Каково самарское гостепріимство! Въ Петербургѣ подобныхъ чудесъ, я думаю, не найдете. О мѣстѣ ревизора я тоже говорилъ ему: надобно дѣйствовать быстро. Объяснивъ Борисову, почему департаментъ не назначилъ меня ревизоромъ въ Самару, я вмѣстѣ съ тѣмъ извинился, что позволяю себѣ съ перваго знакомства, не давъ времени узнать себя, просить о мѣстѣ. Борисовъ замѣтилъ, что я имѣю весьма справедливое разсужденіе, и нашелъ необходимымъ болѣе короткое знакомство. Мѣсто будетъ моимъ, какъ мнѣ кажется, но, вѣроятно, не ранѣе зимы, какъ мнѣ кажется; это скверно: мнѣ хотѣлось бы сдѣлаться ревизоромъ еще лѣтомъ. Одно обстоятельство тревожитъ меня безпрестанно: какимъ образомъ пріѣхать мнѣ въ Петербургъ будущимъ лѣтомъ; отпуски по нашему вѣдомству допускаются только лѣтомъ; мнѣ же лѣтомъ своего мѣста тоже нельзя оставить. Когда же и какъ пріѣхать? вашъ вопросъ трудный, какъ квадратура круга.

15-го мая.

Я пришелъ отъ обѣдни; тепла, непритворна была молитва моя, было нѣсколько минутъ, когда глазамъ моимъ становилось тепло и я чувствовалъ, что готовъ плакать,—Людинька, я молился о васъ, молился о себѣ, просилъ Бога помочь моему желанію. Священникъ говорилъ проповѣдь,—умна была рѣчь его, но многіе ли поняли слово Божіе? Я не хочу скрывать отъ васъ ничего и потому простите меня, я скажу вамъ, что думалъ, что чувствовалъ въ церкви. Если ваши родители не согласятся на мою просьбу, я, кажется, не пойду противъ ихъ воли; это «кажется» я поставилъ только теперь, въ церкви я думалъ рѣшительно. Людинька, я не пошелъ бы противъ ихъ, я пошелъ

бы въ духовенство, пошелъ бы въ духовную академію, а потомъ въ монахи—это было мое намѣреніе, мое рѣшеніе въ церкви. Тяжелы подобныя минуты, крѣпко тяжелы; подобныхъ минутъ я не желалъ бы раздѣлять ни съ кѣмъ, мнѣ хотѣлось бы молчать и только вамъ одной я повѣрю ихъ; вы поймете меня, я знаю, и не засмѣетесь надъ чувствомъ человѣка.

Если я останусь здѣсь, первое мое знакомство будетъ съ протоіереемъ; онъ уменъ, и я хочу узнать отъ него то, что я еще не знаю. Сегодня я обѣдаю опять у Борисова. Какъ мнѣ не хочется говорить съ господиномъ, который со мной въ одной квартирѣ. Вы не видѣли еще многаго, жизнь ваша не ставила васъ часто въ сношенія съ лицами, которыя чужды вамъ совершенно, которыя не поймутъ ни одного вашего желанія, ни одной мысли, направленіе которыхъ совершенно противоположно вашему направленію. Какъ тяжелы подобныя сношенія, если бы вы знали. Живи я одинъ, я игралъ бы теперь на скрипкѣ, но при своей настоящей зависимости, я не могу сдѣлать этого, мнѣ не хочется безпокоить сосѣда. Мнѣ хотѣлось бы быть теперь совершенно одному, а это невозможно.

Въ церкви я думалъ о добрыхъ дѣлахъ и о стремленіи человѣка къ добру. Буду говорить о себѣ. Я не думаю, что я былъ прежде золъ, но я и не былъ добръ, во мнѣ не было разумности, не было сознательности и сердце вводило меня часто въ ошибки, но, полюбивъ, я началъ думать о себѣ и о другихъ, о необходимости жизни общественной; соціальность, гуманность и солидарность я понялъ только теперь, не инстинктомъ обхватилъ я и усвоилъ эти истины, но путемъ разсудка, самосознанія и размышленія, то, что дѣлаютъ другіе по природѣ, по инстинкту, во мнѣ не было, я былъ даже жестокъ прежде, но нынче нѣтъ во мнѣ этихъ основаній и, думая о жизни, я понялъ необходимость тѣхъ основаній, о которыхъ говорю. Отчего съ другими не происходитъ подобныхъ переходовъ? Отчего я долженъ былъ трудомъ и мыслью дойти до того результата, съ котораго многіе люди начинаютъ жить прямо. Вы, напримѣръ, Людинька, вы ангелъ, не по размышленію, но по рожденію, по сердцу, которое бьется въ груди вашей. И я добръ, т. е. хочу быть человѣкомъ тоже по сердцу, потому что въ головѣ человѣка не можетъ явиться ни одна мысль, которую не подсказало бы сердце. Но какъ трудно жить съ людьми. Лиша къ вамъ, я вспомнилъ, что иногда человѣкъ долженъ быть не тѣмъ, что онъ по необходимдсти,—я думалъ объ этомъ въ примѣненіи къ себѣ, какъ къ лѣсничему. Представьте, я занимаю мѣсто, я женатъ, имѣю дѣтей; заботясь о благоденствіи семейства, я долженъ имѣть около себя людей, расположенныхъ ко мнѣ; завися отъ начальства, я долженъ быть человѣкомъ, заслуживающимъ ихъ расположенія. Но возможно ли это всегда, когда человѣкъ захочетъ быть тѣмъ, что онъ есть? Могу ли я быть увѣреннымъ, что мое «какъ

есть» понравится моему начальнику. Онъ человѣкъ веселый, положимъ, я—серьезный, ему нужно пріятное провожденіе времени, разсѣянная жизнь, мнѣ — напротивъ. Что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Надобно притворяться и натянуть себя. Законъ истины и правоты дѣйствій я понимаю хорошо, понимаю, что онъ долженъ быть основаніемъ дѣйствій человѣка и сохраню его въ сердцѣ своемъ. Я помню, что говорилъ вамъ прежде противъ притворства, потому что боялся за себя, боялся, что, вѣря въ необходимость подобныхъ дѣйствій, вы будете притворяться со мною и обманете меня; теперь нѣтъ во мнѣ этого убѣжденія, и потому я откровененъ съ вами. Поборникъ истины былъ одинъ Христосъ, а какъ отплатили ему люди, вы знаете. Что̀ дѣлать человѣку, на рукахъ котораго жена и дѣти? Хорошо, если они понимаютъ истину высоко и готовы перенести всѣ страданія; но есть ли такіе люди?..

Я читалъ сейчасъ свой философскій трактатъ и вотъ что думалъ: разбирая серьезно со стороны мысли и развитія ея, это написано дурно, со стороны интересности его для женщины — онъ скученъ; слѣдовательно, подобныя вещи въ письмахъ маленькимъ Людинькамъ надобно писать осторожно, потому что онѣ живутъ болѣе сердцемъ, чѣмъ головою, и требуютъ не столько мысли, сколько чувства.

Сегодня я игралъ на трубѣ: губы мои выздоровѣли, у окна собрались мальчишки и слушали меня, разинувъ ротъ; люблю эту фигуру вниманія, она, по крайней мѣрѣ, смѣшитъ меня. Теперь мнѣ не такъ скучно, не такъ тяжело, какъ было утромъ. Дѣйствительно ли это такъ, не знаю, но мнѣ кажется, что вездѣ, гдѣ я побываю, знакомые мои и временные начальники расположены ко мнѣ. Борисовъ, какъ мнѣ кажется, смотритъ на меня съ точки уваженія и вниманія, что̀, какъ мнѣ кажется, и должно быть, потому что я не позволяю себѣ вещей, которыя могутъ навлечь на меня чье-нибудь неудовольствіе, и вотъ опроверженіе на то, что я говорилъ вамъ ранѣе объ истинѣ: надобно любить людей и стараться дѣлать имъ пріятное по истинѣ чувства, и тогда не нужно въ жизни притворство, потому, дѣлая добро съ притворствомъ, человѣкъ не имѣетъ права говорить о себѣ, что онъ человѣкъ, потому что онъ золъ, а злымъ существомъ можетъ быть только звѣрь. Вотъ вамъ еще маленькое разсужденіе; жаль только, что форма, въ которой я ихъ рисую, не слишкомъ изящна, это оттого, что, пиша что-нибудь, я не стараюсь изыскивать цвѣтистыхъ выраженій.

16-го іюня.

Здѣсь есть человѣкъ, полусолдатъ, полудворянинъ, но дѣло не въ этомъ: онъ человѣкъ, человѣкъ вполнѣ, много потерпѣлъ онъ на своемъ вѣку, былъ въ Хивѣ и одинъ изъ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которые остались въ живыхъ изъ 14.000, бывшихъ въ Хивинскомъ по-

ходѣ; голова Рейтера два раза лежала на плахѣ, два раза висѣлъ топоръ надъ его головою, но видно судьба хранила и берегла его, и онъ свѣжъ и здоровъ совершенно до сихъ поръ. Рейтеръ видѣлъ много людей, много случаевъ, и не вѣритъ въ доброту людей; женщинъ тоже не уважаетъ много, онъ называетъ ихъ горшками и доказываетъ, что самую благоразумную женщину можно заставить оступиться и упасть въ жизни.

Рейтеръ говоритъ тоже, что женщины ужасныя ехидны, змѣи, и что жена не должна имѣть своимъ другомъ женщину, не говорить ни о чемъ ни матери, ни теткамъ, ни сестрамъ. И какъ безъ ссоръ и непріятностей супругамъ прожить невозможно, то никто въ мірѣ не долженъ слышать жалобъ ни мужа, ни жены, и съ той минуты, когда кто-нибудь изъ нихъ станетъ повѣрять свое горе лицу постороннему, прощай на вѣки супружеское счастіе!

5-го іюля. Самара.

Вы пишете, что никогда не мечтаете, что мечты *вздоръ*—правда ли это? Вы не будете ждать своего мужа отъ должности и вмѣсто этого будете стряпать. Вы пишете, что это ваша сфера,—Людинька, я долженъ васъ разочаровать. Вамъ не придется самой стряпать. Вы знаете, что повара и кухарки не любятъ, когда вмѣшиваются въ ихъ дѣло, да и къ чему вамъ стряпать самой, когда есть кому готовить? Да притомъ надѣюсь, что люди у меня будутъ хорошіе — человѣка я уже нашелъ очень хорошаго: трезвый, повидимому, честный, поваръ, камердинеръ, портной, башмашникъ, цирюльникъ и *кларнетистъ*. Скажите, пожалуйста, часто ли приходится находить въ одномъ человѣкѣ столько достоинствъ?

Вы не вѣрите въ счастье и несчастье,—согласенъ съ вами вполнѣ: грызть корку хлѣба не значитъ еще быть несчастнымъ, но чувствовать и встрѣчать вѣчно непріятности и огорченія? Хорошо, кто можетъ закалить себя и быть равнодушнымъ ко всему, но у кого есть сердце, что тому дѣлать?

Проходя сегодня по улицѣ, я встрѣтилъ цыганку, она поклонилась мнѣ, посмотрѣла на меня и сказала «счастливый!» Я не вѣрю цыганкамъ, онѣ всѣмъ сулятъ счастье, особенно за деньги, но мнѣ пріятно было слышать это слово, тѣмъ болѣе, что цыганка не напрашивалась гадать мнѣ и не домогалась денегъ. Людинька, вы назвали болванами тѣхъ, кто разсуждаетъ о счастьѣ, хорошо бы употребить это слово въ женскомъ родѣ, потому что почти только однѣ женщины и жалуются на несчастье и любятъ разсуждать и мечтать о счастьѣ, но болванъ ли тотъ, кто мечтаетъ о счастьѣ, вопросъ не въ этомъ, но если бы я могъ видѣть васъ теперь, я доказалъ бы, что въ мірѣ есть счастье, есть несчастье.

Я получилъ вчера отъ Гримме письмо—я обожаю этого человѣка.

Я не видѣлъ еще мужчины болѣе благороднаго, умнаго, съ чувствами, развитыми такъ тонко. По своей натурѣ Гримме не долженъ жениться,—положительная женщина не пойметъ его, а женщина съ тонкими чувствами останется имъ недовольной, назоветъ себя несчастной, потому что женщины не понимаютъ *счастья сдѣлать другого счастливымъ*. Если бы я былъ женщиною, я вышелъ бы замужъ только за Гримме и, клянусь небомъ, я не сказалъ бы: «я несчастна» и мой мужъ не сказалъ бы того же про себя. Въ супружествѣ счастья для женщинъ нѣтъ оттого, что всѣ хотятъ быть или главными, или равными, но скажите, ради Бога, есть ли равенство въ природѣ, а тѣмъ болѣе, можетъ ли быть между существами разумными, гдѣ одинъ всегда выше другого или умомъ, или характеромъ?

Отчего мечты — «вздоръ»? Надобно разнообразить жизнь. Мечты пріятны, мечты сладки, мечтать можно; мечтать нельзя только тогда, когда нужно дѣйствовать. До супружества мечтайте сколько вамъ угодно,—это не портитъ жизни, — въ супружествѣ мечтайте тоже, сперва о любви мужа, о будущихъ дѣтяхъ, потомъ, когда будутъ дѣти, мечтайте о томъ, что изъ нихъ будетъ, какъ они станутъ любить и уважать (это самое главное) васъ; неужели это вздоръ? если же и вздоръ, то такой, который стоитъ многихъ вздорныхъ вещей. Нельзя мечтать только о томъ, о чемъ не слѣдуетъ мечтать, напримѣръ, о счастьѣ, въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ женщина, ищущая другой любви, кромѣ любви мужа. Эти мечты—вздоръ, я сознаю, потому что за первыми наслажденіями плодами запрещенной любви слѣдуетъ ненависть къ тому, кѣмъ думала женщина замѣнить любовь мужа, и раскаяніе. Никто не бываетъ такъ продолжительно хорошъ, какъ мужъ.

Посылаю вамъ двѣ чужія мысли.

«Есть въ жизни мечты, которыя похожи на свѣтъ дня; когда мы потеряемъ ихъ, все исчезаетъ вмѣстѣ съ ними».

«Справедливость въ людяхъ есть чувство болѣе рѣдкое, потому что человѣкъ любитъ быть болѣе великодушнымъ, чѣмъ справедливымъ, и справедливость непремѣнно предполагаетъ въ людяхъ равенство, тогда какъ великодушье скорѣе покровительство».

13-го іюля.

Я думалъ теперь, о томъ, что въ нашей жизни всегда и во всемъ будетъ приличіе—это необходимо. Мнѣ только необходимо выучиться молчать, когда я разсержусь; языкъ мой—врагъ мой, сказано гдѣ-то въ священномъ писаніи. Зачѣмъ вы не хотите читать Евангелія; это значитъ, что вамъ и безъ него хорошо, однако не мѣшаетъ его читать, оно благодѣтельно дѣйствуетъ на душу и укрощаетъ сердце. Самая трудная вещь въ мірѣ—держаться середины: быть добрымъ безъ слабости, строгимъ безъ жестокости, щедрымъ безъ расточительности и т. д. во всемъ. Десбаро сказалъ: «я прошу у Бога трехъ ве-

щей: забвенія прошедшаго, терпѣнія въ настоящемъ и прощенія въ будущемъ». Вы замѣчаете, что съ нѣкотораго времени я сталъ поставлять вамъ разныя изреченія. Но я полагаю, что на нѣкоторыя изъ нихъ вы обратите вниманіе, а болѣе мнѣ ничего и не нужно.

...Женское любопытство такой демонъ, который соблазнитъ любую женщину, и она захочетъ узнавать все, и чѣмъ видъ отвратительнѣе, чѣмъ она грязнѣе, тѣмъ больше женщина хочетъ ее знать, и тѣмъ болѣе радуетъ ее знаніе. Трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ, который добываетъ сажу, не запачкался ею, точно также не думаю, чтобы совѣсть женщины, видѣвшей свѣтъ и желавшей знать все, была чиста — нѣтъ, сажа на ней есть непремѣнно. Знаете ли, какая разница между мужчиной и женщиной? Мужчина, когда въ молодости кидается въ свѣтъ, тѣшится всѣмъ гадкимъ, развратъ занимаетъ его своею новостью, и мужчина съ наслажденіемъ станетъ слушать и узнавать все отвратительное, но когда искра ума освѣтитъ голову мужчины, онъ броситъ презрительный взглядъ на прошлое и дѣлается человѣкомъ. Женщина совершенно напротивъ: дѣвицей она чиста, нравственна, прилична и прекрасна, все неприличное оскорбляетъ ее; дамой же, понявъ въ чемъ жизнь, она хотѣла бы вступить на тотъ путь, съ котораго начинаютъ молодые мужчины — все неприличное, все гадкое занимаетъ ее, тѣшитъ, потому что у женщины любящее сердце, потому что она ищетъ любви, т. е. наслажденія въ развратѣ, и, проживъ такимъ образомъ до 50 лѣтъ, можетъ назвать себя опытною. Но зачѣмъ этотъ опытъ? Женщины не думаютъ объ этомъ въ началѣ жизни, любопытство не позволяетъ имъ думать, да, наконецъ, новизна манитъ къ себѣ. Вы, можетъ быть, скажете, что я клевещу на женщинъ; нѣтъ, клянусь добромъ, въ которое я вѣрю, что я говорю истину.

...Одна вдова римлянка, на вопросъ, отчего она не выходитъ замужъ, отвѣчала: «Для меня мой мужъ существуетъ вѣчно». Вдовцомъ я отвѣтилъ бы то же самое. Можетъ ли отецъ воспитать дочь? Если онъ будетъ любить ее, если будетъ наблюдать за ней, слѣдить за каждымъ ея шагомъ, будетъ ласковъ и кротокъ, будетъ ли дочь съ нимъ откровенна? Скажетъ ли она, если полюбитъ кого-нибудь? Я не женщина и не могу рѣшить этихъ вопросовъ. Были бы вы откровенны съ такимъ отцомъ, о какихъ я говорю здѣсь? Сегодня я польстилъ своему самолюбію. Я думалъ, что когда, написавъ свой курсъ, я пошлю его къ Колѣ съ просьбой отдать въ печать, и о моемъ трудѣ узнаетъ П. И., то онъ похвалитъ меня, а новое доказательство къ убѣжденію П. И. въ моей дѣльности (которой, однако, я не признаю въ себѣ вполнѣ) заставитъ его смотрѣть на меня съ хорошей стороны. Это все очень важно для меня, я хочу, чтобы П. И. видѣлъ во мнѣ дѣльнаго человѣка, тогда согласіе его на исполненіе моего одного тайнаго непремѣннаго желанія будетъ болѣе обезпечено...

17-го іюля.

Вы не вѣрите въ счастье?.. Ахъ, вы мой другъ! Какъ же нѣтъ счастья? счастье есть—счастье въ супружеской жизни, въ любви супруговъ. Если жена любитъ своего мужа, она все можетъ перенести, для нея не сушествуетъ другого счастья, кромѣ любви мужа, и для мужа то же самое. Все счастье моей жизни будетъ заключаться въ любви моей жены, и съ этимъ счастьемъ я съумѣю побѣдить все горе, которое могу встрѣтить.

О, какая важная статья въ жизни откровенность между супругами; съ той минуты, когда одинъ изъ супруговъ обманулъ другого, или скрылъ отъ него что-нибудь, прощай любовь, прощай супружеское счастье. Я не знаю, какъ другіе смотрятъ на жизнь, но для меня цѣль моего созданія заключается въ назначеніи меня природой для супружества, и счастье моей жизни заключается въ бракѣ, и въ любви жены, да и что можетъ быть для меня нужно болѣе этого? А вотъ вамъ и анекдотъ, Людинька. Весною 1824 г., одинъ молодой человѣкъ пошелъ въ церковь (это было въ Соединенныхъ Штатахъ). Пораженный красотой, видомъ скромности и чистоты одной дѣвицы, сидѣвшей подлѣ него, молодой человѣкъ подалъ ей библію, указавъ на 5-й стихъ 2-го посланія Св. Іоанна, въ которомъ сказано: «И теперь я прошу тебя, женщина, чтобы мы любили другъ друга. Это неновая заповѣдь: она служитъ основаніемъ нашей жизни». Дѣвица прочитала и покраснѣла, она начала перелистывать Старый Завѣтъ и передала библію молодому человѣку, указавъ пальцемъ на стихъ книги Руѳи, который отвѣчаетъ Ноэми: «Не требуй, чтобы мы разлучились, и чтобы я удалилась отъ тебя, потому что я пойду повсюду, куда ты пойдешь, гдѣ ты утвердишь свое жилище, тамъ и я жить буду. Твоя страна будетъ моя страна, твой Богъ будетъ и мой Богъ». Черезъ 8 дней молодые люди были уже обвѣнчаны. Здѣсь кстати сказать и о красотѣ Библейскаго языка; посмотрите, какая сила рѣчи и какъ смѣшонъ и слабъ, послѣ этого, языкъ новѣйшихъ романовъ, а особенно французскихъ писателей.

21-го іюля.

Людинька, вы говорили мнѣ разъ, что я самоувѣренъ. Да я самоувѣренъ во многомъ, и увѣренъ въ двухъ вещахъ: первое, что не много на свѣтѣ людей, которые испытали бы чувство любви, которые женились бы по чувству, которые въ любви находились бы въ такихъ отношеніяхъ къ любимому предмету, какъ я; Людинька, это удѣлъ избранныхъ, и я избранный; второе: немногіе смотрятъ на женщину съ той точки, съ которой я смотрю на нее, которые хотѣли бы видѣть въ ней то, что я хочу видѣть. Я не сенъ-симонистъ, и не мечтаю, а смотрю на женщину съ положительной точки, и взявъ за основаніе

своего воззрѣнія прошлый 3-хъ-тысячелѣтній порядокъ вещей, требую отъ женщины чистоты, невинности, благородства, чувства, доброты, кротости и ума, требую возможнаго; я хочу уважать женщину, хочу поднять ее, а не втоптать въ грязь — воззрѣніемъ на нее съ точки чувственности, и уваженіемъ въ ней однѣхъ формъ не хочу оскорбить ее со стороны духа. Судите, есть ли основаніе самоувѣренности?

24-го іюля.

Я говорилъ уже вамъ о Рейтерѣ (нѣкто, бывшій въ Хивинскомъ походѣ). Сегодня жена его праздновала имянины и просила меня къ себѣ на пирогъ, т. е. ужинъ. Я люблю Рейтера и его жену чрезвычайно, дай Богъ, чтобы всѣ люди и супруги походили на нихъ. Въ знакомыхъ я не разбираю званія, но ищу человѣческаго достоинства. Теперь чудесный вечеръ, и Рейтеръ съ женой провожали меня, дорогой она говоритъ, что пора домой; «но къ чему, что вы будете дѣлать теперь дома?» спросилъ я. — «Будемъ сидѣть со старикомъ и смотрѣть другъ на друга». — «Неужели вы еще не насмотрѣлись до сихъ поръ?»—«Нѣтъ еще». Рейтеръ женатъ уже 16 лѣтъ. Въ словахъ жены не было ни полслова неправды. Дай Богъ, чтобы черезъ 16 лѣтъ мы еще не насмотрѣлись другъ на друга,—вотъ все, что я желалъ бы Людинька, когда мы будемъ жить съ вами вмѣстѣ.

27-го іюля.

Людинька! Вамъ извѣстны мои нѣкоторые недостатки, которые я сознаю въ себѣ, вамъ извѣстно, что я властолюбивъ, гордъ и не люблю быть вторымъ тамъ, гдѣ я могу быть первымъ.

Вы говорите, что я не великодушенъ; выслушайте меня, я невеликодушенъ съ сильными, не уступлю равному бойцу, и буду драться съ нимъ на смерть до тѣхъ поръ, пока онъ не положитъ оружія, я первый не положу его никогда, но съ слабымъ я не тотъ. Вы видѣли это на себѣ, дерзости и непріятности я говорилъ вамъ всегда до тѣхъ поръ, пока я видѣлъ, что вы боретесь со мною, желчь кипѣла во мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не видалъ, что огорчилъ васъ дѣйствительно, а тогда сожалѣніе и раскаяніе смѣняли во мнѣ досаду, я готовъ былъ просить у васъ прощеніе, развѣ я обижалъ когда-нибудь слабаго? развѣ я начиналъ войну съ тѣмъ, кто не могъ поднять противъ меня руки? Нѣтъ, но я не уступалъ никогда, никому, кто шелъ на меня непріязненно, будь это хоть слабый, и не переставалъ бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознавалъ, что слабѣе меня. Золъ и не великодушенъ только тотъ, кто обижаетъ лежачаго врага, мужчины всегда считались и будутъ считаться существами великодушными, но этого достоинства, точно такъ же какъ способности разсуждать и видѣть вещи немного дальше настоящаго времени, никто никогда не приписывалъ и не припишетъ женщинамъ. Еще разъ прошу васъ подумать о моихъ недостаткахъ

*

дѣйствительныхъ, а не тѣхъ, которые, не знаю почему, вы хотите приписать мнѣ; подумайте серьезно и скажите, можете ли вы любить меня съ ними и хотите ли избрать меня въ спутники своей жизни? Вы говорите, что никогда не согласитесь, что женщина ниже мужчины. Напрасно. Кто умнѣе, благоразумнѣе, хладнокровнѣе, кто предвидитъ лучше будущее, кто храбръ, великодушенъ, силенъ, неутомимъ, и т. д.? Мужчина, а не женщина. Женщина опять добрѣе, тоньше въ чувствованіяхъ, одарена отъ природы большимъ вкусомъ (впрочемъ, это еще сомнительно) и, кажется, больше ничего. Отнимите же отъ женщинъ тщеславіе, кокетство, вѣтреность, легкость характера, непостоянство, и онѣ были бы прекрасными существами. Въ своей женѣ я ищу именно отсутствія этихъ недостатковъ, и тогда женщина будетъ не только равна мужчинѣ относительно и даже выше его. Изъ замужнихъ женщинъ я, кажется, еще не уважалъ ни одной, изъ дѣвицъ же уважалъ старшую дочь Гурьевой, и уважаю Коржевскую именно за то, что она считаетъ кокетокъ пустыми женщинами. Все несчастье въ жизни мужчинъ и женщинъ происходитъ, большею частью, отъ легкости женщинъ и глупой ихъ страсти нравиться всякому мужчинѣ, если онъ хотя немного смазливъ; вы скажете, что это проявленіе чувства изящнаго, по крайней мѣрѣ это сказала бы Евгенія Егоровна, да, разумѣется, только, право, сказать по совѣсти, это самое смѣшное направленіе чувства изящнаго, которое безпрестанно доводитъ женщинъ до самой неизящной дороги—дороги разврата; а кажется, изящное должно вести къ изящному.

1-го августа.

Сегодня я думалъ о томъ, какимъ уваженіемъ окружу я васъ, какъ я заставлю дѣтей нашихъ уважать васъ, и какъ вы сами будете уважать себя, потому что найдете себя достойною уваженія. Вотъ моя молитва:

«Господи, сотворивый небо и землю, создавый меня раба Твоего, раба рабыни Твоей, молю убо Тебя Боже мой, даждь ми духъ кротости, смиренія, любви и цѣломудрія, повѣдай мнѣ законы путей Твоихъ въ людяхъ Твоихъ, подай мнѣ подругою Людиньку, посѣти ее кротостью и любовью къ рабу Тебя недостойному, и да благость Твоя прольется на домъ мой, на родъ мой во вся дни живота его».

2-го августа.

...Сейчасъ вспомнилъ, что я не молился сегодня, а потому я попросилъ у Бога прощенія, и помолился ему, и вспомнилъ о забывчивости, когда сѣлъ писать журналъ...

Вы требовали отъ меня, чтобы я написалъ о вашихъ недостаткахъ; но какіе у васъ недостатки, то вы сами знаете ихъ; да имѣю ли я право знать ваши недостатки, когда я самъ очень и очень несовершенный человѣкъ?

6-го августа.

...На клочкѣ газеты, въ которую былъ завернутъ мой смычекъ, я нашелъ сегодня прекрасные стихи; какую гордость и силу души я почувствовалъ, прочитавъ ихъ,—я почувствовалъ, что во мнѣ есть сила духа, есть воля, и, право, Людинька, я не такой трусъ, какъ вы думаете. Мысль дѣльная, отъ сердца выраженная сильно, производитъ на меня удивительное впечатлѣніе, мнѣ дѣлается и холодно, и жарко, и я чувствую, что силы мои крѣпнутъ, и я расту. Вотъ стихи, которые произвели на меня такое впечатлѣніе:

«И гдѣ же вамъ любить, и гдѣ же вамъ страдать
Страданіемъ любви Распятаго за братій?
И гдѣ же вамъ чело безтрепетно поднять
Предъ взмахомъ топора общественныхъ понятій?
Нѣтъ, нѣтъ, вамъ путь иной, и крестъ не вамъ нести:
Тяжолъ, не по плечамъ, и вы на полпути
Сробѣете предъ общимъ крикомъ,
Зане на трапезѣ божественной любви
Вы не причастники, не ратоборцы вы
О благородномъ и великомъ».

Отчего подобные стихи попадаются рѣдко? Прочитавъ ихъ, чувствуешь себя гораздо лучше.

7-го августа.

...Сегодня я нашелъ въ себѣ громадный недостатокъ,—слѣдствіе ложнаго направленія понятія о вѣжливости, я заразился имъ еще отъ полированной петербургской молодежи; это слабость угождать человѣку, имѣющему большее меня значеніе. Мнѣ ужасно стыдно за себя, потому что подобные поступки суть маленькая подлость. Человѣкъ, который говоритъ съ другимъ и улыбается какъ-то сладко, подобострастно, повѣрьте, подличаетъ. Странно — я гордъ, и даже очень гордъ, и хотя рѣдко, однако все-таки оскорбляетъ значеніе свое подобастрастной улыбкой. Полезно углубляться въ себя, полезно, читая книги и видя разные характеры, сравнивать себя съ ними, безпристрастно, въ глубинѣ своей души человѣкъ всегда найдетъ какую-нибудь черноту, и когда человѣкъ хочетъ быть человѣкомъ, онъ сотретъ ее, какъ пятно съ зеркала.

14-го августа.

...Клоссе не сознается, но мнѣ кажется, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мужчинъ, которые лучшую сторону брака видятъ въ его матеріальныхъ отношеніяхъ между супругами. По моему, бракъ не въ этомъ: жена моя будетъ моимъ единственнымъ другомъ, я окружу ее любовью и уваженіемъ; наши житейскія обязанности будутъ раздѣлены на двѣ половины; я буду дѣйствовать внѣ дома, жена же моя будетъ завѣдывать внутреннимъ управленіемъ, мы будемъ жить хорошо, по-

тому что будемъ друзьями и станемъ любить другъ друга, что бы ни было въ будущемъ, какъ бы ни были тяжелы мои обязанности, я понесу ихъ безъ ропота, потому что, женясь, я зналъ, что дѣлаю, зналъ, что отъ будущаго я могу ожидать и хорошаго, и дурного, и буду всегда вѣренъ своему долгу, потому что только въ этомъ и заключается благо семейной жизни...

22-го августа.

Разговоръ съ Рейтеромъ заставляетъ меня всегда бояться дурного, у меня является какое-то смиренное состояніе духа, и я боюсь дурного, боюсь всего того, что́ можетъ помрачить мои понятія о чистотѣ тѣла и нравственности. Хотя я вообще имѣю нравственное направленіе, но мыслью погрѣшаю иногда противъ чистоты души и тѣла; я понимаю это и стараюсь отвратить грѣшную мысль, но какъ сильна плоть человѣка; матерія борется вѣчно съ духомъ, духъ хотя и побѣждаетъ, однако не иначе, какъ послѣ борьбы съ матеріей. Мои матеріальныя мысли вертятся только на супружескихъ отношеніяхъ, но мнѣ не нравится это, мнѣ хотѣлось бы побѣдить совершенно плоть духомъ, и матеріальныя отношенія довести до той степени чистоты, чтобы они облекались въ форму духа, не имѣли бы ничего сознательнаго (единственный случай, когда сознаніе не должно быть въ человѣкѣ), чтобы плоть дѣйствовала только черезъ посредство духа, и мысль о матеріализмѣ не смѣла бы закрасться въ матеріальное. Въ этомъ случаѣ супружество будетъ высокою духовной связью, и супруги всегда будутъ выше и мужчины, и женщины, взятыхъ какъ представителей пола, между супругами будетъ уваженіе, основанное на сознаніи своей духовности, между ними будетъ великая любовь. Пускай человѣкъ пойметъ хорошо важность духовности во всемъ, и въ особенности въ половыхъ отношеніяхъ устранитъ мысль о матеріальномъ и о наслажденіяхъ плоти, и какъ противно-мерзки ему будутъ тогда взгляды многихъ мужчинъ и женщинъ. Людинька, понимаете ли вы меня *хорошо*— не знаю, но если вы понимаете меня, то вы скажете, что я говорю истину, но нравственность, которую я хотѣлъ бы требовать отъ людей вообще, и отъ супруговъ въ особенности, есть чистая нравственность, предложенная намъ Христомъ, и основанія которой есть въ сердцѣ человѣка. Горе въ томъ, что намъ никто не внушаетъ ихъ, и спросите у людей, что такое нравственность — многіе встанутъ втупикъ, особенно женщины. Дѣвицы же, я убѣжденъ, рѣшительно не понимаютъ, какъ слѣдуетъ, что такое духовность въ человѣкѣ, а какъ главнѣйше должна она проявляться въ человѣкѣ. Вотъ истины, которыя я говорю вамъ, потому что желаю вамъ добра въ будущемъ; въ настоящее время, вы, какъ дѣвица, духовны, и матеріализмъ вслѣдствіе безсознательности и незнанія *коротко* многихъ отношеній людей, облекается въ васъ въ форму духа, но нужно, чтобы эта безсознательная матеріаль-

ность осталась въ васъ навсегда; даже и тогда, когда матеріализмъ возстанетъ передъ вашими глазами вполнѣ. Людинька, мнѣ кажется, что я нагородилъ дичь,—вѣдь я не знаю женщины... нѣтъ, не правда, люди всѣ люди,—я хотѣлъ сказать, что женщина духовное существо, и любитъ духовно, да, это правда, но только до тѣхъ поръ, пока она не испытала матеріальныхъ отношеній; если женщина уже сидѣла очень близко къ мужчинѣ, она захочетъ опять сѣсть также близко, а это что? тотъ же матеріализмъ, но только безсознательный, и пусть онъ только останется навсегда между людьми, потому что тогда духъ будетъ управлять тѣломъ, а не тѣло духомъ. Не знаю, что вы скажете на мой сегодняшній журналъ, только не браните меня, и если не поймете меня вполнѣ, не назовите съумасшедшимъ—я говорю прямо отъ сердца, и готовъ защищать то, что̀ сказалъ вамъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ...

2-го сентября. Самара.

...Читая вашъ журналъ, гдѣ вы говорите, чего требуете отъ своего мужа, я чувствовалъ, что мое сердце сжалось, и я испугался за себя. Людинька, вы хотите, чтобы мужъ былъ въ зависимости отъ жены, и тогда только видите возможность равенства. Но я хотѣлъ бы спросить у васъ, что вы понимаете подъ словомъ равенство? Равенство матеріальное всегда было между супругами, т. е. жена пользовалась одинаковыми правами за обѣдомъ, чаемъ, въ удобствахъ жизни, и хозяйствѣ съ своимъ мужемъ, и даже была больше его, потому что мужья ѣдятъ обыкновенно то, что̀ велятъ приготовить для нихъ жены, равенства же духовнаго я рѣшительно не понимаю. Если жена командуетъ мужемъ, и служитъ ему во всемъ руководителемъ, то у такого мужа нѣтъ на плечахъ головы, а если и есть голова, то въ этой головѣ пусто, какъ въ пустомъ горшкѣ; если мужчина отдался во власть женщины, въ его сердцѣ нѣтъ воли и характера, а мужчина безъ характера и воли не мужчина, а женщина. Вотъ какимъ образомъ я понимаю мужчину: мужчина долженъ быть уменъ, добръ, кротокъ, благоразуменъ, разсудителенъ, съ характеромъ, волей (не упрямствомъ) и великодушенъ. Женщина тоже должна имѣть тѣ же достоинства, но они будутъ въ ней всегда въ слабѣйшей степени; если женщина видитъ, что она умнѣе и выше характеромъ своего мужа, она не будетъ любить его, потому что не станетъ уважать своего мужа. Да и скажите мнѣ, что это за мужчина, который слабѣе женщины, и возможно ли счастье тамъ, гдѣ женщина глава семейства. Мнѣ смѣшна женщина, когда она беретъ на себя ту власть, которую не думалъ давать ей Богъ, и жалокъ мужчина, если онъ въ рукахъ своей жены. Въ семейной жизни мужъ и жена равны по правамъ своимъ, и правъ изъ нихъ тотъ, кто говоритъ дѣло, спору о справедливости требованій съ чьей-либо стороны быть не можетъ, когда супруги умны и разсудительны и знаютъ, что можно требовать другъ отъ друга. Какъ мужъ,

я подчинюсь своей женѣ въ дѣлѣ сердца, потому что мое сердце крѣпче сердца женщины, но какъ мужчина я буду жить своей головой, а не головой жены. Мое понятіе о равенствѣ держится вотъ на какомъ убѣжденіи: мужчина умнѣе женщины и выше ея характеромъ, слѣдовательно, эта часть должна быть въ управленіи мужа; женщина выше мужчины своимъ сердцемъ, и потому женщина должна быть главою дѣлъ сердца. Въ супружеской жизни великодушіе и любовь мужа къ женѣ самыя важныя обстоятельства, и они возможны только тогда, когда мужъ чувствуетъ свое превосходство надъ женою; передайте эту власть женщинѣ—и мужчина, сознающій себя, будетъ стыдиться за свое ничтожество и не станетъ никогда любить жену.

Знаете ли что, Людинька, прошу васъ только не сердитесь на меня, идея равенства привилась вамъ, вѣроятно, отъ маменьки, но не вытекаетъ изъ требованій вашего сердца; разберите этотъ предметъ построже, и вы увидите, что въ природѣ нѣтъ равенства. Возьмите двухъ людей, которые не знали никогда другъ друга, поставьте ихъ рядомъ, послѣ двухъ словъ, сказанныхъ однимъ и другимъ, одинъ непремѣнно подчинится другому. Равенство супружеское, которое я проповѣдую, должно заключаться въ томъ, чтобы сильнѣйшій не смѣлъ сказать: «я требую», не смѣлъ показывать своего превосходства и не думалъ бы важничать своею силою. Жизнь супруговъ должна быть основана на товариществѣ, въ которомъ равенство есть первое основаніе благоденствія. Понимая, что я мужъ, я подчиняюсь своей женѣ, я буду дѣлать только то, что захочетъ моя жена, я убѣжденъ, что добрая, любящая, нѣжная жена всегда больше своего мужа, потому что на ея сторонѣ сердце. Въ дѣлѣ подчиненія выйдетъ то, что вы хотите, но основаніемъ подчиненія будетъ не ваша идея. Вы хотите, чтобы мужъ подчинялся женѣ по закону равенства и по убѣжденію, что жена лучше съумѣетъ управлять супружескимъ счастьемъ, а я подчинюсь своей женѣ, какъ существо, сознающее свою силу и крѣпость, которое отказывается отъ этихъ правъ, потому что хочетъ находиться подъ вліяніемъ любви. По вашему выходитъ, что женщина глава, потому что она сильнѣе, по моему же потому только, что она слабѣе. Вотъ мысль, которую я хотѣлъ передать вамъ. Я отдаю вамъ власть, не по сознанію своего безсилія, а по великодушію...

...Я не хочу имѣть такую мебель, какъ у всѣхъ, я не хочу подчиниться вкусу столяра и сидѣть на такомъ стулѣ, какой ему угодно, я хочу имѣть мебель по себѣ, хочу, чтобы моя личность отражалась во всемъ моемъ, даже въ мебели, чтобы все принадлежащее мнѣ, и окружающее меня, было пропитано мною, и составляло часть моей мысли, моего сердца, было родственно съ моимъ *я*, тогда только я буду любить все окружающее меня, и окружающее меня будетъ любить меня. Людинька, вы скажете, что это эгоизмъ, да—эгоизмъ, но такой, котораго человѣкъ не долженъ стыдиться, потому что онъ основанъ на законѣ сочувствія, на законѣ любви.

4-го сентября.

Я забылъ написать вамъ вчера о достоинствахъ, которыя хотѣлъ бы найти въ женѣ,—вы простите меня за это,—мое мнѣніе объ этомъ предметѣ будетъ ниже. Сегодня я былъ у обѣдни, было торжественное молебствіе, всѣ были въ мундирахъ—я же въ сюртукѣ, и потому послѣ проповѣди ушелъ сейчасъ же домой, т. е. не прямо домой, а заѣхалъ въ лавку и купилъ Библію. Я хочу не только прочесть ее, но выучить всю наизустъ. Священникъ говорилъ сегодня о бракѣ, — половину проповѣди я не слыхалъ, но то, что досталось на мою долю было совершенно согласно съ закономъ понятій моего сердца, и моей головы. Мужъ глава семейства по крѣпости тѣла и уму, онъ любитъ и заботится о благоденствіи своего семейства, онъ кротокъ и снисходителенъ, онъ добръ, предупредителенъ; жена равная мужу по обязанностямъ, вторая во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, потому что она слабѣе,—жена любитъ своего мужа, любитъ свое семейство. Супруги остерегаются всѣхъ случаевъ, которые могутъ подать поводъ недовѣрять другъ другу, они вѣрны въ любви, жена не соблазняется даже взглядомъ на посторонняго мужчину, а мужъ на постороннюю женщину. Я становлю женщину (жену) гораздо выше, чѣмъ становятъ ее другіе мужья. Мужчины говорятъ, что не обо всемъ слѣдуетъ говорить женѣ—я же утверждаю напротивъ, что именно обо всемъ слѣдуетъ говорить,—чтобы ни въ одномъ дѣлѣ никогда не было задней мысли, жена будетъ знать меня такъ же хорошо, какъ свою рабочую шкатулку. Вотъ еще доказательство, почему жена, при всемъ своемъ равенствѣ вторая: ни одинъ мужъ не знаетъ своей жены такъ, какъ она знаетъ мужа; отъ жены не ускользаетъ ни одна черта мужа, и объ этомъ позаботилась природа, которая вложила въ сердцѣ женщины законъ зависимости, сильный не можетъ знать такъ слабаго, какъ слабый сильнаго...

Люди ничего не могутъ дѣлать сами, хотя они гордятся своимъ человѣчествомъ. Ложась вчера спать, я считалъ свои деньги, и преисполнялся благоговѣнія и благодарности къ Богу,—я уже сдѣлалъ очень много для хозяйства, и не смотря на то, имѣю еще 500 руб. сер.,—деньги эти плодъ честнаго труда. Посмотрите, какъ во всемъ видна благость Божія: мнѣ слѣдовало получить премію въ прошедшемъ году, но въ совѣтѣ министерство пропустило мою фамилію—и премія пришла ко мнѣ нынче, когда она дѣйствительно нужна мнѣ. Я благодарилъ Бога за все, что онъ дѣлалъ для меня, очень тепло. И что мнѣ нужно? Всѣ желанія мои исполняются: я ревизоръ, имѣю деньги, и вы будете моя, Людинька. Нужно, чтобы мы были хорошіе люди, хорошіе супруги, чтобы любили другъ друга крѣпко, помогали одинъ другому въ бѣдѣ,были снисходительны, кротки, и будьте увѣрены что Богъ благословитъ нашъ союзъ, въ насъ и въ нашихъ дѣтяхъ.

5-го сентября.

Былъ въ управленіи и усталъ ужасно. Павелъ купилъ 800 огурцевъ, 120 арбузовъ, двѣ кадки; завтра начнется соленье и тѣхъ и другихъ. Знаете-ли, что стоятъ 120 арбузовъ? Рубль двадцать коп. ассигнаціями. Этого мало. Павелъ взялъ еще въ придачу десять арбузовъ и одну дыню. Мнѣ ужасно хотѣлось бы попотчивать васъ арбузами, а какіе арбузы! Сладкіе, какъ сахаръ...

6-го сентября.

Сегодня отправилъ письмо къ маменькѣ, прося ея благословенія, и къ Петру Ивановичу, прося его согласія. Если П. Ив. не согласится, я все-таки пріѣду за вами, я уже составилъ сегодня планъ, какимъ образомъ мы уѣдемъ съ вами, если вы будете жить въ деревнѣ. Вотъ и теперь, пиша этотъ журналъ, я замечтался; я вамъ скажу, какой составилъ сейчасъ планъ. Я пріѣду въ Шальдиху, оставлю экипажъ и человѣка тамъ, и самъ, переодѣвшись ямщикомъ, пріѣзжаю на тройкѣ ямскихъ въ Подолъ, вы садитесь въ телѣгу, потому что вамъ хочется прокатиться на ямскихъ, и я увожу васъ изъ деревни, и тогда прощай, Подолъ, прощай для васъ и можетъ быть навсегда; мнѣ кажется, что въ Самарѣ вы будете жалѣть и грустить о своемъ домѣ, вы будете вспоминать о родномъ кровѣ, въ которомъ останется такъ много воспоминаній счастливой молодости, времени кокетства съ Измайловымъ и т. д. Въ Самару же вы пріѣдете для обязанностей, и въ нихъ должны искать радостей и своего счастья. Мужчина рано знакомится съ обязанностями и скоро привыкаетъ къ нимъ, не ища постороннихъ радостей; подобный переломъ въ женщинѣ, мнѣ кажется, дѣлается не такъ легко.

8-го сентября.

Что вы начали писать въ другомъ журналѣ? Прошу васъ очень, очень напишите мнѣ. Если меня не любитъ кто-нибудь, я обвиняю въ этомъ себя, если я не люблю кого-нибудь, то тоже обвиняю себя, потому что не имѣю достаточно кротости и не умѣю заставить себя полюбить другого; чтобы быть лучше, надобно умѣть обвинять себя чаще, потому что рѣшить совершенно справедливо, кто правъ, кто виноватъ— самая трудная вещь; вы не найдете въ мірѣ ни одного человѣка, который былъ бы виноватъ: всѣ правы, а въ такомъ случаѣ надобно умѣть принимать вину на себя.

9-го сентября.

Вы спрашиваете меня, разувѣрился ли я, что мужчина болѣе матеріалистъ, чѣмъ женщина. Да, Людинька, я прежде думалъ одно, потомъ другое, а теперь какъ подумалъ, такъ и вижу, что я ничего не понимаю. Не думайте, что этотъ вопросъ легко рѣшить. По физическому устройству мужчина болѣе матеріалистъ, потому что онъ крѣпче, по духовному устройству онъ менѣе матеріалистъ, тоже потому, что онъ крѣпче женщины. Отъ физическихъ и вообще матеріальныхъ причинъ

мужчина зависитъ менѣе женщины, зубная боль или какія бы то ни было болѣзни не имѣютъ на мужчину такого вліянія, какъ на женщину; въ мужчинѣ работаетъ постоянно духъ, воля мужчины рѣдко подчиняется его тѣлу, и вообще въ жизни мужчины вы замѣтите всегда дѣятельность души въ хорошемъ или дурномъ проявленіи—это все равно, мужчину постоянно шевелитъ: или корыстолюбіе, или честолюбіе, гордость или какая-нибудь другая сторона духа, мало зависящая отъ тѣла. Бываютъ ли и могутъ ли быть въ женщинѣ подобныя вещи по ея природѣ? Не думаю. Женщина всегда въ зависимости отъ своего тѣла; посмотрите, сколько у женщинъ разныхъ болѣзней, которыхъ мужчина не знаетъ, взгляните, наконецъ, на самое назначеніе женщины: быть матерью и кормилицей, какая сторона работаетъ тутъ? матеріальная; наконецъ, разберите мужчину и женщину физіологически: въ женщинѣ развита растительная дѣятельность, въ мужчинѣ—животная.

На матеріальность мужчины вы смотрите не какъ женщина, а какъ дѣвица, одѣтая мантіей скромности и стыдливости. Васъ задѣваетъ, что мужчина смотритъ на женщину, какъ на прекрасную форму и не замѣчаетъ стороны ея духа. Но матеріалистъ ли оттого мужчина? пускай женщина съумѣетъ дать пищу душѣ мужчины, пускай она не дѣйствуетъ на него только своими формами. А то женщины наши, не вникнувъ въ эти вещи, обвиняютъ мужчинъ въ томъ, въ чемъ виноваты сами, или справедливѣе, чего хотѣла природа, создавая человѣка. Относительно ума, воли, крѣпости духа и тѣла мужчина чувствуетъ свое превосходство надъ женщиной, и женщина сознаетъ превосходство надъ собой въ этомъ случаѣ мужчины; остается сердце, которое у женщинъ мягче мужского. Устрой природа человѣка такъ, чтобы не женскія формы разгорячали воображеніе мужчины, а мужскія—воображеніе женщины, женщина ничего бы не значила, потому что не имѣла бы ровно никакихъ преимуществъ передъ мужчиною. Что, если бы при своемъ умѣ, волѣ и характерѣ мужчина стоялъ бы такъ, что женщины ухаживали бы за мужчинами? что осталось бы тогда на сторону женщинъ? могли ли бы онѣ тогда имѣть какую-нибудь цѣну?

Наконецъ, чтобы судить вполнѣ, кто матеріалистъ болѣе, мужчина или женщина, надобно быть не дѣвицей, а дамой. Увидѣвъ яблоко, человѣкъ восхищается сначала его ароматомъ, а вкусивъ этотъ плодъ, еще трудно рѣшить, что нравится болѣе: плодъ ли, или ароматъ его. Точно такого же рода отношеніе дѣвицъ къ мужчинамъ: дѣвицы восхищаются ароматомъ плода, мужчины же, знакомые съ плодомъ короче, не скрываютъ своего желанія вкусить его, а это-то и оскорбляетъ скромность и невинность дѣвицъ. О заключеніи всего этого я ничего не говорю. Вы напишете свое мнѣніе на мои слова, рѣшите основательно ли я говорю, и увѣдомьте меня, кто правъ. Не составляю себѣ окончательнаго приговора о матеріализмѣ до полученія отъ васъ письма.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОНЪ КОЛОДНИКА

(Памяти Ѳ. М. Достоевскаго).

Весь вечеръ слушалъ я, охваченъ дрожью гнѣвной,
До глубины души взволнованъ, потрясенъ
Бесѣдой дикой ихъ и темнотой душевной...
И тщетно силился прервать гнетущій сонъ!
Кровь, сцены грабежа—и хохотъ безсердечный...
Напрасно въ глубь себя замкнуться я хочу,
Васъ, тѣни милыя, вашъ обликъ человѣчный
Съ болѣзненной тоской вездѣ кругомъ ищу.
Ищу, зову, молю... Увы! лишь на мгновенье,
Со взоромъ полнымъ слезъ, блеснете вдалекѣ
И скроетесь тотчасъ въ испугѣ и смущеньи...
И я опять одинъ, мечусь въ бреду, въ тоскѣ!

О, злобный фарсъ судьбы!.. Какъ жадною мечтою
Я рвался въ вышину къ лазурнымъ небесамъ,
Какъ міръ хотѣлъ обнять восторженной душою—
И вотъ товарищъ я злодѣямъ и ворамъ!
Мой міръ сталъ міръ убійцъ... Громами обличенья
Перерождать сердца мнѣ дара не дано;
Искать луча небесъ на глубинѣ паденья—
Хвалы достойный трудъ, но... онъ свершенъ давно!
Уставъ изображать героя слезной драмы,
Гремушками ль шута я долженъ потрясать?
Я—факелъ, брошенный на дно вонючей ямы,
Гдѣ можно только тлѣть и тихо угасать.
Умри жъ, безумный вопль! Мечты борьбы, усните!
Хотя бъ себя спасти, хотя бы честь сберечь...

О, радость! ночь близка... Ужъ путаются нити
Разбившихся бесѣдъ, лѣнивѣй льется рѣчь.
И ангелъ сна прошелъ надъ мрачною тюрьмою—
Какъ трупы, полегли колодники кругомъ.

Тускнѣетъ лампы свѣтъ... И, споря съ тишиною,
Ударилъ барабанъ,—знакомый мѣрный громъ.
Мнѣ онъ не вѣстникъ сна. Таинственный и властный,
Онъ говоритъ: „Воспрянь! желанный мигъ насталъ.
Они идутъ къ тебѣ, друзья поры прекрасной,
Которыхъ жаждалъ ты и такъ напрасно звалъ.
„Ты слышишь легкій шумъ поспѣшныхъ дуновеній?
То шелестъ крыльевъ ихъ... Смотри: изъ всѣхъ угловъ,
Со всѣхъ сторонъ заплаканныя тѣни
Знакомцевъ дорогихъ... Ты слышишь нѣжный зовъ:
„— Очнись, страдалецъ нашъ! Лови часы свободы,
Стряхни сомнѣній гнетъ, ты нами не забытъ.
Ты такъ же дорогъ намъ и въ эту ночь невзгоды
Подъ властью мелочныхъ гоненій и обидъ.
„— Гордись! къ тебѣ пятно позора не пристало...
Склонись на нашу грудь, на любящую грудь,
Повѣдай намъ всю боль души твоей усталой,
Такъ жадно рвущейся отъ странствій отдохнуть!
„— О, потерпи, родной! Желанный отдыхъ скоро—
Ужъ виденъ мирный кровъ и кипарисовъ тѣнь.
Страданью есть вѣнецъ, какъ правдѣ нѣтъ позора!
Что̀ ночь, когда за ней сіяетъ вѣчный день?“

П. Я.

ЧЕРНЫЙ ФЛАГЪ.

(Степные очерки).

I.

Городъ Курдюмъ находится въ дореформенныхъ степяхъ южной Россіи.

Немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, на этомъ мѣстѣ разстилалось широкое пространство зеленой пустыни, паслись косяки дикихъ лошадей, да изрѣдка попадались войлочныя кибитки ихъ хозяевъ, калмыковъ.

Когда пустыня начала наполняться пришельцами, которые строили избы, пахали дѣвственную землю, проводили почтовыя дороги,—туземцы отодвигались понемногу въ глубину степи, а на покинутыхъ ими мѣстахъ быстро возникала деревня за деревней. Наконецъ, появился и „городъ“ Курдюмъ, въ качествѣ центральнаго мѣста.

Курдюмъ, въ сущности, очень мало походилъ на городъ, развѣ только шириною своихъ длинныхъ улицъ, изъ которыхъ иныя были бы подъ стать и столицѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался административнымъ центромъ уѣзда, между представителями правящихъ классовъ произошло молчаливое соглашеніе называть это огромное село городомъ, или даже „Курдюмскомъ“. Курдюмскъ звучитъ какъ-то солиднѣе и еще больше подходитъ къ названію настоящаго города.

Много было мѣста посреди широкой калмыцкой степи, всякому хотѣлось захватить себѣ побольше простора и „городъ“ раскинулся въ длину на нѣсколько верстъ, съ огромною площадью въ центрѣ, гдѣ высится каменная церковь съ неуклюжей бѣлой колокольней, окруженная садикомъ изъ чахлыхъ акацій.

На площади стоятъ и лучшіе дома, занятые чиновниками и уѣздными учрежденіями. Только здѣсь можно увидѣть желѣзныя крыши, выбѣленныя стѣны, крашенныя ставни и чистыя оконныя стекла.

Отъ центра тянутся въ разныя стороны длинныя деревенскія улицы, гдѣ живутъ остальные обыватели „города", крестьяне села Курдюма. Дальше идутъ поселки Малый Курдюмъ, Рокшаново, Берберово, Юханцы; а еще дальше стелется бурая степь, пересѣкаемая дорогами, скупая степь, которая только послѣ обильныхъ дождей зеленѣетъ и украшается разноцвѣтными дикими тюльпанами.

Всѣ какъ бы забыли городъ Курдюмскъ. Давно онъ не подвергался никакимъ нововведеніямъ. Новѣйшія вѣянія проявились здѣсь только въ видѣ расторопнаго и усерднаго урядника Собачкина.

Главнымъ центромъ, сосредоточивавшимъ въ себѣ всѣ служебные и общественные интересы, было полицейское управленіе. „Начальникъ уѣзда", какъ называло общество своего исправника Петра Петровича Тюльпанова, игралъ выдающуюся роль среди мѣстной интеллигенціи.

Было одиннадцать часовъ. Аккуратный Петръ Петровичъ уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ около окна, откуда открывался видъ на площадь, на церковь и большую почтовую дорогу.

Пріятно позѣвывая, Петръ Петровичъ протянулъ пухлую руку къ аккуратной горкѣ казенныхъ пакетовъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ, просмотрѣлъ одинъ, другой, и бросилъ: „все о чумѣ, да о чумѣ! Это можетъ надоѣсть, въ концѣ концовъ! Пусть ужъ Эмилій Маріусовичъ читаетъ всю эту скуку"...

Думая такъ, Петръ Петровичъ всталъ и, подойдя къ тщательно запертой конторкѣ, остановился въ раздумьи.

Наконецъ, онъ улыбнулся, открылъ конторку и вынулъ оттуда нѣсколько нумеровъ „Областныхъ Вѣдомостей", гдѣ когда-то помѣщались плоды вдохновеній его молодости.

— Да... гм... да...—пробормоталъ Петръ Петровичъ,—да... „Гибокъ, строенъ тонкій станъ молодой грузинки"... Ну, впрочемъ... гм... это не то...

Вздохнувъ о невозвратной порѣ юности, онъ уже больше не обращалъ вниманія на пожелтѣвшіе газетные листочки, а занялся тетрадью, на первой страницѣ которой стояло заглавіе: „Необходимость и способы облѣсенія мѣстностей степного края".

Статья была почти кончена; но что подѣлаешь съ приставомъ третьяго стана, который до сихъ поръ не доставляетъ необходимыхъ свѣдѣній по своему району! Изъ за него этотъ капитальный трудъ лежитъ въ конторкѣ безъ пользы для населенія... А вѣдь какая простая мысль! Нужно только приказать всякому мужику явиться въ извѣстное мѣсто и насадить нѣсколько штукъ саженцевъ... Сколько же деревьевъ можетъ быть насажено въ годъ при такой системѣ? Мужского населенія, считая парней съ восемнадцати лѣтъ, у насъ въ уѣздѣ... приблизительно...

Петръ Петровичъ отошелъ отъ конторки съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: ну, сколько разъ приказывалъ онъ секретарю Острожникову составить статистическую таблицу со всевозможными свѣдѣніями, вѣдь въ ней случается постоянная надобность! Да, впрочемъ, развѣ кто-нибудь понимаетъ здѣсь важность статистики? Надо строго приказать, чтобы таблица была готова къ понедѣльнику и вывѣшена на стѣнкѣ.

Петръ Петровичъ повернулся къ двери, выходившей въ канцелярію; но, медлительный въ своихъ движеніяхъ, по случаю нѣкоторой тучности, онъ не успѣлъ еще пройти и половины комнаты, какъ невиданное зрѣлище на улицѣ, заставило его забыть неаккуратность Острожникова и съ возможной поспѣшностью броситься къ окошку.

По улицѣ ѣхала телѣга съ какимъ-то невиданнымъ звѣремъ, лежавшимъ поверхъ ея на соломѣ. За телѣгой, привязанный рогами къ перекладинѣ, шелъ другой такой же звѣрь, въ которомъ Петръ Петровичъ узналъ, наконецъ, буйволицу.

— Откуда они?—подумалъ онъ вслухъ,—кто ихъ купилъ? Не будутъ ли ихъ рѣзать? Надо поскорѣе послать Марѳу, чтобы она взяла весь филей...

Петръ Петровичъ хотѣлъ въ форточку окликнуть мужика, шедшаго рядомъ съ буйволицей, но раздумалъ и, набросивъ шинель, вышелъ на улицу.

Телѣга повернула къ дому богача кабатчика Агриппина Михайловича Ападульчева.

— Ага,—пробормоталъ Тюльпановъ, направляясь туда же,—недаромъ онъ ѣздилъ на Кавказъ, вотъ себѣ и привезъ.

Во дворѣ около телѣги съ буйволомъ уже стоялъ Агриппинъ Михайловичъ съ женою и дѣтками.

— Вотъ это такъ дичь!—сказалъ Тюльпановъ, здороваясь съ хозяевами,—гдѣ это вы такихъ молодцовъ подстрѣлили?

— Братъ подарилъ,—отвѣчала за мужа госпожа Ападульчева.

— Не знаю только, привыкнутъ ли къ нашему климату?—прибавилъ Агриппинъ Михайловичъ, заботливо оглядывая новую собственность.

— Привыкнутъ... они ко всему привыкаютъ,—авторитетно заявилъ Петръ Петровичъ, похлопывая по бедру буйволицу,—а этотъ лѣнтяй, ея теленокъ?

— Нѣтъ, это бугай,—отвѣчалъ мужикъ, привезшій скотину,—онъ, ваше благородіе, очень усталъ за дорогу; ослабъ, значитъ, пришлось везти на телѣгѣ.

— Папа, пусть онъ встанетъ,—сказала Людмила, хорошенькая пятнадцатилѣтняя дочка Ападульчева,—вставай, лѣнивый!

Дѣвица дотронулась пальцемъ до могучей спины буйвола; но

тотъ и не пошевелился. Тогда Агриппинъ Михайловичъ хлопнулъ его посильнѣе, и также безъ результата; только шерсть на хребтѣ бугая нѣсколько взъерошилась, да на спинѣ кожа поднялась волнистой линіей.

Видя такое непослушаніе, Петръ Петровичъ рѣшилъ употребить въ дѣло „власть предержащую", нисколько не сомнѣваясь, что такая крайняя мѣра приведетъ упрямца къ повиновенію.

— Вставай же... ты!—внушительно сказалъ онъ, похлопывая крѣпкую шею животнаго своей пухлой рукой, украшенной сердоликовымъ перстнемъ,—полно лѣниться.

Мгновеніе Петръ Петровичъ постоялъ около, ожидая результатовъ отъ своихъ словъ, но буйволъ оказывался самымъ наглымъ упрямцемъ и даже не шевельнулся.

— Это однако ужъ слишкомъ,—замѣтилъ Петръ Петровичъ, котораго всегда выводило изъ себя всякое упорство; а тутъ особенно, при дамахъ... и при народѣ...

Короткая шея Петра Петровича покраснѣла, нѣсколько выпуклые глаза покрылись сѣтью кровавыхъ жилокъ, и онъ, закусивъ нижнюю губу, принялся колотить звѣря своей шашкой.

Во дворъ мало-по-малу набралась порядочная группа любопытствующихъ мужиковъ, за которыми прятались бабы, скромно выглядывавшія изъ за ихъ спинъ. Тутъ же стояло нѣсколько скуластыхъ калмыковъ въ красныхъ кафтанахъ, которые пріѣхали по дѣламъ въ волостное правленіе, но по пути завернули во дворъ Ападульчева на развлеченіе.

Буйволъ не вставалъ, не смотря на понуканіе Петра Петровича. Наконецъ, послѣдній усталъ; одышка заколыхала его полное тѣло и круглый животъ, а результатовъ никакихъ не получалось. Группа любопытствующихъ начинала волноваться и подавать разные совѣты.

— За рога его!—говорилъ одинъ изъ зрителей.

— За хвостъ лучше,—возражалъ другой.

— Чего тамъ за хвостъ! Бери прямо за всѣ за четыре ноги, да и ставь на землю.

Но, не смотря на обиліе остроумныхъ предложеній, дѣло впередъ не подвигалось,—буйволъ продолжалъ лежать на соломѣ, лѣниво пережовывая жвачку. Петръ Петровичъ почувствовалъ себя положительно оскорбленнымъ.

— Мой... поднимай!—раздался въ это время крикливый гортанный голосъ и изъ группы инородцевъ выдѣлился молодой калмыкъ, который, широко улыбаясь, подходилъ къ телѣгѣ.

То былъ крестный сынъ курдюмскаго священника, отца Александра, который недавно, по случаю пріѣзда архіерея, обратилъ этого буддиста въ православную вѣру.

— А, Пименъ, здравствуй,—сказалъ Ападульчевъ,—ну-ка покажи свою ловкость, мы посмотримъ.

Петръ Петровичъ молчалъ; но по лицу его скользнула скептическая улыбка. Ну, что можетъ сдѣлать дикій инородецъ, это дитя степей, когда онъ, Тюльпановъ... впрочемъ, подождемъ, посмотримъ...

Между тѣмъ, калмыкъ съ серьезнымъ видомъ подошелъ къ буйволу, увѣренно запустилъ подъ его туловище руку и вынулъ тонкій эластическій хвостъ животнаго съ волосатой метелочкой на концѣ, къ которой пристало нѣсколько соломенныхъ колосьевъ.

Не спѣша, съ серьезнымъ лицомъ и смѣющимися глазами, какъ бы уже вкушающими предстоящее торжество, калмыкъ согнулъ вдвое хвостъ своей жертвы и затѣмъ крѣпко укусилъ его бѣлыми, сверкающими зубами.

Заревѣвши во всю глотку, буйволъ вскочилъ и моментально очутился на землѣ у телѣги; а въ толпѣ любопытствующихъ поднялся веселый хохотъ.

Анна Ивановна Ападульчева отскочила въ испугѣ отъ телѣги; Людмилочка послѣдовала за ней; ребятишки восторженно визжали; Агриппинъ Михайловичъ смѣялся; улыбался также и Петръ Петровичъ... что же дѣлать, надо сознаться, калмыкъ побѣдилъ! Очевидно, у этого дикаго сына степей есть свой опытъ, свои знанія.

— Онъ заслуживаетъ награды,—сказалъ великодушно Петръ Петровичъ, поглядывая на своего соперника, скромно стоявшаго около телѣги,—надо дать ему рюмку водки.

— Непремѣнно, непремѣнно,—отвѣчала довольная развлеченіемъ Анна Ивановна,—ступай, Пименъ, на кухню.

Происшествіе кончилось. Уже буйвола отвели въ загонъ, уже разошлась любопытная толпа и находчивый калмыкъ отправился въ людскую получать угощеніе, а тихій смѣхъ только теперь по настоящему заколыхалъ кругленькую фигуру Петра Петровича.

— Укусилъ и вѣдь за хвостъ!—повторялъ онъ, изрѣдка пофыркивая и вовсе не слушая разсужденій хозяина о преимуществахъ буйволинаго молока передъ коровьимъ, о его густотѣ, питательности и необыкновенной пріятности молочныхъ скоповъ, которыя онъ приглашалъ зайти попробовать черезъ нѣсколько дней.

— И за хвостъ каналья!—шепталъ Петръ Петровичъ, продолжая тихонько посмѣиваться.

Когда же Агриппинъ Михайловичъ умолкнулъ, Петръ Петровичъ вспомнилъ о неотложныхъ дѣлахъ, о статистикѣ, объ облѣсеніи степныхъ мѣстностей и торопливо распрощался съ хозяиномъ.

Но даже на улицѣ, несмотря на то, что масса важныхъ дѣлъ осаждала его мысли, Петръ Петровичъ не могъ забыть калмыка и потихоньку про себя повторялъ:

— Укусилъ, хе, хе... за хвостъ, хе, хе, хе...

Предаваясь такимъ веселымъ воспоминаніямъ, Петръ Петровичъ и не замѣтилъ какъ столкнулся съ лѣсничимъ, Георгіемъ Александровичемъ Плавутинымъ.

— А здравствуйте, ваше превосходительство,—сказалъ Плавутинъ, пожимая огромной жилистой рукой пухлую ручку Тюльпанова.

Петръ Петровичъ не любилъ встрѣчаться съ лѣсничимъ, особенно на улицѣ передъ обывателями. Плавутинъ былъ такого нелѣпо-огромнаго роста, что Петру Петровичу, разговаривая съ нимъ, приходилось задирать голову такъ высоко, такъ высоко, ну почти до неприличія... Иногда, казалось ему, что можетъ даже слетѣть съ головы форменная фуражка... не придерживать же ее рукою? Вѣдь отъ этого можетъ потерпѣть авторитетъ власти. Но сегодня Петръ Петровичъ былъ веселъ и обошелся съ Плавутинымъ очень ласково.

— Здравствуйте, другъ мой, — сказалъ онъ томно,—что это вы, насмѣхаетесь надо мной? Далеко мнѣ еще, охъ, далеконько до превосходительства?

— Что вы, что вы, — басилъ Плавутинъ,—какое тамъ далеко? Рукой подать только...

Петръ Петровичъ лукаво улыбнулся: онъ вспомнилъ „проектъ облѣсенія“ и подумалъ, что иной разъ счастливая звѣзда находитъ своего избранника гораздо скорѣе, чѣмъ то хотѣлось бы инымъ завистникамъ.

— А, кстати...—сказалъ онъ и въ нерѣшительности умолкнулъ.

До сихъ поръ Петръ Петровичъ хранилъ въ строгомъ секретѣ свой проектъ; но сегодня душа его была склонна къ откровенности; къ тому же, дѣло почти кончено; и если прибавить къ проекту нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, которыя скоро будутъ доставлены Острожниковымъ, то можно хоть завтра посылать его въ губернскій городъ на разсмотрѣніе.

— Да-съ, батенька,—началъ Петръ Петровичъ съ плутоватой улыбкой,—вы и не знаете, что вашъ покорный слуга скоро вторгнется въ вашу область съ преобразованіями?.. Да, да, трепещите...

— Вы—въ мою область?—воскликнулъ Плавутинъ,—нѣтъ, вы шутите... намъ, ваше превосходительство, дѣлить съ вами нечего! Вы мнѣ не начальство, я одинъ хозяинъ, что хочу, то и дѣлаю...

— Такъ-то-такъ,—шутилъ очень довольный Тюльпановъ,—а все-таки я подкопаюсь... и всѣ ваши награды перехвачу себѣ... хе-хе... ну, ну, это все, конечно, шутки... вы понимаете, гм, что между порядочными людьми... не можетъ быть подобныхъ столкновеній.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ Георгій Александровичъ нѣсколько мрачнымъ голосомъ.

— Ну, я вамъ скажу... Серьезно, меня очень занимаетъ одна идея изъ области вашего дѣла... Это, гм... идея облѣсенія нашего края... я даже... гм... проектъ уже написалъ и скоро пошлю его куда слѣдуетъ.

— Что жъ, дѣло хорошее,—отвѣчалъ Плавутинъ принужденнымъ тономъ,—въ чемъ же заключается вашъ проектъ?

— Сказать, а? Нѣтъ, боюсь, вдругъ вы его у меня изъ подъ носа утянете, да потомъ выдадите за свой? Ну полно, полно,—прервалъ Петръ Петровичъ лѣсничаго, который сердито нагнулъ голову къ его лицу,—развѣ вы, гм... не видите, что я шучу?

— Въ чемъ же дѣло? — нетерпѣливо спросилъ Георгій Александровичъ.

— Видите ли, гм... вотъ какой у меня планъ: выписать саженцевъ, ну хотя бы, гм... дуба, что ли, и затѣмъ дѣйствовать, дѣйствовать безъ всякихъ разговоровъ! Прямо, гм... послать предписаніе чтобы крестьяне вышли съ этими саженцами въ поле, ну хоть, гм... перваго марта, что ли, и ихъ посадили! Вѣдь, если каждый совершеннолѣтній мужикъ посадитъ въ вёсну хоть, гм... по три деревца, разочтите, батенька, сколько у насъ будетъ въ десять лѣтъ деревьевъ, а?

— Это дубы-то на солончакахъ, да безъ полива? Ха! ха!— залился лѣсничій.

— Ну, ну, если не дубы, такъ что-нибудь другое, акацію, гм... или осокорь, ну мало что можно садить; вы лучше идею-то, идею, гм... оцѣните.

Лѣсничій продолжалъ хохотать, а толстая складка на шеѣ Петра Петровича начала покрываться багровой краской.

— Вотъ вамъ бы на мое мѣсто,—сказалъ, наконецъ, Георгій Александровичъ,— вы бы преуспѣли!

Въ эту минуту до слуха ихъ донесся звонъ колокольчика и изъ-за угла вылетѣла тройка съ ямщикомъ, усердно хлеставшимъ лошадей, и съ тремя молодыми людьми въ одинаковыхъ бѣлыхъ барашковыхъ шапкахъ, неловко тѣснившимися на сидѣньи тарантаса.

— Кто же это такіе? — подумалъ вслухъ Петръ Петровичъ, провожая глазами перекладную,—они заворачиваютъ, гм... къ полицейскому управленію... И почему, гм... они всѣ въ одинаковыхъ барашковыхъ шапкахъ? До свиданія, другъ мой, надо пойти узнать, зачѣмъ эти господа пріѣхали?

Петръ Петровичъ торопливо направился къ полицейскому управленію со всей скоростью, какая была только возможна при его полной фигурѣ; но онъ засталъ незнакомцевъ уже въ канцеляріи. Они стояли возлѣ помощника исправника, Эмилія Маріусовича, и всѣ трое о чемъ-то горячо разговаривали, сердито жести-

кулируя. Три бѣлыхъ барашковыхъ шапки лежали около нихъ рядомъ на стулѣ.

Небритыя личности, строчившія что-то за клеенчатыми столами подъ руководствомъ Острожникова, подняли было головы отъ бумаги и съ любопытствомъ слушали бурную бесѣду пріѣзжихъ; но при видѣ вошедшаго Тюльпанова, снова пригнулись грудью къ столамъ и занялись работой.

— Что у васъ тутъ такое, господа?—спросилъ Петръ Петровичъ съ важной, но въ то же время благосклонной улыбкой.

Трое незнакомцевъ бросили Эмилія Маріусовича и сразу, точно по командѣ, окружили Тюльпанова:

— Нѣтъ, это невозможно,—сказалъ одинъ.

— Я тоже говорю, такъ нельзя,—прибавилъ другой.

— Конечно, невозможно,—подтвердилъ третій, послѣ чего всѣ какъ-то изнеможенно умолкли.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ Петръ Петровичъ, уже нѣсколько оффиціальнѣе, такъ какъ слѣдовало показать этимъ молодымъ людямъ, что здѣсь никто не долженъ пренебрегать элементарными правилами общежитія.

— Ахъ, да,—отвѣчалъ одинъ, смущенно улыбаясь,—виноватъ...

— Это вѣрно, виноватъ,—повторилъ другой.

— Ветеринаръ Анахоретовъ, — сказалъ, расшаркиваясь, третій,—а это, позвольте представить, товарищи мои—Дынниковъ и Полуэхтовъ.

— Очень пріятно, господа,—смягчившись, отвѣчалъ Тюльпановъ,—странно, я почему-то думалъ, что вы братья.

— О, намъ часто приходится слышать это,—отвѣчалъ Анахоретовъ, между тѣмъ, какъ остальные только довольно улыбались, — мы нарочно и шапки себѣ купили одинаковыя, знаете, пріятно людей морочить.

— А собственно, по какому случаю я имѣю честь,—спросилъ Петръ Петровичъ,—но что же это я? Пожалуйте, господа, въ кабинетъ, милости просимъ.

Сдѣлавъ привѣтливый жестъ рукой по направленію къ двери кабинета, Петръ Петровичъ прослѣдовалъ туда первымъ; за нимъ гуськомъ пошли ветеринары.

— Видите ли,—началъ Полуэхтовъ, но былъ прерванъ Дынниковымъ, который сказалъ:

— Ну, братъ Степанъ, ты того... оставь ужъ говорить, самъ знаешь, что не мастеръ... Пусть лучше Николаша разсказываетъ.

Полуэхтовъ, пожавъ плечами, закурилъ папироску.

— Да собственно разсказывать нечего,—началъ Анахоретовъ,—неисполненіе предписаній въ вашемъ уѣздѣ повлечетъ за собою жалобу нашу въ губернскій городъ, вотъ и все.

Петръ Петровичъ посмотрѣлъ на оратора со строгимъ недоумѣніемъ.

— Я васъ попрошу объясниться,— сказалъ онъ холодно.

— Видите ли, мы изъ сосѣдняго уѣзда, изъ Кугуевска... тамъ, рядомъ съ вашимъ, стоитъ карантинъ, и вчера мимо нашего карантина была проведена буйволица съ буйволомъ изъ неоспоримо чумной мѣстности. Сторожъ хотѣлъ задержать скотину; но когда ему сказали, что эта скотина принадлежитъ купцу Ападульчеву и что за это онъ будетъ отвѣчать, этотъ дуракъ пропустилъ ее и теперь мы, къ сожалѣнію, обязаны составить этому купцу протоколъ.

Петръ Петровичъ сидѣлъ на своемъ креслѣ неподвижно, между тѣмъ какъ его мясистый носъ издавалъ легкій свистъ, что всегда служило у его обладателя признакомъ смущенія.

— Вы что же, господа, надолго къ намъ?—спросилъ онъ, наконецъ, послѣ небольшой паузы.

— Да вотъ, какъ составимъ протоколъ, такъ и уѣзжать придется,—отвѣчалъ Николаша.

— Вы бы погостили,— сказалъ Петръ Петровичъ,— у насъ здѣсь весело и клубъ есть, и въ картишки поиграть у Агриппина Михайловича можно во всякое время.

— Кто это, Агриппинъ Михайловичъ?—спросилъ Полуэхтовъ.

— Тотъ именно преступникъ, котораго вы собираетесь наказывать,—съ улыбкой пояснилъ Тюльпановъ.

— Ападульчевъ? Нѣтъ, это не годится,—сурово сказалъ Анахоретовъ.

— Какъ же мы тогда протоколъ составлять будемъ,—пояснилъ Дынниковъ.

— Нехорошо!—закрѣпилъ Полуэхтовъ.

Мясистый носъ Петра Петровича издалъ нѣсколько звуковъ, напоминающихъ тихую мелодію пастушеской свирѣли; затѣмъ онъ, грузно приподнявшись, прослѣдовалъ въ канцелярію, откуда вскорѣ гости услышали его свистящій шепотъ и такіе же таинственные отвѣты Эмилія Маріусовича.

Не успѣли еще товарищи перекинуться бѣглыми замѣчаніями относительно новыхъ знакомцевъ, какъ въ дверяхъ появилась молодцеватая, перетянутая въ рюмочку, фигура Эмилія Маріусовича Бубликова, который по внѣшности представлялъ полную противуположность фигурѣ Тюльпанова, отличавшейся мягкими, расплывчатыми, почти женственными формами.

— Вы что это, господа, задумали?—воскликнулъ Эмилій Маріусовичъ, направляясь къ товарищамъ съ открыто-ласковымъ лицомъ и чуть ли не распростертыми объятіями,—развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Мы думаемъ, они къ намъ погостить

пріѣхали, въ картишки поиграть, шашлыка покушать, а они уже уѣзжать собираются? И ни-ни! И не думайте, ни за что не пущу, лучше сразу покоритесь!

— Вѣдь мы по дѣлу,— отвѣчалъ Анахоретовъ, смущенный такимъ дружелюбіемъ.

— Дѣло! — воскликнулъ Бубликовъ, перебивая возраженія остальныхъ товарищей, — развѣ дѣло волкъ? Развѣ оно въ лѣсъ убѣжитъ?

— Не убѣжитъ, потому что и лѣсу у насъ нѣтъ,— благосклонно пошутилъ Петръ Петровичъ, появившійся снова въ кабинетѣ,— поэтому, господа, не бойтесь быть неаккуратными: вы всегда успѣете сдѣлать свои дѣла! И не мнѣ, старому, заслуженному служакѣ, васъ учить бѣгать отъ дѣла...

— Конечно, конечно!—подтвердилъ Эмилій Маріусовичъ,—но въ то же время мы, хозяева, должны принять дорогихъ гостей какъ слѣдуетъ... поэтому, господа, такъ и знайте, что на сегодня вы мои плѣнники! Сегодня я распоряжаюсь вами, я угощаю васъ, я вамъ доставляю увеселенія, а завтра можете себѣ заниматься своими дѣлами.

— Намъ очень лестно, мы не ожидали встрѣтить здѣсь такихъ милыхъ людей, — сказалъ Дынниковъ, чрезвычайно польщенный рѣчью Бубликова.

— Все это очень хорошо,—замѣтилъ непреклонный Анахоретовъ;—но вѣдь мы участокъ свой оставили, и всѣ трое сразу.

— Эхъ, не провалится же этотъ проклятый участокъ въ „трейсподнюю“,—воскликнулъ Полуэхтовъ, — ну, Николаша, не упрямься, чего тамъ! Проведемъ время хоть одинъ вечеръ почеловѣчески.

— Дѣйствительно, у насъ ужасная тоска,—согласился Николаша,—коровы чумныя, да мужики умные—вотъ и все!

Дынниковъ улыбнулся и вдругъ чихнулъ громко, на всю комнату.

— Будьте здоровы,—вѣжливо сказалъ ему Эмилій Маріусовичъ; но, въ отвѣтъ на эту вѣжливость, раздался веселый хохотъ товарищей.

— Ага, надулъ!—воскликнулъ довольный Дынниковъ.—Вѣдь это я нарочно!

— Нарочно? — переспросилъ Эмилій Маріусовичъ, скрывая подъ вѣжливой улыбкой свое удивленіе.

— Да, въ знакъ согласія, что въ самомъ дѣлѣ скучно,— пояснилъ Дынниковъ.

— Это очень, очень мило! — одобрилъ Петръ Петровичъ и тихій смѣхъ заколыхалъ его полную фигуру.

— Конечно, очень скучно,—продолжалъ Анахоретовъ, при-

нимая серьезный видъ,—особенно когда поймешь, что дѣло, для котораго торчишь въ этой ямѣ, нисколько не улучшается отъ нашего присутствія... Да и какъ работать? Посылаютъ въ участокъ, полный заразы, а какъ на средство борьбы съ эпизоотіей даютъ пару стилетовъ на брата, да урядника.

— Ну, еще нѣсколько пудовъ карболовки, — вставилъ примирительно Полуэхтовъ.

— А черезъ мѣсяцъ шлютъ бумагу,—продолжалъ Николаша, не обративъ вниманія на поправку товарища, — почему это у васъ чума не прекращается?

— Да, да... гм... почему?—спросилъ Петръ Петровичъ игриво, чувствуя что надо поддержать авторитетъ власти, но въ то же время не желая обидѣть разсказчика.

— А что мы можемъ сдѣлать? — волновался послѣдній, — если бы эту чуму можно было собрать въ горсть и проглотить,— ну дѣло другое...

— Мы бы проглотили,—перебилъ Полуэхтовъ.

— А мнѣ что!—продолжалъ уже запальчиво Анахоретовъ,— они мнѣ пишутъ предписаніе, чтобы чума была прекращена; ну, и плевать! Вчера послалъ бумагу: „чума, молъ, прекращена во ввѣренномъ мнѣ участкѣ...“

— Ага!— воскликнулъ сообразительный Эмилій Маріусовичъ, хватая за руку разсказчика,—вотъ вы и попались!

Анахоретовъ, вздрогнувъ, смотрѣлъ на него испуганными глазами.

— Зачѣмъ же вы хотите составлять протоколъ Ападульчеву, когда у васъ уже чума прекратилась... Значитъ, это съ вашей стороны однѣ придирки!

— Хе, хе, хе... вѣрно,—смѣялся довольный Петръ Петровичъ.

— Да вѣдь у меня во всякомъ дворѣ кишитъ зараза; я соврaлъ, чтобы отвязались,— пояснилъ Николаша.

— Но въ такомъ случаѣ, кому же вы будете протоколъ о буйволахъ посылать? Все тѣмъ же властямъ? И сами попадете еще въ непріятность.

— Вѣрно, вѣрно,—подтвердилъ Тюльпановъ.

Анахоретовъ стоялъ нѣкоторое время неподвижно, переглядываясь съ товарищами, и потомъ почесалъ затылокъ.

— А дѣло-то, того,—сказалъ Дынниковъ.

— Брось его, Николаша, стоитъ возиться... и народъ здѣсь хорошій, чего дѣлать непріятности,—прибавилъ Полуэхтовъ.

— Положимъ, можно найти возраженія на ваше замѣчаніе,— сказалъ Николаша,—но вѣдь отъ протокола лучше никому не будетъ и чума не прекратится отъ этого, такъ какого же чорта и стараться.

Петръ Петровичъ немного поморщился, потому что не любилъ крѣпкихъ словъ; но тотчасъ же опять ласково улыбнулся и сказалъ:

— Ну вотъ и отлично! У васъ чума, у насъ чума; такъ чего же намъ ссориться? Но вы не думайте, — прибавилъ онъ затѣмъ, вдругъ дѣлаясь серьезнымъ, — у меня въ уѣздѣ очень строго насчетъ карантина! Крестьяне, было, начали таскать сѣно изъ вашего уѣзда — тамъ у нихъ свои стога стоятъ, что ли,— такъ я строго запретилъ это! Ни клочка сѣна изъ зараженной мѣстности! вотъ мой девизъ... Я даже съѣздъ старшинъ и урядниковъ устроилъ, чтобы они могли вполнѣ усвоить себѣ эту идею и проводить правильно мои предначертанія.

— Сегодня урядникъ Собачкинъ доносилъ мнѣ, что кордонные мирволятъ своимъ односельчанамъ и допускаютъ къ намъ чумное сѣно,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ.

— Надо принять энергическія мѣры! — воскликнулъ Петръ Петровичъ, краснѣя отъ гнѣва.

— Я имѣю предложить вамъ одинъ планъ, который намъ можетъ помочь добиться исполненій предписанія,—сказалъ Бубликовъ, — по моему, надо созвать всѣхъ кордонныхъ въ уѣздѣ и потомъ отсюда уже раскассировать ихъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ находился какъ можно подальше отъ своей деревни.

— Зачѣмъ же это?—спросилъ Тюльпановъ.

Легкій огонекъ загорѣлся въ черныхъ глазахъ Эмилія Маріусовича; онъ посмотрѣлъ на своего пухлаго начальника съ выраженіемъ скрытаго превосходства, и лаконически отвѣтилъ:

— Да вѣдь чужимъ нѣтъ разсчета мирволить...

— Да, да,—сообразилъ Петръ Петровича,—и такимъ образомъ наше предписаніе будетъ исполнено.

— Ловко придумали!- воскликнулъ Дынниковъ.

— Только чѣмъ же они будутъ кормиться?—задумчиво сказалъ Анахоретовъ, — цѣлый день въ шалашѣ, на холодѣ и безъ горячей пищи... Этакъ вы къ чумной эпизоотіи прибавите еще эпидемію голоднаго тифа въ уѣздѣ.

— Привычные!—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, махнувъ рукою,—одѣнетъ потеплѣе полушубокъ и согрѣется.

— Нѣтъ, надо послать предписаніе, чтобы каждое село кормило своего кордоннаго горячей пищей, вотъ и все, — сказалъ Петръ Петровичъ.

— И такъ можно, — согласился Бубниковъ. Ну, господа, а пока, милости просимъ закусить... уже скоро пора и обѣдать...

— Да не знаемъ, ловко ли намъ...

— Въ первый разъ—и обѣдать...

— Дѣйствительно, какъ-то неловко...

— Это къ Ападульчеву-то, да неловко?—съ удивленіемъ спросилъ Эмилій Маріусовичь, между тѣмъ какъ Тюльпановъ въ отвѣтъ только разразился тихимъ смѣхомъ.

Товарищи переглянулись между собою: они думали, что ихъ приглашаетъ къ себѣ этотъ любезный Бубликовъ, а теперь оказывается, имъ надо идти въ гости къ совершенно незнакомому человѣку; но искренное изумленіе Эмилія Маріусовича и тихій смѣхъ Петра Петровича были такъ убѣдительны, что гости, взявъ свои одинаковыя барашковыя шапки, пошли вслѣдъ за гостепріимными хозяевами къ еще болѣе гостепріимному Агриппину Михайловичу.

II.

Дорогіе гости оставались въ Курдюмѣ не одинъ день, а цѣлыхъ три, наслаждаясь отъ души мѣстными развлеченіями. Первый вечеръ играли въ карты у Агриппина Михайловича; слѣдующій день былъ посвященъ охотѣ, а вечеръ—картамъ, но уже въ клубѣ; третій день хотѣли было опять засѣсть съ утра въ карты, но къ Агриппину Михайловичу, прослышавъ про пріѣзжихъ, набралось столько народу, было такъ весело, что даже никто не подумалъ о картахъ; а вечеромъ было необходимо уѣзжать... И товарищи уѣхали, сопровождаемые общимъ сожалѣніемъ, и давая всѣмъ клятву посѣтить скоро опять этотъ гостепріимный уголокъ.

Однако, не смотря на все свое гостепріимство, хозяева вздохнули спокойнѣе, выпроводивъ гостей, хотя они также, вмѣстѣ со всѣми находили, что ветеринары прекрасные люди; но они боялись, чтобы передъ ними не раскрылось одно очень непріятное происшествіе, которое надо было держать въ секретѣ: буйволъ заболѣлъ чумою.

Агриппинъ Михайловичъ нѣсколько разъ оставлялъ гостей на попеченіи супруги Анны Ивановны, чтобы втихомолку провѣдать буйвола, положеніе котораго съ каждымъ часомъ становилось безнадежнѣе. Несчастное животное покончило свои счеты съ жизнью какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда гостепріимные хозяева проводили гостей ветеринаровъ.

Когда замолкли звуки колокольчика и шумъ колесъ перекладной, увозившей товарищей, затерялся гдѣ-то въ отдаленіи, изъ подъ воротъ вынырнула коренастая фигура крещенаго калмыка Пимена и подошла къ Ападульчеву:

— Буйлу возить за село будемъ?—спросилъ онъ своимъ гортаннымъ голосомъ.

— Дуракъ! — съ сердцемъ отвѣчалъ Агриппинъ Михайловичъ,—ночь вонъ какая лунная! Какая-нибудь каналья увидитъ

и донесетъ, возись тогда опять съ протоколами... Отъ одного избавился, а тутъ, глядишь, другой на шеѣ!

— Копай яму подъ навѣсомъ,—посовѣтовалъ Пименъ.

— Конечно, подъ навѣсомъ, — согласился Ападульчевъ, — да чтобы все къ утру было у меня готово! Возьми кучера и сидѣльца Семена изъ ближайшаго кабака и поскорѣе ройте яму; а какъ закопаете, сверху навалите навозу, чтобы замѣтно не было.

— Ужъ знаемъ, ладно!—успокаивалъ хозяина калмыкъ.

— Да чтобы никто у меня ничего не зналъ!—прибавилъ Ападульчевъ,—а то всѣхъ выгоню изъ дому, шляйтесь, гдѣ знаете. А если исправникъ или помощникъ будетъ спрашивать, гдѣ буйволъ, говорите, что на Берберовскомъ хуторѣ.

Но Петръ Петровичъ ничего не спрашивалъ о буйволахъ. Очень довольный проведенными тремя днями, которые внесли такое разнообразіе въ его тихую жизнь, онъ теперь отдыхалъ за дѣлами у себя въ кабинетѣ.

Какъ всегда, на письменномъ столѣ около правой руки Петра Петровича возвышалась горка казенныхъ пакетовъ съ донесеніями; но ему, какъ всегда, не хотѣлось читать этой скуки. Не хотѣлось также заниматься и проектомъ облѣсенія, тѣмъ болѣе, что неаккуратный Острожниковъ до сихъ поръ не доставилъ статистическихъ свѣдѣній. Даже въ губернскихъ вѣдомостяхъ не было ничего интереснаго! Все печатаются отчеты о чумныхъ бунтахъ, которые всѣмъ надоѣли...

Въ лѣнивой истомѣ Петръ Петровичъ раскинулся на креслѣ и, положивъ голову на спинку, глядѣлъ отъ нечего дѣлать въ окошко. На улицѣ также все было, какъ всегда: ходили бабы съ кувшинами на коромыслахъ, ѣхали мажары съ соломой, бѣжали кухарки.

Только что Петръ Петровичъ, зѣвнувъ, собирался закрыть глаза, чтобы предаться сладкой лѣни, какъ изъ за угла показался всадникъ съ мѣдной бляхой на груди и понесся во весь опоръ по дорогѣ къ полицейскому управленію.

— Пожаръ,—замѣтилъ вслухъ Петръ Петровичъ, пріосаниваясь.

Между тѣмъ всадникъ поспѣшно вошелъ въ сѣни, даже не замѣтивъ сидѣвшаго у окна начальника, и вскорѣ въ канцеляріи послышались оживленные разговоры.

Петръ Петровичъ велѣлъ сторожу позвать къ себѣ Острожникова, и черезъ секунду тонкій, плоскій, какъ вяленая вобла, письмоводитель въ испятнанномъ рыжемъ сюртукѣ, стоялъ у письменнаго стола передъ начальникомъ.

— Что тамъ такое, Лаврентій Ѳомичъ?—спросилъ Тюльпановъ.

— Сотскій изъ деревни Рахмановки прискакалъ...

— Что же тамъ, пожаръ?

— Не знаю,—осторожно отвѣчалъ Лаврентій Ѳомичъ,—тамъ что-то у нихъ случилось, станового спрашиваетъ.

— Драка, что ли?

— Спрашиваетъ, гдѣ становой,—повторилъ Острожниковъ.

— Позовите сотскаго ко мнѣ,—нетерпѣливо сказалъ Петръ Петровичъ.

Лаврентій Ѳомичъ неслышно удалился.

— Что тамъ у васъ случилось? — спросилъ Тюльпановъ у сотскаго, появившагося на порогѣ кабинета съ шапкой въ рукахъ.

— Такъ что, вашескородіе, бабы о скотинѣ бунтуютъ...

— Бабы? — Петръ Петровичъ улыбнулся, такъ какъ имѣлъ слабость къ женскому полу,—что же затѣяли рахмановскія бабы?

— Они, вашескородіе, говорятъ, что погонятъ скотину къ стогамъ, если нельзя возить сѣно въ деревню... Кричатъ, что скотина не ѣмши который день...

— Кричатъ... гм... колотовки... А у васъ на селѣ развѣ есть чума?

— Ветеринары хотѣли осматривать, и скотину уже заперли; да вотъ что-то долго не ѣдутъ... Бабы, значитъ, оттого и бунтовать начали.

— Значитъ, у васъ тамъ, бабій бунтъ?

— Такъ точно, вашескородіе, бабы бунтуютъ.

— Ладно, ступай, я самъ пріѣду туда.

Сотскій вышелъ.

Петръ Петровичъ смотрѣлъ вслѣдъ мужику, загадочно улыбаясь: ему пришли на память нѣкоторыя событія изъ его служебной дѣятельности въ молодые годы, когда также приходилось вести дѣло съ бабами... Что именно вспомнилось—онъ не зналъ, да и не хотѣлъ останавливаться надъ подробностями; зачѣмъ подробности? Достаточно знать, или даже чувствовать, что это было нѣчто веселое, очень пріятное...

Мечтанія Петра Петровича прервалъ звонъ колокольчика: это подкатила къ крыльцу управленія тройка, которая должна была доставить начальника въ деревню Рахмановку.

«Гибокъ, строенъ тонкій станъ
Молодой грузинки»...

напѣвалъ Петръ Петровичъ, взлѣзая при помощи расторопнаго урядника Собачкина на высокое сидѣнье перекладной.

Устроивъ начальника, Собачкинъ отскочилъ отъ колесъ, Петръ Петровичъ запахнулся въ теплую шинель—и тройка во весь духъ помчалась къ Рахмановкѣ.

Хорошее расположеніе духа не покидало Тюльпанова и въ пути,—очевидно, день выдался уже такой удачный.

Улыбаясь, думалъ онъ о томъ, какъ испугается становой Кисляковъ, когда узнаетъ, что начальникъ пріѣхалъ раньше его на мѣсто происшествія, и какъ будетъ тронута супруга Кислякова, дама весьма привлекательная, послѣ того, какъ Петръ Петровичъ не сдѣлаетъ ему за это даже легкаго выговора.

Затѣмъ Тюльпановъ осматривалъ поля, покрытыя ледяной корою, на которой кое-гдѣ сверкали узкія полосы воды, вслѣдствіе наступившей оттепели, и думалъ о томъ, какъ мало было эту зиму снѣгу... пожалуй, Курдюмскій уѣздъ снова можетъ пострадать отъ неурожая... А тутъ еще чума и эпидеміи... Въ самомъ снисходительномъ настроеніи Тюльпановъ въѣхалъ на широкую грязную улицу деревни Рахмановки, а оттуда на площадь, сплошь запруженную бабами, дѣвками и ребятами. Мужики зимою, послѣ неурожайныхъ лѣтъ, рѣдко оставались дома: одни шли на работы въ городъ, другіе нанимались по близости къ землевладѣльцамъ, оставшіеся же дома сидѣли въ избахъ, глядя изъ окошекъ на расходившихся бабъ и ихъ самоуправство.

Площадь пестрѣла яркими платками, которыми были повязаны головы бабъ, въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ ихъ визгливыхъ криковъ и ругательствъ.

Сотскій и староста стояли на крыльцѣ сельскаго правленія и, пожимая плечами, слушали обращенныя къ нимъ ругательства; но, заслышавъ звукъ приближающагося колокольчика, начали дѣятельно увѣщевать взбунтовавшихся женщинъ.

Разгоняя толпу вправо и влѣво, тройка шагомъ подъѣхала къ дому сельскаго правленія, и Петръ Петровичъ, поднявшись, безъ шинели, съ орденомъ на груди, остановился на ступенькѣ перекладной, держась за нее, для сохраненія равновѣсія.

— Гдѣ писарь?—спросилъ онъ громкимъ голосомъ, глядя поверхъ бабьихъ головъ на старосту и сотскаго.

Писарь выскочилъ изъ дверей правленія также въ одномъ легкомъ пиджачкѣ, съ перомъ въ правой рукѣ и безъ шапки.

— Что это у васъ тутъ такое?—спросилъ его Тюльпановъ.

— Бабы, ваше высокоблагородіе, хотятъ выпустить скотъ, подлежащій осмотру ветеринаровъ,—отвѣчалъ писарь — три дня бьемся съ ними, а сегодня уже пришлось къ нѣкоторымъ воротамъ приставлять сторожей, иначе скотина была бы выпущена.

— Гм...—сказалъ Петръ Петровичъ, оглядывая толпу бабъ, которыя всѣ также обернулись къ нему лицами и недружелюбно на него смотрѣли.

— А чего же эти скотинячіе доктора не ѣдутъ?—крикнула одна баба; но, струсивъ, вдругъ присѣла къ землѣ, желая спрятаться за своихъ сосѣдокъ.

Петръ Петровичъ снисходительно усмѣхнулся: глупая бабенка,

она думаетъ укрыться отъ его бдительнаго взора! Но Богъ съ ней, чего съ нея требовать?

Однако, какъ ни пріятно было занимать съ высоты перекладной наблюдательный постъ, но все-таки Петру Петровичу пришлось сойти на землю, потому что руки и ноги его очень устали.

— Чего вы раскудахтались, бабы?—сказалъ онъ, улыбаясь и подходя поближе къ толпѣ,—вотъ погодите, я васъ всѣхъ отдамъ въ солдаты.

Бабы приняли очень сухо эту шутку, даже ни одна изъ нихъ не улыбнулась.

— Хороши доктора!—закричала та же бабенка, которая уже говорила раньше,—заперли скотину, а сами который день не ѣдутъ.

Вслѣдъ за этими словами поднялись крики, которые заставили, наконецъ, Тюльпанова принять грозный видъ:

— Молчать, эй!—крикнулъ онъ въ свою очередь.

Толпа стихла.

Петръ Петровичъ, увѣренный въ своемъ умѣньи обращаться съ мужиками, а въ особенности съ бабами, рѣшилъ подозвать къ себѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя больше всего кричали. Онъ замѣтилъ еще стоя на подножкѣ перекладной, въ толпѣ грубыхъ, заскорузлыхъ физіономій, даже не достойныхъ носить имя женскаго лица, одну премилую мордашку, бѣлую и румяную, съ прехорошенькимъ младенцемъ на рукахъ.

— Эй ты, молодуха,—сказалъ онъ, кивая по направленію красивой бабы, — выйди-ка сюда и разскажи мнѣ, чего вы всѣ раскудахтались?

Баба смѣло вышла изъ толпы къ начальнику и, размахивая свободной правой рукой, начала кричать, что она непремѣнно выпуститъ своихъ коровъ къ сѣну, которое стоитъ попусту за околицей, иначе онѣ скоро съ голоду подохнутъ.

— А если я тебѣ не позволю?—шутливо спросилъ ее Петръ Петровичъ.

— И не послухаю!—кричала баба, вовсе не тронутая ласковой шутливостью начальника,—самого Бога не послухаю, не то что полицію! Силъ у насъ больше нѣту возиться со скотиною! Всѣ плечи оттянули, таскаючи ведра съ водою; а то и никто не знаетъ, почему нельзя корову поить около колодца? Сѣна цѣлая копна стоитъ за мостомъ близехонько—и сѣна не трогай! Гдѣ это видано! Сѣно есть, а скотина жретъ солому съ крышъ, да и ту уже всю сожрала...

Петръ Петровичъ ничего не слышалъ изъ того, что говорила баба, а больше любовался ея румянымъ лицомъ и красивыми формами; но такъ какъ она, очевидно, обнаружила намѣреніе гово-

рить необыкновенно долго, то, ради справедливости, пришлось ее остановить.

— Ну, довольно, замолчи; вѣдь не тебя же одну мнѣ слушать,—сказалъ Тюльпановъ; но прежде чѣмъ отвернуться отъ красавицы, онъ ловко ущипнулъ ее за подбородокъ, при этомъ ласково погрозивъ ей пальцемъ. Но разсерженная баба далеко не любезно оттолкнула пухлую ручку начальника.

Сохраняя на лицѣ своемъ еще слѣды веселой улыбки, Петръ Петровичъ отворотился отъ молодухи, чтобы выслушать жалобы какой-то старой корги въ рваной кацавейкѣ.

— Насъ, вонъ, тѣснятъ,—кричала старуха сиплымъ басомъ,—а какъ Анадульчевъ привезъ себѣ чумного буйлу, такъ ему ничего... А буйла ужъ такой больной былъ, что и на ногахъ не стоялъ...

— Ну ты, перечница, не въ свои дѣла мѣшаться не смѣй,—строго крикнулъ Петръ Петровичъ,—не то, я...

Но старуха такъ и не узнала, что ей грозило, потому что начальникъ не кончилъ своей рѣчи, благодаря самому неожиданному, самому непредвидѣнному обстоятельству: Петръ Петровичъ вдругъ почувствовалъ легкій щипокъ подъ лопаткой своей лѣвой руки.

Не спѣша, Петръ Петровичъ оглянулся, желая узнать, заигрываетъ ли съ нимъ та молоденькая шалунья, или же эту вольность позволила себѣ какая-нибудь старая карга. Но молодуха отвѣтила на игривый взглядъ начальника такимъ злобнымъ взглядомъ, что послѣдній не повѣрилъ своему впечатлѣнію и рѣшилъ, что щипокъ, вѣроятно, ему померещился.

Только что онъ хотѣлъ продолжать свои увѣщанія, какъ на полусловѣ опять принужденъ былъ остановиться: Петръ Петровичъ снова ощутилъ щипокъ на правой лопаткѣ; но теперь нападеніе уже было гораздо чувствительнѣе.

Безъ всякой улыбки, даже напротивъ, багровѣя отъ гнѣва, Гюльпановъ оглянулся въ сторону, откуда послѣдовало нахальное нападеніе; но и тутъ встрѣтилъ одни угрюмые взоры, въ которыхъ не виднѣлось ничего шутливаго. Пока онъ такимъ образомъ смотрѣлъ въ глаза нѣсколькимъ бабамъ, стараясь по ихъ выраженію, угадать виновницу,—лѣвая половина его тѣла опять подверглась нападенію, но то уже былъ не одинъ щипокъ, легкій какъ простое прикосновеніе дружеской руки, а нѣсколько, да притомъ еще весьма болѣзненнаго свойства. Щипки сопровождались сдержаннымъ смѣхомъ, который уже былъ положительной дерзостью.

Петръ Петровичъ кинулъ взглядъ на крыльцо сельскаго управленія, гдѣ стоялъ писарь вмѣстѣ съ низшими представителями деревенской власти; но такъ какъ они ловко притворились, будто

ничего не замѣтили, то и пострадавшій рѣшилъ поступить по ихъ примѣру.

— Эй, разступитесь, бабы! я разберу ваше дѣло въ Курдюмѣ,—сказалъ Петръ Петровичъ, съ мужествомъ истинно военнаго человѣка, дѣлая шагъ впередъ по направленію къ перекладной; но толпа бабъ, разражаясь откровеннымъ смѣхомъ, окружила его такою плотною стѣною, что безъ ожесточенной борьбы вырваться отъ нихъ оказалось рѣшительно невозможнымъ. Въ то же время досадные щипки увеличивались и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, и толпа росла, становилась все тѣснѣе, потому что всякой бабѣ хотѣлось внести свою лепту въ это общее дѣло.

Прошло нѣсколько короткихъ мгновеній борьбы, во время которой Петру Петровичу по необходимости пришлось разстаться со своимъ достоинствомъ. Онъ энергично заработалъ руками и ногами, подпрыгивалъ, отмахивался, подобно человѣку, преслѣдуемому со всѣхъ сторонъ разгнѣванными осами.

— А, бунтовать?—кричалъ онъ весь багровый, покрытый потомъ, не смотря на то, что, по неудачной случайности, былъ безъ шинели,—въ каторгу ушлю васъ всѣхъ, подлыя бабы!

Но угрозы начальника заглушались громкимъ смѣхомъ, охватившимъ расходившуюся толпу бабъ, да визгомъ ребятишекъ, прыгавшихъ вокругъ съ сіяющими лицами.

Непріятность, въ сущности, продолжалась весьма недолго: отъ перваго щипка до того момента, какъ освободившійся Петръ Петровичъ очутился возлѣ перекладной, прошло, вѣроятно, менѣе минуты; но ему теперь секунда казалась часомъ... Писарь и староста совершенно растерялись и, позабывъ свою политику, глядѣли съ высоты крыльца на начальника испуганными глазами. Зато находчивый ямщикъ, по своему положенію занимавшій самый лучшій наблюдательный постъ, сдѣлалъ видъ, что рѣшительно ничего не видитъ и не слышитъ; онъ весь перегнулся къ лѣвому колесу и такъ внимательно изучалъ строеніе его спицъ, что даже не замѣтилъ, какъ начальникъ очутился возлѣ экипажа.

Тутъ же стоялъ сотскій, который стремглавъ слетѣлъ съ крыльца правленія, какъ только замѣтилъ усилія Петра Петровича пробиться къ перекладной. Сотскій, не встрѣчая для себя тѣхъ препятствій, которыя стояли на пути начальника, очутился раньше его у экипажа, и, схвативъ шинель съ сидѣнья, накинулъ ее на его полныя, вздрагивавшія отъ гнѣва, плечи.

— Дуракъ! — крикнулъ ему, вмѣсто благодарности, Петръ Петровичъ.

Сотскій изумился въ глубинѣ невинной души такому неожиданному результату своей исполнительности, но явно не выразилъ

ничѣмъ этого изумленія и съ обычной предупредительностью помогъ задыхавшемуся начальнику взобраться на высокую подножку перекладной.

— Пшелъ,—сказалъ Петръ Петровичъ, не отвѣчая, противъ обыкновенія на низкіе поклоны сельскихъ властей, которыя старались кланяться сегодня, какъ можно, ниже.

Ямщикъ дернулъ возжами, колокольчикъ зазвенѣлъ, перекладная тронулась впередъ, разбивая на двѣ части толпу бабъ, которыя съ визгомъ разступались передъ лошадьми.

Еще не успѣлъ начальникъ повернуть съ площади на улицу, какъ торжествующія бабы раскрыли ворота и выпустили мычавшую скотину.

— Погодите ужо, безпутныя!—говорилъ имъ староста, качая сѣдой головой,—достанется вамъ на орѣхи, такъ достанется, что до новыхъ вѣниковъ не забудете...

— Слыхали!—смѣялись въ отвѣтъ бабы, дружно добывавшія изъ колодцевъ воду, чтобы тутъ же, на запрещенномъ мѣстѣ, напоить скотину.

Какъ бы для пущей насмѣшки надъ начальникомъ, изъ переулка, прямо на встрѣчу Петру Петровичу, выѣхали два воза съ сѣномъ, и сѣно это везли—бабы...

Возы торжественно повернули на площадь, гдѣ были встрѣчены кликами ликованія.

Сельское начальство, еще стоявшее на крыльцѣ, видѣло это полнѣйшее нарушеніе всѣхъ курдюмскихъ предписаній, но что подѣлаешь съ такой оравой ошалѣвшихъ женщинъ?

И они равнодушно смотрѣли, какъ возы съ „чумнымъ“ сѣномъ скрылись за воротами непокорныхъ обывательницъ, и слушали, какъ другія, такія же непокорныя обывательницы, громко заявляли:

— Вонъ, Матрена и Дарья привезли себѣ сѣна изъ степи... надо и намъ!

Мычанье освобожденныхъ коровъ и ликующіе крики воинственныхъ побѣдительницъ преслѣдовали Петра Петровича даже за околицей; наконецъ, ихъ мало-по-малу заглушили звуки заливавшагося колокольчика.

Петръ Петровичъ стянулъ форменную фуражку и носовымъ платкомъ принялся вытирать лобъ и часть блестящаго черепа, на которомъ вднѣлись крупныя капли пота; но руки его дрожали, грудь высоко вздымалась, а носъ безпрерывно издавалъ звуки, похожіе на пѣнье пастушеской свирѣли.

Вдругъ до слуха его долетѣли звуки другого колокольчика, которые съ каждой секундой становились все яснѣе.

— Кажись, это становой, — отвѣчалъ ямщикъ на невысказанный вопросъ начальника.

— Остановить его,—приказалъ послѣдній.

Ямщикъ привсталъ, махая свободной рукой. Пара, на которой ѣхалъ становой, взяла вправо и обѣ перекладныя остановились. Лица начальниковъ очутились на небольшомъ разстояніи другъ противъ друга, между тѣмъ какъ ямщики и лошади равнодушно глядѣли въ разныя стороны.

Становой Кисляковъ, дамскій кавалеръ, танцоръ и франтъ, съ перетянутой таліей и усами, завитыми въ колечки, предупредительно улыбнулся Тюльпанову, поспѣшно выскочилъ изъ повозки и приложилъ руку къ козырьку.

— Господинъ Кисляковъ,—началъ Петръ Петровичъ, надѣвая свою фуражку на голову,—долженъ сказать вамъ, что я вами весьма и весьма недоволенъ...

Предупредительная улыбка сбѣжала съ лица Кислякова, и онъ еще больше вытянулся передъ начальникомъ.

— Въ вашей деревнѣ бунтъ, а васъ нѣтъ, — продолжалъ Петръ Петровичъ,—я долженъ былъ исполнять ваши обязанности... за васъ я...

— Но вѣдь я спѣшилъ...

— Безъ „но“, милостивый государь! Безъ но! Покорнѣйше прошу васъ не говорить мнѣ но! Я не лошадь, милостивый государь! Я вашъ весьма снисходительный начальникъ, однако, и я не могу смотрѣть на подобные безпорядки и молчать! Я принужденъ буду о васъ сдѣлать представленіе...

— Но, Петръ Петровичъ, я, кажется, стараюсь...

— Не такъ, не такъ стараются, милостивый государь! У меня подъ носомъ сейчасъ провезли нѣсколько возовъ сѣна изъ зачумленной мѣстности, гдѣ же ваше стараніе? Что же дѣлается во всемъ вашемъ станѣ, если у меня, у меня подъ носомъ... понимаете, подъ носомъ!?

— Я разслѣдую это дѣло...

— Вы! Вы разслѣдуете? Развѣ ваша обязанность разслѣдовать? Ваша обязанность предупреждать... милостивый государь! Ваша обязанность исполнять мои предписанія, а вы распространяете заразу...

— Гдѣ же я...—бормоталъ въ конецъ уничтоженный приставъ.

— Да, милостивый государь, вы, вы! Ваше нерадѣніе... Вѣдь Рахмановка считается благополучной мѣстностью? Въ ней нѣтъ чумной эпизоотіи?

— Ничего не констатировано... ветеринары только локализировали скотъ, но еще не осматривали его.

— Вотъ какъ вы въ курсѣ событій, милостивый государь! А

скотъ весь уже выпущенъ на улицу и въ благополучную мѣстность возятъ сѣно изъ зараженнаго пункта! Вотъ какова ваша дѣятельность... Пшелъ! — сказалъ Петръ Петровичъ ямщику и тройка умчалась, оставивъ уничтоженнаго Кислякова, пригвожденнымъ къ сидѣнью.

— Пшелъ!—сказалъ онъ въ свою очередь, торопясь узнать, что произошло въ этой проклятой Рахмановкѣ?

То, что узналъ франтоватый приставъ Кисляковъ отъ писаря, вовсе не успокоило его страховъ.

Зато гнѣвъ Петра Петровича сразу упалъ послѣ такой необычной вспышки; хотя вечеромъ онъ все-таки никуда не пошелъ играть въ карты и также къ себѣ никого не принялъ.

Мѣстные остряки, которые все узнаютъ раньше, чѣмъ нужно, распространяли слухи, что Тюльпановъ весь вечеръ прикладывалъ себѣ компрессы при помощи сердобольной кухарки Марѳы; но то была наглая ложь, и сама кухарка Марѳа, утверждая, что это неправда, даже крестилась на икону.

III.

Между тѣмъ, становой Кисляковъ, который, конечно, не былъ расположенъ прощать бабамъ полученный изъ за нихъ выговоръ, расправился съ ними по своему и вскорѣ успѣлъ водворить въ Рахмановкѣ внѣшнее спокойствіе.

Выслушавъ подробное донесеніе писаря о возмутительномъ поведеніи взбунтовавшихся, Кисляковъ вышелъ къ нимъ на площадь.

Вечерѣло. Въ воздухѣ кружились пушистыя снѣжинки; отвердѣвшая земля стучала подъ ногами, темное небо низко нависло надъ деревушкой, грозя ей мятелью.

Мужики, которые вышли было на улицу послѣ отъѣзда Тюльпанова, завидѣвъ станового, снова ретировались по избамъ. Также выбыла изъ строя и осторожная часть женскаго населенія, уводя съ собою напоенную скотину; но все-таки еще масса женщинъ, оживленныхъ и взволнованныхъ, толкалась передъ крыльцомъ сельскаго правленія.

— Какъ вы смѣли выпустить изъ дворовъ скотину?—крикнулъ Кисляковъ, смѣло врѣзываясь въ толпу.

Безъ всякой боязни, бабы окружили новое начальство плотной стѣною; гдѣ-то послышался даже сдержанный смѣхъ,—очевидно, воспоминаніе о пораженіи Тюльпанова ихъ подбадривало на новые скандалы; но становой Кисляковъ былъ не чета деликатному Петру Петровичу: поднявши свою правую руку, онъ сперва прижалъ ее къ лѣвому плечу, а потомъ сдѣлалъ ею такой размахъ во всю мочь своего богатырскаго тѣла, что болѣе слабыя бабы

едва на ногахъ удержались, и вокругъ него сразу образовалось пустое пространство.

— Вы, канальи, и со мной думаете шутки шутить?—бросилъ онъ сквозь зубы, присмирѣвшей толпѣ,—ну, нѣтъ, подавитесь... Признавайтесь сейчасъ, кто дерзилъ исправнику? Кто первый выпустилъ скотину?

Бабы молчали; веселое настроеніе ихъ начало мало-по-малу куда-то улетучиваться.

— А, молчите!—продолжалъ Кисляковъ,—все равно, я знаю всѣхъ, и зачинщицъ знаю, и тѣхъ, которыя скотину выпускали; но возиться съ вами я не стану—ужо на судѣ въ городѣ разберутъ; а пока скажу вамъ вотъ что: за васъ мужья отвѣтятъ! Завтра же мужья всѣхъ замѣченныхъ въ бунтѣ сядутъ въ холодную...

Въ толпѣ поднялось недовольное ворчаніе; послышалось даже чье-то всхлипыванье.

— Чѣмъ же наши мужики виноваты?—произнесла красивая бабенка, предметъ вниманія Петра Петровича, которая, привыкнувъ къ ухаживанію чиновниковъ, не боялась разговаривать съ ними.

Но приставъ Кисляковъ сегодня не былъ склоненъ отдавать дань удивленія прекрасному. Онъ затопалъ ногами и крикнулъ:

— Молчать! По домамъ! Если у меня еще кто пикнетъ—сейчасъ мужика подъ арестъ посажу! А если у меня кто-нибудь посмѣетъ изъ степи привезти сѣна... то... то...

Становой захлебнулся, не зная, какую еще произнести угрозу и только прибавилъ:

— Вы у меня поговорите! Поговорите! Я сотню, я полъ-деревни заарестую, только поговорите.

Но никто ужъ ничего больше не говорилъ. Бабы уныло начали расходиться по домамъ, и впервые запало въ ихъ душу предчувствіе грознаго возмездія за такую, повидимому, невинную шутку съ начальникомъ.

Становой Кисляковъ нѣкоторое время постоялъ еще на площади съ видомъ полководца, одержавшаго блистательную побѣду; но разыгравшаяся мятель принудила его скрыться въ гостепріимныя нѣдра общественной квартиры.

На площади стало пусто и тихо, только завывалъ вѣтеръ, да огромные хлопья снѣга покрывали слѣды ногъ бунтовщицъ, которыя таки порядочно размяли за сегодняшній день оттаявшую землю.

Зато въ избахъ огни засвѣтились раньше обыкновеннаго, потому что неусмиренныя страсти еще продолжали клокотать въ сердцахъ несдержаннаго женскаго населенія.

Въ угловой избѣ съ тремя окнами, выходившими на улицу, сидѣла красивая баба, предметъ вниманія Петра Петровича, ко-

торую звали Домной, и съ нетерпѣніемъ слушала выговоры своего мужа Андрея.

Андрей, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Степаномъ, недавно вернулся изъ Курдюма, куда они возили продавать кизяки. Возвращаясь оттуда, братья уже слышали о бабьемъ бунтѣ, а у себя въ избѣ узнали подробности вмѣстѣ съ жестокой резолюціей пристава Кислякова.

— Вотъ, изъ за вашей дурости, придется намъ теперь отдуваться—сердито говорилъ Андрей.

— Да онъ сажать не станетъ,—возражала за Домну Марья, жена Степана, которая также чувствовала себя виноватой и боялась выговоровъ своего мужа.

— Посадитъ, не посадитъ, а пока надо выворачиваться,—откликнулся Степанъ, которому такъ понравилась шутка съ начальникомъ, что онъ даже не хотѣлъ браниться,—вы не сказывайте, что мы вернулись, коли придетъ за нами сотскій... говорите, что не вернулись изъ города, а мы хорониться будемъ весь день, никто не видалъ, какъ мы пріѣхали, а всѣ видѣли, какъ уѣзжали.

— А вы и впрямъ бы еще поѣхали въ поле за сѣномъ,—сказала Домна сварливо,—вонъ, другіе привозятъ тайкомъ сѣно съ хутора, а вамъ, видно, боязно...

— Тебѣ бы все только мутить, смутьянка,—сердито возразилъ Андрей,—видно, ужъ больно не терпится, чтобы становой закатилъ въ холодную.

— И такъ закатитъ, и этакъ закатитъ,—возразила Домна,—одинъ грѣхъ... такъ ужъ лучше намъ хоть съ сѣномъ остаться... гляди, уже всѣ крыши коровы пріѣли, скоро подохнетъ скотина...

— Эхъ, правду говоритъ баба,—откликнулся Степанъ съ печи, сладко зѣвая,—нужно бы поѣхать; да уже погода больно разгулялась, кабы не заплутаться.

— Кордоннаго новаго поставили,—нерѣшительно замѣтилъ Андрей, который всегда привыкъ подчиняться старшему брату,—говорятъ, больно лютый, никого не пропускаетъ...

— Вотъ и кордонный ничего за мятелью не увидитъ,—сказала Домна.

Мужики молчали; очевидно, они сознавали резонность совѣта; но было такъ уютно въ теплой избѣ, а на дворѣ бушевала такая непогодь!

— Ужо, завтра,—сказалъ Степанъ, и всѣ съ этимъ согласились.

Утромъ Андрей всталъ раньше всѣхъ и, по обыкновенію, вышелъ изъ избы посмотрѣть, все ли въ хозяйствѣ благополучно. Выйдя на дворъ, Андрей попытался отыскать на небѣ солнце; но его и слѣда не было, только вьюга метнула въ лицо мужику свое ледяное дыханіе и засыпала снѣгомъ полушубокъ.

Опустивъ поспѣшно голову, онъ отправился подъ навѣсъ къ скотинѣ.

Четыре сѣрыхъ быка будто ожидали хозяина. Заслышавъ его шаги, они разомъ, какъ по командѣ, повернули къ нему морды съ добрыми черными глазами. Андрей встрѣтилъ ихъ тревожные взгляды и поспѣшилъ отойти къ хлѣву, гдѣ стояла пара лошадей; онъ отлично понялъ, за что упрекаютъ его быки, которые уже нѣсколько дней питались полугнилою крышей.

Но лошади также не успокоили хозяйскаго сердца. Они привѣтствовали Андрея просящимъ ржаніемъ; а стоявшая въ углу корова даже не замычала, какъ дѣлала это обыкновенно, напоминая хозяйкѣ, когда приходила пора ее доить,—она только повернула голову, широко раскрывъ черные глаза, обрамленные длинными тонкими рѣсницами.

Андрей не обратилъ вниманія на корову—корова дѣло бабы. Онъ заглянулъ въ пустыя ясли лошадей, которыя не переставали тихонько ржать, слѣдя за каждымъ его движеніемъ, развязалъ запутавшуюся веревку на шеѣ рыжаго мерина, расправилъ всклокоченную гриву старой кобылы, которая выростила ему не одну добрую лошадь, и вышелъ на дворъ. Безсловесные обитатели хлѣва проводили его кроткими, но укоризненными взглядами.

На дворѣ около избы стоялъ Степанъ съ Домной, которая осматривала старую крышу, въ надеждѣ отыскать еще клочекъ соломы, годной для коровы.

Степанъ внимательно изучалъ хмурое небо.

— Пропадаетъ скотина,—сказалъ Андрей дрогнувшимъ голосомъ,—а пропадетъ она—и мы пропадемъ...

— Корова совсѣмъ молоко давать перестала,—проворчала Домна,—скоро и ребенка кормить будетъ нечѣмъ.

— Надо ѣхать въ степь за сѣномъ,—сказалъ Степанъ,—вишь, Богъ мятель какую посылаетъ! Мимо кордона провеземъ такъ, что сторожъ и не увидитъ.

— А какъ пымаютъ?—громко подумалъ Андрей.

— Пымаютъ!—нетерпѣливо начала кричать Домна,—пусть ловятъ! Развѣ ты чужое укралъ? А свое брать кто смѣетъ не дозволить! Ну, и мужикъ! Свой стогъ стоитъ чуть не за околицей, а взять его ума не хватаетъ! Не поѣдешь ты, я поѣду!

— Ай да Домна!—смѣясь, воскликнулъ Степанъ,—ладно ужъ, ладно, не кудахтай больше, а лучше собирай обѣдать, потомъ и поѣдемъ: засвѣтло наберемъ на воза, а въ сумерки назадъ вернемся.

Андрей не противорѣчилъ старшему брату, однако мысли о грозномъ приставѣ Кисляковѣ, о неумолимомъ урядникѣ Собачкинѣ и, главное, о новомъ кордонномъ Евтихіѣ Никитинѣ, прославившемся среди рахмановскихъ крестьянъ своей бдительностью, пре-

слѣдовали его все время; но четырнадцатилѣтній племянникъ его Гаврюшка съ такой увѣренностью запрягалъ мерина, а Домна такъ торопила съ ѣдою, что думать объ отступленіи было нечего.

Пообѣдавъ, братья задами выѣхали со двора, сопровождаемые горячими пожеланіями успѣха.

За околицей ураганъ чуть не перевернулъ ихъ сани; лошади, фыркая, попятились.

Послѣ безчисленныхъ понуканій, кобыла, понатужившись, разрѣзала грудью острый бугоръ снѣга съ отшлифованной вершиной, который намелъ ураганъ по дорогѣ; за ней пошелъ меринъ и сани съ бугра упали на голую обледенѣлую дорогу...

Братья подвигались медленно. Въ воздухѣ, пропитанномъ серебряной пылью, ничего не было видно. Съ земли, изъ-подъ копытъ лошадей, выскальзывали длинныя, косыя полосы снѣга и, подобно легкимъ покрываламъ, летѣли по вѣтру, чтобы разсыпаться около какого-нибудь огромнаго, твердаго, точно мраморъ, бугра и увеличить его острую вершину.

Масса черныхъ точекъ пестрила серебристую мглу воздуха, вторя жалобнымъ свистомъ завыванію урагана: то были сѣрые и черные дрозды, занесенные съ полей мятелью. Вѣтеръ то поднималъ вверхъ ихъ безпомощную стаю, то бросалъ внизъ къ землѣ неправильнымъ трехугольникомъ, гдѣ, полузамерзшіе, кружились они по бѣлой пустынѣ; а надъ ними, лѣниво помахивая тяжелыми крыльями, рѣяли вороны, поджидая свою добычу.

— Падаль чуютъ, проклятые,—сказалъ Андрей; но даже самъ еле слышалъ свой голосъ, такъ исправно дѣлалъ ураганъ свое дѣло.

Стогъ сѣна находился очень близко отъ деревни, и, несмотря на всѣ препятствія, братья успѣли добраться до него довольно скоро; но тутъ ураганъ, который точно раздѣлялъ убѣжденія Петра Петровича насчетъ чумного сѣна, удвоилъ ярость, и братьямъ трудно было работать при такой бурѣ.

Но не объ этихъ трудностяхъ думали они, накладывая сѣно, которое ураганъ старался вырвать изъ рукъ, чтобы разметать потомъ во всѣ стороны: оба думали о кордонѣ.

IV.

На небольшомъ холмѣ, близъ моста, перекинутаго черезъ рѣчку Курдюмку, отдѣлявшую степь отъ деревни Рахмановки, стоялъ маленькій шалашъ, возлѣ котораго на высокой палкѣ печально трепался по вѣтру лоскутъ чернаго коленкора. Это былъ черный флагъ, знаменовавшій чумный кордонъ.

Въ шалашѣ находился тотъ самый представитель власти, на которомъ лежала обязанность осуществлять предписанія Петра Петровича.

Евтихій Никитинъ занялъ постъ этотъ совершенно для себя неожиданно, въ видѣ натуральной повинности. Вызванный бумагой, вмѣстѣ съ другими тремя десятниками изъ деревни Гамалѣевки, онъ былъ водворенъ сюда, благодаря плану „раскассировки", придуманному помощникомъ Тюльпанова, Эмиліемъ Маріусовичемъ.

Евтихій Никитинъ, ничего не зная о высшихъ соображеніяхъ начальства, былъ нѣсколько смущенъ, очутившись неожидано для себя за сорокъ верстъ отъ Гамалѣевки. Пока погода была теплая, его не очень интересовалъ вопросъ о своей судьбѣ, и на ночь, пренебрегая своими обязанностями, онъ пробирался ночевать къ куму Данилѣ, жившему возлѣ самой околицы.

Сегодня утромъ къ шалашу подскакалъ на лошади урядникъ Собачкинъ, вызвалъ Никитина и передалъ ему приказъ—смотрѣть въ оба за всѣми проѣзжающими и быть всегда на своемъ посту.

— Да смотри у меня, чтобы ни клочка сѣна не попало въ деревню,—сурово прибавилъ урядникъ, который зналъ о выговорѣ, полученномъ Кисляковымъ, и теперь, какъ его представитель, часть отвѣтственности возлагалъ на Евтихія Никитина.—Вы, канальи, рады потворствовать своему брату... Чуть что, сейчасъ у меня попадешь въ холодную!

— Тутъ, братъ, у меня холоднѣе всякой холодной,—пробормоталъ Никитинъ, глядя вслѣдъ уряднику, скрывавшемуся за серебряной завѣсой,—ему хорошо кричать „на своемъ посту"! А какъ тутъ ночь усидишь?.. То же разговаривать!

Дѣйствительно, въ шалашѣ было ужасно холодно.

Никитинъ удивлялся: почему это въ серединѣ шалаша, который, повидимому, со всѣхъ сторонъ плотно закрытъ снѣгомъ, такъ свободно гуляетъ буря? Нельзя даже пролежать на одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ минутъ, чтобы не почувствовать, какъ вѣтеръ забирается въ прорѣхи полушубка!

Раздумывая такъ, Никитинъ рѣшилъ еще разъ обойти вокругъ шалаша, чтобы разслѣдовать, въ чемъ недостатокъ?

У входа уже воздвигнулся снова огромный сугробъ, изъ котораго, подъ искусными руками Евтихія, вскорѣ образовался отличный щитъ противъ вѣтра. Затѣмъ оказалось, что въ одномъ мѣстѣ шалаша среди соломы торчалъ большой сукъ сухой акаціи,—очевидно, все зло таилось въ этомъ сукѣ!

Сердито вытащивъ вѣтку, Никитинъ заровнялъ солому, присыпалъ ее снѣгомъ и хорошенько прибилъ лопатой.

Но и отъ этого не стало теплѣе! Страшно захотѣлось ѣсть Никитину... Провизія, состоящая изъ хлѣба и жидкой пшеной болтушки, хранилась посреди шалаша, въ глубокой ямѣ, тщательно выложенной соломой и укрытой войлокомъ. Вчера болтушка была горячая: можно было развести костеръ около шалаша; а

сегодня, поди-ка, разведи, попробуй — и шалашъ сгоритъ, да и самому уйти будетъ некуда!

Поужинавъ, Евтихій Никитинъ легъ отдохнуть, зарывшись поглубже въ солому.

Эта безпрестанная борьба со стихіями заставила его до того забыть свои обязанности стражника, — которыя, впрочемъ, и раньше не были особенно близки его сердцу, — что если бы онъ теперь увидѣлъ цѣлую партію рахмановцевъ, везущихъ свое чумное сѣно, то не пошевелилъ бы пальцемъ, подъ самыми строгими угрозами Собачкина... Пугаетъ холодной... Эка бѣда! Тамъ хоть тепло, да горячаго дадутъ поѣсть... Обидно только, если въ Рахмановкѣ посадятъ, пусть лучше бы въ Гамалѣевкѣ. Теперь его здѣсь всѣ боятся, слушаютъ, хотя и плохо кормятъ; послѣ кутузки перестанутъ бояться, а кормить, пожалуй, и вовсе не захотятъ, да и кутузка здѣсь похуже Гамалѣевской.

Подобныя мысли нѣсколько развлекли Никитина; но все-таки, заснуть ему не удалось, холодъ сдѣлался опять очень чувствительнымъ.

— И что за диво!—бормоталъ мужикъ, сердито вскакивая— эхъ, хорошо теперь на печи у кума Данилы... Нешто пойти? Чортъ съ ними, пускай себѣ лаются... Да какъ дойдешь въ этакую бурю? Вѣдь, нельзя, замететъ и слѣда не останется... Грѣхъ-то, грѣхъ! Руки размять, что ли?

Вооружившись лопатой, Никитинъ снова вышелъ изъ шалаша погрѣться на вольномъ воздухѣ и сильными размахами началъ расчищать дорожку къ мосту, не обращая вниманія на ураганъ, который быстро уничтожалъ результатъ его трудовъ.

Вдругъ Никитинъ остановился и, опершись на рукоятку лопатки, началъ прислушиваться. Ураганъ донесъ до него какіе-то посторонніе звуки, не то кашель, не то разговоръ или лошадиный храпъ, кто его знаетъ?

Кордонный уже хотѣлъ-было снова приняться за работу, какъ почти у самаго его плеча выросла голова лошади.

— Стой ты, куда лѣзешь? — крикнулъ Евтихій; но лошадь, тяжело сопя, уже сама остановилась, какъ бы ожидая подходившаго хозяина.

— Ишь, куда забрелъ, къ кордону! — съ изумленіемъ воскликнулъ подошедшій мужикъ, оказавшійся кучеромъ Ападульчева и пріятелемъ Никитина, — а, здорово Евтихій Миколаичъ, эко занесло твой шалашъ-то!

— Здорово, Андрей Иванычъ, — отвѣчалъ Никитинъ — бѣда какъ мятетъ, скоро занесетъ все до верху, завтра откапывать придется.

— Ночью-то дюже холодно будетъ...

— Надо бы еще... Эхъ-ма! Хотѣлъ пойти заночевать къ куму Данилѣ, да куда двинешься въ этакую пургу; довезъ бы меня, что ли, до околицы?

— Не рука, Евтихій Миколаичъ, надо падаль въ баракъ сперва бросить, вишь, заплутался, а время не терпитъ.

— Да ты что везешь-то?—спросилъ Никитинъ, присматриваясь къ тушѣ, лежащей на санях и тщательно прикрытой соломой, на которой уже воздвинулся порядочный пластъ снѣга.

— Буйлица вчера околѣла... Буйла закопали подъ навѣсомъ; а ее хозяинъ велѣлъ вывести въ баракъ, благо, никто теперь не увидитъ.

— Знама, не увидитъ, гдѣ увидать въ такую пургу? Намедни Собачкинъ прискакалъ, говоритъ, смотри, чтобы никто сѣна не возилъ на деревню... Смотрѣлъ бы самъ... Може бы, что и увидѣлъ.

Пріятели помолчали. Кучеръ зашелъ въ шалашъ выкурить трубку, а затѣмъ распростился съ хозяиномъ, оставивъ ему на прощанье часть своей махорки. Евтихій Никитинъ съ наслажденіемъ накурился махорки и ему вдругъ стало такъ тепло и даже весело. Насвистывая какую-то пѣсенку, онъ снова принялся вычищать снѣгъ у входа; но теперь дѣло пошло гораздо спорѣе.

Сѣрыя сумерки уже начинали окутывать бѣлую волнующуюся землю. Казалось, какая-то огромная черная шапка все ниже и ниже спускается съ неба, закрывая своими краями слабые лучи спрятаннаго куда-то солнца.

Въ это время Андрей Воробьевъ осторожно подкрадывался къ шалашу, оставивъ брата возлѣ саней съ сѣномъ недалеко отъ моста.

Степанъ совѣтовалъ ѣхать прямо степью, тѣмъ берегомъ рѣчки, гдѣ не круто и можно перебраться къ деревнѣ безъ моста, по мягкому снѣгу; но Андрею стало жаль лошадей, и такъ соблазнительно близка была деревня, такъ явственно слышался проносимый вѣтромъ лай собаки, что онъ рѣшилъ посмотрѣть, не заснулъ ли кордонный?

Проваливаясь нѣсколько разъ по поясъ въ сугробы, сбиваемый съ ногъ ураганомъ, Андрей, наконецъ, подошелъ къ шалашу совсѣмъ близко, не замѣчая, что въ пяти шагахъ отъ него раскидываетъ снѣгъ Евтихій. Онъ бы, пожалуй, даже натолкнулся на этотъ предметъ своихъ опасеній, если бы Никитинъ, увлеченный работой, не повторялъ громко, въ видѣ ободренія:

— Разъ—два! Разъ—два! Вотъ и согрѣлся...

И слова эти сопровождалъ ударами лопаты по снѣгу.

Андрей остановился, разсмотрѣлъ, наконецъ, въ темнотѣ фигуру кордоннаго и бросился прочь отъ него въ испугѣ.

— Стоитъ на мосту, насъ доглядаетъ,—сказалъ онъ, задыхаясь, подходя къ брату,—назадъ, видно, надо погонять...

— То-то назадъ!—сердито проворчалъ Степанъ,—кабы меня послушался, были бы мы уже за рѣчкой.

Взявъ подъ уздцы лошадь, Степанъ, повернулъ ее обратно и пошелъ впереди саней наугадъ, по памяти; сконфуженный Андрей покорно слѣдовалъ за нимъ со своими санями.

Нѣкоторое время братья подвигались впередъ, неизвѣстно куда, окруженные со всѣхъ сторонъ серебряной волнующейся сѣткой мельчайшихъ снѣжинокъ.

— Ну что тамъ еще?—сердито пробормоталъ Андрей, замѣтивъ что недоуздокъ какъ-то свободно сталъ колыхаться въ его рукѣ,—уздечка, что ли лопнула?.. Степанъ, а Степанъ!

Но братъ, не услышавъ зова, продолжалъ ѣхать дальше; между тѣмъ, лошадь Андрея вдругъ остановилась. Онъ приладилъ кое-какъ въ темнотѣ уздечку и поспѣшилъ за братомъ.

Однако, за это короткое время мятель успѣла укрыть отъ него Степана тучей мелкихъ снѣжинокъ, а ураганъ торопился поскорѣе замести слѣдъ колеи отъ полозьевъ.

— Степанъ!.. Степа-анъ! кричалъ Андрей. Вѣтеръ подхватывалъ его крики, разрывалъ ихъ въ клочки и разносилъ во всѣ стороны.

Андрей пригнулся къ землѣ, чтобы разсмотрѣть колею отъ саней брата; но темная шапка уже такъ успѣла глубоко надвинуться на холодную землю, что нельзя было ничего увидѣть.

— Степанъ!—крикнулъ еще разъ Андрей, поднимаясь отъ земли; но снова крикъ его остался безъ отвѣта.

Тутъ онъ сообразилъ, что звать брата больше не стоитъ; а надо постараться нагнать его.

— Пошла, пошла!—крикнулъ онъ старой кобылѣ,—и также исчезъ въ степи, среди непроглядной темноты, окруженный со всѣхъ сторонъ холодными призраками мятели...

V.

Къ утру мятель утихла. Ураганъ улетѣлъ куда-то далеко, увлекая за собою разорванныя тучи; надъ бѣлой, изрытой сугробами землею, опрокинулся глубокій сводъ синяго неба, на которомъ сіяло яркое южное солнце.

Становой Кисляковъ, давшій себѣ слово возстановить свою репутацію въ глазахъ Петра Петровича, рѣшилъ сегодня утромъ провѣрить поведеніе рахмановскаго кордоннаго, для чего велѣлъ подать себѣ верховую лошадь и, въ сопровожденіи урядника Собачкина, отправился за мостъ къ кордону.

Но возлѣ моста, къ великому изумленію властей, не оказалось никакого кордона. Пропалъ не только Евтихій Никитинъ, но даже административный шалашъ...

Становой, прищуривъ глаза отъ ослѣпительнаго блеска снѣга, смотрѣлъ вправо и влѣво на необъятную равнину, покрытую бѣлой пеленой, на которой солнечные лучи отражались міріадами алмазныхъ искръ, и не могъ найти ни шалаша, ни кордоннаго... Наконецъ, когда недоумѣніе начальника грозило принять размѣры гнѣва, урядникъ Собачкинъ увидѣлъ лоскутъ чернаго флага, какъ бы лежавшій на серебряной поверхности земли и догадался въ чемъ дѣло.

— Да ихъ замело, ваше благородіе,—сказалъ онъ, одною рукою указывая на флагъ, а другую прикладывая къ козырьку фуражки.

— Вотъ наказаніе, — пробормоталъ Кисляковъ, начиная соображать, не поставитъ ли Тюльпановъ ему въ вину и это обстоятельство, въ которомъ виноваты исключительно стихіи?.. Съ него станется...

Но раздумывать объ этомъ оказалось некогда: урядникъ Собачкинъ смотрѣлъ на него выжидательно, какъ бы требуя соотвѣтствующихъ приказаній, и Кисляковъ понялъ, что онъ долженъ быть дѣятеленъ.

— Поѣзжай въ деревню, позови мужиковъ раскопать шалашъ... да поскорѣе, не мерзнуть же мнѣ здѣсь,—сказалъ приставъ, и лицо Собачкина сразу просвѣтлѣло готовностью. Очевидно, онъ самъ былъ одного мнѣнія съ начальникомъ.

Въ ту же секунду урядникъ пришпорилъ лошадь и, благодаря его исполнительности, скоро у моста появились мужики съ лопатами.

Дѣло оказалось, въ сущности, пустяковое, и черезъ нѣсколько минутъ входъ въ шалашъ уже былъ расчищенъ, такъ же, какъ и дорожка къ нему для пристава Кислякова, который вошелъ туда первымъ. Прищурясь, Кисляковъ смотрѣлъ во тьму шалаша, которая казалась ему еще темнѣе отъ рѣзкаго контраста съ сіяющимъ утромъ; долго онъ не могъ ничего разобрать. Въ шалашѣ было ужасно холодно... Это даже удивило станового: вѣдь, все-таки, на воздухѣ должно было бы быть холоднѣе?

Наконецъ, долго приглядываясь къ соломѣ, онъ увидалъ скорченную фигуру кордоннаго.

— Неужели замерзъ? — прошепталъ Кисляковъ, взволнованно наклоняясь надъ Никитинымъ; но въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, ему послышалось ровное дыханіе спящаго.

— Эй, братъ, вставай, — сказалъ Кисляковъ, облегченно вздыхая.

Отвѣта не послѣдовало. Приставъ позвалъ его еще разъ, толкнулъ въ плечо рукою, но также безъ результата.

— Пьянъ онъ, что ли?—съ удивленіемъ пробормоталъ Кисляковъ.

— Быть такъ, что пьянъ, ваше благородіе,—подтвердилъ Собачкинъ.

— Нѣтъ, не пьянъ, а должно боленъ...—замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ, вошедшихъ въ шалашъ.

Тогда Собачкинъ подошелъ къ кордонному, схватилъ его за плечи и посадилъ на солому. Евтихій Никитинъ, открывъ глаза, смотрѣлъ на начальство чрезвычайно равнодушно и началъ бормотать что-то такое, въ чемъ не было ни малѣйшаго смысла.

— Горячка, должно,—сказалъ тотъ же мужикъ, и Кисляковъ принужденъ былъ согласиться съ его мнѣніемъ.

— Собачкинъ, поѣзжай въ деревню за подводой что бы везти его въ больницу,—приказалъ онъ.

Не успѣлъ еще выйти Собачкинъ, какъ одинъ изъ мужиковъ, бывшихъ въ степи, вошелъ въ шалашъ и доложилъ Кислякову:

— Еще сани съ сѣномъ отрыли, ваше благородіе... Видимъ, что-то въ снѣгу шевелится... Подошли: оглобли, да лошадиная морда, а какъ отрывать стали, человѣка въ сѣнѣ нашли.

— Мертвъ?—отрывисто спросилъ Кисляковъ, думая, что нагромождается ужь слишкомъ много событій, какъ бы для испытанія его распорядительности.

— Живой, только безъ памяти,—былъ отвѣтъ.

Только что приставъ вышелъ, чтобы осмотрѣть находку, какъ на встрѣчу ему прибѣжалъ еще одинъ мужикъ съ новымъ извѣстіемъ.

— Еще нашли сани съ сѣномъ, ваше благородіе,—доложилъ онъ,—а въ нихъ человѣкъ...

— Мертвъ?—также отрывисто, почти гнѣвно спросилъ Кисляковъ.

— Здоровехонекъ!—улыбаясь, отвѣчалъ мужикъ.

— Это они, канальи, чумное сѣно воровать ѣздили,—сказалъ приставъ, подходя къ мѣсту происшествія.

Сани находились другъ отъ друга на разстояніи не болѣе десяти саженей и почти такое же пространство отдѣляло ихъ отъ шалаша кордоннаго.

Мужики раскидывали съ однихъ саней сѣно, чтобы помѣстить туда Степана, который былъ безъ памяти. Андрей, болѣе крѣпкій и здоровый, совсѣмъ не пострадалъ отъ мороза и теперь стоялъ возлѣ брата, глядя на него съ покорнымъ отчаяніемъ. Онъ иногда осторожно до него дотрогивался и тихо говорилъ:

— Степанъ, а, Степанъ?

— Это вы сѣно воровать ѣздили? — подходя къ братьямъ, сказалъ Кисляковъ.

— Свое брали,—какъ бы про-себя отвѣчалъ Андрей.

— А, ты еще грубить, каналья! — закричалъ приставъ; но вдругъ умолкнулъ, потому ли, что Андрей казался нечувствительнымъ къ выговору, или потому, что изъ груди Степана вырвался глухой стонъ въ это время,—неизвѣстно.

— Ну, теперь и этого везти надо въ больницу, — сказалъ Кисляковъ, обрывая ругательства,—вотъ наказаніе! Довезутъ ли ихъ лошади?

— Коли парой, такъ ничего, кони сытые... промерзли маненько, да пройдутся... ничего,—отвѣчали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Тогда запрягайте парой и везите больного въ Курдюмъ,— распорядился приставъ, а сани съ сѣномъ пусть пока останутся здѣсь, это будетъ улика.

Лошадей кое-какъ повернули въ снѣгу, и они поплелись впередъ, съ трудомъ вытаскивая изъ сугробовъ окоченѣвшія ноги.

Андрей шелъ возлѣ Степана. При каждомъ его стонѣ онъ поднималъ свою понурую голову и взглядывалъ на брата съ невыразимымъ страданіемъ.

— Еще благодари Бога, что такъ счастливо отдѣлался,—сказалъ ему становой Кисляковъ, который прогалопировалъ на лошади мимо печальнаго кортежа,—небось, зато на судѣ ужъ не выкрутитесь... здорово достанется!

Занятый положеніемъ Степана, Андрей мало обратилъ вниманія на смыслъ начальнической рѣчи; но она не долго оставалась для него загадкой.

Спустя нѣкоторое время ему, вмѣстѣ съ Домной и многими бабами изъ деревни Рахмановки, пришлось фигурировать на судѣ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ, а затѣмъ и претерпѣть соотвѣтствующее наказаніе.

Степанъ долго лежалъ въ больницѣ и на судѣ не присутствовалъ, но онъ понесъ и такъ достаточную кару за свое ослушаніе: на ногахъ у него было отнято шесть отмороженныхъ пальцевъ, а на рукахъ—четыре; да и остальные походили потомъ вовсе не на пальцы, а на какіе-то красные обрубки.

Евтихій Никитинъ также выздоровѣлъ, но какъ-то съ тѣхъ поръ сталъ „бояться простуды“, что его самаго чрезвычайно удивляло, и къ чему онъ никакъ не могъ привыкнуть.

Юлія Безродная.

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ.

(Критико-біографическій очеркъ **Людвика Штейна**).

Переводъ съ нѣмецкаго Н. Бердяева.

(*Окончаніе* *).

Несмотря на весь глубокій антагонизмъ, на всю прямо полярную противоположность между міровоззрѣніями Ницше и прежняго міра, я не знаю ни одного философа, который, съ одной стороны, приписывалъ бы появленію евреевъ въ исторіи такую глубокую, рѣшающую культурно-историческую роль, а съ другой—воздавалъ бы характеру еврейской націи такое высокое почтеніе, граничащее съ благоговѣніемъ, какъ это дѣлаетъ на все ворчащій Ницше. Ничто изъ того, что на всей землѣ было предпринято противъ «знатныхъ», «могущественныхъ», «господъ», «властелиновъ», не достойно упоминанія сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлали противъ нихъ евреи, тотъ жреческій народъ, который съумѣлъ найти удовлетвореніе своей мести надъ врагами и побѣдителями лишь въ *радикальной переоцѣнкѣ* всѣхъ его цѣнностей, т. е. въ самой умной мести. Вѣдь это евреи рѣшились на извращеніе съ ужасною послѣдовательностью аристократическаго уравненія цѣнностей (хорошій = знатный = могущественный = прекрасный = счастливый = богоугодный) и съ безпредѣльною ненавистью (ненавистью слабыхъ) держались этого рѣшенія; въ самомъ дѣлѣ: «Несчастные лишь—хорошіе люди, того же имени достойны лишь бѣдные, слабые, низкіе; страдающіе, терпящіе нужду, больные, безобразные также единственно благочестивы, ихъ только ожидаетъ блаженство... *Это извращеніе цѣнностей было началомъ рабскаго возстанія въ этикѣ*, того возстанія, которое въ настоящее время имѣетъ за собою исторію двухъ тысячъ лѣтъ и которое лишь потому у насъ сошло съ глазъ, что *было побѣдоносно*» («Gen. d. Moral», стр. 13).

Итакъ, это евреи доставили окончательную побѣду рабской морали, благодаря своему «самому основательному изъ всѣхъ объявленій войнъ». «Чѣмъ обязана Европа евреямъ? Различнымъ, хорошимъ и дурнымъ, а

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

главнымъ образомъ однимъ, что одновременно и самое лучшее, и самое плохое: *высокимъ стилемъ въ морали*... Мы артисты среди обыкновенныхъ зрителей и философовъ обязаны за это евреямъ». Это относится не только къ *историческимъ* евреямъ, которымъ мы вынуждены приписать также еще другое значеніе, но и къ современнымъ. «Евреи представляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, самую крѣпкую, энергичную и чистую расу въ современной Европѣ; они умѣютъ достигать свой цѣли при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (даже лучше, чѣмъ при благопріятныхъ), благодаря нѣкоторымъ своимъ добродѣтелямъ, которыя охотно клеймятъ въ настоящее время... Европа должна бы перенять эти черты и наклонности современныхъ евреевъ, относиться къ нимъ съ почтительностью и идти имъ на встрѣчу: для этого было бы, пожалуй, полезно и справедливо угомонить нашихъ крикуновъ-антисемитовъ» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 207—210).

Платонъ въ философскомъ, а евреи въ историческомъ отношеніи явились причиною разрыва европейской культуры съ господскою моралью, праздновавшей свои послѣдніе тріумфы въ діонисіевскомъ культѣ жизнерадостной, страстной къ наслажденіямъ Эллады, и перехода къ рабской морали. Въ то время, какъ идеалъ первой составляла свободная, ничѣмъ не стѣсненная жизнерадостность и наслажденіе удовольствіями, идеалъ рабской морали могъ быть формулированъ однимъ словомъ: *аскетизмъ*. «Въ то время, какъ всякая высшая мораль выростаетъ на почвѣ торжествующаго утвержденія: «да», рабская мораль все говоритъ лишь «нѣтъ». Оптимизмъ и пессимизмъ, наклонность къ наслажденіямъ и аскетизмъ, Римъ и Іудея вели другъ съ другомъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій отчаянную борьбу, пока, наконецъ, Іудея не вышла изъ этой борьбы побѣдительницею; вѣдь «нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Іудея на время *побѣдила* Римъ» («Genealogie der Moral», стр. 35). Право, это замѣчательный историческій взглядъ, по которому платонизмъ, іудейство и христіанство смѣшиваются въ одно цѣлое и получаютъ общій титулъ аскетизма. Логическую ошибку такого сокращеннаго объединенія составляетъ то, что категоріи «инстинктъ» и «аскетизмъ» до того приняты широкими, что для подходящихъ къ нимъ понятій требуется лишь поверхностное сходство другъ съ другомъ, а вовсе не болѣе близкое отношеніе.

Въ этихъ историческихъ соображеніяхъ Ницше ложными являются самыя основныя предположенія. Да, его основное положеніе, что мы, люди цивилизаціи, находимся въ состояніи физіологическаго вырожденія, является вполнѣ произвольнымъ, недоказаннымъ и несогласнымъ съ данными сравнительной этнологіи. Развѣ болѣе близкіе къ природѣ люди, какъ калмыки, готтентоты и т. д. стоятъ въ физіологическомъ отношеніи выше насъ? А то возьмемъ обратную сторону медали: вѣдь тѣхъ первобытныхъ героевъ, которыми Ницше такъ восторгается за

ихъ «цвѣтущее физическое состояніе», онъ знаетъ лишь изъ греческихъ и скандинавскихъ преданій. Развѣ мы обладаемъ статистическими данными относительно состоянія ихъ здоровья, развѣ исторія культуры даетъ намъ опредѣленныя указанія относительно ихъ жизни и занятій? «Бѣлокурую бестію» (die «blonde Bestie») Ницше, этотъ предметъ его мечтаній, мы узнаемъ впервые со времени ея появленія въ исторіи, когда она является, правда, еще бѣлокурой, но уже вовсе не «бестіей». Подобное созданіе изъ собственной фантазіи героевъ, существованіе и свойства которыхъ не могутъ быть доказаны исторически, чтобы затѣмъ взирать на нихъ съ благоговѣніемъ, наблюдается, конечно, часто, но именно только въ религіозныхъ преданіяхъ, къ которымъ Ницше такъ презрительно относится. Что же другое изображаетъ въ высшей степени фантастическій его «классъ господъ» («Herrenklasse»), какъ не соціологическій миѳъ? Если это должно обозначать, что всегда существовали властвующіе и подчиненные, то Ницше могъ свободно не открывать этой мудрости; но если это предполагаетъ, что существовала особая *раса властелиновъ*, народъ, которому самой природой было предопредѣлено быть олицетвореніемъ «жажды могущества», то это утвержденіе лишено всякихъ научныхъ доказательствъ. А до тѣхъ поръ, пока такихъ доказательствъ нѣтъ, мы имѣемъ право считать всю эту теорію о «расахъ господъ и рабовъ» соціологической миѳологіей.

Сверхъ того, большой еще вопросъ, регрессировало ли вообще культурное человѣчество въ физіологическомъ отношеніи. Вѣдь отдѣльныя охотничьи племена могли обладать вообще хорошимъ тѣлосложеніемъ, благодаря своимъ ежедневнымъ занятіямъ. Однако, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что до Рождества Христова лишеніе жизни дѣтей слабыхъ, болѣзненныхъ и увѣчныхъ составляло у многихъ народовъ правило, такъ что лишь дѣти, ничего не оставлявшія желать въ физіологическомъ отношеніи, имѣли виды на то, чтобы остаться въ живыхъ, что далѣе болѣзни, эпидеміи, голодные годы, непріятельскія нашествія, наводненія, пожары, всякаго рода явленія природы, противъ которыхъ первобытный человѣкъ безсиленъ, какъ разъ уничтожали болѣе слабую часть населенія, такъ что, пожалуй, остатокъ его, бывшій въ состояніи устоять противъ всего этого, въ физіологическомъ отношеніи былъ удовлетворителенъ. Однако, кто можетъ рѣшить вопросъ о томъ, были ли они въ среднемъ лучше насъ въ этомъ отношеніи,— насъ, которые заботливо выращиваемъ всѣхъ хилыхъ и калѣкъ, пополняя такимъ образомъ ими статистическія таблицы. Статистика показала, что съ успѣхами цивилизаціи средняя продолжительность жизни увеличивается. Быть можетъ даже, что число этихъ «бѣлокурыхъ бестій», этихъ богатырей, на которыхъ такъ засматривается Ницше въ своемъ одностороннемъ культѣ физической силы, и теперь въ Теотобургскомъ лѣсу не меньше, чѣмъ нѣкогда. Однако типовъ современныхъ людей

надо искать не исключительно, какъ это дѣлаетъ Ницше, на бульварахъ Парижа, а слѣдуетъ также позаимствовать и изъ прусской арміи, тогда и то физіологическое вырожденіе, которое непремѣнно хочетъ открыть Ницше, вовсе не представится намъ въ такихъ темныхъ краскахъ *).

На приведенномъ выше положеніи Ницше основано, а вмѣстѣ съ нимъ и рушится, вся карточная постройка его теоріи культуры и морали. Единственнымъ серьезнымъ аргументомъ противъ современной цивилизаціи былъ упрекъ въ томъ, что люди обязаны ей физіологическимъ вырожденіемъ. Но разъ это оказывается произвольнымъ, не подтвержденнымъ статистическими данными, а потому и фантастическимъ утвержденіемъ, которому можно съ такимъ же, и даже съ большимъ еще правомъ противопоставить совершенно противоположное, то едва ли можно требовать отъ цивилизованнаго человѣка, чтобы онъ для какой-нибудь вѣтреной гипотезы начиналъ весь міръ ворочать вверхъ дномъ. И даже, если предположить нѣсколько сомнительный случай, что человѣчеству приходится рѣшительно разорвать всѣ свои узы съ прошлымъ и согласиться съ идеями Ницше, то, по его же собственному мнѣнію, это было бы для него невозможнымъ. Онъ вѣдь говоритъ, что «сказать человѣку: «измѣнись» значитъ требовать, чтобы все измѣнилось, притомъ еще назадъ... это далеко не малое безразсудство!» («Götzendämmerung», стр. 35; еще рѣзче тамъ же на стр. 116). Однако, если человѣкъ не *можетъ* измѣниться, если причинная цѣпь естественнаго хода вещей подвержена такому фатуму, какъ это въ своемъ мѣстѣ выводитъ Ницше, то интересно, къ чему должны служить такія глупости, какія предлагаетъ нашъ мыслитель.

Точка зрѣнія Ницше приводитъ къ одному изъ двухъ: или «жажда могущества»—предположивъ, что мы склоняемся признать сущностью эту помѣсь шопенгауэровской метафизики воли и теоріи эволюціи Дарвина и Спенсера—является, дѣйствительно, сущностью, міровою силой, въ такомъ случаѣ это она изъ самой себя создала съ роковою необходимостью всѣ современныя культурныя формы: какой смыслъ тогда имѣетъ упрямо противиться неизмѣнному естественному ходу? Это значило бы пытаться удержать булавочной головкою огромный обломокъ скалы, когда онъ, оторвавшись отъ склона горы, мчится бѣшено въ пропасть. Если вообще существуетъ одна только сущность и въ ней

*) По мнѣнію Герберта Спенсера, извѣстнаго знатока и критика спорныхъ соціологическихъ вопросовъ, замѣчается у цивилизованныхъ расъ въ физіологическомъ отношеніи не вырожденіе, а наоборотъ, высшее развитіе; ср. *Spencer*, «Einleitung in das Studium der Sociologie», deutsch von Marquardsen, T. I, стр. 98: «... какъ это, напр., указываетъ упорное во всѣ времена мнѣніе, будто въ нашей расѣ замѣчается уменьшеніе человѣческихъ размѣровъ и силы, въ то время, какъ *въ дѣйствительности вообще наблюдается увеличеніе, чему доказательствомъ являются кости, муміи, латы, и наблюденія путешественниковъ, близко соприкасавшихся съ первобытными обитателями*».

царитъ, какъ доказывалъ въ этомъ предположеніи Спиноза, необходимость, то было бы глупымъ донъ-кихотствомъ пытаться затормозить ходъ всемірной исторіи или даже дать ему обратное направленіе. Или же жажда могущества ослабѣла, сдѣлалась менѣе интенсивной и болѣе искаженной, благодаря этому рабскому движенію въ области морали, благодаря тому аскетическому идеалу, который своимъ господствомъ обязанъ совмѣстнымъ усиліямъ платонизма, іудейства и христіанства и который выражается въ суровомъ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ собственнымъ инстинктамъ: тогда задачей Uebermensch'a Ницше является возвратить полное господство «подавленному, отступившему на задній планъ, находящемуся въ глубокомъ заточеніи и лишь въ немъ самомъ проявляющемуся инстинкту свободы», т. е. жаждѣ могущества. Другими словами: спасеніе міра находится исключительно въ рукахъ человѣка. Въ переводѣ на языкъ Спинозы, это значило бы, что «сущность стала способомъ («die Substanz ist Modus geworden»).

Однако, это странное мистическое направленіе метафизической соціологіи Ницше приводитъ намъ на умъ не столько Спинозу, сколько Шопенгауэра. Не даромъ Ницше раздѣляетъ (см. «Götzendämmerung», стр. 54) вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ фанатическую страсть къ брамінизму и буддизму. Вмѣстѣ со своимъ учителемъ Шопенгауэромъ, къ которому онъ другой разъ весьма нерасположенъ за то, что тотъ разшевелилъ «іудейско-христіанскую мораль состраданія» и такимъ образомъ совершилъ «величайшую психологическую поддѣлку, какая когда-либо существовала въ исторіи, онъ видитъ одно и то же въ Ману.

Вообще, хорошо не приписывать большого значенія той разницѣ въ точкахъ зрѣнія Ницше и Шопенгауэра, на которую первый указываетъ съ явною умышленностью. Дѣйствительно, суть этики Шопенгауэра составляетъ отрицаніе охоты къ жизни, у Ницше, наоборотъ ее составляетъ стремленіе къ могуществу. Первый видитъ смыслъ и окончательную цѣль всего въ вѣчномъ несуществованіи, въ нирванѣ, второй— въ неограниченномъ господствѣ инстинкта. Однако, при всей видимой противоположности этихъ положеній, оба эти мыслителя сходятся въ томъ, что считаютъ въ своихъ весьма сходныхъ ученіяхъ о геніѣ спасеніе міра человѣкомъ возможнымъ, и даже единственнымъ исходомъ изъ современной культурной нищеты. И вполнѣ основательно считать Ницше, въ противоположность Шопенгууэру, принципіальнымъ оптимистомъ. Онъ *трансцедентальный* оптимистъ въ родѣ Лейбница, разъ онъ требуетъ *права гражданства* для своей жажды власти и, послѣдовательно проведя этотъ принципъ, обѣщаетъ въ далекомъ будущемъ блаженство лишь немногимъ избраннымъ. Но для эмпирическаго міра, по отношенію къ современной цивилизаціи, онъ является такимъ же пессимистомъ, какъ Шопенгауэръ и Гартманъ. Онъ не стоитъ въ такой противуположности, какъ Шопенгауэръ, съ энергичными проявленіями охоты къ жизни современнаго человѣка; у него безнадежное соціаль-

ное положеніе современнаго человѣчества не вызываетъ, какъ у Гартмана, слѣдующей мысли: нѣтъ, сегодняшній человѣкъ самъ себѣ опротивѣлъ. «Человѣкъ есть нѣчто, что должно измѣниться... Когда-то вы (люди) были обезьянами, и еще теперь человѣкъ больше обезьяна, чѣмъ любая изъ настоящихъ обезьянъ» («Zarathustra» I, 9). Его эмпирическій пессимизмъ въ рѣзкости и дикости выраженій нисколько не уступаетъ шопенгауэрскому. Разъ онъ согласенъ съ Шопенгауэромъ въ томъ, что современная культура должна подвергнуться измѣненію, а также въ томъ, что обязанностью геніальнаго человѣка является предпринятіе и постепенное осуществленіе этого измѣненія, то граница между обоими этими мыслителями вовсе не такъ глубока, какъ увѣряетъ Ницше. Именно, думая при посредствѣ людей освободить божество, а при помощи генія—міръ, входитъ онъ вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ на скользкій путь метафизической миѳологіи, гдѣ оба они *какъ литераторы* приковываютъ наше вниманіе блестящими подчасъ идеями, но *какъ философы* не могутъ въ насъ вызвать ничего, кромѣ печальнаго качанія головой. Въ этомъ метафизически-мистическомъ толкованіи міровыхъ явленій намъ можетъ, пожалуй, нравиться ихъ увлекающее, блестящее, преисполненное поэтическаго генія изложеніе, однако относиться къ нимъ серьезно или даже присчитывать ихъ къ числу научныхъ міровоззрѣній не скоро согласится современный мыслитель-натуралистъ. То, что намъ говоритъ исторія философіи о научномъ достоинствѣ подобныхъ «міровоззрѣній», позволяетъ намъ не бояться, что принципъ Ницше: «стремленіе къ могуществу», хотя бы временно будетъ считаться удовлетворительнымъ научнымъ объясненіемъ міровыхъ явленій. Для этого онъ долженъ бы быть иначе обоснованъ и логически выведенъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Изложивъ такимъ образомъ историко-критическую часть соціологіи и этики Ницше, гдѣ я, по скольку это было возможно, старался въ немъ видѣть лишь мыслителя, думаю, что мнѣ не придется больше доказывать шаткости основаній его критики современной цивилизаціи. Вмѣсто научныхъ выводовъ мы на каждомъ шагу встрѣчали тамъ лишь остроумныя гипотезы. Не трудно показать, что и попытки его вывести исторически-современную цивилизацію изъ борьбы Іудеи съ Римомъ, изъ рабскаго движенія въ области этики являются, по меньшей мѣрѣ, произвольною односторонностью, непозволительнымъ преувеличеніемъ. Кто, какъ Ницше, эволюціонистъ и даже въ красотѣ видитъ лишь «результатъ суммировавшейся работы цѣлыхъ поколѣній» («Götzendämmerung», стр. 123; тамъ же, стр. 116), тотъ не имѣетъ права говорить о внезапномъ рабскомъ возмущеніи въ области этики, произведенномъ при томъ однимъ единственнымъ народомъ. Можно приписывать какое угодно большое значеніе вліянію древнихъ евреевъ на ходъ цивилизаціи; однако того, что Ницше называетъ рабскимъ возстаніемъ въ этикѣ, а что, по нашему мнѣнію, является лишь постояннымъ приближеніемъ

культурнаго человѣчества къ идеалу любви ближняго, того вовсе не произвели *только* евреи! Постоянно повторяющееся тамъ требованіе: «поклоняйтесь *радостно* Богу» не позволяетъ думать, что старый завѣтъ являлся кодексомъ аскетическаго идеала.

Впрочемъ, оставимъ даже въ сторонѣ всѣ эти произвольности: какъ можетъ, однако, тотъ, кто, не смотря на свои злыя выходки противъ коренного нѣмецкаго (относящагося къ Гардеру) понятія «развитія» («Jenseits von Gut und Böze», стр. 200), причисляетъ себя по міровоззрѣнію къ эволюціонистамъ, какъ можетъ онъ говорить о рабскомъ возстаніи въ этикѣ, произведенномъ евреями и только евреями? Развѣ можетъ одинъ народъ въ данное время затормазить вдругъ міровое развитіе, измѣнить непосредственно всѣ этическія цѣнности? Не имѣемъ ли мы и здѣсь дѣла съ «результатомъ суммировавшейся работы цѣлыхъ поколѣній», и, добавимъ при этомъ, поколѣній не одного племени, а цѣлыхъ вѣковъ? На передѣлку всѣхъ этическихъ цѣнностей, по скольку это не преувеличено, такое же вліяніе оказали греческая и происшедшая отъ нея александрійская философія, а также буддизмъ, какъ и іудейская религія. Такимъ образомъ и это толкованіе Ницше возникновенія христіанства, этого рѣшающаго поворотнаго пункта въ исторіи цивилизаціи, является лишь пикантнымъ эпизодомъ въ его соціологическомъ романѣ.

IV. Позитивная часть ученія Ницше и ея опасность.

Доказавъ, какъ намъ кажется, всю несостоятельность историко-критическихъ выводовъ Ницше съ точки зрѣнія логики и науки, обратимся теперь къ той части его соціологіи, которая занимается положительнымъ построеніемъ. Въ безчисленныхъ обращеніяхъ, безподобныхъ по своему сарказму и ѣдкой желчности, указывалъ онъ культурному человѣчеству, какимъ оно *не* должно быть, если не желаетъ погибнуть. Отсюда, по необходимости, вытекала для него обязанность начертить образъ идельныхъ людей, способныхъ съ геркулесовой силой сдвинуть съ мѣста остановившуюся колесницу цивилизаціи и перевести ее на безопасный путь. Мы имѣли случай выше замѣтить его удивительное пристрастіе къ сильному человѣку до-историческихъ временъ, руководимому только первобытными инстинктами, къ «бѣлокурой бестіи». Отсюда мы заключимъ, что въ этомъ типичномъ представителѣ «расы господъ», котораго можно бы опять выростить, онъ увидѣлъ свой идеалъ «Uebermensch'а, въ поискахъ за которымъ не уставалъ его Заратустра. Сентиментальныя натуры не согласятся, конечно, приписать Ницше такой чудовищной мысли, тѣмъ болѣе, что онъ категорически заявляетъ, что «обратное развитіе, возвращеніе къ прошлому абсолютно невозможны». Но такою сентиментальностью мы оказали бы самому Ницше весьма плохую услугу. «Бѣлокурая бестія» не при-

надлежитъ еще, пожалуй, къ разряду самаго плохого. Возвращеніе къ простотѣ естественнаго состоянія, какъ такового, т. е. такого, какимъ оно представляется въ своей первобытной формѣ безъ благодѣяній цивилизаціи, но зато и безъ ея специфическихъ пороковъ,—это вопросъ, поставленный нѣкогда ребромъ Руссо, а въ новѣйшее время Толстымъ съ примѣсью нѣкотораго религіознаго оттѣнка. Вопросъ этотъ лежитъ все же, въ границахъ, правда самыхъ крайнихъ, но возможныхъ споровъ. Но есть нѣчто хуже «бѣлокурой бестіи»; это *черная* бестія, соединяющая въ себѣ инстинктивную свирѣпость первобытнаго человѣка съ злою изобрѣтательностью и утонченными пороками культурнаго человѣка. Съ ней-то, къ сожалѣнію, далеко недвусмысленнымъ образомъ симпатизируетъ Ницше. «*Типъ преступника* это типъ сильнаго человѣка, поставленнаго въ неблагопріятныя обстоятельства, это больной сильный человѣкъ. Ему недостаетъ дикости, т. е. болѣе свободной и болѣе опасной природной формы существованія, при которой является правомъ все, что инстинктъ сильнаго человѣка считаетъ средствомъ обороны» («Götzendämmerung» с. 119). Высшимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ Uebermensch'a въ этомъ смыслѣ является для него Цезарь Борджія (тамъ же, стр. 104). Къ этому человѣку, которымъ мы привыкли гнушаться, какъ воплощеніемъ діавола, относится слѣдующій дивирамбъ: «Дѣйствительно въ эпоху ренессанса имѣло мѣсто непріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ полное блеска возрожденіе классическаго идеала—оцѣнки всего съ точки зрѣнія аристократической... но Іудея тотчасъ опять восторжествовала благодаря чисто плебейскому контръ-движенію (германскому и англійскому), извѣстному подъ именемъ реформаціи» («Gen. der Moral», стр. 35 f.).

Среди безчисленнаго множества мерзкихъ сужденій Ницше это послѣднее является самымъ мерзкимъ. Клеймить Лютера, Цвингли и Кальвина именемъ черни, называть ихъ развратителями человѣчества и противупоставлять имъ, какъ идеалъ, Чезаре Борджіа—это самое тонкое литературное легкомысліе, а вѣдь это, право, не мало при нашей чопорной младо-германской литературѣ.

Дабы читатель не подумалъ, что эта идіосинкразія по отношенію къ Чезаре Борджіа коренится въ симпатіи Ницше къ нему лично, а не къ его поступкамъ или, вѣрнѣе, злодѣяніямъ, мы приведемъ для сравненія еще слѣдующее мѣсто («Genealogie der Moral», стр. 167): «Наткнувшись на непобѣдимый орденъ ассассиновъ (т. е. убійцъ), этотъ par excellence *орденъ свободомыслящихъ*, низшіе чины котораго жили въ послушаніи, какого не достигъ ни одинъ монашествующій орденъ, крестоносцы какимъ-то образомъ узнали кое-что о томъ символѣ и паролѣ, который составлялъ тайну высшихъ чиновъ: «Нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно...» *Вотъ такъ свобода духа, по которой не вѣрится даже въ существованіе истины*».

Основное положеніе ордена убійцъ: «нѣтъ ничего истиннаго, все

позволительно», которое Ницше прославляетъ здѣсь, какъ самое совершенное проявленіе «свободы духа», и тѣмъ самимъ намекаетъ какъ на лозунгъ своего «Uebermensch»'а, — это Чезаре Борджіа, возведенный въ систему, это Мефистофель, развитый въ отвратительную въ своихъ послѣдовательностяхъ теорію! («Jenseits von Gut und Böse», стр. 93). Дѣйствительно, если мы соберемъ вмѣстѣ всѣ свойства, какія приписывали діаволу средневѣковыя преданія, эти созданія народной фантазіи, мрачно настроенной, благодаря существованію всевозможныхъ пытокъ, то получимъ въ результатѣ Uebermensch'а Чезаре Борджіа, этотъ «классическій, страшный и вмѣстѣ полный блеска идеалъ», какъ думаетъ Ницше.

Но какъ произвести такихъ высокодостойныхъ Uebermensch'евъ, призваніемъ которыхъ является освобожденіе насъ отъ нашей культуры, попавшей на ложный путь? Постепенно выращивая аристократовъ. «Праву большинства», этому старому «лживому лозунгу» противупоставляетъ Ницше «страшный и восхитительный лозунгъ—право меньшинства». Типомъ такого аристократа, по его мнѣнію, является Наполеонъ, «этотъ единственный, поздно родившійся человѣкъ, бывшій воплощеніемъ проблемы высшаго идеала»—обратите вниманіе, какая это проблема, что видно изъ слѣдующихъ словъ: «Наполеонъ, этотъ синтезъ безчеловѣчности и сверхчеловѣчности» («Gen.de Moral», стр. 36 f.).

Только весьма немногіе люди пригодны для такого высшаго воспитанія. «Надо быть привилегированнымъ, чтобы имѣть право на столь высокую привилегію. Все великое, прекрасное не можетъ быть общимъ достояніемъ: pulchrum est paucorum hominum. Чѣмъ обусловливается паденіе германской культуры? Тѣмъ, что высшее образованіе, потерявъ характеръ привилегіи, стало демократическимъ, всеобщимъ, а потому пошлымъ». Конечно, приходится быть самоучкой, ибо гдѣ найти учителя, который могъ бы насъ вести на высоты аристократическаго мышленія? Сдѣлать это можетъ только собственная философская мысль. Но уже никоимъ образомъ не нынѣшняя германская философія! Ибо «кто изъ нѣмцевъ не испыталъ на себѣ ту пріятную дрожь, какую доставляетъ *умственная легкость*» («G. D.», стр. 64 и 67). Какъ теперешняя нѣмецкая философія, такъ и вообще нынѣшняя наука не въ состояніи руководить этимъ воспитаніемъ аристократовъ Uebermensch'евъ. И наука является нынѣ «лучшей союзницей аскетическаго идеала». Со временъ Коперника человѣкъ, по его мнѣнію, какъ бы находится на наклонной плоскости, онъ удаляется съ возрастающей быстротой отъ центральнаго положенія. Куда? Къ ничтожеству, къ убійственному ощущенію своего ничтожества. Но разъ, ни философія, ни нынѣшняя наука не даютъ намъ средствъ для воспитанія подобной аристократіи, то является вопросъ, откуда должны мы черпать воспитательныя средства для такого преобразованія человѣчества, чтобы избраннѣйшихъ его членовъ настроить на столь аристократическій тонъ? Вмѣсто отвѣта

на этотъ ближайшій, вполнѣ основательный вопросъ, мы находимъ слѣдующее пророчество, какъ бы предсказаніе какого-нибудь основателя секты.

«Судя по всѣмъ признакамъ, приближается болѣе мужественная, воинственная эпоха, гдѣ опять храбрость станетъ предметомъ самаго большого почитанія!.. Для подготовки этой эпохи необходимы пока многочисленные храбрецы, которые не могутъ однако возникнуть изъ ничего, ни, равнымъ образомъ, изъ песку и ила теперешней цивилизаціи и культуры большихъ городовъ; необходимы люди, умѣющіе молчать, уединяться, быть рѣшительными, довольными и непоколебимыми въ невидимой своей дѣятельности; люди, имѣющіе наклонность искать во всемъ *препятствія*, чтобы затѣмъ ихъ *преодолѣвать*; люди, которымъ столь же свойственны веселость, терпѣніе, прямодушіе и презрѣніе къ большому тщеславію, какъ и великодушіе въ побѣдѣ и снисхожденіе къ маленькому чванству всякаго побѣжденнаго; люди съ независимымъ и проницательнымъ сужденіемъ о всякомъ побѣдителѣ и о долѣ случая во всякой побѣдѣ и всякой славѣ; люди съ собственными праздниками, рабочими днями и днями траура; люди, надежные въ командованіи и привыкшіе къ этому, но равнымъ образомъ готовые въ случаѣ надобности, повиноваться, оставаясь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково гордыми, одинаково служащими своему собственному дѣлу; однимъ словомъ, нужны люди, болѣе закаленные въ опасности, болѣе полезные, болѣе счастливые! Ибо секретъ, какъ пожать возможно больше плодовъ и какъ получить отъ жизни возможно больше наслажденій, заключается въ томъ, чтобы *жить среди опасностей*. Стройте ваши города у подножія Везувія! посылайте ваши корабли въ неизслѣдованныя моря! живите въ постоянной войнѣ съ ближними и самими собой! *Вы, познающіе, будьте разбойниками и завоевателями, пока еще не можете быть повелителями и владѣтелями!* Скоро пройдетъ то время, когда вы могли довольствоваться скрытой жизнью подобно пугливымъ оленямъ! Наконецъ-то познаніе протянетъ руку къ тому, что ему причитествуетъ: оно захочетъ *господствовать* и *владѣть* и вы съ нимъ вмѣстѣ!..

«Только *здоровые* тѣломъ и душою, гордые, сильные, *счастливые, истинные аристократы* могутъ со временемъ произвести *высшій* типъ человѣка. Эта истинная и здоровая аристократія приметъ съ чистою совѣстью жертву множества людей, которые *для ея блага должны быть низведены*, какъ люди несовершенные, *къ роли рабовъ и орудій*. Ихъ принципъ долженъ заключаться въ томъ, что общество должно существовать *не* для общества, а единственно какъ фундаментъ и лѣса, по которымъ избранный родъ существъ могъ бы подняться къ своимъ высшимъ задачамъ и, вообще, къ высшей формѣ существованія; подобнымъ образомъ на островѣ Явѣ вьющееся растеніе—Lipo Matador—стремясь къ дневному свѣту, густо обвиваетъ дубъ, пока, наконецъ, высоко надъ нимъ не развернетъ своей верхушки, продолжая все же на

немъ опираться, и не выставить такимъ образомъ на показъ своего счастья. *Когда-нибудь, въ болѣе сильную эпоху, чѣмъ наша нынѣшняя, исполненная къ себѣ самой скептицизма, долженъ же явиться къ намъ освободитель, человѣкъ, умѣющій сильно любить и презирать, обладающій творческимъ духомъ, удерживаемый постоянно своей мощной силой отъ всякаго уклоненія, одиночество котораго будетъ ложно пониматься толпой, какъ бѣгство отъ дѣйствительности...* Этотъ человѣкъ будущаго, который насъ освободитъ какъ отъ прежняго идеала, такъ и отъ того, *что должно было изъ него вырости*,—отъ сильнаго отвращенія ко всему, отсутствія воли, нигилизма; который исполнитъ роль колокольнаго звона, возвѣщающаго полдень и великое рѣшеніе, который снова освободитъ волю, возвратитъ землѣ цѣль, а человѣку надежду; этотъ антихристъ и антинигилистъ, этотъ побѣдитель божества и ничтожества—*долженъ же онъ когда-нибудь явиться*...

«Мы должны стать свидѣтелями и воспитателями, сѣятелями будущаго, но право это не аристократія, которую вы могли бы купить, подобно торгашамъ за торгашеское золото, ибо не велика цѣнность всего, чему есть цѣна. Не то отнюдь, откуда вы идете, а то, куда вы направляетесь, пусть говоритъ о вашемъ величіи! Да будетъ вамъ отнынѣ честью ваша воля и ваше желаніе превзойти себя. Аристократія ваша пусть смотритъ *впередъ*, а не оглядывается! Вы будете изгнаны изъ краевъ отцовъ и праотцовъ! Любите страну дѣтей вашихъ: эта любовь будетъ говорить отнынѣ о вашемъ благородствѣ!.. Вашимъ дѣтямъ вы должны *оказать добро* за то, что вы дѣти отцовъ вашихъ: все прошлое вы должны такимъ образомъ искупить!» («Fröhliche Wissenschaft», стр. 202 f.; «Genealogie der Moral», стр. 90; «Jenseits von Gut und Böse», стр. 227).

Въ заключеніе приведемъ еще слѣдующіе съ силой написанныя слова, которыя мы находимъ въ «Jenseits von Gut und Böse» на стр. 237:

«Наконецъ, наступаетъ счастливое положеніе; чудовищное напряженіе ослабѣваетъ; нѣтъ уже, быть можетъ, враговъ среди сосѣдей, и средства къ жизни, даже къ наслажденію жизнью, имѣются въ изобиліи. Сразу разрываются принудительныя узы старой педагогіи, она уже не является болѣе необходимой, обусловливающей бытъ; продолжать свое существованіе она можетъ лишь въ качествѣ нѣкоторой роскоши, какъ удовлетвореніе вкусу къ архаическому, внезапно выступили на сцену въ величайшемъ обиліи и великолѣпіи видоизмѣненія, въ видѣ ли измѣненій къ высшему, утонченному, болѣе рѣдкому, или въ видѣ вырожденія, чудовищности, *индивидъ рѣшается уединиться и имѣть лишь себя въ виду*. Въ этомъ поворотномъ пунктѣ историческаго хода событій наблюдаются рядомъ, а иногда въ перемежку слѣдующія явленія: съ одной стороны чудный, разнообразный ростъ вверхъ и вширь, какъ въ дѣвственномъ лѣсу, состязаніе въ быстротѣ роста, начинающей *темно тропической флоры*, а съ другой—*страшная гибель и взаимное*

уничтоженіе, которыя подобны взрывамъ дикихъ эгоистическихъ стремленій, направленныхъ другъ противъ друга, борющихся изъ за «солнца и свѣта» и не умѣющихъ болѣе почерпнуть ни ограниченія, ни воздержанія, ни пощады изъ прежней морали. Сама эта мораль и накопила такую чудовищную массу силъ, она-то и натянула лукъ, который теперь такъ угрожаетъ, теперь она «пережита». *Достигнутъ тотъ опасный, страшный пунктъ, гдѣ для болѣе великой, разнообразной и широкой жизни старая мораль является пережитой; передъ нами «индивидъ», вынужденный имѣть собственное законодательство, собственное искусство и хитрость для самосохраненія, самовозвышенія, самоосвобожденія».*

Я не могъ удержаться отъ составленія этого небольшого букета на счетъ сочиненій Ницше по двумъ причинамъ: во-первыхъ, эти образы будущаго, развернутые передъ нами со всѣмъ свойственнымъ ему стилистическимъ искусствомъ, даютъ намъ вѣрное представленіе о величіи Ницше, какъ *писателя* или, лучше сказать, какъ *поэта*. Въ этихъ восторженныхъ изображеніяхъ эпохи Uebermensch'a, долженствующей наступить со временемъ, онъ проявляетъ такую грандіозную силу и образность выраженія, что болѣе слабые мыслители легко поддаются волшебной силѣ его рѣчи. Чтобы уличить *искусителя, какъ такового*, надо именно показать его съ его соблазнительной стороны. Дословно приведенныя идеи его объ аристократическомъ «европейцѣ послѣзавтрашняго дня», котораго слѣдуетъ воспитать, показываютъ намъ яснѣе всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ философомъ или соціологомъ, даже вообще не съ логически разсуждающимъ умомъ, а съ пророческими изліяніями какого-то основателя секты. А противъ пророчествъ логика никогда не была подходящей инстанціей. Или, быть можетъ, слѣдуетъ серьезно размотрѣть, приложимъ ли воспитательный методъ Ницше? Кому и какъ воспитывать этого «европейца послѣзавтрашняго дня»? Когда и гдѣ должно начать воспитаніе? Увѣрены ли мы въ его результатахъ? Допуститъ ли подобное воспитаніе современный средній европеецъ, который не родился духовнымъ аристократомъ, но зато имѣетъ за собою численное превосходство? Не укоротитъ ли онъ скорѣе на одну лишь голову всякаго, кто бы позволилъ себѣ быть выше его въ духовномъ отношеніи на три, положимъ, головы и дать ему *почувствовать* свое превосходство? Но допустимъ даже, что теперешній европеецъ, которому, по мнѣнію Ницше, надо поручить все это дѣло, былъ бы такъ глупъ, что сталъ бы терпѣть или даже способствовать возникновенію новой аристократіи, послѣ того какъ онъ насилу раздѣлался со старой—спрашивается, къ чему все это? Вѣдь Ницше самъ считаетъ невозможнымъ, чтобы культура пятилась назадъ, какъ объ этомъ мечтаютъ реакціонныя политическія партіи. «Ничего не подѣлаешь: мы должны идти впередъ, я хотѣлъ сказать, подвигаться шагъ за шагомъ въ упадкѣ... Можно тормозить это развитіе и, тормозя, запрудить, накопить, если можно такъ выразиться, вырожденіе и тѣмъ сдѣлать это

послѣднее болѣе бурнымъ и внезапнымъ; больше мы ничего не можемъ сдѣлать» («Götzendämmerung», стр. 117).

Сознаваясь въ эволюціонномъ міросозерцаніи и причисляя себя къ «физіологамъ», Ницше такимъ образомъ самъ далъ намъ въ руки средство разбить критически положительное построеніе его соціологіи. Вышеприведенными словами, а подобныхъ можно бы еще присоединить цѣлый рядъ къ этому, Ницше самъ далъ, такъ сказать, свидѣтельство о смерти позитивной части своей соціологіи. Если мы должны, по его словамъ, неудержимо стремиться къ нашей гибели, если въ крайнемъ случаѣ это неуклонное теченіе можетъ быть заторможено, но никакъ не измѣнено, культомъ генія, къ которому въ концѣ концовъ приводитъ его философія, равно какъ и философія его учителя Шопенгауэра, то мы можемъ, опираясь на его же собственное признаніе, сказать, что возрожденіе человѣчества, которое онъ видѣлъ въ своихъ поэтическихъ грезахъ, невыполнимо. Въ послѣднемъ сочиненіи его («Zarathustra», часть четвертая и послѣдняя, стр. 87) невыразимо грустно звучитъ полное страшнаго смиренія восклицаніе: «Я самъ возложилъ на себя этотъ вѣнецъ смѣющихся, вѣнецъ изъ розъ; я самъ освятилъ свой хохотъ. *Другого человѣка, достаточно сильнаго для этого, я не нашелъ въ настоящее время*». Теперь для насъ понятенъ одинъ изъ перловъ его выраженія, что народъ—это не болѣе, какъ окольный путь, по которому природа приходитъ къ созданію какихъ-нибудь семи, восьми великихъ людей. Итакъ, ученіе Ницше въ своихъ основахъ представляется намъ, какъ *аристократія генія*; первая ошибка этого ученія состоитъ въ томъ, что, согласно ему, предстоитъ воспитать или, какъ любитъ выражаться Ницше по Дарвину, «произвести» («züchten») породу Uebermensch'евъ. Геніевъ невозможно разводить!

Если поэтому историко-критическая часть его соціологіи требовала серьезныхъ возраженій, то по отношенію къ позитивной части мы освобождены отъ этой обязанности. Тамъ надо было еще доказывать *неосновательность* его выводовъ, тутъ онъ самъ въ минуту спокойнаго научнаго настроенія указалъ на *невыполнимость* своихъ видѣній. А это вѣдь составляетъ научный приговоръ надъ всей «системой» Ницше. Разъ исходная точка и конечная цѣль одинаково ложны, то и все лежащее между ними не менѣе ложно. Касательно конечныхъ цѣлей его ученія у насъ явилась такая масса вопросовъ, отвѣтить на которые мыслитель по весьма понятнымъ причинамъ не можетъ, что едва ли нашу критику можно упрекнуть въ суровости, если мы въ положительныхъ предложеніяхъ этого нео-цинизма ничего не находимъ, кромѣ мистическихъ откровеній разыгравшейся фантазіи да примирительныхъ громкихъ заключительныхъ главъ его соціологическаго романа.

Не смотря на низкопробную философію этого ученія, ни одинъ добросовѣстный соціологъ не вправѣ обойти его молчаніемъ. Суть его—освѣженныя старинныя ученія, преимущественно циническія, но этотъ нео

цинизмъ такъ разукрашенъ талантливыми, остроумными блестками, способными подкупить людей, и проведенъ съ такой неумолимой, безпощадной послѣдовательностью, отрицающей самыя элементарныя правила приличія, что для нашей чрезмѣрно революціонной и возбужденной эпохи онъ кроетъ въ себѣ опасности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе.

Я прихожу такимъ образомъ къ тому, что составляетъ причину и цѣль настоящаго очерка. У многихъ читателей могъ, конечно, явиться вопросъ, зачѣмъ столько суровыхъ словъ противъ человѣка, котораго судьба такъ жестоко осудила на беззащитность? Иные товарищи по профессіи, которые еще не познакомились ближе съ ученіемъ Ницше, могутъ подумать, что оно заключаетъ въ себѣ столько логическихъ несообразностей и противорѣчій, что становится слишкомъ безобиднымъ, слишкомъ наивнымъ, чтобы оправдать подобное поведеніе. Другіе, какъ напр., Г. Тюркъ, который въ своемъ незавидномъ, многорѣчивомъ памфлетѣ, свидѣтельствующемъ о совершенной незрѣлости автора, далъ якобы «клиническое» доказательство того, что Ницше является лишь примѣромъ «folie raisonnante», могутъ думать, что сочиненія Ницше представляютъ только патологическій интересъ для психіатра, но никакъ не научный для мыслителя.

Въ отвѣтъ плаксивымъ сентименталистамъ, я долженъ замѣтить, что снисхожденіе къ людямъ изъ мягкосердечія, когда дѣло идетъ о высшихъ благахъ культуры, осуждается наукой, какъ безсиліе, какъ духовное безплодіе. Къ такому снисхожденію изъ жалости никто не имѣлъ бы отвращенія больше самого Ницше. Да, наконецъ, мои разсужденія направлены противъ ученія, а не противъ личности философа. Какъ человѣкъ и какъ писатель, Ницше въ такой степени пользуется моими симпатіями, что въ этомъ отношеніи меня не легко превзойти даже самымъ некритическимъ его поклонникамъ и подражателямъ, и потому меня лично сильно возмущаютъ произведенія, въ родѣ книги Тюрка, гдѣ ставится подъ вопросомъ вмѣняемость мыслителя въ созданіяхъ его духа—въ произведеніяхъ писателя, котораго этимъ господамъ благоугодно помиловать, я чту проблески истиннаго генія, сбившагося, къ большому ущербу человѣчества, съ правильнаго философскаго пути. Я такимъ образомъ отвѣтилъ заразъ и спеціалистамъ философамъ на вопросъ, почему я рѣшился занять явно оппозиціонное положеніе по отношенію къ Ницше, какъ *мыслителю*: лишь тотъ, кто не слѣдитъ внимательно за произведеніями новѣйшей германской литературы, *можетъ не видѣть въ настоящемъ свѣтѣ той опасности, которую представляютъ идеи Ницше именно для нашего времени.*

Положимъ, что для той крошечной части человѣчества, которая думаетъ какъ слѣдуетъ, эти идеи совершенно безопасны, хотя бы потому, что для думающаго нѣтъ опасныхъ идей. Кто привыкъ оцѣнивать идеи по законамъ логики, тотъ не устрашится никакихъ выводовъ.

Если идеи выведены безъ логическихъ ошибокъ, тогда онѣ вѣрны, и мыслитель обязанъ имъ безпрекословно подчиниться, если же онѣ построены на ложныхъ заключеніяхъ, тогда онъ замѣтитъ ихъ слабость. Опасными могутъ стать идеи только для широкой массы—полуобразованныхъ и, вообще, малообразованныхъ людей; иногда, впрочемъ, онѣ могутъ представлять опасность и для вполнѣ образованныхъ, если послѣднимъ чужда техника спеціальнаго философскаго образованія. Когда такія идеи являются передъ нами въ свѣтломъ поэтическомъ одѣяніи и въ плѣняющей риторической формѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ особенности у Ницше, тогда требуется значительная доля энергической работы мысли и спеціально-философской гибкости ума, чтобы оказать сильное сопротивленіе соблазнительной заманчивости ослѣпляющей насъ своей внѣшней формой идеи.

Людямъ посвященнымъ едва ли нужно доказывать, какъ мало распространена эта философская техника среди нынѣшняго поколѣнія образованныхъ людей, воспитанныхъ подъ вліяніемъ враждебнаго философіи теченія; послѣднее обязано своимъ началомъ въ 50-хъ годахъ точнымъ наукамъ, однако, теперь, къ счастью, начинаетъ исчезать, благодаря трудамъ такихъ естествоиспытателей, какъ Гельмгольцъ, Дю-Буа-Реймонъ, Гекель, Гексли, Уоллесъ и др. Если это справедливо по отношенію къ самымъ образованнымъ, то тѣмъ паче—къ полуобразованнымъ.

Вотъ гдѣ опасность. Въ наше время философское образованіе въ большинствѣ случаевъ отрывочно и безъ всякой системы; оно слишкомъ скудно, слишкомъ поверхностно, чтобы могло устоять противъ соблазнительныхъ афоризмовъ Ницше. Бросимъ бѣглый взглядъ на толпу приверженцевъ мыслителя, которые всего сильнѣе и продолжительнѣе находились подъ обаяніемъ его слова. На первомъ планѣ видимъ соціализмъ съ его застѣнчивымъ остроумнымъ органомъ «Freie Bühne». Въ этомъ кругу восторгъ для Ницше положительно сталъ спортомъ, не смотря на то, что учитель высказалъ слѣдующія, напримѣръ, мысли: «Безсмысленность рабочаго вопроса... въ томъ, что онъ существуетъ: *объ извѣстныхъ вещахъ не спрашиваютъ*—это первый императивъ инстинкта». Ницше жалѣетъ, что изъ европейскаго рабочаго нельзя уже получить «китайскаго типа». «Чего желаешь? Если желаешь достигнуть извѣстной цѣли, то надо желать и средствъ для этого: *если желаешь имѣть рабовъ, то надо быть глупцомъ, чтобы воспитывать изъ нихъ господъ*» («Götzendämmerung», стр. 114). Еще болѣе пикантно опредѣляетъ онъ свое отношеніе къ «явному зубоскальству псовъ-анархистовъ» и къ «неповоротливымъ лже-мудрецамъ, мечтающимъ о братствѣ», именующимъ себя соціалистами и мечтающимъ о «свободномъ обществѣ» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 125).

Эти самые люди, повторяю, доходятъ до такого смѣшенія понятій, что упоенные его рѣчью восторженно провозглашаютъ своимъ

знаменоносцемъ самаго рѣшительнаго своего противника. Въ соціологіи нѣтъ, дѣйствительно, болѣе рѣзкаго контраста между соціализмомъ, аристократическимъ и анархическимъ индивидуализмомъ Ницше.

А вотъ вамъ и другой примѣръ. Главную армію ницшеанства образуетъ младо-германская натуралистическая школа въ беллетристикѣ, которая забавнымъ образомъ стала клясться именемъ Золя въ тотъ моментъ какъ разъ, когда онъ готовъ былъ отречься отъ натурализма ради своей «кандидатуры въ безсмертные». Въ своемъ органѣ «Die Gesellschaft» они выставляютъ себя «свободными, очень свободными умами» и не прочь при этомъ разыгрывать роль наслѣдниковъ учителя, «Uebermensch»'евъ, «европейцевъ послѣзавтрашняго дня». А между тѣмъ учитель этимъ свободнымъ, очень свободнымъ умамъ записалъ въ альбомъ слѣдующія строки: «Всѣ эти блѣдные атеисты, антихристы, имморалисты, нигилисты, скептики, *чахоточные духомъ (а послѣднее справедливо по отношенію къ нимъ отдѣльно ли или вмѣстѣ взятымъ)*... всѣ они далеко еще не свободные умы» («Gen. d. Moral» стр. 167).

Однако, не смотря на полученіе такого грубаго пинка, эти «чахоточные умы» обожествляютъ въ истерическихъ порывахъ Ницше, какъ пророка эпохи «свободныхъ, очень свободныхъ умовъ», наступленію которой помогаетъ натуралистическая беллетристика. Эти «безцвѣтные атеисты» ищутъ того же, что и самые наивые приверженцы церкви: какого-нибудь божества. Но, полагая, что они должны, какъ очень свободные умы, отрѣшиться отъ традиціоннаго Бога, они изготовили себѣ новаго идола—Ницше. Такъ, одинъ изъ его послѣдователей рѣшается высказать слова, цитированныя нами выше: «Я томился въ поискахъ за новымъ божествомъ... я его нашелъ въ лицѣ Фридриха Ницше».

Все это тревожные признаки ужасно быстраго распространенія путаницы идей, которое пора уже задержать всѣмъ призваннымъ по мѣрѣ ихъ силъ. Такъ какъ, къ тому же, и Толстой, пользуясь нѣсколько иными, но столь же нелогичными доводами, нападаетъ и подкапываетъ наши культурные идеалы съ тою же ненавистью и язвительностью, что и проповѣдникъ ниспроверженія культуры, Ницше, то сторонникамъ цивилизаціи приходится, очевидно, серьезно объясниться съ проповѣдниками пресыщенія культурой по поводу принципіальныхъ вопросовъ, пока эта шайка писакъ, вербующихъ съ барабаннымъ боемъ сторонниковъ для «идей» этихъ апостоловъ, не отравила еще народной души.

Кто задумывался хотя бы надъ одной проблемой исторіи культуры и выяснилъ себѣ при этомъ, какъ безконечно медленно и трудно достигается (но *не вынуждается*) малѣйшій шагъ впередъ, какъ требуется трудовъ цѣлыхъ столѣтій, чтобы одной какой-нибудь хорошей культурной идеѣ доставить если не полное торжество на практикѣ, то хоть всеобщее теоретическое признаніе,—кто, говорю, выяснилъ себѣ

все это, тотъ не будетъ въ состояніи смотрѣть безъ негодованія, какъ среди этой культуры, съ трудомъ достигнутой, стараются не только возобновить разбойничій девизъ: «Нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно», но и облечь его въ торжественную мантію глубочайшей философской истины. Особенно при этомъ знаменательно то, что лозунгъ Uebermensch'a Ницше не заглушается ироническимъ смѣхомъ всѣхъ образованныхъ людей; что, напротивъ, часть интеллигенціи, пресыщенная жизнью до сумасбродства, до безумія опьяненная утонченными пороками большихъ городовъ, потерявшая поэтому вѣру въ Бога, нравственность, культуру и—что всего хуже—въ самое себя, встрѣтила это ученіе неистовыми кликами радости!

Этихъ указаній, составляющихъ только бѣглый очеркъ суровой дѣйствительности, дополнить который грубыми, но гораздо болѣе убѣдительными зато подробностями мѣшаетъ мнѣ мое эстетическое чувство, будетъ, надѣюсь, достаточно, чтобы выставить на видъ благоразумнымъ людямъ, какъ велика опасность, угрожающая намъ со стороны этихъ проповѣдниковъ пресыщенія культурой. Наша эпоха и безъ того уже черезчуръ нервно разстроена. Недоставало еще только сомнѣній относительно всей нашей нравственности и вообще культуры, — вѣдь это уже слишкомъ для бѣдной головы средняго образованнаго человѣка!

Опасность была бы меньше, если бы можно было вполнѣ хладнокровно изслѣдовать и основательно *переварить* логическую сторону всѣхъ проблемъ, отъ которыхъ современный культурный человѣкъ отогнаться не можетъ. Но для этого не хватаетъ времени у нашего европейца. Нынѣ мыслятъ со скоростью электричества, такъ сказать, мысленными стенограммами. Соотвѣтственно этому и проблемы должны концентрироваться, *конденсироваться въ одномъ афоризмѣ*, если по нимъ вообще предстоятъ пренія. Нынѣ уже не сражаются, какъ нѣкогда, продуманными теоріями, а упрощеннымъ способомъ — этикетами. Консерватизмъ, либерализмъ, антисемитизмъ, соціализмъ, дарвинизмъ, индивидуализмъ, анархизмъ — вотъ боевыя слова клонящагося къ концу столѣтія. Ихъ произноситъ большинство людей, не будучи въ состояніи, или также не желая отдавать себѣ отчета въ ихъ смыслѣ, значеніи и важности. Предложите-ка въ наше время, въ нашу *эпоху афоризмовъ*, лозунгъ Ницше: «Ничего нѣтъ истиннаго, все позволительно»! Это нео-циническое изреченіе, этотъ «аристократическій и анархистическій индивидуализмъ» причинитъ многочисленнымъ посредственнымъ умамъ, жадно подстерегающимъ всякіе новые афоризмы, больше зла, чѣмъ могутъ себѣ представить эгоисты, удовлетворяющіеся своимъ собственнымъ образованіемъ, и кабинетные ученые, избѣгающіе шума и толкотни общественной жизни.

ОСЕНЬЮ.

Съ какой покорностью блѣднѣютъ
Недавно яркіе листы...
Вокругъ все меркнетъ, все нѣмѣетъ,
Но сколько дивной красоты
Въ спокойномъ, тихомъ умираньѣ,
Какая нѣжная печаль!..
И отзвучавшихъ ликованій
Душѣ смирившейся не жаль.
Какъ будто тайну совершая,
Природа въ чуткой тишинѣ,
Не возмущаясь, не страдая,
Ждетъ смерти... если бы и мнѣ
Безъ сожалѣнья, безъ проклятій
На неоконченномъ пути
Отъ жизни тягостныхъ объятій
Въ объятья смерти перейти!

Allegro.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(*Продолженіе* *).

XXI.

Мы изложили исторію цѣлаго періода русской критики. Онъ рѣзко отличается по людямъ и дѣламъ отъ предъидущаго и послѣдующаго. У него нѣтъ ничего общаго съ неукротимой страстной идейной работой Бѣлинскаго, его отдѣляетъ не менѣе глубокая пропасть и отъ новыхъ людей, развернувшихъ свои силы въ новое царствованіе. Всѣ критики промежуточнаго періода безъ различія направленій явились противниками *дѣтей*, и дѣти должны были искать своихъ отцовъ по ту сторону ближайшихъ предшественниковъ, въ лицѣ Бѣлинскаго и его сподвижниковъ.

Предъ нами будто глубокій ухабъ на пути русскаго прогресса или трясина съ населеніемъ другой крови и другой расы, чѣмъ ранніе и поздніе руководители общества и живые двигатели литературы.

Это фактъ внѣ сомнѣнія. Но возникаетъ вопросъ, откуда же взялась публика для новыхъ публицистовъ? Въ теченіе семи лѣтъ ее тщательно отучали отъ идей Бѣлинскаго, даже пытались предать забвенію самое его имя и осмѣять его критику, и вдругъ стоило появиться его поклонникамъ и продолжателямъ, публика съ увлеченіемъ стала на ихъ сторону и окончательно перестала слушать «иногородныхъ подписчиковъ» и «наглыхъ гуманистовъ».

Это также фактъ и одинъ изъ самыхъ поучительныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ свидѣтельствуетъ о явленіи неожиданномъ, но совершенно достовѣрномъ, не особенно лестномъ для литературы вообще, но въ высшей степени знаменательномъ для будущихъ судебъ русскаго общественнаго развитія.

Мы говорили о популярности Бѣлинскаго, изумлявшей его са-

---

*) См. «Міръ Божій», № 10. Октябрь.

мого. Но онъ не зналъ и малой доли этой популярности. Одновременно съ журнальной публицистикой выростала едва замѣтно но неуклонно другая, исключительно принадлежавшая обществу, имъ созданная и имъ тщательно хранимая. Еще по поводу критики двадцатыхъ годовъ намъ приходилось говорить о русскомъ *третьемъ сословіи*, о разночинцахъ, семинаристахъ, даже о самоучкахъ въ родѣ купца Полевого. Эта сѣрая публика, невѣдомо для столичныхъ просвѣтителей, была благодарнѣйшей читательницей ихъ произведеній. Она въ лицѣ Полевого зачитывается статьями Мерзлякова и благоговѣетъ предъ самымъ званіемъ писателя, въ лицѣ семинаристовъ увлекается шеллингіанствомъ и вообще германской философіей раньше университетскихъ профессоровъ и вершинъ русскаго просвѣщеннаго общества, она, наконецъ, въ лицѣ захолустныхъ чиновниковъ выучиваетъ наизусть статьи Бѣлинскаго, живетъ ими, какъ единственнымъ источникомъ духовнаго свѣта и ждетъ не дождется истинныхъ наслѣдниковъ великаго критика.

Этой публикѣ нѣтъ никакого дѣла до веселыхъ настроеній иногороднаго подписчика, петербургскаго туриста, и Новаго поэта. Она живетъ слишкомъ серьезной и тяжелой жизнью, чтобы развлекаться анекдотами и пародіями. Она инстинктомъ и повседневнымъ опытомъ отрицаетъ «святое» искусство и жаждетъ красоты, исполненной жизненныхъ печалей и трепещущей отъ страстныхъ ощущеній жизненной правды во всей ея яркости. Ей по природѣ ненавистны забавляющіе дилеттанты и эпикурействующіе эстетики и ей не нужно доказывать, что они прирожденные тунеядцы и эксплуататоры самого званія писателя. Она безъ всякихъ внѣшнихъ давленій немедленно отзовется на дѣльную и дѣятельную мысль и шестидесятникамъ не потребуется особенныхъ усилій собрать вокругъ себя самую интеллигентную и чуткую аудиторію.

И они сами понимали скромность своихъ собственно литературныхъ заслугъ. Одна изъ любимыхъ идей Добролюбова—творческое безсиліе литературы. Она только разъясняетъ вопросы, уже заданные обществомъ. Она не создаетъ новыхъ стремленій независимо отъ жизненныхъ фактовъ.

Добролюбовъ доказывалъ свою мысль вполнѣ наглядно. Онъ называлъ писателей и ученыхъ, существовавшихъ въ другое время, не въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и не писавшихъ ничего похожаго на свои позднѣйшія идеи. Заговорило сначало общество, въ немъ явилась потребность гласности, свѣта, правды, дѣятельности, и литература пришла въ движеніе и стала его усерднѣйшей выразительницей. Статьи въ журналахъ стали слѣдовать непосредственно за толками общества: о желѣзныхъ дорогахъ, объ экономическихъ отношеніяхъ народа, о воспитаніи. Общество не

замедлило оцѣнить усердіе литературы и тѣснѣе сблизилось съ ней [154]).

Въ этихъ столь рѣшительныхъ соображеніяхъ несомнѣнно нѣкоторое увлеченіе. Среди положительныхъ культурныхъ дѣятелей нѣтъ безусловно активныхъ и безнадежно пассивныхъ. Законъ взаимодѣйствія—основной въ мірѣ нравственномъ и въ мірѣ физическомъ. Дерево, обязанное своимъ расцвѣтомъ извѣстной почвѣ, въ свою очередь измѣняетъ эту почву. Падающіе листья, вѣтки, плоды перегниваютъ, измѣняютъ составъ почвеннаго слоя. То же самое происходитъ съ литературой и общественной средой. И, можетъ быть, именно въ исторіи русскаго просвѣщенія слѣдуетъ выше оцѣнить самостоятельное значеніе литературы. Это доказывается исключительной, чрезвычайно приподнятой и *прочувствованной* популярностью нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Въ лицѣ ихъ общество, очевидно, любитъ и чтитъ не только выразителей, но также иниціаторовъ извѣстныхъ идеаловъ. Простые передатчики общаго настроенія никогда не удостоились бы славы Тургенева и Бѣлинскаго, особенно послѣдняго, — не поэта и не романиста.

Но мысль Добролюбова какъ нельзя болѣе примѣнима къ объясненію рѣзкаго перехода отъ эпохи фельетоновъ и пародій къ періоду усиленнаго публичнаго учительства. Мы видѣли, фельетонисты были увѣрены въ любви публики къ фельетонамъ, и эта же самая публика образовала пустыню вокругъ своихъ увеселителей, лишь только заслышала другіе голоса и другія рѣчи. И эта публика была давно готова. Она—такое же наслѣдство Бѣлинскаго, какъ и его идеи. Шестидесятники обязаны своему учителю не только учебниками, но и учениками.

Доказательство предъ нами самое блистательное, какого только можно желать, и относится оно какъ разъ къ переходной стадіи русской публицистики. Свидѣтельство принадлежитъ принципіальному и даже личному противнику Бѣлинскаго, но посильно честному—И. С. Аксакову.

Въ концѣ 1856 года онъ писалъ отцу слѣдующее:

«Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды, принимается съ восторгомъ

[154]) Добролюбовъ. *Сочиненія*. I, 436, 492—3, IV, 168 etc.

тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ рабства, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. «Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ ленты, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными.... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ между послѣдователями Бѣлинскаго» [155]).

Это не было новымъ явленіемъ провинціальной жизни. Тотъ же Аксаковъ говоритъ о «громадномъ» вліяніи Полевого. Мы знаемъ подобные факты еще болѣе ранняго происхожденія. Грибоѣдовская комедія въ рукописи нашла обширную публику въ провинціи и именно среди разночинцевъ. Преданіе, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ цѣлую драму, едва не постигшую канцелярскаго служителя за увлеченіе запрещенной пьесой. Немного спустя Гоголь счелъ нужнымъ остроумнѣйшаго и основательнѣйшаго критика своей комедіи указать въ «очень скромно одѣтомъ» провинціалѣ—любопытнѣйшемъ дѣйствующемъ лицѣ *Разъѣзда*. Очевидно, предъ нами преемственность поколѣній и въ высшей степени прочная, если вслѣдъ за Аксаковымъ и Писемскій—отнюдь не единомышленникъ Бѣлинскаго, также отмѣтитъ свѣтлыя впечатлѣнія статей Бѣлинскаго на захолустную провинцію.

Публика, слѣдовательно, существовала для болѣе литературныхъ произведеній, чѣмъ стихотворныя и прозаическія упражненія веселой журналистики. И эта публика даже находила удовлетвореніе при всей бдительности цензуры. Это также старый порядокъ вещей. Еще Пушкинъ предупреждалъ цензора: ему ни за что не уловить неблагонамѣреннаго писателя:

Рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ...

Произведенія самого Пушкина разгуливали въ громадномъ количествѣ. То же самое продолжалось и въ «эпоху цензурнаго террора». Фактъ засвидѣтельствованъ вполнѣ освѣдомленнымъ оффиціальнымъ лицомъ, московскимъ попечителемъ Назимовымъ.

---

[155]) *И. С. Аксаковъ въ его письмахъ*, часть третья, томъ первый. М. 1892, стр. 290—1.

Въ самомъ началѣ новаго царствованія Катковъ, редактировавшій *Московскія Вѣдомости*, задумалъ издавать журналъ *Русскій Вѣстникъ*. Министерство отказало на первый разъ, попечитель сталъ на сторону Каткова и въ пользу умноженія періодическихъ изданій, между прочимъ, высказывалъ такое соображеніе:

«Вмѣсто печатной гласной литературы, образовалась литература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились во множествѣ списковъ разныя сочиненія, по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи, содержанія не совершенно одобрительнаго».

Дальше попечитель свидѣтельствовалъ о ропотѣ въ обществѣ на цензурныя строгости [156]).

Но ни рукописная литература, ни ропотъ не произвели бы никакой перемѣны въ періодической печати, если бы на помощь не пришла высшая и рѣшающая сила. Мы видѣли, критика усиленно призывала публику къ примиренію съ дѣйствительностью, усерднѣйше старалась разсѣять дурное настроеніе у читателей, если оно появлялось, призывала искусство утѣшать бѣдное человѣчество. Критика готова была вполнѣ серьезно низвести литературу до десерта и заполонить журналы фельетонами и стихами.

Критика до такой степени утвердилась на этомъ пути, усѣянномъ розами, что не свернула съ него даже при совершенно другихъ обстоятельствахъ и вліяніяхъ. Напротивъ, она сочла вопросомъ чести и самолюбія остаться вѣрной себѣ и объявила непримиримую войну «дидактикѣ» и «тенденціи». Очевидно, господствующее оффиціальное направленіе имѣло надежнаго союзника въ журналистикѣ, даже болѣе предупредительнаго, чѣмъ могло ожидать.

Если и приходилось наблюдать за явленіями подозрительными и неблагопристойными, то развѣ только въ беллетристикѣ. Здѣсь дѣйствительно замѣчалось недовольство, протестъ, развивалась натуральная школа, сценой овладѣвала самая жалкая и темная дѣйствительность, рисовались печали и несправедливости, переполняющія жизнь униженныхъ и оскорбленныхъ.

Все это противорѣчило обязательной программѣ—всякому обывателю быть довольнымъ и примиреннымъ. Но критика по собственному устремленію шла на встрѣчу возможному негодованію власти. Она, мы видѣли, усиленно преслѣдовала протестъ въ поэзіи, грустныя темы въ беллетристикѣ и не съумѣла понять и оцѣнить повѣстей Тургенева, крестьянскихъ разсказы Писемскаго: ей, радостной и беззаботной, одинаково были чужды и странны и «лишній

---

[156]) *Историч. свѣд. о цензурѣ*, стр. 82.

человѣкъ», и плотникъ Петръ—оба пасынки существующей дѣйствительности, одинъ въ обществѣ, другой въ народѣ. Даже Островскому, отнюдь не протестанту и не сатирику, пришлось ждать новыхъ людей, чтобы услышать дѣльное слово о своемъ талантѣ и о своихъ произведеніяхъ.

Ясно, отъ самой литературы нечего было ожидать поворота къ лучшему. Она не только подчинилась «обстоятельствамъ», но сама стала однимъ изъ нихъ. Пока она единственная представлялась читающей публикѣ. Выбора не было—фельетонъ или пародія, и *Современникъ*, и даже *Москвитянинъ* читались, иногда даже отмѣчали «переполохъ» по поводу того или другого своего фокуса. Но и теперь публика тяготѣла все-таки больше въ ту сторону, откуда такъ недавно раздавался голосъ Бѣлинскаго. Она имѣла основаніе ждать, что здѣсь, а не въ погодинскомъ древлехранилищѣ, зазвучитъ опять знакомая рѣчь и на временно опустѣвшей сценѣ явятся, наконецъ, достойные преемники незабвеннаго учителя.

И публика дождалась.

Но раньше, чѣмъ она замѣтила нарожденіе новыхъ людей, раньше, чѣмъ они сами заявили о себѣ, необходимо было произойти основной перемѣнѣ въ положеніи литературы предъ властью. Добролюбовъ откровенно заявлялъ, что шестидесятники существовали *раньше* открытаго направленія шестидесятыхъ годовъ: оно оставалось нѣкоторое время подъ спудомъ. Добролюбовъ только не договорилъ до конца своей откровенной рѣчи: не одно общество вызвало на свѣтъ Божій новыхъ людей, еще болѣе важную роль играла здѣсь другая сила, та самая, какая раньше дала тонъ «обстоятельствамъ».

XXII.

Никитенко, отмѣчая въ своемъ дневникѣ кончину императора Николая, писалъ: «Длинная и надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени: какія событія занесетъ въ нее новая царственная рука, какія надежды осуществитъ она?..» [157]).

Надежды были вполнѣ ясны. Ихъ питали уже давно и принялись за осуществленіе при первой возможности. Министерство народнаго просвѣщенія немедленно вспомнило о цензурѣ и задумало составить новую инструкцію цензорамъ. Никитенко взялъ дѣло на себя съ полной готовностью.

---

[157]) *Записки*. I, 588.

«Настаетъ пора, — писалъ онъ, — положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и съ пьяницами» [158]).

Это не единичное убѣжденіе профессора и либеральнаго цензора. Попечитель Назимовъ оффиціально заявлялъ то же самое и увѣрялъ министерство, что совершенно излишне опасаться западно-европейскихъ революціонныхъ идей, намъ чуждыхъ и противоположныхъ кореннымъ началамъ русской жизни [159]).

На сторону терпимости начали переходить весьма суровые стражи своевольства русскихъ писателей. Кн. Вяземскій совѣтовалъ допустить «умѣренную свободу» въ изложеніи мнѣній, «не буквально согласныхъ съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности». Князь позволялъ себѣ даже общія соображенія насчетъ опасностей «насильственнаго молчанія», укрѣпляющаго всякій незначительный протестъ. Успѣли выясниться и нѣкоторыя практическія неудобства слишкомъ пристальной цензурной опеки.

За границей знали, конечно, положеніе русской печати и патріархальное усердіе русскихъ цензоровъ. Съ теченіемъ времени иностранцы привыкли, по выраженію оффиціальнаго источника, «смотрѣть на каждую строку нашихъ журналовъ, какъ на мнѣніе русскаго правительства».

Этотъ взглядъ вызывалъ особую бдительность цензуры и въ то же время создавалъ крайне досадныя недоразумѣнія между русскимъ правительствомъ и иностранными властями. Правительство иногда попадало въ необходимость приниматься за полемику съ редакторомъ русской газеты и занимать отнюдь не почтенное положеніе въ глазахъ русской и иностранной публики.

Вообще, все шире распространялось убѣжденіе, что цензура въ стилѣ Бутурлинскаго комитета не принесла пользы ни русскому просвѣщенію, ни даже русской нравственности. Катковъ въ оффиціальной запискѣ даже доказывалъ, что цензурная опека вызвала въ русскомъ обществѣ упадокъ религіознаго чувства. Она насильственно отдѣлила высшіе интересы отъ живой мысли и живого слова. Она заставила повторять только казенныя, стереотипныя фразы и подорвала довѣріе къ религіознымъ убѣжденіямъ.

Катковъ могъ бы тоже соображеніе примѣнить и къ другому вопросу. Цензура тщательно пресѣкала изъявленія патріотическаго чувства, опасаясь неумѣренности и неблагопристойности. Находились сановники, требовавшіе строго оффиціальныхъ, именно стереотипныхъ тостовъ за государя, краткихъ на манеръ военной

---

[158]) *Ib.* II, 3.

[159]) *Историч. свѣд.*, стр. 82.

команды. Кн. Вяземскій и здѣсь оказался либераломъ. Онъ находилъ, что усердствовать до такого предѣла значитъ «разорвать священныя узы сочувствія и любви, связывающія народъ съ Государемъ своимъ» [160]). А между тѣмъ Бутурлинскій комитетъ и шелъ какъ разъ этимъ путемъ нравственнаго опустошенія и преобразованія русской печати въ нѣмотствующую и рабоѣпствующую полицейскую канцелярію.

Не видѣть самыхъ прискорбныхъ послѣдствій этой политики, значило не имѣть или глазъ, или совѣсти. И съ первыхъ же дней новаго царствованія ожиданія общества и самихъ властей направились на перемѣну порядковъ въ области литературы. Недавнее прошлое представлялось такимъ тяжелымъ, что даже цензоры считали «протестъ и оппозицію—явленіями неизбѣжными» [161]). Всеобщее приподнятое настроеніе поддерживалось ходомъ и окончаніемъ крымской войны. Факты говорили громче самыхъ неблагонамѣренныхъ книгъ и газетъ,—и голосъ ихъ для всѣхъ былъ совершенно ясенъ. Существующіе порядки обнаружили несостоятельность, Россія, несомнѣнно, страдаетъ внутреннимъ недугомъ. Ему она обязана многочисленными жертвами въ безплодной борьбѣ съ западной Европой. Они и въ будущемъ грозятъ горькими испытаніями, если немедленно не придти на помощь и не направить жизнь народа и государства по новымъ путямъ.

Названіе недуга уже давно было на устахъ у всѣхъ. Онъ неоднократно констатировался высшей властью, съ нимъ пытались даже бороться, но симптоматическими средствами. А онъ требовалъ рѣшительнаго и всесторонняго вниманія, съ каждымъ годомъ заявляя о болѣзненномъ состояніи всего общественнаго организма. Цензура, мы видѣли, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ хранила тайну. Даже отдаленный намекъ на крѣпостное состояніе русскихъ крестьянъ не могъ проникнуть въ печать. Книга Бичеръ-Стоу попала въ разрядъ опасныхъ и зажигательныхъ сочиненій, потому что, по соображеніямъ цензуры, русскій читатель могъ провести параллель между негромъ-рабомъ и крѣпостнымъ мужикомъ. Основательность этихъ соображеній была порукой, что вопросъ не можетъ далѣе оставаться въ прежнемъ положеніи и голосъ вопіющей правды рано или поздно перекричитъ цензорскія инструкціи.

Едва лишь миръ былъ заключенъ, по всей Россіи стали ходить слухи о предстоящемъ коренномъ преобразованіи крестьянскаго быта. Говорили, будто освобожденіе крестьянъ включено въ тайный договоръ Россіи съ Франціей, будто императоръ Николай, по настоянію Наполеона III, окончательно согласился на отмѣну крѣ-

---

[160]) *Ib.* 86, 91, 95, 98 etc.

[161]) Никитенко. II, 65.

постного права и на смертномъ одрѣ завѣщалъ сыну непремѣнно покончить крестьянское дѣло.

Факты не замедлили подтвердить слухи, по крайней мѣрѣ, на счетъ намѣреній новаго государя. Немедленно послѣ заключенія мира Александръ II, принимая въ Москвѣ предводителей дворянства Московской губерніи, сказалъ имъ слѣдующую рѣчь—первое благовѣстіе наступающей новой эпохи:

«Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда онъ самъ собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія» [162]).

Рѣчь государя произвела потрясающее впечатлѣніе въ Россіи и заграницей. Съ этой минуты крестьянскій вопросъ, и, слѣдовательно, судьба вообще старой отжившей Россіи становится всеобщимъ. Каждый фактъ, сколько-нибудь намекающій на новое движеніе, вызываетъ глубокій интересъ. Въ публикѣ появляется безчисленное множество преобразовательныхъ проектовъ. Изъ-за границы высылаются тучи обращеній къ народу. Всѣ партіи и просто мыслящіе люди приходятъ въ волненіе и стараются принять участіе въ предстоящемъ обновленіи отечества. Въ цензурное вѣдомство безпрестанно поступаютъ ходатайства о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

Катковъ сначала намѣревался издавать журналъ въ духѣ патріотическаго *Сына Отечества*, какъ «особый органъ» для «благороднаго одушевленія» русскаго общества по случаю Севастопольской войны [163]). Но вскорѣ соображенія о внѣшней политикѣ уступили мѣсто новымъ задачамъ. Катковъ желалъ установить у русской публики «русскій взглядъ на вещи», освободить русскій умъ отъ ига чуждаго слова. Московскій попечитель, мы видѣли, поддерживалъ ходатайство.

То же самое онъ сдѣлалъ и для славянофиловъ, хлопотавшихъ о собственномъ изданіи. *Москвитянинъ* длилъ свое существованіе еще въ 1856 году, но отъ него нельзя было ожидать живого практическаго участія въ современности. Ни одинъ изъ его сотрудниковъ не обладалъ способностью даже понять важность те-

---

[162]) *На зарѣ крестьянской свободы.* «Русск. Стар.» 1897 г., окт., 8—9 etc.

[163]) *Катковъ, какъ редакторъ «Москов. Вѣд.» и возобновитель «Русск. Вѣстн.». Р. Стар.* 1897, декабрь, стр. 574.

кущей минуты и мы знаемъ, какъ талантливѣйшій изъ нихъ Григорьевъ, смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ. До возвышенныхъ сферъ красоты и «вѣчныхъ идеаловъ» не долеталъ земной шумъ, и славянофилы, бывшіе сотрудники *Московскаго Сборника*, задумали возобновить свою журнальную дѣятельность. Душою предпріятія явились И. С. Аксаковъ и А. И. Кошелевъ.

Аксакову было запрещено редактировать какой бы то ни было журналъ послѣ исторіи съ *Московскимъ Сборникомъ*, и онъ согласился негласно руководить новымъ славянофильскимъ органомъ, а Кошелевъ—подписываться редакторомъ и раздѣлять трудъ Аксакова.

Ходатайство славянофиловъ встрѣтило сначала очень сильный отпоръ. Назимовъ представилъ въ министерство записку съ самымъ лестнымъ отзывомъ о личностяхъ и талантахъ московскихъ славянофиловъ [164]). *Русская Бесѣда* явилась въ свѣтъ.

Она немедленно восприняла въ себя основной духъ эпохи, совершенно враждебный москвитяниновскому. Это видно изъ письма Григорьева къ Кошелеву. Критика пригласили сотрудничать въ новомъ журналѣ. Григорьевъ соглашался, но заранѣе объяснялъ нѣкоторыя различія въ воззрѣніяхъ своихъ и редакціи *Русской Бесѣды*. Одно въ особенности любопытно, и Григорьевъ считаетъ его самымъ важнымъ,—это взглядъ на искусство. Для *Русской Бесѣды* искусство имѣетъ только *служебное* значеніе, для Григорьева *совершенно самостоятельное*. Въ результатѣ, и отношеніе къ двумъ первостепеннымъ поэтамъ къ Пушкину и Гоголю — различны: Григорьевъ больше за Пушкина, новый журналъ за Гоголя [165]).

Предъ нами не разногласіе двухъ славянофильскихъ толковъ, а коренная вражда стараго, вымиравшаго направленія критики и новаго, жаждавшаго внести силу идей и творческихъ образовъ въ потокъ современной жизни.

Славянофилы основывали журналъ съ очевидными практическими цѣлями, а вовсе не ради прекраснодушныхъ литературныхъ упражненій. Григорьевъ могъ помѣстить въ журналѣ всего одну статью; та же участь постигла и Т. И. Филиппова, одного изъ столповъ *Москвитянина*, пѣвца русскихъ народныхъ пѣсенъ. Филипповъ написалъ разборъ драмы Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется*, возмутившій западническую печать и обезпокоившую даже Востокъ.

Авторъ возвеличивалъ философію судьбы русской женщины, выраженную словами народной пѣсни: «Потерпи сестрица, потерпи

---

[164]) *Истор. свѣд.*, 83—4.

[165]) *Біографія А. И. Кошелева.* Томъ II. М. 1892, стр. 258—9.

родная!» и дѣлалъ выводъ, обязательный и для русскаго общества вообще: «пошлется счастіе — благодари, пошлется горе — терпи! Вотъ всѣ правила для устройства обстоятельствъ нашей жизни». Это поученіе сопровождалось соотвѣтственнымъ приговоромъ надъ «западнымъ взглядомъ», т. е., по мнѣнію критика, надъ Жоржъ-Зандомъ.

Статья вызвала письмо Хомякова. Онъ желалъ защитить товарища отъ нападокъ *Современника*, но въ заключеніе ставилъ вопросъ о женской эмансипаціи, признавалъ возникновеніе его неизбѣжнымъ при лицемѣріи и развратѣ мужчинъ. Выходило нѣчто больше, чѣмъ защита Домостроя. Опять вѣяніе новаго духа, знаменовавшее нравственную смерть и молчаніе для писателей московской Руси и патріархальнаго Востока.

Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, съ какой настойчивостью журналистика приступала къ обсужденію задачъ своего времени. Прорвалась будто плотина, и потокъ новыхъ идей и стремленій захватило одинаково безмолвствовавшихъ прогрессистовъ и принципіальныхъ хранителей старообрядческихъ преданій. Цензура теряла голову, и только что возникшимъ журналамъ грозила мгновенная безвременная смерть.

Статья о пугачевщинѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* заставляетъ третье отдѣленіе требовать закрытія журнала, такъ какъ пугачевщина—крестьянскій бунтъ и напоминаніе о ней опасно. Статья И. С. Аксакова *Богатыри великаго князя Владиміра* едва не подвергла той же опасности *Русскую Бесѣду* за восхваленіе «прелести прежней вольности».

Положеніе оказывалось безвыходнымъ. Общество напитывалось слухами и толками о крестьянскомъ вопросѣ, а литературу карали даже за намекъ на тотъ же вопросъ. Кн. Вяземскій давалъ распоряженіе московскому цензурному комитету пресѣкать печатныя сужденія о предстоящей реформѣ: они «едва ли есть дѣло литературное и въ особенности журнальное», вѣдать его надлежитъ исключительно одному правительству. Князь не сомнѣвался въ благонамѣренности и добросовѣстности русскихъ писателей, «но едва ли участіе литературы принесетъ въ этомъ дѣлѣ пользу».

Въ результатѣ—фактъ, едва вѣроятный, но вполнѣ согласный съ разсчетами цензуры.

Академія наукъ признала полезнымъ «предложить на соисканіе задачу», «относящуюся къ историческимъ изслѣдованіямъ объ обмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ правъ въ различныхъ государствахъ Европы». Призывъ былъ обращенъ къ иностраннымъ литературамъ и программу «задачи» запрещено перепечатывать въ русскихъ журналахъ [166]).

[166]) *Истор. свѣд.*, 105.

Но это значило бороться противъ стихій. «Жгучій вопросъ—говоритъ оффиціальный источникъ—самъ врывался на литературную арену и вытѣснить его не было возможности». Кромѣ того, правительство силою своего положенія вынуждалось относиться съ меньшей строгостью къ посягательствамъ литературы.

Высшее общество, просвѣщенные душевладѣльцы отнеслись къ угрожающей реформѣ, какъ революціонному бѣдствію. Такихъ было большинство, по свидѣтельству предсѣдателя редакціонной коммиссіи, Ростовцева. Они «смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права», обвиняли редакціонную коммиссію «въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію». Даже петербургскіе сановники ждали революціи въ Россіи по европейскому образцу. Обыкновенные крѣпостники не находили словъ для выраженія своихъ ужасовъ.

Они указывали, что русскій народъ—христіанскій, «только по названію, а въ существѣ не понимаетъ ни вѣры, ни евангельскихъ добродѣтелей, не знаетъ ни одной молитвы и самого Бога признаетъ богатымъ, щедрымъ, но злымъ царемъ».

«Поборники скотолюбства», по выраженію современника, находились въ подавляющемъ изобиліи среди просвѣщенныхъ и даже передовыхъ дворянъ. Многіе ударились въ бѣга и переполнили заграничныя пристанища международныхъ патріотовъ. Банкиръ Штиглицъ за первые четыре мѣсяца послѣ московской рѣчи Государя перевелъ заграницу сорокъ милліоновъ для русскихъ путешественниковъ. «Надо ѣхать за-границу, чтобы видѣться съ русскими», пишетъ современникъ.

Парижъ кишѣлъ русской эмиграціей и она вела себя чрезвычайно громко, выражала оппозицію «неприличными выходками». Очевидцы едва могутъ достойно выразить свое презрѣніе къ этимъ протестантамъ и свою обиду за русское имя. «Marchands de chair humaine, подбитые холопствомъ», таскающіеся по парижскимъ трактирамъ и притонамъ, всеобщее посмѣшище на европейской сценѣ, и они же либералы изъ пошлаго фрондерства или жадности! Они не перестаютъ вопіять: C'est le debâcle de l'ancien régime» и въ то же время не гнушаются изобрѣтать «подлыя», такъ они сами называютъ, уловки противъ своихъ «рабовъ». И это люди съ тонкимъ просвѣщеніемъ, вольтерьянцы, жоржъ-зандисты, даже прогрессисты! Раньше они при случаѣ не прочь были пощеголять демократизмомъ, состраданіемъ къ «этому народу», а теперь они заставляютъ крестьянъ подавать правительству заявленія, что они крестьяне—не хотятъ воли, распространяютъ слухи, что объявленіе свободы будетъ встрѣчено крестьянскимъ возмуще-

ніемъ. Эта угроза повторяется въ дворянскихъ собраніяхъ, на съѣздахъ предводителей, проникаетъ даже въ печать [167]).

Господствующій дворянскій голосъ: ни дворяне, ни мужики не готовы къ реформѣ. Правительство убѣждено въ противномъ, по крайней мѣрѣ относительно народа. Ему остается искать не помощи, оно достаточно сильно само по себѣ,—а нравственной поддержки и открытаго сочувствія за предѣлами непримиримыхъ скотолюбовъ. Значеніе литературы выдвигалось на первый планъ силою вещей. Въ январѣ 1858 года опубликовано высочайшее повелѣніе объ учрежденіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, взамѣнъ секретнаго, существовавшаго въ теченіе года. Съ новымъ учрежденіемъ мѣнялось и положеніе печати.

Въ концѣ января періодическимъ изданіямъ объявлено дозволеніе обсуждать крестьянскій вопросъ, держаться только самаго примирительнаго тона, не возбуждая раздора между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіемъ.

Это распоряженіе освятило новый періодъ русской публицистики и положило оффиціально-историческое начало литературному движенію шестидесятыхъ годовъ. Въ самомъ началѣ на сцену выступили два строя: за ними можно удержать старыя наименованія славянофиловъ и западниковъ, но старыя отношенія быстро измѣнились, старыя клички утратили былой всеобъемлющій смыслъ и возникли партіи неизмѣримо болѣе сложныхъ окрасокъ и болѣе глубокаго культурнаго значенія.

XXIII.

Мы знаемъ, славянофильство возбуждало особенно рѣзкое недовѣріе власти. *Отечественныя Записки* и *Современникъ* казались цензурному вѣдомству сравнительно болѣе благонамѣренными и безопасными, чѣмъ сотрудники *Московскаго Сборника* и ни одинъ западническій редакторъ не имѣлъ въ своемъ формулярѣ такихъ суровыхъ каръ, какъ Иванъ Аксаковъ. Впослѣдствіи онъ представитъ совершенно исключительный примѣръ издательской дѣятельности по части цензурныхъ и административныхъ преслѣдованій. Его біографія, единственная среди всѣхъ редакторскихъ біографій въ Россіи, напомнитъ эффектныя приключенія какого-нибудь неукротимаго оппозиціоннаго журналиста Франціи. Только Аксакову будетъ дозволено вести блистательную борьбу съ цензурой и даже съ высшей администраціей, только ему будутъ разрѣшать періодическое изданіе *День* и въ то же время учреждать надъ этимъ изданіемъ особое наблюденіе, только его газета—

[167]) *Рус. Стар.* 1898, янв., 93—4; 1897, окт., 32—3; 1898, февр., 267—8; апр., 69—70; мартъ 468.

Москва удостоится меньше чѣмъ за два года девяти предостереженій, будетъ три раза пріостановлена, наконецъ, прекращена и вызоветъ рыцарственный отпоръ издателя самому министру внутреннихъ дѣлъ...

Это своего рода многоактная драма и во всякомъ случаѣ единственная исторія въ судьбахъ русской публицистики. Подъ предводительствомъ такого героя славянофилы поспѣшили отозваться на новыя вѣянія.

Желаніе вполнѣ естественное. Мы знаемъ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ занималъ славянофиловъ очень давно и они пытались провести его въ печать. Теперь изъ ихъ лагеря стали исходить проекты освобожденія крестьянъ съ землею, т. е. самые здравомыслящіе среди всѣхъ многочисленныхъ плановъ, изобрѣтавшихся оффиціальными и вольными преобразователями. Кошелевъ, основатель *Русской Бесѣды*, издавна занимался рѣшеніемъ задачи и еще въ 1847 году велъ любопытную переписку съ Петромъ Кирѣевскимъ объ этомъ предметѣ.

Тогда Кошелевъ готовъ былъ помириться на частныхъ сдѣлкахъ помѣщиковъ съ крестьянами. Кирѣевскій вѣрилъ только въ общее и всестороннее преобразованіе всѣхъ злоупотребленій «полицейскихъ и общественныхъ», водворенія законности, какъ «общей атмосферы всего русскаго царства». «Судебная справедливость» Кирѣевскому казалась не менѣе настоятельнымъ вопросомъ, даже болѣе значительнымъ, чѣмъ крѣпостное право [168]).

Славянофилы, слѣдовательно, владѣли прекрасными преданіями отъ нѣкоторыхъ своихъ первоучителей и могли теперь выступить во всеоружіи идей и чувствъ, особенно при захудалости и пустозвонствѣ западническихъ фельетонистовъ.

И они, повидимому, понимали свое положеніе.

Въ Москвѣ снова оживились салоны, Хомяковъ опять сталъ повергать въ изумленіе благородныхъ дамъ краснорѣчіемъ и діалектикой и даже наводить страхъ на «скотолюбцевъ».

Одесскій попечитель А. Г. Строгановъ получалъ отъ брата отчаянныя новости. Славянофилы, оказывается, превозносили зарю новой жизни для Россіи и смотрѣли на основаніе общины, какъ на первый шагъ отступленія отъ петровскихъ реформъ. Правда, Хомяковъ могъ бы нѣсколько разсѣять трагическое настроеніе Строганова: онъ едва ли не самый яркій лучъ зари видѣлъ въ предстоящемъ разрѣшеніи носить бороду и кафтанъ. Это напоминало соображенія Самарина о важности крымской войны и особенно ополченія: офицерамъ, служившимъ въ ополченіи, можно

---

[168]) *Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву. Русскій Архивъ*, 1873, II, 1345 etc.

будетъ щеголять въ бородѣ![169]). Благородные славянофилы никакъ не могли отдѣлаться отъ своего хвоста и самоотверженно юродствовали при самыхъ неподходящихъ обстоятельствахъ.

Но Строгановъ все-таки ужасался. «Ты видишь, это православный соціализмъ!» убѣждалъ онъ брата. Въ заключеніе слѣдовало дѣйствительно безпокойное соображеніе «корифеевъ» славянофильства:

«Если дворянство въ продолженіе столькихъ лѣтъ не успѣло упрочить себя, какъ независимое сословіе, то симъ доказало свое ничтожество и не заслуживаетъ быть поддержано»[170]).

Подобныя рѣчи производили впечатлѣніе даже и не на скотолюбцевъ. Славянофилами увлекся Салтыковъ и съ такимъ художественнымъ азартомъ, что, казалось бы, трудно было ожидать такой непосредственности чувства отъ сатирика. Салтыковъ считалъ затруднительнымъ держаться иного направленія «въ наши дни», чѣмъ славянофильское. «Въ немъ одномъ есть нѣчто похожее на твердую почву,—писалъ прозелитъ,—въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія». И Салтыковъ готовъ даже «залѣзать въ удѣльный періодъ» за признаками русской самостоятельности[171]).

Эти порывы не влекли къ послѣдствіямъ, но они показываютъ, какъ славянофилы стояли на виду у публики конца пятидесятыхъ годовъ. Имъ предстояло оправдать свою славу.

Что же они совершили?

Въ первыхъ же книгахъ журнала появились извѣстныя намъ статьи Филиппова и Василія Григорьева о Грановскомъ и, кромѣ того, Аполлона Григорьева *О правдѣ и искренности въ искусствѣ*, съ проповѣдью вѣчныхъ идеаловъ и съ проклятіями на «минутные, жалкіе или порочные законы дѣйствительности».

Правда, всѣ три сотрудника больше не появлялись въ журналѣ, но и оставшіеся коренные сотрудники не представляли утѣшительнаго зрѣлища. Въ самой редакціи ежеминутно готова была вспыхнуть междоусобная брань. Кошелевъ оказался самымъ нетерпимымъ цензоромъ славянофильскаго правовѣрія. Несомнѣнно, за нимъ былъ богатѣйшій практическій и идейный опытъ. Бывшій «архивный юноша», членъ «Общества любомудрія», сотрудникъ *Мнемозины*, славянофилъ подъ руководствомъ Хомякова, наконецъ, чиновникъ, помѣщикъ и откупщикъ, Кошелевъ имѣлъ право давать тонъ своимъ помощникамъ по журналу, но врядъ ли самое дѣло могло выиграть отъ чрезмѣрнаго изслѣдовательскаго усердія издателя.

---

[169]) *Письмо Грановскаго къ Кавелину.* Грановскій. II, 456.

[170]) *Р. Стар.* 1898, марта, 486.

[171]) *Р. Стар.* 1897, ноябрь, 234.

Прежде всего, Кошелевъ не могъ поладить съ Аксаковымъ, самой блестящей силой *Русской Бесѣды*. Онъ находилъ свои убѣжденія и аксаковскія различными «въ самыхъ основахъ» и считалъ невозможнымъ вмѣстѣ съ Аксаковымъ издавать журналъ. Константинъ Аксаковъ еще больше пугалъ Кошелева, Хомякова издатель считалъ «совершенно нежурнальнымъ человѣкомъ», одного изъ главныхъ пайщиковъ журнала, кн. Черкасскаго, онъ не причислялъ даже къ славинофиламъ по многимъ весьма существеннымъ основаніямъ: князь не считалъ православнаго ученія основою славянофильскаго міровоззрѣнія, не признавалъ общины и насмѣхался надъ народомъ. Оставался Самаринъ, также пайщикъ *Бесѣды*, но ему было недосугъ заниматься журналомъ.

Все это выяснилось очень скоро, и оба редактора, гласный и негласный, рѣшились каждый обзавестись отдѣльнымъ органомъ, не прекращая *Бесѣды*. Аксаковъ началъ издавать газету *Москву*, а Кошелевъ—журналъ *Сельское Благоустройство*. Цензура еще была вооружена всѣми средствами противъ журнальныхъ посягательствъ на крестьянскій вопросъ и не замедлила обрушиться на оба изданія.

Кошелевъ ходатайствовалъ о расширеніи права говорить объ окончательномъ устройствѣ крестьянъ и заявлялъ о «рѣшительной невозможности» продолжать журналъ, если цензурныя постановленія по крестьянскому вопросу не измѣнятся.

Ходатайство осталось тщетнымъ, и Кошелевъ прекратилъ журналъ [172]).

Та же участь постигла *Москву*, выходившую въ теченіе 1857 г. Кошелевъ поспѣшилъ заявить «во всеуслышаніе», что *Русская Бесѣда* и *Москва* совершенно независимы другъ отъ друга и читатели не должны смѣшивать ихъ мнѣній. Такое образцовое согласіе царствовало между руководителями *Русской Бесѣды* и съ такой тонкой политикой они вели свое дѣло предъ публикой!

Болѣе опаснаго врага, чѣмъ Кошелевъ, *Москва* встрѣтила въ князѣ Вяземскомъ. Пока существовалъ секретный комитетъ по крестьянскому вопросу, князь не могъ допустить даже намека на «вольный трудъ»; по его словамъ, «утопію, которая можетъ сбить съ толку трудящихся». Товарищъ министра народнаго просвѣщенія въ письмѣ къ Константину Аксакову дѣлалъ по адресу издателя *Москвы* крайне рѣзкій выговоръ: «Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братію грѣшно и ужъ вовсе не православно». *Москва* не выдержала этой грозы и скончалась въ концѣ года.

Годъ спустя Аксаковъ предпринялъ изданіе новой газеты *Па-*

---

[172]) *Истор. свѣд.*, 107.

русъ. Передовая статья была посвящена вліянію цензуры на литературу и журналистовъ. Авторъ въ горячей лирической формѣ высказывалъ въ высшей степени мрачный взглядъ.

«Неужели же,—восклицалъ онъ,—мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно?!—изолгались совсѣмъ... Было такое время, когда ни воздуха, ни свѣта не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла и въ пустынномъ мракѣ пировала и вѣнчалась оффиціальная ложь, одна, владыкою безмолвнаго простора. Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ?..»

И редакторъ собирался высказывать «безоглядную правду», почтительно и скромно, но вполнѣ независимо и свободно. На второмъ выпускѣ газета была прекращена.

Въ союзѣ съ цензурой опять оказался Кошелевъ. Онъ не могъ выносить оппозиціоннаго настроенія Аксакова, предлагалъ ему «кутить» въ *Парусѣ* какъ угодно, но въ *Бесѣдѣ* быть сдержаннымъ, иначе ее лучше закрыть. Кошелевъ стремился «слыть органомъ правительства», болѣе или менѣе либеральнаго, и позволялъ себѣ только «скорбѣть», не больше [173]).

Скорбѣть приходилось такъ часто и такъ глубоко, что на другія чувства не оставалось и времени. Оффиціальный источникъ сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ статей по крестьянскому вопросу, которыя присылались изъ Москвы въ Петербургъ на просмотръ главнаго управленія цензуры. Цифры чрезвычайно краснорѣчивыя. Напримѣръ, изъ 14 статей, съ исключеніями одобряется 4; изъ 9 всего 3. И такъ постоянно: рукописей приходили «пѣлыя кипы» и «большая часть ихъ была устраняема отъ печати»—все изъ-за старанія цензуры удержать обсужденіе вопроса въ указанныхъ границахъ. Одновременно разсылались многочисленные циркуляры и частныя письма сановниковъ, въ родѣ посланія кн. Вяземскаго къ Аксакову.

Кошелевъ имѣлъ всѣ основанія спрятаться съ своимъ *Благоустройствомъ*, но *Бесѣда* продолжала жить. Одной изъ главныхъ задачъ редакція считала укрѣпленіе тѣсныхъ связей съ славянскими народами и въ привлеченіи сотрудниковъ изъ славянскихъ

---

[173]) *Біографія А. И. Кошелева*, 249.

земель. Путешествія по славянскимъ землямъ занимали видное мѣсто въ журналѣ. Изъ политическихъ статей особенный шумъ былъ поднятъ статьей Самарина *Два слова о народности въ наукѣ*. Усерднымъ совопросникомъ явился *Русскій Вѣстникъ* въ лицѣ Б. Чичерина. Московскія стогны огласились возгласами: «воззрѣніе объективное», «субъективные взгляды», «общечеловѣческое», «народное» и всякими другими задорными словами, никого ничему не научившими и оставившими ярыхъ ратоборцевъ на ихъ неизмѣнныхъ позиціяхъ. Вышла чисто словесная чернильная свалка, сильно потѣшившая самихъ героевъ и кучку праздныхъ пріятелей.

Какое дѣло могло быть публикѣ до этой суеты журнальнаго муравейника? Кошелевъ признавалъ, что кругъ читателей *Бесѣды* «не огроменъ» и что «молодежь не льнетъ» къ ней. Онъ разсчитывалъ на «людей зрѣлыхъ». Похвальный разсчетъ, но только понятіе о зрѣлости чрезвычайно относительно. Въ глазахъ Кошелева оба братья Аксаковы не были вполнѣ зрѣлы и только по необходимости, за недостаткомъ болѣе удовлетворительнаго редактора, приходилось мириться съ Иваномъ Аксаковымъ. Солидность, можетъ быть и весьма почтенная, и вполнѣ приличная политику, сильно разсчитывавшему одно время на постепенное уничтоженіе крѣпостного права благородными душевладѣльцами. При другихъ обстоятельствахъ разсчетъ и солидность, пожалуй, и были бы оцѣнены по достоинству, но не публикой шестидесятыхъ годовъ. Для нея *Бесѣда* явилась и осталась до конца вторымъ изданіемъ *Москвитянина*, т. е. журналомъ, заранѣе дискредитированнымъ, отчасти курьезнымъ, отчасти старчески-скучнымъ и вообще несовременнымъ.

Относительно *Бесѣды* во многихъ отношеніяхъ это было несправедливо. Но редакція не умѣла и даже не желала свои несомнѣнныя достоинства и свой положительный идейный капиталъ представить публикѣ въ яркой, талантливой, вдохновляющей формѣ. Она совершенно напрасно мирилась съ равнодушіемъ молодежи. Наступало время, когда всѣ, безъ различія возраста, молодѣли духомъ и предъявляли юношески-нетерпѣливые запросы къ людямъ, взявшимъ на себя смѣлость руководить общественнымъ мнѣніемъ въ эпоху величайшаго перелома общественной и народной жизни.

Болѣе острую проницательность обнаружилъ врагъ *Русской Бесѣды — Русскій Вѣстникъ*. Онъ сразу закутилъ, лишь только появился на свѣтъ, не въ духѣ незрѣлости и молодости, какъ понималъ Кошелевъ. Нѣтъ. Солидность воззрѣній и зрѣлость гражданскихъ чувствъ Каткова не подлежали сомнѣнію,—онъ съумѣлъ «дать себѣ отвагу» въ другомъ направленіи, вполнѣ удобномъ, но, тѣмъ не менѣе, очень картинномъ и благодарномъ.

XXIV.

Долголѣтняя журнальная дѣятельность Каткова представляетъ исключительный примѣръ публицистики чисто-импрессіонистскаго жанра. Будущему историку и психологу будетъ одинаково трудно прослѣдить многообразныя эволюціи катковской внутренней и внѣшней политики и опредѣлить сущность и принципіальное зерно ея стремленій. Нельзя назвать ни одного болѣе или менѣе важнаго вопроса въ государственной и общественной исторіи преобразованной Россіи, не получившаго въ статьяхъ Каткова по нѣсколько совершенно различныхъ, непримиримыхъ отвѣтовъ. Публицистика *Московскихъ Вѣдомостей*, разложенная на догматы и принципы, представила бы изумительно пеструю справочную энциклопедію для большинства политическихъ партій XIX-го вѣка, отъ англійскаго высоко-культурнаго либерализма до вполнѣ откровенной философіи «слова и дѣла».

Эти результаты на почвѣ молодой русской публицистики не лишены оригинальности, но нашъ публицистъ обнаружилъ еще болѣе яркую оригинальность въ другомъ отношеніи. Писатели-импрессіонисты народъ обыкновенно спокойный, иронически ко всему снисходительный и до послѣдней степени терпимый. Это очень похвально. Если человѣкъ положилъ себѣ правиломъ не держаться строго опредѣленныхъ взглядовъ, не мучиться изъ-за постоянныхъ убѣжденій, ему, конечно, было бы странно горячиться и переживать сильныя чувства восторга или негодованія по поводу чужихъ какихъ бы то ни было идей. Вѣдь всякій имѣетъ право говорить рѣшительно все, что ему угодно; разговоръ—результатъ не мысли и вѣры, а настроеній, тѣхъ или другихъ случайныхъ внушеній. И современные импрессіонисты—все господа образцоваго литературнаго тона и безукоризненнаго джентльменства, по крайней мѣрѣ, на родинѣ импрессіонизма во Франціи.

Катковъ импрессіонистъ совершенно особаго характера. Его «впечатлѣнія» въ его глазахъ—догматы и законоположенія. Какъ бы часто и рѣзко они ни мѣнялись, публицистъ ни на минуту не утрачивалъ рѣшительнаго всеподавляющаго тона. Размахъ пера и воинственная отвага рѣчи оставались неизмѣнными при самыхъ разнообразныхъ рѣшеніяхъ одного и того же вопроса. Даже больше: азартъ непосредственно послѣ скачка въ сторону или назадъ становился настойчивѣе, будто публицистъ старался перекричать свой собственный голосъ, только что выкрикивавшій другіе мотивы и еще не совсѣмъ замолкшій въ ушахъ публики. Самоувѣренность чрезвычайно завидная и принесшая самому герою богатые плоды. Онъ могъ съ неприкосновеннымъ и одинаковою внушительнымъ эффектомъ и «олимпійскимъ» громогласіемъ про-

возглашать судъ присяжныхъ благодѣяніемъ и судомъ улицы, вопросъ о женскомъ образованіи—исторически-неизбѣжнымъ и фальшивымъ, гибельнымъ для благоденствія Россіи, союзъ съ Франціей—унизительнымъ, опаснымъ и немного спустя мудрымъ и необходимымъ. И будущій историкъ напрасно станетъ доискиваться какой-либо руководящей мысли во всѣхъ этихъ зигзагахъ и прыжкахъ талантливаго газетнаго слова. Предъ нимъ развернется, будто многоактная и многословная пьеса будущаго автора. Психологія дѣйствующихъ лицъ неопредѣленна и противорѣчива, эпизоды плохо мотивированы, интрига произвольна и основана на случайностяхъ, развязка совершенно фантастична. Ясно только одно: главный герой весь поглощенъ заботой участвовать во всѣхъ сценахъ и непремѣнно на первомъ планѣ, произносить краснорѣчивые монологи и дѣлать «выигрышные» выходы. Вдумываясь въ спектакль, зритель даже можетъ напасть на мысль: да ужъ не ради ли этихъ выходовъ задумана вся махинація и не ими ли объясняется головокружительная безсвязность и сюрпризность зрѣлища?

Повидимому, зритель не будетъ слишкомъ далекъ отъ истинной разгадки. Въ нашу программу не можетъ входить оцѣнка публицистическаго таланта Каткова, но дебюты издателя *Русскаго Вѣстника* для насъ важны—въ томъ же отношеніи, какъ и дѣятельность *Русской Бесѣды*. Мы должны опредѣлить военную позицію, занятую новымъ журналомъ въ современномъ движеніи и вывести окончательное заключеніе объ истинныхъ выразителяхъ этого движенія.

Мы видѣли, Катковъ замышлялъ журналъ съ цѣлью создать «особый органъ въ литературѣ» для «благороднаго одушевленія» русскаго общества, готовъ былъ даже просить просто о возобновленіи *Сына Отечества*—съ переименованіемъ въ *Русскаго Лѣтописца*. Разрѣшеніе получилось, и *Русскій Вѣстникъ* съ 1856 г. явился въ свѣтъ.

Онъ не замедлилъ выдѣлить себя изъ хора остальной журналистики—существовавшей и существующей. Совершилъ онъ этотъ актъ съ большимъ величіемъ въ позѣ и краснорѣчіемъ въ словахъ. Онъ напалъ прежде всего на *господъ критиковъ* вообще за ихъ исключительное положеніе въ журналистикѣ. Со временъ Бѣлинскаго критика стала главнымъ и для читателей любопытнѣйшимъ отдѣломъ журналовъ. Этотъ порядокъ вещей не понравился *Русскому Вѣстнику* и онъ сочинилъ «нѣсколько словъ о критикѣ»—весьма поучительныхъ для всей его только что начинавшейся дѣятельности.

Критики—это «литературные бобыли», «баши-бузуки», отнюдь не «производители». Они притязаютъ на «направленіе», но это

понятіе столь же презрѣнно, какъ и «критика». Его вовсе до сихъ поръ не понимали. Вмѣсто «направленія» царствовало «громогласіе», «литературныя сплетни» и круглое невѣжество. По мнѣнію *Русскаго Вѣстника*, «критикамъ вмѣнялось въ главнѣйшую обязанность»—«быть какъ можно свободнѣе отъ всякихъ другихъ (кромѣ сплетень) стѣснительныхъ знаній: чѣмъ легче на умѣ тѣмъ легче на совѣсти и тѣмъ смѣлѣе говорится». Въ результатѣ—«невообразимая наглость», «недобросовѣстность». «Баши-бузуки обыкновенно занимали журнальные аванпосты, и съ гиканьемъ носились въ отдѣлахъ критики, библіографіи, обозрѣнія журналистики».

Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что эти *обры* погибли, раздается «послѣдній вопль литературныхъ баши-бузуковъ». Въ будущемъ русскимъ журналамъ предстоитъ уподобиться «англійскимъ *обозрѣніямъ*». «Скандалёзныя явленія», «гостинодворскіе отчеты» критиковъ исчезнутъ. *Athenaeum* и другія «англійскія большія *обозрѣнія*» процвѣтутъ на русской почвѣ,—надо полагать, по образцу *Русскаго Вѣстника* и подъ руководствомъ его издателя, столь основательно усвоившаго чинный и благопристойный тонъ англійской печати.

Какъ!—воскликнете вы,—что же это за благопристойность: сидѣльцы, баши-бузуки, наглость, гиканье? Если русскіе журналы начнутъ отвѣчать своему крититу въ его же тонѣ, выйдетъ нѣчто почище даже «гостиныхъ дворовъ», столь презираемыхъ *Русскимъ Вѣстникомъ*.

Несомнѣнно. Журналы, конечно, имѣли полное право разговаривать съ нашимъ англоманомъ въ его стилѣ. Но съ нихъ, завѣдомыхъ баши-бузуковъ, нечего было и спрашивать. Другое дѣло, какъ русскій *Revue des deux Mondes* унизился до гиканья и громогласія?

Это непостижимое противорѣчіе будетъ сопровождать всю публицистическую карьеру Каткова. Врядъ ли какой журналистъ извергнулъ на своемъ вѣку большее количество бранныхъ словъ, чѣмъ онъ, и врядъ ли кто съ бо́льшимъ усердіемъ твердилъ въ то же время о тонѣ и «чистотѣ» критики. Въ первой же статьѣ провозглашалось слѣдующее благородное правило:

«Всякое дѣло должно быть дѣло чистое, и критика должна быть критикою чистою, какъ наука должна быть чистою, какъ искусство должно быть чистымъ» [174]).

На что̀ превосходнѣе! А между тѣмъ эта чистая критика съ каждымъ мѣсяцемъ все сильнѣе пачкалась въ предметахъ, не особенно чистыхъ. «Балаганы», «желтый домъ», «свирѣпое без-

[174]) *Русскій Вѣстникъ*. 1856 г., томъ III. *Современная Лѣтопись*, стр. 213.

смыслѣе», «раболѣпство», «мальчишеское забіячество», «осквернѣніе мысли въ ея источникахъ» и множество другихъ полемическихъ красотъ и прямо сплетень могли извлечь мальчишки и баши-бузуки изъ московскаго Athenaeum'a. Насмѣшливая судьба судила *Русскому Вѣстнику* со дня рожденія быть «подозрительнымъ бель-этажемъ», возглашать неустанно о своихъ «чистыхъ комнатахъ» и щеголять публично убранствомъ и атмосферой чердаковъ и подваловъ.

Глѣбъ Успенскій по поводу одной чисто-подвальной выходки «бель-этажа» заявлялъ, что она далеко не новость въ этихъ благовонныхъ сферахъ, что крики «мошенники», «негодяи» уже начали раздаваться въ самую раннюю весну послѣ реформеннаго времени».

Мы видимъ, даже еще раньше, *за пять лѣтъ* до реформъ. И даже направленіе криковъ успѣло намѣтиться съ достаточной точностью. Здѣсь Катковъ не измѣнялъ себѣ отъ перваго драматическаго монолога противъ «баши-бузуковъ» до послѣдняго натиска на «разбойниковъ печати». Даже изящество терминовъ не потерпѣло отъ времени.

Для читателя нѣсколько неожиданно такое заключеніе. Извѣстно, «разбойники печати» для Каткова, спасавшаго отечество отъ скрытыхъ и явныхъ нигилистовъ, были всѣ, кто не состоялъ подписчикомъ или читателемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, предпочиталъ другія газеты. Неужели же онъ еще съ 1856 г. провидѣлъ эту злокозненную расу людей и заклеймилъ ее на все будущеее время баши-бузуками?

Оказывается, да. Потому что, кого же *Русскій Вѣстникъ* могъ поражать съ такой свирѣпостью, какъ не предшественниковъ позднѣйшихъ недруговъ *Московскихъ Вѣдомостей*? Не надо забывать, катковское «слово и дѣло» въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ раздавалось вовсе не противъ завѣдомыхъ революціонеровъ и нигилистовъ, а вообще противъ «не нашихъ». До какой степени оказался обширнымъ районъ этихъ прокаженныхъ, показываетъ исторія *Московскихъ Вѣдомостей* съ Тургеневымъ. Она выяснила, что всякій русскій «либералъ» на языкѣ Каткова означаетъ послѣдователя нигилизма и даже самъ Тургеневъ въ томъ числѣ. Русская печать, при всей разрозненности и гражданской шаткости, поняла размахъ патріотическаго краснорѣчія и доказала это публично. На обѣдѣ при открытіи пушкинскаго памятника въ Москвѣ Катковъ вздумалъ взывать къ примиренію и единенію. Воззваніе нашло искренній откликъ въ единственномъ редакторѣ-издателѣ, Гайдебуровѣ.

Такая широта арены опредѣлилась именно съ 1856 года.

Въ самомъ дѣлѣ, на кого ополчался новый журналъ? Онъ осо-

бенно негодовалъ на журнальныя обозрѣнія, называлъ «варварствомъ литературныхъ нравовъ», излюбленнымъ изобрѣтеніемъ баши-бузуковъ. Онъ соображалъ, что этотъ обычай завелся «лѣтъ за семь или за восемь предъ симъ», т. е. съ 1848 года.

Соображеніе невѣрное. Журналы обозрѣвалъ еще Полевой, потомъ пушкинскій *Современникъ* и, наконецъ, Бѣлинскій. Послѣдній ежегодные критическіе отчеты окончательно ввелъ въ обычай, и нѣкоторые читатели не сомнѣвались, что *Русскій Вѣстникъ* всей своею бранью на гиканье, направленіе, невѣжество, не-чистую критику мѣтилъ именно въ Бѣлинскаго [175]).

И читатели врядъ ли ошибались.

Говорить о *направленіи* можно было только по поводу Бѣлинскаго, о критикѣ, какъ «животворномъ элементѣ журнала», только въ виду его статей, обзывать же его «бобылемъ», значило повторять эпитетъ Шевырева, обвинять въ невѣжествѣ — слѣдовать примѣру всѣхъ другихъ противниковъ критика. Правда, журналы обозрѣвалъ еще *Иногородній Подписчикъ*, но какое же у него направленіе? Онъ вскорѣ сталъ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника* и ужъ, конечно, никогда не принадлежалъ къ «баши-бузукамъ». Вообще *Русскій Вѣстникъ* въ теченіе шестидесятыхъ годовъ собралъ у себя всѣхъ «туристовъ» и «подписчиковъ»—Анненкова, Дружинина, Алмазова, наконецъ Лонгинова, извѣстнаго библіографа и еще болѣе извѣстнаго оффиціальнаго гонителя «литературныхъ баши-бузуковъ» и «мальчишекъ».

Первое мѣсто среди нихъ, по бойкости пера, слѣдуетъ отдать И. Ф. Павлову. При жизни Бѣлинскаго онъ прославился остроумной статьей о *Перепискѣ* Гоголя. Статья появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, привела въ восторгъ Бѣлинскаго удачнымъ сопоставленіемъ міросозерцація *Переписки* и психологіи отрицательныхъ героевъ гоголевской сатиры и была перепечатана въ *Современникѣ* [176]). Такой же восторгъ, но уже со стороны Тургенева выпалъ на долю статьи Павлова о комедіи гр. Соллогуба—*Чиновникъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Статья дѣйствительно очень живая, остроумная и очень благонамѣренная по части просвѣщенія. Но въ статьѣ мелькали отдаленные отголоски приближавшейся войны, какую вскорѣ Павловъ подниметь въ своей газетѣ *Наше Время* противъ *Грозы* Островскаго и *Наканунѣ* Тургенева. Тогда Катерина возбудитъ «все его негодованіе», а Тургеневъ огорчитъ «философическими воззрѣніями» [177]). Теперь критикъ выступитъ на защиту «современной графини», будетъ взывать къ писателямъ: «схватите душу свѣт-

---

[175]) *Біографія А. И. Кошелева.* II, 420.

[176]) *Современникъ.* 1847, май, іюнь.

[177]) *Наше Время.* 1860. №№ 1 и 9.

ской женщины, уловите направленіе ея мысли» и, наконецъ, поставитъ довольно неожиданную дилемму, яростно нападая на героя пьесы: «Зачѣмъ г. Надимовъ запрещаетъ равнодушіе и не велитъ потворства? Неужели премудро-спокойное, азіятски-одинаковое созерцаніе прекрасныхъ и безобразныхъ явленій преступно?»

Не будь здѣсь нѣсколько неодобрительной приставки «азіятски», можно бы смѣло подсказать авторскій отвѣтъ. Да онъ, впрочемъ, ясенъ и съ приставкой. Тому же Павлову, надо полагать, принадлежитъ разборъ стихотвореній Фета. Критикъ въ восторгѣ, въ особенности по слѣдующей причинѣ:

«Теперь гг. Надимовы краснорѣчиво и сильно громогласятъ о нашихъ общественныхъ язвахъ,—г. Фетъ вздумалъ пѣть, что̀ ему придетъ въ голову, что̀ ему пройдетъ по сердцу, что̀ у него проснется въ душѣ... Онъ поетъ какъ птичка на вѣткѣ: да вѣдь это было сказано Богъ знаетъ когда, это было сказано старикомъ Гёте, а развѣ не знаетъ г. Фетъ, что теперь это запрещено, строжайшимъ образомъ это запрещено?.. Придетъ съ своею алебардою безпощадный блюститель запрещенія и бѣда тебѣ, пѣвчая птичка?..» [178]).

Кто же этотъ «грубый сторожъ»? Опять приходится припоминать ни кого иного, какъ Бѣлинскаго. Его въ теченіе всего мертваго періода укоряли за погубительство поэзіи и всѣ обвинители нашли пріютъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Очевидно, онъ продолжатель эстетики *Москвитянина* и Иногороднаго Подписчика. Фактъ сталъ вполнѣ яснымъ при первомъ же опредѣленномъ заявленіи «новыми людьми» своихъ мнѣній.

Эти люди въ литературной критикѣ пока считали себя преданнѣйшими учениками Бѣлинскаго и, несомнѣнно, были ими съ неизмѣримо бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Анненковъ и Дружининъ. Съ теченіемъ времени, мы увидимъ, стремительность мысли унесла ихъ въ сторону, и самые увлеченные изъ нихъ даже открыто отрекись отъ наслѣдства Бѣлинскаго. Но для Чернышевскаго и Добролюбова завѣты критика были еще дороги и жизненны. А между тѣмъ уже въ 1861 году между Катковымъ и *Современникомъ* шла непримиримая война и нетерпимой запальчивостью отличалось именно московское *Révue*. Чернышевскій невольно долженъ былъ вспомнить, какъ быстро и далеко разошлись когда-то, повидимому, единомышленные люди? Катковъ писалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* вмѣстѣ съ Герценомъ и Бѣлинскимъ, и Чернышевскій даже впалъ въ грустный лиризмъ по поводу воспоминанія о прошломъ. Совершенно напрасный «порывъ чувствъ»!

---

[178]) *Русск. Вѣст.* 1856, томъ III, *Русская литература*, стр. 501, 385; томъ IV, *Соврем. Лѣтопись*, стр. 91.

Катковъ сталъ хозяиномъ журнала, ему нужно стать властителемъ душъ,—будетъ онъ хлопотать о какой-то послѣдовательности взглядовъ или о старыхъ связяхъ съ людьми! Онъ видитъ, *Современникъ*—опасный соперникъ. И онъ не ошибается. Политика одна: пойти войной на противника, все равно, врагъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, честный ли работникъ на томъ же литературномъ поприщѣ или только помѣха нашему вліянію. Вопросъ, *кто* побѣдитъ, а *во имя чего*—дѣло второстепенное. Мы даже кое-что заимствуемъ у нашихъ непріятелей. Мы большіе поклонники англійскихъ журнальныхъ порядковъ, мы будемъ безпрестанно твердить о насажденіи истинно-парламентскихъ пріемовъ въ русской печати, но это не помѣшаетъ намъ прибѣгать къ отборной не литературной брани, въ отвѣтъ на бойкія монеры молодой литературы. Мы джентльмэны и живемъ въ бель-этажѣ, но и у просвѣщенныхъ мореплавателей существуетъ боксъ и имъ приходится бывать въ мѣстахъ менѣе чистоплотныхъ, чѣмъ бель-этажъ: мы также ринемся въ свалку и съ большой охотой уподобимся обитателямъ чердаковъ и подваловъ, если это потребуется для защиты нашего бель-этажа и для торжества нашей аристократичности. Мы, можетъ быть, обнаружимъ нѣкоторую непослѣдовательность, впадемъ въ противорѣчія, но развѣ только слѣпые не распознаютъ во всѣхъ нашихъ полетахъ отъ бель-этажа до подвала одной строго-выдержанной политики: быть вездѣ и всегда на первомъ и исключительномъ мѣстѣ. Мы одни и единственные,—идеалъ, за который можно пожертвовать мессами всѣхъ церквей и вѣроисповѣданій.

XXV.

Катковъ съ перваго года *Русскаго Вѣстника* вполнѣ прочно установилъ свое положеніе: быть отрицательнымъ моментомъ новаго движенія въ русскомъ молодомъ поколѣніи. Задача должна выполняться съ неуклонной прямолинейностью, все равно, обнаружитъ ли молодежь сплошныя нравственныя язвы или также кое-какіе признаки здоровья. Она виновата заранѣе, потому что съ ней живетъ и волнуется что-то *свое*, не предусмотрѣнное и не предписанное «олимпійцемъ». Такъ Алмазовъ будетъ именовать своего редактора, предавая гласности задушевныя думы самого героя и покоренныхъ имъ народовъ. Молодежи потребовались большія силы бороться съ своимъ врагомъ, особенно въ началѣ, когда врагъ игралъ эффектную и увлекательную роль. Мы знаемъ, Чернышевскій не могъ даже удержаться отъ чувствъ: это свидѣтельствовало о большомъ значеніи катковскихъ «впечатлѣній».

---

[179]) *Современникъ*. 1861, VI.

Издатель *Русскаго Вѣстника* съ большимъ искусствомъ защищалъ права печати. Мы видѣли, онъ въ самомъ началѣ новаго царствованія высказывалъ въ оффиціальной бумагѣ общія соображенія о тлетворныхъ вліяніяхъ цензурныхъ стѣсненій. Одновременно онъ отказался напечатать въ своемъ журналѣ опроверженіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода на статьи о злоупотребленіяхъ греческаго духовенства въ Болгаріи. Въ 1858 году это было нѣкоторой отвагой [180]).

Еще эффектнѣе поступилъ Катковъ годомъ раньше.

Двадцатаго ноября послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя виленскаго военнаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ губернатора, разрѣшавшій дворянамъ этихъ губерній образовать комитетъ и приступить къ составленію проектовъ объ освобожденіи крестьянъ. Рескриптъ произвелъ громадное впечатлѣніе на общество; московская интеллигенція рѣшила ознаменовать событіе торжественнымъ обѣдомъ. Участіе приняло до 180 лицъ и обѣдъ состоялся 28 декабря въ залахъ купеческаго клуба. Участвовали разныя сословія и состоянія, но на первомъ мѣстѣ стояли журналисты и профессора.

Было произнесено множество рѣчей; Катковъ говорилъ о единодушіи «всей мыслящей Руси» въ чувствѣ безграничной признательности предъ Государемъ Императоромъ, Павловъ указывалъ на «второе преобразованіе Россіи», Погодинъ возлагалъ надежды на дворянство и литературу, какъ усердныхъ помощниковъ правительству въ предстоящемъ великомъ дѣлѣ. Но особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь В. А. Кокорева, мѣщанина по происхожденію, откупщика и старообрядца. Рѣчь—не лишенная оригинальности по формѣ—говорила о «гражданской равноправности» бывшихъ крѣпостныхъ, о томъ, что «всѣ кривые и дряблые побѣги опять срастутся съ своимъ корнемъ—съ народомъ» и «отъ этого срастанія мы почерпнемъ изъ чистой натуры народа ясность и простоту воззрѣній».

Катковъ напечаталъ подробный отчетъ объ обѣдѣ въ своемъ журналѣ, съ изложеніемъ рѣчей. Петербургская администрація взволновалась и усмотрѣла въ Катковѣ и въ цензорѣ, пропустившемъ статью, главныхъ виновниковъ. Министръ Норовъ потребовалъ у цензора Н. Ф. Крузе объясненія, и цензоръ отвѣчалъ превосходной защитой литературы. Краснорѣчивѣе и искреннѣе не могъ бы говорить самый либеральный и убѣжденный редакторъ. Записка Крузе въ высшей степени любопытна, какъ показатель духа времени. Рядомъ съ ней оппозиція Каткова сильно теряетъ въ своей гражданской доблести.

---

[180]) *Историч. свѣд.* 93—4.

Цензоръ полагалъ, правительство смотритъ на литературу «не какъ на враждебный элементъ, допускаемый только по обычаю или изъ приличія, а какъ на дѣло существенное, необходимое, желательное, какъ на важное и лучшее пособіе себѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ».

Дальше цензоръ, по личнымъ наблюденіямъ, характеризовалъ современную литературу: «она заслуживаетъ въ послѣднее время доброе о себѣ мнѣніе. Она не искала подъ двусмысленностью выраженія провести какую-нибудь недозволенную мысль. Да въ литературѣ нашей за послѣднее время не отъищется ничего безнравственнаго, ничего анархическаго, ничего иносказательновреднаго. Ни въ какую эпоху не выражала она такъ искренно, такъ благородно, съ такимъ отсутствіемъ неоправданной лести своего сочувствія вѣнчанной главѣ государства. Всѣ ея стремленія, съ какой стороны ихъ ни взять, какъ ихъ ни перетолковывать, клонятся только къ указаніямъ злоупотребленій, къ истребленію общественной порчи, къ полезнымъ, не разрушительнымъ нововведеніямъ, ко благу и славѣ Россіи».

Цензоръ находилъ такую литературу достойной поощренія и и защиты. Независимость науки, ума, таланта необходима, чтобы литература могла выполнять свое назначеніе. Цензоръ указывалъ, до какой степени цензурныя стѣсненія способствуютъ именно врагамъ Россіи, клеветѣ и разнымъ обвиненіямъ, развиваютъ у общества недовѣріе и подозрительность.

Крузе получилъ строжайшій выговоръ, рѣчь Кокорева признана неприличной, перепечатка ея въ другихъ изданіяхъ запрещена.

Но на этомъ вопросъ не закончился. *Одесскій Вѣстникъ* успѣлъ перепечатать нѣкоторыя мѣста изъ статьи *Русскаго Вѣстника* раньше распоряженія министра.

Газета состояла въ вѣдѣніи попечителя округа Пирогова и перепечатка вызвала ожесточенную войну генералъ-губернатора гр. А. Г. Строганова съ попечителемъ. Графъ выступилъ настоящимъ якобинцемъ старыхъ порядковъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ принялся излагать такую государственную мудрость, что вызвалъ возраженія даже въ правительственныхъ сферахъ. Эта война—одно изъ самыхъ яростныхъ столкновеній умиравшаго крѣпостничества съ новымъ движеніемъ, и Строгановъ выполнялъ свою задачу съ рѣдкимъ блескомъ.

Онъ горячо возмущался московскимъ обѣдомъ не могъ допустить и мысли, чтобы русскіе обыватели смѣли высказывать свои «частныя мнѣнія» даже въ пользу правительственныхъ распоря-

---

[181]) *Русск. Вѣстн.* 1857, т. XII. *Современная Лѣтопись*, стр. 203. Исторія обѣда—*Р. Стар.* 1898, январь—февраль.

женій, заявлялъ, что вся русская періодическая печать отъ модnаго журнала до губернской газеты—есть «мнѣніе правительства», что комедія Гоголя *Ревизоръ*, копія *Свадьбы Фигаро*. Правда, эта пьеса и сотни подобныхъ ей не произвели въ Россіи «тѣхъ же печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ творенія Бомарше для Франціи», но зато переводы ихъ навлекли на Россію много нареканій заграницей. Строгановъ прямо ставилъ вопросъ о благономѣренности Пирогова, доносилъ о литературныхъ собраніяхъ въ его домѣ, какъ первоисточникахъ возмутительныхъ статей *Одесскаго Вѣстника*.

Строгановъ долженъ былъ найти сочувственниковъ и херсонскій губернскій предводитель дворянства Касиновъ, въ бумагѣ къ министру, вліяніе Пирогова на *Одесскій Вѣстникъ* приводилъ въ непосредственную связь съ принципомъ *La propriété c'est le vol*, съ предстоящимъ воззваніемъ къ топорамъ во имя свободы труда, припоминалъ Прудона, Мацини, Герцена и его *Колоколъ*, грозилъ правительству «кровавою стезею безпорядковъ» и въ заключеніе договаривался до Робеспьера. Въ доказательство и генералъ-губернаторъ, и его сотрудники ссылались на статьи газеты.

Но спасители отечества съ Робеспьеромъ и «республикой» хватили черезъ край и сами заранѣе подорвали довѣріе къ своему здравому смыслу. Направленіе *Одесскаго Вѣстника* въ Петербургѣ не признали вреднымъ и Пироговъ пока остался на своемъ мѣстѣ и съ репутаціей благонамѣреннаго администратора. Но по усердію Строганова и Касинова можно судить о напряженности охранительскихъ инстинктовъ у многихъ особъ преобразовательной эпохи. Разсказанная борьба, кромѣ того, подтверждаетъ существенный историческій фактъ: оппозицію правительству по поводу реформы дѣлало только дворянство и преимущественно высшее чиновничество. Литература, напротивъ, скорѣе могла потеряться въ своихъ восторженныхъ чувствахъ, чѣмъ обнаружить даже тѣнь отрицательнаго настроенія. Это засвидѣтельствовано одинаково и публикой, и властью, и самой литературой [182]). Даже заграничная русская печать преклонялась предъ волей и личностью Императора Александра. Огаревъ сравнивалъ его восшествіе на престолъ съ «теплымъ утромъ послѣ долгой и ледяной ночи», Герценъ опредѣлялъ ему «мѣсто въ числѣ величайшихъ, государственныхъ дѣятелей нашего времени» [183]). И общество высоко цѣнило печать и пристально слѣдило за ней.

Въ это именно время и развернулась слава Каткова, какъ публициста. Заключалась ли особенная заслуга въ усердіи *Рус-*

[182]) Ср. *Русск. Стар.* 1898, февр., 273—4.

[183]) *Колоколъ*, 15 дек. 1859.

скаго Вѣстника по вопросу крестьянской реформы? Врядъ ли. На московскомъ обѣдѣ говорились рѣчи людьми умѣреннѣйшаго образа мыслей, и тонъ рѣчей даже превосходилъ тусклое слово Каткова. Относительно крестьянской реформы въ печати—болѣе или менѣе здравомыслящей—не было рѣзкихъ направленій. Конечно, Строгановы и Касиновы могли найти органъ и для своихъ Кассандріадъ: ихъ прорицанія, навѣрное, не отказался бы напечатать *Журналъ Землевладѣльцевъ*,—но это не былъ органъ общественнаго мнѣнія, а чисто-эгоистической партіи и заматорѣвшей касты. *Русскій Вѣстникъ*, слѣдовательно, отнюдь не либеральничалъ, а плылъ широкимъ теченіемъ, захватывавшемъ одновременно и высшее правительство и лучшее общество.

Даже больше. *Русскій Вѣстникъ* явно придерживался подавившей его англійской складки въ торійскомъ смыслѣ. *Современникъ* еще въ 1859 году могъ составить рядъ крайне любопытныхъ ссылокъ на статьи журнала, разсматривавшихъ вопросъ *о выкупѣ душъ*, не желавшихъ отчужденія даже усадебъ въ промышленныхъ губерніяхъ и особенно горячо враждовавшихъ съ принципомъ общиннаго владѣнія. По адресу защитниковъ общины *Русскій Вѣстникъ* даже прибѣгъ къ своему «англійскому» стилю: обозвалъ ихъ «крикунами», «задорно-крикливыми голосами, которыхъ наглость равняется только ихъ невѣжеству и безсмыслію», упомянулъ о «нерастворимомъ осадкѣ отъ верхогляднаго чтенія всякаго рода брошюрокъ», о «цинизмѣ» о «мерзостномъ кострѣ»,—вообще вполнѣ въ духѣ *Réuve des deux Mondes* и *Athenaeum*'а, и въ духѣ всего дальнѣйшаго будущаго нашего публициста.

Этотъ духъ обнаруживался безпрестанно съ подавляющимъ «олимпійствомъ». Катковъ будто заболѣлъ мономаніей, болѣзненнымъ зудомъ преслѣдованія нигилистовъ. Никакихъ оттѣнковъ и степеней онъ не желалъ различать. Въ припадкѣ длящейся ярости, руководимый страннымъ дальтонизмомъ, онъ набрасывался на все, что только напоминало ему ненавистный призракъ. Журналъ не замедлилъ воспользоваться романомъ Тургенева *Отцы и дѣти*, чтобы наплести всѣхъ ужасовъ на «милыхъ малютокъ, которые пишутъ въ нашихъ журналахъ», уличить ихъ въ дикихъ разрушительныхъ инстинктахъ и одновременно—въ убѣжденіи, будто «сосущій младенецъ — самый передовой изъ всѣхъ передовыхъ людей», договориться даже до своего рода также нигилистической идеи: «исторія разбила у насъ всѣ общественныя завязи и и дала отрицательное направленіе нашей искусственной цивилизаціи». Такая защита порядка оказывала ему весьма сомнительную услугу, и авторъ впадалъ въ обычную крайность особаго типа охранителей, подрывающихъ достоинство защищаемаго строя

и вѣру въ его законную и естественную прочность именно чрезмѣрностью и болѣзненностью своихъ ужасовъ предъ малѣйшей, даже призрачной опасностью.

Но пока *Русскій Вѣстникъ* не считалъ полезными «отрицательныя мѣры» противъ недуга, т. е. «стѣсненія и преслѣдованія», и указывалъ одно радикальное средство—«усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни». *Въ Замѣткѣ для издателя «Колокола»*, надѣлавшей когда-то много шума и дѣйствительно искусно составленной, Катковъ разграничивалъ соблазнителей отъ соблазненныхъ и говорилъ о послѣднихъ съ чувствомъ состраданія [184]). Но съ теченіемъ времени сдержанность чувствъ должна была исчезнуть въ интересахъ энергіи стиля и полета мысли. Катковъ быстро расширилъ кругъ своихъ жертвъ и захватилъ едва ли не все русское общество и не всю русскую цивилизацію. Въ заключеніе ему неминуемо пришлось занять полюсъ противоположный подлинному нигилизму, и столь же, слѣдовательно, далекій отъ истинно-политической мудрости и плодотворной идейной дѣятельности. Ясныя предзнаменованія мы могли отмѣтить въ самомъ раннемъ періодѣ катковской публицистики. Она не таила въ себѣ зеренъ поступательной и развивающейся жизни. Она по существу представляла силу, враждебную послѣдовательному и независимому движенію общественнаго сознанія. И не потому, что она враждовала съ нигилистами и малютками: во многихъ отношеніяхъ они дѣйствительно заслуживали критики, а потому, что она враждовала прежде всего съ лицами, а не съ идеями и въ своей стихійной ярости не различала ни добра, ни зла подъ завѣдомо ненавистнымъ знаменемъ.

А между тѣмъ, владѣй публицистика *Русскаго Вѣстника* истинно-гражданскими задачами, умѣй она поставить принципы выше личнаго самолюбія и честолюбія, она могла бы оказать большую пользу и мальчишкамъ-свистунамъ, и ихъ публикѣ. Слѣдовало только спуститься съ Олимпа и заговорить не на діалектѣ подозрительнаго бель-этажа, а на простомъ русскомъ литературномъ языкѣ, хотя бы на такомъ языкѣ, на какомъ обращался къ Каткову передовой вожакъ свистуновъ.

Мы приведемъ эту по истинѣ удивительную рѣчь. Свистуны и нигилисты стяжали славу баши-бузуковъ и именно издатель *Русскаго Вѣстника* особенно постарался на этотъ счетъ гораздо раньше, чѣмъ непріятные ему писатели заслужили подобное наименованіе. Впослѣдствіи они, разумѣется, перестали скромничать и стѣсняться: незачѣмъ было, разъ самъ издатель «большого обозрѣнія» на англійскій образецъ неистовствовалъ и бранился со-

[184]) *Рус. Вѣстн.* 1862, май, іюль.

всѣмъ не въ парламентскихъ формахъ. А пока эти циники говорили совсѣмъ иное, и могли бы поучить культурѣ и парламентаризму всю редакцію московскаго *Athenaeum'a*.

Въ отвѣтъ на судорожные вопли и личныя клеветническія обвиненія Каткова, Чернышевскій писалъ:

«Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случалось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремленій: «Мы перестаемъ понимать другъ друга, мы стали чужды другъ другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ друга во имя чувствъ еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ чѣмъ наши взаимныя чувства». Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность позднѣе почтеннаго редактора *Русскаго Вѣстника*; но и ему пришлось испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редакція *Русскаго Вѣстника* по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ другу. Что мнѣ былъ г. Катковъ? его тогда я не зналъ въ лицо, онъ меня также. Я никогда не разсчитывалъ быть его сотрудникомъ онъ, вѣроятно, еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло. Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: «и мы можемъ дѣйствовать за-одно». Разсчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: «по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно? «Что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько. И если я теперь думаю: «можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойтись», развѣ денежныя выгоды или другія дрязги заставляютъ меня желать того? пусть судьей будетъ самъ *Русскій Вѣстникъ*» [185]).

Но *Русскій Вѣстникъ* не пожелалъ быть судьей, онъ предпочелъ роль прокурора и притомъ весьма своеобычнаго, произносящаго обвинительныя слова независимо отъ достовѣрныхъ фактовъ и не взирая на преступность удостовѣренныхъ.

Естественно, подсудимые перестали скоро не только оправдываться, а вообще вѣжливо разговаривать съ такимъ одержимымъ представителемъ правосудія. Больше Катковъ уже не дождался «порыва чувствъ» и «неумѣстнаго паѳоса», заставившаго Чернышевскаго даже отложить полемику до «другого настроенія». Олимпіецъ

[185]) *Современникъ*. 1861, VI. *Полемическія красоты*. Коллекція первая.

достигъ обычныхъ результатовъ всѣхъ не по разуму энергичныхъ и не по достоинствамъ величественныхъ педагоговъ: «мальчишки» совершенно утратили всякую почтительность къ *Русскому Вѣстнику* и стали обращаться съ нимъ чрезвычайно обидно. Московскому обозрѣнію не разъ приходилось весьма плохо, но Катковъ могъ въ трудныя минуты сказать себѣ: *Tu l'as voulu, Georges Dandin.* Гораздо прискорбнѣе и важнѣе другія послѣдствія не для Каткова, а вообще для русской публицистики шестидесятыхъ годовъ.

Дѣти, встрѣтивъ со стороны отцовъ незаслуженную брань и ничѣмъ не оправданное высокомѣріе, въ свою очередь, закусили удила и понеслись безъ оглядки впередъ. Порывъ естественный, но онъ скоро превратилъ въ «отсталыхъ» самихъ учителей и вдохновителей пылкаго юношества. Сначала Бѣлинскій отжилъ свое время, потомъ очередь дошла и до Чернышевскаго и Добролюбова, по крайней мѣрѣ, относительно многихъ существенныхъ идей. А дѣти все неслись впередъ и въ лицѣ Писарева и Зайцева успѣли домчаться до отрицанія луны и солнца. Нашлись, конечно и спутники у этихъ передовиковъ, и строгая преобразовательная мысль первоучителей-шестидесятниковъ у младшихъ эпигоновъ доразвилась весьма скоро до невмѣняемаго каприза и неукротимо-отважной безсмыслицы.

Этотъ «прогрессъ» врядъ ли совершился бы въ такихъ откровенныхъ формахъ, какія мы встрѣтимъ въ нѣкоторыхъ импровизаціяхъ *Русскаго Слова*. Если бы съ самаго начала установилась совмѣстная работа отцовъ и дѣтей, если бы не объявились самозванные олимпійцы и не стали въ вызывающую воинственную позу противъ искреннѣйшихъ публицистовъ своего времени, если бы они не поклялись своимъ кляузническимъ перомъ и своей маніей величія стереть въ порошокъ всѣхъ инако мыслящихъ, и снизошли до общей принципіальной бесѣды съ талантливѣйшими и трудолюбивѣйшими писателями молодого поколѣнія, исторія могла бы принять другой оборотъ, во всякомъ случаѣ не выразилась бы въ столь рѣзкой безпощадной междоусобицѣ.

И потомство въ своемъ судѣ о заслугахъ или преступленіяхъ Каткова не должно забыть роковаго вліянія, оказаннаго имъ на русскую общественную мысль въ лучшую весеннюю пору ея развитія. Никто, ни раньше, ни позже, не вносилъ столько озлобленія и раздѣленія въ семью русскихъ писателей, никто съ такимъ преднамѣреннымъ усердіемъ не работалъ надъ униженіемъ другихъ ради личнаго возвышенія и никто никогда съ такимъ гордымъ сознаніемъ своихъ силъ и успѣховъ не совершалъ такой разлагающей работы въ теченіе десятковъ лѣтъ. Одновременно и рядомъ съ ней шла другая, заклейменная наименованіями *раз-*

рушительной и *отрицательной*, но въ дѣйствительности продолжавшая дѣло положительной мысли и передавшая его слѣдующимъ поколѣніямъ.

XXVI.

Вопросъ о *новыхъ людяхъ* шестидесятыхъ годовъ, одинъ изъ самыхъ трудныхъ для историка русской общественной мысли. Что такое представляли эти люди, во имя какихъ положительныхъ принциповъ они дѣйствовали, какія благотворныя сѣмена посѣяли на литературной почвѣ—все это задачи, получавшія столько же разнообразныхъ рѣшеній, сколько разъ онѣ разрѣшались. Кипучая страсть, одушевлявшая шестидесятниковъ, перешла на ихъ судей и врядъ ли скоро настанетъ время, когда спокойное историческое разслѣдованіе окончательно устранитъ полемическіе приговоры и съумѣетъ бурный періодъ нашей публицистики ввести въ закономѣрный ходъ ея развитія.

На пути къ этой цѣли стоитъ множество препятствій; главнѣйшихъ два—направленіе идей и характеры дѣятелей. Шестидесятые годы выдвинули на первый планъ основные вопросы личной нравственности и культурнаго гражданскаго строя. Они желали построить свои отвѣты на общихъ философскихъ принципахъ, т. е, создать цѣльное міросозерцаніе въ области философіи, морали и политики. Они, слѣдовательно, мечтали о коренной реформѣ отвлеченной и практической дѣятельности человѣка и гражданина. Задача, равная отыскиванію причины всѣхъ причинъ и во всякомъ случаѣ далеко превосходящая силы и стремленія обычныхъ преобразователей философской мысли и отжившихъ общественныхъ порядковъ.

Она, несомнѣнно, требовала не только исключительныхъ талантовъ, но и особаго метода. Строжайшее изслѣдованіе фактовъ, спокойная разносторонняя критика существующаго и вдумчивая безпристрастная оцѣнка предлагаемыхъ на смѣну ему идеаловъ, крайняя осторожность въ выборѣ *данныхъ* и въ составленіи *умозаключеній*—все это первыя настоятельныя условія не только для рѣшенія поставленныхъ задачъ, а даже для болѣе или менѣе соотвѣтственной и достойной работы надъ ними.

Эти условія оказались съ самаго начала трудно выполнимыми.

Преобразователями философіи и политики являются не изслѣдователи, закаленные въ пріемахъ строго-научнаго мышленія, а юные публицисты. По самой природѣ вещей для нихъ вся цѣнность и радость труда заключается не въ подробной кропотливой разработкѣ фактовъ и постепенномъ осмотрительномъ ихъ обобщеніи, а въ возможно смѣлыхъ, быстрыхъ и практически-

проложимыхъ выводахъ. Они ищутъ не столько истины, сколько новизны, приспособленной для разрушенія устарѣвшихъ воззрѣній и для подъема молодыхъ свѣжихъ силъ на борьбу съ развѣнчанными авторитетами и омертвѣвшими вѣрованіями.

Съ одной стороны, страстное желаніе, установить всеобъемлющіе научно и логически обоснованные принципы новаго міросозерцанія, съ другой—настоятельная потребность непосредственно примѣнить ихъ къ дѣйствительности, общую идею превратить въ руководящій пароль повседневной дѣятельности. Легко представить, при такихъ условіяхъ, какая-нибудь изъ двухъ цѣлей непремѣнно потерпитъ, будетъ выполнена не съ достодолжной глубиной и основательностью и безъ надеждъ на прочный успѣхъ. Или философскій принципъ будетъ опредѣленъ слишкомъ поспѣшно и не на достаточно солидныхъ фактическихъ основаніяхъ, или практическое приложеніе его приведетъ стремительную мысль преобразователей къ результатамъ, менѣе всего научнымъ и логическимъ. И та, и другая неудача будетъ зависѣть вовсе не отъ злой воли, или какихъ-либо другихъ нравственныхъ изъяновъ нашихъ мыслителей, а будетъ вызвана разумной необходимостью, самой постановкой философской системы на жгучую перерождающуюся почву дѣйствительности.

Эта почва, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нуждается преимущественно въ молодыхъ отважныхъ силахъ. Новая жизнь должна создаваться и новыми людьми, вновь подниматься только что накаленными плугами и еще не истощенными работой пахарями. Но дѣло въ высшей степени усложняется, если одновременно однимъ и тѣмъ же людямъ приходится расчищать будущую ниву, выбирать сѣмена, сѣять ихъ и сторожить посѣвъ отъ истребленія и потравы.

Именно въ такое положеніе стали новые люди шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли, ихъ, при первомъ же появленіи на сцену, встрѣтила эгоистическая, и тѣмъ болѣе слѣпая вражда. Они съ перваго шага вынуждены и отстаивать свое право на существованіе, и выяснять свою вѣру, и доказывать ея жизненную цѣлесообразность. Требуется исключительная разносторонность талантовъ и гибкость умовъ. Многому научиться и умѣть говорить непремѣнно общедоступнымъ увлекательнымъ языкомъ, владѣть навыкомъ отвлеченнаго мышленія и научныхъ доказательствъ и являться во всеоружіи полемической находчивости, остроумія, блестящей діалектики, возводить собственное зданіе и наносить удары чужому—это по истинѣ героическая работа и она цѣликомъ лежала на плечахъ молодежи шестидесятыхъ годовъ. Мы, встрѣчаясь съ юношескимъ задоромъ, часто наивнымъ самообольщеніемъ и самоувѣренностью, не должны забывать, на какой дѣйствительно дра-

матической сценѣ подвизались эти юноши? Человѣку позволительно даже преувеличить представленіе о своихъ силахъ и рисовать въ слишкомъ радужныхъ краскахъ плоды своихъ усилій, если онъ дѣйствительно предоставленъ самому себѣ и видитъ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивается число его слушателей и уменьшается строй его противниковъ.

Шестидесятники это видѣли и имѣли неизмѣримо больше основаній, чѣмъ современные имъ олимпійцы, высоко цѣнить свои дарованія.

А что касается стремленій,—безъ всякихъ личныхъ и себялюбивыхъ иллюзій шестидесятники могли считать ихъ потребностью времени и предсказать будущее, по крайней мѣрѣ, многимъ изъ своихъ идеаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ существеннѣйшія основы новыхъ ученій. Они прежде всего поразятъ насъ вовсе не новизной. Совершенно напротивъ. Отъ самыхъ запальчивыхъ проповѣдниковъ новаго слова мы услышимъ чрезвычайно старыя рѣчи, пережившія множество многолѣтнихъ годовщинъ. Мы увидимъ, русскіе шестидесятники выполняли исконный законъ общественнаго культурнаго прогресса, возобновляли старую первую главу въ исторіи всякаго преобразовательнаго движенія.

У цивилизованнаго человѣчества были и остаются въ распоряженіи два пути нравственной и практической жизни: прежде всего готовыя уже выработанныя обобщенія наблюденныхъ и объясненныхъ фактовъ и вновь открытые или иначе истолкованные факты. Преданія—ничто иное, какъ давнишніе выводы изъ давнишнихъ опытовъ, авторитетъ—власть, основанная на этихъ выводахъ. Но съ теченіемъ времени факты увеличиваются въ количествѣ, способы наблюденія изощряются, объясненіе становится глубже и точнѣе, слѣдовательно, и обобщенія должны соотвѣтственно мѣняться и авторитеты терять старыя точки опоры. Это совершенно естественное движеніе, столь же неотвратимое и неизбѣжное, какъ накопленіе жизненнаго опыта и усовершенствованіе общихъ воззрѣній у каждаго человѣка отдѣльно.

Рѣшительный переломъ въ возрѣніяхъ, не удовлетворяющихъ смыслу вновь пріобрѣтенныхъ достовѣрныхъ данныхъ, всегда и вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же понятіемъ: старое—противорѣчитъ *природѣ и здравому смыслу*. Прежнія обобщенія не соотвѣтствуютъ изученной дѣйствительности, они, слѣдовательно, *противоестественны* и *не разумны*. Эти понятія тождественны: природа и разумъ сливаются въ одну воинственную и преобразовывающую силу. Факты—это сама природа, смыслъ ихъ—разумъ; очевидно, новое воззрѣніе только потому и можетъ разсчитывать на побѣду, что оно одинаково основывается на природѣ и логикѣ.

Съ такими разсужденіями стоики шли на разлагавшійся языческій нравственный и политическій строй, философы XVIII вѣка разрушали «старый порядокъ» и ихъ ближайшіе предшественники—люди Возрожденія и Реформаціи—подрывали истины среднихъ вѣковъ и авторитетъ католической церкви. Подробнѣе и настойчивѣе всѣхъ преобразовательную философію выяснили энциклопедисты. Они не переставали твердить о природѣ, естественномъ порядкѣ вещей, естественныхъ потребностяхъ человѣка, метафизикѣ противоставлять опытную науку, т. е. факты наглядной дѣйствительности, хитроумнымъ и обременительнымъ отвлеченностямъ схоластики—истины и правила здраваго смысла. Такъ именно и называлъ новую философію Вольтеръ, а Руссо старался изъяснить сущность *естественнаго состоянія. Les lois la nature et de la raison*—законы природы и разума—въ этихъ словахъ вся мудрость XVIII вѣка, притязавшаго создать новую землю и новое небо.

Совершенно такимъ же путемъ шли и русскіе *новые люди*.

Ихъ общія воззрѣнія чрезвычайно просты. Они установлены первыми вождями движенія Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Ученики прибавили свои выводы, но сущность ученія оставалась неизмѣнной съ первыхъ статей автора *Антропологическаго принципа въ философіи* до самыхъ радикальныхъ откровеній Варфоломея Зайцева.

«Для того, чтобы образовался ясный и правильный взглядъ на предметъ нужны факты»; это одно изъ самыхъ раннихъ заявленій Чернышевскаго [187]). *Факты* должны быть единственными источниками нашихъ знаній и нашей философіи, и Добролюбовъ въ основу характеристики новыхъ людей, молодого поколѣнія положитъ «ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью», съ «частными фактами», отвращеніе къ абстракціямъ и фантастическимъ представленіямъ. «Положительность», «реализмъ» съ одной стороны, съ другой—«благородныя мечты» и «идиллическія надежды», *дѣло* и *фраза*, такъ ясно и кратко можно выразить контрасты отцовъ и дѣтей [188]).

Итакъ, *факты*—единственные руководители философа и моралиста. Но они существуютъ затѣмъ, чтобы дѣлать выводы, т. е. обобщенія. Новыя истины должны устранить старыя, и, слѣдовательно, новые люди перемѣнятъ только способъ добыванія общихъ идей,—обратятся къ природѣ, а не къ отвлеченному мышленію и воображенію.

---

[187]) Въ реценвіи на переводъ сочин. Аристотеля. *О поэзіи. Отеч. Зап.* 1854, № 9, критика.

[188]) *Сочиненія.* II, 418, III, 357—9.

Чему же учитъ природа?

Первый и нагляднѣйшій выводъ: закономѣрность и неотразимая причинность явленій. Въ мірѣ фактовъ нѣтъ произвола и случайностей. Все послѣдующее неразрывно связано съ предъидущимъ, все одновременно и причина, и слѣдствіе. «Законъ причинности», «необходимость вещей»—истины, одинаково приложимыя и къ міру физическому, и нравственному. Каждый фактъ послѣдствіе другого въ природѣ и каждый поступокъ—необходимый результатъ факта въ жизни человѣка [189]).

Итакъ, всеобъемлющій, всеподчиняющій законъ причинности первый урокъ, какой даютъ намъ факты, т.-е. природа и дѣйствительность.

Дальше слѣдуютъ логическіе выводы.

Разъ въ природѣ все закономѣрно, мы имѣемъ право отъ извѣстныхъ, уже наблюденныхъ фактовъ дѣлать умозаключенія о неизвѣстныхъ и даже недоступныхъ наблюденію.

Мы, напримѣръ, не изслѣдовали внутренней Австраліи и Африки. Можетъ быть, тамъ существуютъ какія-нибудь новыя горныя породы, новыя растенія, новыя метеорологическія явленія. Съ точностью пока нельзя сказать, что это за вещи и явленія, но можно съ достовѣрностью утверждать, какихъ вещей и явленій не найдется нигдѣ на земномъ шарѣ и *какого характера* будутъ предметы и феномены въ центрѣ земли и на какой угодно точкѣ ея поверхности. Такимъ образомъ «методъ отрицательныхъ заключеній» также одно изъ пріобрѣтеній фактическаго знанія [190]).

До сихъ поръ философія идетъ вполнѣ гладко и факты даютъ достаточное основаніе для выводовъ.

Но цѣль нашихъ философовъ вовсе не естественно-научныя истины, все равно, какъ и для философовъ XVIII вѣка природа и ея законы отнюдь не представлялись источникомъ самодовлѣющаго спокойнаго созерцанія. Природа для всякаго нравственнаго мыслителя поучительна лишь въ интересахъ его воззрѣній на человѣка и общество. Она—только фундаментъ для зданія, именуемаго новымъ порядкомъ человѣческой жизни. Она *первая* посылка въ силлогизмѣ, гдѣ *вторая*—человѣкъ какъ одно изъ явленій природы и *заключеніе*—программа новой морали и политики.

Фактъ—неизмѣнный при всѣхъ преобразовательныхъ движеніяхъ мысли. Естествознаніе въ такія эпохи ничто иное, какъ арсеналъ для культурной борьбы, наука—щитъ и мечь новыхъ людей въ бою съ защитниками «фантастическаго міросозерцанія».

---

[189]) *Чернышевскій. Критич. статьи.* Спб. 1895, стр. 342, 347—8. *Антропол. принципъ. Соврем.* 1860, май, 7.

[190]) *Антроп. принц. Соврем.*, апрѣль, 360—1.

И ученѣйшій изъ французскихъ энциклопедистовъ Даламберъ превосходно выразилъ эту мысль въ предисловіи къ *Энциклопедіи*.

По мнѣнію знаменитаго математика, изученіе природы само по себѣ «холодно и спокойно», и чувство естествоиспытателя «однообразно, сдержанно и неподвижно». А новымъ людямъ нужны «живыя удовольствія», и ихъ методъ философствовать— нѣчто въ родѣ длящагося состоянія энтузіазма — *une espèce d'enthusiasme*. Открытія вызываютъ у нихъ «подъемъ идей», «броженіе ума», и оно, по словамъ Даламбера, направляется на все съ крайнимъ увлеченіемъ—*avec une espèce de violence!*...

Въ высшей степени краснорѣчивое признаніе! Энтузіазмъ, подъемъ идей, стремительность и непремѣнно даже въ изслѣдованіяхъ природы,—это останется вѣчной характеристикой всѣхъ преобразователей жизни на основахъ разума.

Шестидесятники не только не могли отступить отъ общаго закона, но, по условіямъ времени и среды, должны оправдать его съ особенной силой. Они не имѣютъ возможности пережить и одной минуты спокойнаго, *отрѣшеннаго* размышленія. Они не уходятъ съ боевого поля и не снимаютъ доспѣховъ, все равно, о чемъ бы имъ ни приходилось бесѣдовать съ своей публикой— о наукѣ, о литературѣ, о Молешоттѣ, о Фетѣ, о Боклѣ или о Катковѣ. «Броженіе» не покидаетъ ихъ и не могло покинуть: врагъ слѣдитъ за каждымъ ихъ движеніемъ и во всякую минуту готовъ нанести ударъ, покрыть смѣхомъ неловкое слово, извратить неясно выраженную мысль. Дидро привѣтствовалъ историческіе труды Вольтера не за ихъ фактическую полноту, а за искусное философское истолкованіе фактовъ. То же назначеніе имѣли и всевозможныя разсужденія нашихъ просвѣтителей.

Новые люди искренне дорожили фактами, но конечная цѣль заключалась не въ накопленіи фактовъ и даже не въ идеальномъ выясненіи законовъ природы, а въ философскомъ освѣщеніи фактовъ и въ открытіи естественныхъ путей человѣческаго развитія и счастья.

Очевидно, естественно-научныя размышленія шестидесятниковъ явились только *предисловіемъ:* само сочиненіе посвящено не природѣ, а человѣку, не организмамъ, а духу.

XXVII.

Мы назвали два понятія—организмъ и духъ, мы этимъ самымъ допустили величайшую научную ересь. Въ природѣ никакого дуализма не существуетъ: это основное убѣжденіе нашихъ философовъ. Такъ учатъ «медицина, физіологія, химія», а философія прибавляетъ: «если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной

своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ» [191]). Такъ разсуждаетъ Чернышевскій; Добролюбовъ въ другихъ словахъ пересказываетъ то же самое:

«Безъ вещественнаго обнаруженія мы не можемъ узнать о существованіи внутренней дѣятельности, а вещественное обнаруженіе происходитъ въ тѣлѣ; возможно ли отдѣлять предметъ отъ его признаковъ, и что останется отъ предмета, если мы представленіе всѣхъ его признаковъ и свойствъ уничтожимъ» [192]).

Добролюбовъ называетъ авторитетовъ, научившихъ его этой философіи: Молешотта, Фохта, Бюхнера и подробно сообщаетъ выводы ученыхъ на счетъ связи количества мозга съ умственными способностями и не отступаетъ даже предъ печальнымъ приговоромъ надъ женскимъ умомъ. Для Добролюбова, автора едва ли не самыхъ рыцарственныхъ статей о литературныхъ женскихъ типахъ во всей русской критикѣ, это должно быть истиннымъ самоотверженіемъ. Но наука впереди всего.

Другихъ доказательствъ матеріальнаго единства человѣческой природы мы не слышимъ отъ нашихъ публицистовъ. Весь вопросъ сводится къ аксіомѣ: духа нѣтъ, потому что онъ не обнаруживается ничѣмъ другимъ помимо тѣла. Слѣдовательно, тѣло—*орудіе*? Но Добролюбовъ подмѣняетъ это понятіе, онъ говоритъ: *признакъ*. Двѣ идеи совершенно различныя! Нѣкая сила пользуется матеріальными средствами воздѣйствія на внѣшній міръ, но это не значитъ, будто тѣ же средства ея признаки, т. е. ея органически неразрывныя принадлежности. Это значитъ впадать въ логику младенца, называющаго папой всякаго господина въ такой же шляпѣ, въ какой онъ привыкъ видѣть своего отца. Въ этомъ случаѣ, для ребенка, шляпа *признакъ*, такъ же какъ ружье въ чьихъ-либо рукахъ непремѣнно заставитъ заподозрѣть солдата или охотника, глядя по тому, кого ему назвали въ первый разъ съ такимъ *признакомъ*.

Но даже если остановиться на болѣе осторожномъ выраженіи Чернышевскаго, все-таки *руководящій принципъ* цѣлой философской и нравственной системы требовалъ несравненно болѣе убѣдительныхъ и строгихъ доказательствъ. Дуализмъ можно отвергать, какъ нѣчто бездоказательное и фантастическое, но это еще не уполномочиваетъ разностороннаго ученаго XIX-го вѣка утверж-

---

[191]) Стр. 349.

[192]) *Сочиненія*. II, 33.

дать *монизмъ*, все равно, матеріальный или идеальный. До какой степени шатка почва у автора *Антропологическаго принципа*, показываетъ его злоупотребленіе аналогіями и сравненіями. Если Платонъ прибѣгалъ преимущественно къ этимъ способамъ доказательства, то, вѣдь, никто никогда и не разсчитывалъ предъявлять къ нему научныхъ запросовъ и онъ самъ менѣе всего помышлялъ о титлѣ ученаго. А здѣсь насъ предупреждаютъ: современная наука «не принимаетъ ничего безъ строжайшей всесторонней повѣрки и не выводитъ изъ принятаго никакихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыя сами собою неотразимо слѣдуютъ изъ фактовъ и законовъ, отвергать которыхъ нѣтъ никакой логической возможности» [193]).

Неужели въ самомъ дѣлѣ естественныя науки развились на столько, что даютъ возможность «точнаго рѣшенія нравственныхъ вопросовъ?»

Какія же это точныя рѣшенія?

Разъ человѣческая природа только организмъ, все примѣнимое къ животнымъ, относится и къ ней, т. е. вся психологія и мораль.

Объ не требуютъ пространныхъ разговоровъ. Явленія нравственнаго и матеріальнаго порядка *качественно* ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Мало того. Организмы и не органическія вещества находятся въ такомъ же взаимномъ отношеніи. Это только *по количеству* различныя соединенія элементовъ. Дерево и неорганическая кислота двѣ химическія комбинаціи, одна простая, другая сложная, одна, положимъ, 2, другая—200. Человѣческій организмъ «очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ» [194]).

Всѣ эти положенія—исконный символъ вѣры матеріализма. Нѣтъ ни одной философской системы, которая такъ безнадежно не вращалась бы въ заколдованномъ кругу однихъ и тѣхъ же представленій. Съ теченіемъ времени могли измѣняться *формулы* въ зависимости отъ фактовъ и гипотезъ опытныхъ наукъ, но сущность воззрѣнія осталась до конца XIX-го вѣка въ томъ же состояніи, въ какомъ ее завѣщали своимъ ученикамъ древніе матеріалисты—Демокритъ, Лукрецій. Воюя съ метафизикой и произволомъ фантазіи, матеріализмъ всегда являлся одной изъ самыхъ догматическихъ системъ метафизики. Если метафизики своимъ *апріорнымъ* построеніямъ приписывали *фактическую* цѣнность, матеріалисты *факты* возводили на совершенно *фантастическую* высоту и въ *общихъ выводахъ* теряли почву дѣйствительности и руководительство науки съ неменьшимъ ослѣпленіемъ, чѣмъ глу-

---

[193]) *Соврем.*, апр., 365.

[194]) Апрѣль, 5.

бокомысленные скоттусы среднихъ вѣковъ. У метафизиковъ *внутренній опытъ* часто доходитъ до ясновидѣнія, у матеріалистовъ *внѣшняя дѣйствительность* является гипнозомъ не только для научной логики, но и для здраваго смысла.

Какія, напримѣръ, наблюденія дали нашему философу право утверждать *количественную* разницу между кислотой и человѣкомъ? Какую тайну онъ разъяснилъ, подмѣнивъ метафизическія термины новыми—комбинація элементовъ, химическій процессъ? Чью пытливость ума онъ успокоилъ, настаивая на законѣ причинности? Не вправѣ ли читатель задать ему рядъ вопросовъ: вы отождествляете фактъ съ причиной, но почему же глава позитивизма, Контъ, призналъ доступнымъ только знаніе послѣдовательности и сосуществованія явленій, а не причинности? Почему даже философъ XVIII вѣка, Юмъ, болѣе близкій къ вашимъ воззрѣніямъ, не рѣшился утверждать необходимость связи между фактами-причинами, т. е. не призналъ *идеи причинности* за данное опытнаго изслѣдованія? И неужели вы желаете уподобиться самому ограниченному изъ положительныхъ пустослововъ Тэну, покончившему съ вопросомъ о причинности легкомысленнымъ сравненіемъ фактовъ съ арміей солдатъ и причины—съ ея генераломъ? Генералъ вѣдь тоже солдатъ, только поважнѣе, слѣдовательно, и причина тоже фактъ... Это было бы не достойно ни вашего ума, ни вашихъ несомнѣнныхъ знаній.

А между тѣмъ, вы дѣйствительно подпадаете подъ насмѣшки даже идеологовъ прошлаго столѣтія. Кондильякъ имѣлъ въ виду философовъ вашего типа, когда смѣялся надъ фанатиками обобщеній. Мы рождаемся среди лабиринта фактовъ, тысячи путей готовы привести насъ къ заблужденію, выходъ найти необычайно трудно, и вотъ философы прибѣгаютъ къ обобщеніямъ, выбираютъ, напримѣръ, два факта, на самомъ дѣлѣ совершенно не сходные другъ съ другомъ и только по внѣшности механически связанные, и воображаютъ, что вышли изъ лабиринта. По мнѣнію, замѣтьте, отнюдь не метафизика,—ничего не можетъ быть смѣшнѣе этого приключенія [195]).

Впрочемъ, зачѣмъ обращаться намъ къ чужимъ критикамъ. Въ русскомъ журналѣ въ сороковыхъ годахъ печатались статьи русскаго, безусловно положительнаго мыслителя и либеральнаго публициста *Письма объ изученіи природы* Герцена Въ нихъ представлена пространная критика матеріализма сравнительно съ идеализмомъ и показано, сколько *вѣры* и *произвола* въ мнимо-достовѣрныхъ положеніяхъ матеріалистовъ. Правда, разсужденія не могутъ похвалиться ясностью и авторъ будто намѣренно старался

---

[195]) *Traité des systèmes*, chap. II.

явиться глубокомысленнѣе при помощи запутанной рѣчи. Но сущность авторскихъ убѣжденій—несомнѣнна. Она вполнѣ выразилась въ сочувственной ссылкѣ на слѣдующія слова одного нѣмецкаго анатома: «Разбирая сложныя явленія нашего духа, можно ихъ свести на простыя понятія или категоріи. Но желаніе эти категоріи вывести изъ чего-либо внѣшняго, было бы столько же безумно, какъ звуками объяснять краски: такъ поступала Локкова школа, хотѣвшая вывести понятія изъ внѣшняго опыта» [195]).

Разсужденія Герцена не оставили никакихъ слѣдовъ въ воспитаніи *новыхъ людей*. Они предпочли съ *энтузіазмомъ* воспринять крайніе выводы Молешотта и Бюхнера и примѣнить ихъ къ рѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ человѣческой нравственности.

Трудности этой для Чернышевскаго не существовало съ того момента, когда онъ увѣровалъ въ качественное тождество человѣческаго и животнаго организма. Ему оставалось только наблюденія надъ мозгомъ животныхъ перенести въ человѣческое общество.

Прежде всего, не можетъ быть сомнѣнія, что такъ называемые умственные процессы по существу одинаковы у человѣка и животнаго. Нервная система Ньютона и нервная система курицы отличаются только *размѣрами* процесса; все равно какъ полеты мухи и орла. Самосознаніе такая же безсмыслица, какъ самосеребро: вѣдь бѣднякъ и Ротшильдъ отличаются только количествомъ серебра, у Ротшильда нѣтъ никакого особаго серебра, такъ же и у человѣка нѣтъ другого сознанія, кромѣ свойственнаго собакѣ и курицѣ. Другими словами, это значитъ, человѣкъ не отдастъ себѣ отчета въ нравственной цѣнности своихъ поступковъ, никогда не бываетъ судьей своихъ чувствъ и дѣйствій, потому что самосознаніе—критика своего *я*.

Вы удивлены: какимъ путемъ можно додуматься до отрицанія столь простого всѣмъ извѣстнаго и доступнаго опыта! Ни у одного ученаго нѣтъ матеріала, чтобы заподозрѣть у собаки способность сознательнаго выбора между разными влеченіями,—выбора, основаннаго на примѣненіи извѣстныхъ общихъ понятій къ отдѣльному случаю. И только въ средніе вѣка могли судить животныхъ и даже предметы за нарушеніе гражданскихъ и нравственныхъ законовъ: по логикѣ матеріализма выходитъ, эти процессы вполнѣ основательны.

И въ самомъ дѣлѣ, нашъ философъ поставленъ въ необходимость создать гармонію между нравственнымъ міромъ животнаго и человѣка. Онъ долженъ, слѣдовательно, унизить человѣка и,

---

[196]) Герценъ. *Сочиненія*. II, 257, 284 etc.

возвысить животное. Это онъ совершитъ будто по программѣ. О любви курицы къ цыплятамъ, высиженнымъ ею изъ яицъ другой курицы, онъ будетъ говорить очень трогательно; «она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственнаго существа—не матеріальнаго существа, нѣтъ: въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови,—нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія, своей опытности въ куриныхъ дѣлахъ: это отношеніе чисто-нравственное».

О человѣкѣ пойдетъ иной разговоръ. Всѣ его дѣйствія управляются эгоизмомъ. Положимъ, и курица эгоистична, но по поводу-напримѣръ, слезъ матери о смерти ребенка, уже не вспоминается о «чисто-нравственномъ отношеніи», а подчеркивается въ ея причитаніяхъ *я*, *мое*, *у меня*, т.-е. чисто-эгоистическія чувства. Вообще, всюду человѣкъ руководится разсчетомъ, выбираетъ бо́льшую пользу или бо́льшее удовольствіе. Курица, поэтому, выходитъ выше: у нея нѣтъ способности разсчитывать и выбирать и она подвизается въ добрѣ по влеченію своей благородной природы [197]).

Такова философская система, положенная шестидесятниками въ основу литературныхъ и общественныхъ воззрѣній. Нѣтъ нужды разбирать всѣ ея частности, настаивать, напримѣръ, на совершенно бездоказательномъ отождествленіи движеній нервовъ съ ощущеніями, представленіями и даже идеями. Физіологъ знаетъ, что внѣшнія явленія вызываютъ движеніе нервной системы, но какимъ путемъ въ результатѣ движенія получается идейный процессъ, никакой опытъ ему этого не показываетъ. Настоящій ученый долженъ сознаться, что для него весьма многое остается тайной въ нравственномъ мірѣ человѣка послѣ изученія всевозможныхъ химическихъ процессовъ и онъ не имѣетъ никакого права отъ извѣстныхъ фактовъ анатоміи и физіологіи дѣлать заключеніе о неизвѣстныхъ и даже недоступныхъ *внѣшнему наблюденію* фактахъ психологіи. Чернышевскій, отрицая самосознаніе, забылъ и о самонаблюденіи, о томъ, что психологи называютъ *внутреннимъ опытомъ*, т. е. о важнѣйшемъ источникѣ психологіи, какъ науки.

Очевидно, всякій читатель, вовсе не идеалистъ и не метафизикъ, могъ разсмотрѣть шаткость и искусственность сооруженія Чернышевскаго. Оно не выдерживало критики, преимущественно съ его собственной точки зрѣнія, воздвигалось на обобщеніяхъ, отнюдь не оправдываемыхъ «современной наукой» и безпрестанно украшалось аналогіями и другими фигуральными доказательствами вмѣсто научно-обоснованныхъ фактовъ. Разсужденіе объ *Антропологическомъ принципѣ въ философіи* слѣдуетъ признать слабѣй-

[197]) *Соврем.*, май, 30—1, 33, 35.

шимъ прозведеніемъ знаменитаго публициста. Ни въ одной его статьѣ мы не найдемъ такой вереницы непродуманныхъ мыслей, произвольныхъ выводовъ, курьезныхъ, даже комическихъ сопоставленій и такого вопіющаго нарушенія основного принципа — положительности и реализма. Чернышевскій оказался авторомъ въ полномъ смыслѣ метафизическаго трактата и уподобился метафизикамъ въ дальнѣйшей политикѣ, вызванной печатными возраженіями на его произведеніе.

Метафизики, по самому существу своего мышленія, *не могутъ* доказывать своихъ идей. Ихъ дѣло категорически наставлять и производить откровенія. Всякая метафизическая система непремѣнно догматъ для вѣрующихъ и романъ для скептиковъ. Такъ искони ведется и никогда, вѣроятно, не кончится. Отсюда—исторически извѣстная нетерпимость и запальчивость метафизиковъ. Они признаютъ только прозелитовъ и невѣрныхъ, и ни одна наука не представляетъ примѣровъ такихъ яростныхъ междоусобицъ, какъ диспуты метафизиковъ.

Ничего другого отъ нихъ нельзя и ждать. Но неизмѣримо высшій и культурный долгъ лежитъ на человѣкѣ, провозглашающемъ себя апостоломъ строгой доказательной науки. Онъ не можетъ декламировать, вопіять, инсинуировать—вообще сражаться оружіемъ прорицателей, владѣющихъ высшими тайнами. Онъ встанетъ за свою истину спокойно, исполненный благородной и величаво-скромной увѣренности въ правотѣ своего дѣла. У него неистощимый запасъ фактовъ и идей, ясныхъ какъ лучи солнца и также губительныхъ для всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ микробовъ. И не должно и не можетъ быть отраднѣе и величественнѣе зрѣлища, чѣмъ борьба просвѣщеннаго разума и неотразимо-правдиваго знанія съ полубезотчетными грезами и трусливой схоластической изворотливостью людей—косной мысли и духовной слѣпоты.

Какъ же поступилъ Чернышевскій, вызванный на открытый бой ненавистной метафизикой, «фантастическимъ міросозерцаніемъ»?

Моментъ великаго историческаго и культурнаго смысла! Онъ—единственный во всей литературной дѣятельности Чернышевскаго, показавшій его не въ свѣтѣ, приличествующемъ вождю и учителю. И это зависѣло не отъ недостатка воли и таланта, а отъ самого дѣла, завѣдомо проиграннаго для какого угодно защитника.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОНЪ АНТОНІО.

Разсказъ Чарльза Гранта.

(Переводъ съ англійскаго).

I.

Въ одномъ изъ маленькихъ скверовъ Неаполя, названіе котораго я забылъ, стояло два ларя; здѣсь добрые граждане утоляли жажду невинными напитками, стаканомъ холодной воды изъ фонтана льва или изъ минеральнаго источника Санта-Лучія, съ прибавкой болѣе избалованными нѣсколькихъ капель не особенно приглядной горькой настойки или небольшого количества лимоннаго сока. Это мѣсто очень удобно для наблюденія нравовъ и костюмовъ. Настоящій неаполитанецъ, которому приходится выходить во время лѣтней жары, охотно сдѣлаетъ крюкъ въ четверть мили, лишь бы идти тѣнистою улицею, не подвергаясь яркому свѣту и жарѣ открытыхъ мѣстъ; въ этихъ случаяхъ онъ выбираетъ путь, избѣгая солнечныхъ мѣстъ почти съ такимъ же стараніемъ, какъ кошка обходитъ лужи, отправляясь по неотложному дѣлу послѣ дождя.

Іюнь во второй половинѣ; около десяти часовъ утра толпа не такъ велика и не такъ разнообразна, какъ была бы въ болѣе ранній часъ или около заката солнца, но тутъ найдется много такого, что можетъ поразить новизною и странностью любого иностранца. Вы видите, напр., маленькаго ребенка, идущаго нетвердою поступью и крѣпко держась за руку матери. Почему на немъ надѣтъ костюмъ, представляющій точную копію одѣянія францисканскаго монаха? Неужели неаполитанскія дѣти такъ быстро развиваются и уже въ пятилѣтнемъ возрастѣ готовы отречься отъ міра? Или, можетъ быть, эта женщина, съ преждевременно состарившимся лицомъ, ярая патріотка и вырядила своего сына такимъ образомъ въ насмѣшку надъ духовенствомъ? Ни то, ни другое. Бѣдный маленькій Чичилло всегда былъ болѣзненнымъ ребенкомъ, а докторскія снадобья, какъ мы знаемъ, стоятъ дорого и помогаютъ мало. Святые могли бы помочь, захоти только они. Св. Франциск, напримѣръ, всегда сострадателенъ и добръ къ дѣтямъ и, конечно,

исцѣлилъ бы маленькаго Чичилло, обрати онъ только на него вниманіе. Но въ Неаполѣ такъ много дѣтей, такъ много больныхъ дѣтей! и если бы даже святой взглянулъ въ эту сторону, онъ едва-ли замѣтилъ бы Чичилло. И вотъ мать, подобно другимъ матерямъ ея класса, сдѣлала ребенку это странное платье, чтобы привлечь вниманіе святого и въ то же время помнить самой о данномъ ею обѣтѣ. Ребенку, несомнѣнно, стало лучше съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ носить рясу, а мать перестала давать ему шарлатанскія лѣкарства и наняла другое помѣщеніе съ окномъ, выходящимъ на югъ. Если Чичилло совершенно выздоровѣетъ, монашескій балахонъ и капюшонъ будутъ отложены въ сторону, и мать будетъ увѣрена, что ея сынъ навсегда сохранитъ особое отношеніе къ св. Франциску.

Сама она, какъ вы видите, носитъ платье цвѣта бордо, съ отдѣлкой изъ бѣлой тесьмы, что, несомнѣнно, болѣе пестро, чѣмъ красиво. Она выбрала себѣ такой нарядъ не изъ тщеславія, дурного вкуса или по бѣдности; нѣтъ. Годъ съ небольшимъ тому назадъ ее мучила лихорадка, и она дала обѣтъ Санъ-Чиро, что если онъ ее исцѣлитъ, она сдѣлаетъ себѣ это платье въ его честь. Эти цвѣта и этотъ фасонъ— именно тѣ самые, которые, какъ полагаютъ, нравятся ему больше всего.

Захворавъ, неаполитанки очень любятъ давать обѣты, что сдѣлаютъ себѣ новое платье, какъ только выздоровѣютъ; а если случай бываетъ очень бѣдственный, иногда къ обѣту присоединяется съ полдюжины сосѣдокъ. Въ такихъ случаяхъ мужья обыкновенно бываютъ вынуждены давать согласіе, хотя временами они и намекаютъ, что набожность, подсказывающая такія дѣла милосердія, не совсѣмъ-таки свободна отъ женскаго пристрастія къ нарядамъ.

Санъ-Чиро при жизни былъ докторомъ и покровителемъ Портичи, и вполнѣ естественно, жители этого города должны во время болѣзни прибѣгать къ нему; но онъ отнюдь не единственный святой, помогающій въ случаѣ нужды. Если вы предпочитаете платье изъ травянисто-зеленаго штофа съ отдѣлкой изъ желтыхъ лентъ, можете обратиться съ вашимъ обѣтомъ къ св. Аннѣ, великой соперницѣ Санъ-Чиро въ мнѣніи низшихъ классовъ. Мадонна del Ьarmine носитъ бѣлое платье съ черными обшлагами и налагаетъ тѣ же цвѣта на своихъ почитателей и мадонна Addolorata одѣвается въ совершенно черное. Къ одной изъ нихъ обыкновенно прибѣгаютъ занимающіе нѣсколько болѣе высокое положеніе въ обществѣ. Какъ видите, для выбора больныхъ имѣется значительное разнообразіе святыхъ и цвѣтовъ; но въ общемъ Санъ-Чиро, пожалуй, не хуже всякаго другого святого.

Но кого это два носильщика несутъ въ большомъ золоченомъ портшезѣ? Надъ портшезомъ, замѣтьте, имѣется куполъ, поддерживаемый четырьмя колонками и увѣнчанный ангеломъ. Особа, которую несутъ, очевидно, направляется куда-нибудь съ парадньмъ визитомъ, она расфранчена, а верхъ ея великолѣпнаго экипажа украшенъ четырьмя

громадными букетами. Это—повивальная бабка, направляющаяся крестить ребенка, которому она недавно помогла появиться на свѣтъ. Вы сразу можете сказать, что это—дѣвушка, такъ какъ она держитъ ребенка на лѣвой рукѣ. Такія женщины играютъ значительную роль въ семейной жизни Неаполя и имѣютъ голосъ, хотя бы и номинальный, въ семейныхъ дѣлахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ ихъ профессіи. Каждый ребенокъ смотритъ на особу, помогавшую при его рожденіи, какъ на родственницу, и въ общественномъ мнѣніи она стоитъ лишь немного ниже крестной матери.

Но тише! снимите шляпу: идетъ похоронная процессія. Впереди движется крестъ, несомый на длинной палкѣ человѣкомъ, одѣтымъ въ весьма странный костюмъ. Нижняя часть его платья похожа покроемъ на одежду монаха и лишь сдѣлана изъ бѣлаго полотна, а вся голова совершенно закрыта капюшономъ изъ того же матеріала, свободно свѣшивающимся почти до пояса. Благодаря отверстіямъ для глазъ, продѣланнымъ въ капюшонѣ, голова на нѣкоторомъ разстояніи напоминаетъ черепъ. По бокамъ человѣка, несущаго крестъ, шествуютъ двое людей съ обнаженными головами и въ ярко красной одеждѣ, за ними слѣдуетъ длинная процессія мужчинъ, одѣтыхъ, какъ первый, и несущихъ въ рукахъ большія восковыя свѣчи, затѣмъ появляется катафалкъ; тяжелыя складки бархатнаго покрова совершенно скрываютъ носильщиковъ и позволяютъ видѣть лишь ихъ ноги. Катафалкъ и стоящій на немъ гробъ пышно вызолочены и украшены. За катафалкомъ слѣдуетъ много стариковъ, каждый одѣтъ въ голубое платье и сѣрый плащъ, и несетъ въ рукахъ маленькій черный флагъ съ золоченымъ изображеніемъ креста или черепа на скрещенныхъ костяхъ. Это—бѣдные изъ госпиталя Санъ-Дженнаро, призрѣваемые съ условіемъ участвовать въ погребальныхъ процессіяхъ. Всѣ эти похороны устроены братствомъ. Почти каждый неаполитанецъ принадлежитъ къ какому-нибудь обществу, куда онъ ежемѣсячно взноситъ небольшую сумму, чтобы, когда настанетъ его часъ, быть похороненнымъ съ пышностью, и какъ только онъ умираетъ, братство принимается за его тѣло, украшаетъ надлежащимъ образомъ комнату, въ которой оно лежитъ, и беретъ на себя всѣ издержки и хлопоты, связанныя съ погребеніемъ.

Процессія прошла, потокъ жизни опять покатился шумно и оживленно, какъ прежде. Время отъ времени прохожіе выходятъ изъ этого потока освѣжиться стаканомъ лимонной или минеральной воды. Одинъ изъ ларей такъ и блеститъ отъ новой окраски и полированной мѣди, другой—настолько же грязноватъ и неприглядѣнъ, насколько наряденъ его сосѣдъ. Однако, хотя они предлагаютъ совершенно одинаковые напитки и по одной и той же цѣнѣ, второй ларь торгуетъ вдесятеро больше.

Видите ли вы того человѣка, который подходитъ утолить свою жажду? Если вы не помните дона-Антоніо, который такъ удачно всту-

пился, чтобы предотвратить внезапную месть Пеппиньелло *) годъ тому назадъ, вы едва ли замѣтили бы его. При первомъ взглядѣ онъ кажется почти наименѣе замѣтнымъ изъ всѣхъ прохожихъ. Онъ очевидно, принадлежитъ къ достаточному классу. Его платье отмѣнно опрятно, хотя нѣсколько старомодно и немного потерто по швамъ. Онъ худощавъ и мускулистъ, и скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго роста. У него темные, быстрые глаза и густые, грубые черные волосы, которые склонны виться, но коротко острижены, согласно господствующей модѣ. Борода, покрывающая нижнюю часть лица, подстрижена тоже и не закрываетъ безукоризненно чистаго воротника рубашки. Темныя лайковыя перчатки нѣсколько пострадали отъ носки и сидятъ на рукѣ довольно свободно. Донъ Антоніо, очевидно, знаетъ дѣловое значеніе приличной внѣшности; но его умъ слишкомъ занятъ другими дѣлами, и онъ предоставляетъ заботиться о костюмѣ портному, парикмахеру и прачкѣ, и потому безсознательно слѣдуетъ модѣ, хотя обыкновенно нѣсколько отставая отъ нея. Въ заключеніе вы догадываетесь, что ему около сорока лѣтъ, и видите, что онъ не даетъ себѣ труда выдергивать сѣдые волоски, кое-гдѣ появляющіеся на его головѣ и подбородкѣ.

Что васъ поражаетъ въ немъ болѣе всего—это его медленная, какъ на прогулкѣ, походка и тотъ интересъ, съ которымъ онъ, повидимому, наблюдаетъ все происходящее вокругъ. Но Неаполь не Лондонъ, и всякій, кому приходится ходить по его улицамъ въ срединѣ лѣта, скоро выучивается дѣлать это медленно. Природа подъ угрозой самыхъ жестокихъ каръ воспрещаетъ здѣсь быструю ходьбу, которая наблюдается въ дѣловой части Лондона въ ранніе часы дня. Можетъ быть, это обстоятельство является причиной, почему каждый неаполитанецъ такъ внимательно приглядывается къ поступкамъ своихъ сосѣдей и, повидимому, извлекаетъ такъ много развлеченій изъ тысячи уличныхъ случаевъ, которые англичанинъ не имѣетъ времени замѣтить.

Еще болѣе поразило бы человѣка, болѣе знакомаго съ жизнью Неаполя, что на особѣ дона Антоніо не видно ни одной ювелирной вещицы. Взглянувъ пристальнѣе на его лицо, вы замѣтите, что, хотя по своему костюму и манерамъ онъ, очевидно, принадлежитъ къ среднему кругу общества, формы его лба и носа сразу напоминаютъ простонародный типъ. Его ноги также необычайно широки, если только его сапожникъ не совсѣмъ лишенъ чести и совѣсти, и дѣлаетъ сапоги хоть сколько-нибудь по мѣркѣ. Губъ дона Антоніо вы не можете видѣть,—онъ позволяетъ своимъ усамъ расти во всю ихъ длину и закручиваетъ книзу, такъ что они совершенно скрываютъ его ротъ,—манера, весьма необычайная среди неаполитанцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, у кого плохи зубы; зубы же дона Антоніо, какъ вы замѣчаете съ одного взгляда, когда онъ говоритъ или улыбается, совершенно здоровы и бѣлы.

*) См. разсказъ «Пеппиньелло», сентябрь 1898 г.

Словомъ, это—самый обыкновенный, незамѣтный человѣкъ. Наблюдайте за нимъ попристальнѣе, и вы откроете, что онъ дѣлаетъ вещи, достойныя вниманія. Онъ только что окончилъ стаканъ лимонной воды, который спросилъ себѣ у грязноватаго ларя, какъ и всякій другой, и отдалъ въ уплату бумажную лиру. Подойдя достаточно близко, вы увидите, что, вмѣсто девятнадцати сольдо, онъ получилъ сдачи двадцать одинъ сольдо, т. е. вмѣсто того, чтобы взять одинъ сольдо за напитокъ, торговецъ самъ далъ ему одинъ сольдо за честь, оказанную его прилавку. Если этотъ продавецъ ведетъ свое дѣло на такихъ принципахъ, то легче понять, почему онъ привлекаетъ такое большое количество покупателей, чѣмъ то, какимъ образомъ онъ ухитряется сводить концы съ концами къ концу недѣли. Если, однако, вы взглянете на это бдительное, хитрое и алчное лицо, то этотъ человѣкъ отнюдь не покажется вамъ такимъ, котораго было бы легко провести.

Послѣдуемъ немного за дономъ Антоніо; мы можемъ сдѣлать это, такъ какъ мы невидимы; если же его ясные глаза мелькомъ замѣтили бы насъ, оказалось бы не особенно легкимъ слѣдить за нимъ. Онъ заходитъ въ первую табачную лавочку, выбираетъ кавуровскую сигару, которую, однако, не закуриваетъ, снова отдаетъ въ уплату лиру и снова получаетъ, а не тратитъ, одинъ сольдо. Этимъ путемъ онъ дѣлаетъ рядъ мелкихъ покупокъ, и всякій разъ та сумма, которую онъ получаетъ сверхъ того, что даетъ въ уплату, составляетъ точную цѣну покупаемаго имъ предмета.

Къ тому времени, когда донъ Антоніо достигаетъ Толедо, его карманы наполнены мѣдяками. Тутъ множество мѣнялъ, и мужчинъ, и женщинъ, постоянно сидитъ на углахъ боковыхъ улицъ, имѣя передъ собою столики съ небольшими кучками монетъ. Мѣнялы эти зарабатываютъ свое пропитаніе, размѣнивая бумажныя деньги на мѣдь и взимая за это два процента съ каждой сдѣлки. Донъ Антоніо подходитъ къ первому изъ столовъ, кладетъ девятнадцать сольдо и тотчасъ же получаетъ бумажную лиру. Онъ повторяетъ эту выгодную для него финансовую операцію каждый разъ, когда проходитъ мимо столика мѣнялы, и къ тому времени, когда онъ подходитъ къ Санъ-Карло, онъ освобождается отъ половины своихъ мѣдяковъ.

Все это дѣло было выполнено совершенно спокойно, безъ задержки и безъ всякаго торга, который неаполитанцы, кажется, такъ любятъ, и который иностранцы, не имѣющіе счастья быть милліонерами, находятъ и досаднымъ, и въ то же время неизбѣжнымъ.

II.

Достигнувъ конца Толедо, донъ Антоніо останавливается. Человѣкъ, ждавшій около лодокъ внизу, всходитъ по ступенькамъ вверхъ и обращается къ нему. Пришедшій—высокій, хорошо сложенный мужчина; на

немъ надѣтъ костюмъ безъ прорѣхъ и безъ заплатъ, представляющій нѣчто среднее между одѣяніемъ рыбака и прибрежнаго матроса. Это, вѣроятно, рыбакъ или матросъ, или же то и другое вмѣстѣ. Хотя его голосъ тихъ и его манеры почтительны, изъ его жестовъ, которые онъ тщетно старается сдержать, ясно, что онъ и возбужденъ, и раздраженъ. Полицейскій, шатавшійся между рыбаками, не спѣша и съ самымъ невиннымъ видомъ сталъ всходить по лѣстницѣ. Донъ Антоніо тотчасъ же замѣчаетъ его однако, и при помощи взгляда предупреждаетъ своего собесѣдника, и представитель закона, проходя мимо нихъ, слышитъ лишь слѣдующій незначительный разговоръ:

— Если ты думаешь, что плата слишкомъ мала, то тутъ внизу найдется много лодочниковъ и безъ тебя.

— Но, вѣдь, какая жара-то, сударь.

— Ну, хорошо, пусть будетъ двѣнадцать сольдо.

— Я буду готовъ черезъ пять минутъ, если вы можете подождать.

Еще до истеченія этого времени оба сидятъ уже въ лодкѣ и лодочникъ усиленно гребетъ по направленію къ гавани. Какъ только они отъѣхали на такое разстояніе, что ихъ нельзя было слышать съ берега, лодочникъ заговорилъ снова тономъ человѣка, негодующаго на несправедливость, причиненную ему лицомъ, которое онъ признаетъ выше себя.

— Мы всегда платили аккуратно. Даже въ самыя плохія времена мы никогда не запаздывали ни на одинъ день.

— Я знаю это.

— И это была лучшая корзина рыбы за весь мѣсяцъ.

— Гдѣ она была оставлена?

— На обычномъ мѣстѣ.

— А гдѣ вы были?

— Мы были въ кафе, разумѣется. Мы отсутствовали едва ли двадцать минутъ, а когда вернулись—рыбы уже не оказалось.

— Теперь почти одиннадцать; къ часу рыба снова будетъ тамъ.

— Наполовину испорченная и послѣ прекращенія торга.

— Я ужъ позабочусь объ этомъ. Греби къ порту.

Въ теченіе нѣкотораго времени не было произнесено больше ни одного слова. Гребецъ заработалъ еще усиленнѣе, а донъ Антоніо вынулъ записную книжку, написалъ на разныхъ страницахъ ея по нѣсколько словъ, вырвалъ листки, скаталъ ихъ въ шарики, которые сталъ затѣмъ беззаботно пересыпать изъ одной руки въ другую. Когда лодка миновала маякъ, донъ Антоніо спросилъ:

— Въ которомъ часу ты отправишься сегодня?

— Мы думали уѣхать въ семь, но теперь—кто знаетъ?

— Кто съ тобой въ лодкѣ?

— Мой братъ и племянникъ.

— Ты завезешь меня сегодня къ доннѣ Джіованнѣ, но только

пусть твой племянникъ ѣдетъ въ другой лодкѣ. Будь же аккуратенъ: ровно въ семь.

— Слушаю, сударь.

Донъ Антоніо прыгаетъ на берегъ, все еще продолжая безпечно держать въ своей полусжатой рукѣ маленькіе бумажные шарики, и направляясь вверхъ, въ сторону города. Привезшій его лодочникъ немедленно обступается группой рыбаковъ, которые, судя по ихъ говору, очевидно, жители одной изъ деревушекъ, лежащихъ на берегу между Газтой и Неаполемъ. Но оставимъ ихъ обсуждать свои дѣла и послѣдуемъ за нашимъ таинственнымъ путеводителемъ.

Теперь одинъ изъ самыхъ жаркихъ и самыхъ глухихъ часовъ дня. Даже mozzonari покинули свои посты, за исключеніемъ одного лишь Пеппиньелло, который въ полуснѣ лежитъ около своихъ товаровъ.

Донъ Антоніо останавливается передъ нимъ, нагибается, какъ бы желая разсмотрѣть старые сигарные окурки и, переворачивая пальцемъ кучку за кучкой, незамѣтно высыпаетъ бумажные шарики, которыми онъ до этого игралъ, какъ разъ около лѣвой руки мальчика. Дѣлая это, онъ тихо произноситъ нѣсколько именъ такимъ тономъ, который заставилъ бы прохожаго предположить, что донъ Антоніо проклинаетъ про себя ограниченность своихъ средствъ или качество табака. Хотя мальчикъ, повидимому, продолжаетъ спать, однако по незамѣтному почти движенію, съ какимъ онъ прикрываетъ шарики рукою, донъ Антоніо понимаетъ, что тотъ совершенно проснулся. Спустя минуту, донъ Антоніо поднимаетъ голову, смотритъ кругомъ, какъ бы желая найти другого mozzonaro, проходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ возвращается, кладетъ полную рыночную цѣну всего запаса сигарныхъ окурковъ, находящихся у продавца, завертываетъ ихъ въ газетную бумагу, засовываетъ свертокъ въ карманъ и бредетъ въ одинъ изъ самыхъ узкихъ переулковъ ведущихъ къ рыбному рынку.

Тѣмъ временемъ Пеппиньелло вытягивается во всю длину, какъ бы желая закончить прерванный сонъ. Затѣмъ онъ безпокойно переворачивается на спину, переворачивается на другой бокъ, но, повидимому, ни одно положеніе не удовлетворяетъ его, и онъ лѣниво встаетъ и тащится въ одну изъ сосѣднихъ улицъ. Однако, какъ только онъ завернулъ за полдюжины угловъ, его шаги ускоряются, и онъ быстро идетъ къ мѣсту своего назначенія. Онъ пустился бы бѣгомъ, но это могло бы привлечь вниманіе, а это неудобно, такъ какъ онъ несетъ въ рукѣ драгоцѣнные бумажные шарики.

Донъ Антоніо, повидимому, намѣревается позавтракать сегодня рыбой, онъ останавливается передъ рядомъ рыночныхъ ларей и внимательно разсматриваетъ болѣе скромныя партіи товара. Мало того, онъ вступаетъ даже въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ многихъ торговцевъ, которые остаются еще около своихъ ларей, и хотя тонъ его голоса необычайно тихъ для Неаполя, каждый прохожій заключилъ бы изъ

его жестовъ, что онъ или критикуетъ рыбу, или торгуется. Въ дѣйствительности же онъ производитъ судебное слѣдствіе, результатъ котораго мы скоро увидимъ. Тѣмъ не менѣе, у послѣдняго ларя, у котораго донъ Антоніо останавливается, онъ покупаетъ десять свѣжихъ сардинъ, за которыя платитъ полную рыночную цѣну. Тщательно завернувъ ихъ въ морскія водоросли, данныя торговцемъ, затѣмъ въ газетную бумагу, вынутую изъ собственнаго кармана, донъ Антоніо уноситъ ихъ, держа въ рукѣ.

Ему не далеко идти. Послѣ одного или двухъ поворотовъ онъ подходитъ къ маленькой тратторіи, видъ и запахъ которой отбилъ бы аппетитъ у большинства англичанъ. Онъ входитъ въ низкое, тѣсное помѣщеніе, гдѣ группы подозрительныхъ людей сидятъ за виномъ и играютъ въ карты. Дальше помѣщается кухня, отдѣленная отъ перваго помѣщенія лишь небольшимъ выступомъ стѣны. Здѣсь хозяйка сидитъ передъ особымъ прилавкомъ, на которомъ разставлены порціи сырой пищи.

И хозяйка, и поваръ привѣтствуютъ дона Антоніо съ глубочайшимъ почтеніемъ; онъ говоритъ обоимъ нѣсколько словъ тономъ дружеской снисходительности, отдаетъ повару свою рыбу съ указаніемъ способа, какимъ она должна быть приготовлена, и проходитъ черезъ пустую комнату, находящуюся за кухней, въ темный корридоръ, который ведетъ къ узкой лѣстницѣ. По ней донъ Антоніо поднимается въ большую, прохладную комнату, защищенную отъ солнечныхъ лучей травяными цыновками снаружи, надъ верхними краями оконъ и надъ балконами. Одна сторона комнаты занята двумя желѣзными кроватями, каждая достаточно велика, чтобы служить для маленькаго семейства, но онѣ стоятъ здѣсь, кажется, болѣе для виду, и остальная мебель здѣсь такая, какая бываетъ въ тавернахъ, а не въ спальнѣ. Въ дѣйствительности кровати служатъ лишь для полуденнаго отдыха наиболѣе почетныхъ гостей. По опрятности и обстановкѣ это помѣщеніе представляетъ рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ нижними комнатами; кромѣ того, въ немъ совершенно нѣтъ мухъ, цѣлые рои которыхъ дѣлаютъ нижнія комнаты невыносимыми для каждаго непривычнаго человѣка.

Пятеро мужчинъ, сидящихъ здѣсь за столомъ, на которомъ передъ ними стоятъ фрукты и вино, встаютъ, когда входитъ донъ Антоніо; каждый наполняетъ стаканъ и протягиваетъ вновь пришедшему. Четыре изъ этихъ стакановъ донъ Антоніо съ кивкомъ головы подноситъ къ губамъ, но пятый вѣжливо отклоняетъ легкимъ движеніемъ руки, говоря: «Благодарю, я уже достаточно выпилъ», и садится на свое мѣсто у бокового стола. Послѣ этого присутствующіе передвигаютъ свои кресла такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не сидѣлъ къ нему спиною, и, занявъ снова мѣста, возобновляютъ прерванную бесѣду. Тотъ, стаканъ котораго былъ отвергнутъ, молчитъ и безпокойно двигается на креслѣ. Сейчасъ, однако, не время для объясненій, — пришелъ мальчикъ накрывать на столъ. Донъ Антоніо такой человѣкъ, который одновременно и зав-

тракаетъ, и обѣдаетъ, но сегодня онъ, можетъ быть, имѣетъ другую причину ѣсть такъ неторопливо. Однако, онъ кончаетъ, наконецъ; тарелки перемѣнены, фрукты принесены, и мальчикъ исчезаетъ. Человѣкъ, стаканъ котораго донъ Антоніо отвергнулъ, тотчасъ же приближается къ его столу и останавливается передъ нимъ въ позѣ самой униженной покорности. Возникаетъ длинный разговоръ на чистѣйшемъ неаполитанскомъ діалектѣ, но бесѣда ведется такъ тихо, что ни одного слова не слышно никому, кромѣ говорящихъ. Въ заключеніе нашъ герой наполняетъ свой стаканъ и протягиваетъ его своему собесѣднику, который поднимаетъ стаканъ къ губамъ и немедленно оставляетъ комнату. Онъ призналъ свое участіе въ утренней кражѣ и взялся возвратить корзину, наполненную свѣжей рыбой даже нѣсколько большей цѣнности, чѣмъ та, которая была украдена. Все его оправданіе состояло въ томъ, что сами лодочники ни въ чемъ не были виноваты, но нѣкоторая часть привезеннаго ими на рынокъ товара принадлежала не имъ, а другому рыбаку, не платившему сборовъ въ пользу *Каморры*. Эту часть рыбы онъ не желалъ уступать; но всѣ его возраженія были разбиты не доводами, а простымъ приказаніемъ, и, какъ онъ зналъ, для него лучше было подчиниться.

Послѣ его ухода донъ Антоніо не долго оставался: его положеніе вынуждало его по временамъ вступать въ сношеніе съ людьми, явно принадлежащими къ преступному классу, но ему не особенно нравилось ихъ общество; кромѣ того, ему предстояла еще работа. Онъ отправился въ путь, уплативъ предварительно хозяйкѣ полную плату за свой обѣдъ, несмотря на всѣ ея протесты. Она была вполнѣ искренна, говоря, что считала бы для себя за честь и удовольствіе угощать его въ любое время безъ всякаго вознагражденія. Хотя донъ Антоніо такъ же, какъ и большинство другихъ людей, любитъ дѣлать маленькія сбереженія, однако власть для него въ концѣ-концовъ дороже, чѣмъ деньги; онъ, поэтому, старательно воздерживается извлекать изъ своего положенія какую-нибудь личную выгоду, сверхъ идущей непосредственно отъ тѣхъ, кому онъ служитъ. Онъ не остается при этомъ безъ награды, и половина его громаднаго вліянія зависитъ отъ того, что среди населенія, понятія котораго о честности отнюдь нельзя назвать очень строгими, онъ извѣстенъ за совершенно неподкупнаго человѣка.

До сихъ поръ его шаги были медленны, и онъ все время шагалъ въ одномъ направленіи. Теперь, продолжая сохранять тотъ же видъ и ту же поступь, онъ начинаетъ дѣлать повороты и крюки съ явнымъ намѣреніемъ ускользнуть отъ какого-то секретнаго преслѣдованія.

Слѣдовать за нимъ было бы, разумѣется, довольно легко при его медленной походкѣ, но сдѣлать это незамѣтно вы были бы не въ состояніи. Наконецъ, онъ отпираетъ дверь какого-то дома и, пройдя черезъ залу, выходитъ на сосѣднюю улицу. Его видъ и манеры совершенно измѣнились. Въ выраженіи его глазъ проглядываетъ нетерпѣніе, мед-

ленность походки кажется скорѣе слѣдствіемъ усталости, чѣмъ лѣни. Вы приняли бы его за человѣка, изнуреннаго зноемъ, ходьбой и голодомъ, и почувствовали бы облегченіе, увидѣвъ, что онъ входитъ въ первую маленькую тратторію, лежащую на его пути. Здѣсь онъ вяло опускается на лавку въ самомъ темномъ углу и велитъ подать себѣ супу съ мясомъ и зеленью, кусокъ хлѣба и полъ-литра вина. Хотя комната совершенно пуста, хозяинъ тратторіи, достаточно хорошо его знающій, относится къ нему, какъ къ совершенно незнакомому человѣку. Когда пища принесена, донъ Антоніо платитъ за нее, наливаетъ немного вина въ стаканъ и отодвигаетъ все остальное съ жестомъ человѣка, который такъ усталъ, что не можетъ ѣсть. Затѣмъ онъ вынимаетъ изъ кармана бумажный пакетъ съ сигарными окурками, открываетъ и кладетъ его на столъ передъ собой, вынимаетъ изъ кармана цѣльную сигару, закуриваетъ ее, подпираетъ голову рукой и, повидимому, впадаетъ въ глубокую задумчивость. Черезъ нѣсколько минутъ онъ встаетъ и покидаетъ этотъ домъ съ тѣмъ же сонным, разсѣяннымъ взглядомъ. Какъ только онъ уходитъ, трактирщикъ снова завертываетъ сигарные окурки въ бумагу, помѣщаетъ ихъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и виномъ на полку, а супъ сливаетъ въ маленькій глиняный горшокъ, стоящій на очагѣ.

III.

Черезъ полчаса послѣ ухода дона Антоніо изъ тратторіи, туда входитъ Пеппиньелло.

— Ну, что тебѣ нужно?—спрашиваетъ хозяинъ довольно дружелюбнымъ тономъ.

— Что́ мнѣ всегда нужно: сигарные окурки.

— Ну, тебѣ сегодня удача, посмотри-ка сюда, — и онъ достаетъ пакетъ съ полки.

— Благодарю васъ, — произноситъ мальчикъ и поворачивается къ выходу.

— А ты не голоденъ?

— Немножко.

— Тогда садись.

Пеппиньелло не нужно второго приглашенія, и передъ нимъ скоро появляется завтракъ, оставленный нетронутымъ домъ Антоніо. Хозяинъ съ добродушнымъ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ Пеппиньелло ѣстъ.

— Не каждый можетъ получать такой супъ безплатно.

— Только тѣ, кто имѣетъ такихъ великодушныхъ друзей, какъ донъ Дженнаро.

— О, не я плачу за это.

— Такъ развѣ вы воруете хлѣбъ и мясо?

Въ тонѣ мальчика нѣтъ ничего оскорбительнаго; онъ нисколько не хуже думалъ бы о своемъ гостепріимномъ хозяинѣ, если бы и въ самомъ дѣлѣ подозрѣвалъ его въ такихъ проступкахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; но нѣкоторые люди имѣютъ важныхъ друзей.

— Тѣмъ лучше для нихъ. Однажды ночью, я видѣлъ во снѣ, что у меня есть дядя, кардиналъ. Ужъ не онъ ли заплатилъ за меня?

— Пошелъ, пошелъ! ты достаточно хорошо знаешь, кто заплатилъ; но скажи мнѣ, какъ тебѣ удалось познакомиться съ нимъ?

Тонъ говорящаго изъ шутливаго становился явно заинтересованнымъ.

— Удалось познакомиться съ нимъ? Ну, я знаю всякаго и всякій знаетъ меня,—произнося эти слова, Пеппиньелло, обѣдъ котораго покончилъ, съ полупоклономъ соскальзываетъ съ мѣста и изчезаетъ въ дверь быстро и безшумно, какъ ящерица, кидающаяся въ нору, когда замѣчаетъ, что ваши глаза остановились на ней.

— А онъ остороженъ-таки для своихъ лѣтъ, да,—говоритъ со смѣхомъ донъ Дженнаро и послѣ небольшой паузы добавляетъ: — и онъ совершенно правъ, совершенно правъ.

Заданный имъ вопросъ коснулся самаго сокровеннаго секрета Пеппиньелло. Съ тѣхъ поръ, какъ Пеппиньелло пришлось вести самостоятельную жизнь и придти въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью своего класса, онъ проникся страннымъ уваженіемъ къ дону Антоніо. Всѣ мальчики, которые чего-нибудь стóятъ, обыкновенно имѣютъ героевъ, и страстное поклоненіе, которое нѣмецкій мальчикъ чувствуетъ къ Вильгельму I и кронъ-принцу, къ Мольтке и Бисмарку, а итальянскій болѣе высшихъ классовъ—къ Виктору-Эммануилу и Гарибальди,—этотъ маленькій отверженецъ сосредоточилъ на самомъ, повидимому, заурядномъ лицѣ, котораго онъ имѣлъ случай часто видать собственными глазами. Даже сама простота внѣшняго вида этого человѣка возвышала его въ глазахъ мальчика, а его одиночество и кажущаяся слабость лишь усиливали впечатлѣніе.

Король Италіи имѣлъ и солдатъ, и полицію, и суды, и тюрьмы; но вотъ человѣкъ, который не имѣетъ никакого права на власть, и однако, постоянно идетъ наперекоръ правительству, проводитъ иной законъ, который они ненавидятъ, но которому народъ охотно повинуется. А кто же можетъ сомнѣваться, что это—истинный Божій законъ, отъ котораго злые, жестокіе и жадные люди стараются отдѣлаться, чтобы имѣть возможность выкрасть послѣднюю копѣйку изъ кармановъ бѣдняковъ? Кто не слыхалъ разсказа о вступленіи Гарибальди въ Неаполь? Во всей исторіи этого города это былъ одинъ единственный день, когда всѣ классы города соединились и вышли вмѣстѣ привѣтствовать новаго избавителя.

Нѣкоторыя личныя качества дона Антоніо также способствовали возвышенію его въ глазахъ Пеппиньелло, особенно, его сдержанность въ разговорѣ, окружавшая его таинственность и его обычное само-

обладаніе. Никогда ни одинъ человѣкъ не видалъ, чтобы онъ вышелъ изъ себя, и никто ни разу не слыхалъ, чтобы онъ въ раздраженіи повысилъ голосъ. Производила впечатлѣніе и та спокойная храбрость, съ которою онъ расхаживалъ передъ самыми глазами полиціи, готовой дать баснословныя суммы, лишь бы получить его въ свои руки, и, однако, не осмѣливающейся тронуть его пальцемъ. Должно признаться также, что его приличный костюмъ постоянно оказывалъ нѣкоторое вліяніе на умъ мальчика, который достаточно былъ неаполитанцемъ, чтобы чувствовать инстинктивное уваженіе ко всякому знаку соціальнаго превосходства, хотя въ другихъ случаяхъ это почтеніе сдерживается если не чувствомъ враждебности, то чувствомъ недовѣрія. Пеппиньелло смотрѣлъ на богатыхъ — а въ его глазахъ весьма незначительная сумма является уже богатствомъ — какъ на существа совершенно иного порядка, и безъ всякаго колебанія обманулъ бы и провелъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. У него никогда не было никакого сомнѣнія, что если бы они только думали о немъ когда-нибудь, они относились бы къ нему точно такъ же. Правда, они часто бросаютъ ему сольдо или два, но какую цѣну имѣютъ для нихъ мѣдяки? Это въ порядкѣ вещей, чтобы джентльмены, особенно иностранцы, разбрасывали мѣдныя монеты во всѣ стороны, и если онѣ, случается, падаютъ въ его сторону, то это благодаря, главнымъ образомъ, его способности и счастью, хотя святые иногда тоже помогаютъ въ этомъ. Этотъ же вотъ человѣкъ, обладая преимуществами, невольно вызывающими удивленіе, проводитъ всю свою жизнь въ борьбѣ за дѣло бѣдняковъ.

Пеппиньелло, разумѣется, надѣлилъ предметъ своего поклоненія всѣми добродѣтелями, на которыхъ его воображеніе любитъ останавливаться; особенно восхищаетъ его ловкость и находчивость дона Антоніо. Много исторій разсказывали о нихъ. Пеппиньелло жадно прислушивался, размышлялъ о нихъ и прикрашивалъ, пока его память не заграмоздилась цѣлымъ кругомъ легендъ, въ которомъ излюбленное имъ лицо было центромъ. Все это восхищеніе было, однако, совершенно безкорыстно: Пеппиньелло никогда ни на одну минуту не допускалъ мысли, чтобы его герой могъ обратить на него вниманіе.

Но донъ Антоніо имѣлъ обыкновеніе замѣчать все, что̀ попадалось ему на глаза, и давно уже и подробно ознакомился съ исторіей мальчика, съ его дѣлами и привычками, и составилъ себѣ ясное представленіе о его характерѣ. Подмѣтивъ, что мальчикъ никогда не забывалъ благодѣянія, донъ Антоніо заключилъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ его память станетъ крѣпко хранить и обиды, что, по мнѣнію дона Антоніо, было необходимымъ базисомъ всѣхъ мужскихъ добродѣтелей. Затѣмъ, ребенокъ былъ смышленъ и благоразуменъ не по лѣтамъ; по всей вѣроятности, онъ пробьется въ жизни, въ виду чего было бы, конечно, недурно заручиться его благодарностью, оказывая ему небольшую своевременную поддержку. Поддержка эта, какъ рѣшилъ агентъ *каморры*,

не должна быть недостаточной, когда явится случай; но пока спѣшить незачѣмъ: мальчикъ еще молодъ, а жизнь, которую онъ велъ, была прекрасной школой.

Въ такомъ положеніи дѣла находились въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда произошелъ случай, приведшій этихъ двухъ лицъ въ личное соприкосновеніе. Однажды утромъ, на разсвѣтѣ, когда Пеппиньелло бродилъ около зеленного рынка, онъ замѣтилъ, что дверь одного кафе, обыкновенно запертая въ этотъ ранній часъ, была пріотворена. Такъ какъ, по его соображеніямъ, комната, по всей вѣроятности, осталась невыметенной съ вечера, потому что это кафе закрывалось поздно, то тутъ была надежда на хорошій сборъ окурковъ; и вотъ Пеппиньелло тотчасъ же проскользнулъ туда, а въ слѣдующій моментъ сталъ ползать на четверенькахъ подъ столами и между стульями. Эта передняя комната была не освѣщена, но свѣтъ былъ въ кабинетѣ, находящемся сзади и отдѣленномъ отъ нея лишь дверью, верхняя часть которой была стеклянная. Стекло было задернуто красной занавѣской, но не настолько плотно, чтобы нельзя было разсмотрѣть двухъ полицейскихъ, которые сидѣли въ кабинетѣ, разговаривая вполголоса. Мальчикъ, скорѣе вслѣдствіе привычки, чѣмъ ради какой-нибудь опредѣленной цѣли, сталъ прислушиваться, но едва онъ схватилъ нѣсколько словъ, какъ все остальное было забыто. Онъ не могъ разслышать всего того, что было сказано, не могъ онъ и понять всего того, что̀ услыхалъ, такъ какъ эти люди говорили не на неаполитанскомъ нарѣчіи; но онъ вполнѣ понялъ одно: задумано было схватить въ это самое утро агента каморры на сосѣднемъ рынкѣ. Первая мысль Пеппиньелло была о его героѣ и о томъ, какъ доставить ему эти свѣдѣнія. Въ слѣдующую минуту онъ снова былъ у входной двери, но тутъ встрѣтилось неожиданное препятствіе въ видѣ владѣльца кафе, вошедшаго въ этотъ самый моментъ. Первымъ побужденіемъ мальчика было снова скрыться въ темнотѣ и переждать, но дверь могла быть заперта на ключъ, а каждый моментъ былъ дорогъ. Смѣлость была лучшей политикой въ данномъ случаѣ, и Пеппиньелло нанесъ сильный ударъ по ногамъ входившаго. Удивленный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, тотъ отскочилъ шага на два назадъ и такимъ образомъ далъ нападающему возможность выскочить вслѣдъ за нимъ въ дверь и пуститься бѣжать со всѣхъ ногъ. Преслѣдовать его не стоило. Владѣлецъ кафе сильно подозрѣвалъ, что честь этого таинственнаго визита доставили его заведенію валявшіеся на полу сигарные окурки, въ то же время онъ хорошо зналъ, что если бы посѣтители, сидѣвшіе въ задней комнатѣ, узнали, какъ онъ былъ безпеченъ, оставивъ дверь пріотворенной, онъ навсегда лишился бы въ нихъ покупателей; итакъ, лучше всего совсѣмъ не упоминать имъ объ этомъ случаѣ.

Несмотря на испугъ и волненіе, Пеппиньелло пустился бѣжать совсѣмъ не въ ту сторону, куда намѣревался направиться, какъ только

избавится отъ преслѣдованія. Такая предосторожность была для него столь обычна, что почти стала инстинктивной. Быстро завернувши за два или за три угла подъ рядъ, а затѣмъ, оглянувшись назадъ и увидавъ, что за нимъ нѣтъ никого, онъ рѣшилъ, что находится въ безопасности, и разомъ остановился. Что теперь дѣлать? Нѣсколько разъ онъ встрѣчалъ дона Антоніо на улицѣ, идущей отъ сѣверной части города къ рынку, но теперь почти уже восходъ солнца, и онъ, можетъ быть, уже прошелъ; пожалуй, лучше всего было бы пройтись по рынку и посмотрѣть. И вотъ онъ направилъ свой путь туда, идя такъ быстро, какъ только можно, не привлекая къ себѣ вниманія. Достигнувъ мѣста, онъ сталъ бродить между повозками не спѣша, но съ такимъ видомъ, который побуждалъ крестьянъ, замѣчавшихъ его, зорче обыкновеннаго слѣдить за своими фруктами и овощами. Наконецъ, онъ увидалъ предметъ своихъ поисковъ, который стоялъ спиной къ телѣгѣ и бесѣдовалъ съ группой крестьянъ и торговцевъ. При нихъ Пеппиньелло не могъ говорить съ нимъ, да и какъ маленькій нищій могъ привлечь его вниманіе? Однако, время шло, и Пеппиньелло не долженъ былъ медлить. Его рѣшеніе скоро было готово; онъ залѣзъ подъ телѣгу и осторожно взялся рукой за одну ступню дона Антоніо.

Донъ Антоніо не вздрогнулъ и не обнаружилъ никакого признака удивленія, но слегка наклонился и, видя возбужденное лицо мальчика, разомъ понялъ, что тотъ имѣетъ сообщить ему нѣчто важное. Тѣмъ не менѣе, донъ Антоніо вытащилъ его изъ его тайника съ грубымъ замѣчаніемъ: «ты что тутъ дѣлаешь, маленькій воришка?» При этомъ онъ повернулся спиною къ своимъ собесѣдникамъ и сталъ такъ, что имъ не было видно ни его лица, ни лица мальчика. Въ тотъ же моментъ онъ беззвучнымъ движеніемъ губъ, которое могъ видѣть одинъ лишь Пеппиньелло, произнесъ названіе одной сосѣдней улицы. Быстрый и понятливый взглядъ показалъ, что мальчикъ понялъ дона Антоніо, и послѣдній оттолкнулъ его съ сердитымъ восклицаніемъ: «Убирайся прочь!»

Пеппиньелло убѣжалъ съ такимъ видомъ, словно его въ самомъ дѣлѣ только что уличили въ попыткѣ совершить мелкую кражу, но онъ отбѣжалъ лишь нѣсколько шаговъ. Остановившись, онъ началъ гримасничать и кривляться, выражая тѣмъ величайшее презрѣніе къ той группѣ, изъ которой его только что изгнали; затѣмъ онъ запѣлъ пѣсню и пошелся по направленію указанной улицы, куда донъ Антоніо прошелъ за полминуты передъ этимъ.

Два или три поворота привели ихъ къ двери какого-то дома. Донъ Антоніо отперъ ее, затѣмъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату и, ставъ спиной къ окну, обратился къ мальчику съ краткимъ вопросомъ?

— Въ чемъ дѣло?

Пеппиньелло передалъ свои свѣдѣнія.

— Ты долженъ исполнить для меня нѣсколько порученій.

— Я къ вашимъ услугамъ, господинъ.

Донъ Антоніо написалъ нѣсколько словъ на пяти различныхъ листкахъ бумаги и, скатавши ихъ въ шарики, передалъ ихъ мальчику съ точнымъ указаніемъ относительно того, гдѣ и кому они должны быть переданы. Онъ показалъ ему также, какъ надо сдѣлать пальцами извѣстный знакъ для привлеченія вниманія. Каждая записка содержала одни и тѣ же слова, и было все равно, которому изъ указанныхъ лицъ любая изъ нихъ попадетъ.

— Ты увѣренъ, что вполнѣ понялъ меня?

— Да, господинъ.

— Тогда поспѣши. Я не забуду тебя, Пеппиньелло,—добавилъ онъ болѣе мягкимъ тономъ, кладя въ руку мальчика нѣсколько мѣдныхъ монетъ,—ты никогда и никому не долженъ говорить, что случилось въ это утро, и если я пройду на улицѣ мимо тебя, ты ничѣмъ не долженъ обнаруживать, что знаешь меня.

— Никогда господинъ.

Всѣ порученія точно были выполнены раньше, чѣмъ маленькій mozzonaro имѣлъ время подивиться по поводу того, что донъ Антоніо зналъ его имя.

Успѣхъ полиціи былъ не особенно блестящъ въ это утро, хотя нѣсколько человѣкъ и было арестовано по подозрѣнію. Какъ говорятъ lazzaroni, арестованные пять человѣкъ, которыхъ приговорили къ проживанію на островѣ Искіи подъ полицейскимъ надзоромъ, не только не были агентами *каморры*, но, напротивъ, были все такія лица, которыя навлекли на себя ея неудовольствіе.

Этотъ день, однако, образовалъ эпоху въ жизни Пеппиньелло. Правда, полученная имъ сумма не казалась неисчерпаемымъ богатствомъ даже и въ его глазахъ, но съ этихъ поръ какъ-то весь міръ началъ поворачиваться къ нему болѣе свѣтлой стороною. Продавцы фруктовъ безъ всякаго ворчанія позволяли ему собирать отбросы или даже сами звали его, если онъ проходилъ мимо въ такое время, когда случайно оказывалось необычайно большое количество мятыхъ, а потому и негодныхъ для продажи персиковъ, винограда или яблокъ. Частенько также съ телѣги крестьянина скатывался кочанъ капусты, когда Пеппиньелло стоялъ вблизи, а нѣкоторые владѣльцы маленькихъ трактиріи, гонявшіе его прежде отъ дверей, безпрепятственно позволяли ему теперь посѣщать ихъ заведенія такъ часто, какъ только онъ хотѣлъ. Куски хлѣба и остатки съѣстного всѣхъ родовъ попадали къ нему теперь въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Но это было не все. Когда онъ въ концѣ мѣсяца уплачивалъ наемную плату за помѣщеніе, ему сказали, что если онъ хочетъ, то можетъ передвинуть свою семейную кровать на свободное мѣсто, находящееся гораздо ближе ко входу въ

пещеру, и за это съ него не возьмутъ ничего сверхъ прежней платы. Кончетта, повидимому, раздѣляла удачу брата, такъ какъ теперь она гораздо чаще находила случай заработать сольдо или два; сверхъ того, жена лавочника подарила ей старое платье, которое казалось ей великолѣпнымъ нарядомъ. За всѣ эти блага Пеппиньелло возносилъ прочувствованныя молитвы святымъ и питалъ должную благодарность къ дону Антоніо. Однако, для Пеппиньелло было неизвѣстно самое крупное благодѣяніе, оказанное ему этимъ покровителемъ. Донъ Антоніо строго запретилъ всѣмъ извѣстнымъ ему лицамъ изъ преступнаго класса обращать вниманіе на мальчика, а въ Неаполѣ едва-ли найдется хотя одинъ воръ, котораго бы донъ Антоніо не зналъ или который согласился бы добровольно навлечь на себя его неудовольствіе.

IV.

Теперь вы такъ долго наблюдали за дономъ Антоніо, что вамъ, можетъ быть, захочется узнать кое-что изъ его прежней жизни. Если это такъ, то я разскажу вамъ все то, что мнѣ удалось собрать относительно его.

Когда онъ былъ ребенкомъ, его отецъ держалъ тратторію въ Позилипо. Часто случалось, что англійскій туристъ или нѣмецкій художникъ, совершившій вечернюю прогулку, предпочиталъ обѣдать здѣсь, чѣмъ возвращаться въ шумный и пыльный городъ. Кто заходилъ сюда разъ, обыкновенно приходилъ снова, такъ какъ къ нимъ относились здѣсь съ величайшею предупредительностью. Находившаяся въ маленькомъ саду тѣнистая бесѣдка изъ зелени, откуда открывался прекрасный видъ на море, всегда оставлялась для такихъ гостей; ихъ столъ былъ накрытъ безукоризненно чистою скатертью, а заказываемыя ими кушанья изготовлялись съ особою тщательностью. Разумѣется, всѣ эти удобства незамѣтно включались въ счетъ, смотря по оцѣнкѣ средствъ гостя. Надбавки, дѣлаемыя отцомъ Антоніо, были, однако, всегда умѣренны; его посѣтители рѣдко жаловались, и онъ изумился бы, услыхавъ, что кто-нибудь находитъ хоть малѣйшую нечестность въ его способѣ веденія дѣлъ.

Его первая жена умерла во время первыхъ родовъ; отъ другой сильной, грубой женщины съ громкимъ голосомъ, на которой онъ вскорѣ послѣ этого женился, у него не было дѣтей.

Маленькій Антоніо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ слабымъ и хилымъ ребенкомъ. Онъ нетвердыми шагами бродилъ вокругъ дома и всякій разъ, когда его отецъ начиналъ бушевать или мачиха начинала браниться, испуганно забивался куда-нибудь въ уголокъ и тихо плакалъ, хотя ихъ гнѣвъ никогда не былъ направленъ на него. Напротивъ, оба любили и ласкали мальчика, позволяя ему дѣлать все, что онъ хочетъ, и совершенно не задаваясь мыслью о его воспитаніи.

Однако, онъ всегда отличался смышленостью, а съ пятаго года и его здоровье начало поправляться. Въ четырнадцать лѣтъ онъ былъ совершенно здоровъ, силенъ и необыкновенно ловокъ, хотя не крѣпкаго сложенія. Къ этому времени онъ пріобрѣлъ порядочный запасъ полезныхъ знаній. Онъ умѣлъ ѣздить верхомъ, править лошадьми и ходить за ними, а также управлять лодкой при любыхъ условіяхъ.

Его поведеніе было необычайно спокойно для неаполитанскаго мальчика. Однако, его мачиха уже подмѣтила, что если между его мнѣніемъ и мнѣніемъ его отца случается разница, то по прошествіи недѣли или двухъ Антоніо навѣрное добьется своего; а слуги знали, что всякій, кто вздумаетъ сдѣлать что-нибудь ему наперекоръ, навѣрное поплатится за это при первомъ же удобномъ случаѣ.

Около этого времени одинъ англичанинъ, мистеръ Вильямсъ, началъ часто посѣщать тратторію. Онъ собирался сдѣлать нѣсколько болѣе отдаленныхъ экскурсій по окрестностямъ, и ему хотѣлось нанять неаполитанскаго слугу, при чемъ его выборъ остановился на Антоніо, который уже сопровождалъ его во время нѣсколькихъ, болѣе короткихъ поѣздокъ. Отецъ отвѣтилъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ; онъ не могъ и подумать о разлукѣ съ своимъ единственнымъ сыномъ. Мальчикъ, однако, совершенно иначе отнесся къ этому предложенію и, не обнаруживая неумѣстной настойчивости, намекнулъ мистеру Вильямсу, что, можетъ быть, было бы лучше переговорить объ этомъ дѣлѣ съ его дядей по матери, который былъ священникомъ. Послѣдній весьма былъ польщенъ честью, оказанною ему иностраннымъ джентльмэномъ, и съумѣлъ представить его предложеніе передъ хозяиномъ тратторіи въ такомъ привлекательномъ видѣ, что тотъ самъ заговорилъ объ этомъ въ слѣдующій же разъ, какъ только англичанинъ снова посѣтилъ его домъ. Это предложеніе, какъ объяснилъ онъ, застало его сначала врасплохъ, но съ тѣхъ поръ онъ хорошо обдумалъ его и теперь заявляетъ, что его сынъ счелъ бы для себя за честь поступить на службу къ его милости, если слуга еще не нанятъ.

Антоніо началъ новый родъ жизни и во многихъ отношеніяхъ былъ прекраснымъ слугой, но англійскія приличія были загадкой для молодого неаполитанца. Онъ, напримѣръ, не видѣлъ ничего непозволительнаго въ пользованіи подзорной трубой своего господина, или его мыломъ и умывальнымъ тазомъ, когда они оказывались ближе подъ рукою, чѣмъ его собственные; фамильярность же его разговора, сперва забавлявшая мистера Вильямса, стала затѣмъ раздражать его и, наконецъ, сдѣлалась для него просто невыносимой. Весьма вѣроятно, поэтому, что ихъ отношенія скоро пришли бы къ концу, если бы англичанинъ не заболѣлъ горячкой около замка Вольтурно во время одной экскурсіи, предпринятой имъ ради археологическихъ цѣлей. И вотъ тогда вполнѣ обнаружились всѣ лучшія качества юноши. Онъ тотчасъ же взялъ въ свои руки всѣ дѣла, перевезъ своего господина моремъ

въ Сорренто, экстренно выписалъ одного изъ лучшихъ докторовъ, а затѣмъ днемъ и ночью оставался въ комнатѣ больного. Ни одна ученая сидѣлка не могла бы выполнять медицинскія предписанія съ большею точностью, чѣмъ онъ, и ни одна жена или сестра не могла быть болѣе внимательна и неусыпна въ своихъ заботахъ.

Мистеръ Вилльямсъ не былъ неблагодаренъ, особенно когда докторъ сообщилъ ему, что, если бы онъ остался хотя еще два среди болотъ, его жизни былъ бы конецъ. Онъ не могъ равнодушно видѣть, какъ сильно похудѣлъ и побѣднѣлъ мальчикъ. Послѣ нѣкотораго размышленія мистеръ Вилльямсъ рѣшилъ, что онъ возьметъ его съ собой во Францію и въ Англію, позаботится о его воспитаніи и поищетъ случая пристроить его въ жизни. Опять отецъ возсталъ и онять дядя-священникъ съумѣлъ одержать верхъ надъ всѣми его возраженіями.

Цѣлыхъ четыре года Антоніо пробылъ въ чужихъ краяхъ на службѣ мистера Вилльямса и въ теченіе этого времени научился читать и писать не только на своемъ языкѣ, но также по-англійски и по-французски, и, сверхъ того, пріобрѣлъ нѣкоторое знаніе и нѣмецкаго языка. Въ другихъ отношеніяхъ онъ получилъ такое общее образованіе, какое соотвѣтствовало его положенію. Онъ былъ сообразителенъ и прилеженъ, но, повидимому, совершенно не имѣлъ интереса къ умственнымъ занятіямъ и никогда не бралъ въ руки книги съ иною цѣлью, какъ выучить свои уроки или пополнить свои знанія въ томъ языкѣ, на какомъ она была написана. Но онъ сдѣлался прекраснымъ слугой, такъ какъ къ быстрой сообразительности и непринужденнымъ манерамъ итальянца онъ присоединилъ теперь почтительность и аккуратность англичанина. Относительно своей честности и вѣрности онъ часто доставлялъ доказательства. У мистера Вилльямса не было и въ мысляхъ разстаться съ нимъ. Правда, вначалѣ онъ поговаривалъ, что хочетъ пристроить его, и если бы юноша обнаружилъ особую склонность къ какому-нибудь занятію или профессіи, задуманный планъ былъ бы, по всей вѣроятности, приведенъ въ исполненіе; но Антоніо, повидимому, былъ рожденъ для того, чтобы быть наилучшимъ изъ слугъ; ну а для его хозяина несравненно было удобнѣе, чтобы онъ такъ и остался въ томъ же положеніи.

Вы можете судить теперь, какъ велико было изумленіе мистера Вилльямса, когда въ одинъ прекрасный день, въ самомъ началѣ лѣта 1858 г., его слуга сообщилъ ему о своемъ желаніи вернуться въ Неаполь. По словамъ Антоніо, его отецъ хворалъ и желалъ—нѣтъ, даже приказывалъ, ему вернуться домой возможно скорѣе.

Не достаточно ли было бы мѣсячнаго или шестинедѣльнаго отпуска? Въ теченіе этого времени онъ свободно могъ бы съѣздить въ Неаполь и вернуться обратно. Антоніо вполнѣ чувствовалъ все то, что его господинъ сдѣлалъ для него, и съ радостью во всякое время вернулся бы къ нему, но долгъ къ отцу долженъ перевѣшивать всякія другія со-

ображенія, а потому Антоніо не можетъ дать никакого обѣщанія, пока не повидается съ отцомъ и не переговоритъ съ нимъ о дѣлахъ.

Мистеръ Вилльямсъ былъ раздосадованъ и негодовалъ. Предстоящая перемѣна слуги была для него, крайне непріятна. Кромѣ того, ему было жаль разставаться съ нимъ, и онъ чувствовалъ себя даже нѣсколько оскорбленнымъ тѣмъ, что тотъ желалъ покинуть его. Тѣмъ не менѣе, трудно было возражать противъ выставленныхъ Антоніо доводовъ, и мистеръ Вилльямсъ отвѣтилъ, хотя и не особенно любезно: «Очень хорошо».

Антоніо съ молчаливымъ поклономъ вышелъ изъ комнаты. Онъ не любилъ своего господина. Правда, въ самомъ началѣ ихъ сношеній онъ чувствовалъ къ нему сильное расположеніе, и вскорѣ послѣ выздоровленія мистера Вилльямса отъ горячки онъ пошелъ бы за него въ огонь и въ воду. Но тѣ времена и тѣ чувства давно миновали. Когда англійскій джентльменъ рѣшился оставить мальчика у себя, онъ сталъ, вполнѣ естественно, воспитывать изъ него возможно болѣе точное подобіе англійскаго слуги. Сначала онъ весьма мягко выговаривалъ ему за его фамильярности, но, по мѣрѣ того, какъ у мистера Вилльямса изглаживалось воспоминаніе о его болѣзни, его тонъ дѣлался все рѣзче и холоднѣе. Теперь Антоніо хорошо понималъ, что всѣ эти выговоры и замѣчанія были необходимы; но они наносили раны его самолюбію, которое и теперь еще терзалось каждый разъ, когда онъ вспоминалъ объ этомъ. Онъ никогда не былъ непонятительнымъ по понятіямъ его земляковъ; мало того, къ своему господину онъ питалъ такое почтеніе, какое сѣверные слуги рѣдко чувствуютъ. Если бы его ругали или даже били въ припадкахъ неразумнаго гнѣва, онъ терпѣливо сносилъ бы все это безъ всякихъ протестовъ и затаенной злобы; но эта ледяная холодность заморозила въ корнѣ его расположеніе. Онъ оставался на мѣстѣ, во-первыхъ, потому, что самолюбіе не позволяло ему вернуться къ отцу и признаться въ неудачѣ своего плана, а затѣмъ онъ былъ достаточно уменъ и не могъ не видѣть, что продолженіе этой службы было прямо въ его интересахъ. А если ужъ приходилось остаться на службѣ у мистера Вилльямса то, очевидно, всего лучше было приноравливаться ко всѣмъ его требованіямъ; да это и не было трудно, такъ какъ юноша не чувствовалъ уже ни малѣйшаго желанія фамильярничать съ своимъ господиномъ. Послѣдній часто замѣчалъ своимъ друзьямъ: «Удивительно, какъ скоро эти итальянцы усваиваютъ хорошія манеры, если только вы держитесь съ ними, какъ слѣдуетъ, и бываете немножко суровы».

Слуги, съ которыми Антоніо приходилось сообщаться, также смѣялись вначалѣ надъ его неумѣстными выраженіями и манерами. Смѣхъ этотъ былъ добродушенъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, оскорблялъ Антоніо и заставлялъ его все болѣе и болѣе уходить въ себя. Только одинъ разъ за всѣ эти четыре года его сердце воспламенилось къ одной изъ

служанокъ. Это была горничная, съ льняными волосами, голубыми глазами и пухлыми, розовыми щеками. Она не только плѣнила его взглядъ и завладѣла его воображеніемъ, но, повидимому, и сама не оставалась равнодушна къ вниманію черноглазаго юноши.

Но однажды онъ услыхалъ, какъ она сказала кухаркѣ, которая дразнила ее: — «Ужъ не думаете ли вы, что я соглашусь выйти замужъ за итальянскаго паписта! Благодарю васъ, миссъ, я достаточно хороша для людей и повыше его!»

Слова эти были сказаны шутя, но Антоніо не далъ ей случая объясниться. Было ясно, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми людьми, среди которыхъ ему приходилось жить.

Несмотря на его замкнутость, товарищи-слуги не чувствовали къ нему непріязни. Ихъ нерасположеніе могло бы сдѣлать его жизнь весьма непріятной. Онъ скоро понялъ это и не уклонялся отъ работы. Но ихъ общество и манеры часто досаждали ему, и онъ жаждалъ быть совершенно независимымъ, а между тѣмъ пріобрѣталъ привычки, дѣлавшія его, какъ онъ зналъ, непригоднымъ къ той жизни, которую онъ нѣкогда велъ. Въ теченіе продолжительнаго времени онъ возлагалъ надежды на обѣщанія, данныя мистеромъ Вильямсомъ его отцу, хотя самъ никогда и не думалъ напоминать о нихъ своему господину. Но какъ только Антоніо понялъ, что не было никакой надежды на ихъ выполненіе, онъ сталъ размышлять о тѣхъ путяхъ жизни, которые оставались еще открытыми для него.

Около этого времени въ одну изъ небольшихъ поѣздокъ съ своимъ господиномъ на континентъ Европы, Антоніо познакомился съ однимъ нѣмецкимъ курьеромъ, которому такъ понравился, что между ними установилось нѣчто вродѣ дружбы. Антоніо даже отложилъ въ сторону свою обычную сдержанность и сообщилъ пріятелю, что, хотя онъ вполнѣ доволенъ своимъ мѣстомъ, однако, онъ хотѣлъ черезъ годъ или черезъ два совершенно перемѣнить родъ жизни, и при этомъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно характера и обязанностей службы его друга. Нѣмецъ добродушно далъ ему всѣ требуемыя свѣдѣнія. Большинствомъ наиболѣе важныхъ качествъ Антоніо, какъ оказалось, уже обладалъ, и остальныя онъ, по его мнѣнію, могъ пріобрѣсть безъ особаго труда. Съ этого времени онъ рѣшился сдѣлаться курьеромъ, и, въ видахъ осуществленія этого плана, онъ и предупредилъ своего господина о своемъ намѣреніи вернуться въ Неаполь. Антоніо хорошо зналъ, что должны пройти годы, прежде чѣмъ по своей наружности онъ будетъ признанъ достаточно солиднымъ для занятія этого отвѣтственнаго поста; у него накопилась уже сумма, которая была для него далеко не маленькой, и онъ желалъ истратить эти деньги, заводя новыя связи и расширяя знакомство съ Европой.

Дурное расположеніе духа не долго продолжалось у мистера Вильямса. Для Антоніо, повидимому, такъ явно выгодно было бы оста-

ваться въ его настоящемъ положеніи, что мистеръ Вилльямсъ началъ уважать его рѣшеніе, о которомъ сожалѣлъ и которое, какъ онъ теперь думалъ, было актомъ великодушнаго самоотверженія. Вслѣдствіе всего этого, онъ не только рѣшилъ дать своему слугѣ щедрую награду при прощаніи, но и горячо рекомендовалъ его одному изъ своихъ знакомыхъ, нѣкоему мистеру Берклею, который въ первый разъ собирался отправиться въ путешествіе по Европѣ, а потому желалъ нанять слугу, который могъ бы говорить по-французски и по-итальянски.

Въ концѣ концовъ было условлено, что Антоніо долженъ сопровождать своего новаго господина въ его поѣздкѣ по Франціи и Италіи вплоть до Неаполя, и долженъ оставаться у него на службѣ въ теченіе всего того времени, пока тотъ будетъ жить въ этомъ городѣ. Послѣ этого Антоніо былъ воленъ или возвратиться вмѣстѣ съ нимъ въ Англію или остаться у себя на родинѣ; при этомъ мистеръ Вилльямсъ съ жаромъ увѣрялъ его, что если бы онъ предпочелъ выбрать первое, онъ немедленно былъ бы возстановленъ въ своемъ прежнемъ положеніи.

Антоніо скоро пріобрѣлъ довѣріе мистера Берклея, при которомъ исполнялъ обязанности курьера, лакея и камердинера.

Мистеръ Берклей отправился путешествовать съ исключительнымъ намѣреніемъ пополнить свои знанія. Несмотря, однако, на свою подвижность, онъ отличался умственною лѣнью и нашелъ гораздо болѣе удобнымъ пріобрѣтать эти знанія изъ бесѣды съ своимъ слугой, чѣмъ путемъ личнаго труда. Онъ былъ изумленъ обширностью свѣдѣній Антоніо, и, убѣдившись въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ недѣль, при помощи постоянныхъ справокъ въ путеводителѣ, въ ихъ точности, вполнѣ положился на руководительство своего слуги. Такимъ образомъ, между господиномъ и слугой установилось нѣчто вродѣ товарищества. Они вмѣстѣ осматривали главныя достопримѣчательности на своемъ пути, слуга никогда не позабывалъ своего надлежащаго мѣста, и англійскій путешественникъ пришелъ къ заключенію, что онъ нашелъ сокровище.

Мистеръ Берклей гораздо сильнѣе чувствовалъ красоты природы, чѣмъ красоты искусства, и, прибывъ въ Неаполь, такъ былъ очарованъ мѣстоположеніемъ города, что рѣшилъ пробыть въ немъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ снялъ рядъ комнатъ въ виллѣ, не особенно отдаленной отъ тратторіи, принадлежащей отцу Антоніо, куда мистеръ Берклей постоянно ходилъ обѣдать, купилъ небольшую парусную лодку и нанялъ матроса для присмотра за ней. Въ теченіе первыхъ же двадцати четырехъ часовъ пребыванія въ Неаполѣ мистеръ Берклей пришелъ къ двумъ заключеніямъ относительно населенія, отъ которыхъ онъ никогда уже не отступалъ впослѣдствіи. Заключенія эти были таковы: первое, что всѣ неаполитанцы, за исключеніемъ Антоніо, пользовавшагося благами англійскаго воспитанія, воры, и второе, что таковыми ихъ сдѣлала католическая церковь. Сперва онъ былъ

отчасти склоненъ сдѣлать исключеніе и въ пользу отца Антоніо, относившагося къ нему съ самой подобострастной предупредительностью и любившаго подшучивать надъ попами, но потомъ рѣшилъ, что лишь вліяніе Антоніо сдерживало гнусныя склонности этого пожилого джентльмена, по крайней мѣрѣ, насколько дѣло касалось лично его, Берклея. Путешественникъ, разумѣется, не счелъ нужнымъ скрывать отъ своего слуги дурное мнѣніе, составленное имъ о нравственности населенія этого города.

Разъ или два Антоніо пробовалъ сказать нѣсколько словъ въ защиту земляковъ, но скоро открылъ, что его слова не производятъ никакого дѣйствія, и что для него, пожалуй, лучше было принять на себя видъ человѣка, не имѣющаго ничего общаго съ окружающими обманщиками.

Несмотря на столь сильное презрѣніе къ неаполитанцамъ, мистеръ Берклей далеко не прочь былъ, однако, произвести на нихъ впечатлѣніе, особенно при прогулкѣ вечеромъ по водѣ. Съ этою цѣлью онъ отдѣлалъ свой ботъ съ необыкновеннымъ изяществомъ. Хотя при содѣйствіи отца Антоніо, вся работа обошлась ему менѣе, чѣмъ въ половину того, сколько она стоила бы въ Англіи, мистеръ Берклей, былъ убѣжденъ, что его обкрадывали при этомъ на каждомъ шагу.

Въ первый же вечеръ, когда онъ выѣхалъ на лодкѣ, лодочникъ сообщилъ ему, что *каммора* требуетъ нѣкоторую сумму въ видѣ налога съ лодки.

— А какая польза будетъ мнѣ отъ этого́ платежа? — спросилъ англичанинъ.

— Ваша яхта будетъ въ сохранности, ваша милость.

— Ну, а за что же я тебѣ-то плачу?—послѣдовалъ сердитый отвѣтъ.

Какъ только Антоніо услыхалъ объ этомъ, онъ сказалъ все, что только смѣлъ, чтобы склонить своего господина на уступку въ этомъ дѣлѣ, а его отецъ былъ еще рѣшительнѣе въ совѣтахъ и просьбахъ; все было напрасно.

— Тутъ дѣло не въ деньгахъ,—сказалъ наединѣ своему слугѣ мистеръ Берклей.—Ты знаешь, во многихъ мѣстахъ я тратилъ гораздо больше, чѣмъ здѣсь; но я не терплю вымогательства, а, сверхъ того, я рѣшилъ, что не буду способствовать деморализаціи жителей посѣщаемыхъ мною странъ. Для меня это дѣло—принципіальный вопросъ.

Начиная съ этого дня лодка сдѣлалась источникомъ постоянной досады и раздраженія. Человѣкъ, присматривавшій за лодкой, не могъ сойти на берегъ на полчаса—принести себѣ обѣдъ, купить сигару или выпить стаканъ вина, чтобы, возвратясь, не найти безпорядка въ лодкѣ. При этомъ не причинялось никакого поврежденія, которое могло бы быть оцѣнено въ значительную сумму, ничего не было похищено, но въ шкапчикъ, напримѣръ, накладывалась гнилая рыба, снасти расцѣплялись, а сидѣнія съ самымъ удивительнымъ стараніемъ вымазывались

грязью. Однажды исчезъ руль, и лишь только былъ заказанъ новый, прежній былъ найденъ прочно прикрѣпленнымъ подъ килемъ лодки. Въ другой разъ, когда владѣлецъ только что собирался сѣсть на бортъ своего маленькаго судна, оборванный мальчикъ-рыболовъ принесъ намокшія подушки и заявилъ, что онъ подобралъ ихъ въ водѣ во время купанья, и узналъ, что онѣ принадлежатъ его милости.

Мистеръ Берклей негодовалъ и жаждалъ мщенія. Онъ уволилъ своего лодочника, но по прошествіи трехъ дней былъ очень радъ принять его опять, такъ какъ на его мѣсто нельзя было найти ни одного матроса, хотя предлагалась двойная и даже тройная плата. Когда, послѣ примиренія, они направились вмѣстѣ къ боту, стоявшему на якорѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, они нашли, что весь онъ заваленъ грязью и всевозможнымъ мусоромъ.

Хотя Антоніо считалъ своего господина совершенно неправымъ во всемъ этомъ дѣлѣ и не чувствовалъ къ нему особенной привязанности, однако, ему непріятно было видѣть, какъ надъ нимъ потѣшаются, и онъ почувствовалъ бы личное униженіе, если бы его наниматель уступилъ теперь, когда война была уже объявлена. Антоніо надѣялся, сверхъ того, что если онъ поможетъ мистеру Берклею въ этомъ затруднительномъ положеніи, тотъ не останется передъ нимъ въ долгу. И вотъ Антоніо придумалъ столь удачный планъ защиты, что поймалъ мальчишку лѣтъ одиннадцати въ тотъ самый моментъ, когда тотъ размазывалъ по сидѣньямъ совершенно сгнившаго омара. Привязавши своего голаго плѣнника, Антоніо подвергнулъ его заслуженному наказанію, жестоко отстегавъ пукомъ свитыхъ бечевокъ, нарочно припасеннымъ съ этою цѣлью. Жертва визжала при этомъ такъ, словно ее убивали, но это лишь доставляло удовольствіе наказывающему.

— Если мы отдѣлаемъ съ полдюжины изъ нихъ такимъ образомъ,— сказалъ Антоніо по возвращеніи своему господину,—то остальные не осмѣлятся уже продолжать свои штуки.

Мистеръ Берклей былъ крайне утѣшенъ этимъ первымъ актомъ сладостной мести.

Антоніо ожидалъ, конечно, возмездія, но совершенно не былъ приготовленъ къ формѣ, какую оно приняло. На слѣдующій день онъ былъ арестованъ по обвиненію въ нападеніи, предсталъ передъ судомъ и былъ присужденъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію.

Ярость мистера Берклея не знала предѣловъ и выразилась въ формѣ, необыкновенно выгодной для Антоніо. Испросивши позволеніе переговорить съ своимъ слугой по частному дѣлу, мистеръ Берклей вручилъ ему значительную сумму денегъ и увѣрилъ его, что онъ сдѣлаетъ все, что было въ его власти, для облегченія тюремнаго заключенія. При разспросахъ онъ узналъ, что тѣмъ, кто былъ приговоренъ къ заключенію за болѣе мелкіе проступки, дозволялось получать пищу со стороны, если кто-нибудь присылаетъ ее, и что имъ не воспрещалось также

курить. Это было очень хорошо, и мистеръ Берклей воспользовался этими позволеніями во всей полнотѣ, поручивъ одному изъ лучшихъ ресторановъ города присылать по новому адресу Антоніо двѣ роскошныхъ трапезы ежедневно и доставилъ самолично къ дверямъ тюрьмы два ящика отборныхъ сигаръ. При этомъ случаѣ мистеръ Берклей, какъ я боюсь, забылъ о своихъ принципахъ настолько, что сунулъ въ руку тюремщика нѣсколько золотыхъ монетъ.

Кара, которой былъ подвергнутъ Антоніо, не отличалась особенною строгостью. Въ дѣйствительности, ему предоставляли разгуливать и дѣлать, что онъ хотѣлъ. Единственное неудобство его положенія заключалось въ крайней неопрятности какъ всего этого мѣста, такъ и его обитателей. Въ теченіе лѣта эта неопрятность сдѣлала бы заключеніе почти невыносимымъ для человѣка, привыкшаго къ опрятности сѣверныхъ странъ; но теперь былъ конецъ ноября, и погода стояла прохладная и пріятная. Антоніо зналъ, что жалобы были безполезны и лишь возбудили бы противъ него неудовольствіе какъ со стороны властей, такъ и со стороны тѣхъ, съ кѣмъ онъ долженъ былъ жить въ теченіе назначеннаго времени. Итакъ, устроившись возможно удобнѣе въ этомъ довольно непріятномъ мѣстѣ, онъ цѣликомъ отдался единственному изученію, которое когда-либо дѣйствительно интересовало его—изученію человѣческаго характера.

Антоніо скоро замѣтилъ, что трое изъ его товарищей по заключенію пользовались замѣтнымъ почтеніемъ не только со стороны товарищей по несчастью, но и со стороны служащихъ при тюрьмѣ. Онъ спросилъ одного человѣка, съ которымъ случайно свелъ знакомство, кто они такіе. Тотъ шопотомъ сообщилъ, что это—извѣстные агенты *камморры*, приговоренные къ заключенію на нѣсколько недѣль по какому-то неважному обвиненію, но что, по общему убѣжденію, они нарочно совершили проступокъ съ цѣлью попасть сюда и убѣдиться, что правила ихъ общества строго соблюдались въ стѣнахъ этой тюрьмы.

Антоніо не чувствовалъ никакой вражды къ *камморрѣ* за наказаніе, которое она на него навлекла. Онъ принялъ участіе въ открытой войнѣ противъ этого общества и былъ побѣжденъ. По его понятіямъ о чести, ударъ, нанесенный ему, былъ вполнѣ допустимъ; сверхъ того, онъ вовсе не желалъ доводить дѣло до крайностей и твердо былъ намѣренъ примириться съ этимъ обществомъ,—силу котораго онъ зналъ,—тотчасъ же, какъ только мистеръ Берклей покинетъ Неаполь. Настоящій случай, можетъ быть, былъ удобенъ для перваго шага въ сторону примиренія, а такъ какъ, вдобавокъ, и любопытство Антоніо было возбуждено этими таинственными тремя лицами, то онъ постарался попасться имъ нѣсколько разъ навстрѣчу. Сначала они просто не замѣчали его существованія, но когда его вниманіе сдѣлалось болѣе неотступнымъ, одинъ изъ нихъ спросилъ его: «Что тебѣ нужно?—та-

кимъ тономъ, который разомъ показалъ, что всѣ попытки къ примиренію лучше было отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Но еще раньше вечера онъ удостоился чести познакомиться съ ними. Около пяти часовъ онъ былъ позванъ въ кабинетъ, гдѣ тюремщикъ вручилъ ему два ящика сигаръ, оставленныхъ мистеромъ Берклеемъ у воротъ тюрьмы за полчаса передъ тѣмъ. Антоніо былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы обнаружить въ такомъ мѣстѣ имѣвшіяся у него деньги, но въ то же время онъ желалъ расположить этого человѣка въ свою пользу.

— Къ несчастью, у меня при себѣ едва ли есть здѣсь хоть что-нибудь,—сказалъ онъ,—но я не забуду васъ, когда выйду отсюда.

Тюремщикъ весьма почтительно поклонился и вышелъ. Но едва онъ удалился, какъ вошли тѣ трое, взяли сигары и преспокойно ушли. Все это было продѣлано съ такимъ дѣловымъ видомъ, что удивленный Антоніо, вообще привыкшій къ сдержанности, не успѣлъ заявить никакого протеста; прежде чѣмъ онъ собрался съ мыслями, они уже исчезли. Онъ тотчасъ же розыскалъ тюремщика и разсказалъ ему о случившемся.

— Они всегда разыгрываютъ подобныя шутки съ новопришедшими,—отвѣчалъ тотъ;—вамъ лучше бы не поднимать шума изъ-за этого, а то вы можете нажить себѣ хлопотъ.

Знакомецъ, первый сообщившій Антоніо свѣдѣнія относительно этихъ трехъ, далъ подобный же совѣтъ.

Антоніо размышлялъ обо всемъ этомъ, а его угнетатели разгуливали взадъ и впередъ передъ нимъ, съ удовольствіемъ покуривая сигары. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что покорность, пожалуй, была лучшей политикой.

Въ этотъ день онъ не полдничалъ, а потому сильно воспрянулъ духомъ, когда, въ семь часовъ, былъ снова вызванъ въ маленькую комнату и нашелъ на столѣ роскошный обѣдъ. Въ первый разъ онъ благословилъ мистера Берклея отъ всего сердца, которое было тѣмъ полнѣе, что желудокъ былъ такъ пустъ. Но едва Антоніо присѣлъ къ столу, какъ вошла та же фатальная троица, столкнула его съ кресла, усѣлась за столъ и быстро покончила съ изысканнымъ обѣдомъ.

Когда они кончили, одинъ изъ нихъ бросилъ Антоніо небольшой кусокъ хлѣба и сказалъ:

— Вотъ тебѣ ужинъ, если ты голоденъ.

Послѣ этого говорившій и его товарищи встали и вышли изъ комнаты.

Размышленія Антоніо были не веселы, когда онъ жевалъ свою корку; не дѣлались они веселѣе и въ теченіе тѣхъ долгихъ часовъ, когда онъ въ безсонницѣ ворочался на своей постели. Было ясно, что всѣ низшія должностныя лица въ тюрьмѣ такъ же, какъ и заключенные, или были сообщниками этихъ агентовъ *камморры*, или боялись ихъ, а потому въ теченіе двухнедѣльнаго срока онъ вполнѣ былъ въ ихъ власти.

Открытое сопротивленіе было бы безуміемъ; однако, что же ему дѣлать? Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ онъ такъ привыкъ къ обильному и сравнительно утонченному питанію, что сидѣніе на хлѣбѣ и водѣ казалось ему лишь немногимъ лучше полнаго голоданія. Онъ могъ бы, несомнѣнно, покупать себѣ черезъ тюремщика съѣстные припасы на тѣ деньги, которыя хранились у него въ карманѣ, но имѣлось полное основаніе ожидать, что и эта пища уйдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и присланная его господиномъ. Не подкупить ли ему своихъ мучителей? Но они найдутъ, пожалуй, болѣе удобнымъ отнять у него и деньги, чѣмъ идти ради нихъ на уступки. Итакъ, онъ не могъ придти ни къ какому рѣшенію.

Часы медленно потянулись одинъ за другимъ. Наконецъ, наступилъ часъ пополудни, и тюремщикъ вѣжливо сообщилъ Антоніо, что его полдникъ принесенъ и стоитъ наготовѣ. Какъ только Антоніо усѣлся за столъ, тѣ трое, какъ онъ и ожидалъ, опять появились. Никогда впослѣдствіи онъ самъ не могъ рѣшить, что происходило въ его головѣ въ этотъ моментъ; по временамъ онъ былъ склоненъ думать, что его поступокъ былъ результатомъ рѣшенія, къ которому онъ пришелъ въ теченіе своего долгаго размышленія, иногда ему казалось, что онъ дѣйствовалъ просто подъ вліяніемъ голода. Мое личное мнѣніе таково, что онъ разъ во всю свою жизнь сдѣлался жертвой одного изъ тѣхъ дикихъ припадковъ необузданнаго гнѣва, которому подвержено большинство неаполитанцевъ. Какъ бы тамъ ни было, едва дверь затворилась за его мучителями, какъ перваго изъ нихъ онъ свалилъ на землю хорошо направленнымъ ударомъ въ зубы, второго согнулъ вдвое сильнымъ ударомъ въ животъ; затѣмъ, повернувшись къ третьему, раскрывавшему въ это время длинный ножъ, схватилъ его за горло, вырвалъ оружіе, а самого его отшвырнулъ въ уголъ. Все трое встали, отряхнулись, вопросительно взглянули другъ на друга и тихо вышли.

Антоніо сѣлъ на свое кресло, истощенный не столько физическимъ усиліемъ, сколько волненіемъ. Все его тѣло трепетало, комната кружилась и ходуномъ ходила передъ его глазами. Но онъ сознавалъ, что не долженъ уступать. Нетвердой рукой онъ налилъ себѣ полстакана вина и выпилъ залпомъ. Это привело въ порядокъ его чувства. Теперь жребій былъ брошенъ; каковы бы ни были послѣдствія, онъ не отступитъ передъ этими людьми. Его аппетитъ совершенно исчезъ, но онъ долженъ ѣсть свой полдникъ, чтобы показать, что онъ не испугался. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ его аппетитъ вернулся, и онъ усердно принялся за ѣду. Черезъ полчаса, когда тюремщикъ вошелъ убрать посуду, Антоніо уже кончилъ свою трапезу и собрался съ мыслями.

— Не будете ли вы настолько добры,—сказалъ онъ,—сходить къ тѣмъ господамъ, которые недавно были здѣсь, и сказать имъ, что они премного обязали бы меня, если бы прислали мнѣ сигару?

Тюремщикъ тотчасъ же отправился и черезъ двѣ или три минуты вернулся съ желаемою вещью.

Антоніо закурилъ сигару и съ беззаботнымъ видомъ побрелъ на дворъ. Здѣсь все было спокойно. Очевидно, сюда не проникло никакихъ свѣдѣній относительно случившагося, иначе заключенные толковали бы объ этомъ группами, или, еслибы это было воспрещено, боязливо сторонились бы отъ него и, во всякомъ случаѣ, смотрѣли бы на него съ любопытствомъ. Ужъ не скрыли ли тѣ трое полученный ими отпоръ, чтобы не ослабить возбуждаемый ими здѣсь страхъ? Если это такъ, то съ ними, пожалуй, можно будетъ придти къ соглашенію, но только первые шаги должны быть сдѣланы съ ихъ стороны.

Едва онъ кончилъ свою сигару, какъ тюремщикъ сообщилъ ему, что господа, съ которыми онъ обѣдалъ вчера вечеромъ, очень желали бы выпить съ нимъ стаканъ вина въ обѣденной комнатѣ. Антоніо немедленно принялъ приглашеніе. Бѣгство, какъ онъ зналъ, было невозможно; въ то же время онъ рѣшилъ, что, пока онъ находится въ тюрьмѣ, наврядъ ли рѣшатся сдѣлать покушеніе на его жизнь. Его врагамъ, вѣроятно, хорошо было извѣстно, что его господинъ не такой человѣкъ, чтобы позволить замять подобное дѣло. Послѣ освобожденія онъ, разумѣется, будетъ находиться въ постоянной опасности, а потому всего лучше будетъ вернуться въ Англію съ мистеромъ Берклеемъ.

Недавніе противники встрѣтили Антоніо съ величайшею вѣжливостью. Одинъ изъ нихъ наполнилъ стаканъ виномъ и, подавая его Антоніо, сказалъ:

— Такъ какъ вы прислали за сигарой, то намъ пришло въ голову, что вы, можетъ быть, желали бы имѣть въ своихъ рукахъ и остальныя. Ну, такъ вотъ онѣ!

При этихъ словахъ онъ указалъ на два ящика, стоявшіе на столѣ.

— Можетъ быть, было бы удобнѣе, если бы каждый взялъ свою долю. Раздѣлимте ихъ.

Антоніо произнесъ это тономъ человѣка, который совѣщается, а не проситъ.

— Пожалуйста, сядьте.

Антоніо сѣлъ.

Что произошло во время этого свиданіи—навсегда осталось неизвѣстнымъ для всѣхъ, кромѣ участниковъ этой бесѣды. Но, начиная съ этого дня, Антоніо сдѣлался неразлучнымъ товарищемъ своихъ недавнихъ преслѣдователей и пользовался всѣми преимуществами, которыми пользовались и они. Онъ не только былъ освобожденъ отъ всякихъ безпокойствъ, но его товарищи по заключенію и тюремщики держали себя по отношенію къ нему такъ, словно первые изъ нихъ были его подданными, а вторые—его слугами. Каждый изъ живущихъ въ тюрьмѣ зналъ, что онъ былъ принятъ на службу *камморры*.

Когда срокъ заключенія Антоніо истекъ, мистеръ Берклей прислалъ за нимъ въ тюрьму карету и ждалъ его въ своей комнатѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Онъ не только сильно чувствовалъ отсутствіе услугъ Антоніо, но и сознавалъ, что тотъ страдалъ ради него. Пріемъ, оказанный имъ своему слугѣ, былъ, поэтому, такъ сердеченъ, что едва ли могъ бы быть названъ снисходительнымъ. Послѣ самаго дружескаго привѣтствія мистеръ Берклей сообщилъ ему, что онъ желалъ возможно скорѣе выѣхать изъ этого воровского гнѣзда и все уже приготовилъ къ отъѣзду. Свой ботъ онъ продалъ за треть его первоначальной стоимости, и теперь намѣревался отправиться черезъ два дня.

— Я уѣхалъ бы еще недѣлю тому назадъ,—дабавилъ онъ.—Но я желалъ дать тебѣ возможность вернуться вмѣстѣ со мной.

Антоніо былъ сама благодарность и преданность. Ничто не доставило бы ему лично большаго удовольствія, чѣмъ сопровожденіе мистера Берклея хоть на край свѣта. Но только онъ, Антоніо, ничего не можетъ дѣлать безъ разрѣшенія своего отца. Не позволитъ ли ему мистеръ Берклей отлучиться и переговорить объ этомъ дѣлѣ со старикомъ?

Разумѣется, согласіе было дано немедленно.

Когда мистеръ Берклей явился въ тратторію обѣдать, онъ увидалъ на лицѣ Антоніо выраженіе сильнаго унынія и нашелъ, что обыкновенно почтительный отецъ былъ глухъ ко всѣмъ доводамъ. Его сынъ былъ достаточно великъ, чтобы поступить независимо, сказалъ онъ, и у него, отца, нѣтъ никакихъ средствъ принудить сына къ повиновенію; но если тотъ цѣнитъ его благословеніе или, вѣрнѣе, желаетъ избѣгнуть его проклятія, онъ никогда не долженъ отправляться снова въ чужіе края. При этихъ словахъ отецъ поставилъ на столъ тарелки почти что со стукомъ. Онъ трудился для своего мальчика и любилъ его,—говорилъ онъ далѣе,—и если взамѣнъ этого самъ онъ не пріобрѣлъ любви, то это уже не его вина. Онъ становится старъ и нуждается, чтобы кто-нибудь позаботился о немъ теперь; правда, онъ не можетъ давать сыну такого хорошаго платья и такой пищи, какъ его иностранные господа, и тотъ воленъ, разумѣется, цѣпляться за нихъ, если это ему нравится.

Тутъ Антоніо обнялъ своего отца и увелъ его.

Англичанинъ былъ сильно тронутъ этой маленькой комедіей, которую отецъ съ сыномъ подготовили вмѣстѣ за полчаса передъ этимъ, и уже не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ склонить своего слугу вернуться съ нимъ въ Англію. Однако, при прощаніи онъ сказалъ:

— Мнѣ очень жаль оставить тебя въ этой безднѣ беззаконія, хотя я знаю, что твоя честность выше искушеній. Помни, что ты всегда будешь имѣть надежныхъ друзей въ мистерѣ Вилльямсѣ и во мнѣ.

— Каждый долженъ исполнять свой долгъ,—отвѣтилъ юноша съ такимъ взглядомъ, который болѣе краснорѣчиво выразилъ его благодарность, чѣмъ могли бы это сдѣлать слова.

Исторія болѣе поздней жизни дона Антоніо прикрыта тайной. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онъ часто служилъ въ качествѣ проводника при партіяхъ путешественниковъ, желавшихъ ознакомиться съ окрестностями его родного города, а одно англійское семейство, у котораго въ Неаполѣ заболѣлъ курьеръ, онъ сопровождалъ даже до Турина. Во всѣхъ этихъ случаяхъ имъ, повидимому, оставались вполнѣ довольны. Тѣмъ временемъ его отношеніи къ *каморрѣ* продолжались. Хотя сперва онъ занималъ постъ не особенно отвѣтственный, но, во время политическихъ перемѣнъ слѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ, его тактъ и знанія оказались необыкновенно полезными для его нанимателей; и онъ, должно быть, оказалъ имъ какія-нибудь выдающіяся услуги, такъ какъ разомъ былъ допущенъ къ самому полному довѣрію, какое они когда-либо оказывали подчиненному. Около этого именно времени онъ окончательно отказался отъ своего намѣренія сдѣлаться курьеромъ и принялъ мѣсто, предложенное ему одной довольно видной коммерческой фирмой. Согласно состоявшемуся соглашенію, онъ взялся переводить французскую и англійскую корреспонденцію этой фирмы за небольшое мѣсячное вознагражденіе, но при этомъ выговорилъ, что работа будетъ производиться имъ дома. Съ тѣхъ поръ эта секретарская работа сдѣлалась его показнымъ источникомъ средствъ существованія, но обязанности, налагаемыя ею, были не тяжелы. Какое положеніе онъ теперь занимаетъ въ *каморрѣ* — этого не знаетъ никто, кромѣ высшихъ членовъ этого общества. Весьма вѣроятно, что одна изъ его обязанностей состояла въ поддерживаніи сношеній между ними и Capi Paranze *); но для простого народа Неаполя онъ былъ воплощеніемъ той таинственной власти, которую нѣкоторые изъ нихъ любятъ, многіе боятся и которой всѣ повинуются. Доказательствомъ необычайной ловкости дона Антоніо могло служить то обстоятельство, что, хотя полиція хорошо знала о его роли въ *каморрѣ* и тщательно слѣдила за нимъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, она не въ состояніи была предъявить къ нему хоть какое-нибудь обвиненіе.

V.

Теперь половина шестого вечера, и улицы кишатъ народомъ, но щеголеватый и не посѣщаемый кіоскъ для продажи воды, который мы замѣтили утромъ, запертъ. Владѣлица его сидитъ теперь въ одной изъ сосѣднихъ узкихъ улицъ, у двери дома, въ которомъ она живетъ; ея руки сложены на колѣняхъ, а на ея исхудаломъ лицѣ замѣтно выраженіе глубокаго уныній, почти отчаянія. Сосѣдки собрались въ кучку около другой уличной двери, но никто изъ нихъ не обращаетъ на эту женщину никакого вниманія, за исключеніемъ одного маленькаго чер-

*) Старшіе члены каморры. *Прим. пер.*

тенка, который время отъ времени подбѣгаетъ къ ней на растояніе нѣсколькихъ шаговъ и тутъ произноситъ самыя неподдѣльныя неаполитанскія проклятія, стараясь возможно ближе подражать болонскому нарѣчію. Однако, она такъ занята своими мыслями, что едва замѣчаетъ его. По ея постояннымъ взглядамъ вдоль улицы можно заключить, что она поджидаетъ кого-то. Она не особенно долго ждала, какъ на улицѣ появляется донъ Антоніо; тогда она встаетъ и манитъ его слѣдовать за ней въ домъ, что тотъ тотчасъ же и дѣлаетъ.

— Сколько это составитъ? — вполголоса спрашиваетъ она, какъ только дверь затворилась.

Донъ Антоніо вынимаетъ изъ кармана записную книжку и начинаетъ перелистывать ея страницы. Просмотрѣвъ эту книжку, вы не нашли бы въ ней ничего, кромѣ записи мелкихъ личныхъ расходовъ. Однако, эти цифры имѣютъ совершенно иное значеніе для владѣльца книжки.

— Двадцать три лиры и тридцать чентизимовъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Какъ же я могу уплатить двадцать три лиры?—говоритъ она тономъ, въ которомъ столь же слышится вопросъ къ самой себѣ, какъ и къ ея собесѣднику.

— А зачѣмъ вы навлекали на себя штрафъ? — возражаетъ донъ Антоніо.

— Но, вѣдь, вы сами видите, что я не могу заплатить эту сумму,— говоритъ она, окидывая взглядомъ свою пустую и бѣдную, хотя и опрятную, комнату. — Какая вамъ будетъ польза, если вы разорите меня?

— Это научитъ другихъ не слѣдовать вашему примѣру.

— Но если бы я подчинилась теперь и стала дѣлать, что́ я могу?

— Штрафъ долженъ быть уплаченъ; всякая скидка была бы лишь поощреніемъ упрямства.

— Тогда я должна буду закрыть свою лавочку, распродать всѣ мои вещи и жить милостыней.

— Вамъ слѣдовало бы подумать объ этомъ девять мѣсяцевъ тому назадъ...

— Но теперь... этого уже не воротишь... Неужели у васъ нѣтъ жалости? Неужели я трудилась всю жизнь, чтобы придти къ этому?

Донъ Антоніо молчитъ почти съ полминуты.

— Не возьметесь ли вы уплатить штрафъ частями вмѣстѣ съ обычными платежами?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Я согласна сдѣлать все, что́ только могу.

— Ну, тогда донъ Джіакомо, можетъ быть, ссудитъ вамъ эту сумму, т. е. уплатитъ ее мнѣ за васъ; но вы должны будете выдать ему росписку, что вы получили отъ него эти деньги взаймы и обяжетесь уплачивать... дайте мнѣ собразить... полъ-лиры въ недѣлю. Согласны вы на такія условія?

— Я должна быть согласна,—отвѣтила женщина тономъ, въ которомъ слышались и покорность, и облегченіе.

— Тогда намъ пора идти.

Когда они идутъ по улицѣ вмѣстѣ, сосѣдки киваютъ другъ другу и перешептываются. Онѣ знаютъ, что гордый духъ, наконецъ, сломленъ, и всѣ ихъ симпатіи цѣликомъ на сторонѣ побѣдителя. Подойдя вмѣстѣ съ этой женщиной къ ея кіоску для продажи воды, донъ Антоніо ждетъ, пока она отпираетъ кіоскъ, и затѣмъ получаетъ стаканъ лимонной воды.

— Не падайте духомъ,—говоритъ онъ, уплачивая свой сольдо,—я полагаю, ваши дѣла пойдутъ лучше въ будущемъ.

Съ этими словами онъ покидаетъ скверъ, дружески кивнувши собственнику соперничествующаго заведенія, который слѣдилъ за всей этой сценой съ выраженіемъ крайняго неудовольствія, такъ какъ знаетъ, что съ этихъ поръ потребители не будутъ больше обѣгать заведенія вдовы.

Достигнувъ Санта-Лючіи, донъ Антоніо видитъ, что ожидающіе его рыбаки находятся въ наилучшемъ настроеніи,—они не только получили, вмѣсто украденной рыбы, другую одинаковой цѣнности, но и списокъ мѣстъ, куда они были въ состояніи немедленно сбыть свой товаръ съ большой выгодой. Разноской предписаній, относительно этой части дѣла Пеппиньелло и былъ занятъ въ болѣе раннюю часть дня. Въ перечнѣ именъ значилось нѣсколько такихъ лицъ, которыхъ ни вы, ни онъ никогда не заподозрили бы въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ *каморрой*.

Вся внѣшность рыбаковъ выражала благодарность и удивленіе, но старшій, судя по его манерамъ, казалось, былъ нѣсколько озабоченъ. Когда донъ Антоніо собирается сѣсть въ лодку, онъ говоритъ.

— Донъ Джіакомо просилъ насъ свезти его до Прочиды; подождать ли намъ его?

— Конечно.

— А въ какую лодку намъ посадить его?

— Въ вашу собственную.

Лицо рыбака разомъ проясняется, и онъ начинаетъ разстилать свой плащъ и плащъ своего брата на кормовой лавочкѣ, чтобы доставить своимъ гостямъ, которыхъ онъ уважаетъ, возможно больше удобствъ.

Едва онъ кончилъ эти приготовленія, какъ появляется осанистый и хорошо одѣтый неаполитанскій купецъ, за которымъ слѣдуетъ оборванный мальчикъ, несущій ярко-красный дорожный мѣшокъ. Это—донъ Джіакомо, одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей его класса въ цѣломъ городѣ. У него для каждаго имѣется шутка и ласковое слово, ни одному человѣку не служатъ съ такой охотой, какъ ему. За послѣднее время, однако, донъ Джіакомо нѣсколько скупъ на проявленіе своего таланта. Онъ, несомнѣнно, пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, перешагнувшій

пятидесятую годовщину рожденія, долженъ имѣть, или, по крайней мѣрѣ, показывать болѣе серьезный складъ ума. Можетъ быть, подобныя же соображенія побуждаютъ его регулярнѣе посѣщать церковь и приглашать приходскаго священника обѣдать чаще, чѣмъ онъ привыкъ дѣлать. Ибо если въ этомъ мірѣ дѣла его идутъ хорошо, то, вполнѣ естественно, онъ желаетъ подготовить себѣ возможно лучшее положеніе и на томъ свѣтѣ. Онъ, однако, все еще отдаетъ явное предпочтеніе праздничнымъ днямъ передъ днями поста, указанными въ календарѣ. Это было бы диво, если бы донъ Джіакомо когда-нибудь забылъ день святого, дающаго религіозную санкцію для хорошаго обѣда, выпивки и веселаго общества. Между тѣмъ, надо признаться, его память нѣсколько ненадежна насчетъ пятницъ и постныхъ дней наканунѣ праздниковъ. Въ такихъ случаяхъ онъ надлежащимъ образомъ кается каждый разъ, вспоминая о нихъ, и принимаетъ твердое рѣшеніе исправиться на будущее время; ну, а чего же болѣе можно требовать отъ пожилого джентльмена, дѣла котораго находятся въ цвѣтущемъ положеніи?

А дѣла дона Джіакомо сильно процвѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ свою карьеру кухоннымъ мальчикомъ въ одной маленькой неаполитанской тавернѣ; теперь онъ владѣлъ двумя трактиріями, табачной лавкой и большимъ складомъ винъ. Кто намѣревается остаться въ Неаполѣ на продолжительное время, сдѣлаетъ хорошо, получая вино отъ него, такъ какъ онъ гордится тѣмъ, что никогда не продаетъ плохого или подмѣшаннаго вина; и лишь немногіе виноторговцы могутъ соперничать съ нимъ въ знаніи окрестныхъ виноградниковъ и ихъ винограда. Цѣна, которую вы заплатите, разумѣется, будетъ зависѣть отъ его свѣдѣній о вашихъ средствахъ и вашего знакомства съ рыночными цѣнами: донъ Джіакомо—человѣкъ старой школы, любящій поторговаться изъ любви къ искусству и относящійся съ невыразимымъ презрѣніемъ къ цѣнамъ безъ запроса, какъ къ новѣйшей попыткѣ прирожденныхъ дураковъ стать на одну доску съ понимающими людьми, и какъ къ нелѣпости, явно противорѣчащей волѣ Неба.

Его дѣла обширны, но онъ управляется съ ними одинъ и безъ помощи такихъ новомодныхъ искусствъ, какъ чтеніе и письмо, которыя онъ никогда не былъ въ состояніи одолѣть. У него есть, разумѣется, служащіе, но донъ Джіакомо полагается на свою память гораздо болѣе, чѣмъ на ихъ книги, на которыя онъ смотритъ, какъ на необходимое пособіе лишь для слабыхъ умовъ. Однако, ему служатъ хорошо, онъ имѣетъ хорошій глазъ, выбираетъ служащихъ тщательно и основательно испытываетъ ихъ, прежде чѣмъ довѣрить имъ отвѣтственное мѣсто. Онъ получаетъ большую прибыль, хотя ведетъ дѣло честно. Свои долги онъ уплачиваетъ съ крайнею аккуратностью, и хотя при наймѣ конторщика или слуги сбиваетъ плату до возможно болѣе низкаго предѣла, въ концѣ года онъ часто выдаетъ служащему награду, значительно превышающую выторгованную у него сбавку съ

жалованья, если только находитъ его дѣйствительно полезнымъ. Хорошій работникъ, поступая къ нему на службу, могъ бы прямо сказать: «Я приму плату, которую вы найдете справедливой для меня по прошествіи недѣли или мѣсяца». И это было не все. Нерѣдко случается, что донъ Джіакомо распродаетъ часть своего вина по цѣнамъ, значительно превышающимъ тѣ, на которыя онъ разсчитывалъ при покупкѣ его, и въ такихъ случаяхъ онъ неизмѣнно посылаетъ крестьянину, у котораго было куплено вино, извѣстную часть прибыли.

Онъ также весьма щедръ, и многія бѣдныя женщины, которымъ онъ помогалъ въ нуждѣ, удивлялись, почему святые не услышали ихъ молитвъ о такомъ добромъ человѣкѣ и не даровали ему дѣтей. Но онъ и весьма разсчетливъ и будетъ торговаться изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ полчаса даже и тогда, когда ему время дорого. Сегодня онъ въ веселомъ настроеніи и, желая порисоваться скупостью, даетъ мальчику, несшему его мѣшокъ, всего лишь два сольдо. Мальчикъ, зная, что въ концѣ-концовъ онъ не останется въ накладѣ, безпрекословно принимаетъ монету, съ улыбкой дотрогивается до своей шапочки и уходитъ, пока донъ Джіакомо усаживается около дона Антоніо.

Сначала бесѣда между этими двумя людьми идетъ самая обыкновенная и часто прерывается громкими шутками съ рыбаками, но скоро голоса ихъ понижаются и дѣлаются серьезнѣе, начинается обсужденіе важныхъ дѣловыхъ вопросовъ. Какъ ни различны эти люди, они не только имѣютъ общіе важные интересы и секреты, но и чувствуютъ другъ къ другу сильное расположеніе и большое довѣріе, хотя при встрѣчахъ въ присутствіи постороннихъ держатся, какъ люди мало знакомые. Лишь въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда они не доступны ничьему наблюденію, кромѣ тѣхъ, на кого они могутъ положиться, ихъ манеры дѣлаются дружескими. Послѣ того, какъ было улажено нѣсколько дѣлъ вродѣ дѣла владѣлицы водяного кіоска, донъ Джіакомо откидывается назадъ на сидѣньѣ и говоритъ тономъ человѣка, переходящаго отъ серьезной бесѣды къ болѣе легкой темѣ.

— Ну, я видѣлъ мальчика, о которомъ вы говорили, и думаю, онъ годится.

— Тогда надо лишь уговориться относительно подробностей.

— Которыя всегда важнѣе всего для дѣла. Что именно вы предлагаете?

— Чтобы вы приняли его къ себѣ на службу и приставили къ какой-либо работѣ, для которой вы найдете его годнымъ, — словомъ, чтобы вы пристроили его, если онъ окажется подходящимъ.

— Далѣе?

— На первыхъ порахъ вы будете давать ему полдника — куска хлѣба и глотка вина будетъ достаточно—и семьдесятъ пять чентизимовъ въ день.

— Семьдесятъ пять чентизимовъ маленькому бездѣльнику трина-

пати лѣтъ! О, я понимаю, его друзья готовы платить эту сумму за его содержаніе и обученіе; очень хорошо.

Все лицо Дона Антоніо озаряется улыбкой, когда онъ говоритъ:

— Мой дорогой другъ, я прошу васъ о принятіи Пеппиньелло не въ видахъ вашей выгоды, а какъ о личномъ одолженіи для меня.

— Правда, правда, — отвѣчаетъ донъ Джіакомо, нѣсколько сдаваясь, — это мѣняетъ дѣло. Только если бы дѣло шло о полъ-лирѣ, я не такъ бы заботился объ этомъ, но семьдесятъ пять чентизимовъ!

— Хорошо. Пусть будетъ полъ-лиры; остальныя пять сольдо я буду доплачивать самъ, но только они должны поступить къ нему черезъ ваши руки, и онъ никогда не долженъ знать, что они идутъ отъ меня.

Теперь настала очередь дона Джіакомо смѣяться, что̀ онъ и дѣлаетъ отъ всей души, такъ какъ ему кажется крайне нелѣпой мысль, что его другъ, по поводу прямолинейности котораго онъ такъ часто сожалѣлъ, станетъ тайкомъ доплачивать одному изъ его служащихъ. Но веселость дона Джіакомо скоро уступаетъ мѣсто любопытству, и онъ внезапно спрашиваетъ съ пристальнымъ взглядомъ:

— Но почему вы такъ интересуетесь этимъ мальчикомъ?

— Онъ былъ мнѣ необыкновенно полезенъ; я испыталъ его и нашелъ заслуживающимъ полнаго довѣрія.

— Тогда, — говоритъ донъ Джіакомо совершенно искреннимъ тономъ,—я сдѣлаю для него все, что̀ могу,—все, что̀ вы найдете нужнымъ. Но что, если бы я совсѣмъ взялъ его въ домъ? Я далъ бы ему помѣщеніе, хорошо кормилъ и одѣвалъ бы его. Вы удивились бы при видѣ того, какъ скоро этотъ маленькій скелетъ пріобрѣлъ бы себѣ удобный костюмъ изъ мяса. Ну, а по воскресеньямъ и праздникамъ ему перепадали бы иногда и мѣдныя монеты. Не лучше ли это было бы, чѣмъ оставлять его биться самостоятельно?

— Это, несомнѣнно, было бы лучше, если бы только у него никого не было на рукахъ.

— У него на рукахъ? Что вы хотите этимъ сказать?

Донъ Антоніо разсказалъ исторію Пеппиньелло. Донъ Джіакомо былъ сильно тронутъ.

— Я отправлюсь къ этимъ бѣднымъ ребятишкамъ завтра же и уведу ихъ изъ этой несчастной берлоги,—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, этого-то именно вы и не должны дѣлать. Они такъ долго жили тамъ, что лишній мѣсяцъ или два не принесутъ имъ особеннаго вреда, а, затѣмъ, мальчикъ не долженъ думать, что онъ вступилъ въ новую жизнь, гдѣ ему не надо ничего дѣлать, а лишь забавляться. Онъ попрежнему долженъ сознавать, что ему слѣдуетъ полагаться лишь на самого себя и что онъ зарабатываетъ все то, что̀ получаетъ. Это тотъ путь, которымъ вы достигли своего теперешняго положенія, донъ Джіакомо, и, повѣрьте, это единственный путь сдѣлать настоящаго человѣка.

— Ну, пожалуй, вы и правы. Я ничего не предприму, не посовѣтовавшись предварительно съ вами. Присылайте мнѣ мальчика, когда хотите.

— По временамъ онъ, можетъ быть, будетъ нуженъ мнѣ для нѣкоторыхъ порученій; но это будетъ не часто.

— Онъ всегда будетъ къ вашимъ услугамъ, какъ, въ дѣйствительности, и я самъ, и все, что́ мнѣ принадлежитъ.

Лодка подошла къ берегу. Выходя, донъ Антоніо говоритъ шопотомъ старшему рыбаку, помогавшему ему выйти:

— Въ слѣдующій разъ, когда вы привезете на рынокъ рыбу, Франческо, вы получше караульте ее, такъ какъ я не буду отвѣчать за ея цѣлость.

Рыбакъ настолько пораженъ, что не можетъ сразу ничего отвѣтить: когда же онъ подыскалъ слово донъ Антоніо прошелъ уже половину ступенекъ, ведущихъ къ большой дорогѣ.

Когда донъ Антоніо направляетъ свои шаги восвояси, онъ слышитъ, какъ его другъ затягиваетъ на пути веселую пѣсню. Донъ Антоніо идетъ медленно, опустивъ голову на грудь, какъ бы въ глубокой задумчивости. Пѣсня замираетъ вдали и ночныя тѣни сгущаются вокругъ него раньше, чѣмъ онъ входитъ въ городъ.

Д. Муратовъ.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

*(Окончаніе *).*

VII.

Международная организація посредничества.

1.

Рынки областные, національные и международный.—Увеличеніе централизаціи и причины ея роста.—Биржевыя мѣры: *schluss*'ы.

Въ средніе вѣка, когда города были невелики и удовлетворяли своимъ потребностямъ продуктами изъ ближайшихъ окрестностей, отношенія на хлѣбномъ рынкѣ отличались простотой. Еще и нынѣ въ уѣздномъ и даже губернскомъ городѣ потребители получаютъ много земледѣльческихъ продуктовъ прямо изъ рукъ производителей. Если и встрѣчаются посредники, то они малочисленны, и кругъ ихъ дѣятельности узокъ. Только въ отношеніи къ хлѣбу посреднической механизмъ оказался болѣе сложнымъ, хотя и здѣсь мельникъ часто покупаетъ непосредственно отъ земледѣльца.

Въ средніе вѣка простота была еще больше, усилія муниципальныхъ совѣтовъ были направлены къ тому, чтобы сблизить потребителей съ производителями.

Земледѣльцу дозволено было продавать хлѣбъ только на рынкѣ и въ опредѣленные часы; посреднику же запрещено было покупать заразъ больше опредѣленнаго количества. Словомъ, отношенія не были запутаны, количество доставляемаго продукта было незначительно и вообще торговля хлѣбомъ, тѣмъ болѣе другими земледѣльческими продуктами была мало развита.

Все это теперь измѣнилось до неузнаваемости. Торговля хлѣбомъ приняла такіе размѣры, что въ общемъ обмѣнномъ оборотѣ земного шара представляетъ наиболѣе важную статью. Въ прошломъ вѣкѣ Тюрго разсчиталъ, что международные обороты хлѣбомъ достигаютъ (на нынѣшнюю мѣру) 10—11 милліоновъ гектолитровъ; Юрашекъ для 1887 года опредѣлилъ эту цифру въ 569 милліоновъ гектолитровъ, т.-е. тор-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

говля зерномъ впродолженіи послѣдняго вѣка возросла почти въ 56 разъ. Что же касается стоимости, то цѣнность хлѣбнаго оборота въ 1879 г. на международномъ рынкѣ достигла 7,3 милліарда марокъ, что составляетъ около 16% всѣхъ оборотовъ на всемірномъ рынкѣ. Никакой другой товаръ не можетъ соперничать съ зерномъ по величинѣ транзакціи. Этотъ процентъ уменьшился въ послѣднее время, вслѣдствіе пониженія цѣнъ зерна, но все-таки занимаетъ первое мѣсто.

Это только часть фактическаго оборота. Ибо если статистика смогла высчитать количество хлѣба, переходящее съ мѣста на мѣсто въ международныхъ транзакціяхъ, зато она не располагаетъ никакими данными относительно оборотовъ, совершаемыхъ на національныхъ и провинціальныхъ рынкахъ.

Существуютъ разнаго рода рынки. Обычаи, свойственные каждой категоріи, отличаются другимъ характеромъ. Посредническій организмъ въ однихъ представляетъ относительно простое и неразвитое строеніе. Сложность его возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ обмѣнъ охватываетъ и соединяетъ все отдаленнѣйшія территоріи и въ концѣ достигаетъ самой высшей интенсивности на международномъ рынкѣ. Рядъ посредниковъ отдѣляетъ потребителя отъ производителя. «Дорога, которую проходитъ хлѣбъ отъ производителя къ потребителю, не коротка и не проста,—пишетъ Куртъ Виденфельдъ.—Многочисленныя станціи прерываютъ ея теченіе и многіе желаютъ заработать при этомъ случаѣ. Отъ экспортера онъ идетъ, при помощи одного или нѣсколькихъ агентовъ и одного экспедитора, къ импортерамъ, отъ нихъ снова, при посредствѣ агентовъ, въ руки мелкихъ торговцевъ, наконецъ, получаетъ его потребитель».

Разсмотримъ эту возрастающую сложность рынковъ и увеличеніе запутанности посредническаго механизма. Отъ мѣстнаго рынка, чрезъ послѣдующія звенья, мы перейдемъ къ всемірному.

Въ Германіи находится извѣстное количество провинціальныхъ рынковъ. Таковы: Познань, Магдебургъ, Галла, Лейпцигъ, Дрезденъ, Любекъ, Бременъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Штутгардтъ, Мюнхенъ, Страсбургъ. Они составляютъ торговые центры для окружающей окрестности: хлѣбъ прибываетъ въ видѣ зерна изъ ближайшей мѣстности и, пройдя мельницы, возвращается обратно въ тѣ же мѣста. Подъ тѣнью этихъ рынковъ скрываются еще меньшіе, уѣздные. Мельникъ покупаетъ хлѣбъ отъ земледѣльца въ небольшомъ количествѣ и не обращаетъ вниманія на однородность зерна. Потребители, обыкновенно деревенскіе жители, не требовательны и довольствуются худшимъ сортомъ муки, получаемымъ не изъ однороднаго зерна.

Надъ провинціальными рынками поднимается національный рынокъ.

Въ Германіи восточныя окраины производятъ избытокъ хлѣба, идущій въ промышленные округи на западъ. Мелкій посредникъ покупаетъ зерно отъ земледѣльца, собираетъ въ большомъ количествѣ и продаетъ

купцу изъ какого-нибудь большого биржевого города. Данцигъ, Кенигсбергъ и Берлинъ служатъ такими центрами для транспортовъ, высылаемыхъ на западъ. Особенно Берлинъ занялъ очень вліятельное положеніе. Даже въ международной торговлѣ онъ играетъ очень важную роль, какъ главный рынокъ для ржи. Хлѣбъ, идущій на западъ, собирается въ Мангеймѣ и до извѣстной степени въ Кельнѣ. Первый изъ этихъ центровъ господствуетъ надъ южной Германіей и Швейцаріей и имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Берлинъ.

Національный рынокъ находится подъ вліяніемъ заграничнаго хлѣба, который прибываетъ чрезъ порты въ Берлинъ и Мангеймъ.

Каждая страна представляетъ болѣе или менѣе такой же видъ. Надъ національными рынками возвышается международный. На территоріяхъ Америки, Индіи, Австраліи, Россіи находятся тысячи источниковъ, изъ которыхъ вытекаютъ маленькіе ручьи; они сливаются затѣмъ въ бо́льшіе, тѣ въ нѣсколькихъ экспортныхъ портахъ образуютъ громадный потокъ, льющійся въ Европу нѣсколькими рукавами, чтобы затѣмъ потонуть среди потребителей. Главнымъ центромъ соединенія ручьевъ является Лондонъ. Историческія условія, географическое положеніе и, наконецъ, то обстоятельство, что это самый большой городъ въ свѣтѣ, соединились, чтобы обезпечить за Лондономъ такое значеніе. Германцы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и Аргентины имѣютъ своихъ хлѣбныхъ агентовъ. Американскій и индійскій хлѣбъ, прежде чѣмъ придти на европейскій материкъ, проходитъ черезъ столицу Англіи. Въ послѣднее время Ливерпуль направилъ къ себѣ транспорты, приходящіе изъ западной и южной Америки; Антверпенъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ для смѣшиванія зерна.

Поднимаясь все выше и выше, отъ провинціальнаго рынка къ всемірному, мы встрѣчаемъ все возростающую централизацію въ торговлѣ. Централизація, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, составляетъ рычагъ прогресса и экономіи. Все толкаетъ къ ней. Большія берлинскія мельницы, перерабатывающія ежедневно отъ 120—160 тоннъ ржи, тѣмъ болѣе минеаполитанскія, поглощающія по 7.200 бушелей, не могутъ покупать хлѣбъ незначительными партіями: даже транспорты, которые могли бы высылать большія имѣнія, представляютъ здѣсь каплю въ морѣ. Такой предприниматель производитъ на основаніи «марокъ-образцовъ», къ которымъ продавецъ долженъ приспособлять свой продуктъ. Только крупный торговецъ можетъ удовлетворять этимъ требованіямъ. Большія мельницы по необходимости способствуютъ централизаціи въ развитіи посредническаго механизма. И цѣны транспорта уменьшаются, если онъ происходитъ большими партіями. Наконецъ, польза, доставляемая торговцу централизаціей, содѣйствуетъ ея росту. По мнѣнію Курта Виденфельда, сосредоточіе хлѣбныхъ дѣлъ на берлинской биржѣ очень сильно увеличилось въ послѣднее время. Этотъ процессъ подвинулся еще дальше въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно

на биржѣ въ Чикаго, которая считается самымъ главнымъ центромъ хлѣбной торговли. Одинъ изъ хлѣбныхъ королей въ Чикаго 25 іюля 1892 года владѣлъ 25 милліонами бушелей пшеницы, т. е. почти въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ средній сборъ этого хлѣба въ Королевствѣ Польскомъ въ 1888—1891 годахъ. Продажа милліона бушелей, т. е. 1,38 милліона четвертей за разъ, перестала быть рѣдкостью на биржѣ въ Чикаго. Централизація посредничества, нашедшая для себя самое яркое выраженіе въ срочныхъ сдѣлкахъ на биржѣ, создала соотвѣтственно большія единицы мѣры, такъ-наз. «*schluss*'ы». То минимальное количество хлѣба, ниже котораго сдѣлки нельзя совершать, имѣетъ на каждой биржѣ другое значеніе,—большее тамъ, гдѣ оборотъ значительнѣе. Вотъ «schluss'ы» для нѣсколькихъ биржъ:

Парижъ	25.000 килограммовъ
Лондонъ.	25.000 фунтовъ.
Нью-Іоркъ.	16.000 бушелей.
Голландскія	60.000 фунтовъ.

«Produce clearinghouse» лондонскій, какъ минимальную величину, назначилъ 500.000 фунтовъ.

Централизація, возростая въ области хлѣбнаго посредничества, вводитъ новые способы сохраненія и перевозки, купли и продажи и, главнымъ образомъ, большую простоту, неразрывно связанную съ большими оборотами товаровъ. Мѣстомъ происходящаго переворота оказываются торговые центры, расположенные въ заморскихъ странахъ. Все экономическое развитіе происходитъ въ колоніяхъ согласно съ принципами централизаціи и однообразія. И въ посредническомъ хлѣбномъ механизмѣ новые образцы созрѣли впервые именно въ тѣхъ торговыхъ центрахъ, въ которыхъ зерно собирается, прежде чѣмъ уйти въ нашу часть свѣта. Переворотъ, исходя оттуда, распространяется и на экспортные рынки нашего материка, стараясь приспособить старые образцы къ требованіямъ новой эпохи. Развивающаяся централизація создаетъ на рынкахъ новую, громадную силу, которая начинаетъ навязывать свою волю производителямъ и потребителямъ и налагать на общество тяжелую дань.

2.

Заморскій фермеръ не пользуется амбарами.—Горы мѣшковъ вокругъ желѣзнодорожнаго пути.—Деревенскіе и городскіе элеваторы.—Централизація элеваторскихъ товариществъ и отношеніе ихъ къ фермерамъ.

Соединенные Штаты страна безъ историческихъ традицій. Когда поселенцы заселяли преріи далекаго запада и мѣстности, расположенныя надъ Красной рѣкой,—прошлое тамъ не оставило ни образцовъ, ни общественныхъ отношеній, наложившихъ печать на позднѣйшее образованіе посреднической организаціи. И только техника и потреб-

ности современной эпохи разрѣшали вопросъ о томъ, какіе обычаи слѣдовало заводить.

У насъ въ Европѣ натуралистическое хозяйство господствовало всесильно въ продолженіи вѣковъ, и имѣніе никакимъ образомъ не могло бы оставаться безъ амбара. Обмѣнъ развивался медленно и бралъ изъ деревенскихъ складовъ хлѣбъ незначительными партіями. За моремъ, въ преріяхъ далекаго запада, земледѣльческое производство съ самаго начала разсчитывало не на удовлетвореніе потребностей мѣстнаго рынка, не существовавшаго почти, но на вывозъ въ Европу. Экономическія отношенія приняли такой характеръ, что весь громадный сборъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль оставляетъ родныя поля и собирается въ торговыхъ центрахъ, отдаленныхъ на тысячу верстъ отъ фермы земледѣльца. При такихъ условіяхъ капиталы, помѣщенные въ амбары,— расходъ непроизводительный. Амбары отдѣлились отъ фермъ и въ общественномъ раздѣленіи труда обратились въ спеціальное предпріятіе. Это элеваторы.

Насколько элеваторы являются здѣсь произведеніемъ жизни, доказываютъ пріемы, господствующіе въ мѣстностяхъ надъ Тихимъ Океаномъ и въ Австраліи. Земледѣльцы свозятъ на станцію хлѣбъ въ мѣшкахъ и на громадныхъ брезентахъ укладываютъ его вдоль желѣзнодорожнаго пути въ бунты. Одинъ изъ такихъ бунтовъ на станціи въ графствѣ Палузъ, въ штатѣ Вашингтонъ, содержитъ 250 тысячъ бушелей пшеницы; другой въ Гальтовѣ (южная Австралія) состоялъ изъ 35 тысячъ мѣшковъ.

Появленіе элеваторовъ было необходимостью. Они замѣнили такіе первобытные пріемы, какъ только что указанные. Возникли они вездѣ: въ обѣихъ Дакотахъ, въ Минесотѣ и другихъ штатахъ, производящихъ хлѣбъ на вывозъ. Строили ихъ одновременно съ желѣзнодорожной линіей. То же акціонерное общество, которое проводило дорогу, основывало элеваторы для своей же пользы. Они служили резервуарами для приходящихъ грузовъ во время массоваго предложенія, и грузы собирались въ такомъ количествѣ, чтобы можно было занять хлѣбомъ цѣлый поѣздъ и высылать зерно въ самое выгодное время для желѣзнодорожнаго движенія. Размѣры деревенскихъ элеваторовъ обыкновенно не превышаютъ величины поѣзда. Они принимаютъ большую величину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва болѣе плодородна и жатва происходитъ скоро, потому что хлѣбъ прибываетъ здѣсь въ склады въ большемъ количествѣ. Если же мѣстный рынокъ поглощаетъ значительное количество произведеннаго зерна или почва не такъ плодородна и жатва тянется долго, то элеваторы уменьшаются. Они особенно многочисленны въ пшеничной полосѣ, лежащей вдоль Красной рѣки. Ихъ бываетъ нѣсколько на каждой станціи. Эти строенія удивительной архитектуры господствуютъ на деревенскомъ горизонтѣ въ Минесотѣ и Дакотѣ, какъ у насъ колокольни церквей. Обыкновенно они не большихъ размѣровъ, и въ Ми-

несотѣ элеваторъ можетъ вмѣстить около 35 тысячъ бушелей. Въ только что названномъ штатѣ находится около тысячи элеваторовъ, что составляетъ одну постройку на сто фермъ и на тысячу земледѣльцевъ.

Деренскіе элеваторы—*country elevators*—первое звено въ громадной цѣпи хлѣбныхъ резервуаровъ въ Америкѣ. Они какъ бы соски организма, поглощающіе зерно и несущіе его въ желудки элеваторовъ большихъ центровъ хлѣбной торговли,—въ *terminal elevators*. Желудки эти громадной величины. Шумахеръ считаетъ ихъ вмѣстимость, въ 12-ти самыхъ важныхъ торговыхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ и въ двухъ канадскихъ, въ 182 милліона бушелей. Цифра эта представляетъ въ то же время, приблизительно, то количество хлѣба, которое предназначается для вывоза въ Европу. И дѣйствительно, весь экспортъ хлѣба изъ Соед. Штатовъ равнялся.

Въ 1886—1887 г.	203.746.000	бушелей.
» 1887—1888 »	152.325.999	»
» 1888—1889 »	166.838.000	»

Эти громадные резервуары, если не вполнѣ, то по большей части переполнены въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Въ случаѣ появленія какого-нибудь пробѣла въ запасахъ нашей части свѣта, соотвѣтственное количестао можетъ прибыть оттуда сейчасъ. Все устройство разсчитано на быстрое дѣйствіе, элеваторъ является не только мѣстомъ сохраненія хлѣба, но и сложной машиной для нагрузки и выгрузки зерна. Одинъ изъ складовъ въ Чикаго можетъ, въ продолженіи рабочаго дня, нагрузить 100 тысячъ бушелей на корабли и наполнить огороженное мѣсто новымъ транспортомъ въ 500 вагоновъ. Благодаря остроумному техническому устройству, неизмѣримыя массы хлѣба могутъ изъ одного отдѣла быть перенесены въ другой и провѣтрены. Высчитано, что зерно, прежде чѣмъ отъ земледѣльца перейти въ руки потребителя, совершаетъ въ элеваторахъ, во время провѣтриванія, нѣсколько путешествій вокругъ свѣта.

Элеваторы представляютъ одно изъ колесъ въ огромномъ механизмѣ, котораго и другія пружины дѣйствуютъ такимъ же образомъ, т. е. съ такимъ же сбереженіемъ времени, пространства и труда.

«*Terminal elevators*», некрасивыя строенія безъ оконъ, поднимающіяся на высоту 7—10 этажей, могутъ вмѣстить громадную массу хлѣба, особенно тѣ, которые устроены въ послѣдніе годы. Въ 1893 г. воздвигнули въ Чикаго складъ въ 3 милліона бушелей, въ Минеаполисѣ на 4,6! Что касается количества складовъ, то первое мѣсто занимаетъ Чикаго—33 милліона бушелей; за нимъ слѣдуетъ Duluth—26 милліоновъ, Минеаполисъ—17 милліоновъ, Нью-Іоркъ—27 и Буфалло—15 милліоновъ. Это главные хлѣбные рынки Соед. Штатовъ. Ихъ расположеніе зависитъ отъ жѣзнодорожныхъ отношеній. Каждый городъ, который въ данное время болѣе всего былъ выдвинутъ на западъ,

строилъ идущія дальше желѣзныя дороги на мѣстныя средства. Обыкновенно линіи не соединяются непосредственно между собою — такъ велитъ выгода капиталиста. Въ Чикаго находится, напр., около 60 независимыхъ вокзаловъ и перевозка товаровъ съ одной линіи на другую длится иногда нѣсколько дней. Каждый городъ старается сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ, увеличивая такимъ образомъ неизмѣримо общественные *faux frais* (накладные расходы). То же происходитъ и въ области хлѣба. Ни одинъ средневѣковой городъ, не смотря на свое право задерживать грузы зерна, не совершалъ столько злоупотребленій, сколько теперь въ Америкѣ позволяютъ себѣ плутократы. Много городовъ въ Сѣверной Америкѣ возвысились, благодаря такой тактикѣ, въ томъ числѣ Чикаго и Сентъ-Луи. Значеніе этихъ двухъ центровъ хлѣбной торговли опирается на искусственныхъ основахъ и, вѣроятно, исчезнетъ со временемъ. Уже теперь выростаютъ грозные соперники на западномъ берегу озера Верхняго—*Duluth*, *Superior*, пользующіеся выгоднымъ положеніемъ, такъ какъ они находятся вблизи пшеничныхъ степей и водяного пути.

Система элеваторовъ на первый взглядъ кажется очень сложной, хотя въ дѣйствительности гораздо проще, чѣмъ наши деревенскіе амбары и городскіе магазины. Централизація придала ей характеръ сложнаго колосса, хотя въ дѣйствительности безгранично упростила обороты и отношенія. Она надѣлила хлѣбный потокъ въ рукахъ посредниковъ быстротою и правильностью. Фермеръ отвозитъ хлѣбъ къ ближайшему элеватору и взамѣнъ получаетъ свидѣтельство. Быть можетъ, въ тотъ же еще день хлѣбъ уйдетъ въ далекіе края. Фермеръ остается съ роспискою въ рукахъ, доказывающей, что такое-то общество получило на складъ столько-то хлѣба и такого-то названія. Онъ является владѣтелемъ хлѣба, только не своего собственнаго, который, быть можетъ, уже будетъ съѣденъ, когда настоящій производитель продаетъ кому-нибудь свои права. Однако, онъ не заботится о судьбѣ своего кроваваго труда, онъ знаетъ, что въ каждый моментъ онъ получитъ то, что сложилъ, и, что̀ важнѣе всего, онъ получитъ его гдѣ угодно, заплативъ только цѣну провоза. Акціонерныя элеваторскія общества связаны между собою, какъ у насъ банкирскіе дома. Существуетъ возможность, что фермеръ, не отдаляясь изъ своей фермы, будетъ продавать хлѣбъ за тысячу и болѣе километровъ дальше. Но это только въ теоріи. Въ дѣйствительности же элеваторы усилили могущество посредниковъ и поработили земледѣльца. Они отодвинули въ сторону хлѣбныхъ торговцевъ и отдали фермера всецѣло монополистамъ. Всѣ выгоды вслѣдствіе централизаціи промысла и получаемыя сбереженія захватилъ большой посредникъ. Громадная сѣть деревенскихъ элеваторовъ въ бассейнѣ рѣки Красной, расположенная вдоль желѣзной дороги, принадлежитъ нѣсколькимъ акціонернымъ обществамъ, имѣющимъ свою резиденцію въ Duluth и Minneapolis. Въ послѣднемъ городѣ находится акціонерная

фирма, владѣющая 400 элеваторами. «Можно теперь замѣтить стремленіе,—читаемъ мы въ описаніи Минеаполиса *),—къ централизаціи дѣлъ, связанныхъ съ загородными элеваторами. Корпораціи выкупаютъ элеваторы изъ частныхъ рукъ, одна система сливается съ другой». Хлѣбные торговцы вложили въ элеваторы громадные капиталы, и, понятно, не для того, чтобы доставить земледѣльцу лучшія условія для продажи. Интересъ посредника въ томъ, чтобы земледѣлецъ не ждалъ болѣе выгодныхъ условій рынка. Такъ какъ у фермеровъ нѣтъ своихъ амбаровъ, то они принуждены отвозить хлѣбъ сейчасъ же послѣ жатвы въ элеваторы и продавать возможно скорѣе. Массовое предложеніе создаетъ общее пониженіе цѣнъ. И потому въ Соединенныхъ Штатахъ возникло среди фермеровъ движеніе, требующее реформъ. Земледѣльцы требуютъ обращенія элеваторовъ въ собственность народа. Политическая организація фермеровъ помѣстила въ своей программѣ параграфъ, добивающійся постройки государственнаго элеватора въ каждомъ графствѣ, таксу за сохраненіе согласно съ цѣною издержекъ, и, наконецъ, выдачу задатка за сложенный продуктъ въ 80% стоимости. Но виды на улучшенія въ настоящее время малы. Съ одной стороны находятся малочисленные, но энергичные капиталисты, владѣющіе громаднымъ состояніемъ и связями въ парламентскихъ сферахъ, съ другой многочисленная, но не имѣющая капиталовъ, толпа, прикрѣпленная къ почвѣ и не всегда находящая честныхъ заступниковъ. Вслѣдствіе того въ послѣднее время возникло несомнѣнно регрессивное движеніе. Мелкіе фермеры, не могущіе побороть элеваторовъ, начинаютъ мечтать о возвращеніи къ образцамъ крестьянской Европы. Строятъ сараи и амбары!

3.

Двѣ формаціи въ хлѣбной торговлѣ Европы. — Смѣшиваніе зерна и биржевыя номенклатуры.—Однородность зерна въ колоніяхъ.—Послѣдствія.

Въ хлѣбной торговлѣ нашей части свѣта существуютъ двѣ различныя формаціи, крайне отличающіяся другъ отъ друга.

Одна изъ нихъ, опирающаяся на непосредственную продажу хлѣба, является наслѣдіемъ прежнихъ вѣковъ, когда обмѣнъ былъ связанъ условіями натуралистическаго хозяйства и ничтожными размѣрами торговли. Другая получила начало на международномъ рынкѣ, т. е. въ Англіи, и оттуда распространяется по материку Европы. Она опирается на большихъ, обыкновенно срочныхъ сдѣлкахъ.

Большія сдѣлки свидѣтельствуютъ, что транспорты происходятъ въ значительныхъ размѣрахъ и что мельники для высылки на рынокъ однороднаго продукта, принуждены покупать зерно въ такихъ же большихъ партіяхъ, и точно также однородное. Какъ непосредственное

*) Hudson, «Dictionery of Minneapolis», 1893, стр. 43.

послѣдствіе централизаціи, является потребность въ однородномъ хлѣбѣ, насколько онъ высылается на всемірный рынокъ.

Разсмотримъ торговыя отношенія вдоль Нѣмана и Западной Двины.

Разница въ культурѣ каждаго имѣнія производитъ и разницу въ качествѣ зерна. Изобиліе навоза, глубина пашни, влажность и рыхлость полей,—всѣ эти обстоятельства оказываютъ свое вліяніе. Обязанность сдѣлать рожь однородной, «создать товаръ», лежитъ на торговцѣ, который смѣшиваетъ купленныя партіи для созданія продукта опредѣленнаго удѣльнаго вѣса. «Производство товара» создаетъ цѣлый рядъ очень любопытныхъ въ общественномъ отношеніи положеній.

Въ разсматриваемой нами мѣстности крестьянскій хлѣбъ господствуетъ по количеству на рынкѣ. Такая рожь отличается низкимъ удѣльнымъ вѣсомъ и не превышаетъ обыкновенно 116, между тѣмъ какъ помѣщичья достигаетъ до 130. Кромѣ того, крестьянское зерно бываетъ очень сухо, что зависитъ отъ обычая крестьянъ сушить его искусственнымъ образомъ. Чтобы получить товаръ, требуемый либавскими торговцами и годный для заграничныхъ рынковъ, нужно сухое и слишкомъ легкое зерно крестьянъ смѣшать съ помѣщичьимъ, обыкновенно болѣе сырымъ и имѣющимъ большій удѣльный вѣсъ. Эти отношенія приняли такую форму, что владѣтели большихъ помѣстій получаютъ за свой продуктъ высшую цѣну, чѣмъ та, которую они получили бы, если бы не было крестьянъ. Торговецъ, нуждающійся въ помѣщичьемъ хлѣбѣ для «приправы» крестьянскаго и увѣренный, что получитъ послѣдній въ достаточномъ количествѣ и дешево, поспѣшно старается заручиться извѣстнымъ количествомъ зерна изъ хорошо веденныхъ имѣній. Помѣщикъ, имѣющій рожь высокаго качества для продажи, пользуется большимъ уваженіемъ у посредниковъ, отъ которыхъ получаетъ задатокъ на годъ или даже на 2 впередъ. Торговецъ обязуется контрактомъ, что при доставкѣ дастъ цѣну по либавскимъ курсамъ, отсчитавъ только издержки провоза отъ ближайшей станціи въ портъ, а также 2 коп. съ пуда коммиссіонныхъ. Онъ готовъ дать и высшую чѣмъ биржевая, цѣну, и если помѣщикъ не сдержитъ договора, то ждетъ терпѣливо слѣдующей жатвы, вознаграждая всю потерю на крестьянинѣ, который такимъ образомъ и теперь работаетъ на помѣщика, какъ и когда-то во время крѣпостнаго права. Торговецъ, знающій хорошо психологію крестьянъ, ихъ матеріальное положеніе, критическія минуты ихъ жизни, покупаетъ у нихъ зерно за безцѣнокъ. Оно въ дѣйствительности легкое, но, купивъ его дешево, купецъ можетъ переплатить помѣщику, лишь бы наполнить одинъ-два вагона и отослать своему агенту въ Либаву. Крестьянинъ, переставшій по праву платить дань помѣщику, все же оплачиваетъ ее въ измѣненномъ видѣ! Значеніе этого факта такъ велико, что если бы помѣщики пожелали освободиться отъ зависимости отъ современныхъ посредниковъ, то, вмѣсто высшихъ цѣнъ, получили бы низшія!

Рожь, приведенная въ однородный видъ посредниками, прибываетъ въ Либаву со всего бассейна Нѣмана и Двины. Высылаютъ ее также и изъ дальнѣйшихъ мѣстностей Имперіи. «Производство» такого товара, неизвѣстное въ уѣздной торговлѣ хлѣбомъ, не требуемое мелкими мельничными предпріятіями, появляется лишь вмѣстѣ съ всемірнымъ рынкомъ и параллельно идущей централизаціей оборотовъ и транспортовъ. Каждая страна, высылающая зерно, дѣлаетъ его однороднымъ и даже возникаютъ большіе центры, занимающіеся спеціально совершеніемъ этой операціи, напр., Антверпенъ. Каждая экспортирующая страна пользуется нѣсколькими нормами для производства этой задачи: возникаютъ такъ называемые *типы*, или *хлѣбныя номенклатуры*. Онѣ появляются также, какъ мы уже вспоминали въ нашихъ статьяхъ, и въ другихъ сферахъ международной торговли продуктами, даже въ столь на видъ неподатливыхъ, какъ продажа гуртомъ яицъ. Срочныя сдѣлки происходятъ на основаніи такихъ типовъ, которые необходимы во всѣхъ случаяхъ, когда продается въ большихъ количествахъ хлѣбъ, не существующій еще на рынкѣ. Поставщики довольствуются описаніемъ товара: онъ долженъ обладать такимъ-то удѣльнымъ вѣсомъ, такимъ-то цвѣтомъ и т. д. Такимъ образомъ создаются номенклатуры, къ которымъ прибывающій товаръ долженъ приспособиться.

Начинается разногласіе между требованіями крупной торговли, дѣйствующей на основаніи схемъ, и тѣмъ, что доставляетъ жизнь. Отношенія слагаются различнымъ образомъ по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана и неодинаково способствуютъ разрѣшенію это задачи.

Въ нашей части свѣта земля раздѣлена на мелкіе участки, представляющіе удивительное разнообразіе относительно своей культуры и способа обработки; кромѣ того, почва сама по себѣ неодинакова. Зерно, появившееся въ такихъ условіяхъ, также неоднородно. Между тѣмъ, срочные договоры требуютъ, чтобы товаръ удовлетворялъ опредѣленному количеству номенклатуръ, установленныхъ на биржѣ—даже одной, какъ въ Германіи для русской пшеницы. Жизнь разрѣшаетъ эту задачу такимъ образомъ, что заставляетъ смѣшивать естественные продукты и создаетъ искусственный товаръ. Для биржи годится всякая смѣсь, лишь бы она соотвѣтствовала требуемымъ условіямъ номенклатуры. Хлѣбъ того же удѣльнаго вѣса можно создать изъ смѣси различныхъ породъ, и между однимъ и другимъ транспортомъ нѣтъ качественнаго постоянства. Такой товаръ принимаютъ на биржѣ, но мельникъ оказался бы въ затруднительномъ положеніи, если бы покупалъ зерно, не подвергнувъ его раньше осмотру. Существуютъ смѣси, состоящія каждая изъ столь различныхъ родовъ, что никакая мельничья фирма не купитъ такого товара. Значитъ, онѣ остаются внѣ сферы переработки, какъ транспорты, предназначенные для поддержанія чисто биржевыхъ сдѣлокъ, какъ предметъ спекуляціи и обмана. Конечно, лю-

бопытно было бы получить процентное отношеніе, въ какомъ находится такой безполезный хлѣбъ относительно всего существующаго на рынкѣ. У насъ нѣтъ такой статистики. Однако, насколько можемъ заключить, запасы срочнаго хлѣба, не принятые мельницами, очень значительны на берлинской биржѣ. Если бы у насъ была соотвѣтственная цифра, то она дала бы намъ понятіе о степени разногласія между требованіями торговой централизаціи и формами производства. О неприспособленіи продукта къ требованіямъ современнаго посредническаго механизма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ споры по поводу хлѣба, купленнаго на основаніи номенклатуры. Эксперты на берлинской биржѣ въ 1892 г. признали изъ всего количества 65.650 тоннъ проданной на срокъ пшеницы—47.000 и изъ 62.000 ржи—23.200, какъ не соотвѣтствующія требованіямъ.

Условія производства на той сторонѣ Атлантическаго океана приняли характеръ, болѣе соотвѣтствующій требованіямъ крупной торговли.

Заморскія территоріи представляютъ картину однородной земледѣльческой культуры. Въ сѣверо-восточныхъ преріяхъ Соединенныхъ Штатовъ и почва одного качества, и способы обработки тоже, и зерно, употребляемое для сѣва, того же качества. Хлѣбъ, произведенный при такихъ условіяхъ, отличается, въ сравненіи съ европейскимъ, большимъ однообразіемъ. У насъ номенклатура существуетъ только въ крупной торговлѣ, тамъ же распространилась во всѣхъ сдѣлкахъ, даже самыхъ небольшихъ. Когда простой фермеръ, соотвѣтствующій нашему крестьянину, привозитъ пшеницу въ элеваторъ и довѣряетъ свой продуктъ отчужденному отъ фермы амбару, то получаетъ взамѣнъ росписку, что сложилъ столько-то хлѣба такой-то номенклатуры. Индивидуальность зерна исчезаетъ, остается только названіе рода и привезенное количество. Названій же въ данной мѣстности только нѣсколько, по которымъ классифицируютъ обрабатываемый видъ хлѣба. Есть, напр., четыре номенклатуры для яровой пшеницы *Northern*: № 1, если бушель вѣситъ 57 фунтовъ и больше; № 2, если вѣсъ равняется 56 и выше до границы предъидущаго типа; № 3, если не падаетъ ниже 54 фунтовъ и, наконецъ, отбросъ. Такая простота и однородность явились основаніемъ для возникновенія элеваторовъ, которые не могли бы существовать при разнообразіи, свойственномъ европейскому хлѣбу. Правда, картина мѣняется, если оставимъ пшеничныя поля Дакоты и разсмотримъ все пространство американскихъ полей отъ Аллеганскихъ горъ до Скалистыхъ. Разница въ температурѣ и влажности достаточно велика и оказываетъ вліяніе. Но все-таки даже на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ зерно не такъ разнообразно, какъ можно было бы ожидать отъ такой большой территоріи. «Какъ обстоятельство, — пишетъ М. Серингъ *),—не допускающее перенесенія американской системы элевато-

*) «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. III, стр. 872.

ровъ въ экспортирующія страны Европы, особенно же въ восточныя провинціи Германіи, приводятъ большое разнообразіе обрабатываемыхъ у насъ родовъ хлѣба. И дѣйствительно, успѣхъ этого учрежденія зависитъ отъ широкаго распространенія немногихъ типовъ. И въ Америкѣ обрабатываютъ бо̀льшее число родовъ, чѣмъ требуетъ биржа. Но торговля смѣшиваетъ сорта... На рынкѣ господствуетъ нѣсколько распространенныхъ родовъ. Чикагскій *standard of grades* содержитъ десять типовъ озимой пшеницы и десять яровой. Но лишь четыре рода яровой и три озимой прибываютъ на тамошній рынокъ въ болѣе значительныхъ партіяхъ. Среди нихъ два, № 2 и 3, въ количественномъ отношеніи превышаютъ другіе».

Однимъ словомъ, разнообразіе только внѣшнее! Несмотря на то, что около 20 типовъ признаны биржею въ Чикаго, на рынкѣ фактически господствуетъ только нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ только два имѣютъ большое значеніе. То же мы видимъ и на другихъ биржахъ. Минеаполитанская отличаетъ, кромѣ отброса, 14 номенклатуръ яровой и озимой. Согласно съ биржевыми отчетами 1892 г., считалось зерна подъ контролемъ соотвѣтственной инспекціи—яровой 71.036.000 бушелей, озимой 216.000 бушелей.

Значитъ, озимая исчезаетъ окончательно съ минеаполитанскаго рынка. Что же касается яровой, то каждой номенклатуры въ процентномъ отношеніи было:

Hard	2,28%
1 Northern	51,47%
2 Northern	27,20%
3 Northern	7,62%
Отброса	6,40%

И здѣсь на рынкѣ господствуетъ фактически только 2 типа! *). А рынокъ громадный. Хлѣбъ уже довольно однообразнымъ прибываетъ отъ фермеровъ въ деревенскіе элеваторы и при выдачѣ росписки земледѣльцу классифицируется по той или другой биржевой номенклатурѣ. Товаръ не производится искусственно купцомъ, какъ въ Европѣ, но доставляется природой. Изъ деревенскихъ амбаровъ хлѣбъ прибываетъ въ громадные магазины хлѣбныхъ центровъ, подвергнутый лишь второстепеннымъ измѣненіямъ **).

*) «Tenth Annual Report of the Trade and Commerce of Minneapolis for 1892» стр. 89.

**) Хлѣбъ въ деревенскихъ элеваторахъ классифицируется по биржевой номенклатурѣ. Онъ колеблется между опредѣленными границами. Капиталисты, владѣющіе элеваторами, приводятъ его къ минимальному уровню для каждой номенклатуры. Такимъ образомъ создаются ярко обособленные типы, какихъ даже американская природа не знаетъ. Эта операція—*of doctoring* или *of miting*—представляетъ источникъ громадныхъ доходовъ для элеваторскихъ обществъ. «Смѣшиваніе» не смѣшиваетъ различныя породы, только сосредоточиваетъ существующія около нѣсколькихъ типовъ.

Спеціальные чиновники, такъ-называемые хлѣбные инспектора, контролируютъ качество привоза: еще разъ означаютъ типы каждаго груза и могутъ не допустить подозрительныхъ транспортовъ понизить номенклатуру искусственной смѣси до самаго худшаго смѣшаннаго рода и т. д. Такія инспекціи дѣйствуютъ въ такъ-называемомъ *primary markets* въ штатахъ Минесота, Иллинойсъ, Небраска, Канзасъ и Миссури, производящихъ на вывозъ въ нашу часть свѣта. Быть можетъ, эти чиновники дѣлаютъ злоупотребленія въ союзѣ съ властелинами биржи, но во всякомъ случаѣ они признали въ 1892 г. въ Минеаполисѣ негодной около 4,5 милліоновъ бушелей пшеницы, т. е. 6,4% всего привоза. Хлѣбъ, классифицированный инспекторами, отправляется въ элеваторы и оттуда подъ той же номенклатурой на англійскій (всемірный) рынокъ.

То, о чемъ въ Европѣ биржа лишь мечтаетъ, тамъ, за моремъ, жизнь сама производитъ. «Эти номенклатуры,—пишетъ Серингъ *),—имѣютъ громадное значеніе въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ упрощаютъ обороты и ускоряютъ вывозъ въ самыя далекія мѣстности земного шара, такъ что заказы могутъ и фактически совершаются при помощи телеграфа. И земледѣлецъ извлекаетъ непосредственную пользу изъ удобствъ упрощенной торговли, пользуясь развитой системой ломбардовъ и варрантовъ. Во-вторыхъ, послѣдовательное и внимательное осуществленіе сортировки хлѣба неизмѣримо облегчаетъ и удешевляетъ сохраненіе, перевозку, очищеніе и т. д. зерна. Сортировка придаетъ хлѣбу характеръ дѣйствительно товара, котораго отдѣльныя части тождественны. Послѣ совершенія классификаціи въ мѣстномъ складѣ, одинаковыя номенклатуры, какъ жидкости, смѣшиваются, причемъ элеваторы не обращаютъ вниманіе на собственниковъ. Вмѣсто индивидуальнаго товара, изслѣдуемаго каждый разъ получателемъ, въ торговлѣ появляются росписки на такое-то количество такого-то качества, относительно которыхъ ручаются учрежденія, занимающіяся сортированіемъ. Нигдѣ, пока зерно остается въ торговлѣ, слѣдовательно, ни при нагрузкѣ, ни при выгрузкѣ, ни во время перевозки или пребыванія въ складахъ и при взвѣшиваніи, оно не сыплется въ мѣшки, но существуетъ въ непосредственной формѣ—*in bulk*, передвигаемое при помощи механическихъ двигателей. Движеніе происходитъ съ соблюденіемъ величайшей бережливости во времени и трудѣ: хлѣбъ, доставленный фермеромъ на ближайшую желѣзнодорожную или водную станцію, оцѣнивается на основаніи обычаевъ вблизи находящагося торговаго центра, всасывается тамъ въ потокъ однородной массы зерна, который питается источниками изъ другихъ станцій и впадаетъ въ элеваторъ главнаго центра. Тамъ повторяется сортировка и потокъ, еще болѣе усиленный, плыветъ въ порты и оттуда въ неизмѣненномъ видѣ на корабляхъ въ Европу».

*) «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», томъ III, стр. 870.

4.

Биржа регулируетъ уровень хлѣбныхъ цѣнъ въ странѣ.—Заговоры противъ земледѣльцевъ.—Величина общественныхъ *faux frais* въ биржевыхъ оборотахъ.—Спекуляціи и ихъ отношеніе къ утилитарной дѣятельности биржи.

Преріи далекаго Запада производятъ почти исключительно для вывоза въ Европу, куда высылаютъ около 90% всего сбора. Десятки милліоновъ бушелей однороднаго зерна, оставивъ ферму, плывутъ чрезъ элеваторы въ этомъ направленіи. Эти потоки проходятъ, номинально, чрезъ биржи, которыя сосредоточили въ своихъ стѣнахъ всѣ обороты, выходящіе за непосредственныя потребности данной мѣстности. Тамъ они регулируются, т. е. направляются въ опредѣленныя мѣста въ извѣстный срокъ.

Разсмотримъ нѣкоторыя задачи хлѣбныхъ биржъ въ Соед. Штатахъ.

Биржа, этотъ большой рынокъ, сосредоточенный на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ метровъ, этотъ стихійно дѣйствующій статистическій комитетъ современнаго общества, является мѣстомъ скрещиванія спроса и предложенія. Тамъ глазъ властелиновъ посреднической организаціи охватываетъ всю сферу существующихъ и даже потенціальныхъ запасовъ продукта, насколько это возможно при безпорядкѣ современнаго хозяйства. Фирмы, располагающія милліонами, стараются составить себѣ понятіе объ урожаяхъ будущаго сезона. У нихъ находятся агенты, освѣдомляющіе ихъ о степени урожаевъ въ разныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ хлѣбъ прибываетъ на рынки. Они не довольствуются этимъ, но тутъ и тамъ покупаютъ пшеницу на корню, собираютъ и молотятъ, чтобы отгадать величину урожая, пользуются разсчетами и способами, часто довольно остроумными. По той сторонѣ Атлантическаго океана централизація и однообразіе, распространившіяся въ жизни, сильно облегчаютъ исполненіе такихъ задачъ посредникамъ. Благодаря подсчету запасовъ въ такъ называемыхъ общественныхъ элеваторахъ, а также возможности счета грузовъ на озерахъ, крупная фирма въ состояніи каждый разъ оцѣнить размѣры такъ назыв. *visible supply*, т. е. большой части зерна, находящагося на рынкѣ (только желѣзнодорожные грузы и запасы въ «частныхъ» элеваторахъ скрыты).

Веденная правительствомъ поспѣшная статистика сборовъ и данныя земледѣльческаго департамента о состояніи посѣвовъ позволяютъ составить понятіе о величинѣ будущихъ сборовъ. Какъ результатъ столкновенія частныхъ оцѣнокъ и частныхъ свѣдѣній, возникаетъ и измѣняется съ часу на часъ средняя оцѣнка, проявляющаяся въ биржевыхъ курсахъ. Уровень же цѣнъ, установленный такимъ образомъ на биржѣ, въ развитомъ обществѣ служитъ нормою, регулирующею цѣны въ мелочной торговлѣ, пишетъ Д. Конъ. «Биржа,—говоритъ Д. Конъ,—даетъ готовые курсы товаровъ. Торговые курсы являются исходной

точкой для мелочной торговли и служатъ ей путеводителемъ. Биржа вліяетъ на всю экономическую жизнь и на всю торговлю. Все производство и потребленіе чувствуютъ появляющіяся изо дня въ день колебанія». Какъ иллюстрацію такого вліянія биржи, мы могли бы привести введенный министромъ Вышнеградскимъ обычай вывѣшиванія нѣмецкихъ биржевыхъ хлѣбныхъ курсовъ на вокзалахъ. Въ Соедин. Штатахъ, на всемъ пространствѣ пшеничныхъ степей, фермеры продаютъ хлѣбъ по биржевому курсу послѣдняго часа, *closing prices*, въ реальныхъ сдѣлкахъ. Биржевой комитетъ составляетъ таблицу курсовъ и разсылаетъ ее на всѣ желѣзнодорожныя станціи данной мѣстности.

Но биржа, этотъ центръ взаимнаго столкновенія спроса и предложенія, совсѣмъ не относится пассивно къ этимъ теченіямъ. Вульгарная экономія помѣстила въ числѣ своихъ заповѣдей неприкосновенность и даже святость законовъ спроса и предложенія, и сравнила съ святотатствомъ всякое покушеніе на ихъ свободную игру. Сборища плутократовъ на биржѣ, однако, нарушаютъ ежедневно кодексъ принциповъ и истинъ, составленный представителями этой «экономіи». Хотя цѣны и возникаютъ какъ окончательный результатъ скрещиванія всей сферы хозяйственныхъ отношеній въ производствѣ, но узлы дѣйствующихъ частей покоятся въ рукахъ немногихъ властелиновъ биржи, и таблица курсовъ, вмѣсто пассивнаго отраженія случайностей спроса и предложенія, обратилась въ мѣсто для записыванія проявленій организованной воли. Эта воля дѣйствуетъ въ связи съ внѣшними условіями, развивающимися стихійно, но, не смотря на все, въ опредѣленныхъ границахъ и въ опредѣленное время въ состояніи повышать и понижать уровень курсовъ. Нерѣдко она возвышаетъ цѣны хлѣба, мяса, жира, довольно значительно и въ продолженіи долгаго времени удерживаетъ ихъ на такой высотѣ. По случаю повышенія нью-іоркскимъ пшеничнымъ королемъ цѣнъ пшеницы въ 1881 роду на 6—9 франковъ на гектолитръ нѣкій публицистъ спрашиваетъ: «Какое правительство чувствуетъ себя теперь достаточно могущественнымъ и увѣреннымъ, чтобы смѣло наложить пошлину на хлѣбъ насущный? Но что было бы безуміемъ со стороны правительства, того достигли капиталисты. Спекуляція въ большихъ размѣрахъ нарушаетъ всѣ законы и идеи вульгарной экономіи, которая всегда оказывалась безсильной относительно противорѣчій капиталистическаго режима».

Желѣзныя дороги, элеваторныя общества, мельничныя предпріятія и хлѣбныя фирмы, не смотря на то, въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились другъ къ другу, въ одномъ поступаютъ солидарно: всѣ они создаютъ себѣ благосостояніе эксплуатаціей земледѣльца. Мы уже замѣчали, что элеваторы принуждаютъ фермеровъ къ гуртовой продажѣ зерна сейчасъ послѣ жатвы. Это вліяетъ на его цѣны понижающимъ образомъ. И властелины биржи поддерживаютъ гнетъ, производимый на земледѣльцевъ. Какъ полководецъ не увѣренъ въ побѣдѣ, если его

арьергардъ подвергается ударамъ врага, точно также спекуляторы боятся запасовъ хлѣба на фермѣ, которые могли бы прибыть не вовремя и испортить всѣ самыя ловкія вычисленія. И еще другимъ образомъ остріе биржи обращено систематически противъ земледѣльца. Хлѣбныя биржи въ Соединенныхъ Штатахъ постоянно стремятся къ пониженію цѣнъ, насколько дѣло касается дѣйствительно экспортныхъ фирмъ. Такая фирма должна принять лондонскія и ливерпульскія цѣны, какъ нѣчто, не подлежащее никакимъ перемѣнамъ, и къ нимъ приспособиться со своею купеческою тактикою. Вывозъ только тогда оплачивается, если разница между цѣнами на рынкахъ англійскихъ и американскихъ достаточно велика и, кромѣ покрытія издержекъ провоза, дастъ соотвѣтственные барыши. Заморскіе хлѣбные купцы не могутъ вліять на уровень цѣнъ на международномъ рынкѣ (онѣ зависятъ отъ отношеній между потоками хлѣба, прибывающими изъ разныхъ сторонъ), почему и заработокъ возрастаетъ вмѣстѣ съ пониженіемъ, вызваннымъ въ своей странѣ. Вслѣдствіе этого, торговецъ долженъ стараться покупать отъ земледѣльца хлѣбъ по возможно низкой цѣнѣ. Достигаетъ онъ этого при помощи извѣстной уже намъ таблицы курсовъ послѣдняго часа. Биржевики, намѣреваясь купить непосредственно отъ фермера большіе запасы, продаютъ на биржѣ, въ непосредственной, т. е. реальной сдѣлкѣ, опредѣленное количество зерна по низкой цѣнѣ. Эту потерю они скоро съ избыткомъ вознаграждаютъ, покупая отъ земледѣльца хлѣбъ по «*closing prices*», составленныхъ на основаніи реальныхъ транзакцій послѣдняго часа. Шумахеръ увѣряетъ что существуетъ даже мнимая продажа, т. наз. «*wash-sales*», записываемая въ книги только затѣмъ, чтобы повліять на уровень цѣнъ хлѣба въ деревнѣ.

Въ ноябрѣ уже весь годичный сборъ находится въ рукахъ посредниковъ. Походъ противъ фермеровъ конченъ, начинается другой—противъ потребителей, въ перемежку съ войной спекуляторовъ между собою На биржѣ счастье катится колесомъ, среди крика и остротъ идетъ обираніе безъ зазрѣнія совѣсти менѣе оборотливыхъ соперниковъ. О размѣрахъ спекуляціи въ этихъ центрахъ торговой жизни дадутъ самыя лучшія понятія статистическія цифры. Для нью-іорской биржи, взявъ среднюю за 1835—1893 г., получимъ табличку очень краснорѣчивую (для пшеницы) *).

Весь сборъ пшеницы:

Въ Соед. Штатахъ	445	милл. бушелей.
Вывозъ въ Европу	137	» »
Ввозъ въ Нью-Іоркъ	37	» »
Обороты на биржѣ нью-іоркской . . .	3.363	» »

*) H. Schumacher, «Getreidebörsen» etc., l. c., стр. 163.

То-есть, средній годичный оборотъ на биржѣ въ Нью-Іоркѣ въ три раза больше, чѣмъ все производство Соединенныхъ Штатовъ, въ десять разъ, чѣмъ весь вывозъ хлѣба въ Европу, въ 36 разъ, чѣмъ дѣйствительно весь ввозъ пшеницы въ разсматриваемый портъ! Еще большее движеніе господствуетъ на биржѣ въ Чикаго *), представляющей самый значительный центръ хлѣбной торговли на всемъ земномъ шарѣ. Оцѣниваютъ годичный (средняя за 1888—1898 г.) ввозъ пшеницы въ этотъ городъ въ 27 милліоновъ бушелей, между тѣмъ годичный оборотъ на тамошней биржѣ даетъ неслыханную сумму 25 милліардовъ, превышающую весь сборъ пшеницы въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ въ 16 разъ, а ввозъ въ Чикаго 275 разъ! Хлѣбъ находится безъ движенія въ элеваторахъ, ни одно зерно не измѣняетъ положенія и количество его не увеличивается, между тѣмъ право собственности переходитъ изъ рукъ въ руки 275 разъ, при чемъ происходятъ перемѣны въ стоимости хлѣба, иногда очень значительныя. Напр., въ продолженіи девяти послѣднихъ дней сентября 1888 г., вслѣдствіе заговора одного изъ властелиновъ чикагской биржи, цѣны бушеля пшеницы поднялись съ 0,9 долара до 2,0! Эти цифры даютъ понятіе объ общественныхъ громадныхъ *faux-frais*, которымъ индивидуалистическій строй подвергаетъ общество. Подъ этой статистикой скрывается большое число обмановъ. Мало того, борьба на биржѣ между «быками» и «медвѣдями», между «долгими» и «короткими»—прозвища повышателей цѣнъ и понижателей,—вызываетъ горячку въ болѣе широкихъ кругахъ. Какъ въ Европѣ игра акціями привлекаетъ людей, не принадлежащихъ къ биржѣ, также и за Атлантическимъ океаномъ, спекуляціи, происходящія на хлѣбныхъ биржахъ, возбуждаютъ общую жадность. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ около 1.500 такъ называемыхъ *bucket-shop'овъ*—тайныхъ домовъ игры, помогающихъ публикѣ въ спекулятивной игрѣ на хлѣбъ. Земледѣльцы безумно играютъ на повышеніе и постоянно проигрываютъ.

Эти притоны обмана живутъ биржею, но не составляютъ ея сущности. И спекуляціи, хотя и громадныя, представляютъ все-таки лишь посторонній продуктъ. Шумахеръ, котораго сочиненіе до сихъ поръ является самымъ лучшимъ пособіемъ для знакомства съ американскимъ механизмомъ посредничества въ торговлѣ хлѣбомъ, увѣряетъ даже, что, по сравненію съ величиною совершаемыхъ оборотовъ, тамошнія биржи болѣе сопротивляются спекулятивному безумію, чѣмъ ихъ сестра—берлинская. Ядро биржи, не смотря на все, составляютъ хлѣбныя фирмы: въ Чикаго 47% всѣхъ членовъ, въ Дулутѣ 39% и т. д. Такіе крупные и богатые дома довольствуются скорѣе эксплуатаціей положеній, возникшихъ вслѣдствіе естественнаго стеченія обстоятельствъ, чѣмъ сами ихъ создаютъ. Всякій посредникъ, покупающій на

*) H. Schumacher, стр. 163—164.

опредѣленный срокъ значительное количество хлѣба, долженъ обезпечить себя отъ возможныхъ рыночныхъ неожиданностей. Такую увѣренность онъ находитъ въ продажѣ хлѣба на тотъ же срокъ; покупающій у него снова обезпечиваетъ себя и т. д. Даже англійскія фирмы ищутъ на американскихъ биржахъ такого обезпеченія въ срочныхъ сдѣлкахъ. Возникаетъ сѣть взаимной срочной зависимости не вещественнаго характера, которая способствуетъ развитію спекуляціи. Еще разъ повторяемъ, что хотя эта спекуляція и представляетъ постоянное явленіе на биржѣ, но не составляетъ еще ея сути. Какъ и всякая биржа, хлѣбная исполняетъ въ посредническомъ механизмѣ много задачъ. Она облегчаетъ совершеніе большихъ оборотовъ вмѣстѣ съ обезпеченіемъ отъ случайныхъ потерь, опредѣляетъ время и направленіе потоковъ хлѣба, придаетъ обмѣннымъ отношеніямъ необыкновенную гибкость. Эти перворазрядной важности дѣйствія она исполняетъ, создавая громадные общественные *faux-frais*, облегчая заговоры противъ земледѣльцевъ и эксплуатируя легкомысленную толпу, желающую дешевымъ и быстрымъ образомъ составить себѣ состояніе.

5.

Посредническій механизмъ въ Америкѣ и Европѣ.—Выгоды, присущія Америкѣ въ борьбѣ за рынки.—Возникновеніе въ жизни новыхъ образцовъ.

Мы представили въ общихъ чертахъ сущность посреднической организаціи на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Она опирается на однородности зерна, которое естественнымъ образомъ укладывается въ нѣсколько номенклатуръ; на элеваторахъ, расположенныхъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и дѣлающихъ возможнымъ быстрое движеніе грузовъ; на биржахъ, этихъ центрахъ сосредоточенія спроса и предложенія, наконецъ, на срочныхъ договорахъ, регистрирующихъ теченіе хлѣбныхъ потоковъ и служащихъ, какъ обезпечивающее учрежденіе для торговыхъ фирмъ.

Теоретически, это сплошная система средствъ и учрежденій, взаимно дополняющихся. Каждая мелочь находится здѣсь на мѣстѣ, приспособленна къ другимъ.

Система въ такой формѣ существуетъ только по той сторонѣ Атлантическаго океана, гдѣ возникла стихійно и самобытно и гдѣ весь механизмъ дѣйствуетъ съ неизмѣримою гибкостью, приспособленный къ требованіямъ обыденной жизни. Всѣ его звенья развиты, представляя собой лишь верхній этажъ зданія, имѣющаго крѣпкій и широкій фундаментъ. Никакой декретъ не создастъ такихъ учрежденій, если жизнь въ своемъ теченіи не произвела необходимыхъ элементовъ. Они образовались здѣсь въ силу пользы и практичности доставляемыхъ услугъ, возникая вслѣдствіе ежедневной практики и совершенствуя постепенно свои формы.

Въ Европѣ происходитъ иное. Формація посредническаго международнаго механизма находится у насъ въ противорѣчіи съ отношеніями, свойственными сферѣ производства. Она не находитъ въ жизни той опоры, которой пользуется въ Соединенныхъ Штатахъ. Даже срочныя сдѣлки, играющія такую роль за моремъ, въ Европѣ совсѣмъ не имѣютъ того значенія. Это проявляется въ цифрахъ, опредѣляющихъ ихъ отношеніе къ реальнымъ договорамъ.

Въ первой половинѣ 1887 г. на ньюіоркской биржѣ продано въ настоящей сдѣлкѣ только 49 милліоновъ бушелей пшеницы, въ срочной же около 868 милліоновъ, т.-е. договоры послѣдней категоріи составляли почти 95% всѣхъ транзакцій. Въ Европѣ же на биржѣ Пешта, напр., срочные договоры въ среднемъ за 1884—1888 гг. представляютъ 56% всѣхъ заключенныхъ сдѣлокъ. И характеръ ихъ по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана другой. Американскій мельникъ знаетъ, что получитъ хлѣбъ, купленный въ срочной сдѣлкѣ, такимъ, какимъ онъ ожидалъ его; нѣчто другое ожидаетъ европейскаго собрата. Отзывъ Шумахера можетъ казаться парадоксомъ, но все-таки онъ непарадоксъ, а именно, что хлѣбныя европейскія биржи болѣе охвачены безумiемъ спекуляціи, чѣмъ американскія. Отмѣтивъ, что срочный хлѣбъ на берлинской биржѣ кружится въ заколдованномъ кругѣ отношеній исключительно спекулятивныхъ, и не поглощается мельницами, онъ пишетъ: «Существующее въ Германіи раздѣленіе срочныхъ и реальныхъ сдѣлокъ въ торговлѣ хлѣбомъ, дѣлающее невозможнымъ пріобрѣтеніе свѣдѣній, необходимыхъ при послѣднихъ, приготовило почву для пожизненныхъ профессіональныхъ спекулаторовъ по срочному договору. Сознавая, какъ трудно и рискованно разрѣшать такіе вопросы, на основаніи личныхъ впечатлѣній, я долженъ сказать, что спекуляторъ на германской хлѣбной биржѣ играетъ большую роль и болѣе вліятельную, чѣмъ на американской».

Биржа за моремъ является увѣнчаніемъ системы производства, сохраненія и транспорта. Въ Европѣ онѣ не находятъ столь обширной опоры. Пробовали ее создать въ послѣднее время; устроили нѣсколько элеваторовъ въ Россіи, появились большіе склады въ западныхъ мѣстностяхъ Германіи, но чтобы они развились, надо, чтобы природа зерна, производимаго въ нашей части свѣта, отличалась большимъ однообразіемъ. Пока это не наступитъ, всѣ усилія привить заморскіе образцы европейской почвѣ будутъ и должны давать малые результаты. Но осуществленіе этой задачи представляетъ такія трудности, означаетъ такой переворотъ въ условіяхъ производства, что пока мы должны это считать утопіей. Замѣтимъ еще и другую причину: городскіе элеваторы въ Сѣверной Америкѣ основываются на деревенскихъ, между тѣмъ у насъ послѣдніе до настоящаго времени представляли бы непроизводительную затрату капитала, въ виду существованія амбаровъ въ имѣніяхъ.

Но все-таки жизнь принуждаетъ земледѣльцевъ, по крайней мѣрѣ со временемъ можетъ принудить, обратить вниманіе на требованія, какія предъявляетъ посредническій механизмъ международнаго рынка, и еще болѣе возростающая централизація въ мельничномъ производствѣ. Большія мельницы требуютъ для надлежащаго дѣйствія постоянства въ качествѣ зерна. Онѣ должны, на рынкѣ странъ, импортирующихъ хлѣбъ, отдавать первенство тѣмъ транспортамъ, которые *caeteris paribus* отличаются большимъ однообразіемъ. Теоретически можно предвидѣть такую минуту, когда европейскіе грузы хлѣба, не представляющіе этого качества, не будутъ имѣть доступа на международный рынокъ. Уже и теперь худшіе сорты хлѣба остаются въ мѣстахъ производства и удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ бѣднѣйшаго населенія.

Однако, очень важные факторы заставляютъ нашу часть свѣта запастись заморскими образцами.

Заморскіе соперники отличаются особенною предпріимчивостью. Самое небольшое обстоятельство, кажущееся совсѣмъ не важнымъ, представляетъ уже проломъ, чрезъ который пробивается потокъ, плывущій изъ Америки. Мы получаемъ впечатлѣніе, какъ будто бы тамъ существовали неизмѣримыя скопленія хлѣба, изъ которыхъ онъ тотчасъ уходитъ, какъ только явится потребность на европейскомъ рынкѣ. Такое проворство является самымъ опаснымъ качествомъ американской конкурренціи. Оно связано съ организаціей тамошняго посредническаго организма. Механизмъ, который посредничаетъ между американскимъ производителемъ и европейскимъ потребителемъ, такъ превосходно устроенъ, такъ гибокъ и быстръ, что окончательно рѣшаетъ вопросъ о побѣдѣ. Онъ представляетъ ужасающую машину, которая съ необыкновенной легкостью выбрасываетъ значительную массу хлѣба на большое разстояніе, между тѣмъ какъ наша посредническая организація—просто дѣдовская лопата, которою едва сможешь сдвинуть съ мѣста транспортъ, чтобы онъ не слишкомъ опаздывалъ. Американскій фермеръ, хотя и эксплуатируемый, обязанъ посредникамъ своимъ положеніемъ на европейскомъ рынкѣ. Экспортирующія страны Европы не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ быстраго соперничества. Однако онѣ должны освободиться отъ современныхъ цѣпей, или-же будутъ все болѣе терять рынокъ. Приспособляясь, онѣ стараются заводить у себя элеваторы—съ пользою для экспорта на всемірный рынокъ.

Экономическое развитіе въ современной посреднической организаціи создаетъ все болѣе простой механизмъ, несмотря на внѣшнюю запутанность, и совершенствуетъ его далѣе. Такой прогрессъ происходитъ не только въ торговлѣ хлѣбомъ. Централизація въ доставкѣ скота въ торговые центры мясомъ и высылка его оттуда въ Англію, экспортъ масла изъ колоній и Даніи на европейскіе рынки, даже яицъ—мы вездѣ

замѣчаемъ то же стремленіе замѣнить небольшіе и разнообразные ручейки большими однородными потоками. Усилія единичныхъ предпринимателей, которыхъ не одушевляетъ никакая *идея*, а лишь *желаніе барышей*, медленно воплощаютъ въ жизнь новые образцы обмѣна, улучшаютъ технику, соединяющую отдаленнѣйшія мѣстности земного шара, совершенствуютъ способы взаимнаго соглашенія и уравненія спроса съ предложеніемъ, наконецъ, вліяютъ вообще на сферу производства, распространяя вездѣ централизацію и простоту—эти необходимыя условія для порабощенія человѣкомъ дикихъ и капризныхъ силъ общественной природы, т. е. для передачи ихъ волѣ человѣка, организованной на соотвѣтственно большихъ пространствахъ. Мы вспоминали о проектахъ веденія хлѣбной торговли государствомъ, возникшихъ среди консервативныхъ группъ. Посредническій механизмъ такъ упростилъ отношенія, что, съ точки зрѣнія общественной техники, эти проекты вполнѣ осуществимы. Если бы когда-нибудь дѣло дошло до этого, элеваторы превратились бы въ государственные амбары, владѣющіе усовершенствованной техникой очищенія, провѣтриванія и нагрузки хлѣба; биржа доказала бы, что она представляетъ тайный департаментъ статистики потребностей и существующихъ запасовъ, наконецъ, что срочныя сдѣлки замѣняютъ *приказы* организованной воли.

Вмѣстѣ съ этимъ общественнымъ процессомъ, происходящимъ наверху, идетъ и другой, не пропорціонально меньшихъ размѣровъ, идущій къ цѣли другимъ путемъ. Это опыты, предпринимаемые земледѣльцами для удаленія посредниковъ и для личныхъ сношеній съ потребителями.

6.

Эксплуатація земледѣльцевъ посредниками. — Корпораціи съ цѣлью продажи.— Удачныя опыты начинаются на мѣстныхъ рынкахъ и современемъ охватываютъ большіе рынки.

Въ нашихъ статьяхъ намъ случалось неоднократно вспоминать объ эксплуатаціи земледѣльцевъ посредниками.

Элеваторныя общества заставляютъ земледѣльцевъ продавать хлѣбъ гуртомъ тотчасъ послѣ жатвы, что не можетъ хорошо вліять на цѣну зерна. Биржи, создавая низкіе курсы при помощи спеціально созданныхъ мнимыхъ сдѣлокъ, отнимаютъ у земледѣльца часть его заработковъ. И даже хлѣбныя номенклатуры являются источникомъ наживы.

Земледѣльческія общества стараются бороться съ этими пауками. Чувствуя зло, но не понимая ни природы современныхъ экономическихъ силъ, ни современныхъ общественныхъ условій, они возстаютъ противъ механизма, тяжесть котораго ихъ давитъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ люди болѣе знакомы съ требованіями настоящей хозяйственной эпохи, замѣтны стремленія направить назадъ ходъ исторіи, возвра-

титься къ стародавнимъ отношеніямъ и образцамъ, словомъ, что называется вмѣстѣ съ грязной водой выплеснуть и ребенка изъ ванны.

Но существуютъ и другія стремленія противодѣйствія посредникамъ, прогрессивныя, удерживающія не только въ принципѣ то, что возникло какъ звено въ развитіи, эластическое, подвижное и приспособленное къ требованіямъ международнаго рынка, совершенствуя общественный механизмъ, вводя въ него корпорацію и соціализацію.

Эти старанія со стороны земледѣльцевъ, соединенныхъ въ союзы и спеціальныя корпораціи, ведутъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ потребителями.

Такого рода союзы развились особенно въ странахъ, кончающихъ свой годичный бюджетъ дефицитомъ съѣстныхъ продуктовъ и вынужденныхъ дополнять недостатки заграничными продуктами, или же въ такихъ странахъ, которыя хотя и не знаютъ дефицита, все-таки не могутъ высылать свой хлѣбъ заграницу. Можно было бы приписывать это явленіе высшему уровню культуры, на которомъ находятся страны, ввозящія земледѣльческіе продукты; онѣ отличаются обыкновенно развитіемъ фабричнаго промысла. Нѣтъ сомнѣнія, это обстоятельство произвело свое вліяніе и способствовало распространенію среди земледѣльцевъ корпоративнаго духа. Но и другой факторъ оказалъ здѣсь вліяніе. Страны, экспортирующія хлѣбъ и вообще земледѣльческіе продукты, находятся вдали отъ рынковъ. Нельзя ожидать даже отъ соединенныхъ въ союзы земледѣльцевъ порабощенія силъ далекаго рынка и свободы движенія среди отношеній, свойственныхъ ему. По необходимости они должны пользоваться услугами посредниковъ. Нужны спеціальныя знанія, особый навыкъ, извѣстная сноровка, вообще свойства, которыхъ корпорація не можетъ сразу пріобрѣсти; мы уже не говоримъ о неспособности каждой корпораціи побѣдить анархію, господствующую на рынкѣ. Но въ импортирующихъ странахъ земледѣльцы продаютъ свои продукты на мѣстномъ рынкѣ. Они знакомы съ условіями продажи, срослись съ ними съ дѣтства. Общество, основанное съ цѣлью порабощенія мѣстнаго рынка и стремящееся удалить дѣйствующихъ тамъ посредниковъ, имѣетъ много шансовъ успѣха. Конечно, все это развивается медленно и съ трудомъ, корпорація должна создавать соотвѣтственный персоналъ и пріобрѣтать купеческую сноровку, но не смотря на все, тамъ нѣтъ для собирательнаго профана непреодолимыхъ препятствій, съ которыми приходится считаться на всемірномъ рынкѣ.

По недостатку статистическихъ данныхъ мы не можемъ дать точной картины земледѣльческой корпораціи, задающейся цѣлью продажи. Замѣтимъ, что она не импонируетъ своими размѣрами. Возникшіе образцы и еще болѣе производимыя усилія заслуживаютъ вниманія лишь, какъ проявленіе корпоративнаго движенія, которое вообще сдѣлало большіе успѣхи среди земледѣльцевъ и въ будущемъ, быть можетъ, окажетъ сильное давленіе на развитіе общественныхъ отношеній. Еще одно. Мы

должны помнить, что только начало трудно, и что если какой-нибудь опытъ удается въ одномъ—другомъ мѣстѣ, то онъ поощряетъ все болѣе многочисленныя группы попробовать то же самое, особенно если жизнь принуждаетъ къ тому. Въ западной Европѣ мы видимъ самыя разнообразныя усилія земледѣльцевъ завязать непосредственныя отношенія съ потребителями. Разочарованіе чаще, чѣмъ успѣхъ, но зато всякое удачное усиліе разростается и становится центромъ, группирующимъ болѣе зажиточныхъ, во всякомъ случаѣ болѣе оборотливыхъ земледѣльцевъ данной мѣстности. Это понятно: земледѣльцы не успѣваютъ чаще всего по недостатку административной сноровки. Если же корпораціи повезло, то навѣрное тамъ находятся способные администраторы.

Во Франціи, Англіи, Германіи возникло много такихъ земледѣльческихъ союзовъ, занимающихся продажей продуктовъ. Но не всѣ земледѣльческія произведенія способствуютъ образованію такихъ непосредственныхъ сношеній съ потребителями. Болѣе другихъ пригодны для такой цѣли такъ называемые *perishable goods*, т. е. продукты, легко портящіеся, яйца, молоко и т. д. Труднѣе всего съ хлѣбомъ. Этотъ товаръ не нуждается въ особенной осторожности при далекихъ транспортахъ и потому не благопріятствуетъ возникновенію обособленныхъ рынковъ и порабощенію ихъ мѣстными земледѣльцами. Но и тутъ мы можемъ отмѣтить успѣшные опыты. Всѣ эти усилія ограничиваются ближайшимъ рынкомъ, уѣзднымъ или департаментскимъ городомъ, и найдя тамъ солидную опору, пріобрѣтя способныхъ администраторовъ и пріучивъ земледѣльцевъ къ требуемой систематичности дѣйствій, расширяютъ обороты свои дальше по направленію къ Парижу. На основаніи уѣздныхъ обществъ возникаютъ департаментскія и окружныя. Руководители французскихъ синдикатовъ мечтаютъ о кооперації въ предѣлахъ всей страны. Но мы не должны забывать, что мѣстная организація и порабощеніе ближайшаго уѣзднаго рынка, составляютъ исходную точку для всѣхъ этихъ стремленій. Тамъ сосредоточились всѣ усилія кооператистовъ, желающихъ уничтожить посредниковъ. Они начались нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и трудно рѣшить, къ чему приведутъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ экономисты съ пренебреженіемъ говорили о кооперативныхъ способностяхъ земледѣльцевъ, но синдикальное движеніе во Франціи научило представителей экономіи смотрѣть на дѣло не слишкомъ пессимистически.

Л. Крживицкій.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА IV.

Святилище.

*(Продолженіе *).*

VII.

Возвращеніе домой заняло много времени, но Глори не скучала. Когда она привыкла къ главному неудобству—пыли, которая набивалась въ горло и слѣпила глаза, дорожныя сценки показались ей даже забавными. Вино всѣхъ развеселило, мужчинъ и женщинъ; всѣ смѣялись, кричали, пѣли; одни, нарядно одѣтые, ѣхали, развалясь въ коляскѣ; другіе, въ полосатыхъ джерси и желтыхъ нанковыхъ панталонахъ, подпрыгивали въ телѣжкахъ запряженныхъ ослами; одни курили сигары и сигаретки, пили шампанское; другіе держали въ зубахъ глиняныя трубки донышкомъ кверху и размахивали пустыми бутылками изъ-подъ эля; одни закрывались листьями ревеня, вмѣсто зонтика, и забрасывали полицейскихъ конфетти; другіе въ страшныхъ маскахъ, съ накладными усами и носами, усердно оглашали воздухъ пронзительными звуками изъ грошевыхъ игрушечныхъ трубъ; но, въ общемъ, всѣ они составляли какъ бы одну семью, принадлежали къ одному разряду и классу.

Тяжелыя сцены чередовались съ смѣшными: тамъ бросили въ канаву старую лошадь, которая пала на дорогѣ, измученная непривычно долгой ѣздой; здѣсь у телѣжки сломалась ось, и цѣлая компанія вывалилась на землю; въ одномъ мѣстѣ они обогнали толпу мальчишекъ, которые отъ усталости едва передвигали ноги, какъ старики; въ другомъ, валліецъ, въ изорванномъ въ лохмотья національномъ костюмѣ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

опрометью мчался цѣликомъ черезъ поле, спасаясь отъ преслѣдовавшей его разъяренной толпы.

При всемъ томъ, веселье было разлито въ воздухѣ, и Глори смѣялась чуть не на каждомъ шагу. Лордъ Робертъ, обнявъ за талію Бэтси, трунилъ надъ проѣзжимъ торговцемъ, который посадилъ къ себѣ въ телѣжку пьяную бабу, увѣряя, что, по пріѣздѣ домой, ему достанется отъ жены. Дальше попалась курьезная парочка: кавалеръ съ жемчужными пуговицами на курткѣ и дѣвица въ сногсшибательной шляпкѣ. Онъ сорвалъ съ нея шляпу, она съ него, онъ ее поцѣловалъ, она его чмокнула; потомъ они обмѣнялись шляпами, взялись за руки и вмѣстѣ запѣли «Стараго голландца».

Глори принялась ихъ передразнивать, Дрэкъ хохоталъ до упаду.

Было уже семь часовъ, когда они, наконецъ, въѣхали въ Лондонъ, не встрѣтивъ по дорогѣ ни одного трезваго человѣка. Все было пьяно и шумно весело; тѣмъ не менѣе Дрэкъ увѣрялъ, что никогда еще день скачекъ не проходилъ такъ спокойно, и онъ не понимаетъ, въ чемъ тутъ причина.

— Все дѣло въ этой религіозной маніи,—сказалъ лордъ Робертъ, указывая направо.

Передъ ними было зрѣлище, не имѣвшее ничего общаго съ видѣнными раньше сценами, — огромный пустырь и на немъ толпа людей; люди эти разложили костры, какъ бы намѣреваясь провести здѣсь всю ночь, разбились на группы, молились и пѣли гимны. Пьяный хохотъ и крики на мгновеніе стихли; слышны были только стукъ колесъ и протяжное, заунывное пѣніе. Вдругъ, словно рѣзкій крикъ баклана, изъ тысячи грудей сразу вырвался возгласъ: «Отецъ Стормъ!» Въ ландо его встрѣтили дружнымъ смѣхомъ. Когда все поуспокоилось, Бетти объявила:

— Честное слово, этотъ человѣкъ, должно быть, спятилъ.

Сосѣдка ея такъ и закатилась; Дрэкъ безпокойно заерзалъ на козлахъ; лордъ Робертъ сказалъ: «Стоитъ ли обращать вниманіе на элефанта?», но Глори будто ничего и не замѣтила; только улыбка на минуту исчезла съ ея лица.

Распивъ послѣднюю бутылку шампанскаго, компанія порѣшила отправиться обѣдать въ Кафе-Рояль, или къ Романо; для этого необходимо было прежде заѣхать къ Дрэку, почиститься, вымыться и отдохнуть. Глори была готова первая; въ ожиданіи прочихъ, она сѣла за гармоніумъ и заиграла гимнъ, который они слышали при въѣздѣ въ городъ. За стѣной послышался смѣхъ и Дрэкъ показался въ дверяхъ своей комнаты, безъ сюртука; онъ просто глазъ не могъ оторвать отъ Глори. Она, чтобы скрыть смущеніе, запѣла комическую пѣсню. Ей стали апплодировать; она спѣла вторую, третью, начала было четвертую, но сбилась, уронила голову на руки и заплакала.

— Репетиція въ десять утра,—напомнила Бетти.

Всѣ разсмѣялись. Заботливо укутывая Глори въ ротонду, Дрэкъ шепнулъ ей:

— Что съ вами, дорогая? Вы немножко не въ своей тарелкѣ, а?

— Будьте умникомъ и оставьте меня въ покоѣ,—отвѣтила она и сама засмѣялась.

Они уже выходили, когда одна изъ дамъ сказала:

— Собственно говоря, обѣдать ужъ поздно; почему бы намъ не поужинать въ греческомъ клубѣ?»

Другія единодушно поддержали ее.

Предложеніе было немножко рискованное: такихъ клубовъ порядочныя женщины не посѣщаютъ. Дрэкъ посмотрѣлъ на Глори.

— А вы не испугаетесь?

— Съ какой стати?—весело улыбнулась она.

На что онъ воскликнулъ:

— Вотъ и прекрасно!—и въ глазахъ его появилось выраженіе, котораго она никогда не замѣчала въ нихъ раньше.

Греческій клубъ находится на Сентъ-Джемскомъ скверѣ, недалеко отъ дворца епископа лондонскаго. Уже совсѣмъ смерклось; проѣзжая по Джерминъ-стритъ, они замѣтили возлѣ курятной лавки толпу ребятишекъ, выстроившихся въ линію, въ ожиданіи раздачи остатковъ. Въ Йоркъ-стритѣ было страшное скопленіе экипажей; имъ едва удалось добраться до двери. Изнутри доносились звуки музыки и топотъ танцующихъ. Распорядители, въ формѣ, осматривали членскіе билеты и записывали имена гостей. Дамы сняли плащи, мужчины—пальто и шляпы; распахнулась настежь широкая дверь, и они вошли въ бальную залу. Танцующіе были одѣты безукоризненно, словно на какомъ-нибудь свѣтскомъ раутѣ, съ тою разницей, что всѣ дамы были молоды и красивы, а мужчины не титулованы. Посреди залы танцующіе мужчины вытянулись въ длинную линію; каждый держалъ за талію стоявшаго впереди его, какъ бы собираясь играть въ чехарду. «Начинайте!» крикнулъ дирижеръ. Грянулъ оркестръ, и вся линія заколыхалась вправо и влѣво; танцующіе выдѣлывали какія-то странныя тѣлодвиженія, припѣвая хоромъ: «Тра-ла-ла!» Одинъ изъ нихъ былъ лордъ, другой—юноша, недавно получившій большое наслѣдство, третій комическій актеръ, слѣдующій за нимъ представитель крупной торговой фирмы, потомъ какая-то темная личность, потомъ молодой человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, который жилъ тѣмъ, что обиралъ всѣхъ предъидущихъ. Они танцовали новоизобрѣтенный характерный танецъ, *burlesque*. «Баста!» крикнулъ снова дирижеръ, и музыка смолкла.

Лордъ Робертъ повелъ ихъ наверхъ. На каждомъ шагу попадались хорошенькія женщины въ голубыхъ и розовыхъ платьяхъ. На первой площадкѣ былъ устроенъ балконъ, съ котораго можно было смотрѣть на танцующихъ, дальше американскій буфетъ, гдѣ дамы курили сигаретки. Лордъ Робертъ заказалъ ужинъ.

Въ столовой, за маленькими столиками, уже сидѣло множество народу, мужчины завитые—въ крахмальныхъ манишкахъ и галстухахъ бабочкой, въ цвѣтныхъ фракахъ. Лакеи разносили шампанское и кушанья на серебряныхъ блюдахъ; смѣхъ и веселая болтовня заглушали стукъ ножей и вилокъ. Изъ бальной залы все время доносились звуки оркестра.

Глори сидѣла рядомъ съ Дрэкомъ. Она поняла, что унизила себя въ его глазахъ, пріѣхавъ сюда. Онъ много пилъ и безъ конца говорилъ ей комплименты. За другими столами ужинающіе мѣнялись; они все сидѣли. Многіе пріѣхали изъ Ипсома; разговоръ вертѣлся на скачкахъ. Нѣкоторые изъ новоприбывшихъ кланялись Дрэку; большинство узнавали Глори.

Длиннобородый господинъ за сосѣднимъ столикомъ, выпятивъ впередъ грудь въ бѣломъ жилетѣ, поднялъ бокалъ и воскликнулъ: «За здоровье Глори!».

— Это Синяя Борода,—шепнула Глори.—Кто онъ такой?

— Его прозвали «королемъ Фараона»,—отвѣчалъ Дрэкъ.—Онъ нажилъ игрой цѣлое состояніе, и теперь помѣщикъ, имѣетъ даже приходъ въ своемъ распоряженіи.

Внезапный ударъ грома сразу покрылъ звуки музыки, говоръ и смѣхъ. На мигъ всѣ притихли.

— Пожалуй, это начало страшной бури, отъ которой погибнетъ Лондонъ,—замѣтилъ лордъ Робертъ.

Слова эти обрушились на веселое общество, какъ второй ударъ грома. Ужинающіе, блѣднѣя, переглядывались между собою.

— Ну, да вѣдь *буря* *) завыла не въ первый разъ; она воетъ уже давно,—пошутилъ лордъ Робертъ, но никто не засмѣялся.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ всѣ ужъ оправились; снова раздались пѣніе и музыка, и смѣхъ громче прежняго; шампанское лилось рѣкой, и каждаго лакея кликали «отцомъ Стормомъ».

Глори стало стыдно. Склонивъ голову на руку, она разглядывала окружающихъ. «Король Фараона», который все время строилъ ей глазки, нагнулся къ ея плечу и конфиденціально спросилъ:

— Кого ищетъ прекрасная Глорія?

— Я ищу *человѣка*,—отвѣчала она. Бородачъ сконфуженно отшатнулся и выругался себѣ подъ носъ; Глори тутъ только замѣтила, что Дрэкъ и лордъ Робертъ, сидѣвшій напротивъ, о чемъ-то горячо спорятъ между собою.

— Нѣтъ, говорю вамъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—кричалъ Дрэкъ.—Можете называть его, если хотите, дуракомъ и осломъ,—развѣ это что-нибудь объясняетъ? Въ этомъ человѣкѣ есть искра Божія, его нельзя мѣрить обычнымъ масштабомъ.

---

*) Въ подлинникѣ игра словъ: буря по англійски—Storm.

— Дѣйствительно, нельзя, дружище. Принимать его въ серьезъ— это противно здравому смыслу.

— Тѣмъ хуже для здраваго смысла. Когда о людяхъ исключительныхъ судятъ, какъ о среднемъ человѣкѣ, здравый смыслъ обыкновенно изрекаетъ величайшую безсмыслицу.

— Ого! ого! — послышалось съ разныхъ сторонъ, но Дрэкъ, не обращая вниманія, продолжалъ:

— Представители здраваго смысла въ свое время издѣвались и надъ Іисусомъ Христомъ; и надъ Нимъ смѣялся его народъ, даже его родные, и за это его современниковъ казнили всѣ послѣдующія поколѣнія. Та же участь постигала всѣхъ людей съ пылкой душой, всѣхъ, кто, проникшись духомъ Его ученія, пытались привить его міру. Свѣтъ смѣялся надъ ними, позорилъ ихъ, заперъ бы ихъ въ сумасшедшій домъ, какъ безумныхъ, еслибъ не носимое ими высокое знамя.

Странная то была рѣчь для такой публики и въ такомъ мѣстѣ. Всѣ, молча, слушали.

— Однако эти-то мрачные титаны и ведутъ міръ впередъ, и одинъ часъ ихъ божественнаго безумія для человѣчества дороже цѣлаго вѣка нашего здравомыслія. А между тѣмъ мы отказываемъ имъ въ дружбѣ и любви, дѣлаемъ все возможное, чтобы вышвырнуть ихъ изъ нѣдръ человѣческой семьи! Мы даже изобрѣли для нихъ новое прозвище— вырожденники,—мы, пигмеи и свиньи, которымъ слѣдовало бы пасть предъ ними ницъ, пресмыкаясь во прахѣ! Господа,—крикнулъ онъ, поднявшись съ мѣста и наполняя свой бокалъ,—предлагаю вамъ тостъ за здоровье отца Сторма!

Все время, пока онъ говорилъ, Глори краснѣла и блѣднѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ, тяжело дыша и глядя на него широко раскрытыми глазами. Когда онъ кончилъ, она вскочила со стула, обняла его обѣими руками за шею и поцѣловала.

— Однако, вы быстро идете впередъ!—замѣтила Бетти. Всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и самъ Дрэкъ. Глори, смущенно опустившаяся на мѣсто, старалась тоже смѣяться.

— Ну-ка, еще бутылочку похолоднѣе!—скомандовалъ Дрэкъ. Онъ по своему истолковалъ себѣ выходку Глори, и ея поцѣлуй окончательно опьянилъ его. Она готова была заплакать отъ стыда и досады, видя что онъ находитъ такое поведеніе совершенно естественнымъ съ ея стороны, можетъ быть, думаетъ даже, что это съ ней случилось не въ первый разъ, но, чтобы выйти изъ глупаго положенія, она смѣялась не меньше другихъ и даже чокнулась съ Дрэкомъ, когда принесли вино.

— Я васъ провожу домой,—шепнулъ онъ, лукаво улыбаясь и заглядывая ей въ глаза. Она покачала головой, но это только подзадорило его.

— Я поѣду... я хочу... вы *должны* позволить мнѣ!—И онъ началъ играть ея рукой, отворачивая кверху кружево у рукава.

Въ эту минуту вбѣжалъ его камердинеръ Бенсонъ, красный, запыхавшійся, и шепотомъ передалъ ему какое-то, очевидно, важное извѣстіе. Глори разслышала только два слова: «Министръ» и «канцелярія». Дрэкъ повернулся къ ней, скрывая подъ улыбкой досаду, и сказалъ:

— Мнѣ очень жаль, милый другъ, но я долженъ исчезнуть на время. Можетъ быть, вы подождете меня, или...

— Уведите меня отсюда и наймите извозчика,—сказала Глори. Ихъ уходъ обратилъ на себя вниманіе; лордъ Робертъ спросилъ:

— Можетъ быть, дѣло касается этого...

— Никого и ничего,—возразилъ Дрэкъ.

Садясь въ кэбъ, Глори еще слышала музыку и голоса танцующихъ, старательно выводившихъ хоромъ: «Тра-ля-ля-ля!».

— Я пріѣду вслѣдъ за вами,—улыбаясь, шепталъ Дрэкъ.

— Я буду уже въ постели, и домъ будетъ запертъ... Какъ вы нынче были великолѣпны!

— Я не могу видѣть, какъ бьютъ лежачаго... Нѣтъ, вы-то какая прелесть сегодня, Глори! Я непремѣнно войду, хотя бы мнѣ пришлось разбудить Лизу, или выломать дверь.

Проѣзжая по Трафальгаръ-скверу, Глори увидала процессію, медленно двигавшуюся по Парламентской улицѣ, съ пѣніемъ гимновъ. Съ ней столкнулось другое безпорядочное шествіе,—веселая компанія, разгуливавшая по городу, съ дубовыми листьями и боярышникомъ на шляпахъ, распѣвая разухабистыя пѣсни. Полиція разогнала тѣхъ и другихъ и очистила дорогу кэбу.

VIII.

Войдя въ гостиную, Джонъ почувствовалъ, что имъ овладѣваютъ какія-то странныя чары. Воздухъ былъ полонъ присутствіемъ Глори; Джону казалось, что онъ слышитъ ея дыханіе. Лампа на угловомъ столикѣ лила мягкій свѣтъ изъ подъ краснаго абажура. Всюду валялись разныя бездѣлушки, серебряныя вещицы, брелоки, вѣера, перья, цвѣты. Шаговъ его не было слышно на мягкомъ коврѣ. Все это было такъ непохоже на домъ, откуда онъ вышелъ, на его убогую коморку подъ церковью.

Ему легко было вообразить, что Глори только что вышла отсюда. Дверь въ маленькій кабинетикъ чернаго дерева была полуоткрыта, виднѣлась нижняя полка этажерки и на ней туфельки, кожаныя, атласныя, черныя, красныя, бѣлыя. Это его растрогало. Невыразимая нѣжность шевельнулась въ его сердцѣ; онъ отвернулся. Подъ лампой на столикѣ лежала пара бѣлыхъ перчатокъ, — одна свѣжая ненадѣванная, другая, сохранившая отпечатокъ маленькой ручки. Онъ положилъ ее поперегъ своей широкой ладони и ощутилъ новый приливъ нѣжности.

На каминѣ были разставлены фотографіи, по большей части изображавшія Глори, въ разныхъ видахъ и позахъ. Съ нѣкоторыхъ, какъ живые, глядѣли ея блестящіе глаза, вились кудрявые волосы; на одной полураскрытый, улыбающійся ротъ придавалъ лицу Глори какое-то сладострастное выраженіе, но изъ стоявшей рядомъ рамки на васъ глядѣло совсѣмъ другое лицо, такое милое, веселое, простодушное. Джонъ рѣшилъ, что это должно быть давнишняя карточка: Глори была изображена въ костюмѣ былыхъ дней — матросской шапочкѣ и джерси. О, эти былые дни, невинные, радостные! Глори! Гдѣ его радость, его красавица Глори!

Волненіе туманило ему разсудокъ; онъ началъ спрашивать себя, чего онъ здѣсь дожидается. Страшная мысль снова мелькнула въ умѣ, но теперь она показалась чудовищной, невозможной. «Уйду!» — рѣшилъ онъ и направился къ двери.

На этажеркѣ у двери стоялъ большой портретъ подъ стекломъ; раньше Джонъ не замѣтилъ его, такъ какъ большая часть комнаты тонула въ полумракѣ, но теперь увидалъ, и невыразимая горечь поднялась со дна души его. Онъ мрачно улыбнулся и сѣлъ на диванъ.

Долго ли онъ просидѣлъ такъ, онъ не могъ бы сказать. Для страждущей души не существуетъ времени: часъ длится, какъ вѣчность, и вѣчность не дольше часа. Джонъ сидѣлъ у стола, положивъ голову на руки; тоска и сомнѣніе раздирали его сердце. То онъ говорилъ себѣ, что Богъ не посылаетъ людей на убійство, то старался себя увѣрить, что это не убійство, а жертва. Въ ушахъ его звенѣлъ чей-то насмѣшливый голосъ: «Однако, свѣтъ назоветъ это убійствомъ, и ты понесешь законную кару». На это онъ отвѣчалъ въ душѣ: «Выйдя изъ этого дома, я самъ отдамся въ руки правосудія, пойду къ первому попавшемуся участковому приставу и скажу:—Возьмите меня; я исполнилъ свой долгъ передъ Богомъ, но въ глазахъ моихъ соотечественниковъ я совершилъ преступленіе». Голосъ возражалъ снова: «Это только повлечетъ за собой и твою смерть». Джонъ говорилъ: «Смерть благо для тѣхъ, кто умираетъ за правое дѣло; а моя смерть будетъ протестомъ противъ униженія женщинъ, будетъ свидѣтельствовать противъ мужчинъ, которые сдѣлали женщину своей игрушкой, орудіемъ наслажденія, жертвой и рабыней». Думая такъ, онъ ощущалъ странный трепетъ удовольствія при мысли, что весь свѣтъ узнаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ. «А утромъ я отслужу обѣдню за упокой ея души», сказалъ онъ себѣ, и холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ, и сердце его оледенѣло, какъ камень.

Онъ поднялъ голову и прислушался. Въ комнатахъ и въ саду все было тихо; въ полураскрытыя окна доносились лишь глухіе отголоски уличнаго шума. Глубокая тишина охватила Лондонъ, тишина болѣе жуткая, чѣмъ недавніе крики и вопли толпы. «Должно быть, ужъ поздно, — подумалъ Джонъ, — пожалуй, близко къ полуночи». Ему

пришло въ голову, что Глори можетъ въ эту ночь совсѣмъ не вернуться домой, и долго сдерживаемое чувство вырвалось наружу громкимъ крикомъ: «Слава Богу!»

Звукъ собственнаго голоса, раздавшійся въ тишинѣ, пробудилъ Джона отъ оцѣпенѣнія. Онъ сталъ различать и другіе звуки,—стукъ колесъ вдали, потомъ все ближе-ближе. Экипажъ остановился у воротъ; послышалось бряцанье уздечки, какъ будто лошадь мотала головой; щелкнула дверца кэба; потомъ голосъ—женскій голосъ—сказалъ: «Доброй ночи!» и другой голосъ—мужской—отвѣтилъ: «Доброй ночи, миссъ, благодарствуйте!» И снова раздался стукъ отъѣзжавшаго экипажа.

Джонъ весь обратился въ слухъ; каждый звукъ явственно отдавался въ его ушахъ. Онъ поднялся съ дивана и, стоя, ждалъ.

Минуту спустя внизу ключъ повернулся въ замкѣ; по лѣстницѣ зашелестило женское платье; пахнуло духами, свѣжестью и здоровьемъ, дверь распухнулась; на порогѣ стояла она сама, Глори. У него закружилась голова; онъ вдругъ потерялъ способность видѣть и слышать.

Увидавъ у маленькаго столика Джона съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, Глори на мигъ замерла въ нѣмомъ изумленіи, потомъ провела рукой по глазамъ, какъ бы отгоняя видѣніе, схватилась за спинку стула и слабо вскрикнула:

— Ахъ, это вы?—выговорила она, напрасно стараясь овладѣть своимъ голосомъ.—Какъ вы испугали меня! Кто бы могъ ожидать увидѣть васъ здѣсь!

Онъ пытался отвѣтить, но языкъ не повиновался ему; его молчаніе встревожило Глори.

— Васъ, должно быть, Лиза впустила; гдѣ же Лиза?

— Пошла спать,—выговорилъ онъ глухо.

— А Роза,—вы видѣли Розу?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, нѣтъ! Что это я! Вѣдь Роза въ редакціи и не вернется до утра. Стало быть, мы совсѣмъ одни!

Она сказала это, сама не зная зачѣмъ, Какъ она ни старалась говорить беззаботнымъ тономъ, губы ея дрожали. Потомъ она засмѣялась, хотя смѣяться было рѣшительно нечему и въ глубинѣ души ей становилось страшно, и принялась ходить по комнатѣ, прибирая вещи и дѣлая видъ, что ей рѣшительно все равно, что она ничуть не встревожена.

— Вы не хотите помочь мнѣ снять плащъ? Нѣтъ? Ну, нечего дѣлать, придется разоблачаться самой.

Сбросивъ съ себя верхнее платье, она перешла черезъ комнату и сѣла на диванъ возлѣ него.

— Какъ я устала! Вотъ выдался денекъ! Такія вещи достаточно разъ посмотрѣть,—въ другой не потянетъ. Какъ вы думаете, гдѣ я была?

— Я знаю, гдѣ вы были, Глори; я видѣлъ васъ тамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ это были вы... тамъ, внизу?..

— Да, я.

Онъ отошелъ, чтобы не прикасаться къ ней, но, стоя у камина и глядя въ лицо нарядной свѣтской женщинѣ, сидѣвшей у его ногъ, онъ невольно узналъ черты дѣвушки, которая была когда-то такъ дорога ему,—блестящіе глаза, длинныя рѣсницы, слегда вздрагивавшія вѣки, безпокойную гримаску рта. И снова волна нѣжности прихлынула къ его сердцу, и ему показалось, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ.

— Вы будете молиться на ночь, Глори?—спросилъ онъ.

— Почему же нѣтъ?—возразила она, пытаясь засмѣяться.

— Въ такомъ случаѣ почему бы вамъ не помолиться теперь, дитя мое?

— Но зачѣмъ?

Дрожа всѣмъ тѣломъ, но стараясь владѣть собою, Глори встала, пошла прямо къ нему, пристально заглянула ему въ лицо и сказала:

— Въ чемъ дѣло? Отчего вы такъ блѣдны? Вы нездоровы, Джонъ!

— Пожалуй, что и нездоровъ.

— Джонъ, Джонъ, что все это значитъ? Что вы задумали? Зачѣмъ вы пришли сюда ночью?

— Чтобы спасти вашу душу, дитя мое. Она въ опасности, на краю гибели.

Вначалѣ она увидала въ этихъ словахъ лишь обычный способъ выраженія людей набожныхъ и ханжей, но, заглянувъ ему ближе въ лицо, поняла, что такъ толковать ихъ не возможно, и опасенія ея превратились въ безумный страхъ. Тѣмъ не менѣе она продолжала говорить шутливымъ тономъ, почти не сознавая, что она говоритъ.

— Развѣ я ужъ такая грѣшница? Ну да вѣдь не сейчасъ же переселяться на небо. Когда-нибудь... я надѣюсь...

— Нѣтъ, теперь,—сегодня, *сейчасъ*!

Щеки Глори покрылись смертельной блѣдностью, губы побѣлѣли. Она вернулась къ своему дивану, сѣла, приподнялась, опять сѣла, протянула впередъ руку, какъ бы защищаясь отъ удара, и все время не сводя глазъ съ его лица. Разъ только она оглянулась на дверь и хотѣла позвать на помощь, но голосъ не повиновался ей.

Этотъ нѣмой испугъ длился недолго. Черезъ минуту Глори опять была сама собой и безстрашно глядѣла въ лицо Джону. Острый умъ и вѣрное чутье безошибочно подсказали ей, въ чемъ дѣло. «Онъ съ ума сошелъ отъ ревности,—рѣшила она.—Надо умѣть обойтись съ нимъ. Если я закричу, покажу, что испугалась, раздразню его, — все пропало! его можно только лаской, кротостью, убѣжденіемъ, любовью...»

Дрожа всѣмъ тѣломъ, она подошла къ нему и начала уговаривать его, мягко и ласково, стараясь оправдать себя.

— Джонъ, милый Джонъ, если вы видѣли меня въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстномъ обществѣ, изъ этого еще не слѣдуетъ... вы не должны думать, что...

Онъ обрушился на нее съ цѣлымъ потокомъ рѣчей:

— Я совсѣмъ не могу думать объ этомъ, Глори. Думая о будущемъ, я не вижу для васъ ничего, кромѣ горя, стыда и нищеты впереди. Этотъ человѣкъ погубитъ ваше тѣло и душу, броситъ васъ въ когти діаволу, въ адъ, на вѣчныя муки. Я не могу смотрѣть на это и стоять, сложа руки!

— Повѣрьте мнѣ, Джонъ, вы ошибаетесь, безусловно ошибаетесь.

Но онъ, въ мрачной ярости, крикнулъ:

— Развѣ вы можете отрицать это?

— Я могу сама за себя постоять и защитить себя.

— Развѣ вы можете отрицать это, когда его слова еще звучатъ въ вашихъ ушахъ?

Глори вспомнила, что ей шепталъ Дрэкъ, усаживая ее въ карету, и закрыла лицо руками.

— Вотъ видите! Вы не можете! Потому что это правда! Этотъ человѣкъ преслѣдуетъ васъ, чтобъ погубить, и вы это знаете. Вы знали это съ первой минуты и потому, что́ бы съ вами ни случилось, вы заслужили это. Знаете, въ чемъ вашъ грѣхъ? Вы убиваете свою душу. Что значитъ убійство тѣла въ сравненіи съ убійствомъ души? Что значитъ грѣхъ женщины, которая предпочла смерть нуждѣ и стыду, въ сравненіи съ грѣхомъ несчастной, которая продала свою душу за суетный блескъ и наслажденія свѣта? Если одну караетъ человѣческій законъ, другую ждетъ Божья кара.

Глори плакала, закрывъ лицо руками. Не смотря на всю его ярость, Джону было безконечно жаль ея. Ему казалось, что рѣшимость его ускользаетъ, что онъ силится устоять на лавинѣ, но въ то же время онъ говорилъ себѣ, что онъ, не дрогнувъ, выполнитъ свое намѣреніе, что онъ будетъ твердъ, какъ скала. Онъ тяжело вздохнулъ и заходилъ по комнатѣ.

— О, Глори, Глори! Развѣ вы не понимаете, какъ тяжко мнѣ быть вѣстникомъ Божія суда?

У нея духъ захватило; смутное подозрѣніе перешло въ увѣренность—онъ пришелъ сюда съ ужасной цѣлью, воображая себя Божьимъ мстителемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ руководила одна мучительная ревность.

— Я дѣлалъ, что́ могъ,—и все напрасно. Я много разъ пытался спасти васъ, но вы не хотѣли меня слушать. Я былъ готовъ на всякую жертву. Было время, когда я пожертвовалъ бы для васъ всѣмъ, Глори,—вы это отлично знаете,—друзьями родными, родиной, всѣмъ, даже своимъ дѣломъ и долгомъ, — самимъ Богомъ, только Онъ, по Своей милости, не допустилъ этого!

Тутъ его любовь опять вырвалась наружу потокомъ укоровъ:

— А вы измѣнили мнѣ! Въ послѣднюю минуту, въ послѣднюю! Вамъ мало было убить собственную душу; надо было еще погубить чужую! А вы знаете, что это такое? Это непростительный грѣхъ! Вы плачете? О чемъ же вы плачете?

И все время, пока онъ говорилъ, внутренній голосъ шепталъ ему, что онъ ждетъ одного, чтобъ эти прекрасные глаза взглянули на него, чтобъ ихъ волшебный блескъ озарилъ его снова.

— Ну, да теперь все миновало! Это была ошибка. Нашъ разрывъ непоправимъ. Мнѣ лучше, гораздо, гораздо лучше такъ, какъ я есть— безъ друзей, безъ родины, безъ родныхъ, скованному на всю жизнь обѣтомъ, отрѣзанному отъ міра, обособленному, одинокому!

Глори поняла, что пришла рѣшительная минута, что необходимо покорить этого человѣка, отвратить его отъ его ужаснаго намѣренія, съ помощью единственнаго оружія, доступнаго женщинѣ—его любви къ ней.

— Я не отрицаю, что вы имѣете право сердиться на меня,—начала она,—но не думайте, что я, съ своей стороны, ничѣмъ не пожертвовала. Въ моментъ разрыва, о которомъ вы говорите, когда я избрала этотъ родъ жизни, отказавшись ѣхать съ вами за море, я пожертвовала многимъ,—пожертвовала любовью. Вы думаете, я не понимаю, что̀ это значитъ? Всѣ удовольствія и наслажденія, которыя доставляетъ искусство, лесть, слава, рукоплесканія, не заставятъ меня забыть, что есть радости, которыхъ мнѣ не суждено узнать,— счастье, доступное каждой женщинѣ, хотя бы недалекой, скромной, простой и невѣдомой свѣту,—счастье быть женой и матерью, имѣть свое мѣсто въ жизни, быть связующимъ звеномъ въ ряду поколѣній. Оттого, что свѣтъ милостивъ ко мнѣ, вы думаете, я перестала жалѣть объ этомъ? Вы думаете, я не вспоминаю объ этомъ и въ тѣ минуты, когда публика, какъ одинъ человѣкъ, апплодируетъ мнѣ, и возвращаясь домой, и когда проснусь среди ночи? Вы думаете, при всемъ моемъ успѣхѣ, я не жажду иной разъ того, чего не купишь успѣхомъ,— любви хорошаго человѣка, который отдалъ бы мнѣ всю свою душу и силы, и все, что̀ принадлежитъ ему?

Хриплымъ голосомъ, съ трудомъ ворочая запекшимся языкомъ, Джонъ Стормъ возразилъ ей:

— Глори, я готовъ лучше умереть тысячу разъ, чѣмъ коснуться хоть одного волоса на головѣ вашей... Но Божья воля есть Божья воля!—Онъ весь дрожалъ подъ напоромъ страсти, но честно боролся съ ней.—И потомъ, вашъ успѣхъ—вѣдь вы все-таки дорожите имъ, цѣпляетесь за него!—воскликнулъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Да, цѣпляюсь,—выговорила она, отирая слезы.—И не могу пожертвовать имъ, не могу, не могу!

— Такъ чего же стоитъ ваше раскаяніе?

— Это не раскаяніе. Это то самое, о чемъ вы говорили въ этой самой комнатѣ, уже давно... У насъ разныя натуры, Джонъ,—вотъ истинная причина разлада между нами; она была, есть и будетъ, но въ тоже время жизни наши переплелись вмѣстѣ, хотимъ мы этого, или нѣтъ. Мы не можемъ обойтись другъ безъ друга. Богъ иногда создаетъ такія пары.

На лицѣ его появилась сострадательная улыбка.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ чувствѣ, Глори,—никогда, даже въ тѣ минуты, когда вы всего больнѣе язвили меня.

— А разъ Богъ создалъ насъ такими...

— Я никогда не прощу себѣ, Глори; можетъ, быть Богъ проститъ, но я не прощу!

— Если Богъ сдѣлалъ такъ, что мы любимъ другъ друга, несмотря на всѣ преграды, раздѣляющія насъ...

— У меня не будетъ больше въ этой жизни ни одной счастливой минуты, Глори, ни одной!

— Тогда къ чему бороться! Такова ужъ наша судьба—отъ судьбы не уйдешь. Вы не можете отказаться отъ своего образа жизни, я—отъ своего, но сердцемъ мы одно!

Голосъ ея звучалъ музыкой въ его ушахъ, измученное, наболѣвшее сердце шептало ему: «Что такое законы, придуманные нами самими, въ сравненіи съ закономъ, даннымъ намъ Богомъ?» Вдругъ что-то теплое коснулось его руки. Это было дыханіе Глори. Какая-то благоуханная волна окутала его. Задыхаясь, ловя ртомъ воздухъ, онъ упалъ на диванъ.

— Вы неправы, дорогой мой, думая, что я люблю того, о комъ вы говорите. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, помогъ мнѣ пробиться, но и только; онъ ничто для меня и не былъ ничѣмъ. А мы съ вами такіе старые друзья, Джонъ! Я не могу припомнить времени, когда мы не были друзьями! Мнѣ часто снится милое прошлое, островокъ... Ахъ, какъ тамъ было хорошо, «страсть» какъ хорошо! Помните нашу лодку, *Глорію*,—помните?

Онъ стиснулъ руки, какъ бы стараясь удержать свою рѣшимость, но она ускользала между его пальцевъ, словно песокъ.

— Что это было за чудное время! Помните наши прогулки кругомъ замка въ лѣтніе вечера, когда и море, и небо казались двумя серебряными щитами, глядящимися другъ въ друга, и мы съ вами пѣли: «Джонъ Пиль». (Обрывающимся голосомъ она пропѣла два такта). Вы помните, Джонъ?

Она плакала и смѣялась въ одно и тоже время. Передъ нимъ была опять прежняя Глори; тяжелые годы, отдѣлявшіе прошлое отъ настоящаго, казалось, исчезли безъ слѣда. Но онъ все еще боролся. «Что такое физическая любовь передъ любовью духовной?» говорилъ онъ себѣ.

— Въ то время вы носили фланелевый костюмъ, а я бѣлый джерси,

вродѣ этого,—она взяла съ камина фотографію, которой онъ любовался раньше.—Въ первомъ актѣ я выхожу въ этомъ костюмѣ и случается иной разъ, посреди̇нѣ веселой сцены, вспомню былые дни и зальюсь слезами.

Джонъ оттолкнулъ фотографію.

— Къ чему напоминать мнѣ объ этихъ дняхъ? Только для того, чтобъ перемѣна въ васъ казалась мнѣ еще замѣтнѣе?—Онъ говорилъ и въ тоже время чувствовалъ, что взоръ этихъ чудныхъ глазъ проникаетъ въ самую глубину его сердца.

— Развѣ я такъ сильно измѣнилась, Джонъ? Присмотритесь хорошенько. Нѣтъ, нѣтъ, милый, разница только въ прическѣ. Смотрите!—Она мигомъ вынула шпильки, и волосы густыми волнистыми прядями упали ей на плечи и лицо. Ему хотѣлось погладить рукой эти кудри; онъ повернулся къ ней и тотчасъ же отвернулся, борясь съ собой, какъ съ злѣйшимъ врагомъ.

— Или васъ смущаютъ эти кружева у ворота, которыя такъ непохожи на мой гладкій джерси. Такъ вотъ же!—она сорвала кружева; съ шеи, швырнула ихъ на полъ и, наступивъ на нихъ ногами, воскликнула:—Ну посмотри на меня теперь, Джонъ—посмотри же! Я все та же, прежняя Глори! Почему же ты не смотришь?

Съ ея стороны это была борьба за жизнь. Онъ вскочилъ на ноги и подошелъ къ ней, стиснувъ зубы, вперивъ въ нее неподвижный взоръ.

— Это діаволъ соблазняетъ меня. Читай молитву, дитя!

Онъ схватилъ ее за руку. Это было почти выше ея силъ, она чувствовала, что ослабѣваетъ. Подъ наплывомъ страсти безумная жажда разрушенія овладѣла имъ снова. Ему необходимо было проявить свои чувства ощутительно, физически.

— Молись, говорю тебѣ!—крикнулъ онъ.—Богъ послалъ меня убить тебя, Глори?

Ею овладѣло смѣшанное чувство страха и торжества. Полузакрывъ глаза, она обняла его свободной рукой за шею.

— Нѣтъ, но любить меня!.. Поцѣлуй меня, Джонъ!

Съ крикомъ человѣка, который бросается въ пропасть, онъ схватилъ ее въ объятія, и ея распущенные волосы закрыли ему лицо.

IX.

«Я думалъ, что то былъ голосъ Божій; то былъ голосъ діавола!»

Въ темные предразсвѣтные часы Джонъ Стормъ крался, какъ воръ, по улицамъ Лондона. Послѣ вчерашней грозы наступила мирная, тихая ночь. На небѣ сіяло нѣсколько крупныхъ звѣздъ, свѣтилъ ясный мѣсяцъ; вмѣсто криковъ, воплей и рева стотысячной толпы, въ воздухѣ была разлита глубокая тишина. Слышенъ былъ лишь стукъ поч-

товыхъ фургоновъ, разъѣзжавшихъ по почтовымъ отдѣленіямъ, тяжелое громыханье деревенскихъ телѣгъ, мѣрные шаги полицейскихъ и пьяный смѣхъ у лотковъ торговки горячимъ кофе.

— Ну что, кума, гдѣ же потопъ? Видно еще не начинался? Придется подождать. Дайтека чашечку подкрѣпить силы.

Словно чьи-то очи глядѣли на него съ темнаго неба, пронизывая его насквозь всевѣдущимъ взоромъ. Вся жизнь его, съ самаго начала, сплошной обманъ—разрывъ съ отцомъ, посвященіе, поступленіе въ монастырь и выходъ оттуда, крестовый походъ въ Сого, намѣреніе замѣнить отца Даміана, пророчества, предсказанія,—все это ложь, ложь и ложь. А самъ онъ—одураченный лицемѣръ, посмѣшище, гробъ повапленный, безумецъ, тяжко согрѣшившій передъ Господомъ.

Въ концѣ концовъ наступило разочарованіе; онъ заглянулъ себѣ въ душу и увидалъ, что тамъ все самообманъ. Въ своей гордынѣ и дерзновеніи онъ возмнилъ себя Божьимъ посломъ, мстителемъ, избранникомъ Божіимъ и вышелъ, чтобы пролить кровь, какъ низкій убійца, какъ ревнивецъ, котораго толкнула на злое дѣло безумная страсть. И потѣшился же надъ нимъ сатана,—надъ нимъ, связаннымъ самымъ торжественнымъ и священнымъ обѣтомъ! Онъ былъ, какъ нива, которую колышетъ вѣтеръ, какъ мякина, которую разметала буря!

Снѣдаемый мучительной тоской, едва передвигая ноги отъ усталости, онъ машинально добрелъ до Вестминстера. Къ этому времени мѣсяцъ и звѣзды ужъ скрылись; въ воздухѣ повѣяло предутреннимъ холодкомъ. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, не замѣтилъ даже, какъ мимо него, бряцая оружіемъ, проѣхалъ отрядъ конныхъ полицейскихъ.

Еще не разсвѣло, когда онъ постучался въ дверь своей квартирки подъ церковью.

— Кто тамъ?—раздался тревожный шепотъ.

— Отворите,—выговорилъ онъ безжизненнымъ голосомъ.

Дверь отворилась, и братъ Эндрью, съ радостнымъ визгомъ собаки, которая въ темнотѣ ошибкой зарычала на своего господина, воскликнулъ: «Ахъ, отецъ мой, это вы? Я думалъ, вы уѣхали. Вы ихъ не встрѣтили? Они васъ искали всю ночь».

Онъ говорилъ шепотомъ, какъ будто въ домѣ былъ тяжко больной.

— Не могу зажечь огонь. Они непремѣнно увидятъ и, пожалуй, вернутся. Утромъ они навѣрное опять пріѣдутъ. О, это ужасно! Такъ худо еще не бывало. Вы не знаете, что случилось? Кого-то убили!

Джонъ старался слушать, но все происшедшее вдругъ отодвинулось отъ него такъ далеко, далеко...

— То-есть, собственно не убили, но сильно помяли и отправили въ госпиталь.

Раненый былъ Чарли Уильксъ. Онъ сталъ ругать батюшку, и Пинчеръ закладчикъ свалилъ его на земь. На грѣхъ онъ стукнулся го-

ловой о тумбу, такъ что его подняли уже безъ чувствъ. Тутъ подоспѣла полиція, и Пинчера взяли въ участокъ.

— Я вѣдь все о матушкѣ сокрушаюсь,—закончилъ братъ Эндрью, утирая рукавомъ глаза:—каково ей это, бѣдной!.. Вамъ сейчасъ надо уходить, отецъ мой, а то они васъ разыщутъ. Что бы такое сдѣлать? Дайте подумать! Дайте подумать! Какъ у меня кружится голова!.. Въ пять утра, кажется, идетъ поѣздъ изъ Эштона на сѣверъ, вѣрно? Вы должны захватить этотъ поѣздъ. Не говорите ни слова! Не говорите, что вы не желаете!

— Я поѣду,—съ глубокимъ унынiемъ выговорилъ Джонъ Стормъ.

Перемѣна, происшедшая въ немъ за такое короткое время, поразила брата Эндрью.

— Вы, должно быть, бродили всю ночь? У васъ страшно усталый видъ. Дать вамъ что-нибудь поѣсть?

Джонъ не отвѣтилъ. Бѣлецъ принесъ хлѣба и заставилъ его съѣсть кусочекъ. Начинало свѣтать.

— Ну, вамъ пора идти, отецъ мой.

— А вы какъ же, голубчикъ?

— Обо мнѣ не безпокойтесь; я не пропаду.

— Возвращайтесь въ братство; возьмите съ собой собаку.

— Собаку?—Братъ Эндрью какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но удержался и, бросивъ какой-то странный взглядъ на Джона, пробормоталъ:

— Ужъ я знаю, что *мнѣ* дѣлать. Прощайте!

— Прощайте.

И Джонъ снова очутился на улицѣ. Нервная система его была до того потрясена всѣмъ происшедшимъ, что, выходя на платформу желѣзнодорожной станцiи, онъ едва передвигалъ ноги. «Ну, *этотъ*, кажется, готовъ», сказалъ кто-то позади него. Онъ нашелъ пустой вагонъ, усѣлся и забился въ уголъ. На него точно столбнякъ напалъ: онъ не могъ ни думать, ни чувствовать.

Нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ вагонѣ, просматривали газеты. У одного выскользнуло изъ рукъ объявленiе и упало на полъ. Джонъ прочелъ свое собственное имя, напечатанное огромными буквами, и началъ спрашивать себя, что онъ дѣлаетъ? Собрался бѣжать? Это низкая трусость!.. Это постыдно и такъ безполезно! Уйди хоть на край свѣта, ты не уйдешь отъ единственнаго врага, отъ котораго стоитъ уйти, отъ себя самого!

Онъ вдругъ вспомнилъ, что еще не взялъ билета, и вышелъ на платформу. Но, вмѣсто того, чтобъ подойти къ кассѣ, онъ стоялъ въ сторонкѣ, стараясь сообразить, что ему нужно дѣлать. Кругомъ суетились, шумѣли; мимо него сновали пассажиры; кто-то окликнулъ его; наконецъ, раздался свистокъ локомотива, и дымъ клубомъ взвился подъ стеклянный куполъ. Когда Джонъ опомнился, поѣздъ уже ушелъ; онъ стоялъ одинъ на платформѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спрашивалъ онъ себя.

Утро было прекрасное, тихія улицы мало-по-малу оживлялись, къ девяти часамъ на тротуарахъ стало тѣсно. Джонъ шелъ по Уайтченелю, среди пестрой толпы нѣмцевъ, нѣмецкихъ, польскихъ и англійскихъ жидовъ и всякаго рода праздношатаевъ. Позади его двое прохожихъ разговаривали между собою.

— Господи помилуй, вотъ умора! Это прямо мертваго можно разсмѣшить!

— Неправда ли? Одинъ мой знакомый... знаете Джона Аукинса? Онъ торговалъ рыбой, да кстати и краденымъ платьемъ въ Флауэръдинѣ. Слыхали? Такъ вотъ онъ на прошлой недѣлѣ сбылъ свое заведеніе за безцѣнокъ, воображая, что скоро наступитъ свѣтопреставленіе; нынче утромъ встрѣчаю его—страшный такой, лицо, какъ земля, точно послѣ болѣзни...

Джонъ Стормъ почти не слушалъ ихъ. Ему казалось, что все это происходитъ за сто миль отъ него.

— Что мнѣ дѣлать?—спрашивалъ онъ себя снова и снова. Къ двѣнадцати онъ вернулся въ Сити и безцѣльно бродилъ по улицамъ, даже не выбирая глухихъ; когда прохожіе заглядывали ему въ лицо, онъ говорилъ себѣ. «Если кто-нибудь спроситъ меня, кто я,—я скажу». Онъ восемь часовъ ничего не ѣлъ и ощущалъ сильную слабость: Замѣтивъ неподалеку ресторанъ, онъ вошелъ и велѣлъ дать себѣ поѣсть. Большинство посѣтителей были юные клерки, одни читали газеты, другіе бесѣдовали между собою; двое сидѣвшихъ за сосѣднимъ столикомъ говорили о злобѣ дня.

— Всѣ эти предсказанія относительно кончины міра—манія и мономанія, которая повторяется черезъ правильные промежутки времени въ исторіи міра,—говорилъ одинъ, маленькій человѣкъ съ вздернутымъ носомъ.

— Странно только, что люди продолжаютъ имъ вѣрить,—замѣтилъ другой.

— Ничуть не странно. Вашъ огромный, идіотскій, уродливый Лондонъ лишенъ всякаго признака юмора. Посмотрите, какъ усердно онъ упражнялся весь послѣдній мѣсяцъ въ благородномъ искусствѣ разыгрывать роль дурака!—Говорившій оглянулся на Джона Стормa, какъ бы гордясь своимъ высокимъ слогомъ.

Джонъ не слушалъ ихъ. Онъ зналъ, что всѣ говорятъ о немъ, но ему казалось, что теперь это его не касается, что это относится къ какой-то минувшей фазѣ существованія его души.

Наконецъ, ему пришла мысль, которая показалась ему блестящею. Теперь онъ знаетъ, что ему дѣлать: надо идти въ братство и просить, чтобъ его приняли снова,—на этотъ разъ не какъ сына, но какъ слугу, и приставили его къ черной работѣ на вѣки вѣчные. Вѣдь и тамъ нужно чистить, убирать, мести церковь, звонить,—вотъ онъ и попроситъ,

чтобъ его назначили на эти мелкія работы. Онъ оказался недостоинъ своего идеала, онъ не съумѣлъ устоять противъ искушенія земной любви, но Богъ милостивъ: Онъ не отвергнетъ его окончательно.

Онъ былъ гадокъ самъ себѣ въ этомъ самоуничиженіи; прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ попытку выполнить свое намѣреніе. Онъ подоспѣлъ къ концу вечерни; братія пѣла послѣдній гимнъ:

«Іисусе, женише души моей,
Прими меня въ твое свѣтлое лоно!»

Онъ стоялъ у крыльца и слушалъ. На улицѣ было тихо, рѣдко-рѣдко кто пройдетъ мимо.

«Спасе мой, въ лонѣ твоемъ укрой меня,
Пока не пройдутъ бури жизни».

Спазма сдавила ему горло; онъ едва не вскрикнулъ отъ боли. Да, да, да! У него нѣтъ другого пріюта.

Вдругъ новая мысль блеснула въ его умѣ, и онъ пробудился точно отъ тяжелаго сна. Глори! Все время онъ думалъ только о себѣ, о спасеніи своей души и забылъ о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ ней—этотъ долгъ выше всякаго другого; онъ не можетъ и не долженъ уклоняться отъ него. Онъ долженъ идти объ руку съ нею, и, если для этого надо отречься отъ своихъ идеаловъ—да будетъ такъ! Онъ доказалъ, что недостоинъ ореола святости; надо спустить флагъ и, если нельзя быть подвижникомъ, быть просто человѣкомъ.

При всемъ томъ, онъ не могъ сообразить, съ чего ему начать; наступила ночь, а онъ все еще безцѣльно блуждалъ по улицамъ. Въ полночь онъ зашелъ въ плохенькій трактиръ съ номерами и спросилъ, нельзя ли переночевать. Хозяинъ, бесѣдовавшій въ кухнѣ съ двумя поденщиками, жарившими себѣ селедку на ужинъ, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Переночевать? Наши номера не годятся для благородныхъ господъ...—Онъ пристальнѣе взглянулъ на гостя и спросилъ:

— Вы не изъ колоніи ли будете?

Джонъ Стормъ пробормоталъ что-то невнятное.

— Я такъ, по виду, предположилъ. Къ намъ часто заходятъ духовные, пріѣзжіе изъ загородныхъ поселковъ, напиться кофейку, а только ночевать до сихъ поръ никто не просился. Впрочемъ, если вы не взыщете...

— Я лучшаго и не стою, мой другъ. Не можете ли вы дать мнѣ, въ ожиданіи, чашку кофе?

— Съ удовольствіемъ, сэръ! Присядьте, сэръ. Располагайтесь, какъ дома. Мы вотъ съ пріятелями только что толковали объ одномъ джентльмэнѣ, тоже изъ вашей братіи, священникѣ, который давеча попалъ въ бѣду изъ-за вестминстерскихъ безпорядковъ.

— А, вы говорили о немъ? что же вы о немъ думаете?

— Сэмъ вотъ говоритъ, это это прибыльное занятіе.

— Оно *должно* окупаться, иначе кто жъ бы пошелъ на него, отозвался человѣкъ, который грѣлся у огня.

— Не вѣрю. Гдѣ тамъ окупается! Гляди, въ какую бѣду влопался этотъ вонъ проповѣдникъ. Вѣдь угодитъ въ тюрьму, какъ пить дастъ; пусть только поймаютъ. Меньше, чѣмъ шестью мѣсяцами не отдѣлается.

— Такъ чего же онъ путался, если отъ этого ему не было никакой прибыли,—вотъ такъ не понимаю!

— Ахъ какой ты? Вѣрилъ—да и все тутъ. Вы какъ полагаете, сэръ?

— Я думаю, что этого человѣка постигла заслуженная неудача;—самъ Богъ покаралъ его стыдомъ и никогда больше не изберетъ его орудіемъ Своей воли.

— Въ чемъ-нибудь ужъ онъ да провинился,—замѣтилъ человѣкъ, стоявшій у очага.

На другое утро, проснувшись въ своемъ номерѣ, Джонъ Стормъ еще разъ обдумалъ свое положеніе и пришелъ къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Онъ самъ отдастся въ руки властей. Пусть его арестуютъ; онъ выпьетъ чашу униженія до дна. Зато потомъ онъ вернется къ Глори свободнымъ человѣкомъ; Богъ еще найдетъ для него хорошее дѣло, теперь, когда онъ получилъ такой жестокій урокъ за свою гордость и высокомѣріе.

— А малый-то, котораго отнесли въ госпиталь, умеръ вѣдь,—сказалъ кто-то въ кухнѣ, шурша развернутой газетой.

— Да неужто?—изумился другой.—Ну теперь батюшкѣ плохо придется. Онъ ли тутъ виноватъ, или не онъ, а свалятъ на него,—ужъ это какъ водится.

У Джона голова пошла кругомъ. Онъ вспомнилъ, что говорилъ ему братъ Эндрью на счетъ Чарли Уллкса, и въ немъ застыло сердце. Тѣмъ не менѣе, въ девять часовъ онъ вошелъ на станцію подземной желѣзной дороги. Прохожіе смотрѣли на него, когда онъ садился въ вагонъ. Ему казалось, что всѣ узнаютъ его, что свѣтъ играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью. Въ вагонѣ опять сидѣли все больше клерки изъ разныхъ учрежденій; они курили и читали газеты.

— Удивительная вещь!—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Этотъ человѣкъ исчезъ безъ слѣда, точно его вѣтромъ унесло.

— Что же тутъ удивительнаго?—тоненькимъ голосомъ возразилъ другой, не курившій, съ блестящими глазами энтузіаста.—Илія же былъ взятъ живымъ на небо. Почему бы не могло этого случиться и съ отцомъ Стормомъ?

— Что такое?—вскричалъ другой, роняя трубку.

— Нѣкоторые думаютъ такъ,—робко замѣтилъ обладатель тоненькаго голоска.

— Ну, батюшка, вамъ нужно принять чего-нибудь для успокоенія

нервовъ,—возразилъ его собесѣдникъ. Молодые люди вышли въ Сити; Джонъ Стормъ поѣхалъ до Вестминстерскаго моста.

Искушеніе было ужасно. Почему не воспользоваться народнымъ суевѣріемъ и не уѣхать, захвативъ Глори съ собою? Но нѣтъ, нѣтъ!

Не смотря на всѣ страданія, вѣра его и религіозность не поколебались и теперь встали передъ нимъ огненнымъ и облачнымъ столпомъ. Онъ сдѣлаетъ, какъ рѣшилъ, все равно, что бы изъ этого ни вышло. Если на него взвалятъ преступленія, которыхъ онъ не совершалъ, и вины его послѣдователей, онъ защищаться не станетъ,—онъ дастъ осудить себя, онъ пострадаетъ безвинно, и Богъ приметъ эту кару, какъ искупленіе за другіе его грѣхи. Это жертва, подвигъ, но такой подвигъ прекрасенъ, и Глори сама когда-нибудь будетъ гордиться имъ.

Пылая рѣшимостью, онъ храбро вступилъ въ канцелярію участковаго пристава. Дежурный полицейскій чиновникъ почтительно поклонился ему, и продолжалъ начатый разговоръ съ полицейскимъ надзирателемъ:

— Странное дѣло! А говорятъ, его видѣли, когда онъ садился въ вагонъ на Эштонской станціи.

— Можетъ, и видѣли; мало ли что онъ говоритъ.

— Вы думаете о собакѣ?

— Да, и собака тоже...—Въ эту минуту полицейскій замѣтилъ Джона.—Это кто такой? Что вамъ угодно, сэръ?

Джонъ зналъ, что наступила рѣшительная минута, и гордился тѣмъ, что не испытываетъ никакихъ колебаній. Онъ поднялъ голову и тихо-скороговоркой выговорилъ:

— У васъ есть приказъ объ арестѣ отца Сторма?

— *Былъ*, сэръ.

Джонъ смутился.

— Что вы хотите сказать?

— Что въ настоящее время отецъ Стормъ уже арестованъ.

Джонъ съ изумленіемъ уставился на чиновника; онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Арестованъ? Вы сказали: арестованъ?

— Совершенно вѣрно. Онъ самъ отдался въ руки власти.

— Но это невозможно!—запальчиво воскликнулъ Джонъ.

— Почему невозможно, сэръ? Вы заинтересованы въ этомъ дѣлѣ?

Легкая судорога искривила ротъ Джона.

— Потому что я самъ отецъ Стормъ.

Чиновникъ помолчалъ, потомъ, съ сострадательной улыбкой, обернулся къ надзирателю и многозначительно выговорилъ:

— Еще одинъ.—Чиновникъ занимался изученіемъ психологіи преступниковъ.

— Погодите минутку,—сказалъ надзиратель и стремительно выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Чиновникъ началъ разспрашивать Джона,

какъ онъ провелъ вчерашній день. Тотъ отвѣчалъ сбивчиво, неопредѣленно, отрывистыми, короткими фразами. Вернулся надзиратель.

— Вы отецъ Стормъ?

— Да.

— Знаете вы кого-нибудь, кто могъ бы пожелать выдать себя за васъ?

— Избави Богъ отъ этого кого бы то ни было.

— Однако такой человѣкъ нашелся.

— Дайте мнѣ взглянуть на него.

— Идите сюда, тише.—Джонъ прошелъ, вслѣдъ за надзирателемъ, во внутренніе покои. Гордость его вся куда-то исчезла: онъ шелъ, повѣсивъ голову, страшно волнуясь.

Въ третьей комнатѣ за столомъ сидѣлъ человѣкъ въ черной рясѣ, а противъ него полицейскій чиновникъ, который записывалъ его показанія. Онъ сидѣлъ спиной къ двери, но Джонъ тотчасъ узналъ его. Это былъ братъ Эндрью.

— Зачѣмъ же вы выдали себя?—спросилъ чиновникъ. Братъ Эндрью пустился въ пространныя и нелѣпыя разъясненія. Онъ прочелъ въ вечерней газетѣ, что отца Стормъ видѣли на Эштонской станціи и ему стало жаль... жаль, что полиція... что полиція напрасно тратитъ время...

— Будьте осторожны,—замѣтилъ чиновникъ.—Вы находитесь въ такомъ положеніи, когда нужно взвѣшивать каждое слово.

Надзиратель выступилъ впередъ, оставивъ Джона у двери.

— Вы продолжаете утверждать, что вы отецъ Стормъ.

— Разумѣется,—негодующе воскликнулъ братъ Эндрью.— Еслибъ я не былъ имъ, вы думаете, я пришелъ бы сюда?

— Въ такомъ случаѣ, кто же это стоитъ позади васъ?

Братъ Эндрью обернулся и увидалъ Джона. Крикъ ужаса вырвался изъ его груди; лицо его выражало безграничное изумленіе; онъ дико вращалъ глазами и, казалось, не могъ повѣрить, что передъ нимъ живой человѣкъ, а не призракъ. Джонъ хотѣлъ заговорить и не могъ; онъ опустилъ голову и тяжело дышалъ.

— Ну-съ?—сказалъ надзиратель. Братъ Эндрью залился истерическимъ смѣхомъ.

— Вы не знаете, кто это? Бѣлецъ изъ нашего монастыря. Я взялъ его къ себѣ полгода тому назадъ, уходя изъ братства, и съ тѣхъ поръ онъ все время жилъ у меня.

Полицейскіе переглянулись.

— Силы небесныя!—повелительно вскричалъ братъ Эндрью;— вы не вѣрите мнѣ? Не смѣйте трогать этого человѣка! Онъ ничего не сдѣлалъ, ровно ничего. Онъ кротокъ, какъ женщина, не обидитъ и мухи. Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

Полицейскіе понурили головы, а братъ Эндрью раздирающимъ сердце голосомъ продолжалъ:

— Вы арестовали его? Это страшная несправедливость!.. Можетъ быть, онъ самъ выдалъ себя? Это на него похоже. Онъ мнѣ преданъ, готовъ наплести чего угодно, лишь бы... Но вы обязаны отпустить его... Скажите ему, чтобъ онъ шелъ къ своей старухѣ матери, его мѣсто тамъ. Боже милосердый! неужели вы думаете, что я лгу?

Съ минуту длилось молчаніе.

— Полно, полно, мой бѣдный мальчикъ, выговорилъ наконецъ, Джонъ, ласково, но властно, потомъ обернулся къ надзирателю съ жалкой улыбкой торжества:—Вы убѣдились?

— Вполнѣ, отецъ мой,—уныло отвѣтилъ полицейскій, а братъ Эндрью разрыдался.

X.

Проснувшись на другой день утромъ и думая о Джонѣ, Глори не чувствовала угрызеній. Впереди ждала куча хлопотъ, непріятностей затрудненій, но это было еще далеко, и ей не хотѣлось заглядывать впередъ. Онъ любитъ ее, она его, остальное не важно. Если обѣты и уставы раздѣляютъ ихъ, тѣмъ хуже для этихъ враговъ любви.

Глори чувствовала, что въ ней произошла перемѣна, что ея личность какъ бы удвоилась, что теперь она не только Глори, но и Джонъ, Стораъ. О, восхитительная тайна, радость, которой нѣтъ равной. Ей казалось, что его руки еще обнимаютъ ея станъ, она чувствовала на шеѣ его дыханіе. Жуткая и сладкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу, она потянулась къ ручному зеркальцу посмотрѣть, нѣтъ ли перемѣны въ ея лицѣ, которую могли бы замѣтить другіе. Да, глаза свѣтятся какимъ-то особеннымъ блескомъ; взглядъ сталъ глубже... Глори откинулась на подушки, съ улыбкой и протяжнымъ вздохомъ. Будь, что будетъ,—не все ли равно? За эти ужасные шесть мѣсяцевъ она каждое утро просыпалась съ болью въ груди. Теперь боль прошла. Она счастлива, счастлива, счастлива!

Яркое солнышко свѣтило въ окно. Вошла Лиза съ чайнымъ приборомъ.

— Видѣли вы вчера вечеромъ батюшку, миссъ Глорія?

— О, да; ничего ужаснаго, Лиза.

На подносѣ лежала газета. Глори взяла и развернула ее, думая о Дрэкѣ и его успѣхѣ на скачкахъ; но первое, что бросилось ей въ глаза, было огромными буквами напечатанное заглавіе статьи: «Конецъ паникѣ. Финалъ фарса».

Статья была полна торжествующаго издѣвательства. Роковой день наступилъ и прошелъ, а Лондонъ все стоитъ на томъ же мѣстѣ. Темза не вышла изъ береговъ и не затопила города; землетрясеніе не опрокинуло собора св. Павла; Европа лишена зрѣлища огромнѣйшаго въ мірѣ пожара; гроза, разразившаяся надъ Лондономъ, только прибила пыль къ землѣ и очистила воздухъ.

«Можно поздравить Лондонъ съ избавленіемъ отъ паники, которая, сколько намъ извѣстно, сопровождалась лишь однимъ несчастнымъ случаемъ—нападеніемъ двухъ человѣкъ изъ обезумѣвшей толпы трусовъ на молодого солдата, по имени Чарли Уилксъ, изъ Веллингтоской казармы. Раненый отправленъ въ госпиталь св. Ѳомы, виновные взяты подъ стражу, и мы можемъ только пожалѣть, что главный виновникъ всего происшедшаго не раздѣляетъ участи своихъ послѣдователей. Вчера, вечеромъ, власти, отрѣшившись наконецъ отъ своей необычайной и непонятной безпечности, отдали приказъ объ арестѣ отца Сторма, но, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, до того момента, какъ номеръ былъ сданъ въ печать, — ему удавалось ускользнуть отъ бдительности полиціи».

Глори дышала такъ часто и тяжело, пробѣгая эти строки, что Лиза, подымавшая шторы, обернулась взглянуть на нее.

— Лиза, вы кому-нибудь говорили, что отецъ Стормъ была здѣсь вчера, вечеромъ?

— Нѣтъ миссъ, не случилось, притомъ же...

— Такъ и не говорите никому. Этимъ вы мнѣ сдѣлаете большое, большое одолженіе. Хорошо?

— Ну еще бы миссъ!—Лиза кивнула головой и лукаво подмигнула своей госпожѣ.

Глори быстро одѣлась, сошла въ гостиную и написала записку Сертону, режиссеру: «Не ждите меня нынче вечеромъ. Я совершенно не въ состояніи играть. Простите за безпокойство».

Вошла Роза, съ другой газетой въ рукѣ. Глори, не говоря ни слова, протянула ей письмо. Роза прочла и молча возвратила его; онѣ безъ словъ понимали другъ друга.

Нетерпѣніе Глори росло съ каждымъ часомъ. Какъ только вышла первая вечерняя газета, она послала за номеромъ, но узнала мало новаго. Паника прекратилась; выселившіеся на окраины обыватели кучками возвращались домой, унылые и пристыженные. Объ отцѣ Стормѣ ни слуху, ни духу. Наводили справки у него на квартирѣ, но и тамъ о немъ ничего не знаютъ. Не могутъ добиться, гдѣ онъ провелъ прошлую ночь.

У Глори до того горѣли щеки, что ей казалось, будто ее колютъ иголками. Съ часу на часъ она ждала новыхъ изданій. Всѣ газеты только и говорили, что объ исчезновеніи Джона Сторма. Передъ этимъ необычайнымъ фактомъ даже паника отступила на второй планъ. Его приверженцы съ презрѣніемъ отвергали предположеніе, будто онъ уѣхалъ изъ Лондона. Какъ бы тамъ ни было, онъ палъ, и ему ужъ не подняться. Карьера мнимаго пророка завершилась полнымъ банкротствомъ; онъ, съ своими мистическими бреднями, сдѣлался посмѣшищемъ Лондона.

«Насъ не удивляетъ паденіе этого второго Моисея, этого лже-

Мессіи. Съ такими господами конецъ всегда одинъ, и это въ порядкѣ вещей; странно только, что общество могло отнестись серьезно къ движенію, главарями котораго были...» Слѣдовалъ юмористическій списокъ послѣдователей Джона—закладчикъ, лакей изъ клуба, ночной сторожъ, два-три подмастерья и т. п. и т. п.

Читая это, Глори сгорала отъ стыда, дрожала отъ страха и пылала негодованіемъ. Обѣдали онѣ вдвоемъ съ Розой и старались говорить о постороннихъ вещахъ, но напрасно. Роза первая коснулась того, что занимало обѣихъ.

— Мнѣ нужно навести справки, для газеты. Вечеромъ я пойду посмотрѣть, будутъ ли служить въ *его* церкви.

— Можно мнѣ пойти съ вами?

— Если хотите; только напрасно, его тамъ не будетъ.

— Почему не будетъ?

— Первый министръ вчера выѣхалъ изъ Лондона; я не могу отрѣшиться отъ мысли, что есть связь между этимъ отъѣздомъ и внезапнымъ исчезновеніемъ Сторма.

— Онъ будетъ тамъ, Роза. Не такой онъ человѣкъ, чтобы сбѣжать. Я его знаю,—гордо возразила Глори.

Церковь была биткомъ набита; онѣ съ трудомъ нашли мѣста. Всѣ враги Джона были въ сборѣ, всѣ, кого задѣвали за живое его проповѣди и порицанія. Атмосфера была опасная, чувствовалась близость грозы; не смотря на свою храбрость и вѣру въ Джона, Глори молилась, чтобы онъ не пришелъ. Когда раздались звуки органа, напряженное состояніе публики дошло до крайности. При входѣ пѣвчихъ и причта, нѣкоторые даже повскакали на скамьи, чтобы лучше разглядѣть отца Сторма. Но его не было, нигдѣ не видно было черной рясы и берета, въ которыхъ онъ обыкновенно проповѣдывалъ. Ропотъ неудовольствія пронесся по церкви; друзья и враги были одинаково разочарованы.

Все это завершилось безобразнымъ финаломъ. Мужчина съ подбитымъ глазомъ и повязкой на лбу вскочилъ съ мѣста и крикнулъ: «Ребята, долой поповъ!» Раздались свистъ, шипѣнье, крики и ругань. Пѣсни заглушили чтеніе; въ алтарь полетѣли валики со скамеекъ, кожаныя подушки, молитвенники. Служба была прервана; перепуганные пѣвчіе поспѣшили убраться по добру-по-здорову, двухъ монаховъ изъ братства, служившихъ вмѣсто Джона, прямо-таки выгнали изъ церкви.

Ближайшіе сотрудники Джона со стыдомъ удалились, стараясь не обращать на себя вниманія; Глори вскочила съ мѣста, готовая броситься на эту подлую толпу, но голосъ ея затерялся въ общемъ шумѣ, и Роза поспѣшила вывести ее изъ церкви.

— Неужели нѣтъ закона, который предупреждалъ бы подобныя безобразія? — возмущалась Глори, но никто не обращалъ на нее вниманія.

Толпа хлынула изъ церкви къ двери, ведущей въ подвальный этажъ.

— Нашли! — думала Глори, прижимая руку къ сердцу. Но дѣло было не въ томъ. Гулъ человѣческихъ голосовъ вскорѣ покрылъ неистовый лай собаки. Толпа заревѣла отъ восторга, потомъ разступилась и пропустила огромнаго бульдога, съ задраннымъ кверху хвостомъ, съ опущенной головой, съ глубокими складками кожи на лбу, съ длинными отвислыми губами и ушами. Черезъ минуту собака скрылась, и лай ея замеръ вдали. Толпа устремилась за ней.

— Песъ ужъ найдетъ, если только онъ въ Лондонѣ, будьте покойны!—крикнулъ мужчина съ подбитымъ глазомъ; отвѣтомъ на его слова былъ взрывъ злораднаго смѣха.

У Глори кружилась голова; она судорожно сжимала руку Розы восклицая:

— Негодяи! Пользоваться привязанностью бѣднаго животнаго къ своему хозяину для своихъ гнусныхъ цѣлей,—это подло, низко, это звѣрство! О. о, о!..

— Полноте, милая,—говорила Роза, уводя ее силой.

Онѣ шли, молча, но каждая думала про себя: «Онъ въ монастырѣ... Онъ хочетъ тамъ переждать грозу». У Вестминстерскаго моста они разстались. «Мнѣ надо еще побывать кое-гдѣ», сказала Роза.—«Она идетъ въ Бишопсгэтское братство»,—подумала Глори; прощанье вышло сдержанное и довольно холодное.

Вернувшись къ себѣ, Глори нашла письмо отъ Дрэка:

«Дорогая Глори, какъ извиниться передъ вами, чѣмъ оправдать мое гнусное поведеніе вчера вечеромъ. Всѣ поздравляютъ меня съ успѣхомъ, а мнѣ воспоминаніе о происшедшемъ отравляетъ всякую радость. Стараюсь убѣдить себя, что вы отнесетесь ко мнѣ снисходительно, принимая въ разсчетъ время, обстоятельства, и естественное въ данномъ случаѣ мое возбужденное состояніе,—но и это мало утѣшаетъ. До сихъ поръ, ваша жизнь была безупречна, ваше пребываніе въ этомъ клубѣ и мое поведеніе относительно васъ за ужиномъ могутъ подать поводъ къ нареканіямъ, сплетнямъ, и я съ ужасомъ думаю, что виноватъ я одинъ. Слава Богу, что не зашло дальше, что какой-то добрый геній удержалъ меня отъ выполненія моего намѣренія—ѣхать вслѣдъ за вами. Вѣрьте мнѣ, отнынѣ вы будете избавлены отъ общества людей, подобныхъ лорду Роберту Юру и его пріятельницамъ. Я всей душой презираю ихъ и удивляюсь, какъ могъ выносить ихъ такъ долго. Прошу, какъ милости, одной строчки, разрѣшающей мнѣ придти и лично попросить у васъ прощенія.

«Смиренно вашъ Ф. Г. Н. Дрэкъ».

Глори плохо спала въ эту ночь. Лишь только Лиза шевельнулась за стѣной, она позвонила, чтобы подали газету.

— Васъ не обезпокоила собака, ма'мъ?—спросила Лиза.

— Какая собака?

— Батюшкина. Я еще спала, какъ она начала царапаться въ дверь. Я думала: это молоко принесли. Отворяю дверь, а она прямо сюда, наверхъ, и давай все обнюхивать.

— Гдѣ же она?

— Убѣжала, ма'мъ.

— Кто-нибудь видѣлъ ее, кромѣ васъ? Нѣтъ? Вы говорите: нѣтъ? Навѣрное? Такъ и вы никому не говорите, Лиза, что она была здѣсь,— никому ни слова,—слышите? будьте-же умницей!

Вся газета была наполнена таинственнымъ исчезновеніемъ. Отецъ Стормъ исчезъ безъ слѣда. Думали, что онъ скрылся въ англиканскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ раньше, но оказалось, что въ Бишопсгэтъ-стритѣ его не видѣли. Со вчерашняго дня полиція рыщетъ по всему Лондону но до сихъ поръ не открыла ничего, что-бы бросало хоть какой-нибудь свѣтъ на это темное дѣло. Самый замѣтный человѣкъ въ Лондонѣ пропалъ безъ вѣсти и, еще въ своемъ убѣжищѣ, смѣется надъ всѣми розысками. Ни одинъ режиссеръ не придумалъ бы болѣе сенсаціоннаго исчезновенія. Пропалъ человѣкъ, словно взятъ живымъ на небо, да наиболѣе ярые его послѣдователи именно такъ и думаютъ. Ходятъ даже слухи о торжественномъ вознесеніи на небо въ огненной колесницѣ и о заранѣе предсказанномъ возвращеніи черезъ три дня. И тысячи людей, до сихъ поръ находящихся подъ непонятнымъ обаяніемъ этого шарлатана, готовы вѣрить всякой нелѣпости, возвышающей его память. Солдатъ Уилксъ умеръ отъ нанесенныхъ ему поврежденій; надняхъ назначено слѣдствіе.

— Звѣри безчувственные! Бульдогъ—ангелъ доброты въ сравненіи съ вами!—думала Глори, но еще больше людской жестокости мучила ее мысль, что Джонъ бѣжалъ и скрывается гдѣ-нибудь подъ вліяніемъ страха.

Въ полдень,—самое необычное время,—подъ окнами забѣгали мальчишки газетчики, выкрикивая какую-то новость; почти въ ту же минуту вошла Роза и объявила, что Джонъ-Стормъ отдался въ руки правосудія.

— Я это знала!—воскликнула Глори.—Я знала, что онъ вернется.

Роза сообщила ей о попыткѣ брата Эндрью выдать себя за своего учителя и о печальномъ исходѣ этой попытки.

— Вы говорите, что это простой послушникъ, бѣлецъ?

— Да, и притомъ, очевидно, дурачекъ—иначе ему не пришло бы въ голову, что такая хитрость можетъ удасться здѣсь, въ Лондонѣ.

У Глори заблестѣли глаза.

— Роза, я предпочла бы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, самой лучшей роли на свѣтѣ!

Ей хотѣлось непременно быть на судѣ, и она предложила Розѣ идти вмѣстѣ.

— Хватитъ ли у васъ духу, дитя мое? Вы такіе старые друзья...

— Хватитъ ли духу?—воскликнула Глори.— Хватитъ ли у *меня* духу стоять рядомъ съ нимъ!

Однако, при видѣ толпы народу во дворѣ суда, цѣлой арміи репортеровъ и газетныхъ писакъ, рядовъ скамей, усѣянныхъ улыбающимися лицами, на которыхъ не выражалось ни жалости, ни состраданія,—ничего, кромѣ любопытства,—при видѣ всей этой массы народа, собравшейся сюда, какъ на выставку, мужество ея ослабѣло и она выскользнула въ корридоръ раньше, чѣмъ ввели подсудимаго.

Бродя по корридору, она ждала конца дѣла. Разбирательство длилось недолго. Джонъ обвинялся въ подстрекательствѣ къ беззаконнымъ сборищамъ, грозящимъ опасностью общественному спокойствію. Защитника не нашлось. Главнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія былъ человѣкъ съ повязкой на лбу, кабатчикъ изъ Броунъ-сквера, пріятель Чарли Уилкса. Рана на лбу была нанесена ему братомъ Эндрью въ ночь послѣ скачекъ. Бѣлецъ ударилъ его палкой за то, что онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ своимъ пріятелемъ, пытался выпустить собаку. Онъ много распространялся о проповѣдяхъ отца Сторма, о его рѣчахъ и предсказаніяхъ, называя его обманщикомъ и безчестнымъ. За нимъ были вызваны Пинчеръ и Гаукинсъ. Оба страшно трусили и, страшась за свою шкуру, валили всю вину на отца Сторма. Послѣднимъ вышелъ братъ Эндрью; тотъ совсѣмъ свихнулся и несъ околесную. Черезъ часъ Роза объявила, что Джонъ Стормъ приговоренъ къ тюремному заключенію. На поруки никто его не взялъ, самъ онъ отъ начала до конца не проронилъ ни слова; теперь его увели обратно въ тюрьму.

Глори помчалась домой и заперлась въ своей комнатѣ. Газетчики выкрикивали подъ окнами: «Послѣдняя новость! отецъ Стормъ на скамьѣ подсудимыхъ!» Она закрыла руками уши и употребляла всѣ усилія, чтобы не слушать.

Для Джона Сторма все кончено. Карьера его погибла. И виновата она. Еслибъ она уступила его желанію покинуть Лондонъ, или согласилась бы жить съ нимъ здѣсь, все сложилось бы иначе. Она ворвалась въ его жизнь и разбила ее. Она согрѣшила передъ тѣмъ, кто отдалъ ей все, что только можетъ дать одинъ человѣкъ другому.

Лиза пришла наверхъ съ красными глазами; она подала вечернія газеты и письмо. Газеты напечатали подробный отчетъ о судѣ надъ Джономъ, съ краткими вступительными статейками, въ которыхъ публика упрекалась за чрезмѣрный интересъ къ такому жалкому обманщику. Нѣкоторыя помѣстили портретъ подсудимаго и наиболѣ извѣстныхъ лицъ, присутствовавшихъ въ залѣ суда. «Представительницей театра явилась...» Слѣдовала каррикатура на нее самое.

Письмо было отъ тети Рэчели.

«Моя дорогая, горячо любимая Глори, зная твое доброе сердце, боюсь, что печальныя вѣсти, которыя мнѣ приходится сообщить, сильно огорчатъ тебя. Лордъ Стормъ скончался въ понедѣльникъ, а сегодня его похоро-

нили. До послѣдней минуты онъ не соглашался помириться съ Джономъ и не оставилъ ему ничего, кромѣ титула, такъ что нашъ бѣдный другъ въ настоящую минуту—лордъ безъ помѣстья. Въ послѣднее время всѣ окружающіе единодушно просили его за сына, но онъ никого не хотѣлъ слушать, и у смертнаго одра его разыгралась возмутительная сцена. Говорятъ, за часъ до кончины онъ съ хохотомъ прочелъ вслухъ свою духовную, въ которой все свое движимое имущество завѣщалъ продать, и вырученныя деньги внести въ какое-нибудь общество, основанное съ цѣлью поддержанія господствующей церкви. Послѣ того онъ приказалъ старику Чэльси, чтобъ сейчасъ же послѣ смерти его положили въ гробъ и завинтили наглухо крышку. «Мой сынъ,—говоритъ,—не хотѣлъ меня видѣть *живымъ*, такъ не придется ему скалить зубы и надъ *мертвымъ*». Хоронили его нынче утромъ, въ Киркъ-патрикѣ; народу собралось мало: вѣдь онъ никому ничего не оставилъ, даже и на трауръ; но когда гробъ ставили въ склепъ, къ кладбищу подъѣхала коляска, и изъ нея вышелъ пожилой джентльменъ, никому неизвѣстный. Пока служили панихиду, онъ все время стоялъ, опустивъ глаза и ничего не выражая въ лицѣ, а когда служба кончилась, никому не сказавъ ни слова, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Я сейчасъ же сказала Аннѣ, что это должно быть какая-нибудь важная особа, а потомъ всѣ говорили, что это вѣрно братъ лорда Сторма и ни больше, ни меньше, какъ самъ первый министръ Англіи. Аукціонъ состоится, кажется, надняхъ. Опустѣетъ теперь Кнокалоэ и не останется и слѣда отъ фамиліи Стормовъ, по крайней мѣрѣ, на нашемъ островкѣ. Я всегда знала, что этимъ кончится! Подробно все разскажу тебѣ при свиданіи, котораго, надѣюсь, *недолго* ждать. А пока, дорогое дитя мое, остаюсь твоей любящей и безгранично преданной тебѣ тетей Рэчелью».

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава IX.

На другой день гости встали, по ихъ мнѣнію, очень рано, а на взглядъ деревенскихъ людей довольно поздно.

Въ столовой самоваръ кипѣлъ на столѣ съ семи часовъ, но пріѣзжіе явились только въ половинѣ девятаго; зато Березова съ шести часовъ уже принялась за хлопоты.

Она послала рабочихъ на деревню за музыкантами, а одного пришлось отправить верстъ за шесть въ ближнее сельцо. Все это, впрочемъ, дѣлалось, если не по секрету, то безъ вѣдома гостей. За чайнымъ столомъ ея не было. Было просто объявлено, что она занята.

Вольтовъ попытался было разыграть роль хозяйки и принялся разливать чай, но первое же движеніе его въ этомъ направленіи, благодаря свойственной ему ловкости, привело къ тому, что крышка чайника упала на стаканъ и разбила его и кипятокъ пролился ему на ноги, вслѣдствіе чего онъ надѣлалъ крику. Вѣра Петровна прогнала его съ хозяйскаго мѣста и сама занялась чаемъ.

Но когда они вышли во дворъ, имѣя въ виду подъ предводительствомъ Вольтова осмотрѣть дальнюю часть сада, гдѣ, между прочимъ, помѣщалась какая-то знаменитая водокачка, о которой Вольтовъ много говорилъ, до слуха ихъ долетѣли странные отдаленные звуки какихъ то непонятныхъ инструментовъ.

— Что это за музыка? — спросилъ Скорбянскій у Вольтова.

Вольтовъ сдѣлалъ комическую мину молчанія. Впрочемъ, онъ скоро разверзъ уста и объявилъ:

— Это репетиція музыкальной части...

— Оркестръ?

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

— Да, хоть это слово слишкомъ смѣлое... Музыкантовъ что-то немного болѣе пяти и въ томъ числѣ барабанщикъ.

Они обогнули домъ и пошли по широкой аллеѣ, при чемъ ноги ихъ увязали въ глубокомъ снѣгу.

— Ну, а скажи, милый другъ, ты-то самъ придаешь серьезное значеніе этой музыкѣ?—спросилъ Скорбянскій.

— Я-то?—раздумывая, отвѣтилъ Вольтовъ,—какъ тебѣ сказать? Я еще не составилъ себѣ на этотъ счетъ окончательнаго мнѣнія.

— Но однако же, какой-нибудь взглядъ у тебя есть?

— Да видишь ли, иногда мнѣ кажется, что теоретически надобно допустить, такъ сказать, круговую поруку между искусствами. Почему бы и имъ не помогать другъ другу? Не такъ-ли? Картина, положимъ, производитъ впечатлѣніе, ну если музыка усиливаетъ это впечатлѣніе, тѣмъ лучше, пускай. Но иногда это мнѣ кажется смѣшнымъ; я, признаться, поэтому-то такъ и хлопоталъ, чтобъ сегодня была музыка. Мнѣ хочется узнать ваше впечатлѣніе и провѣрить такимъ образомъ свое. Во всякомъ случаѣ оставимъ это до полудня, когда это все устроится.

И въ самомъ дѣлѣ они больше не возвращались къ этому вопросу. Въ одиннадцать часовъ они пришли въ домъ послѣ здоровой прогулки, какой давно уже не испытывали. Дѣти открыто заявляли, что ощущаютъ отчаянный аппетитъ, взрослые молчали объ этомъ, но испытывали то же самое. Поэтому и завтракъ прошелъ съ большимъ оживленіемъ.

Появилась Березова. Въ глазахъ у нея было замѣтно волненіе, но о своемъ оркестрѣ она не распространялась, а только заявила, что будетъ музыка и просила заранѣе снисхожденія.

Когда завтракъ подходилъ къ концу, мимо оконъ столовой медленно прошли нѣсколько мужиковъ и бабъ въ овчинныхъ полушубкахъ. Собаки неистово лаяли на нихъ. Мужики скрылись гдѣ-то между деревьями въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ флигель.

Послѣ завтрака всѣхъ пригласили туда. Въ виду того, что составился оркестръ, картины не надо было перетаскивать въ домъ. Всѣ отправились во флигель.

Около десятка мужиковъ и бабъ стояли на снѣгу у входа и при появленіи господъ низко поклонились. Къ удивленію петербургскихъ гостей, между ними оказался старенькій дьячекъ мѣстной церкви, съ сѣденькой бородкой, съ тонкой косичкой на затылкѣ, въ толстомъ касторовомъ полукафтанѣ. Онъ какъ-то конфузливо усмѣхнулся и, подойдя къ Березовой, подалъ ей руку.

— Слышалъ, что тутъ у васъ картины выставляются, такъ вотъ пришелъ поглядѣть!—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!—любезно отвѣтила ему Березова,

приглашая его войти во флигель. — Идите всѣ туда,—прибавила она, обращаясь къ мужикамъ и бабамъ.

— Можетъ, разуться бы?—сказала одна изъ бабъ, съ видомъ глубокаго сомнѣнія глядя на свои ноги, обернутыя въ тряпки и обутыя въ лапти. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, были валенки.—А то запакостимъ полы...

— Нѣтъ, нѣтъ, идите такъ!—отвѣтила Березова.

Сперва вошли пріѣзжіе и повернули налѣво, въ жилище Вольтова. Мужики остановились въ передней, а Березова исчезла гдѣ-то въ дальней комнатѣ. Всѣ чего-то ждали.

Но вотъ раздались трубные звуки. Вольтовъ въ качествѣ добровольнаго распорядителя пригласилъ мужиковъ и бабъ войти въ комнату. То же самое сдѣлали петербужцы. Трубные звуки раздавались въ дальней комнатѣ, дверь въ которую была закрыта.

Мужики и бабы, какъ вошли, такъ и остановились у порога и не двигались съ мѣста, но дьячекъ показалъ имъ добрый примѣръ. Онъ пригладилъ сперва правой, потомъ лѣвой рукой свою лысину, внимательно осмотрѣлъ комнату и сообразилъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ картинѣ, которую Вольтовъ поставилъ первымъ номеромъ.

— Это что же такое изображается?—спросилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

Вольтовъ подошелъ къ нему поближе и объяснилъ.

— Это сказка—Еруланъ Лазаревичъ,—можетъ, слыхали?

— Еруланъ Лазаревичъ? Что-то помнится, давно-давно...

— Это, стало быть, богатырь?—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Да, вродѣ какъ бы богатырь!—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Что же это онъ разбойничаетъ?

Вольтовъ взглянулъ на всѣхъ мужиковъ и бабъ, очевидно, ожидая, что кто-нибудь изъ нихъ разъяснитъ, но они всѣ молчали.

— А вы развѣ не знаете сказки про Еруслана Лазаревича?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не слыхали!—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

— А я знаю, я читалъ!—съ нарочитой смѣлостью промолвилъ паренекъ лѣтъ восемнадцати, стоявшій позади всѣхъ.

— Ну, такъ вотъ ты и разскажи, въ чемъ дѣло!—посовѣтовалъ ему Вольтовъ.

Паренекъ вышелъ на первый планъ и приблизился къ самой картинѣ.

— Это, стало быть, игрище,—очень громко промолвилъ онъ, очевидно, не расчитавъ силы своего голоса, а затѣмъ, какъ бы испугавшись, сразу понизилъ тонъ. — Еруланъ, какъ онъ есть богатырь, силищу показываетъ... Боярскимъ дѣтямъ руки и ноги отрываетъ...

Мужики и бабы слушали и провѣряли его слова по картинѣ, потомъ они шли дальше. Тамъ опять паренекъ разъяснялъ. Дьячекъ что-то прибавлялъ отъ себя.

А музыка не умолкала. Трудно было судить о впечатлѣніи, какое производили на зрителей картины. Они внимательно всматривались, подолгу стояли около картинъ, но лица ихъ выражали нѣчто совсѣмъ не подходящее къ случаю. На нихъ было такое выраженіе, какъ будто они вошли въ церковь или въ царскія палаты. Лица были вытянуты и въ глазахъ была написана почтительность, смѣшанная съ боязнью. Только бойкій паренекъ, читавшій Еруслана, да дьячекъ, вели себя свободно и просто.

— Признаюсь,—сказалъ тихонько Вольтовъ, обращаясь къ Скорбянскому,—я никакъ не ожидалъ, что они не знаютъ Еруслана.

— Ты разочаровался?

— Да, отчасти. Я думалъ, что они среди этихъ картинъ будутъ чувствовать себя какъ дома. А оказывается, что мало выставить картины, надо еще познакомить съ сюжетомъ; это надо принять къ свѣдѣнію.

— Но не думаешь ли ты,—промолвилъ Скорбянскій,—что если въ народѣ не знаютъ Еруслана, Бову и тому подобныхъ героевъ и если уже ихъ необходимо знакомить съ сюжетами, то не лучше ли было бы пройти мимо Еруслана и Бовы и познакомить ужъ ихъ сразу съ приключеніями Тараса Бульбы, Маріи съ Кочубеемъ, Кавказскаго плѣнника... А, какъ ты думаешь?

— Я этого не знаю... Я объ этомъ не думалъ! — сказалъ Вольтовъ нѣсколько упавшимъ голосомъ.

Онъ былъ видимо огорченъ и слегка растерялся. Ему уже начало казаться, что вся его работа, на которую онъ убилъ столько времени и силъ, которой отдалъ всю душу, есть не болѣе, какъ продуктъ заблужденія.

Скорбянскій очень хорошо видѣлъ это и ему хотѣлось успокоить Вольтова. Онъ взялъ его подъ руку:

— Ты, Вольтовъ, черезчуръ впечатлителенъ. Вотъ, что я тебѣ скажу! Позволь мнѣ имѣть смѣлость проникнуть въ твои мысли. Ужъ ты боишься, что впалъ въ заблужденіе и напрасно работалъ. Нѣтъ, голубчикъ, не напрасно. Хоть народъ нашъ за недостаткомъ досуга и плохо знаетъ свои собственныя художественныя созданія, а все же Еруслань—его созданіе и, если изъ десяти человѣкъ, какъ здѣсь, одинъ, какъ вотъ этотъ паренекъ, можетъ объяснить другимъ, въ чемъ тутъ дѣло, такъ ужъ это очень много. Ну, а про Тараса Бульбу или про Марію съ Кочубеемъ едва ли одинъ изъ тысячи слыхалъ про нихъ. Не такъ ли?

— Я думаю, что такъ.

— Ну, такъ и нечего тебѣ метать глазами искры. Посмотри,

какъ они подолгу стоятъ передъ картинами. Взгляни, какъ ихъ трогаетъ вотъ эта сцена въ тюрьмѣ, гдѣ сидятъ эти несчастные слѣпцы, которыхъ ты такъ живо изобразилъ. Только вотъ музыка... на счетъ этого предмета надо здорово подумать. Не знаю, какъ на другихъ, а на меня она производитъ комическое впечатлѣніе. Еще когда она исполняла это на роялѣ, выходило ничего; но, признаюсь, твои картины были тутъ ни при чемъ. Но этотъ удивительный оркестръ... Онъ можетъ разсмѣшить въ самую возвышенную минуту. Нуженъ ли онъ? Дѣйствительно ли онъ помогаетъ впечатлѣнію?

Владиміръ Николаевичъ, слышавшій послѣднія слова этого разговора, вмѣшался въ него.

— Я утверждаю, что музыка тутъ не только не нужна, а даже мѣшаетъ.

— Чему она мѣшаетъ?—спросилъ Вольтовъ.

— Мѣшаетъ правдивости впечатлѣнія. Я еще могу понять музыку на выставкахъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ, гдѣ являются господа, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до картинъ, а просто некуда дѣваться и нужно какъ-нибудь провести время. Ихъ взоры разсѣянно блуждаютъ по стѣнамъ, картины ничего не говорятъ ихъ уму и сердцу, не будятъ въ нихъ никакихъ мыслей и чувствъ. Имъ скучно здѣсь, такъ же, какъ и всюду. Ну и понятно, музыка, которая играетъ въ это время какой-нибудь меланхолическій вальсъ, развлекаетъ ихъ. Но для человѣка, который пришелъ на выставку съ истинно-художественными цѣлями, эта музыка противна. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, она всегда вызываетъ негодованіе. Она мнѣ мѣшаетъ правильно воспринимать впечатлѣнія.

— Но вы забываете, что здѣсь не петербургская публика!— неувѣренно возразилъ Вольтовъ, не желавшій разстаться съ своимъ заблужденіемъ.

— Тѣмъ больше!—сказалъ Вертышевъ—Деревенская публика привыкла слушать музыку на свадьбахъ, на гульбищахъ, въ кабакѣ, на ярмаркѣ. Съ музыкой у нея связано представленіе о чемъ-то веселомъ, разгульномъ, праздничномъ. И входя сюда и слыша музыку, она неизбѣжно будетъ такимъ образомъ настраиваться. Въ концѣ концовъ у нея составится увѣренность, что господа просто-на-просто устроили ей развлеченіе вродѣ балагана и картины отступятъ для нея на второй планъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря музыкѣ, трудно будетъ добиться того настроенія, которое необходимо для воспріятія художественнаго впечатлѣнія. Развѣ я не правъ?

— Не знаю... Но, очень можетъ быть, что и правъ... — задумчиво отвѣтилъ Вольтовъ.

Неизвѣстно, какія впечатлѣнія получили зрители отъ картинъ, но когда они выходили изъ флигеля, лица у нихъ были умиленныя. Объяснять это вліяніемъ картинъ было бы рискованно. Отчасти умиленіе могло произойти и отъ благодарности за то, что имъ оказали вниманіе и пригласили ихъ.

— Я просила бы васъ зайти въ домъ!—обратилась Березова къ дьячку и прочимъ зрителямъ. — Тамъ можно погрѣться и по стакану чаю выпить.

И она сама повела всѣхъ въ домъ. Въ столовой былъ приготовленъ чай. Мужики и бабы послѣ довольно продолжительныхъ уговариваній сѣли за столъ и молча отпили по стакану. Дьячекъ счелъ своимъ долгомъ похвалить картины.

Скорбянскій въ другой комнатѣ ворчалъ, но все же осторожно, чтобы Березова не услышала.

— Этотъ чай,—говорилъ онъ,—такъ же умѣстенъ, какъ и музыка.

— Да отчего же имъ не погрѣться?— возразилъ Вольтовъ.

— Погрѣться очень даже хорошо, но вѣдь ты каждый день видѣлъ множество мужиковъ и бабъ на морозѣ, однако жъ не звалъ ихъ погрѣться за чаемъ. Нѣтъ, этотъ чай не спроста, онъ пріуроченъ къ событію, къ твоей выставкѣ. Мужиковъ пригласили и сейчасъ же какъ будто струсили, стали опасаться, чтобъ они не заскучали и за это хотятъ ихъ вознаградить. Обыкновенно мужичкамъ на чай даютъ, а тутъ прямо натурой чай преподносятъ. Мнѣ это не нравится.

— Не совсѣмъ понимаю, что тутъ тебѣ не нравится!—крѣпко старался держаться за свое Вольтовъ.

— Да вотъ хоть бы это. Вѣдь опять у нихъ о выставкѣ составится такое представленіе, какъ о чемъ-то такомъ, гдѣ можно и музыку послушать, и чайку попить, а то, можетъ быть, еще и по рюмкѣ водки поднесутъ. Все это, братъ, искажаетъ художественное впечатлѣніе. Вѣдь въ городѣ на выставкахъ публикѣ не подносятъ чай. Словомъ сказать, милый мой Вольтъ, я въ восторгѣ отъ твоихъ картинъ, желаю успѣха твоему предпріятію, но совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этой музыкѣ и чайномъ угощеніи. Все это, братецъ мой, народъ въ лучшемъ видѣ можетъ получить на ярмаркѣ и въ трактирѣ, а, впрочемъ, это мое домашнее мнѣніе. Я народа не знаю, а вы съ Березовой его каждый день видите, вамъ и книги въ руки.

Къ вечеру петербургскіе гости стали собираться въ дорогу. Березова настойчиво просила ихъ остаться еще хоть на день, но ни Владиміръ Николаевичъ, ни Скорбянскій не могли на это согласиться. И у того, и у другого была работа. Пришлось уступить.

Они простились съ Березовой, а Вольтовъ вызвался проводить ихъ до станціи. Его еще никто не видѣлъ такимъ восторженнымъ. Посѣщеніе петербургскихъ друзей страшно тронуло его. При томъ же у него теперь былъ фондъ, съ которымъ онъ болѣе смѣло могъ обдумать свое предпріятіе.

— Ну, прощай, великій Вольтъ!—сказалъ, обнимая его на станціи, Скорбянскій.—Пиши своихъ богатырей, пиши, что хочешь, все у тебя выйдетъ, но только музыку убери прочь, она тутъ ни къ чему.

X.

Владиміръ Николаевичъ нашелъ въ конторѣ письмо, которое было послано съ границы. Вѣра Поликарповна писала:

„Считаю своимъ священнымъ долгомъ давать тебѣ отчетъ обо всѣхъ своихъ переживаніяхъ. Въ тотъ моментъ, когда мы разстались, когда поѣздъ двинулся съ мѣста и ты остался на вокзалѣ, я испытывала странное смѣшанное чувство, въ которомъ были и страхъ, и, кажется, радость...

„Я боялась написать это слово, но я написала его. Да, можетъ быть, и радость. Не слѣдуетъ бояться словъ и не только словъ, а ничего не слѣдуетъ бояться. Какое-то чувство свободы овладѣло моей душой,—чувство, какое бываетъ у человѣка, когда онъ вдругъ послѣ многолѣтняго подчиненія чужому, сильному, неотразимому вліянію, вышелъ изъ подъ него. Такое чувство бываетъ у школьника, когда, покончивъ счеты съ надоѣдливою наукой и дисциплиной, онъ дѣлается гражданиномъ.

„И когда я сознала это чувство, мнѣ сдѣлалось страшно. Какъ? говорила я себѣ: такъ неужели же это была химера, то, что мы считали прекраснымъ, важнымъ, чѣмъ жили такъ долго, изъ-за чего страдали и что доставило намъ лучшія минуты въ жизни, какихъ уже никогда не будетъ?—неужели же это оказывается химерой? Согласись, что это можетъ привести въ ужасъ. Но, слава Богу, это чувство оказалось ложнымъ.

„По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Петербурга, оно исчезало и на его мѣсто прорывалась тоска,—капля по каплѣ, съ каждой верстой, съ каждымъ промелькнувшимъ мимо телеграфнымъ столбомъ, все сильнѣе и сильнѣе, и вотъ теперь, когда я пишу это письмо, сидя въ Вержболовѣ, въ ожиданіи, когда повезутъ насъ черезъ границу, какія-то неумолимыя клещи сжали мнѣ сердце, да такъ больно, что мнѣ хочется кричать.

„У меня красные глаза; слезы вотъ-вотъ брызнутъ изъ нихъ. Мать спрашиваетъ, что со мной. Я говорю, что, должно быть, начинается тоска по родинѣ. Она охаетъ и вздыхаетъ и уже сама готова плакать.

„Еслибъ не самолюбіе, которое, какъ ты знаешь, у меня велико, я просто вернулась бы домой... Но я не вернусь. И не изъ одного самолюбія, но и изъ-за многаго другого.

„Нѣтъ, надо, надо сдѣлать экзаменъ своему сердцу. Очень ужъ оно затуманилось въ послѣднее время, мое, какъ и твое. И я поѣду дальше, но тоска не унимается, какъ будто я на вѣки потеряла все самое дорогое въ жизни.

„Милый Владиміръ, можетъ быть, это и такъ, и навѣрное это такъ; если даже сердца наши выдержатъ экзаменъ удовлетворительно, если намъ суждено опять быть вмѣстѣ при лучшихъ условіяхъ, все равно, то, что уже мы пережили, было самымъ прекраснымъ, самымъ дорогимъ. Оно уже никогда не вернется, потому что къ нашему дивному чувству, какимъ оно было въ началѣ, примѣшалось много грубаго, житейскаго, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнаго.

„Больше писать не могу. Первый звонокъ, зовутъ въ Германію. Смѣло переступаю границу. Прощай, милый Владиміръ, пиши мнѣ такъ же откровенно, какъ я пишу тебѣ. Пиши въ Берлинъ Central-Hôtel. Мы тамъ пробудемъ двѣ недѣли. А куда дальше, сообщу изъ Берлина.

„Мать знаетъ, что это я *тебѣ* пишу и проситъ передать тебѣ сердечный поклонъ, „какъ родному“. Это ея слова. Она всю дорогу говорила о тебѣ и вообще въ самомъ дѣлѣ относится къ тебѣ, какъ къ родному. Впрочемъ, это смѣшное слово: родной! Вѣдь Дмитрій родной. Но это не помѣшало ему даже не пріѣхать на вокзалъ.

„Прощай, милый Владиміръ. Тоскую самой настоящей, непритворной тоской. Твоя Вѣра“.

Это письмо произвело на Владиміра Николаевича странное впечатлѣніе. Не смотря на то, что въ немъ было столько доказательствъ привязанности къ нему Вѣры Поликарповны, столько искренности, фактъ полученія его былъ ему непріятенъ. Оно чѣмъ-то затрудняло его, причиняло ему какое-то неудобство.

Онъ пріѣхалъ изъ деревни спокойный, уравновѣшенный, съ свѣжей головой и съ ровно бьющимся сердцемъ. Ему казалось, что онъ, благодаря этой поѣздкѣ какъ бы переродился. И вотъ это письмо какъ будто вливало прежнюю отраву въ его душу; въ сердцѣ проснулась тревога, та самая, отъ которой онъ, измученный, надѣялся избавиться перемѣной, связанной съ поѣздкой Вѣры Поликарповны.

И онъ старался себя успокоить. „Э,—говорилъ онъ себѣ,—отъ этого надо отвыкать. Разстояніе, что тамъ не говори, имѣетъ свою силу. Вѣра теперь за двѣ тысячи верстъ, это не должно

оставаться безъ вліянія"... И онъ какъ бы стряхнулъ съ себя это настроеніе.

Однако, надо было отвѣтить Вѣрѣ Поликарповнѣ. Онъ сдѣлалъ это въ конторѣ, когда, послѣ обѣда, вторично поѣхалъ туда. За время отсутствія его накопилось много дѣлъ и онъ долженъ былъ идти на работу. А дома онъ не могъ писать ей. Какое-то чувство неловкости передъ Вѣрой Петровной мѣшало ему. Ему казалось, что этимъ онъ какъ-бы оскорбитъ ее, хотя она и не будетъ знать объ этомъ.

Онъ написалъ въ Берлинъ: „Другъ мой, Вѣра. Такъ какъ надо говорить сущую правду, то я сообщаю тебѣ, что не могу еще такъ хорошо разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, какъ ты. Они не поддаются анализу.

„Первое время мнѣ было хорошо и легко; я совершилъ поѣздку въ деревню къ Вольтову съ семьей и съ Скорбянскимъ. Мнѣ было даже весело. Кажется, что я испыталъ нѣчто похожее на то, что испытывала ты, но навѣрно не знаю. Я не анализировалъ и, должно быть, оттого мнѣ и было хорошо.

„Видѣлъ картины Вольтова. Что за прелесть и что за оригинальный талантъ! Жаль что ты не видала и еще больше жаль, что никто изъ Спонтанѣевыхъ не захотѣлъ помочь ему. Много смѣшного въ его затѣѣ, но это не мѣшаетъ ей быть почтенной, а ему большимъ талантомъ. Ты увидишь какъ прогремитъ его имя.

„И такъ, я чувствовалъ себя прекрасно и это продолжалось до настоящаго момента, когда я пишу. Я получилъ твое письмо и старая тоска охватила меня. Но это ничего не значитъ, и изъ этого нельзя сдѣлать никакого вывода. Прежнее вѣдь было сильно и его обаяніе должно сказываться, оно и сказывается, а съ выводами спѣшить не будемъ.

„Знай только, что ни одна новая черточка въ моей душѣ не будетъ отъ тебя скрыта. Ты все будешь знать и все будешь принимать къ свѣдѣнію. Совѣтую тебѣ дѣлать тоже по отношенію ко мнѣ. Цѣлую твои руки. Прощай и пиши. Твой Владиміръ".

Это были первыя письма, которыми они обмѣнялись. Впечатлѣніе тревоги, которое онъ почувствовалъ въ первый моментъ послѣ прочтенія письма изъ Берлина, очень скоро разсѣялось у Владиміра Николаевича. Въ первый день оно доставило ему много огорченій, но уже на слѣдующее утро онъ всталъ бодрымъ и чувствовалъ себя такъ, какъ во время поѣздки къ Вольтову.

Съ нимъ даже случилось нѣчто необыкновенное, чѣмъ онъ въ особенности поразилъ Ивана Семеновича. Не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, онъ однажды, явившись въ контору, сказалъ:

— А что, Иванъ Семеновичъ, если бы я попросилъ у васъ отпуска?

Иванъ Семеновичъ усмѣхнулся.

— Какъ же это, Владиміръ Николаевичъ, вы у меня просите, когда вы мое начальство?

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло, что, беря отпускъ, я засаживаю васъ за работу, значитъ у васъ и проситься долженъ.

— А что, опять задумали съѣздить куда?

— Нѣтъ, не съѣздить. А своя работа у меня естъ. Давно бы слѣдовало ею заняться да все времени не было; работа важная, Иванъ Семеновичъ.

— Художественная?—спросилъ Иванъ Семеновичъ, который слышалъ о томъ, что Бертышевъ пишетъ картины.

— Да, хорошую вещь началъ, очень она меня занимаетъ, хочу кончить добросовѣстно.

— Такъ что жъ, Владиміръ Николаевичъ, зачѣмъ же дѣло стало?

— Да вотъ именно за тѣмъ, чтобъ вы меня отпустили.

— Да я вамъ вотъ что скажу, Владиміръ Николаевичъ, что вы черезчуръ уже много конторѣ отдаетесь; нѣтъ въ этомъ надобности.

— Какъ нѣтъ надобности? Вѣдь я взялся за это дѣло.

— Да вѣдь вы взялись главный надсмотръ имѣть и всѣмъ вообще орудовать. А для этого не надо постоянно сидѣть въ конторѣ. Дѣло оно несложное, и мы безъ васъ его справимъ.

— Такъ что выходитъ, что я лишній человѣкъ.

— Ну, какъ же лишній? Какъ же можно лишній? Тутъ надо, чтобъ было лицо, надо, чтобъ служащіе знали, что есть на нихъ главный человѣкъ, чтобы не распускались, ну и притомъ у всякаго дѣла должна быть одна голова. Вотъ вы и есть у насъ такая голова. Я правду говорю, Владиміръ Николаевичъ. Довольно будетъ, ежели вы на полчасика заѣдете, чтобы видѣли васъ, вотъ и все... Неисправностей у насъ никакихъ нѣтъ, однимъ глазкомъ въ книгу взглянули, и все видно. Сами же хорошій порядокъ завели. А на счетъ отпуску, это—сколько угодно.

— Да я вѣдь надолго, Иванъ Семеновичъ. Мѣсяца на полтора.

— Да хоть на годъ. Лишь бы только довѣріе ко мнѣ имѣли, чтобы безпокойства не было.

— Я вамъ, Иванъ Семеновичъ, вполнѣ довѣряю.

— Вотъ и спасибо. Такъ, значитъ, и погуляйте себѣ. Что жъ, значитъ, въ городѣ останетесь или куда уѣдете?

— Нѣтъ, нѣтъ, никуда не уѣду, буду работать дома, въ своей квартирѣ.

— Ну, помогай вамъ Богъ.

Придя домой въ этотъ день, Владиміръ Николаевичъ объяснилъ Вѣрѣ Петровнѣ свой планъ.

— Займусь неотступно моей картиной,—говорилъ онъ.—Я чувствую какой-то „запалъ“. За какое дѣло ни возьмусь, всюду только и вижу свою картину, изъ всѣхъ угловъ она на меня смотритъ. Просто ни о чемъ не могу думать.

У Вѣры Петровны засіяли глаза и она сама не знала, почему это доставило ей столько радости. Вѣдь онъ очень опредѣленно объяснилъ, что отпускъ взялъ для картины, ничего лично ей онъ не обѣщалъ, никакого даже разговору у нихъ не было о личныхъ отношеніяхъ.

Но если бы хорошенько покопаться въ ея душѣ, то можно было бы отыскать тамъ странную связь въ ея глазахъ между ихъ личной жизнью и искусствомъ. Ей почему-то казалось, что всякій разъ, когда въ немъ возгоралась любовь къ искусству, когда онъ начиналъ интересоваться своей работой, въ это время непремѣнно должно было блекнуть другое чувство, которое составляло всю драму ея жизни.

Въ сущности это легко было понять. Вѣдь Владиміръ Николаевичъ, всей душой преданный своему искусству, изъ за него пріѣхавшій въ Петербургъ, охладѣлъ къ нему именно въ то время, когда началось его сближеніе съ домомъ Спонтанѣева. Вѣра Спонтанѣева какъ бы замѣщала въ душѣ его искусство.

Съ другой стороны отъ Вѣры Петровны не ускользнуло, что въ тѣ дни, когда Владиміръ задумалъ свою картину и съ увлеченіемъ принялся за нее, въ немъ, не въ словахъ его и не въ поступкахъ, а въ чемъ-то неуловимомъ,—въ манерѣ, въ тонѣ,—замѣтно было, что онъ уже не такъ цѣнитъ тѣ свои отношенія. Наконецъ, это совпало съ ихъ разлукой, съ рѣшеніемъ Вѣры Спонтанѣевой уѣхать за границу, чего прежде, кажется, и предположить нельзя было.

А ей такъ хотѣлось возвратить его—не себѣ, Боже сохрани! она давно считала это невозвратнымъ,—но возвратить искусству художника, котораго она продолжала считать попрежнему выдающимся талантомъ, заставить его вновь полюбить свою работу, вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ онъ до этой печальной исторіи. И вотъ почему сіяли ея глаза, когда она узнала о рѣшеніи Владиміра заняться работой, и рѣшеніи, на столько твердомъ, что онъ даже отказался на время отъ Спонтанѣевскаго дѣла, на что̀ никогда прежде нельзя было его подвинуть.

Владиміръ Николаевичъ погрузился въ работу. Онъ вставалъ рано, въ 8 часовъ, тотчасъ же становился у своей картины и оставался при ней до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ, пока можно было пользоваться дневнымъ свѣтомъ. Эта картина была теперь центральнымъ пунктомъ въ домѣ, о ней только и говорили.

Ею занимались какъ хозяева, такъ и гости, даже дѣти интересовались ея судьбой.

Скорбянскій часто приходилъ къ нимъ и всякій разъ прежде всего подходилъ къ картинѣ, долго смотрѣлъ на нее и констатировалъ успѣхъ.

— Удивительно это у тебя,—говорилъ онъ,—какъ каждый день прибавляется новая черта, которая все больше и больше оживляетъ это замѣчательное лицо.

Владиміръ Николаевичъ тоже былъ доволенъ своей работой, но однажды его видѣли около картины хмурымъ и какъ бы чѣмъ-то неудовлетвореннымъ.

— Чего же тебѣ еще нужно?—спрашивалъ его Скорбянскій,—мнѣ кажется, что лучшаго и желать нельзя. Въ этомъ лицѣ все ясно.

— Нѣтъ,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—мнѣ по крайней мѣрѣ далеко не все ясно—здѣсь недостаточно ярко выражено самое главное.

— Но что же это?

— Самое главное, самое главное! Я не могу даже сказать что. Но лицо не вполнѣ выражаетъ то, что произвело на меня основное впечатлѣніе въ оригиналѣ.

— А твой оригиналъ существуетъ?

— Конечно. Вѣдь это Дмитрій Спонтанѣевъ. Это не портретъ, нѣтъ, Боже сохрани,—это гораздо выше, это—типъ. Я взялъ у него только то. что типично. Я хотѣлъ выразить... не знаю, какъ это назвать,—старую молодость или молодую старость... не могу тебѣ точно выразить.

— Но это здѣсь и такъ достаточно выражено,—возразилъ Скорбянскій.

— Нѣтъ, нѣтъ. У него въ лицѣ было что-то еще, именно такая черта, которая сразу освѣщаетъ весь типъ...

— Но что же дѣлать, если ты потерялъ эту черту? Я нахожу, что можно и безъ нея обойтись.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня будетъ мучительное ощущеніе неполноты, недоконченности. Я долженъ повидать его.

— Неужели же ты поѣдешь къ этому господину?—съ удивленіемъ спросила его Вѣра Петровна.

— О, для такой цѣли куда только я не поѣхалъ бы? Изъ за одной этой чсрточки чего я не сдѣлалъ бы?

— Но вѣдь нельзя же ѣхать къ нему такъ, зря. Надо, чтобъ было какое-нибудь дѣло.

— А, вотъ дѣла-то у меня и нѣтъ. Въ этомъ вся штука. И главное, что и не можетъ быть дѣла къ этому господину. Я рѣшительно не могу придумать никакой точки соприкосновенія съ нимъ.

— Да ты посули ему денегъ! Давать, конечно, не стоитъ, а только посули. Вѣдь это ни къ чему тебя не обязываетъ!— сказалъ Скорбянскій.

— Для этого нѣтъ никакихъ основаній. Да онъ не такъ наивенъ, чтобъ повѣрить этому.

Какъ ни ломали голову всѣ трое, но не могли ничего придумать. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Николаевичъ надѣлъ сюртукъ, очевидно собираясь ѣхать.

— Что жъ, ты придумалъ?—спросилъ его Скорбянскій.

— Нѣтъ. Но все равно, хотя бы по самому глупому поводу, мнѣ вѣдь только на нѣсколько секундъ—посмотрѣть на этого молодца.

— Но однако же, какъ же такъ?.. Вѣдь можетъ выйти глупое положеніе.

— Все равно. Дорогой что-нибудь придумаю.

И Бертышевъ поѣхалъ. Всю дорогу онъ старался придумать что-нибудь правдоподобное, но въ самомъ дѣлѣ у него до такой степени не было ничего общаго съ молодымъ Спонтанѣевымъ, что всѣ усилія оказывались тщетными.

Онъ былъ уже у двери квартиры Дмитрія Спонтанѣева, но еще не зналъ, что именно скажетъ. Онъ позвонилъ, лакей отворилъ ему дверь.

— Дома Дмитрій Поликарповичъ?—спросилъ онъ. И страннымъ казалось ему, что онъ объ этомъ спрашиваетъ, что ему зачѣмъ-то понадобился Дмитрій Спонтанѣевъ.

— Они дома,—отвѣтилъ ладей,—а что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно его видѣть.

— Едва ли примутъ-съ!—отвѣтилъ лакей.—Они нынче никого не принимаютъ. Занятіе какое-то имѣютъ.

— А ты вотъ на всякій случай отдай мою карточку, можетъ, и примутъ.

Лакей взялъ карточку и неохотно пошелъ наверхъ. Владиміръ Николаевичъ тоже медленно сталъ подниматься по лѣстницѣ, испытывая глупѣйшее ощущеніе человѣка, явившагося въ чужой домъ безъ всякаго дѣла.

Лакей очень скоро вернулся, но выраженіе лица его было уже совсѣмъ другое; очевидно, Дмитрій Спонтанѣетъ изъявилъ полную готовность принять гостя.

— Пожалуйте сюда, въ комнату!—любезно пригласилъ онъ.

Бертышевъ плохо зналъ этотъ домъ и совсѣмъ позабылъ расположеніе комнатъ въ немъ. Онъ былъ здѣсь всего раза два, когда, послѣ смерти Поликарпа Антоновича, пришлось приводить въ ясность наличное имущество Спонтанѣевыхъ. Обстановка осталась та же, что и была, Дмитрій Поликарповичъ ничего не перемѣнилъ. Все

было мягко и удобно, но на всемъ уже видѣлось порядочное вліяніе времени.

У Бертышева просто лобъ трещалъ отъ усиленнаго придумыванія. Въ ожиданіи хозяина у него была даже такая минута, когда онъ готовъ былъ улизнуть. „Не глупо ли въ самомъ дѣлѣ придти въ чужой домъ и не знать, что сказать?“ думалъ онъ.

А въ это время въ дальней комнатѣ послышались шаги... Владиміръ Николаевичъ съ усиліемъ закрылъ глаза, крѣпко стиснулъ обѣими ладонями виски и вдругъ его осѣнила мысль. Мысль была чрезвычайно простая; чтобы придумать ее, не стоило такъ долго ломать голову.

— Это вы?—какъ бы не довѣряя своимъ глазамъ, спросилъ Дмитрій Поликарповичъ, и остановился на нѣкоторомъ разстояніи, какъ бы не рѣшаясь протянуть ему руку. Владиміръ Николаевичъ, очевидно, и не расчитывалъ на это и съ своей стороны не сдѣлалъ попытки, а просто слегка поклонился и отвѣтилъ.

— Да, это я, какъ видите.

— Чѣмъ же я обязанъ такой чести?—слегка иронически спросилъ Спонтанѣевъ.

— Я вамъ сейчасъ объясню!—очень просто отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.—Вы позволите мнѣ сѣсть?

— Пожалуйста, прошу.

Спонтанѣевъ самъ сѣлъ и указалъ гостю на стулъ. Владиміръ Николаевичъ занялъ его.

— Дѣло очень незначительное,—сказалъ онъ.—У меня есть кое-что сообщить вашей матушкѣ, межъ тѣмъ я потерялъ изъ виду ихъ маршрутъ. Я не знаю, гдѣ онѣ теперь. Такъ вотъ, не извѣстно ли это вамъ?

Дмитрій Спонтанѣевъ почти презрительно усмѣхнулся и отрицательно покачалъ головой.

— Почему же я это знаю? Право, я не понимаю даже, почему это вамъ пришло въ голову.

— Но это такъ естественно—вамъ знать, гдѣ ваши родные.

— Нисколько это не естественно. Право, мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ они. Они наслаждаются заграничнымъ путешествіемъ; позвольте же спросить, что мнѣ отъ этого прибавляется или убавляется?

Собственно разговоръ могъ бы считаться исчерпаннымъ, но Бертышеву нужно было посидѣть нѣсколько минутъ. При этомъ онъ внимательно всматривался въ лицо Спонтанѣева. Нужно было придумать тему для разговора и онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ завести рѣчь о ликвидаціи.

— Вы по всей вѣроятности интересуетесь знать, какъ идутъ дѣла,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Надѣюсь, что они идутъ хорошо,—промолвилъ Спонтанѣевъ.

— Настолько хорошо, что приходится пожалѣть о томъ, что нельзя совершить ликвидацію ранѣе трехъ лѣтъ послѣ смерти вашего батюшки.

— Да, вы правы, приходится пожалѣть. Не находите ли вы, что это было излишне стѣснять насъ такимъ длиннымъ срокомъ?

— Несомнѣнно, что у Поликарпа Антоновича были свои основанія.

— Да, у него были основанія, но онъ умеръ и они перестали существовать вмѣстѣ съ нимъ. А у насъ есть свои основанія совершить раздѣлъ пораньше, межъ тѣмъ онъ этого не захотѣлъ принять во вниманіе; онъ умеръ, а мы живемъ. Кажется, послѣднее обстоятельство имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ первымъ.

Бертышевъ формально возражалъ ему, но въ сущности былъ очень невнимателенъ. Онъ пристально смотрѣлъ ему въ лицо и старался уловить ту черту, которая ему была такъ нужна. И наконецъ наступилъ моментъ, когда онъ, самъ того не подозрѣвая, весь просіялъ и заставилъ даже Спонтанѣева съ особеннымъ вниманіемъ взглянуть на него.

„Вотъ, вотъ то, что мнѣ надо!—мысленно произнесъ онъ:—какъ странно! Такая пустячная черта и какое она имѣетъ огромное значеніе! Вотъ именно эта глубокая линія подъ нижней губой, на границѣ между нею и подбородкомъ, она-то и придаетъ это выраженіе какой-то преждевременной слабости! Какъ странно! Если бы я этого не видѣлъ, я никогда не подумалъ бы, что это такъ“.

Послѣ этого онъ поднялся и безъ всякихъ объясненій началъ прощаться. Спонтанѣевъ остался въ недоумѣніи. Вошелъ къ нему Бертышевъ съ довольно сумрачнымъ лицомъ, а вышелъ почти радостный. Не понималъ онъ, чѣмъ это такимъ онъ могъ доставить ему столько удовольствія.

Отсюда Владиміръ Николаевичъ поспѣшилъ домой, гдѣ онъ еще засталъ Скорбянскаго.

— Ну, что? Поздравить тебя?—спросилъ его Скорбянскій.

— Поздравить, да еще какъ? съ необыкновеннымъ открытіемъ!

— Но съ чѣмъ же ты пришелъ къ нему?

— А съ какими-то пустяками, право не стоитъ даже разсказывать.

— А въ чемъ открытіе?

— Этого я не скажу. А ты уйди-ка съ Вѣрой въ столовую, а я поработаю; потомъ самъ увидишь, открытіе это, или нѣтъ, стоило ли изъ-за этого ѣздить къ этому болвану или не стоило.

Скорбянскій и Вѣра Петровна подчинились его приглашенію и ушли въ столовую. Часа полтора Владиміръ Николаевичъ возился съ картиной, затѣмъ позвалъ ихъ.

— Ну смотрите теперь.

— Да, удивительно! Есть что-то новое въ лицѣ, и именно какое-то выраженіе „молодой старости“. Но что ты сдѣлалъ?

— Да ничего особеннаго. Вотъ только и всего

Онъ указалъ кистью на перемѣну, которую произвелъ на портретѣ надъ подбородкомъ. Такимъ образомъ онъ открылъ имъ свою тайну.

— Ну, что жъ, теперь можно считать работу конченной? — спросилъ Скорбянскій.

— О, нѣтъ, далеко нѣтъ. Вѣдь эта работа не любительская, я готовлю ее для выставки, надо дать нѣчто законченное!

— Мой Богъ!—воскликнулъ Скорбянскій,—если бы я могъ такъ отдѣлывать свои произведенія!

Прошло уже около мѣсяца, какъ уѣхала Вѣра Поликарповна. Настроеніе Владиміра Николаевича было превосходно. Онъ точно приросъ къ своей картинѣ.

Онъ рано ложился спать, часто дѣлалъ прогулки по отдаленнымъ улицамъ Васильевскаго острова. При этомъ онъ почти всегда бралъ съ собой дѣтей. И интересныя вещи узналъ онъ въ это время. Для него было ясно, что за минувшій годъ дѣти отвыкли отъ него. Они не дичились его, а какъ-то стѣснялись. Онъ рѣдко бывалъ съ ними; у него всегда былъ видъ какой-то сосредоточенности. „Серьезный, какъ у чужого“. Теперь онъ старался „наверстать“, болталъ съ ними, смѣшилъ ихъ и ему удалось очень скоро вернуть ихъ довѣріе. Они стали ждать этихъ прогулокъ и всегда съ удовольствіемъ шли.

Въ контору онъ заѣзжалъ всего раза два въ недѣлю. Это было необходимо для поддержанія дисциплины въ приказчикахъ. Если бы они долго не видѣли его, то стали бы небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ. Это ему открылъ Иванъ Семеновичъ. Кромѣ того, изъ-заграницы письма получались тоже приблизительно раза два въ недѣлю. Владиміръ Николаевичъ тутъ же въ конторѣ и отвѣчалъ.

Всѣ письма Вѣры Поликарповны были полны впечатлѣній, все было для нея ново, все охватывало ее. Уже изъ Берлина она писала:

„Какъ скудна наша жизнь въ Петербургѣ! даже нѣмцы, аккуратные, точные и скучноватые по натурѣ нѣмцы, и тѣ далеко ушли отъ насъ. Движеніе на улицѣ, театры, газеты, пьесы, книги... Всѣ полны какой-то жизнерадостности, видно, что люди живутъ съ удовольствіемъ, а не по обязанности, какъ у насъ. Жизнь въ

Петербургѣ кажется мнѣ сномъ, но не тѣмъ сномъ, который полонъ очаровательныхъ грезъ, а тупымъ, глухимъ, безъ сновидѣній. Какъ можно довольствоваться такой жизнью, когда такъ близко, бокъ-о-бокъ, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ сутокъ, существуетъ иная жизнь, полная движенія и смысла"?

Владиміръ Николаевичъ отвѣтилъ на это осторожно. Онъ не хотѣлъ ловить ее на словахъ. Онъ могъ бы написать ей о тѣхъ грезахъ, которыми была полна однажды ихъ жизнь. Развѣ ихъ любовь въ первый мѣсяцъ ихъ сближенія не была очаровательной грезой среди „тупого глухого сна?"

Но онъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ этомъ; онъ даже былъ радъ, что она такъ увлекается новизной, что отодвигаетъ отъ себя подальше всякое воспоминаніе о прошломъ. Онъ писалъ ей на это:

„Все, что ты пишешь, прекрасно, и я понимаю, что тебя должны были охватить новыя впечатлѣнія; но берегись, Вѣра, пресыщенія; пусть душа твоя будетъ полна, но не переполнена, чтобы ты однажды не почувствовала утомленія. Душу тоже можно и надорвать. Береги же свою душу. О себѣ пока сообщу только то, что я весь отдался своей картинѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала, искусство опять сдѣлалось моей религіей. Ты сдѣлала меня язычникомъ; благодаря тебѣ, твоему обаянію, я „сотворилъ себѣ кумира". Теперь я вернулся къ истинному Богу. Какъ странно, что такое прекрасное чувство, какъ любовь, можетъ вліять на человѣка отрицательно. И какъ жаль, что не присутствіе твое, а отсутствіе вернуло меня на истинный путь здоровой работы и творчества. Я хотѣлъ бы, чтобъ все лучшее въ моей жизни было связано съ воспоминаніемъ о томъ прекрасномъ чувствѣ, которое, впрочемъ, и само спасовало и уступило мѣсто другому,—другому, которому я не знаю имени"...

Изъ Берлина Спонтанѣевы переѣхали прямо въ Парижъ. Оттуда Вѣра Поликарповна писала въ первомъ письмѣ:

„Ну, я ничего не понимаю, я ровно ничего не понимаю. Можетъ быть, завтра или черезъ недѣлю я разберусь во всемъ этомъ. Но сегодня, сейчасъ, когда мы въѣхали въ этотъ поразительный городъ и едва успѣли перевести духъ, я ничего, ничего не понимаю. Можно подумать, что мы, живущіе въ нашемъ холодномъ Петербургѣ и эти, наполняющіе улицы и бульвары Парижа—существа различныхъ, ничего между собой общаго не имѣющихъ породъ. Или мы—люди, тогда они ушли куда-то далеко впередъ, такъ что ихъ трудно уже причислить къ людямъ, или они—люди, тогда мы на тысячу лѣтъ отстали отъ нихъ. Мнѣ кажется, что мы ближе къ медвѣдямъ, чѣмъ они къ намъ. Если они ведутъ жизнь, то мы, значитъ, еще закопаны въ землю и прозябаемъ тамъ, какъ

зерно ржи, брошенное въ землю передъ зимой. Не понимаю и не знаю, пойму ли когда-нибудь".

Такъ писала она о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ. Но уже черезъ три дня языкъ перемѣнился; она побывала въ Comédie, осмотрѣла часть Лувра, вдоволь находилась по бульварамъ. Она писала:

„Вообрази, что я уже чувствую себя парижанкой. Какъ скоро! Но это здѣсь дѣлается очень просто. Здѣсь воздухъ наполненъ бактеріями и эти бактеріи остры, какъ тончайшее остріе идеально-тонкой иголки; онѣ впиваются въ новаго человѣка и проникаютъ его насквозь, они заражаютъ его, и человѣкъ, у котораго вчера еще кружилась голова отъ этого страшнаго невообразимаго водоворота, уже смѣло бросается въ этотъ водоворотъ и принимаетъ участіе въ этой общей грандіозной толкотнѣ.

„Я не знаю, что это за люди. Въ своихъ книгахъ, журналахъ, газетахъ, въ театральныхъ пьесахъ, въ своихъ изобрѣтеніяхъ, въ постройкахъ, въ предпріятіяхъ, въ этихъ удивительныхъ приспособленіяхъ для общаго удобства, они очень серьезны и оставляютъ насъ такъ далеко позади, что насъ и не видно; но на бульварахъ, въ театрѣ, вездѣ, гдѣ толпа, это дѣти, веселыя, дурачащіяся, увлекающіяся побрякушками, игривыя. Въ каждомъ французѣ сидятъ два существа: серьезное, практичное и легкомысленное, какъ ребенокъ; не знаю, надолго ли мнѣ этого хватитъ, но теперь Парижъ со всѣмъ, что въ немъ есть, наполняетъ меня всю.

„Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ жаль мою бѣдную старуху. На нее Парижъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ для нея слишкомъ утомителенъ. Она не въ силахъ выдерживать его. Часовая прогулка по бульварамъ утомляетъ ее до того, что у нея смыкаются глаза и она здѣсь такъ много спитъ, что я иногда пугаюсь и совѣтуюсь съ врачами. Какое различное дѣйствіе одного и того же на двѣ души".

И цѣлый мѣсяцъ не прекращались эти восторженные дифирамбы Парижу. Но вдругъ въ одномъ письмѣ тонъ ея радикально измѣнился; въ немъ не было ничего опредѣленнаго, но въ каждомъ словѣ слышалось глубокое разочарованіе.

„Да, все это хорошо, хорошо, но вѣдь это чужое. Какъ это было смѣшно съ моей стороны — забыть объ этомъ хоть на минуту! Если бы существовалъ такой волшебный элексиръ, котораго достаточно было бы выпить каплю, чтобы вдругъ связать твою жизнь съ жизнью этого чужого города, этихъ чужихъ людей! О, тогда въ этой толпѣ можно было бы найти хоть тѣнь счастья. Но такого элексира нѣтъ на свѣтѣ.

„И вотъ я стою у окна своей квартиры и гляжу на улицу и грустно мнѣ, грустно видѣть эти бурныя, ни на минуту не

умолкающія проявленія чужой полноты жизни. Жизнь бьетъ ключемъ, чаша полна, даже слишкомъ полна, она переполнена такъ, что льется черезъ край, но мы, дѣти скучнаго, блѣднаго, мрачнаго сѣвера, всегда будемъ стоять въ сторонѣ, всегда будемъ ей чужія. Почему меня вдругъ охватила какая-то неумолимая тоска? Почему мнѣ грустно не только за себя, но и за всѣхъ, оставшихся тамъ за рубежомъ, въ той жизни, которая никогда не догонитъ эту, какъ бы ее ни подгоняли кнутомъ. И вотъ когда мнѣ нужна дружеская рука, потому что никогда такъ не надо было мнѣ почувствовать, что я не одна на свѣтѣ. О, Господи какая грусть. Помнишь, можетъ быть, ты писалъ мнѣ, чтобы я берегла душу, чтобы я не надорвала ее? Ну, вотъ, можетъ быть, она и надорвалась. Разберись въ этомъ, если можешь, за меня и научи меня. Протягиваю тебѣ руку или лучше—жду твоей протянутой мнѣ руки! Твоя Вѣра, въ эту минуту болѣе, чѣмъ когда-нибудь, твоя".

Долго и неподвижно просидѣлъ Владиміръ Николаевичъ надъ этимъ письмомъ. Оно задѣло его гдѣ-то въ такомъ глубокомъ уголкѣ души, гдѣ давно уже было молчаніе. И вновь тамъ что-то заныло.

Онъ не отвѣтилъ на это письмо въ тотъ же день, а, въ противность обыкновенію, отложилъ отвѣтъ на завтра. Но и завтра у него ничего не вышло. Онъ думалъ о томъ, почему именно это письмо Вѣры Поликарповны произвело на него такое глубокое дѣйствіе. Не потому ли, что въ немъ Вѣра рисовалась не такой, какой она была въ послѣднюю недѣлю, а какой была въ первые дни ихъ любви. Было что-то чистое, что-то поэтическое, что-то прекрасное въ этой ея грусти. И передъ нимъ вставало забытое — очевидно, плохо забытое—прошлое и сердце начинало биться тоскливо и хотѣлось протянуть руки къ нему, къ этому прошлому, а вмѣстѣ и къ ней, къ той Вѣрѣ, которая была и въ прошломъ, и теперь стояла у окна въ Парижѣ, съ тоской глядя на чужой городъ, на чужую толпу, чужую жизнь и съ мольбой и съ прежнимъ довѣріемъ протягивала къ нему руки. Наконецъ, онъ отвѣтилъ ей: „Ахъ, Вѣра, ахъ, Вѣра! зачѣмъ ты разбудила во мнѣ воспоминанія, которыя я считалъ забытыми? Какъ иногда сладко бываетъ забыть прекрасное и тяжело помнить его! Не надо, не надо, Вѣра. Вѣдь это миражъ, все равно, оно не вернется... Отдохни душой и погрузись опять въ этотъ океанъ жизни, хотя бы и чужой. Поищи въ себѣ новыхъ силъ для этого, а можетъ быть, найдется и тотъ волшебный элексиръ, о которомъ ты говоришь. Еслибъ ты знала, какъ мнѣ было хорошо и какъ теперь стало тяжело, то ты не хотѣла бы нарушить очарованіе. Если это экзаменъ, то мы держимъ его плохо. Еще одинъ такой

отвѣтъ и мы рискуемъ срѣзаться и получить по нулю. Жду отъ тебя другихъ писемъ, похожихъ на прежнія".

Но онъ такого письма изъ Парижа не получилъ. Вѣра Поликарповна прислала коротенькую записку, сообщавшую, что они ѣдутъ въ Швейцарію, въ Лозанну. „Гдѣ тихо-тихо, гдѣ можно помечтать въ одиночествѣ".

Вѣра Поликарповна прибавляла: „тамъ будутъ знакомые, но я постараюсь всячески избѣгать ихъ".

Эта прибавка остановила на себѣ вниманіе Владиміра Николаевича. Знакомые! Это—Брухманы. О нихъ до сихъ поръ ни въ одномъ письмѣ не упоминалось. Если бы они были въ Парижѣ, Вѣра непремѣнно написала бы объ этомъ. У нея нѣтъ привычки скрывать что бы то ни было. Они въ Парижѣ не были, теперь предстоитъ встрѣча въ Лозаннѣ.

И у него явилась надежда, странная надежда на то, что эта встрѣча поможетъ ему. Удивительныя иногда приходятъ въ голову соображенія.

Бываетъ положеніе, когда человѣкъ боится того, чѣмъ онъ долженъ былъ бы дорожить. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ приходитъ счастье. Въ иномъ положеніи счастье отравляетъ жизнь... Владиміръ Николаевичъ боялся теперь увидѣть тотъ прекрасный образъ, въ какомъ явилась предъ нимъ Вѣра Поликарповна въ послѣднемъ письмѣ. Ея увлеченіе новыми впечатлѣніями помогало ему отодвинуть отъ себя подальше прошлое, распутать и сбросить съ себя цѣпи, оковывавшія его такъ долго. А ея послѣднее письмо разомъ возстановило все, что разрушить такъ дорого ему стоило. И онъ страстно желалъ, чтобы этотъ прекрасный образъ какъ-нибудь исчезъ, чтобы хоть какое-нибудь постороннее вліяніе набросило бы на него тѣнь пошлости, унизило его, свело съ пьедестала и ему смутно чувствовалось, что это должна сдѣлать встрѣча съ Брухманами.

А пока что, ему уже далеко не такъ работалось, какъ прежде. Правда, Вѣра Петровна и Скорбянскій считали его картину оконченной и восхищались ею, но онъ самъ этого не находитъ. Блѣдный юноша съ растрепанными волосами, безпомощный, развалившійся въ широкомъ креслѣ, съ сигарой въ зубахъ, послѣ убійственной ночи, въ которой онъ черезъ силу старался превзойти другихъ въ безпутствѣ, казался ему недостаточно выразительнымъ и онъ хотѣлъ еще много поработать надъ его лицомъ. Поза была превосходна, но лицо его не удовлетворяло.

И теперь вдругъ она ему надоѣла. Онъ еще подходилъ къ мольберту съ кистью и палитрой, но краски уже его не слушались и онъ едва прикасался кистью къ полотну, единственно для того, чтобы его охлажденіе не было замѣтно для Вѣры Петровны.

Но вдругъ однажды онъ отставилъ мольбертъ въ уголъ, завѣсилъ картину и объявилъ женѣ, что въ конторѣ произошли какія-то осложненія, что безъ него дѣла запутались, пришли въ безпорядокъ и что ему необходимо проводить тамъ много часовъ. Онъ сказалъ это такъ естественно, что ему повѣрили.

Этотъ годъ, когда было столько перемѣнъ и когда онъ находился постоянно между двухъ огней, онъ научился быть неискреннимъ, и это ему удавалось.

Онъ сталъ ѣздить каждый день въ контору, старался бывать тамъ подольше и какъ можно меньше проводить времени дома. Наконецъ, онъ получилъ письмо изъ Лозанны.

„Милостивый государь мой, если ты думаешь, что тебѣ удастся обмануть меня, то очень заблуждаешься. Я хитрая. Я сдѣлалась такая хитрая, что сама себѣ удивляюсь. Я такъ далеко вижу „составъ души“ и твоей въ особенности, не смотря на разстояніе, что мнѣ иногда даже дѣлается страшно.

„Ты дѣлаешь видъ, что тебѣ нечего сказать. А это неправда. Если это экзаменъ, то ты похожъ на хорошаго ученика, который все знаетъ, но изъ упорства прикидывается невѣждой и упорно молчитъ на всѣ вопросы. Одно изъ двухъ: или ты отдѣлался отъ меня и не хочешь оскорбить мою гордость, или тебя влечетъ ко мнѣ, и ты боишься этого, боишься сказать мнѣ, чтобъ я не вздумала поддержать тебя... Но прежде всего замѣть, что это не честно. У насъ было условіе и я его сдержала. Я говорила тебѣ все, что чувствовала, нисколько не боясь признаваться въ полномъ забвеніи, когда меня увлекала новизна впечатлѣній. Но я сказала тебѣ все и, когда „надорвала душу“, я протянула руку къ тебѣ... Я не устыдилась ни того, ни другого. А ты, ты... Скорѣй же поправляй свою ошибку или лучше—искупи свою вину. Я жду и я прощу. Я вѣдь иногда бываю очень добра къ тебѣ, въ особенности потому, что ты человѣкъ запутанный.

„Мы въ Лозаннѣ. Ощущеніе послѣ Парижа такое, какъ будто тебя вынули изъ кипучей бурливой горячей рѣки и опустили въ прохладную, или нѣтъ, даже не прохладную, а чуть тепленькую, спокойную, неподвижную ванну. Парижъ, это—городъ гражданъ, вѣчно, неустанно, съ благороднымъ жаромъ осуществляющихъ свои священныя права. Лозанна—городъ мѣщанъ, которыхъ маленькія, ничтожныя, буржуазныя права сами собой осуществляются, безъ хлопотъ, безъ шума, потихоньку. Тамъ всѣ ищутъ лучшаго, болѣе совершеннаго, совершенныхъ формъ въ жизни, въ искусствѣ, во всемъ; а здѣсь тупо-спокойные люди довольствуются малымъ. Что лучше, право не знаю. Я спуталась.

„А въ общемъ мнѣ скучно и я здѣсь долго не выживу. Здѣсь Брухманы. Но они невыносимы съ своей ограниченной закончен-

ностью. Вотъ люди, всей своей жизнью какъ бы опровергающіе истину, казавшуюся неопровержимой,—что человѣкъ есть существо, безгранично стремящееся къ совершенству. Они убиваютъ всякое представленіе о прогрессѣ. Они закончены. Они созданы, какъ машина, которая всегда и при всѣхъ условіяхъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать одно и то же, „свою функцію“, до тѣхъ поръ, пока не изотрутся винты и колеса; тогда она вовсе перестанетъ дѣйствовать. Достаточно побыть съ ними недѣлю, чтобы безошибочно предугадывать, какъ они поступятъ въ такомъ-то случаѣ, что они скажутъ, гдѣ улыбнутся, гдѣ нахмурятся и никогда не ошибешься. Такъ и машинистъ знаетъ, что будетъ съ машиной, если онъ нажметъ ту или другую кнопку, отвернетъ тотъ или другой кранъ. Бѣдные, скудные люди! Какъ они стараются оба угодить мнѣ! Но угодить мнѣ, это такъ трудно. Это удавалось только одному человѣку, и то не всегда, о, далеко не всегда! Ты его знаешь...

„Я уже начинаю заговаривать съ мамой о переѣздѣ куда-нибудь въ другое мѣсто, не знаю еще, куда. Ужъ не укатить ли въ Римъ? Но вѣрнѣе всего, что попаду въ Вѣну, тамъ хоть театры хороши.

„Но въ Парижъ не хочу, не хочу... Онъ меня чуть не проглотилъ. Право, у меня было такое ощущеніе и я бѣжала.

„Представь, Владиміръ, что я иногда думаю: вотъ-вотъ сейчасъ ты придешь и протянешь мнѣ руку... Какъ это глупо! Бываетъ даже такъ, что въ часъ, когда приходитъ поѣздъ (нашъ отель недалеко отъ вокзала и всѣ экипажи съ вокзала проѣзжаютъ мимо оконъ), я начинаю пристально слѣдить за всѣми ѣдущими съ вокзала и мнѣ приходитъ мысль: „а что, какъ онъ вдругъ взялъ да и пріѣхалъ?..“ Разумѣется, это безсознательно, потому что сознательно я не вѣрю въ чудеса.

„Итакъ, жду отъ тебя правды, полнаго и яснаго описанія твоего „душевнаго состава“. Твоя, все еще твоя Вѣра“.

Такимъ образомъ Брухманы нисколько не помогли Бертышеву. Напротивъ, они ухудшили его положеніе. Но у него явилось какое-то странное, небывалое упорство, которое заставляло его не только передъ Вѣрой Поликарповной молчать о своемъ „составѣ души“, но даже и самого себя увѣрять, что все идетъ не такъ уже дурно. Поэтому онъ не лгалъ или думалъ, что не лжетъ, когда на послѣднее письмо Вѣры Поликарповны отвѣтилъ:

„Да, я не стану отрицать, что власть твоя надъ моей волей не прошла. Я ее чувствую, но видишь, я уже могу съ нею бороться. А прежде мнѣ это не удавалось. Ты сомнѣваешься? Но если бы это было не такъ, развѣ я сидѣлъ бы здѣсь? Развѣ я не примчался бы къ тебѣ? О, давно твои наблюденія надъ эки-

пажами, ѣдущими съ вокзала мимо оконъ вашего отеля, увѣнчались бы чудомъ. Но я еще здѣсь, я работаю. Я написалъ картину, которую находятъ прекрасной и считаютъ законченной, хотя и найдется еще не мало въ ней работы. Я теперь исправно ѣзжу въ контору и просиживаю тутъ по пяти-шести часовъ въ день. Вѣдь это все факты, противъ которыхъ спорить нельзя. Нѣтъ, нѣтъ, не предрекай мнѣ неудачу. И къ тому же я знаю, что у тебя бываютъ только настроенія, когда тебѣ хочется протянуть ко мнѣ руку, но у тебя бываютъ и другія настроенія, когда ты по недѣлямъ не вспоминаешь обо мнѣ. Но развѣ можно настроенія принимать за основаніе дѣйствій? Они пройдутъ и смѣнятся другими. Будь осторожна съ своими выводами".

Это письмо было уже запечатано, когда пришла изъ Лозанны телеграмма о томъ, что они ѣдутъ въ Вѣну и что туда надо адресовать письма; онъ такъ и сдѣлалъ.

И ему казалось, что этимъ письмомъ онъ застраховалъ себя отъ всякой опасности.

XII.

Однажды Скорбянскій, зайдя къ Бертышевымъ, засталъ Вѣру Петровну одну.

— А что же нашъ маэстро? развѣ уже призналъ картину конченной?—спросилъ онъ.

— Не знаю!—какъ-то особенно сосредоточенно отвѣтила Вѣра Петровна.

— Не знаете? Что же, опять появилась тайна?

— Можетъ быть.

— Вотъ какъ! А мнѣ казалось...

— Мало ли что казалось?.. При недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ...—слабо улыбнувшись, промолвила Вѣра Петровна.

Скорбянскій замолчалъ; онъ не считалъ себя въ правѣ разспрашивать. Онъ зналъ, что эти разспросы были бы лишнимъ терзаніемъ для Вѣры Петровны. Онъ усѣлся въ кресло и молчалъ. Но Вѣра Петровна заговорила сама.

— Владиміру одно мѣшаетъ быть вполнѣ счастливымъ!—сказала она.

— Что же это? — спросилъ Скорбянскій, съ любопытствомъ поднявъ голову.

— Совѣсть!

— Этого я не понимаю, Вѣра Петровна.

— Ну, да, совѣсть. Она тревожитъ его и онъ отъ времени до времени дѣлаетъ ей уступки. Впрочемъ, къ чему говорить? Вы, Матвѣй Ивановичъ, знаете это лучше меня... Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Все это было сказано такимъ тономъ, что для Скорбянскаго не было сомнѣнія относительно душевнаго состоянія Вѣры Петровны. Опять чѣмъ-то нехорошимъ, ненадежнымъ пахнуло на него отъ этого дома... опять здѣсь поселилась тревога.

Онъ посидѣлъ съ Вѣрой Петровной часа полтора, а затѣмъ простился и по дорогѣ домой зашелъ въ контору Спонтанѣева.

— Ты!—съ изумленіемъ встрѣтилъ его Бертышевъ. Кажется, это было въ первый разъ, что Скорбянскій зашелъ въ контору.— Чѣмъ объяснить это?

— Дровъ не хватило, такъ вотъ зашелъ купить у васъ сажень, другую. Надѣюсь, по знакомству уступка будетъ!

— Ну, не дури пожалуйста, пойдемъ сюда въ мою комнату.

Бертышевъ пригласилъ его въ маленькую комнату, гдѣ не было ничего, кромѣ шкафа, конторки и нѣсколькихъ стульевъ. Скорбянскій, прежде чѣмъ сѣсть, притворилъ дверь.

— Что привело тебя сюда? — спросилъ Владиміръ Николаевичъ, не замѣтившій этого движенія.

— Я сейчасъ былъ у тебя.

— Ну? Развѣ дома что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, не думаю, чтобъ дома...

— Ну, ты вѣчно съ загадками...

— Да, ужъ это извѣстно, что я загадочная натура. А ты, ты... у тебя все необыкновенно ясно, какъ на ладони! Впрочемъ, извини, что путаюсь, такой уже у меня дамскій характеръ. Беллетристъ любопытенъ, какъ дама, потому что у нихъ одинаковая профессія. Вѣдь дамы, точно также какъ и мы, постоянно перебираютъ косточки человѣческой души. Гм... Косточки души! Не находишь ли ты тутъ нѣкотораго противорѣчія? Какъ ты думаешь, Вольдемаръ, былъ ли я правъ, когда нѣсколько недѣль назадъ подумалъ, что нашего полку какъ будто стало прибывать?

— Ты хочешь знать то, чего я самъ не знаю! — отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ахъ, милые незнайки! Какъ это вы живете, дѣйствуете, носите бороду и усы, тащите за собой куда-то въ неопредѣленное пространство цѣлую семью и все не знаете, все не знаете? Узнайте, пожалуйста! Ей-Богу, пора! Ну, пора же наконецъ!

— Ты совершенно правъ, пора!

— Ну, такъ что же?

— Да вѣдь я этимъ и занимаюсь. Если ужъ ты хочешь непремѣнно знать, если хочешь говорить объ этомъ...

— Желаю, почти требую!

— Ну, такъ знай, что у меня давно-давно явилось сомнѣніе, и именно для того, чтобъ разрѣшить его, узнать навѣрное, я и способствовалъ этой поѣздкѣ заграницу.

— И что жъ ты узналъ?

— Ничего.

— Это немного.

— Я думалъ, что узналъ все. Я думалъ, что это уже отлетѣло въ область ненужнаго. И ты видѣлъ, какимъ я былъ, какъ бодро работалъ... Ну, а теперь...

— Теперь?

— Теперь я сомнѣваюсь въ этомъ.

— Поучительно.

— Нѣтъ, не иронизируй. Видишь ли... Ну, я скажу тебѣ всю истину. Эта исторія началась очень поэтично, въ ней тогда не было ничего земномо и ничего такого, что ставило бы меня въ глубокое противорѣчіе съ моей жизнью; ну, а потомъ, потомъ все сбилось на обычное, все пошло какъ у всѣхъ...

— Что подъ симъ разумѣть надлежитъ?—съ нѣкоторой даже боязнью спросилъ Скорбинскій.

— Нѣтъ, ты не думай ничего такого. Это не такъ далеко зашло. Тогда явилось сомнѣніе и для того, чтобы провѣрить себя, каждый изъ насъ пожелалъ разлуки, уединенія... И вотъ теперь, когда мы далеко другъ отъ друга, все пошлое какъ бы поблѣднѣло и сгладилось и... ну, ты понимаешь...

— И опять влечетъ къ поэтическому?.. — промолвилъ Скорбянскій съ какой-то почти злостью: — ну, такъ я тебѣ скажу: убирайся ты туда, даже, если хочешь, совсѣмъ... Потому что такъ медленно рѣзать на кусочки душу твоей жены безчеловѣчно.

— Моей жены? Да вѣдь она меня давно уже не любитъ; ей все равно...

— Ты глупый младенецъ и больше ничего. Ты думаешь, что женщина, ставши матерью твоихъ дѣтей, такъ же легко отдѣлывается отъ чувства, какъ мы съ тобой? Какъ бы не такъ. Гордость заставляетъ ее прикидываться, да и плохо она прикидывается; а ты этого ничего не понимаешь изъ эгоизма, потому что тебѣ *не понимать* пріятнѣе, выгоднѣе.

— Ты думаешь, что Вѣра еще любитъ меня?—съ ужасомъ спросилъ Бертышевъ.

— Думаю ли я? Да иначе быть не можетъ. Ея жизнь вся сконцентрировалась въ тѣсномъ кругу семьи. Что же ты отъ нея хочешь? Если бы у нея было что-нибудь другое, работа на какомъ-нибудь поприщѣ, развлеченіе, общество; но у нея ничего нѣтъ, кромѣ семьи и заботъ о ней. Какъ же ты хочешь, чтобъ сердце ея сдѣлалось пустымъ, какъ эта бутылка? Я тебѣ говорю: одно изъ двухъ, — или уѣзжай совсѣмъ, или оставайся совсѣмъ. А эта длящаяся операція, когда каждый день, каждый часъ отрѣзаютъ то руку, то ногу, она безчеловѣчна.

— Зачѣмъ я уѣду? Что я найду тамъ?

— Да хоть гибель собственную, это все равно. Погибни самъ но не терзай другого. Знаешь что?—Скорбянскій съ величайшимъ волненіемъ всталъ.—Я больше не могу присутствовать при этой медленной пыткѣ. Я не хочу тебя видѣть до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что ты такъ или иначе закончилъ эту глупую сказку. Прощай.

— Куда ты? Постой!

— Нѣтъ, нѣтъ, Владиміръ, это не ссора... Но я просто больше не въ состояніи. Прощай.

И Скорбянскій въ самомъ дѣлѣ вышелъ. Это было такъ неожиданно, такъ не похоже на него, что Бертышевъ остался на мѣстѣ, какъ прикованный. Ему еще нѣкоторое время казалось, что Скорбянскій вернется, но скоро онъ убѣдился, что онъ ошибся.

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Это было очень трудно, такъ какъ комната была очень мала; онъ остановился у окна.

„Что это значитъ?—тихо произнесъ онъ и сталъ припоминать все, что говорилъ со Скорбянскимъ.—Вѣдь это правда, все правда. „Каждый день отрѣзать то руку, то ногу...“ Въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ съ Вѣрой, съ своей женой? Неужели онъ считаетъ ее такой наивной и думаетъ, что она не замѣчаетъ этой новой перемѣны? О, она все видитъ и все понимаетъ. Что же ему дѣлать? Если бы существовалъ такой ножъ, которымъ онъ могъ бы вырѣзать изъ сердца ненужное чувство, онъ не задумался бы и вырѣзалъ бы, но такого ножа нѣтъ. Что жъ, наконецъ, надо рѣшить какъ-нибудь? Что онъ предпочитаетъ, то или это? Вѣдь тутъ ужъ надо ставить вопросъ прямо и круто, тутъ надо предпочесть окончательно. Но какъ это сдѣлать? Да и въ чемъ здѣсь вопросъ? Развѣ можно хоть на мгновеніе допустить мысль, что онъ можетъ оставить свою семью? Значитъ“...

— А, да ничего это не значитъ! Это могло бы значить для человѣка, у котораго есть характеръ, воля котораго не парализована. А онъ—развѣ онъ способенъ на рѣшительныя дѣйствія? Нѣтъ. Все остается въ прежнемъ положеніи; надо, чтобъ какая-нибудь неотразимая случайность поставила бы передъ нимъ какое-нибудь рѣшеніе и заставила его поступить сообразно съ нимъ...

И вотъ, безъ Скорбянскаго ему не обойтись; нѣтъ другого человѣка въ цѣломъ мірѣ, кромѣ него, который съумѣлъ бы понять его.

Онъ бросилъ работу и поѣхалъ къ Матвѣю Ивановичу. Тотъ только что явился домой.

Владиміра Николаевича онъ встрѣтилъ хмуро.

— Во-первыхъ, это насиліе! — сказалъ онъ очень сердито, безъ своей обычной шутливости.—Я сказалъ тебѣ, что не могу

видѣть тебя въ этомъ недостойномъ человѣка состояніи нерѣшительности. Мнѣ это слишкомъ тяжело... Зачѣмъ же ты пришелъ?

— Я не могу безъ тебя обойтись.

— Вѣдь и со мной, все равно, ничего не выходитъ. Ты пойми, что если для меня, только сочувствующаго зрителя, это—пытка, такъ что же должна она терпѣть?

— Я это понимаю.

— Но если понимаешь, то долженъ признать, что для нея будетъ облегченіемъ даже если ты рѣшишься разстаться съ ней навсегда, только бы это было дѣйствительно рѣшеніе.

— Но у меня нѣтъ этой способности рѣшать. Пойми, не могу же я ее выдумать. Ну, я тряпка, я трусъ, назови меня, какъ хочешь, но что же мнѣ дѣлать, если я таковъ? Ну, вотъ, возьми и рѣши за меня. Рѣши, строго обдумавъ и я поступлю такъ, какъ ты рѣшишь...

— Это смѣшно, Владиміръ Николаевичъ. Право, это до дикости смѣшно. Что мнѣ рѣшать? Ты мое мнѣніе знаешь. Оно осталось такимъ же, какъ годъ тому назадъ. Но вѣдь ты не можешь такъ поступить.

— Я не знаю, что я могу...

— Ахъ, это истерическое: „я не знаю, что я могу“! Такъ узнай, если не знаешь!

— Я не могу узнать этого здѣсь...

— То-есть, это что же означаетъ? Ты долженъ поѣхать для этого туда, гдѣ она?

— Да, да.

— Такъ поѣзжай съ Богомъ.

— А Вѣра? Что она подумаетъ?

— Она ничего не должна думать. Выдумай поѣздку куда-нибудь, хоть въ Сибирь, а поѣзжай туда!

— Лгать? Но вѣдь это противно.

— Ха, ха, ха! Лгать противно, а рѣзать благородно. Я никакъ не ожидалъ, Владиміръ Николаевичъ, что ты до такой степени эгоистъ. Вся эта исторія есть не болѣе, какъ какое-то торжественное шествіе эгоизма, съ музыкой и пѣніемъ. Эгоизмъ тутъ былъ во всемъ, въ каждомъ движеніи твоемъ. Лгать противно, потому что ты самъ будешь казаться себѣ мальчишкой, или тамъ, пожалуй, перестанешь уважать себя! Эхъ, какъ это важно, какъ это важно, чтобъ ты уважалъ себя! А по моему, тутъ важно только одно,— чтобы жена твоя не терзалась еще излишними муками. И такъ довольно съ нея. Если тебѣ нужно, дѣйствительно нужно поѣхать туда для рѣшенія этого вопроса, то поѣзжай сейчасъ же, не теряй ни одного дня, потому что у нея уже подступаетъ... Она скоро придетъ въ отчаяніе. Я удивляюсь этой женщинѣ, какъ она можетъ такъ долго

выносить эту муку? Я тебѣ настоятельно совѣтую это: иди въ контору, бери въ союзники своего Ивана Семеновича, сочиняй какую-нибудь тамъ дѣловую телеграмму, вызывающую тебя куда-нибудь по дѣламъ, — въ Самару, во Владивостокъ, къ чорту въ адъ,—а въ то же время бери заграничный паспортъ и проваливай. Тамъ рѣшай, какъ хочешь, но только окончательно. И если пріѣдешь сюда, то не иначе, какъ мужемъ Вѣры Петровны и отцомъ твоихъ дѣтей; а если рѣшишь, что долженъ остаться тамъ, такъ тоже навѣрно, безповоротно и тоже въ послѣдній разъ. Остальное предоставь мнѣ. Ужъ не безпокойся, я съумѣю поддержать Вѣру Петровну и оградить ее отъ излишнихъ страданій. На счетъ дѣтей тоже не безпокойся. Твоя жена и разумна, и великодушна. Она не станетъ ни злобствовать, ни мстить; ты будешь видѣть дѣтей, содержать ихъ и даже вліять на нихъ. Я это устрою. Дѣти не должны ни отъ чего страдать. Понялъ?

— Да, я понялъ. Я такъ и поступлю. Другого рѣшенія нѣтъ. Послушай, Матвѣй, я говорю тебѣ это, какъ самому вѣрному другу, какъ единственному человѣку, которому до меня не все равно. Я поѣду; но не думай, что я мечтаю о какомъ-нибудь счастьѣ, — нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то. Видишь ли, я тебѣ объясню, если съумѣю. Послѣднее время эта власть надо мной почти совсѣмъ, было, исчезла. И я уже совсѣмъ готовъ былъ попрежнему стать здоровымъ человѣкомъ. Но эта поѣздка... Издали все кажется лучше... Не знаю, понялъ ли ты меня? Но я увѣренъ, что вблизи миражъ исчезнетъ и я увижу все такъ, какъ есть. Мнѣ только въ этомъ надо убѣдиться. И тогда я излѣчусь вполнѣ и навсегда.

— Ахъ, ну, это тонкости! Это неважно! Излѣчишься, тѣмъ лучше. Я буду сугубо радъ. А нѣтъ, окончательно съ ума сойдешь, — по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное. И такъ, ты рѣшилъ ѣхать?

— Да, рѣшилъ. Завтра же. Но какъ быть съ телеграммой? Я не съумѣю это устроить.

— Ну, это я могу за тебя устроить. Ты вотъ что сдѣлай: ты дай мнѣ свою карточку къ этому Ивану Семеновичу и напиши, что онъ можетъ довѣриться мнѣ, какъ тебѣ.

— Хорошо, возьми карточку, вотъ надпись.

Онъ написалъ точь-въ-точь такъ, какъ сказалъ Скорбянскій. „Прошу васъ, Иванъ Семеновичъ, довѣриться подателю этой карточки, Матвѣю Ивановичу Скорбянскому, моему другу, — какъ мнѣ самому“.

— А теперь уходи, пожалуйста, домой и сиди тамъ. Уходи! Я принужденъ тебѣ сказать, что мнѣ просто непріятно твое при-

сутствіе. Ужъ ты извини. Я шутилъ, шутилъ, но въ это время у меня зрѣлъ въ груди нарывъ, теперь онъ созрѣлъ...

Владиміръ Николаевичъ схватилъ шапку и, выходя изъ квартиры, сказалъ Скорбянскому:

— Прощай!

XIII.

Черезъ полчаса послѣ Бертышева вышелъ изъ квартиры и Матвѣй Ивановичъ.

Онъ былъ очень золъ. Брови его были сдвинуты и лицо изъза приподнятаго воротника и надвинутой шапки глядѣло сердито.

„О,—мысленно говорилъ онъ себѣ,—самая закоренѣлая злая воля является невиннымъ ангеломъ въ сравненіи съ безволіемъ! Сколько ни говорите о гуманности, а есть такіе милые характеры, которыхъ не подвинешь на справедливое дѣло безъ палки".

Онъ отправился прямо въ контору Спонтанѣева и здѣсь спросилъ Ивана Семеновича. Онъ зналъ старика въ лицо.

— Я къ вамъ отъ Владиміра Николаевича,—сказалъ онъ.

— Владиміръ Николаевичъ сейчасъ тутъ были! — отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ.

— Не сейчасъ,—поправилъ его Скорбянскій,—а часъ тому назадъ. Я то же заходилъ сюда къ нему; а потомъ онъ былъ у меня.

— Можетъ быть. Я ихъ не видѣлъ; они ушли какъ-то незамѣтно. А что же вамъ угодно?

— Прочитайте, пожалуйста, эту карточку.

Иванъ Семеновичъ надѣлъ очки и прочиталъ, потомъ повертѣлъ карточку въ рукахъ; очевидно, содержаніе ея показалось ему страннымъ.

— А по какому же собственно дѣлу?—спросилъ онъ, внимательно оглядывая Скорбянскаго.

— По дѣлу, близко касающемуся Владиміра Николаевича и намъ надо бы поговорить въ отдѣльной комнатѣ.

— Такъ пожалуйте сюда, въ комнату Владиміра Николаевича.

Они вошли, притворили дверь.

— Насъ здѣсь никто не услышитъ?—спросилъ Скорбянскій.

— Нѣтъ, будьте спокойны.

— Видите ли, отъ васъ Владиміръ Николаевилъ потребовалъ довѣрія ко мнѣ, но въ то же время тутъ необходимо, чтобы я вполнѣ довѣрялъ вамъ. Поэтому прежде всего пообѣщайте мнѣ, что разговоръ нашъ и все, что мы сдѣлаемъ вмѣстѣ, если вы согласитесь, останется въ этой комнатѣ.

— Ужъ это не безпокойтесь. Если что касается Владиміра Николаевича, то ужъ это будетъ вѣрно!

— Дѣло въ томъ, что Владиміру Николаевичу надо во что бы то ни стало уѣхать изъ Петербурга по такому дѣлу, о которомъ не долженъ знать никто, даже его жена. Дѣло очень непріятное и, если жена узнаетъ, то это можетъ страшно огорчить ее.

— Понимаю.

— Такъ вотъ надо устроить такъ, какъ будто эта поѣздка требуется его службой.

— Гм... такъ! Понимаю-съ.

— Можете вы это устроить?

Иванъ Семеновичъ задумался.

— То-есть, это значитъ, какъ будто его куда вызываютъ? — спросилъ онъ.

— Вотъ именно.

— Такъ.—Онъ опять подумалъ.—Оно можно... Только вѣдь солгать придется.

— Дѣло настолько важное, что, право, не грѣхъ и солгать.

— Надо обсудить. Вотъ развѣ это. Есть у насъ въ Воронежской губерніи лѣсная дача, такъ вотъ-съ, какъ случается, бываетъ порубка отъ мѣстныхъ жителей... Вотъ развѣ это-съ?

— Порубка?—Скорбянскій старался сообразить, какимъ образомъ можно воспользоваться порубкой.—А знаете, я думаю, что это годится. Вѣдь тамъ есть кто-нибудь; кто надсматриваетъ?

— Какъ же-съ! Дѣло стотысячное. Тамъ лѣсничій есть, по фамиліи Парамоновъ.

— Лѣсничій?.. Вотъ и отлично. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ. У васъ есть какая-нибудь старая ненужная телеграмма?

— Найдется.

— Дайте-ка ее мнѣ.

Иванъ Семеновичъ порылся въ столѣ и нашелъ телеграфный бланкъ, на которомъ было десятокъ словъ написано карандашемъ.

— Теперь дайте мнѣ резинку.

Иванъ Семеновичъ не особенно охотно далъ ему резинку. Очевидно ужъ онъ началъ колебаться.

Скорбянскій тщательно вытеръ все, что было написано карандашемъ. Потомъ онъ взялъ карандашъ и присѣлъ, чтобы писать.

— Значитъ, если бы произошла порубка, то пріѣздъ Владиміра Николаевича былъ бы необходимъ?

— Ежели сильная порубка... Пожалуй...

— Ну, отлично, мы такъ и изобразимъ.

И онъ написалъ разгонистымъ почеркомъ на телеграфномъ бланкѣ: „Случилась сильная порубка, не могу самъ справиться. Пришлите немедленно полномочнаго. Лѣсничій Парамоновъ".

— Годится?

— Пожалуй, что годится.

— Теперь напишемъ адресъ. „Въ контору Спонтанѣева“, этого довольно?

— Совершенно достаточно.

— А тутъ сверху „Воронежъ“, вчерашнее число... Довольно. Теперь вотъ что, Иванъ Семеновичъ. Ужъ это должны сдѣлать вы. Садитесь и пишите письмо Владиміру Николаевичу.

— Что жъ писать-то?

— А я вамъ продиктую.

— Не вышло бы чего такого...

— Нѣтъ, не выйдетъ ничего. Вы ничего дурного не сдѣлаете. Дѣло частное. Пишите: „Многоуважаемый Владиміръ Николаевичъ, посылаю вамъ депешу отъ Парамонова изъ Воронежа; дѣло важное, а не знаю, кого мы можемъ послать. Человѣка такого, чтобы толковый былъ и законы понималъ, у насъ нѣтъ. Ежели бы была возможность вамъ самимъ поѣхать, то было бы самое лучшее. Жду вашихъ распоряженій“. Теперь подпишитесь.

Иванъ Семеновичъ подумалъ съ минуту, повертѣлъ глубокомысленно перо и наконецъ подписался.

— Теперь положите письмо и депешу въ конвертъ и отошлите Владиміру Николаевичу. Вы колеблетесь?

— Да, но что жъ, ежели нужно...

— Да, очень нужно.

— И ничего, говорите, не выйдетъ такого?

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ честью, что ничего, кромѣ пользы для Владиміра Николаевича, не выйдетъ.

— Ну, такъ и пошлемъ.

Онъ вложилъ письмо и телеграмму въ конвертъ, тутъ же при Скорбянскомъ позвалъ мальчика и велѣлъ ему отнести письмо на Васильевскій островъ. Скорбянскій поблагодарилъ его и простился.

Владиміръ Николаевичъ между тѣмъ пришелъ домой и, чтобы какъ-нибудь не выдать своего душевнаго состоянія, выдвинулъ мольбертъ и началъ вымѣрять размѣръ рамы, какая понадобится для картины. Совсѣмъ не объ этомъ онъ думалъ и не до рамы было ему теперь.

Но напрасно онъ принималъ эти мѣры; Вѣра Петровна вовсе не собиралась давить его своимъ присутствіемъ. Она устроила ему обѣдъ и тотчасъ оставила его одного.

Было часовъ восемь, когда мальчикъ принесъ письмо отъ Ивана Семеновича. Въ это время Вѣра Петровна, уже собиравшаяся укладывать дѣтей, была въ столовой. Владиміръ Николаевичъ формально прочиталъ письмо и телеграмму и подумалъ: „тутъ цѣлый организованный заговоръ!“

— Вотъ, Вѣра,—сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ,—я получилъ письмо отъ Ивана Семеновича и вотъ эту телеграмму.

— Что жъ?—не оборачиваясь къ нему, спросила Вѣра Петровна.

— Онъ пишетъ, что въ Воронежской губерніи случилась значительная порубка... вотъ и телеграмма отъ лѣсничаго... придется мнѣ завтра съѣздить туда.

— Въ Воронежскую губернію? — какъ-то странно сдвинувъ плечами, спросила Вѣра Петровна.

— Да, это требуютъ... дѣла.

— Такъ поѣзжай, если тебя... требуютъ...

И она не взглянула ни на письмо, ни на телеграмму, и ушла въ спальню.

„Она чувствуетъ правду, она чувствуетъ!"—подумалъ Владиміръ Николаевичъ.

Дѣти между тѣмъ слышали разговоръ и начали въ одинъ голосъ протестовать противъ поѣздки. „Зачѣмъ папа уѣдетъ?—говорили они,—намъ скучно будетъ"...

Это были для Владиміра Николаевича самыя горькія терзанія. Онъ говорилъ имъ, что этого требуетъ долгъ, объяснялъ, что такое служба и долгъ службы, но они довольно слабо понимали все это. Они были еще слишкомъ малы, чтобы понимать такія отвлеченныя вещи, какъ „долгъ службы", тѣмъ больше, что въ голосѣ Владиміра Николаевича, объяснявшаго имъ это, звучала неувѣренность. И вообще все вышло не такъ гладко, какъ думалъ Скорбянскій.

Но у Владиміра Николаевича, должно быть, подъ вліяніемъ вчерашняго разговора съ Матвѣемъ Ивановичемъ, рѣшеніе какъ-то страшно окрѣпло. Оно ни на минуту не поколебалось.

На утро онъ началъ усиленно хлопотать о паспортѣ и ему удалось достать его въ тотъ же день. Затѣмъ онъ заѣхалъ въ контору, поблагодарилъ Ивана Семеновича, взялъ денегъ и забѣжалъ къ Скорбянскому.

— Съ Богомъ!—сказалъ ему Матвѣй Ивановичъ,—и помни нашъ уговоръ. Ужъ ты извини, на этотъ разъ я тебя провожать не буду.

— Почему же? Что же между нами перемѣнилось?

— Да просто такъ... не хочется... Не знаю самъ, почему. Только ради Бога, не считай, что мы поссорились. Это что-то другое. Очень ужъ я огорченъ... Слишкомъ долго тянутся эти огорченія, слишкомъ долго...

— Да, слишкомъ долго, ты правъ...

— Ну, прощай, дружище!—болѣе тепло сказалъ Скорянскій.

Они крѣпко пожали другъ другу руки, потомъ Владиміръ

Николаевичъ заѣхалъ домой, поцѣловалъ дѣтей и протянулъ руку Вѣрѣ Петровнѣ.

— Но, папа, скорѣй, скорѣй пріѣзжай обратно! Ты обѣщаешь, обѣщаешь?—приставали къ нему дѣти.—Ты, навѣрно, скоро пріѣдешь къ намъ?

— Обѣщаю... обѣщаю... навѣрно!

И когда онъ это сказалъ, ему показалось, что на губахъ Вѣры Петровны дрогнула чуть замѣтная усмѣшка.

„О, она чувствуетъ правду! Какъ это ужасно!.. Неужели же я не сдержу обѣщанія, которое далъ дѣтямъ?“

Онъ уѣхалъ. Тяжелое чувство испытывалъ онъ, когда, прибывъ на вокзалъ, убѣдился,. что на этотъ разъ никто его не провожаетъ.

И. Потапенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И Д Е А Л Ъ.

(Сюлли Прюдома).

Свѣтитъ мѣсяцъ задумчиво, звѣзды сверкаютъ,
Ясно на небѣ, тихо на блѣдной землѣ,
И душа всего міра въ пространствѣ витаетъ...
Я мечтаю о высшей, послѣдней звѣздѣ...

Ея здѣсь не увидишь, звѣзды той далекой,
Но ужъ гдѣ-то горитъ ея трепетный свѣтъ,
Онъ дойдетъ и до насъ, и въ волненьи глубокомъ
Созерцать его будутъ спустя много лѣтъ.

И когда та звѣзда, предъ которой все блекнетъ,
Наконецъ засіятъ средь нашихъ свѣтилъ,
Вы скажите ей, люди грядущаго вѣка,
Что давно ужъ ее я любилъ!..

А. Герцыкъ.

UNIV. OF CALIFORNIA

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Эпигоны народничества.—Г. Меньшиковъ, какъ самый яркій представитель ихъ.—Его «откровенія» или «Думы о счастьи».—Его мудрый совѣтъ—строить города въ деревнѣ. — Народничество прежняго времени. — Одинъ изъ его представителей — Н. Е. Петропавловскій-Каронинъ. — Полное собраніе его сочиненій. — Нѣкоторыя біографическія черты Каронина.—Свѣтлый образъ его какъ человѣка и писателя.—Значеніе его въ литературѣ.—Лучшія его произведенія.—Основные взгляды.—Рѣзкое отличіе стараго и новаго народничества.

Идеи, какъ и люди, не умираютъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Онѣ раздробляются и развѣтвляются, и изъ одного, вначалѣ сильнаго и широкаго, теченія получается нѣсколько мелкихъ струекъ, которыя журчатъ себѣ потихоньку, пока не вольются въ новый сильный потокъ. То же было и съ народничествомъ, которое не осталось безъ эпигоновъ, хотя и извратившихъ идею стараго народничества до неузнаваемости, но сохранившихъ прямую и явную связь съ нимъ. Эту связь можно назвать «народолюбіемъ», понятіемъ еще болѣе туманнымъ и расплывчатымъ, чѣмъ само народничество. Народолюбіе эпигоновъ представляетъ нѣчто смутное и неопредѣленное, слащавое до приторности и сентиментальное, напоминающее времена «Бѣдной Лизы», когда жизнь на лонѣ природы, въ восхитительной обстановкѣ ничѣмъ не испорченной «натуры» представлялась идеаломъ счастья и благополучія. Теперь лоно природы замѣняется просто деревней, которой противопоставляется городъ, вмѣсто пейзане, говорятъ просто крестьяне, но, какъ увидимъ ниже, сущность осталась та же.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей этихъ эпигоновъ народничества является г. Меньшиковъ, собравшій во-едино разсѣянныя на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ свои сладкогласованія о деревнѣ и выпустившій ихъ подъ громкимъ и заманчивымъ титломъ «Думы о счастьѣ». Г. Меньшиковъ не громкій писатель, и большинство нашихъ читателей, можетъ, о немъ и не много слыхали. Тѣмъ любопытнѣе имъ познакомиться съ писателемъ, тихоструйныя рѣчи котораго касаются предмета, столь для всякаго близкаго и дорогого, какъ счастье.

Мы не можемъ подобрать для характеристики г. Меньшикова, какъ писателя, лучшаго эпитета. Именно—тихоструйный. Рѣчь его льется тихо и плавно, обходя камни и препоны, не задѣвая выступовъ и отроговъ, не опускаясь въ омуты и не возносясь до вершинъ. Гладкія фразы, закругленные періоды, мягкія выраженія мало-по-малу закутываютъ читателя, какъ теплое пуховое одѣяло, нѣжатъ слухъ, какъ мѣрный шепотъ разсказывающей сказку няни, подъ говоръ которой вы такъ сладко засыпали въ дѣтствѣ. Нѣчто подобное вы испытываете, читая «Думы о счастьѣ» г. Меньшикова, и отъ времени до времени надо сдѣлать усиліе, стряхнуть съ себя ту дрему, которую навѣваетъ мѣрная плавность его стиля. Какъ писатель, г. Меньшиковъ лишенъ темперамента. Его ничто не взволнуетъ, ничто не выведетъ изъ себя, не заставитъ крикнуть отъ боли или возликовать отъ радости. Неизмѣнно спокойный и размѣренный, онъ цѣдитъ словцо за словцомъ, выписываетъ не дрогнущей рукой фразу за фра-

зой, страничку за страничкой, пока самодовольно и съ пріятнымъ сознаніемъ благополучно доведеннаго до конца дѣла не поставитъ послѣднюю точку.

Пишетъ онъ много и пространно, но всегда съ кротостью и незлобіемъ, съ спокойствіемъ души, обрѣтшей миръ въ сознаніи достигнутой истины. И только склонный къ критикѣ и анализу читатель усмотритъ мѣстами въ этой кротости нѣкое вѣяніе лицемѣрія, присутствіе тонкаго яда хорошо скрытой злости и далеко не братолюбивыхъ чувствъ. Разъ уловивъ этотъ тонъ дѣланности и неискренности, вы уже не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія натяжки и непріятной поддѣлки. Въ концѣ концовъ получается странный результатъ. Чѣмъ болѣе вы читаете этого писателя, тѣмъ меньше онъ становится для васъ убѣдительнымъ. Повидимому, онъ говоритъ трюизмы, ходячія аксіомы, высказываетъ мысли, которыя каждому по сту разъ на день приходится говорить не замѣчая, а между тѣмъ въ устахъ г. Меньшикова онѣ получаютъ какой-то вызывающій на противорѣчіе оттѣнокъ. Зависитъ это отъ того, что г. Меньшиковъ, взявъ ходячую истину, заявляетъ сразу: «а я говорю совсѣмъ напротивъ», какъ поступаетъ у Гл. Успенскаго сельскій писарь, поучающій своего пріятеля ухаживать за барышнями. По увѣренію писаря, пріемъ побѣдоносный и непреодолимый, но въ данномъ случаѣ мало убѣдительный, тѣмъ болѣе, что г. Меньшиковъ постоянно впадаетъ въ противорѣчія и самъ себя побиваетъ на каждомъ шагу.

Происходитъ это отъ непреодолимой страсти г. Меньшикова къ оригинальничанью. Какъ мыслитель, онъ меньше всего оригиналенъ, и, сознавая за собой эту слабость, г. Меньшиковъ нарочно выбираетъ самыя простыя темы, но стремится разработать ихъ возможно чуднѣй. Отсюда и происходитъ удивительная смѣсь трюизмовъ и банальностей съ самыми невѣроятными, рискованными и противорѣчивыми положеніями. Изъ самаго простого обыденнаго житейскаго вопроса нашъ философъ стремится создать нѣчто уму непостижимое по глубинѣ и наворочаетъ кучу фразъ, витіеватыхъ, запутанныхъ, яко бы глубокомысленныхъ, а въ сущности пустыхъ и безсодержательныхъ. Въ концѣ концовъ получается несноснѣйшая скука, которою вѣетъ отъ этихъ «думъ о счастьѣ».

Начинаетъ онъ, какъ всегда, издалека. «Чтобы понять, въ чемъ счастье, нужно заглянуть въ сердце несчастныхъ, самыхъ несчастныхъ, какіе есть на свѣтѣ». Совѣтъ не дуренъ, хотя, правду говоря, неосуществимъ и открываетъ широкое поле для всякихъ мудрствованій, чѣмъ авторъ и пользуется беззастѣнчиво. Во-первыхъ, кто самый несчастный? Понятія «счастливый», «несчастный» такъ индивидуальны, что подыскать общую мѣрку немыслимо. А во-вторыхъ, почему сердце несчастнаго болѣе доступно для наблюденій, «заглядыванія», чѣмъ сердце счастливаго? Только въ участкѣ, по словамъ Щедрина, умѣютъ читать въ сердцахъ и выдавать соотвѣтственные аттестаты, да и то главнымъ образомъ по части благонадежности и неблагонадежности. Чтобы еще больше запутать вопросъ, г. Меньшиковъ беретъ представителями сугубаго несчастія самоубійцъ,—нѣкоего неудачника-поэта и удачнаго генерала, который взялъ да и застрѣлился наканунѣ назначенія на высокій постъ. Г. Меньшиковъ пытливо вопрошаетъ сердца самоубійцъ, которыя уже не бьются и ни на какіе вопросы не могутъ дать ни прямыхъ, ни косвенныхъ отвѣтовъ. Начинается тягучее воркованіе, переливчатая рѣчь на тему—жилъ человѣкъ и нѣтъ человѣка. А почему его нѣтъ, никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и г. Меньшикову, который скромно, но съ достоинствомъ самъ сознается въ этомъ. «Сколько я помню молодежи, сверстниковъ моихъ, покончившихъ съ собой безъ всякихъ, сколько-нибудь уловимыхъ причинъ: нельзя же, напр., считать «причиною» то, что человѣкъ проигралъ деньги, не получилъ обѣщаннаго отпуска, не дождался свиданія съ женщиной, которою увлекся». Правильно, никто противъ этого спорить не станетъ, ибо причины, перечисленныя г. Меньшиковымъ, дѣйствительно

пустыя, и самоубійцы, лишающіе себя жизни отъ такихъ пустыхъ причинъ, сами, надо полагать, столь пусты, что ихъ сердца едва ли намъ многое сказали бы, если бы могли говорить. И скорбно помавая главою, г. Меньшиковъ заканчиваетъ о самоубійцахъ: «самоубійства растутъ, растутъ въ ужасающемъ числѣ, захватывая всѣ возрасты и состоянія, все—даже высшіе предѣлы «счастія», и даже высшіе—по преимуществу».

Что же такое счастье?—вопрошаетъ онъ далѣе. Поломавшись не мало, источивъ достаточно словесъ о разныхъ предметахъ, онъ рѣшаетъ,—основа счастья любовь къ людямъ, взаимная любовь. Для укрѣпленія столь новаго и глубокомысленнаго рѣшенія, ради чего пришлось г. Меньшикову покопаться въ сердцахъ самоубійцъ, на днѣ каковыхъ сердецъ оно, это рѣшеніе, было имъ обрѣтено, слѣдуютъ высокомудрыя ссылки на Достоевскаго, Цицерона, Сенеку, на мудрость древнихъ и новыхъ народовъ. Вообще, такова ужъ манера г. Меньшикова, чѣмъ банальнѣе, ходячѣе, общепризнаннѣе мысль, тѣмъ болѣе авторитетовъ онъ привлекаетъ къ отвѣту для вящаго удрученія читателя.

Итакъ, основа счастья—любовь. Но, если дѣло такъ просто, то «кто же мѣшаетъ каждому любить людей»? «Вѣдь даже какой-нибудь бѣднякъ-сапожникъ любитъ свою грязную и изнуренную жену-прачку, имѣетъ пріятелей, такихъ же оборванцевъ, и насыщаетъ же онъ какъ-нибудь свои потребности любви и дружбы», утверждаетъ г. Меньшиковъ. И опять правъ: кто можетъ возражать противъ столь безспорнаго положенія, что и сапожнику доступны любовь и дружба? Правильно разсуждаетъ г. Меньшиковъ, такъ правильно, что отъ этой правильности даже одурь беретъ. Васъ забираетъ сомнѣніе, ужъ, чего добраго, не смѣется ли надъ нами авторъ? Ужъ слишкомъ серьезно онъ говоритъ пустяки. Но, оказывается, это только прелюдія, а пьеса еще впереди.

Любовь, а слѣдовательно и счастье, доступны всѣмъ, даже и сапожнику. Далѣе авторъ дѣлаетъ внезапный скачекъ и прямо набрасывается на культуру: «Не легче ли это въ средѣ культурныхъ, изнѣженныхъ классовъ съ ихъ утонченнымъ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ и проч.?»—и отвѣчаетъ—«нѣтъ, не легче». Съ этого момента начинается настоящая музыка, сущность которой прославленіе деревни съ ея простотой и прочими прелестями и сугубое униженіе города съ его культурой.

Вы думаете, культура сближаетъ людей, дѣлая ихъ болѣе чуткими къ общественнымъ дѣламъ, болѣе отзывчивыми на запросы жизни, болѣе склонными къ совмѣстной работѣ? «А я говорю совсѣмъ напротивъ»; слѣдуетъ пространное разсужденіе о томъ, что въ городѣ люди живутъ болѣе обособленно, чѣмъ въ деревнѣ, и самый убѣдительный аргументъ тотъ, что въ Петербургѣ можно жить на одной лѣстницѣ и не знать другъ друга, а въ деревнѣ каждая сосѣдка знаетъ, что у другой въ горшкѣ варится. Это ли еще не «соціабильность», какъ выражается Лѣсковъ? Вы думаете, что «науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ», а г. Меньшиковъ говоритъ «совсѣмъ напротивъ». Науки людей очерствляютъ, дѣлаютъ ихъ спеціалистами, и каждая спеціальность людей съуживаетъ, черствитъ душу и сушитъ мозгъ. По вашему мнѣнію, искусства процвѣтаютъ въ городахъ и были созданы ими. «А я говорю напротивъ»,—истинное искусство возможно только въ деревнѣ, гдѣ масса свѣжихъ образовъ, зелени, воздуха. А въ городѣ школа убиваетъ оригинальность, притупляетъ художественное чувство ребенка, изъ котораго вырабатываютъ техника, заставляя его барабанить экзерциціи да вырисовывать линіи. И такъ до безконечности споритъ и торжествуетъ г. Меньшиковъ, побивая на голову противника, который у него олицетворяется то въ образѣ злополучнаго петербургскаго чиновника, то городского заморыша, то въ обществѣ, собравшемся на журфиксъ и т. п.

Слѣдовать за авторомъ шагъ за шагомъ мы не станемъ. Все это до того уже жевано и пережевано, что перечитывать въ жвачкѣ г. Меньшикова, при

всей его тихоструйности, плавности, кротости и беззлобіи, адски тоскливо и убійственно скучно. Деревенскія прелести расписаны авторомъ елейнымъ и слащавымъ языкомъ, тутъ и зеленая травка, и божья птичка, и единеніе душъ, и община, и церковь въ древне-христіанскомъ смыслѣ. Городъ губитъ и душу, и тѣло, въ немъ невозможно счастье, его надо искать въ деревнѣ, въ единеніи съ природой и народомъ. А для этого интеллигенція должна «онародиться», «раствориться въ народномъ тѣлѣ», и сдѣлать это надо такъ, чтобы и народу была польза, и интеллигенціи добыть малую толику «дѣтишкамъ на молочишко». Слѣдуетъ длинное, нравоучительное и чинное размышленіе о судьбахъ интеллигенціи, потерянной, разбросанной, не имѣющей ни значенія, ни удачи въ жизни, какъ личной, такъ и общественной, и смиренное мудрованіе насчетъ народа, который великъ, могучъ, проникнутъ идеей божественной миссіи.

Тутъ мы входимъ всецѣло въ область народнической аргументаціи о превосходствѣ народныхъ устоевъ, незыблемыхъ и крѣпкихъ, надъ легковѣсной интеллигентностью горожанина. Г. Меньшиковъ въ одномъ лишь рѣзко отличается отъ стараго народничества. Послѣднее призывало интеллигенцію въ деревню на службу народу во имя *долга*, онъ же—во имя счастья, которымъ желаетъ заманить интеллигенцію подъ сѣнь струй. Разница, какъ можно судить, весьма существенная.

Въ главѣ «Народъ» авторъ отмѣчаетъ разобщенность интеллигенціи и народа и задается вопросомъ, «какъ найти потерянное родство съ народомъ»? Рѣшеніе дается весьма простое. «Для этого нужно поступать такъ, какъ вы дѣлали бы гдѣ-нибудь въ Германіи, если бы хотѣли натурализоваться. Вы выпли бы изъ русской колоніи, гдѣ жили, поселились бы среди нѣмцевъ, приняли бы ихъ языкъ, вѣру, нравы, привычки, политическія обязанности и права. Только тогда нѣмцы признали бы насъ за своего. То же самое нужно сдѣлать, если мы хотимъ породниться съ своимъ народомъ: нужно возвратиться въ его среду, переѣхать въ деревню, войти въ нормы ея быта, труда, настроенія, идеаловъ. Нужно онародиться, стать въ условія жизненнаго равенства съ мужикомъ. Я убѣжденъ, что для этого вовсе не нужно терять своей образованности, а необходимо сохранить ее, и вовсе не нужно погружаться въ мракъ и грязь: нужно только свое хорошее приложить къ народному хорошему. Вѣдь и для того, чтобы сдѣлаться нѣмцемъ, нѣтъ нужды пріобрѣтать дурныя нѣмецкія привычки, заражаться шовинизмомъ, пить до одури пиво и т. п. Только хорошее истинно національно и его достаточно во всякомъ народѣ, и въ нашемъ. Образованные люди думаютъ, будто ихъ отдѣляетъ отъ простонародія образованіе, такъ что слиться съ народомъ нельзя, не потерявъ человѣческаго образа. Это грубое заблужденіе. Если образованіе истинное (а не новое суевѣріе), оно можетъ только соединять людей, а не раздѣлять; приблизившись къ народу, вы увидите, что и онъ, кромѣ невѣжества, обладаетъ истиннымъ образованіемъ, и въ степени иногда удивительной! Вы встрѣтите здѣсь утонченную культуру души, характеровъ, ума, воображенія, богатую неписанную литературу, богатую музыку, прекрасно разработанный языкъ, который не могъ бы быть у необразованнаго народа, въ родѣ дикарей, довольствующихся тремя десятками словъ. Вы встрѣтите массу точнѣйшихъ знаній, заимствованныхъ изъ наблюденій природы, знаній иногда древнихъ, облеченныхъ въ іероглифы суевѣрій, ключъ къ которымъ утерянъ. Конечно, вы встрѣтите въ народѣ и совершенное незнакомство съ вашей европейской культурой, но вѣдь и вы—крупный невѣжда въ его народной культурѣ, вѣдь и вы богаты своими суевѣріями и іероглифами знаній. Въ общеніи съ народомъ, однако, вы сейчасъ же увидите, что ваши самыя дорогія безспорныя истины, истины нравственныя, народу понятны и даже суть какъ бы его безспорныя истины; вы увидите, что все великое, благородное, святое, вѣчное народъ только слегка какъ бы

запамятовалъ, но сейчасъ же, при малѣйшемъ намекѣ, припоминаетъ во всей ясности и часто яснѣе васъ самихъ» (стр. 47—48).

Въ этой длинной выдержкѣ лежитъ центръ тяжести взглядовъ г. Меньшикова, и какъ напоминаютъ они творенія приснозлаженной памяти Юзова или г. В. В.! Эти оба столпа народничества могли бы подписаться обѣими руками подъ тирадой г. Меньшикова. И аргументація его точь-въ-точь такая же, вмѣсто фактовъ увѣренія, вмѣсто доказательствъ—аналогіи. Никто, напр., не станетъ говорить, что народъ—дикарь, что у него нѣтъ своей культуры, что разобщенность съ народомъ полезна или желательна. Г. Меньшиковъ, какъ и покойный Юзовъ, беретъ именно такія абсурдныя положенія и ихъ побѣдоносно разбиваетъ, ни на минуту не желая замѣтить, что стучится въ открытую дверь. Зажмуривъ глаза, загипнотизированный мѣрнымъ токомъ гладко льющихся словъ, онъ монотонно твердитъ: «все безсиліе интеллигенціи въ отчужденіи... чѣмъ дальше сословіе отъ народа, тѣмъ ближе его физическая и психическая гибель... исторія Запада и Востока доказала, что...» и т. д., и т. д.

Народники стараго типа были люди прямолинейные. Онародиться такъ онародиться. Надѣвай зипунъ, берись за соху, учись пахать, косить, не бояться ни голода, ни холода. Но г. Меньшиковъ не даромъ взлелѣянъ городской культурой и разстаться съ нею не желаетъ. Городъ, вообще говоря, скверенъ, но и въ немъ есть кое-что хорошее. Есть наука, есть искусства, народу тоже нужныя. Ему нужны врачи, техники, книги и прочій антуражъ культурной жизни. Необходимо все это пересадить въ деревню, а для этого надо... *строить города въ деревни*. Мы вовсе не думаемъ смѣяться надъ читателями, выписывая этотъ курьезный выводъ, вытекающій изъ разсужденій г. Меньшикова. Таково его разсужденіе о наукѣ и искусствѣ, которыя теперь никому не нужны въ городахъ, лежатъ безцѣльно въ сокровищницахъ музеевъ, и «если бы злой волшебникъ перенесъ потихоньку всѣ эти ученыя хранилища въ Камчатку, петербургская интеллигенція не хватилась бы ихъ цѣлые годы» (стр. 109). Кому они нужны? Никому. Взять, напр., нашу журналистику. «Толстые журналы, серьезныя книги—ихъ обыкновенно только перелистываютъ, или читаютъ ужъ очень излюбленныхъ авторовъ: прочесть журналъ или книгу отъ доски до доски, какъ бываетъ часто въ провинціи,—цѣлое событіе для петербуржца. Настоящіе заправскіе читатели и теперь деревенскіе читатели: это вамъ скажутъ въ любой редакціи или книжномъ складѣ». Одинъ лишь предразсудокъ, будто городъ культурнѣе или образованнѣе, и только злонравіе и человѣконенавистническіе инстинкты заставляютъ людей скопляться въ города. Увлекшись, г. Меньшиковъ забылъ, что какъ разъ, напр., именно теперь строится новое помѣщеніе для читателей въ публичной библіотекѣ, потому что старое не вмѣщаетъ желающихъ заниматься въ ней. И въ любой редакціи ему могли бы дать свѣдѣнія, что деревня, въ смыслѣ подписки, пока не играетъ никакой роли. Каждый годъ контора нашего журнала помѣщаетъ любопытную табличку распредѣленія журнала по Россіи; оказывается, что девять десятыхъ общаго числа поглощаютъ губернскіе и уѣздные города, почти одну десятую Петербургъ, а въ деревню уходятъ десятки экземпляровъ. То же самое, конечно, и съ другими журналами, а также и массою ежегодно выходящихъ книгъ.

Знаетъ это, не хуже насъ, и г. Меньшиковъ, но ему непремѣнно хочется доказать, что строить города въ деревнѣ много раціональнѣе. Напр., художественные музеи получили бы тогда большее распространеніе, потому что вмѣстѣ нѣсколькихъ большихъ явилась бы масса маленькихъ. Въ каждомъ «деревенскомъ» городѣ явился бы свой музейчикъ, своя библіотека, свой университетикъ, своя газетка. Представимъ себѣ только всю Россію, гдѣ нѣтъ «городскихъ» городовъ, а все «деревенскіе»,—развѣ это не было бы удивительнымъ культурнымъ торжествомъ? Конечно, всякій скажетъ, что лучшаго и желать нельзя. И вы ду-

маете, это невозможно. Напрасно! «Поглядите, какъ зажиточны и опрятны нѣмецкія, голландскія, швейцарскія деревни—или хотя бы наши сибирскія села, до которыхъ городъ еще не дошелъ, или селенія колонистовъ, которыя онъ обошелъ... Мѣстами вы встрѣтите тамъ (заграницей) и телеграфъ, и телефонъ, и электрическое освѣщеніе, и почтовую контору, и магазины. Есть въ Америкѣ деревни даже съ своей газетой». Наивный читатель, пожалуй, замѣтитъ, что это Америка, ей и книги въ руки, а у насъ-то, гдѣ видѣлъ эти чудеса г. Меньшиковъ? Или онъ насъ приглашаетъ вообще въ деревню, а не въ русскую спеціально? Но тогда къ чему всѣ эти пустыя рѣчи? Про разныя заморскія чудеса и диковинки мы слышали и отъ болѣе компетентныхъ свидѣтелей, чѣмъ нашъ философъ, и выводы, къ которымъ они приходятъ, тоже не чета оригинальной идеѣ г. Меньшикова.

Только пустота нашей общественной жизни, отсутствіе здоровой и правильной общественной дѣятельности можетъ породить такую философію праздномыслія и пустословія. Въ ней одно только для насъ и любопытно, въ какую преобразованную форму отлилось старое народничество. Въ обработкѣ г. Меньшикова оно преобразилось въ чисто мѣщанскую идеализацію *своего* уголка на лонѣ природѣ, съ *своей* коровкой, зеленой травкой, тихой уютной жизнью въ кружкѣ *своихъ*, гдѣ всего понемножку: и любви, и науки, и искусства, и даже мужичка. И все это въ маленькой, скромной дозѣ, ибо счастіе,—«мѣщанское счастіе»,—должно быть прежде всего достижимымъ. «Идеалъ хоть на мгновеніе долженъ быть достижимымъ», трогательно поясняетъ г. Мельниковъ. «Если идеалъ недостижимъ, то человѣкъ всегда немного не доволенъ, сколько бы ни совершенствовался, и жизнь его всегда немного отравлена... Совершенная недостижимость парализуетъ всякое желаніе стремиться къ цѣли: каждый нагнется поднять красивый цвѣтокъ, но никто не протягиваетъ руки къ звѣздамъ, не менѣе прекраснымъ, чѣмъ цвѣты. И я думаю, идеалами нужно считать цвѣты, а не звѣзды». Этотъ *цвѣточный* идеалъ удивительно какъ характеренъ для мѣщанской философіи г. Меньшикова. Срывать цвѣты удовольствія есть тьма охотниковъ, и возведеніе этого занятія въ идеалъ—имъ, несомнѣнно, придется по вкусу.

Примѣшалась къ этой философіи и нѣкоторая доза толстовства, хотя тоже въ преображенномъ видѣ, болѣе доступномъ и легкомъ для г. Меньшикова. Онъ тоже твердитъ за графомъ — «царство Божіе внутри насъ», но, какъ рабъ лукавый, тихонько желаетъ пріобщить нѣчто и изъ внѣшняго царства. Ему хотѣлось бы совмѣстить всѣ удобства культуры съ свободою независимаго отъ этой культуры человѣка. Пространно и многообразно онъ силится доказать, что, онародившись и растворившись въ народѣ, интеллигенція можетъ сохранить и науку, и искусство, и комфортъ цивилизованной жизни до музеевъ включительно. Только все это надо сдѣлать маленькимъ-маленькимъ, для большаго удобства при передвиженіи и переноскѣ. Музеи онъ проектируетъ передвижными, а науку совѣтуетъ заводить у себя дома въ видѣ отборнаго собранія лучшихъ авторовъ. Тутъ же приводится и заявленіе Эмерсона, который при видѣ всѣхъ сокровищъ британскаго музея, сказалъ, что у него все это есть въ его библіотекѣ. Ну, а если Эмерсонъ могъ имѣть, то почему не имѣть того же и любому изъ онародившихся русскихъ интеллигентовъ? Ясно, просто и убѣдительно. Впрочемъ, если вы человѣкъ неуступчивый и настаиваете на невозможности пересадить науку и все прочее въ деревню въ томъ видѣ, какъ это существуетъ въ городѣ, г. Меньшиковъ готовъ уступить вамъ. Зачѣмъ человѣку, живущему на лонѣ природы, всѣ ухищренія цивилизаціи, весь научный балластъ книгъ, инструментовъ и армія жрецовъ, ими управляющихъ? «Какъ младенецъ у сосцовъ матери, онъ подмѣчаетъ тайны, скрытыя для постороннихъ». Предъ такимъ яснымъ и простымъ доводомъ умолкнетъ, конечно, всякій скептицизмъ. А относительно чудесъ и диковинокъ цивилизаціи и гово-

рить нечего: чудеса божьяго міра превышаютъ ихъ неизмѣримо, на каждомъ шагу ихъ не оберешься, и только привычка къ нимъ заставляетъ насъ проходить мимо, не замѣчая ихъ. «Когда движется паровозъ—это удивляетъ, какъ чудо, а когда движется лошадь или птица, это кажется совершенно простымъ. Солнечное освѣщеніе въ деревнѣ вещь естественная и не возбуждаетъ вниманія. Другое дѣло электрическій фонарь: въ городѣ фонарю изумляются, имъ гордятся... Возьмите другое явленіе деревни—развитіе растенія изъ сѣмени. Оно поразительно и безпредѣльно по глубинѣ, но оно кажется «неразумнымъ». Удивляются голубой матеріи, зеленому цвѣту крыши, тогда какъ голубая лазурь неба или зелень луговъ просты», и т. д. Словомъ, что самъ царь Соломонъ во всей славѣ своей при сравненіи съ полевой лиліей? Вспомнивъ это, г. Меньшиковъ охотно уступаетъ культуру городу, лишь бы счастье осталось въ деревнѣ, съ чѣмъ, конечно, согласится всякій.

Правда, желая быть справедливымъ, г. Меньшиковъ съ грустью отмѣчаетъ, что современная русская деревня далека отъ типа истинной живой культуры. «Нынѣшняя деревня уже не та старинная деревня, которая напоминала библейскія времена по простотѣ и строгости жизни (напр., снохачество—замѣтимъ отъ себя,—и барская конюшня съ дѣвичьей). Развѣ только въ глуши, гдѣ-нибудь въ раскольничьихъ селахъ, въ далекихъ лѣсныхъ поселкахъ или степныхъ станціяхъ можно еще встрѣтить первобытную чистоту нравовъ, глубокую религіозность, нравственную дисциплину и поэзію, неизмѣнно сопутствующія цѣломудренной жизни». Можно бы спросить, гдѣ г. Меньшиковъ нашелъ эти сокровища въ прежней деревнѣ? Всѣ изслѣдователи доброй старины говорятъ совершенно иное, и только публицисты извѣстнаго сорта утверждаютъ, что прежняя деревня была идеаломъ цѣломудрія, невинности и прочаго добра. Но спорить съ г. Меньшиковымъ трудъ, по меньшей мѣрѣ, неблагодарный, и мы готовы допустить, что прежде было лучше. Теперь деревня «развратилась». Какъ же ее наставить на путь истинный? «Все лучшее идетъ изъ деревни, — плачетъ новый Іеремія,—и назадъ не возвращается. Это истощеніе деревни долго длиться не можетъ. Пора установиться обратному теченію—изъ городовъ въ деревни, пора нашей лучшей интеллигенціи, если она не «рабъ лукавый», возвратить ввѣренные ей народомъ таланты». И когда ему приходитъ въ голову сомнѣніе, возможно ли повернуть жизнь, онъ патетически вопіетъ: «Есть же добрые, есть честные, есть чистые среди интеллигенціи, которые тоскуютъ о народѣ и, какъ олень у потока воды, жаждутъ освѣженія жизни. Вотъ для нихъ этотъ исходъ возможенъ: вѣдь онъ такъ легокъ!»

Противъ такого довода возражать нечего. Развѣ одно,—врачу исцѣлися самъ! Брось источать елейныя рѣчи, перекуй перо на орало и упейся водой изъ источника жизни. Примѣръ заразительнѣе словъ, и, можетъ быть, начнется великое переселеніе народовъ. Къ сожалѣнію, и это уже было, и это мы уже видѣли, а жизнь все идетъ по своему, меньше всего слагаясь по рецептамъ г.г. Меньшиковыхъ, съ ихъ запоздалыми откровеніями.

Такова послѣдняя метаморфоза народничества, которую можно назвать народничествомъ на буржуйной подкладкѣ.

Намъ милѣе и пріятнѣе народничество прежняго типа. При всемъ основномъ разногласіи во взглядахъ на ходъ и задачи общественной эволюціи, при полной невозможности найти общую почву для взаимнаго пониманія и соглашенія, есть нѣчто въ народникахъ стараго типа, что дѣлаетъ ихъ произведенія до сихъ поръ интересными, а ихъ самихъ ставитъ неизмѣримо выше самодовольныхъ тихоструйныхъ гг. Меньшиковыхъ. Это «нѣчто» заключается прежде всего въ ихъ подкупающей искренности, въ страстной жаждѣ правды, которую они искали съ такой душевной болью, съ такимъ не знающимъ предѣловъ самоотверже-

ніемъ. Къ народу, въ деревню они стремились не ради прелестей деревенской обстановки, красотъ пейзажа и тайнъ натуры, которыхъ лишены городскіе обитатели. Они искали правды человѣческихъ отношеній, основанныхъ на истинѣ и любви, и думали, что въ деревенскомъ укладѣ найдутъ ее. Если намъ видна ихъ ошибка, то этимъ мы обязаны имъ же, ихъ произведеніямъ, въ которыхъ съ художественной правдивостью они раскрывали свои заблужденія, хотя и заблуждались сами, потому что и заблужденія эти были вполнѣ искренни. Когда г. Меньшиковъ расписываетъ вылощеннымъ стилемъ красоты деревенской уютной жизни, въ кругу семьи, въ единеніи съ природой, мы не можемъ отдѣлаться отъ злой насмѣшки надъ новымъ витіей изъ «Недѣли»: слишкомъ ясна дѣланность его пафоса и оригинальничанія своими—«я говорю совсѣмъ напротивъ». Но когда герой разсказа г. Каронина «Борская колонія» говоритъ, что цѣль его жизни «приносить пользу народу», мы чувствуемъ, что это не пустыя слова, что для автора, какъ и для его героя, въ нихъ смыслъ жизни. Они оба доказали это именно жизнью, а не словами.

Только-что вышедшіе два тома произведеній Каронина,—второе изданіе,—въ которые вошло все написанное этимъ видным представителемъ народнической литературы, даютъ богатый матеріалъ для характеристики лучшихъ сторонъ этого направленія. Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій, извѣстный преимущественно подъ псевдонимомъ «Каронинъ», представлялъ рѣдкій даже въ то время типъ по цѣльности личности. Его жизнь, убѣжденія и произведенія такъ слиты воедино, что ихъ нельзя разсматривать въ отдѣльности. Сынъ священника, онъ пережилъ всѣ деревенскія невзгоды, выносилъ въ душѣ деревенскія впечатлѣнія, которыя потомъ въ періодъ умственнаго роста, когда слагаются у человѣка взгляды и убѣжденія, связалъ въ цѣльную систему служенія народу.

Долгіе годы заключенія, потомъ ссылки, затѣмъ необезпеченнаго житія провинціальнаго литератора — были постоянной провѣркой выстраданныхъ убѣжденій, вѣчно-мучительнымъ исканіемъ истины, тревожной борьбой сомнѣній и вѣры въ народную правду. Приспособляться къ жизни и обстоятельствамъ, сообразно имъ усѣкать во взглядахъ слишкомъ колючіе углы—онъ органически не умѣлъ и не могъ. Чрезвычайно добрый по натурѣ, истинно «золотое сердце», онъ былъ упрямъ и суровъ во всемъ, что касалось его святая святыхъ—безпредѣльной, доходящей до трогательной нѣжности, любви къ деревнѣ, къ мужику, котораго онъ хорошо зналъ и умѣлъ изображать, когда художникъ не заглушался въ немъ проповѣдникомъ. Кто зналъ его лично, никогда не забудетъ его оригинальной, торопливой, подчасъ не совсѣмъ складной, но проникнутой страстностью рѣчи, когда дѣло касалось крестьянскаго міра, крестьянской души и всего мірского уклада. Все, что онъ писалъ, это дѣйствительно вѣра сердца, выношенная и выстраданная, какъ мать вынашиваетъ дитя, которое любитъ съ слѣпой страстью, каковы бы ни были его недостатки, и, пожалуй, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ этихъ недостатковъ больше. Лично до поразительности незлобивый и кроткій, онъ отстаивалъ своего мужика съ свирѣпой горячностью, хотя никогда не закрывалъ глазъ на его отрицательныя стороны, умѣя подмѣчать ихъ и изобразить съ рѣдкимъ юморомъ.

Это чувство вѣчнаго тяготѣнія къ мужику, къ деревнѣ не было въ немъ чѣмъ-то надуманнымъ, головнымъ, изъ книги вычитаннымъ,—оно органически проникало его. Въ самой грубоватости, съ которой онъ часто выражаетъ его, чувствуется глубина этой любви, которую Каронинъ какъ бы стыдится выносить наружу, на показъ другимъ. Онъ нигдѣ такъ хорошо не чувствовалъ себя, какъ въ деревнѣ, хотя и оригинально объясняетъ свое тяготѣніе. Въ «Борской колоніи» герой Грубовъ, устами котораго несомнѣнно то и дѣло говоритъ авторъ, такъ выражается о своемъ отношеніи къ мужику: «Единственная мечта, осуществившаяся въ ко-

ленія для Грубова, это—близость съ мужиками. Нельзя сказать, что онъ любилъ мужиковъ; онъ по чистой совѣсти говорилъ: нѣтъ, не любилъ. Но мужики—единственная среда, гдѣ онъ чувствовалъ себя покойно, почти радостно. Радость эта происходила оттого, что они были прямою противоположностью ему: онъ ихъ любилъ за то, чего въ немъ самомъ не было. Ихъ жизнь — нѣчто совсѣмъ отличное отъ его жизни, ихъ мысли совсѣмъ другія. Они были для него всегда чѣмъ-то неизвѣстнымъ, новымъ, великимъ. Онъ не могъ жить ихъ жизнью, не думалъ ихъ мыслью, не вѣрилъ ихъ вѣрой, но допускалъ, что въ ихъ жизни есть много справедливаго, въ ихъ мысли истиннаго, въ ихъ вѣрѣ чудеснаго и святого. Среди нихъ онъ забывалъ свою жизнь,—а она ему опостылила,—забывалъ свои мысли, которыя его только мучили, забывалъ свое невѣрье. Даже внѣшняя мужичья обстановка нравилась ему, потому что не напоминала ему собственной его жизненной обстановки. Мужики всегда были его спасеніемъ» (т. II, стр. 77). Лучшія его произведенія, которыя и теперь не потеряли значенія и интереса, это деревенскіе очерки: «Разсказы о парашкинцахъ», «Разсказы о пустякахъ», въ свое время печатавшіеся въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ народнической литературѣ онъ занимаетъ по праву мѣсто между Успенскимъ и г. Златовратскимъ. По изображенію деревенской жизни Каронинъ приближается къ первому, уступая ему въ яркости и глубинѣ художественнаго творчества. Отъ г. Златовратскаго его выгодно отличаетъ простота языка, отсутствіе сладкой елейности и напыщенности. Прекрасный народный языкъ его деревенскихъ очерковъ доставляетъ истинное художественное удовольствіе своей чистотой и образностью, и въ этомъ отношеніи только Успенскій выше Каронина. Конечно, мы далеки отъ того, чтобы сравнивать его съ Успенскимъ вообще, такъ какъ ему недостаетъ широты наблюденій послѣдняго, его захватывающихъ обобщеній, которыя чужды Каронину. Рамки его очерковъ всегда опредѣленны и узки, что дѣлаетъ его наблюденія и характеристики отрывочными.

У Каронина вы не найдете такой эпической фигуры, какъ Иванъ Босыхъ, но на каждомъ шагу попадаются такіе типичные представители мужицкой среды, какъ, напр., Василій Чилигинъ въ одномъ изъ лучшихъ очерковъ «Праздничныя размышленія», на которомъ мы и остановимся. Этотъ очеркъ очень характеренъ для манеры Каронина-художника. Въ то же время въ немъ затронуты и тѣ патріархальныя стороны деревенской жизни, которыя будто бы такъ выгодно отличали ее прежде, какъ думаютъ гг. Меньшиковы, врядъ ли заглядывавшіе когда-либо въ деревню, насколько можно судить по ихъ писаніямъ, сочиняемымъ больше отъ ума, чѣмъ на основаніи реальныхъ знаній.

Разсказъ начинается съ описанія праздничнаго утра. На огородѣ Василія Чилигина собралось отдохнуть нѣсколько мужиковъ, бесѣдующихъ о текущихъ дѣлахъ, бесѣдующихъ лѣниво, какъ люди, смертельно уставшіе за недѣлю и всѣмъ существомъ предающихся возможности лежать, ничего не дѣлая. Въ особенности наслаждается ничегонедѣланіемъ Чилигинъ, всю недѣлю таскавшій бревна.

«Дѣйствительно, онъ отдыхалъ всѣмъ туловищемъ. Іюльское солнце было уже высоко, и лучи его сильно пекли. Падая на Чилигина, они припекали ему спину, руки, лицо и вливали во всѣ члены истому. Говорить ему было лѣнь, слушать лѣнь, смотрѣть лѣнь; и онъ не говорилъ, не глядѣлъ и не слушалъ. Когда какой-нибудь стукъ поражалъ его слухъ, волоса на его лбу нѣсколько шевелились, обладая способностью рефлективнаго движенія, и только; въ дѣтствѣ у него и уши двигались, но съ теченіемъ времени онъ утратилъ эту способность.

«Всѣ перекрестились, когда ударили къ «Достойной», но никто не говорилъ, вплоть до той минуты, когда вошло новое лицо. Это былъ Чилигинъ отецъ.

«—Васька!—сказалъ онъ, обращаясь къ сыну, который, однако, не пошевелилъ ни однимъ членомъ.—Васька!—повторилъ отецъ,—да дай ты мнѣ хоть пятачекъ ради праздника. Я знаю, у тебя есть сорокъ копѣекъ, такъ хоть пятачекъ-то пожертвуй, ради моихъ старыхъ костей, для великаго праздника, а?

«Васька Чилигинъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ на эту просьбу отца. Отецъ стоялъ и старался принять грозный видъ, но никакъ не могъ напугать. Онъ былъ уже дряхлый старикъ, сгорбленный и съ трясущимися членами. Тусклые глаза его отражали сознаніе безсилія и робость; все лицо возбуждало жалость. Напугать онъ не могъ потому еще, что, въ сущности, сильно боялся сына; ихъ семейная жизнь шла такъ неаккуратно, что возбуждала удивленіе даже въ этой деревнѣ, гдѣ вообще были неизвѣстны семейныя нѣжности.

«Не дождавшись отъ сына отвѣта на просьбу, отецъ обратился съ жалобой къ присутствующимъ.

«—Вотъ, господа православные, какой у меня подлецъ Васька; кормить онъ меня не кормитъ, а прямо говоритъ—помирай, старая кочерга! Будьте, господа, свидѣтелями, ежели, къ примѣру, смертоубійство. Бьетъ онъ меня нещадно, а пить-ѣсть не допускаетъ. И вчерась прибилъ. Теперича прошу я пятачекъ, а онъ, подлая душа, молчитъ.

«—Да изъ-за чего у васъ опять вышло?—спрашивали нѣкоторые изъ сидящихъ.

«—А изъ-за того, что онъ извергъ!.. Такой скотины, то-есть безчувственнаго звѣря, нигдѣ, чай, не было. Чтобы, напримѣръ уваженіе или почитаніе къ отцу—гдѣ?

«Отецъ долго бы еще развивалъ свои взгляды на характеръ сына, но присутствующіе перестали его слушать, обратясь за разъясненіемъ къ сыну. Но тутъ разъясненіе вышло еще удивительнѣе.

«—Изъ-за чего? Изъ-за похлебки. Вчерась велѣлъ я бабѣ похлебку сварить; давно горячаго во рту не было, даже въ горлѣ пересохло, а въ животѣ, напримѣръ, волкъ сидитъ и воетъ. И еще наказалъ я бабѣ, чтобы близко не пущать вотъ этого самаго блудню (указываетъ на отца), потому никакой работы за нимъ числится, день-деньской сидитъ у себя и думаетъ, какъ-бы что ни на есть стянуть насчетъ пропитанія. И вѣдь какой хитрый человѣкъ: какъ только уйдетъ баба, онъ сейчасъ заберется въ избу, а тамъ краюшка-ли ситнаго, яйцо-ли—словилъ и въ ротъ. Такъ и вчера: забрался и вычерпалъ весь чугунъ... Я сейчасъ за нимъ. «Ты, говорю, съѣлъ?»—«Я», говоритъ.—«Зачѣмъ, говорю, ты съѣлъ, когда приказу тебѣ не было?»—«А какъ же, говоритъ, чай, мнѣ не одинъ сухарь крошить зубами, чай, я—отецъ твой!»—«Какой ты отецъ, ежели ты только насчетъ какъ бы воровски сожрать, а никакой отъ тебя пользы нѣтъ? Объѣдало-мученикъ ты, а не отецъ». Ну, а онъ лѣзетъ драться. Тутъ ужъ я терпѣнья рѣшился, взялъ я этотъ самый чугунъ и тукнулъ его.

«— Драка, стало быть, произошла?—спросили сидящіе.

«— Я-то такъ-сякъ, только по загорбку разовъ пять... А ты вотъ его спроси,—возразилъ Чилигинъ, указывая на отца.

«— Что же онъ?

«— Икру мнѣ прокусилъ.

«— Ишь ты!

«— Такъ прямо зубами и впился въ мякоть, даромъ, что всѣхъ-то четыре зуба у него.

«При этихъ словахъ Чилигинъ показалъ укушенное мѣсто. Осмотрѣли икру; на ней дѣйствительно оказался слѣдъ зубовъ. Старикъ тоже смотрѣлъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ на дѣло зубовъ своихъ...»

Эту милую деревенскую идиллію Каронинъ тутъ же поясняетъ, чтобы у читателя не осталось никакихъ сомнѣній насчетъ возможности подобныхъ родственныхъ чувствъ и отношеній. «Въ описываемомъ округѣ семейная жизнь вообще устраивалась по этому образцу: братъ корилъ сестру за ея безполезность и старался ее спихнуть, мужъ сживалъ со свѣта больную жену. Это была страшная, но неизбѣжная логика, и другой не можетъ быть тамъ, гдѣ египетская работа доставляетъ лишь сухую корку и медленно вгоняетъ работника въ гробъ. Тотъ идеалъ, который мы привыкли пріурочивать къ деревнѣ, обладаетъ свойствомъ внушать нервную дрожь всякому, кто никогда не видалъ ея. Законъ, право, справедливость принимаютъ здѣсь до того поразительную форму, что съ перваго раза ничего не понимаешь. Законъ представляется въ видѣ здоровеннаго Васьки; право переходитъ въ формулу: «долженъ честь знать»; справедливость вдругъ превращается въ похлебку, а орудіями осуществленія этихъ понятій являются—чугунъ, кулакъ, зубы и ногти».

Читатели, конечно, помнятъ еще тѣ негодующіе вопли и тьму ругательствъ, которыми народники встрѣтили разсказъ г. Чехова «Мужики». Чехова укоряли въ нарочитомъ оклеветаніи деревни, въ грубомъ непониманіи народной жизни, въ злобномъ отношеніи къ народу, даже въ «марксизмѣ». Всѣхъ «несогласно мыслящихъ», кто осмѣливался признать разсказъ г. Чехова произведеніемъ художественнымъ и выдающимся по силѣ и яркости, народническая критика величала «обнаженными (?). глупцами» и т. п. Словомъ, мы не помнимъ ни одного произведенія, которое вызвало бы со стороны народнической критики,—такую кучу грязи по адресу Чехова и его злополучныхъ поклонниковъ. А между тѣмъ, въ его разсказѣ не было ничего новаго, ничего, что еще задолгодо него не было бы сказано именно народниками - беллетристами, въ родѣ Каронина. Въ двухъ огромныхъ томахъ его очерковъ вы найдете такіе перлы изъ народной жизни, предъ которыми разсказъ Чехова просто блѣдная картинка.

Взятый нами очеркъ вовсе не исключеніе, онъ только лучше другихъ написанъ, почему мы его и выбрали. Далѣе Каронинъ описываетъ отношенія Чилигина къ женѣ, которую въ деревнѣ называли «безживотной» отъ вѣчныхъ побоевъ мужа. За остальными подвигами героя мы слѣдить не станемъ, пришлось бы перепечатать весь разсказъ, что намъ представляется лишнимъ.

Въ цѣлой серіи разсказовъ про парашкинцевъ представленъ съ поразительнымъ реализмомъ необъятный міръ тьмы, невѣжества, животнаго прозябанія. Чувство жалости, охватывающее васъ вначалѣ, смѣняется ужасомъ при мысли, какъ могутъ существовать эти милліоны безъ просвѣта и радости? Авторъ не даетъ пощады читателю и на каждомъ шагу подчеркиваетъ рисуемыя имъ картинки, обобщая ихъ замѣчаніями, что такъ оно есть, такъ было и нечего ждать лучшаго. Въ разсказѣ «Братья», напр., онъ описываетъ, какъ «міръ» за нѣсколько ведеръ водки сноситъ избу безногаго солдата, потому что мѣсто понадобилось кулаку для своей постройки. «Во имя чего,—спрашиваетъ Каронинъ,—сходъ пожертвовалъ ему (кулаку) безногаго солдата? Лапинъ не былъ въ тягость никому; у него была одна нога, къ другой была придѣлана деревяшка, но это ничего не значитъ. Кромѣ пуганія воробьевъ съ огородовъ и нянчанія грудныхъ ребятъ лѣтомъ, онъ являлся для деревни человѣкомъ полезнымъ. Онъ еще занимался наукой. Правда, его обученіе грамотности носило своеобразный характеръ; собравъ ребятъ, онъ выстругивалъ изъ лучины палочки, раздавалъ ихъ ученикамъ и, задавая урокъ, говорилъ грознымъ голосомъ: смирно! Остальная часть его методы состояла въ томъ, что онъ держалъ на показъ ремень, постоянно жалѣя, что по слабости не можетъ употреблять его въ дѣло, отчего, по его мнѣнію, и происходили худые успѣхи его

обученія: ученики успѣвали только протыкать насквозь книжки деревянными указками... Все это правда, но все-таки Лапинъ старался горячо заработать пропитанія и не даромъ получалъ горячія лепешки, кашу и другой хлѣбъ насущный. Наконецъ, простое чувство справедливости должно было бы спасти его избу отъ перенесенія на другое мѣсто, *если бы продолжали существовать другія времена*. Но березовцы уже жили по другому укладу. Послѣ вторичнаго угощенія они пришли къ солдату и объявили ему рѣшеніе. Лапинъ разгнѣвался до безумія. Простодушное лицо его побагровѣло. Онъ топалъ въ бѣшенствѣ одной ногой, ругался. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства устрашенія. Одно изъ нихъ было оригинально. Онъ прицѣпилъ на грудь свою старую медаль и обвелъ нахаловъ убійственнымъ, по его мнѣнію, взглядомъ.

«— Это что же такое?

«— Кавалеръ,—пояснилъ Лапинъ.

«Нахалы, недоумѣвали.

«— Я васъ, сиволапые! Пошелъ кругомъ маршъ!—крикнулъ онъ.

«Къ удивленію его, это не подѣйствовало. Мужики захохотали. Одинъ шутникъ спросилъ его: есть ли у него крупа, чтобъ стрѣлять. Тогда Лапинъ палъ духомъ. Онъ безпомощно присѣлъ на порогѣ избы своей и просилъ не трогать его. Онъ человѣкъ бѣдный, всякій его можетъ обидѣть, у него деревянная нога—куда ему таскаться съ мѣста на мѣсто?.. Лапинъ заплакалъ. Это подѣйствовало. Явилась жалость. Мужики обласкали солдата, тутъ же постановивъ, что будутъ кормить его вѣчно. А все-таки избу его снесли, убѣждая хозяина, что на новомъ мѣстѣ ему будетъ лучше».

И опять авторъ, чтобы не оставить въ читателѣ сомнѣній насчетъ поведенія «міра», дѣлаетъ общее замѣчаніе, безотрадное по своей ясности: «Ни одинъ изъ березовцевъ не подумалъ въ этотъ день, зачѣмъ у нихъ существовалъ міръ. Чтобы притѣснять безпомощныхъ? Но въ то же время никто не сомнѣвался въ его дѣйствительномъ существованіи. О немъ и его порядкахъ не думали, но чувствовали его. Какимъ онъ былъ раньше, этотъ пресловутый міръ, такимъ и остался. Служили ему и жили въ немъ безъ разсужденій, только эта служба походила на ту, которую исполняютъ бонзы. Объ обновленіи и перестройкѣ этого древняго храма никому и въ голову не приходило, Не придетъ ли день, когда его снесутъ такъ же, какъ снесли избу солдата съ деревянной ногой, Лапина?»

Неужели эти архи еретическія мысли высказываетъ народникъ, а не заядлый марксистъ? Въ томъ-то и дѣло, что сами народники накопили массу матеріала, которымъ злые марксисты только воспользовались для выводовъ. И странно было бы не воспользоваться, когда эти выводы торчатъ, какъ шесты, изъ всей народнической литературы. Если, тѣмъ не менѣе, сами народники приходили къ выводамъ какъ разъ обратнаго свойства, то въ этомъ повинна ихъ идеализація народной жизни. «Знаете ли,—спрашиваетъ Грубовъ въ «Борской колоніи»,—какая разница между нами и ими (мужиками)? Это то, что мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго, мужикъ же—чувствомъ должнаго и неизбѣжнаго. Мы дѣлаемъ то, что намъ нравится, мужикъ — то, что должно дѣлать... Когда жизнь не даетъ намъ того, чего мы желаемъ, мы считаемъ ее неудавшеюся; мужикъ же считаетъ скверною ту жизнь, которая дала ему одни только грѣхи. Мы страдаемъ отъ того, что не удовлетворили своихъ желаній, мужикъ же отъ того, что не исполнилъ какой-то высшей воли, нагрѣшилъ» (Т. II, стр. 98). Такая идеализація мужика заставляла смотрѣть на его недостатки, какъ на нѣчто наносное, временное, подъ чѣмъ слѣдуетъ искать вѣчно чистаго и прекрасного.

То же самое происходитъ и съ Каронинымъ. Какъ бытописатель деревни, онъ удивляетъ безстрашіемъ, съ какимъ раскрываетъ ея язвы, смѣлостью, съ ка-

кою дѣлаетъ заключенія и высказываетъ мрачныя предсказанія, безотраднымъ скептицизмомъ, съ какимъ относится къ «пресловутому міру». Онъ ясно видитъ, почему все лучшее и сильное уходитъ изъ деревни, понимаетъ, что здѣсь этимъ сильнымъ только одинъ исходъ — стать кулакомъ и при помощи міра душить безпомощныхъ, если не хочешь, чтобы тебя задушили. Въ длинномъ разсказѣ «Снизу вверхъ» крестьянскій парень Михайло уходитъ изъ деревни, откуда его выпираетъ общій гнетъ, голодъ, страхъ за свою шкуру и прочія прелести патріархальной жизни на лонѣ природы. Михайло является въ разсказѣ представителемъ новаго поколѣнія, которое не такъ уже привержено традиціямъ, для котораго міръ не есть уже всепокоряющее божество. Молодежь эта *разсуждаетъ*, она пытливо ищетъ, въ чемъ же сила міра, въ чемъ его благодѣтельное вліяніе, ради чего должно смиряться и подставлять спину, если ни защиты, ни пользы отъ міра она не видитъ. Они пристаютъ къ древнимъ старцамъ съ вопросами, какъ же прежде было? Но ничего, кромѣ непонятныхъ словъ «по-божецки! стой! крѣпись! Согласіе было! Коли притѣсненіе — мы молчимъ!»—не получаютъ. Михайло претерпѣваетъ въ городѣ тысячи мытарствъ, которыми онъ обязанъ своей непроходимой темнотѣ и дикости, вынесенными имъ «съ лона природы». Наконецъ, онъ выбивается въ люди, становится рабочимъ на фабрикѣ, даже машинистомъ, и тогда мысль о покинутомъ «мірѣ», гдѣ «ихъ вѣдь и теперь сѣкутъ», начинаетъ жечь его сердце, обливающееся кровью отъ этихъ воспоминаній. Но идти назадъ, «внизъ», онъ и не думаетъ, понимая, что въ результатѣ только и самъ пріобщится къ числу «сѣкомыхъ».

Кажется, ясно, — ждать спасенія надо именно въ стремленіяхъ «снизу вверхъ». Но такъ только кажется, потому что лишь только заходитъ рѣчь объ интеллигенціи, Каронинъ сразу преображается и всѣми силами толкаетъ ее «книзу», гдѣ только она и можетъ найти разрѣшеніе всѣхъ своихъ вопросовъ, мукъ и сомнѣній. Почти весь второй томъ занятъ разсказами объ этихъ страждущихъ душахъ, града взыскующихъ. Теперь, когда мы имѣемъ передъ собою въ этихъ двухъ томахъ итогъ думъ, наблюденій, выводовъ и стремленій автора, намъ ясно видны противорѣчія, въ которыя онъ впадаетъ. Основное противорѣчіе заключается въ изображеніи ничтожности современнаго деревенскаго уклада, который, по его же словамъ, уже «не прежній», и въ то же время въ указаніи на этотъ «міръ», какъ на идеалъ, къ которому должна стремиться интеллигенція. Современный укладъ деревни—«древній, опустѣвшій храмъ», въ которомъ только и могутъ служить «бонзы», безъ разсужденія, безъ критики, безъ мысли о задачахъ, которыя долженъ былъ нѣкогда преслѣдовать и осуществлять этотъ храмъ. Это съ одной стороны, съ другой же— интеллигенціи рекомендуется занять роль именно бонзы при этомъ храмѣ.

Въ разсказѣ «Борская колонія» представлена попытка вступить въ союзъ съ Васькой Чилигинымъ, чтобы на артельныхъ началахъ проводить въ деревенскій міръ идею жизни «по-божецки... сообча... стой и крѣпись». Дѣвушка, съ которой будущій колонистъ ѣдетъ въ деревню, пугается при видѣ такого пайщика, который, оказывается, наканунѣ подрался и весь въ крови. Спутникъ ея успокаиваетъ: «Вы про него спрашиваете? Это Ефремъ, нашъ пайщикъ. Если хотите знать, онъ буянъ, въ пьяномъ видѣ бьетъ жену кирпичами, за что его сынъ сажаетъ въ сарай... дерется, кромѣ того, съ кѣмъ попало, но вамъ бояться его нечего»... Понятно, чѣмъ должна кончиться такая «артель», попытка оживить въ мірѣ Чилигиныхъ идею стараго «міра», о которой Чилигины и Ефремы не сохранили никакихъ воспоминаній, а современная жизнь бьетъ ихъ совершенно иными требованіями и запросами. Чилигины остаются тѣмъ, что они есть, а піонеры интеллигенціи никакъ не могутъ превратиться просто въ бонзъ и бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки, претерпѣвъ тысячи нравственныхъ и матеріальныхъ тяжкихъ ударовъ. Авторъ слишкомъ правдивъ и искренен,

чтобы утѣшать себя миражами, и не скрываетъ тягостнаго разочарованія колонистовъ, которые не могли ни слиться съ народомъ, ни создать новой жизни, гдѣ бы въ основу «міра» легла *чистая* правда, не загрязненная никакой житейской мутью.

Такая неудача должна была раскрыть автору основное противорѣчіе его міровоззрѣнія, но онъ упрямо ищетъ пути для сближенія съ міромъ Чилигныхъ и Ефремовъ. Каронинъ, однако, не былъ сектантомъ, во что бы то ни стало твердящимъ свое «тако вѣруйте!»—и въ разсказѣ «Мой міръ» онъ намѣчаетъ уже иную, болѣе практическую программу, въ основѣ которой лежитъ прежде всего интеллигентность героя сравнительно съ деревенскимъ міромъ. Каронинъ рисуетъ идиллическую картину, въ которой мерещится ему будущій идеалъ возможнаго единенія между народомъ и интеллигенціей. Герой его встрѣчаетъ душевное, радушное къ себѣ отношеніе деревенскаго міра, становится учителемъ и мірскимъ человѣкомъ, на знанія котораго деревня предъявляетъ запросы въ самомъ разнообразномъ видѣ. «Ко мнѣ обращались съ разнообразными дѣлами, изъ которыхъ каждое не имѣло ничего общаго съ другими, и будь я энциклопедистомъ, всѣхъ дѣлъ все-таки не могъ бы передѣлать. Окруженный разнообразнѣйшими интересами, чувствами и злобами, я едва успѣвалъ распутываться. Деревенскій міръ съ каждымъ днемъ засасывалъ меня въ свою жизнь. Легко было утонуть въ ней, обезличиться. Но нѣтъ, нѣтъ! Я поклялся вездѣ быть самимъ собой. У меня есть свой міръ, куда безъ нужды я никого не пущу. Пусть жизнь заковываетъ мои ноги и руки, пусть человѣческая масса волнуется минутными радостями и муками.—я останусь свободнымъ, и никакая сила не посмѣетъ помутить мою жизнь. У меня есть свой міръ тайныхъ пожеланій, таинственнаго трепета, надеждъ, радостей и страданій, счастья и скорби; пусть жизнь волнуется вокругъ меня,—этотъ міръ я не брошу подъ ноги толпы... Вѣчный скиталецъ, я чувствовалъ себя прочно въ моей избушкѣ, дрожавшей отъ порывовъ бури, и думалъ, что съ этого дня кончились мои скитанія. Что-то говорило мнѣ внутри: пусть буря кружится вокругъ меня, пусть воетъ съ злости въ трубы, пусть холодъ и бѣдность окружаютъ меня, но лампочка моя не потухнетъ, злость не испугаетъ меня, буря не вызоветъ въ сердцѣ ужаса. И я смѣялся въ сознаніи своей силы». Увы! это торжество было преждевременно: «независящія обстоятельства» встали внезапно стѣной между героемъ и деревней, и скиталецъ снова беретъ свой посохъ. Правда, онъ уходитъ съ твердой увѣренностью «вернуться назадъ во что бы то ни стало».

Этой увѣренности мы съ нимъ не раздѣляемъ теперь, по крайней мѣрѣ, не думаемъ, чтобы путь, избранный героемъ, привелъ его къ твердой осѣдлости въ деревнѣ. Что между народомъ и интеллигенціей нѣтъ той пропасти, на которую указываютъ гг. Меньшиковы, Энгельгардты и ихъ присные,—это несомнѣнно. Интеллигенція составляетъ неотъемлемую часть народа, плоть отъ плоти, кость отъ костей его, и для взаимнаго пониманія и сближенія вовсе не нужны маскарадные костюмы, опрощеніе, вовсе не требуется «онародиться», «расплыться» и тому подобное. Интеллигенція должна быть тѣмъ, что она есть,—представителемъ духовной жизни народа въ глубокомъ значеніи этого слова, его мыслью и духомъ. Только оставаясь сама собой, она становится ему понятной и близкой, и такъ должна смотрѣть на себя, никогда не выдѣляя себя и не противопоставляя себя народу. Величайшій грѣхъ, какой могла бы совершить интеллигенція, было бы отреченіе отъ своей роли и значенія, смиренное уничиженіе и самопрезрѣніе. Именно тогда она и поступила бы, какъ «рабъ лукавый», расточившій свои таланты безъ всякой пользы и смысла. Къ счастью, это и невозможно.

Фактъ, однако, остается фактомъ, что теперь между интеллигенціей и наро-

домъ нѣтъ того единенія и близости, какія возможны и желательны для обѣихъ сторонъ. Но винить интеллигенцію или народъ было бы смѣшно, такъ какъ никто не виноватъ въ этомъ. Историческія условія, приведшія къ этой отчужденности, еще не исчезли вполнѣ, но несомнѣнно, что съ теченіемъ времени они теряютъ свою силу, создаются новыя условія, неудержимо влекущія къ тому, чтобы естественнымъ образомъ сошлись эти оба теченія—изъ народа къ интеллигенціи, т.-е. къ свѣту знанія и цивилизаціи, и изъ интеллигенціи къ народу, т.-е. къ своему единственному прочному устою. Но, мы думаемъ, сліяніе обоихъ теченій врядъ ли произойдетъ въ деревнѣ, по программѣ героя Каронина. На фонѣ разлагающейся деревни идиллія Коронина производитъ слишкомъ не отвѣчающее дѣйствительности впечатлѣніе, и, не говоря уже о «независящихъ обстоятельствахъ, тоже имѣющихъ свою прелесть,—не видно пока данныхъ для идилліи Каронина.

Возможно, что и самъ онъ еще во многомъ измѣнилъ бы эту программу. Онъ умеръ 38 лѣтъ, и при его правдивости, чуткости къ жизни и наблюдательности, онъ едва ли остался бы такимъ, какимъ мы знаемъ его теперь въ его сочиненіяхъ. Будучи народникомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, онъ былъ далекъ отъ сектантства, чуждъ тѣхъ метаморфозъ, которыя начали совершаться въ народничествѣ эпигоновъ еще при немъ, и меньше всего могъ проникнуться ихъ буржуазными мечтаніями о сладости существованія на лонѣ природы въ *своемъ* уголкѣ. Столь кажущаяся высокой идея «жить трудами рукъ своихъ» ни мало его не соблазняла, и въ «Борской колоніи» онъ очень вѣрно и сильно вскрываетъ ея низменное содержаніе. «Разумѣется,—говоритъ тотъ же Грубовъ,—очень хорошо жить трудами рукъ своихъ, благородно добывать хлѣбъ прямо изъ земли. Притомъ, это очень здорово и не лишено поэзіи. Только на первыхъ порахъ немного скучно. Отчего бы это? Можетъ быть, оттого, что въ этомъ раю всѣ мысли сосредоточены на себѣ: на своемъ тѣлѣ, на своей душѣ, на своемъ благородствѣ, на своемъ спасеніи,—все только на *своемъ* вертится мысль. Это естественно. Отчего же не думать и не заботиться о себѣ, когда это неизбѣжно? Но въ такомъ случаѣ это ужъ не мечта, не идеалъ, не стремленіе къ великому. Идеалъ вѣдь — это нѣчто огромное и свѣтлое, какъ солнце; нѣчто такое, чего въ мелкой обыденной жизни нѣтъ, но къ чему человѣкъ стремится всѣми лучшими своими помыслами. Ну, а колонія имѣетъ ли хоть что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничего. Что можетъ быть идеальнаго въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто сапоговъ надѣнетъ коты, вмѣсто городской квартиры будетъ жить въ избѣ, и вмѣсто добыванія хлѣба косвеннымъ путемъ—прямо будетъ царапать его изъ земли? Что идеальнаго въ томъ, что человѣкъ головою своею будетъ подпирать возъ съ соломою, а душу свою закопаетъ въ землю, окруживъ себя милліонами пустяковъ? И что идеальнаго будетъ въ жизни человѣка, который забудетъ другихъ и займется только своимъ совершенствомъ? Человѣкъ борется противъ жизненныхъ пустяковъ и стремится раздѣлаться съ ними, а тутъ ему пустяки возводятъ въ подвигъ и въ заслугу. Въ лучшія свои минуты ему хочется думать не о себѣ, а о томъ, что внѣ его, что велико, безкорыстно, а здѣсь его заставляютъ усиленно думать о себѣ, о своемъ здоровьѣ, о своемъ благородствѣ. Въ порывѣ героизма (а такія минуты бываютъ у многихъ) онъ съ восторгомъ сбрасываетъ съ себя всю низкую, себялюбивую жизненную мелочь, а здѣсь его садятъ на мѣсто и говорятъ: сиди тутъ, копайся въ сору, береги свое дѣло, дыши свѣжимъ воздухомъ, работай здоровую работу—и ты будешь спасенъ и благороденъ. Увлечь человѣка можно всѣмъ, даже безумной мечтой, лишь бы въ ней заключалось величіе, самопожертвованіе, новизна, подвигъ ради людей, но увлечь его обыденнымъ соромъ—никогда! И поднять также нельзя» (т. II, стр. 76).

Сравнивая этотъ высокій идеалъ Каронина съ цвѣточнымъ идеаломъ

г. Меньшикова, лучше всего уясняешь, какая пропасть раздѣляетъ эпигоновъ народничества отъ ихъ предшественниковъ. Для г. Меньшикова всѣ его «думы о счастьѣ» просто игра словами и понятіями, въ безрезультатности которой онъ и самъ вполнѣ увѣренъ,—и во всякомъ случаѣ не увлечь ему другихъ этимъ «копаніемъ въ сору». Для Каронина его думы и убѣжденія—это дѣло всей жизни, слово—орудіе борьбы за счастіе другихъ. Потому что для него «слово имѣетъ свое сердце и это сердце есть стремленіе къ истинѣ и борьба за все человѣчное» (т. II, «На границѣ человѣка»),—и этому *слову* онъ не измѣнялъ никогда, всею жизнью запечатлѣвъ свою преданность и любовь ко «всему человѣчному».

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изслѣдованіе народнаго образованія въ Россіи. Статистическая комиссія при Императорскомъ Вольно-экономическомъ обществѣ приступаетъ въ настоящее время къ печатанію результатовъ изслѣдованія положенія народнаго образованія, которое было еще предпринято бывшимъ комитетомъ грамотности и теперь доведено до конца. Въ интересномъ докладѣ г.г. Фальборка и Чорнолузскаго, читанномъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ прошломъ году и вышедшемъ недавно отдѣльной брошюрой, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этой капитальной работѣ.

Докладчики прежде всего указываютъ на недостаточность ежегодныхъ отчетныхъ свѣдѣній по народному образованію, отличающихся и неполнотой, и тенденціозностью. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются отчеты Св. Синода о церковно-приходскихъ школахъ. Въ общемъ, по мнѣнію докладчиковъ, дѣло изученія и статистики церковныхъ школъ поставлено Св. Синодомъ шире и полнѣе, чѣмъ это выполнено министерствомъ народнаго просвѣщенія для подвѣдомственныхъ ему школъ. Но благодаря тому, что въ отчеты вносятся и всѣ школы, числившіяся существующими, хотя бы въ данномъ году въ нихъ и не происходило занятій, а также благодаря недостаточному разграниченію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, эти отчеты не могутъ служить показателями дѣйствительнаго положенія народнаго образованія въ Россіи.

Почетное мѣсто среди свѣдѣній по народному образованію занимаютъ изданія нашихъ органовъ самоуправленія, и въ особенности земскія изданія. Но благодаря разобщенности земствъ, они не могли выработать одной общей программы для собиранія свѣдѣній по народному образованію, и это отсутствіе единообразія въ ихъ отчетахъ затрудняетъ пользованіе ими и препятствуетъ на основаніи составить себѣ общую картину народнаго образованія въ имперіи.

Единственной общей работой по статистикѣ народнаго образованія въ Россіи является изслѣдованіе школъ 20 марта 1880 года, произведенное центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи.

Это изслѣдованіе, выполненное при посредствѣ спеціальнаго школьнаго бланка, дало драгоцѣнный матеріалъ для изученія нашей народной школы. Подобныя работы давно уже сдѣлались во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ обычнымъ явленіемъ, но наша народная школа этимъ не избалована, и единственное у насъ изслѣдованіе 1880 г. пріобрѣтаетъ поэтому особую цѣну.

Работа статистической коммиссіи вольно-экономическаго общества, произведенная въ 1895 г., слѣдовательно, черезъ 15 лѣтъ послѣ изслѣдованія статистическаго комитета, является второй попыткой общей сводной статистики народнаго образованія въ Россіи.

По выработанному коммиссіей окончательному плану, все изслѣдованіе распадается на двѣ крупныя и самостоятельныя части.

Первая часть пріурочена къ 1893—1894 учебному году и матеріалы для нея доставлены мѣстными учрежденіями, вѣдающими дѣло народнаго образованія. Для сообщенія свѣдѣній было составлено два типа бланокъ: списки училищъ для каждаго уѣзда и города, съ основными свѣдѣніями о каждомъ училищѣ (по 13 графамъ), и программы съ общими свѣдѣніями о положеніи и организаціи народнаго образованія въ уѣздахъ и городахъ.

Вторая и самая важная часть изслѣдованія заключается въ однодневной переписи низшихъ училищъ, пріуроченной къ 17 января 1895 года. Бланки для такой переписи разсылались непосредственно въ каждое училище и заполнены народными учителями.

При выработкѣ бланковъ были тщательно изучены существовавшіе уже ранѣе бланки мѣстныхъ земскихъ изслѣдованій, а также бланкъ изслѣдованія 1880 года. До утвержденія окончательной редакціи, основной школьный бланкъ былъ подвергнутъ обсужденію статистиковъ, земскихъ дѣятелей и народныхъ учителей.

Переписка и полученіе свѣдѣній по школьнымъ бланкамъ велись весь 1895 годъ и закончились въ началѣ 1896 г. Однодневная перепись школъ нашего изслѣдованія была пріурочена къ 17 января 1895 года, высылка заполненныхъ бланковъ была назначена 1 февраля, а полученіе матеріаловъ, какъ мы уже говорили, за нѣсколькими ничтожными исключеніями, было закончено въ полтора года. Не забудемъ, что наше изслѣдованіе охватываетъ всю громадную Россію, а въ нашемъ отечествѣ есть еще такіе благословенные уголки, куда почта ходитъ только два раза въ годъ. Для запоздавшихъ школъ коммиссіей былъ отпечатанъ новый школьный бланкъ, въ которомъ было сдѣлано нѣсколько необходимыхъ измѣненій, вытекавшихъ изъ измѣненія дня переписи.

Въ заключеніе, докладчики приводятъ слѣдующіе, весьма неутѣшительные, результаты изслѣдованія. Россія располагаетъ всего 43.894 правильно-организованными училищами, причемъ многоклассныхъ начальныхъ училищъ оказывается только 859, двуклассныхъ—1.510, частныхъ третьяго разряда—1.319 и одноклассныхъ—40.206. Такимъ образомъ, изъ общаго числа учебныхъ заведеній, служащихъ для образованія народныхъ массъ, многоклассныхъ и двуклассныхъ училищъ всего 5,4%, частныхъ третьяго разряда 3%, а 91,6% приходится на одноклассныя училища. Эти послѣднія училища, очевидно, являются у насъ главнымъ фундаментомъ народнаго образованія.

Все наше народное образованіе зиждется, въ концѣ концовъ, на двухъ разрядахъ школъ: на школахъ общественныхъ и церковно-приходскихъ. Но взаимное соотношеніе этихъ разрядовъ въ городахъ и въ уѣздахъ далеко не одинаково. Среди сельскихъ училищъ общественныя школы составляютъ 57,92%, а церковныя 30,19%; среди городскихъ училищъ первыхъ 33,22%, а вторыхъ 13,34%. Такимъ образомъ, церковно-приходскихъ школъ въ городахъ относительно менѣе, чѣмъ въ селахъ.

Расположивъ всѣ губерніи въ восходящемъ порядкѣ по количеству находящихся въ нихъ начальныхъ общественныхъ школъ и сопоставляя общее число находящихся въ нихъ общественныхъ и церковно-приходскихъ школъ, получимъ любопытное явленіе. Во всѣхъ земскихъ губерніяхъ рѣзко бросается въ глаза перевѣсъ общественныхъ школъ надъ церковными. Исключеніемъ является только одна Вологодская губернія, два уѣзда которой вовсе не имѣютъ общественныхъ

школъ, такъ какъ мѣстныя земства передали ихъ въ церковное вѣдомство. Преобладаніе церковныхъ школъ наблюдается въ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской.

Въ городахъ преобладаніе церковныхъ школъ надъ общественными наблюдается только въ 16 губерніяхъ, въ числѣ которыхъ земскихъ только двѣ— Тамбовская и Смоленская.

Изъ 758 уѣздовъ и округовъ имперіи, въ 22 уѣздахъ не имѣется ни одной начальной правильно-организованной школы, 24 уѣзда имѣютъ не болѣе 2 школъ, а 76 уѣздовъ — не болѣе 10 школъ каждый. Всѣ эти уѣзды приходятся на не-земскую Россію; въ земскихъ губерніяхъ нѣтъ ни одного уѣзда, въ которомъ было бы менѣе 10 школъ. Такимъ образомъ, болѣе четверти уѣздовъ всей не-земской Россіи или вовсе не имѣютъ школъ, или имѣютъ ихъ въ такомъ ничтожномъ количествѣ, до котораго не спускается ни одинъ земскій уѣздъ.

Если сопоставить количество школъ съ населеніемъ, то окажется, что одна общественная одноклассная школа приходится на 5.232 жителя, одна церковно приходская на 10.258 жителей, а одна правительственная на 103.868 жителей.

Любопытны колебанія этого послѣдняго числа въ селахъ и городахъ: въ селахъ каждая правительственная школа приходится на 112.245 жителей, а въ городахъ на 69.396 Относительно общественныхъ школъ наблюдается совершенно обратное явленіе: въ городахъ каждая одноклассная общественная школа приходится на 7.285 жителей, а въ селахъ на 5.019 жителей. Характеръ колебанія церковныхъ школъ одинаковъ съ колебаніями школъ общественныхъ: въ городахъ каждая церковная школа приходится на 18.144 жителя, а въ селахъ на 9.529 жителей.

Разсматривая данныя по отдѣльнымъ районамъ, получимъ, что одна общественная школа приходится на 4.472 жителя въ земскихъ губерніяхъ, на 7.174 жителя въ Сѣверо-западномъ краѣ, на 13.516 жителей въ Юго-западномъ краѣ, на 10.958 жителей въ Сибири и Средней Азіи и на 13.073 жителя на Кавказѣ. Только Царство Польское и Прибалтійскій край превосходятъ въ этомъ отношеніи земскія губерніи. Но если принять въ разсчетъ всѣ вообще начальныя одноклассныя училища, то земскія губернія займутъ первое мѣсто: одна начальная школа приходится въ нихъ на 2.687 жителей, въ Юго-западномъ краѣ на 2.801 жителя, въ Царствѣ Польскомъ на 2.985 жителей, въ Сѣверо-западномъ краѣ на 4.160 жителей, на Кавказѣ на 6.398 и въ Сибири на 6.684 жителя.

Къ вопросу о голодѣ. Не смотря на оффиціальное признаніе голода, о чемъ мы говорили въ прошлый разъ, въ этомъ году, не замѣтно еще особеннаго притока пожертвованій и въ обществѣ не замѣтно большого «интереса» къ народному бѣдствію. «Сынъ Отечества» справедливо указываетъ на главную причину этого общественнаго равнодушія. По словамъ газеты, она заключается въ недостаточности непосредственнаго живого общенія съ нуждающимися. Общество «Краснаго Креста», при посредствѣ мѣстныхъ органовъ котораго возможно было бы такое общеніе, имѣетъ свои спеціальныя задачи; примкнуть къ нему, въ качествѣ активнаго дѣятеля, безъ надлежащихъ взносовъ, безъ связей съ провинціей, мудрено, да и примкнувши, нельзя поручиться за то, что попадешь къ самому дѣлу. Между тѣмъ, борьба съ бѣдствіемъ требуетъ организацій болѣе подвижныхъ, болѣе мелкихъ, ближе стоящихъ къ самой жизни, къ народу и къ деревнѣ. Нужны такія организаціи, къ которымъ, какъ нѣкогда къ участковымъ попечительствамъ во время войны, холеры или неурожая 1891 г., могъ бы примкнуть всякій желающій, могъ бы поѣхать туда во всякое время и непосредственно стать у самаго дѣла. Нужны такія органи-

зации, черезъ которыя у насъ установилась бы связь съ бѣдствующими, общеніе съ ними, живыя нити, связывающія городскихъ обывателей съ деревней. Въ 1891 г., вѣроятно, у каждаго интеллигентнаго человѣка былъ знакомый, пріятель или родственникъ, который поѣхалъ къ голодающимъ, работалъ для нихъ, писалъ и разсказывалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ, просилъ не только денегъ, вещей, но и людей, содѣйствія и помощи ихъ. Общество, благодаря этому, имѣло конкретное представленіе о положеніи дѣлъ и открыто шло на помощь нуждающимся. Теперь этого важнаго условія, непосредственно связующаго благотворителя съ благотворимымъ, нѣтъ. Теперь о бѣдствіи приходится судить преимущественно по сухимъ свѣдѣніямъ о преніяхъ въ земскихъ собраніяхъ, а живое, возбуждающее лучшія чувства людей, слово почти не долетаетъ до насъ. Теперь почти никто не идетъ въ провинцію, для личнаго участія въ работѣ и въ общеніи съ пострадавшими. Теперь, если бы кто-нибудь поѣхалъ въ провинцію на помощь пострадавшимъ, то, пожалуй, не зналъ бы что дѣлать съ собой. И не потому, что тамъ людей не нужно,— напротивъ, тамъ нужны и врачи, и фельдшера, и сидѣлки, и завѣдующіе хозяйствомъ столовыхъ, пріютовъ и т. п. учрежденій, и, просто, добрые честные люди, готовые хлопотать о бѣдствующихъ, а, просто, потому, что примкнуть ему не къ чему и не къ кому. Дѣло помощи находится въ рукахъ подлежащихъ вѣдомствъ — земства, земскихъ начальниковъ и комитетовъ «Краснаго Креста», чисто же общественныхъ, добровольныхъ организацій нѣтъ. А поселиться пріѣзжему постороннему человѣку въ деревнѣ и начать устраивать тамъ столовыя, питательные пункты и т. п. учрежденія, безъ полномочія и приглашенія, неудобно. Между тѣмъ, это-то отсутствіе на мѣстѣ нужды представителей нашей общественной благотворительности и составляетъ главный тормазъ въ развитіи активнаго и дѣятельнаго сочувствія къ нуждающимся. Въ виду этого, весьма желательно, чтобы теперь же была вызвана повсемѣстная въ неурожайныхъ губерніяхъ организація мелкихъ попечительствъ, въ которыя могъ бы идти работать всякій желающій, чтобы теперь же общество было привлечено не только къ денежнымъ приношеніямъ, но и къ дѣятельной работѣ, къ установленію живого и постояннаго общенія съ нуждающимися. Тогда, несомнѣнно, исчезло бы наше равнодушіе и всеобщій подъемъ духа смѣнилъ бы, какъ и въ 1891 году, пассивное и безучастное отношеніе къ новой бѣдѣ, посѣтившей наше отечество.

Въ Тургайской степи. «Новое Время» цитируетъ интересное письмо изъ Тургайской области, помѣщенное въ октябрьской книжкѣ «Жизни». Авторъ его, подписавшійся «русскимъ», разсказываетъ о голодовкѣ, которую пришлось испытать киргизамъ истекшею весною. Несмотря на то, что еще въ прошломъ году изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ области получались тревожныя извѣстія, администрація области, по словамъ автора, не обращала на нихъ особаго вниманія. Въ январѣ положеніе вещей ухудшилось, особливо въ Иргизскомъ уѣздѣ. Когда податной инспекторъ увѣдомилъ областное правленіе о голодѣ и необходимости открыть продовольственные и сѣнные запасы, то въ этомъ было отказано, основываясь на донесеніяхъ уѣзднаго начальника г. Краснокутскаго, утверждавшаго, что голода нѣтъ, и всѣ извѣстія о немъ есть происки его личныхъ враговъ. Вышло что-то невѣроятное, если слѣдовать сообщеніямъ письма.

Населеніе требовало помощи, но уѣздный начальникъ рѣшилъ «уничтожить голодъ» въ корнѣ: онъ приказалъ волостнымъ и степнымъ старшинамъ не давать никакихъ свѣдѣній о голодѣ. Только въ маѣ чаша терпѣнія киргизовъ переполнилась: голодные и истощенные, они запротестовали. Областная администрація назначила коммиссію для выясненія размѣровъ голода и разрѣшила открыть продовольственные магазины.

*

Когда въ Иргизѣ, подъ предсѣдательствомъ старшаго совѣтника Крафта, собралась продовольственная коммиссія, Краснокутскій и здѣсь имѣлъ смѣлость увѣрять, что голода нѣтъ. Вдругъ во время засѣданія вошла толпа киргизовъ. Изъ нея отдѣлился одинъ киргизъ и хотѣлъ что-то сказать, и въ безсиліи сѣлъ на полъ. Собраніе взволновалось... Присутствовавшій врачъ Черновъ заявилъ, что больной въ глубокомъ обморокѣ отъ продолжительнаго голоданія...

Уѣздному начальнику предложили: или выйти въ отставку въ 24 часа, или быть преданнымъ суду. Краснокутскій согласился на первое, но торжественно сказалъ, что онъ не виновенъ, что кругомъ измѣна, что онъ будетъ жаловаться.

Теперь выяснилось, что въ Тургайскомъ уѣздѣ погибло отъ безкормицы 200.000 скота на сумму 2.080.000 рублей. Это оффиціальныя данныя.

Въ Иргизскомъ же уѣздѣ, по словамъ свѣдущихъ людей, пало до 350.000 гол. скота, на сумму 4.000.000 руб., а всего въ области пало до 600.000 головъ скота, на сумму около 7.500.000 рублей. Кромѣ того, по оффиціальнымъ даннымъ, въ Иргизскомъ уѣздѣ умерло отъ голода 50 человѣкъ; свѣдущіе люди утверждаютъ, что количество человѣческихъ жертвъ простирается до 75 человѣкъ.

Послѣ вышеописанныхъ инцидентовъ администрація, наконецъ, придала значеніе многочисленнымъ жалобамъ населенія на Краснокутскаго, на его незаконные поборы, на произволъ, на ложь передъ высшимъ начальствомъ. Раньше эти жалобы не имѣли значенія, ибо Краснокутскій былъ мѣстный царекъ, разъѣзжавшій по уѣзду на 9 тройкахъ. Въ области остались еще и теперь царьки, но о нихъ какъ нибудь послѣ.

Вотъ иногда какія трагедіи и какое зло кроется за лаконическою фразой «все обстоитъ благополучно».

Кустари-личильщики, Горбатовскаго уѣзда. «Нижегор. Листокъ» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о личильномъ промыслѣ въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Деревни, въ которыхъ ведется этотъ промыселъ, входятъ въ составъ павловскаго кустарнаго района. Занятія жителей заключаются въ шлифованіи металлическихъ вещей, т. е. въ наведеніи на нихъ блеска. Шлифовка производится на точильныхъ камняхъ большею частью сухимъ путемъ, т. е. камни не смачиваются водой; масса металлической пыли, раскаленной отъ тренія, попадаетъ при этомъ въ легкія рабочихъ, занимающихся этимъ промысломъ съ утра до ночи, зимою и лѣтомъ, въ личильняхъ, т. е. въ полутемныхъ отъ копоти, продолговатыхъ зданіяхъ, принадлежащихъ обыкновенно частнымъ лицамъ и по наружному виду напоминающихъ небольшія фабрики. Естественно, что вліяніе этого промысла должно вредно отражаться на здоровьѣ рабочихъ. Дѣйствительно, какъ показываютъ наблюденія, «лишь немногіе изъ шлифовальщиковъ доживаютъ до 40 лѣтъ, такъ какъ въ молодыхъ годахъ получаютъ чахотку и умираютъ отъ нея. По отчету М. К. Медовщикова за 1895—1896 годы, изъ 294 умершихъ 33 смертныхъ случая приходится на чахотку (т. е. болѣе 11%)».

Шлифовка производится кустарями не у себя на дому, а на особыхъ заводахъ. Для этого здѣсь имѣются точильные камни, или еще чарки, покрытыя наждачнымъ составомъ.

«Чарки даютъ менѣе пыли, такъ какъ работаютъ на нихъ мокрымъ путемъ, но онѣ стоятъ дороже, и потому далеко не всѣ рабочіе пріобрѣтаютъ ихъ. Лѣтъ 20—25 тому назадъ эти камни и чарки приводились въ движеніе слѣпыми, которые сходились, или, вѣрнѣе, сводились въ Тумботино и смежныя селенія со всей губерніи въ количествѣ до 500 человѣкъ (очевидно, недостатка

въ слѣпыхъ не было) и вертѣли ручные приводы. Въ 80-хъ годахъ, потому ли, что съ улучшеніемъ оспопрививанія и организаціи помощи больнымъ число слѣпыхъ уменьшилось, или по другой причинѣ, были устроены конные приводы, а потомъ ихъ смѣнили паровыя машины. Въ настоящее время въ с. Тумботинѣ и 3-хъ сосѣднихъ деревняхъ (Вязовкѣ, Хрѣновкѣ и Сонницахъ) находятся 4 личильни съ числомъ рабочихъ болѣе 300 человѣкъ. Фабричная инспекція, по ходатайству земскаго собранія, въ прошломъ году сократила число рабочихъ часовъ до 11-ти, вмѣсто прежнихъ 14, и запретила работать въ личильняхъ подросткамъ моложе 15-ти лѣтъ. И то, и другое условіе должны оказать въ санитарномъ отношеніи хорошее вліяніе, хотя и уменьшаютъ заработокъ рабочаго, служа въ то же время къ выгодѣ хозяина (меньше выходитъ дровъ). Работа особенно трудна зимою, когда температура въ личильняхъ поднимается высоко (болѣе 30°), воздухъ становится сухимъ; непривычному человѣку трудно пробыть и полчаса безъ того, чтобы не появились головокруженіе, тошнота и непріятныя ощущенія въ груди и во рту. Рабочій много пьетъ воды, не разбирая ея температуры, а зимою не остерегается утолять жажду прямо снѣгомъ. Всѣ эти условія служатъ причиною легочныхъ страданій, приводящихъ въ концѣ-концовъ въ чахоткѣ. Этому можетъ способствовать и сильно распространенная малярія: селенія Тумботинской волости расположены на низменномъ берегу Оки и заливаются въ половодье. Изъ 300 видѣнныхъ авторомъ статьи рабочихъ только двое были старше 40 лѣтъ, остальные всѣ въ возрастѣ гораздо болѣе молодомъ, преимущественно отъ 16 до 30 лѣтъ. Женщины въ личильныхъ заведеніяхъ не работаютъ, а занимаются дома болѣе легкимъ дѣломъ: обтираютъ отшлифованныя ножницы, такъ что въ несравненно меньшей степени подвергаются вреднымъ вліяніямъ. Смертность отъ чахотки значительна главнымъ образомъ среди мужчинъ цвѣтущаго возраста и отражается на половомъ и семейномъ составѣ населенія упомянутыхъ 4-хъ селеній».

Относительное увеличеніе числа женщинъ въ населеніи особенно бросается въ глаза въ дер. Сонницахъ, въ которой на 100 мужчинъ приходится 137 женщинъ («вдовье царство», какъ давно прозвали мѣстные жители это селеніе).

«Подъ вліяніемъ личильнаго промысла и въ связи съ другими неблагопріятными обстоятельствами подвергся измѣненію и семейный составъ въ этихъ селеніяхъ, причемъ опять-таки особенно бросается въ глаза процентъ вдовъ, растущій вообще параллельно увеличенію процента шлифовальщиковъ въ дер. Сонницахъ. Параллелизмъ получается полный, возьмемъ ли мы вдовъ въ процентномъ отношеніи къ числу всѣхъ женщинъ, или ко всему населенію, или только къ числу женщинъ старше 15 ти лѣтъ. Зависимость процента вдовъ отъ процента шлифовальщиковъ выражается почти полной пропорціональностью».

Въ настоящее время почти готова къ открытію личильня, устроенная губернскимъ земствомъ. Личильня снабжена вентиляціонными приспособленіями, и работа въ ней будетъ менѣе вредной. Къ сожалѣнію, по своимъ размѣрамъ она можетъ удовлетворить только треть всѣхъ шлифовальщиковъ.

Разсказъ сектанта. Въ «С.-Петерб. Вѣд.» напечатана статья Евг. Маркова «Броженія духа въ народѣ», въ которой описывается положеніе сектантовъ въ Воронежской губ. и отношеніе къ нимъ сельскихъ властей. «Я недавно еще былъ свидѣтелемъ, — говоритъ г. Марковъ, — ссылки по суду цѣлой группы трудолюбивыхъ и честныхъ крестьянъ Воронежской губерніи, заподозрѣнныхъ въ хлыстовщинѣ, хотя посѣщавшихъ православную церковь и рѣшительно отвергавшихъ свое хлыстовство. Среди сочувствовавшей имъ части населенія они сейчасъ же пріобрѣли славу мучениковъ за вѣру, и ссылка ихъ не только не поколебала въ ихъ собратіяхъ авторитетъ ихъ ученія, но еще укрѣпила его черезъ понесенныя ими страданія незыблемою печатью своего рода.

«Мнѣ случалось не разъ бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ этомъ сектантствѣ, и каждый разъ ихъ бесѣды до дна взволновывали мнѣ всю душу тѣми картинами незаслуженныхъ страданій, которыя они рисовали мнѣ своею простодушною и выразительною рѣчью».

Для образца, г. Марковъ приводитъ одинъ изъ такихъ разсказовъ:

«Мы противъ церкви не возстаемъ, мы противъ кабака возстаемъ! — грустнымъ голосомъ говорилъ мой собесѣдникъ.—Въ томъ вся вина наша, что водки не пьемъ, на свадьбахъ да напрестольныхъ не безчинствуемъ. А сидимъ себѣ честнымъ манеромъ кругъ самовара, чай себѣ попиваемъ. Кому отъ этого вредъ!.. Сосѣди кто на свадьбу двѣсти, не то триста рублей изведетъ, все село перепоятъ, а у насъ дѣло троячкомъ кончается. И худо же будто это? Зато мы товарищу не дадимъ пропасть, у насъ этого нѣтъ, чтобы зависьвовать другъ дружкѣ, а коли заболѣлъ или обезсилѣлъ кто, мы всѣмъ народушкомъ помогаемъ, по Божьему, какъ Христосъ повелѣлъ... Копны ему свеземъ или тамъ загонъ ему вспашемъ, что требуется... Потому что сегодня онъ, а завтра я. Сегодня ему Богъ попустилъ въ скорбяхъ быть, а завтра тебѣ или мнѣ... Вѣдь правильно я говорю?.. И апостолъ такъ учитъ: «несите бремена другъ друга!» Христіане называемся, по-христіански и жить должны. Ты бы какъ думалъ?.. А то зовется христіанинъ, крестъ на себя кладетъ, а на человѣка хуже собаки мечется. Этакъ развѣ можно?

«Вотъ хоть бы староста Евсѣй Ивановъ; возлютовалъ на нашихъ на всѣхъ, словно мы хуже турка некрещеннаго... Когда дѣла хорошія дѣлаетъ, медаль свою въ карманѣ носитъ, а какъ къ мордѣ лѣзть, дурнымъ словомъ ругаться, такъ сейчасъ въ карманъ за медалью, медаль нацѣпляетъ, а самъ рукава засучиваетъ. И старшина у насъ такой же. Какъ медаль на немъ, такъ ужъ и ждешь, что сейчасъ въ зубы дастъ.

«Я теперь въ своей избѣ сижу, словно въ чужой: страхъ беретъ. И всѣ мы такъ. Даже огня не смѣю засвѣтить. Такъ въ темнотѣ повалюсь на постель и лежу. Того и гляди, нагрянетъ староста со своими приспѣшниками; у него десятскіе подобраны одинъ пьянѣе другого. Теперь, значитъ, онъ медаль надѣнетъ и убьетъ меня до смерти, и правъ! А какіе мы хлысты? Мы и не знаемъ, что такое значитъ хлысты. И, между прочимъ, староста такъ возгордѣлъ, что клянется-божится, не буду, говоритъ, живъ, если я все это дѣло ихнее не переведу. Сижу я какъ-то одинъ, самоварчикъ поставилъ: вдругъ онъ ко мнѣ сотскаго да двухъ десятскихъ: въ сборную требуетъ. А у меня по обществу никакихъ дѣловъ нѣтъ. Отъ земли я отказался, и подати платитъ за меня братъ. Спрашиваю, зачѣмъ, скажите? Если по какимъ особливымъ дѣламъ, я сейчасъ одѣнусь и пойду; а если насчетъ податей,—мое дѣло сторона, я брата пошлю. Прибѣгаетъ самъ староста. Я и ему тоже. А онъ сосѣдъ, насупротивъ живетъ, знаетъ самъ, что я до земли не касаюсь. Говорю ему: хоть ты самъ землю мою бери, самъ за меня плати, мнѣ все равно, я даже «верховъ» съ тебя не желаю (у насъ съ каждой души на землю сверхъ податей еще 5 рублей «верховъ» платится хозяину). Не слушаетъ ничего. «Тащи его, кричитъ, бери его!»—«Я и самъ пойду, тащить меня нечего»,—отвѣчаю. Притащилъ, въ холодную бросилъ, а братъ всѣ подати приноситъ, отдаетъ ему за меня.—«Не держи, говоритъ, ты его, онъ къ этому дѣлу сторона!» — «Не твое, говоритъ, дѣло; ступай, откуда пришелъ!» Да взяли пьянаго какого-то ко мнѣ въ комнату и впихнули. Лежу я тамъ на землѣ, онъ меня за деревянную ногу ухватилъ и ну всячески колотить. А братъ все время стоитъ у темной и еще кое-кто изъ нашихъ, жалѣючи меня, потому думаютъ, убьютъ на смерть, коли не будетъ никого. Староста все тутъ вертится, съ десятскими пьяными перешептывается, все затѣваетъ что то.

«Сколько часовъ я тутъ стоялъ, столько разовъ меня и въ потъ кидало!» сказывалъ мнѣ потомъ братъ, такъ онъ жалѣлъ меня.

«Поднялъ я крикъ; кричу: «староста, ты меня убивать не смѣешь; если я предъ податьми или чѣмъ другимъ виновенъ, ты долженъ имущество мое оцѣнить и продать, корову, тамъ, лошадь; это наживу опять, коли здоровъ буду, а здоровья моего лишать не смѣешь, здоровье свое я соблюдаю, какъ даръ драгоцѣнный; безъ имущества буду, все таки не пропаду, а коли ты меня смертнымъ боемъ убьешь, то и имущество мое все ни къ чему. Ты, кричу, по закону долженъ поступать!»

«Ну, усовѣстилъ-таки его: отперъ, вывелъ пьянаго».

Г-нъ Марковъ справедливо замѣчаетъ, что такого рода мѣрами можно только усилить, а не ослабить «броженіе духа въ народѣ».

«Борьба съ идеями, чувствами и вѣрованіями,—говоритъ онъ,—должна быть и можетъ быть только борьбою въ области духа, но никакъ не въ области физической силы, не въ сферѣ уголовныхъ наказаній и полицейскихъ мѣропріятій Иначе эта борьба была бы похожа на тотъ безплодный бой древнерусскаго богатыря, который такъ образно нарисованъ въ одной изъ мудрыхъ народныхъ былинъ нашихъ:

Разрубаетъ пополамъ ихъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ богатыри,
Стали силушку колоть, рубить—
А та сила все растетъ—растетъ,
На богатырей боемъ идетъ.

Эксплуатація паломниковъ. Кронштадтскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» рисуетъ своеобразный мірокъ, окружающій Іоанна Кронштадтскаго и эксплуатирующій религіозное чувство паломниковъ, стекающихся въ Кронштадтъ со всей Россіи. «Этотъ мірокъ,—говоритъ корреспондентъ,—состоитъ изъ различныхъ элементовъ, уживающихся другъ съ другомъ на почвѣ борьбы за существованіе и даже поддерживающихъ одинъ другого въ томъ значеніи и престижѣ среди богомольцевъ, какими отдѣльные субъекты стараются пользоваться. Выражаясь искренно, можно прямо сказать, что соприкосновеніе съ означеннымъ міркомъ производитъ на многихъ пріѣзжихъ богомольцевъ тяжелое впечатлѣніе и оставляетъ ощущеніе чего-то темнаго, неяснаго, фальшиваго въ томъ подъемѣ религіознаго экстаза, который влечетъ ежегодно въ Кронштадтъ тысячи и даже десятки тысячъ паломниковъ. Алчныя стремленія, ежеминутное желаніе «сорвать», даже тамъ, гдѣ по приглашенію о. Іоанна вслухъ высказываются признанія въ страшныхъ смертельныхъ грѣхахъ, гдѣ тысячная толпа выкрикиваетъ свои грѣхи и проступки, гдѣ въ подъемѣ религіознаго чувства истерически рыдаютъ, бьются въ конвульсіяхъ, колотятся головами о каменный полъ храма—все это производитъ впечатлѣніе тяжелаго кошмара на души «примиряющихся съ совѣстью» богомольцевъ.

Едва такой богомолецъ вступитъ въ Кронштадтъ, какъ уже на пристани очутится во власти юркихъ женщинъ, которыя стараются увлечь его въ ту или другую страннопріимную квартиру, о которой разсказываются въ теченіе всей дороги разныя небылицы; при этомъ обращается вниманіе на близость о. Іоанна къ хозяйкѣ такой квартиры: оказывается, что о. Іоаннъ крестилъ у нея всѣхъ дѣтей, ѣздитъ къ ней ежедневно, поддерживаетъ самыя родственныя сношенія, а иногда шопотомъ добавятъ, что, молъ, года три тому назадъ въ квартирѣ даже произошло чудо, подробности котораго тутъ же и передаются. Богомолецъ чувствуетъ фальшь, неискренность того, въ чемъ его стараются увѣрить, но пока остается во власти своей спутницы, ожидая дальнѣйшаго.

Эта же фальшь ясно выказывается и въ обращеніи хозяйки со своими по-

стояльцами въ зависимости отъ ихъ имущественнаго или соціальнаго положенія. Въ то время, какъ зажиточнымъ оказывается всякое уваженіе, почетъ, бѣдныхъ встрѣчаютъ грубо, пренебрежительно, и нерѣдко громкая ругань по адресу небогатаго постояльца слышится въ странноприимной квартирѣ и нарушаетъ ея торжественное настроеніе. Если постояльцы вздумаютъ протестовать противъ подобнаго обращенія, то имъ убѣдительно доказывается, что Христосъ еще и не то терпѣлъ, и что, явившись въ Кронштадтъ очистить свою грѣховную совѣсть, они не должны быть строптивыми, а обязаны сносить всѣ тягости «ради Бога» и цѣли своего путешествія. И съ этимъ приходится мириться. Нѣсколько времени назадъ въ газетахъ сообщалось о возмутительной эксплуатаціи религіознаго чувства паломниковъ фруктами, освященными послѣ молебна о. Іоанномъ; такъ, освященное яблоко или апельсинъ продавался богомольцамъ за 50—70 коп.! Теперь объ этомъ какъ-то позабыли, но несомнѣнно, что такая торговля производится и по сіе время.

Въ тѣхъ же квартирахъ, на улицѣ, въ соборѣ, приходится паломникамъ сталкиваться съ такъ-называемыми «богомолками», странниками, субъектами, именующими себя «иноками» и т. п. людомъ, живущимъ на чужія средства и питающимся около тѣхъ же паломниковъ.

«Богомолка»—это продуктъ мѣстнаго происхожденія, существо пронырливое, ханжеватое, суевѣрное, она и «про святыхъ» разскажетъ, эпизоды изъ жизни о. Іоанна передастъ, порученіе исполнитъ и ужъ, конечно, «сорвать» съ васъ постарается. Не смотря на вѣчныя ссоры между собою, «богомолки» поддерживаютъ другъ друга и, благодаря такому единодушію, эксплуатируютъ довѣрчивый и робкій въ Кронштадтѣ пріѣзжій людъ. Религіозныя понятія «богомолокъ» довольно смутны, и все сводится къ обожанію о. Іоанна, портреты котораго нерѣдко красуются рядомъ съ иконами, окуриваются ладономъ и освѣщаются лампадами. Нѣсколько времени тому назадъ въ Кронштадтѣ былъ арестованъ цѣлый кружокъ лицъ, считавшихъ о. Іоанна Богомъ и распѣвавшихъ посвященные ему тропари, молясь на его портреты. До чего доходитъ «безумствованіе» такихъ субъектовъ, показываютъ факты, еще совершенно свѣжіе и сохраняющіеся у многихъ въ памяти. Такъ, напримѣръ, сторожъ загородной церкви по имени Василій (нынѣ высланный изъ Кронштадта), позволялъ себѣ одѣвать ризы священника и совершалъ панихиды надъ могилами усопшихъ. Этотъ Василій объявилъ однажды своимъ «ученикамъ» (и такіе у него находились), что онъ «живой вознесется на небо», будучи въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ, придѣлалъ къ рукамъ какія-то крылья, забрался на крышу и оттуда прыгнулъ внизъ, размахивая крылами. Конечно, на небо онъ не улетѣлъ, а упалъ на землю и ушибся довольно основательно. На первый взглядъ фактъ этотъ кажется совершенно невѣроятнымъ, но и до сихъ поръ можно найти за городомъ очевидцевъ этого «полета»!..

Другая категорія—это странники, появляющіеся въ Кронштадтѣ Богъ вѣсть откуда и такъ же незамѣтно (и иногда противъ желанія: при участіи администраціи) исчезающіе изъ Кронштадта. Зачѣмъ пріѣзжаютъ сюда эти странники, что они дѣлаютъ здѣсь, въ Кронштадтѣ—это мало кого интересуетъ. Нѣкоторые изъ странниковъ занимаются продажей реликвій, обрѣзковъ, показываютъ части мощей, камни изъ «града Ерусалима», собираютъ на лампады, «на поминъ души сродственниковъ» и т. п., словомъ, тоже живутъ на счетъ пріѣзжихъ, не имѣющихъ, конечно, возможности провѣрить, достигаютъ ли ихъ даянія назначенной цѣли. Только по костюму отличаются отъ нихъ субъекты, именующіе себя «иноками», собирающіе «на построеніе или украшеніе храмовъ». Правда, есть среди нихъ и настоящіе монахи, но не мало и такихъ, которые прикрываются этимъ именемъ ради благъ земныхъ или укрытія отъ зоркаго глаза полиціи, слѣдящей за ними и высылающей иногда изъ Кронштадта за «без-

письменность». Полицейскія дѣла хранятъ въ себѣ не мало «исторій» разныхъ лже-иноковъ, совершавшихъ въ Кронштадтѣ довольно темныя дѣлишки и оказывавшихся порою бѣжавшими изъ тюрьмы и т. п.

Весь этотъ людъ «не сѣетъ, не жнетъ», а ухитряется «собирать въ житницы». И понятно, что претерпѣвшій разныя мытарства паломникъ, уѣзжая изъ Кронштадта, кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него о. Іоанномъ, уноситъ также и впечатлѣніе «толпы», присосавшейся къ паломническому движенію и различными способами эксплуатирующей это самое движеніе.

Я. П. Полонскій (некрологъ). 18-го октября скончался въ Петербургѣ Яковъ Петровичъ Полонскій. По сообщенію «Новостей», Я. П. Полонскій прожилъ семьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ родился 6-го декабря 1820 года въ Рязани, въ чиновничьей семьѣ; по окончаніи курса мѣстной гимназіи поступилъ въ московскій университетъ. Я. П. началъ свою житейскую карьеру со скромной роли домашняго учителя: онъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ, кромѣ учительства, занимался и литературою, участвуя, между прочимъ, въ мѣстномъ журналѣ «Закавказскій Вѣстникъ». Шесть лѣтъ онъ провелъ на Кавказѣ и затѣмъ отправился въ Петербургъ, а потомъ заграницу.

Во время перваго своего заграничнаго путешествія Полонскій женился на обладавшей талантомъ и красотой дѣвушкѣ, дочери причетника при русской церкви въ Парижѣ, Еленѣ Васильевнѣ Устюжской. Всего чрезъ полтора года послѣ брака Я. П. потерялъ горячо-любимую жену, скончавшуюся внезапно. Послѣ почти десятилѣтняго одиночества, Полонскому суждено было вновь возстановить утерянное семейное счастье въ бракѣ съ Жозефиной Антоновной Рюльманъ, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстной публикѣ своими скульптурными работами.

Матеріальныя средства Я. П. Полонскому пришлось обезпечить главнымъ образомъ службою. Послѣ завѣдыванія редакціей «Русскаго Слова» Кушелева-Безбородки, Я. П., оставшійся безъ опредѣленнаго заработка, принялъ мѣсто секретаря комитета цензуры иностранной и оставался въ цензурномъ вѣдомствѣ до послѣдняго времени.

Свою поэтическую дѣятельность Я. П. Полонскій, какъ и всѣ поэты его эпохи, началъ еще въ юношескихъ годахъ; уже въ 1844 году появился первый сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ «Гаммы»; затѣмъ послѣдовательно были изданы «Стихотворенія 1845 г.», «Сазандаръ», «Нѣсколько стихотвореній», «Стихотворенія», «Отклики»; тридцать пять лѣтъ назадъ, въ 1863 году выпущена была поэма «Кузнечикъ-музыкантъ»; далѣе появлялись сборники: «Разладъ» (сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія), «Снопы», «Озими», «На закатѣ», «Стихотворенія 1841—1885 годовъ», «Вечерній звонъ».

Первое собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго появилось въ 1869 г. въ трехъ томахъ, затѣмъ, второе въ 1886 г.—въ 10 томахъ и въ 1896 году—полное собраніе сочиненій въ 5-ти томахъ.

Полонскій писалъ во всѣхъ родахъ художественной литературы; ему принадлежатъ повѣсти и романы: «Нечаянно», «Крутыя горки», «Дешевый городъ», «Признанія Сергѣя Чемезова», историческая драма «Дореджана Имеретинская», комедія «Чужія роли», юмористическая поэма «Собаки» и пр.

За границей.

Китайскія дѣла. Въ настоящее время уже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что недавній переворотъ въ Китаѣ, или, вѣрнѣе—дворцовая революція, была вызвана чрезмѣрною поспѣшностью самого молодого императора, желавшаго

поскорѣе преобразить свою страну въ цивилизованное государство,—и всѣхъ тѣхъ лицъ, по совѣту которыхъ онъ принялся вводить реформы. Но «старый курсъ» снова восторжествовалъ надъ «новымъ курсомъ» и императоръ сошелъ со сцены. Его тетка, вдовствующая императрица, въ третій разъ захватила бразды правленія въ свои руки и положила конецъ реформаторскому рвенію императора.

Старая императрица представляетъ нѣчто вродѣ «deusex machina» китайской внутренней политики и появляется всегда въ критическіе моменты, когда старому порядку въ государствѣ начинаетъ грозить опасность, и на этотъ разъ она выступила на сцену, чтобы задержать потокъ реформъ, угрожавшій разрушить вѣковыя традиціи Небесной Имперіи.

Дѣйствительно, съ того момента, какъ Германія завладѣла Кіаочау и въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы—императорскіе декреты посыпались одинъ за другимъ на головы китайцевъ, ошеломленныхъ этимъ неожиданнымъ дождемъ реформъ и нововведеній, идущихъ въ разрѣзъ съ ихъ заскорузлыми понятіями. Императоръ какъ будто хотѣлъ скорѣе наверстать потерянное время. Китайско-японская война не вызвала никакихъ перемѣнъ въ Китаѣ и Китай не пошевельнулся, получивъ страшный ударъ. Порядки въ Китаѣ не измѣнились и пораженіе, понесенное Китаемъ въ войнѣ съ Японіей, не нанесло ему чувствительной раны. Извѣстно, напримѣръ, что китайскому народу было дано слѣдующее объясненіе присутствія японцевъ въ Формозѣ: «на нихъ-де, въ наказаніе за ихъ непокорность, китайцы возложили полицейскія обязанности; они должны наблюдать теперь за туземцами въ Формозѣ, вмѣсто китайцевъ» и т. п.

Между тѣмъ, по почину Германіи, и другія государства захотѣли также урвать по кусочку отъ великой китайской территоріи. Китай на азіатскомъ востокѣ въ политикѣ великихъ европейскихъ державъ играетъ совершенно такую же роль, какъ и Турція на европейскомъ востокѣ. Каждая изъ державъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ другая не захватила Турціи въ свои руки, и всѣ, сообща, поддерживаютъ разлагающійся государственный организмъ, дальнѣйшее существованіе котораго обезпечивается именно этимъ соперничествомъ державъ. То же самое происходитъ и въ Китаѣ, гдѣ, впрочемъ, борьба за вліяніе главнымъ образомъ происходитъ между Россіей и Англіей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскій методъ введенія цивилизаціи болѣе приходится по вкусу китайцамъ, нежели англійскіе способы, хотя, быть можетъ, они и вѣрнѣе достигаютъ цѣли. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока Ли-Хунгъ-Чангъ былъ въ силѣ, до тѣхъ поръ русское вліяніе въ Пекинѣ преобладало. Но послѣ уступки Портъ Артура и Таліенвана молодой китайскій императоръ пришелъ въ смущеніе, тѣмъ болѣе, что среди его приближенныхъ нашлись люди, ненавидѣвшіе Ли-Хунгъ-Чанга и шепнувшіе императору, чтобы онъ не слишкомъ довѣрялъ «старой лисицѣ», которая можетъ продать Китай Россіи. Тогда-то на сцену выступилъ Кангъ Юмей, занимавшій въ это время должность секретаря въ бюро общественныхъ работъ. То, что императору рекомендовали Кангъ-Юмея, какъ свѣдущаго и опытнаго человѣка, совѣтамъ котораго онъ можетъ вполнѣ довѣриться, указываетъ во всякомъ случаѣ, что и при дворѣ находились люди, сочувствовавшіе реформамъ. Кангъ стяжалъ уже себѣ репутацію ученаго своимъ изданіемъ китайскихъ классиковъ и за годъ передъ этимъ основалъ въ Кантонѣ общество противъ жестокаго обычая бинтовать ноги маленькимъ дѣвочкамъ. Онъ самъ не позволялъ въ своей семьѣ слѣдовать этому обычаю у всѣхъ его дочерей ноги не изуродованы. Одна изъ его дочерей,—что составляетъ совершенно безпримѣрный случай въ Китаѣ!—написала и издала брошюру, въ которой она указывала на страшный вредъ этого исконнаго китайскаго обычая.

Кангъ, стоявшій во главѣ китайской прогрессистской партіи, не замедлилъ изложить свои взгляды императору, какъ только представился къ тому

удобный случай. Кангъ указалъ ему, что слабость Китая именно зависитъ отъ его неподвижности и посовѣтовалъ императору замѣнить старыхъ, закоснѣлыхъ въ вѣковыхъ предразсудкахъ, консервативныхъ министровъ молодыми и энергичными прогрессистами. Кангъ представилъ императору примѣръ возрожденія Франціи послѣ войны и сказалъ ему, что Китай могъ бы также возродиться послѣ японской войны. Между прочимъ, Кангъ посовѣтовалъ императору изучить условія прогресса Японіи и познакомиться съ успѣхами, сдѣланными Россіей при Петрѣ Великомъ. Кангъ, однако, настаивалъ на томъ, чтобы императоръ обратился къ англичанамъ и американцамъ для проведенія реформъ и не полагался въ этомъ отношеніи на своихъ министровъ, которые не имѣютъ никакого понятія о западныхъ методахъ и слишкомъ стары, чтобы усвоить ихъ. «Требовать отъ нихъ проведенія реформъ,—сказалъ Кангъ,—все равно, что требовать отъ повара, чтобы онъ сшилъ вамъ хорошее платье, или отъ портного, чтобы онъ сготовилъ вамъ хорошій обѣдъ. Вѣдь вы же тщательно выбираете и того и другого, когда вамъ нужно бываетъ сшить платье или готовить обѣдъ, точно такъ же какъ выбираете искуснаго цирульника, когда вамъ нужно бываетъ сбрить бороду. А между тѣмъ управленіе государствомъ вы часто поручаете людямъ, которые не имѣютъ объ этомъ никакого понятія. Вы, значитъ, считаете государственныя дѣла гораздо менѣе важными, нежели ваши личныя дѣла!»

Такая рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на молодого императора, но онъ сознался Кангу, что безсиленъ удалить безполезныхъ людей, занимающихъ высокія должности въ государствѣ, такъ какъ боится вдовствующей императрицы. Тогда Кангъ посовѣтовалъ ему искать поддержки у европейскихъ державъ и въ особенности у Англіи, которая поможетъ ему ввести всѣ нужныя реформы въ государствѣ.

Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ съ Кангомъ императоръ началъ издавать свои эдикты о реформахъ. Между прочимъ, онъ издалъ эдиктъ, измѣняющій систему государственныхъ экзаменовъ, вѣками установленную въ Китаѣ. Онъ заявлялъ въ этомъ эдиктѣ, что находитъ безусловно необходимымъ учредить школы, какъ высшія, такъ и низшія, по западному образцу. «Правительственные методы,—говорится въ этомъ эдиктѣ,—установленные для экзаменовъ династіей Мингъ, не имѣютъ въ настоящее время никакого практическаго значенія, такъ какъ подобная система экзаменовъ не требуетъ никакихъ полезныхъ знаній отъ экзаменующихся». Но тутъ же, какъ бы желая смягчить свой приговоръ, императоръ прибавляетъ: «Не упуская изъ вида нравственныя доктрины нашихъ древнихъ мудрецовъ, положимъ ихъ въ основу новыхъ и болѣе цѣлесообразныхъ методовъ». Далѣе императоръ уже прямо заявлялъ, что китайцы должны освободиться отъ массы накопившихся нелѣпостей и пустыхъ безсмысленныхъ вещей, которымъ они привыкли придавать совершенно несоотвѣтствующее значеніе. «Разрушимъ кору небрежности, покрывающую наши системы,—говоритъ императоръ,—и сбросимъ съ себя цѣпи, которыя задерживаютъ наше движеніе впередъ и стѣсняютъ насъ».

Этотъ декретъ заканчивался изложеніемъ идеи о необходимости учрежденія въ Пекинѣ университета.

Можно себѣ представить, какое волненіе должны были вызвать подобные декреты среди китайской интеллигенціи. Всѣ эти ученые мандарины, гордые своими знаніями, вдругъ услышали изъ устъ самого императора, что все ихъ знаніе ничего не стоитъ и что всѣ классическія книги, написанныя не меньше 2.000 лѣтъ тому назадъ, ни на что больше не годны и не могутъ образовать способныхъ государственныхъ дѣятелей. Несомнѣнно, что даже среди заскорузлыхъ китайскихъ ученыхъ находились все-таки люди, которые признавали справедливость словъ императора и даже выражали желаніе ближе ознакомиться съ западной наукой. Въ Хуннанѣ даже организовалось цѣлое обще-

ство для покупки сочиненій западныхъ авторовъ и перевода ихъ на китайскій языкъ. Въ Кантонѣ, центрѣ прогрессистскаго движенія, молодая китайская партія пріобрѣтала съ каждымъ днемъ все больше и больше сторонниковъ и находила поддержку въ европейцахъ и японцахъ. Было отчего встревожиться китайскимъ мандаринамъ, которые вдругъ оказались лицомъ къ лицу съ цѣлымъ поколѣніемъ молодыхъ китайцевъ, не столь погрязшихъ въ предразсудкахъ и уже нѣсколько пріобщившихся къ европейской цивилизаціи. Это поколѣніе явилось какъ бы на смѣну старому и мандарины судорожно ухватились за свои привилегіи, опасаясь, что они будутъ у нихъ вырваны.

Началась агитація противъ «варваровъ Запада». Губернаторы округовъ стали получать со всѣхъ сторонъ петиціи отъ китайскихъ «ученыхъ», гдѣ выражались протесты противъ реформъ и нововведеній, проектированныхъ императоромъ. Въ Куангъ-Си вспыхнуло возстаніе при крикахъ: «Долой иноземныхъ дьяволовъ!» и съ этого момента дни новаго курса были сочтены.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Кангъ, несмотря на самыя благія намѣренія и искренность, съ которою онъ дѣйствовалъ, направляя императора на путь реформъ, все-таки оказалъ своей партіи медвѣжью услугу слишкомъ поспѣшнымъ образомъ дѣйствій. Онъ сыгралъ въ руку своимъ врагамъ, и консервативная партія, сплотившись вокругъ старой императрицы, воспользовалась для своихъ цѣлей политическимъ соперничествомъ европейскихъ державъ, благодаря чему реформаторское движеніе было пріостановлено въ самомъ зародышѣ. Но, тѣмъ не менѣе толчокъ былъ данъ; конечно, отъ этого толчка не могла пошатнуться вѣковая китайская стѣна, но въ ней все-таки существуетъ брешь, черезъ которую цивилизація проникнетъ въ Китай рано или поздно, тѣмъ болѣе, что отрицать существованіе молодой китайской партіи нельзя, такъ же какъ и нельзя отрицать того, что эта партія имѣетъ сторонниковъ среди высокопоставленныхъ китайскихъ чиновниковъ и встрѣчаетъ горячую поддержку у англичанъ, американцевъ и японцевъ.

Двѣнадцать лѣтъ въ плѣну у махдистовъ. Англійскіе отряды, одержавъ побѣду надъ махдистами въ Суданѣ и проникнувъ въ Омдурманъ, прежде всего постарались освободить всѣхъ бѣлыхъ, находившихся въ плѣну у дервишей. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ былъ также нѣмецкій путешественникъ Карлъ Нейфельдъ, который оказался менѣе счастливымъ, чѣмъ Слатинъ-паша, бѣжавшій изъ плѣна при самыхъ драматическихъ обстоятельствахъ. Друзья и родные Карла Нейфельда давно уже считали его погибшимъ. Въ Каирѣ, гдѣ у него оставались знакомые, Нейфельда встрѣтили точно воскресшаго изъ мертвыхъ. Корреспондентъ «Deutsche Kolonialzeitung», хорошо знавшій Нейфельда, разсказываетъ также, что онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидѣлъ Нейфельда, который послѣ десятидневнаго путешествія добрался, наконецъ, до Каира.

Въ первые дни Нейфельду было довольно-таки трудно говорить по-нѣмецки, такъ какъ онъ уже много лѣтъ не слышалъ ни звука своего роднаго языка и вообще ему видимо снова нужно было пріобрѣтать привычки цивилизованной жизни. Встрѣча со старыми пріятелями привела его въ такое возбужденное состояніе, что онъ долго не могъ успокоиться и вслѣдствіе волненія совершенно не могъ говорить по нѣмецки, а долженъ былъ объясняться по-арабски. Только когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, онъ могъ разсказать о перенесенныхъ имъ испытаніяхъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ мартѣ, въ 1887 году, вмѣстѣ съ 64 арабами, которые сопровождали его, и былъ тотчасъ же отправленъ въ Донголу, къ калифу. Всѣмъ арабамъ отрубили головы, а Нейфельда калифъ взялъ съ собою въ Хартумъ, чтобы тамъ его казнить. Въ Хартумѣ калифъ послалъ спросить Нейфельда, какой родъ смерти онъ выбираетъ, хочетъ-ли онъ быть обезглавленнымъ, разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ? Нейфельдъ, собравъ

все свое хладнокровіе, отвѣтилъ калифу слѣдующими словами: «Ни ты калифъ, ни пятьдесятъ другихъ калифовъ не смѣютъ тронуть волоса съ моей головы. Только Аллахъ имѣетъ власть надо мною. Дѣлай какъ знаешь. Если ты хочешь оказать мнѣ честь, какъ европейцу, то ты знаешь, какъ ты долженъ поступить. Но торопись; солнце жжетъ, а у меня болитъ голова».

Калифъ былъ до такой степени пораженъ хладнокровіемъ европейца, знавшаго, что его минуты сочтены, что рѣшилъ на время отложить казнь и велѣлъ заковать Нейфельда въ цѣпи. Это были ужасныя цѣпи, вѣсомъ больше пуда, заковывавшія ему руки, ноги и шею и снимались съ него лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ долженъ былъ производить земляныя работы. Случалось порою, что по спинѣ его прогуливался кнутъ изъ шкуры гиппопотама, когда надсмотрщикъ находилъ, что онъ недостаточно усердно работаетъ. Послѣ побѣга Слатина-паши, на плѣннаго Нейфельда надѣты были еще болѣе тяжелыя цѣпи и положеніе его стало еще хуже. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ одному арабскому гонцу удалось пробраться къ нему и доставить ему письмо, написанное химическими чернилами. Изъ этого письма Нейфельдъ узналъ, что друзья его стараются устроить ему побѣгъ и что арабъ, доставившій ему письмо, долженъ помочь ему бѣжать, за что ему обѣщана крупная сумма. Однако, Нейфельдъ замѣтилъ, что арабъ сильно труситъ и что онъ не позаботился пріобрѣсти ни оружія, ни верблюдовъ для побѣга. Съ такимъ товарищемъ трудно было разсчитывать на успѣхъ, но Нейфельдъ все-таки сказалъ ему, чтобы онъ пошелъ и купилъ оружіе и верблюдовъ и что онъ будетъ ждать его во дворѣ, когда его сторожа заснутъ. Но посланный больше не вернулся. Очевидно, дѣло это показалось ему черезчуръ рискованнымъ и онъ предпочелъ убраться. Другіе посланные, которыхъ отправляли къ нему съ деньгами или письмами, не попадали къ нему и онъ только изрѣдка получалъ вѣсточку и немного денегъ отъ Слатина-паши, у котораго оставалось много друзей среди махдистовъ, и черезъ нихъ-то онъ и могъ иногда посылать Нейфельду вѣсточку.

Такъ прожилъ Нейфельдъ много лѣтъ, влача свои тяжелыя цѣпи и ожидая когда, наконецъ, настанетъ его послѣдній часъ. Однако калифъ, повидимому, раздумалъ казнить его, но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ облегчить его участи и Нейфельдъ не зналъ, когда онъ можетъ ожидать избавленія. Можно себѣ представить, въ какое неописуемое волненіе онъ пришелъ, узнавъ о томъ, что англичане приближаются къ Омдурману. Когда раздались первые выстрѣлы, то Нейфельдъ понялъ, что для него наступаетъ часъ освобожденія или смерти! О бѣгствѣ калифа тотчасъ же сдѣлалось извѣстно въ тюрьмѣ, но также сдѣлалось извѣстно, что калифъ, передъ своимъ бѣгствомъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ плѣнные были перебиты, однако, по счастью, приказаніе это не было немедленно приведено въ исполненіе, и плѣнные избѣжали смерти, благодаря тому, что палачи испугались прихода англійскихъ войскъ.

По словамъ близкихъ пріятелей Нейфельда въ Каирѣ, здоровье его все-таки сильно пошатнулось отъ тѣхъ испытаній, которыя ему приходилось вынести. Неожиданное избавленіе до такой степени потрясло его, что онъ долго не могъ придти въ себя. Волненіе выразилось у него упорною безсонницей и возбужденнымъ состояніемъ, но врачи, осматривавшіе его, не находятъ у него ничего серьезнаго и предписываютъ ему только покой.

Нейфельдъ собирается, когда будетъ въ состояніи, описать свою жизнь въ плѣну у калифа. Въ тюрьмѣ ему пришлось познакомиться со многими, очень интересными личностями изъ подданныхъ калифа и среди нихъ были такія, которыя нѣкогда пользовались вліяніемъ при дворѣ калифа, но навлекли на себя подозрѣнія и попали въ тюрьму. Отъ этихъ лицъ Нейфельдъ узналъ много интересныхъ фактовъ, касающихся калифа и тѣхъ элементовъ, при посредствѣ которыхъ онъ поддерживаетъ свою власть среди фанатиковъ дервишей.

Причины самоубійствъ съ точки зрѣнія вегетаріанской пищи. Въ британской медицинской ассоціаціи, въ засѣданіе психологической секціи, былъ прочитанъ на-днях любопытный докладъ одного англійскаго врача А. Гайга, разбиравшаго этіологію самоубійства, съ точки зрѣнія пищевого режима. Статистическія данныя за послѣднее десятилѣтіе указываютъ самымъ прискорбнымъ образомъ на увеличеніе числа самоубійствъ. Очевидно, есть причины, порождающія это грустное явленіе, но какъ бы ни были онѣ разнообразны и многочисленны, говоритъ, между прочимъ, Дюргеймъ, писавшій о самоубійствѣ, съ ними все таки можно бороться и надо стараться устранять ихъ. По мнѣнію же докладчика, всѣ причины, порождающія самоубійства, сводятся главнымъ образомъ къ одной: къ неправильному питанію и пренебреженію правилами діэтетики. «Скажи мнѣ, что ты ѣшь и я скажу тебѣ, что ты будешь дѣлать», провозглашаетъ докладчикъ, утверждающій, что въ большинствѣ самоубійствъ можно бываетъ констатировать существованіе разстройствъ кровообращенія. «Слишкомъ много мяса и слишкомъ много чая! —восклицаетъ докладчикъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ. Мясо и чай доводятъ васъ до самоубійства». Химическія измѣненія, происходящія въ крови подъ вліяніемъ обилія мясной пищи, несомнѣнно порождаютъ наклонность къ самоубійству и главнымъ факторомъ въ данномъ случаѣ, по мнѣнію докладчика, служитъ избытокъ мочевой кислоты въ крови. Избытокъ этотъ наблюдается чаще у мужчинъ, нежели у женщинъ. и мужчины дѣйствительно чаще лишаютъ себя жизни. Затѣмъ, этотъ избытокъ чаще наблюдается весною и лѣтомъ и въ это время года въ самомъ дѣлѣ замѣчается учащеніе самоубійствъ. Далѣе докладчикъ указалъ на то, что мочевая кислота гораздо скорѣе накопляется въ крови у людей, ведущихъ сидячій образъ жизни, въ тоже время эти люди обнаруживаютъ большую склонность къ самоубійству, нежели люди дѣятельные, занимающіеся преимущественно мускульнымъ трудомъ. У такихъ людей, какъ справедливо замѣчаетъ докладчикъ, кровообращеніе совершается правильнѣе. Однимъ словомъ все, что увеличиваетъ содержаніе мочевой кислоты въ крови и что служитъ указаніемъ на недостаточное окисленіе, все это вызываетъ въ то же время и появленіе мрачнаго настроенія, иногда доводящаго до самоубійства. Такое ненормальное состояніе часто обусловливается избыткомъ пищи, богатой содержаніемъ бѣлка и отсутствіемъ физическихъ упражненій. Итакъ, поменьше мяса и побольше физическихъ упражненій и тогда число самоубійствъ замѣтно уменьшится.

Вегетаріанцы, образующіе въ Англіи довольно многочисленную секту, отнеслись крайне сочувственно къ этому докладу и горячо поддерживаютъ въ различныхъ органахъ печати высказанное докладчикомъ мнѣніе насчетъ вреда избытка мясной пищи. Нѣкоторые изъ нихъ даже такъ увлекаются, что всѣ несогласія въ семейной жизни, несчастные браки и супружескія измѣны также объясняютъ избыткомъ мясной пищи. Англичане, говорятъ они, истребляютъ огромныя количества мяса, и вслѣдствіе этого характеръ ихъ портится, они становятся раздражительными, несносными, отчего страдаютъ всѣ ихъ близкіе. Безъ сомнѣнія, они сами были бы счастливѣе и другихъ сдѣлали бы болѣе счастливыми, еслибъ были не столь плотоядны; поэтому прежде всего необходимо измѣнить пищевой режимъ и благодѣтельные результаты этого не замедлятъ обнаружиться.

Но, къ сожалѣнію, задача разрѣшается не такъ просто, какъ думаетъ докладчикъ, хотя безъ сомнѣнія многое изъ того, что онъ говорилъ въ своемъ докладѣ о причинахъ самоубійства, заслуживаетъ болѣе или менѣе серьезнаго вниманія. Быть можетъ, и существуетъ какая-нибудь связь между недостаточнымъ окисленіемъ крови и самоубійствомъ, но, во всякомъ случаѣ, это не единственная причина, вліяющая на ростъ самоубійствъ. Самоубійства, напримѣръ, сильно возрастаютъ въ Италіи, гдѣ населеніе очень рѣдко употребляетъ мясо

и довольствуется по преимуществу растительною пищей. Точно также въ послѣднее время замѣчается возрастаніе самоубійствъ въ арміяхъ, а между тѣмъ, нельзя же сказать, чтобы тамъ существовалъ черезчуръ питательный режимъ или чтобы ощущался недостатокъ въ физическихъ упражненіяхъ. Очевидно, такой односторонній взглядъ на этіологію самоубійства не разрѣшаетъ вопроса, гораздо болѣе сложнаго, чѣмъ это думаетъ почтенный докладчикъ.

Суевѣрія въ концѣ XIX вѣка. Не смотря на всѣ успѣхи цивилизаціи, въ современномъ обществѣ старинныя суевѣрія еще не вполнѣ исчезли и отъ времени до времени приходится констатировать необыкновенную живучесть этихъ суевѣрій, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ наслѣдіе среднихъ вѣковъ. Въ 1879 году, профессоръ католическаго богословія въ боннскомъ университетѣ, докторъ Рейтъ, издалъ маленькую брошюрку, подъ заглавіемъ: «Die deutschen Bischofe und der Aberglaube» (нѣмецкіе епископы и суевѣріе), въ которой обращалъ вниманіе на поощреніе, оказываемое католическимъ духовенствомъ самому грубому суевѣрію, существующему въ народѣ. Между прочимъ, онъ указывалъ на разныя книги, издаваемыя іезуитами и переполненныя повѣствованіями о чудесахъ, изгнаніяхъ бѣсовъ, всевозможныхъ реликвіяхъ и т. д. Съ того времени, какъ Рейтъ издалъ эту книгу, прошло не мало лѣтъ, но зло, поддерживаемое католическимъ духовенствомъ, не только не исчезло, а какъ будтто даже пустило еще болѣе глубокіе корни. Докторъ Казъ, въ своей статьѣ въ «Revue des Revues» приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ, что суевѣрія не только не исчезли, но процвѣтаютъ подъ покровительствомъ духовенства. Всего лишь пять лѣтъ тому назадъ вышло новое изданіе книги доктора Бишофсбергера, которая представляетъ руководство для заклинателя бѣсовъ и описываетъ признаки «демоническихъ болѣзней». Перечисляя всѣ эти признаки, авторъ, впрочемъ, сознается самъ, что разстройства въ организмѣ, вызываемыя присутствіемъ бѣсовъ, мало отличаются отъ тѣхъ, которыя зависятъ отъ естественныхъ причинъ.

Невозможно представить себѣ, какую массу преступленій и чудовищной жестокости порождаютъ суевѣрія даже въ наши дни. Докторъ Казъ приводитъ слѣдующій случай. Въ февралѣ 1893 года, одинъ крестьянинъ изъ деревни Понтса Эма, близъ Флоренціи, обратился за совѣтомъ къ деревенскому священнику относительно своей дочери, которая страдала истероэпилептическими припадками. Священникъ, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же объявилъ отцу, что его дочь одержима бѣсомъ и посовѣтовалъ ему обратиться къ одной старой колдуньѣ во Флоренціи, которая умѣетъ заклинать бѣсовъ. Крестьянинъ отправился къ колдуньѣ и она прежде всего потребовала отъ него 35 франковъ за совѣтъ, а затѣмъ, когда онъ ихъ уплатилъ, сказала ему: «Ступай домой и затопи печь. Первый, кто переступитъ порогъ твоего дома, будетъ именно тотъ, кто послалъ болѣзнь на твою дочь. Брось въ печь этого человѣка въ присутствіи больной и болѣзнь исчезнетъ». Крестьянинъ въ точности исполнилъ предписаніе колдуньи. Случилось, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ растопилъ печь, къ нему зашла нищенка, просившая подаянія. Онъ схватилъ эту нищенку и бросилъ въ печь, но на крикъ ея сбѣжались сосѣди и къ счастью во-время вытащили несчастную изъ печки.

Въ пятнадцати километрахъ отъ Парижа, въ деревнѣ Жифъ, тоже наблюдался подобный случай. Одна молодая дѣвушка страдала истероэпилептическимъ припадкомъ и докторъ Дюмонпалье, изслѣдовавшій ее, нашелъ ея болѣзнь излѣчимой и предложилъ родителямъ лѣчить ее даромъ, но деревенскій священникъ воспротивился, такъ какъ, по его мнѣнію, дѣвушка была одержима бѣсомъ и надъ нею нужно было произвести заклинанія. Родители дѣвушки, конечно, больше повѣрили священнику, нежели доктору и священникъ отправился

къ версальскому епископу за разрѣшеніемъ произвести заклинанія. Версальскій епископъ не только не убѣдилъ священника въ нелѣпости его взглядовъ, но приставилъ къ нему на помощь настоятеля версальской семинаріи и они вдвоемъ отправились производить заклинанія. Дѣвушка перепугалась и съ нею сдѣлался страшнѣйшій припадокъ; она кричала, изрыгала всевозможныя ругательства и страшно билась. Молодой священникъ, помогавшій заклинателямъ, объявилъ, что онъ узнаетъ по голосу различныхъ демоновъ, поселившихся въ тѣлѣ несчастной, и назвалъ ихъ по именамъ. Священники, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, нѣсколько разъ возобновляли свои заклинанія надъ несчастной дѣвушкой и имъ, по ихъ же словамъ, оставалось только изгнать 28 демоновъ низшаго порядка, когда вдругъ послѣдовало отъ версальскаго епископа приказаніе прекратить заклинанія. Епископъ испугался скандала, что и заставило его отмѣнить заклинанія, такъ какъ печать, провѣдавъ объ этомъ, подняла страшный шумъ.

Фактъ этотъ произошелъ не далѣе, какъ три года тому назадъ, но чуть ли не ежегодно, въ разныхъ мѣстахъ, совершаются преступленія, исключительно порождаемыя суевѣріемъ. Въ прошломъ году, въ Катаньи, былъ арестованъ уличный музыкантъ, который зарѣзалъ 24-хъ дѣтей и полилъ ихъ кровью землю, потому что слышалъ, что такимъ способомъ можно открыть зарытые клады. Среди крестьянъ во многихъ мѣстахъ распространено убѣжденіе, что печень женщины обладаетъ чудесными свойствами и кто ее съѣстъ, получаетъ сверхъестественную силу. Быть можетъ, въ этомъ суевѣріи надо искать объясненія нѣкоторыхъ страшныхъ и загадочныхъ убійствъ, совершенныхъ въ разныхъ мѣстахъ.

Въ Барселонѣ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, женщины наперерывъ старались обмочить свои носовые платки въ крови казненныхъ анархистовъ, потому что существуетъ повѣрье, что кровь казненнаго можетъ служить талисманомъ, обладающимъ сверхъестественною силой.

Вѣра въ дурной глазъ распространена рѣшительно вездѣ, въ особенности въ Италіи. Извѣстно, напримѣръ, что папѣ Пію IX приписывалась эта таинственная сила и католическіе паломники, колѣнопреклонявшіеся передъ нимъ, чтобы получить его благословеніе и поцѣловать его туфлю, никогда не забывали при этомъ сдѣлать тайкомъ извѣстный знакъ пальцами правой руки, чтобы предотвратить дѣйствіе дурного глаза.

Очень давно, въ графствѣ Типперари, въ Исландіи, разыгралась страшная драма. У одного крестьянина, мѣдника, заболѣла жена и онъ почему-то вообразилъ, что ее околдовали. Тотчасъ же былъ созванъ семейный совѣтъ, подтвердившій подозрѣнія крестьянина, и тогда несчастную женщину подвергли настоящей пыткѣ, чтобы уничтожить колдовство. Ее жгли огнемъ въ разныхъ мѣстахъ, и когда она окончательно лишилась чувствъ, то ее положили на кровать, облили керосиномъ и подожгли. «Она сгорѣла, точно свѣчка», разсказывалъ потомъ одинъ изъ свидѣтелей этой страшной драмы.

Протестантская религія, говоритъ докторъ Казъ, далеко не въ такой степени, какъ католическая, покровительствуетъ различнымъ суевѣріямъ, но и она не свободна отъ этого зла, и мы вправѣ будемъ гордиться своимъ прогрессомъ лишь тогда, когда религія будетъ дѣйствовать заодно съ цивилизаціей и также бороться съ суевѣріемъ массъ.

Изъ области женскаго движенія. Въ Гамбургѣ происходилъ недавно конгрессъ «женскаго союза», основаннаго въ Мюнхенѣ четыре года тому назадъ и объединившаго почти всѣ женскія ассоціаціи, организованныя съ разными цѣлями, но носившія по преимуществу благотворительный характеръ.

Изъ прочитаннаго на конгрессѣ отчета о дѣятельности женскаго союза можно

было убѣдиться, что союзъ дѣйствительно сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ составъ его теперь входятъ 107 женскихъ ассоціацій, соединившихся ради общей цѣли удовлетворенія требованій женщинъ и расширенія правъ женщинъ въ области духовной, экономической, правовой и соціальной. Кромѣ петицій по разнымъ вопросамъ и протестовъ противъ новаго гражданскаго законоположенія, которые были поданы въ рейхстагъ союзомъ, была организована коммиссія со спеціальною цѣлью разработки вопроса объ организаціи женской инспекціи на фабрикахъ и эта коммиссія устроила уже двѣ школы, въ Берлинѣ и Мюнхенѣ, для подготовки фабричныхъ инспектрисъ. Практическіе результаты дѣятельности этой коммиссіи выразились уже въ назначеніи на мѣста фабричныхъ инспектрисъ двухъ женщинъ, обучавшихся въ этихъ школахъ.

Въ числѣ важныхъ вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію конгресса женскаго союза, первое мѣсто было отведено вопросу о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Г-жа Бергъ-Ансбахъ сдѣлала очень обстоятельный докладъ по этому дѣлу. По ея словамъ, въ Германіи ежегодно рождается 180.000 незаконнорожденныхъ дѣтей и изъ нихъ 40 процентовъ умираетъ отъ недостатка ухода и отсутствія правильнаго питанія въ первый же годъ жизни. Въ виду такой высокой смертности среди этихъ несчастныхъ дѣтей, докладчица предлагаетъ союзу взять на себя попеченіе о нихъ и указываетъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій для осуществленія этой задачи. Мѣры эти слѣдующія: общая опека надъ всѣми незаконорожденными дѣтьми, врачебный надзоръ и учрежденіе попечительствъ, а также учрежденіе особаго фонда для покрытія нужныхъ для этого расходовъ. Докладчица также настаиваетъ на устройствѣ во всѣхъ городахъ Германіи спеціальныхъ ферейновъ для покровительства дѣтей. Подобный ферейнъ уже существуетъ въ Берлинѣ и дѣятельность его ознаменовалась значительнымъ пониженіемъ смертности среди незаконнорожденныхъ дѣтей.

Очень жаркія пренія на конгрессѣ возбудилъ вопросъ объ улучшеніи общественной и семейной нравственности. Докладчица г-жа Биберъ-Бемъ, встрѣтившая горячее сочувствіе у большинства нѣмецкихъ женщинъ, требовала введенія строгихъ законовъ, преслѣдующихъ книги и картины безнравственнаго содержанія и заявила, что цѣломудріе до брака и супружеская вѣрность должны быть признаны абсолютно обязательными какъ для женщины, такъ и для мужчины. Въ общемъ члены конгресса высказались въ пользу идеи, что прежде всего необходимо повысить нравственность мужчинъ и поколебать сложившіеся вѣками предразсудки, создавшіе отдѣльные нравственные кодексы для мужчины и для женщины.

Столь же шумныя пренія вызвалъ и вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Былъ предложенъ рядъ мѣръ и вотирована резолюція о привлеченіи школъ къ борьбѣ съ этимъ зломъ.

Идея всеобщаго мира занимала также не послѣднее мѣсто въ преніяхъ конгресса. Предсѣдательница берлинской женской ассоціаціи «Hausfrauenvereiп», г-жа Моргенштернъ, предложила женскому союзу включить въ задачи своей дѣятельности заботы о водвореніи всеобщаго мира, прибавивъ, что именно женщины должны больше всего бороться противъ національной вражды и ненависти. Предложеніе это вызвало горячее сочувствіе большинства членовъ собранія и была принята резолюція, высказывающая необходимость пропаганды идей мира въ семьѣ и школѣ. Однако, дѣло не обошлось и безъ возраженій и среди женщинъ нашлись шовинистки и патріотки въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, доказывающіе, что армія воплощаетъ въ себѣ честь отечества и что честь эта должна защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. «Современная нѣмка должна быть такъ же готова къ войнѣ, какъ были готовы ея прародительницы», заявила одна изъ этихъ патріотокъ, утверждавшихъ, между прочимъ, что «нѣмецкая армія—вѣрнѣйшій оплотъ мира» и что «всеобщій миръ

составляетъ несбыточную мечту». Были и такія, которыя говорили и о непроизводительности мира, о пользѣ войны и т. д., и т. д. Но во всякомъ случаѣ большинство взяло верхъ и конгрессъ выразилъ горячее сочувствіе будущей конференціи мира. Въ заключеніе была вотирована резолюція о расширеніи правъ женщины и постановлено рѣшеніе подать по этому поводу новую петицію въ рейхстагъ, подписанную по крайней мѣрѣ 100.000 человѣкъ.

Конгрессъ женскаго союза еще разъ указываетъ, что въ Германіи женщины стремятся, и не безуспѣшно, расширить кругъ своей дѣятельности и Германія теперь слѣдуетъ непосредственно за Англіей въ области женскаго движенія. Въ Англіи тоже организовался «національный женскій союзъ», образовавшійся изъ соединенія различныхъ ассоціацій, поставившихъ себѣ цѣлью добиваться для женщинъ права подачи голоса на парламентскихъ выборахъ. Въ этотъ союзъ вошли 16 ассоціацій и въ томъ числѣ и ирландскія ассоціаціи, такъ что въ союзѣ теперь находятся представительницы самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій. Въ этомъ году лѣтомъ состоялось обычное годичное собраніе союза, на которомъ присутствовалъ мистеръ Кокбёрнъ изъ южной Австраліи, прочитавшій очень интересный докладъ о результатахъ политическаго равноправія женщинъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Мистеръ Кокбёрнъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ министра въ борьбѣ за равноправіе. По его словамъ, результаты непосредственнаго участія женщинъ въ политической жизни колоніи выразились уже теперь въ слѣдующемъ: 1) гораздо больше вниманія оказывается культурнымъ задачамъ; 2) въ области политики вліяніе женщинъ выражается тѣмъ, что нравственные принципы не игнорируются въ такой степени, какъ прежде, и политика болѣе отвѣчаетъ требованіямъ этики въ настоящее время, нежели это было въ періодъ исключительнаго господства въ ней мужчинъ; 3) пріобрѣтеніе женщинами избирательныхъ правъ въ особенности отразилось благодѣтельнымъ образомъ въ области фабричнаго законодательства и покровительства рабочимъ. Мистеръ Кокбёрнъ прибавилъ, что въ началѣ хотѣли лишить замужнихъ женщинъ избирательныхъ правъ, но затѣмъ рѣшено было не дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ исключеній.

Въ прошломъ году, въ Вашингтонѣ, въ первый разъ состоялся «конгрессъ матерей», имѣвшій такой успѣхъ, что въ настоящее время уже образовался постоянный комитетъ съ цѣлью организаціи такихъ конгрессовъ ежегодно въ разныхъ штатахъ сѣверной Америки. Мѣстомъ будущаго конгресса, который долженъ состояться въ этомъ году, избранъ Утахъ. Программа конгресса уже разрабатывается и въ нее вошли, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) материнство есть призваніе; 2) воспитаніе нравственности; 3) основы дисциплины; 4) литература для юношества и т. д.

Въ штатѣ Уомингъ нѣкая миссъ Эстелла Риль назначена на должность инспектора индѣйскихъ школъ. Мѣсто это въ первый разъ будетъ занимать женщина.

Изъ всѣхъ государствъ южной и средней Америки Бразилія занимаетъ, безспорно, первое мѣсто съ точки зрѣнія успѣховъ, достигнутыхъ женщинами въ различныхъ направленіяхъ. Въ Ріо-Жанейро есть уже шесть женщинъ-врачей, получившихъ медицинское образованіе въ бразильскомъ университетѣ. Нѣсколько женщинъ, кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ, занимаются адвокатурой съ большимъ успѣхомъ. На юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ въ Ріо Жанейро числится по десяти студентокъ; на фармацевтическіе курсы записалось также десять слушательницъ. Вообще среди бразильскихъ женщинъ замѣчается довольно сильное движеніе, отражающееся и въ современной бразильской литературѣ. Нѣсколько женщинъ журналистокъ основали даже свой спеціальный органъ, имѣющій цѣлью защищать и пропагандировать права женщинъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Fortnightly Review».—«Contemporary Review».—«Review of Reviews».—«Revue des deux Mondes».

Одинъ извѣстный англійскій филантропъ мистеръ П. Нейманнъ, основавшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ сѣверныхъ кварталовъ Лондона, клубъ для мальчиковъ, пропагандируетъ въ «Fortnightly Review» свою идею организаціи въ разныхъ мѣстахъ подобныхъ же клубовъ для юношей-подростковъ, которые преслѣдовали бы воспитательныя цѣли и могли бы удержать мальчиковъ, только что вышедшихъ изъ школы, на скользкомъ пути, на который они такъ легко попадаютъ. «Take care of the boys» (Позаботьтесь о мальчикахъ)—такъ озаглавливаетъ свою статью Нейманнъ, доказывающій, что учрежденіе такихъ клубовъ спасетъ многихъ отъ паденія и оградитъ юношей отъ вліянія кабаковъ и разныхъ увеселительныхъ заведеній низшаго сорта. Но, разумѣется, для того, чтобы клубъ имѣлъ нравственное и воспитательное вліяніе, онъ долженъ быть идеально устроенъ и долженъ удовлетворять одновременно какъ цѣлямъ воспитанія, такъ и цѣлямъ развлеченія. Послѣдняго, по мнѣнію автора статьи, достигнуть не трудно и для этого нужно только, чтобы при клубѣ существовалъ хорошій гимнастическій залъ, гдѣ можно было бы также устраивать различныя, подвижныя игры, въ мячъ, въ крокетъ и т. п. Затѣмъ можно разнообразить развлеченія катаніемъ на конькахъ на колесикахъ, фехтованіемъ, игрою въ биліардъ, въ шахматы и домино. Не мѣшаетъ также имѣть нѣсколько штукъ велосипедовъ при клубѣ и комнату со всѣми приспособленіями для ванны. При такихъ условіяхъ можно ручаться, говоритъ Нейманнъ, что въ членахъ недостатка не будетъ и клубъ всегда будетъ наполненъ по вечерамъ, такъ что мальчики, по окончаніи дневныхъ занятій, предпочтутъ идти въ свой клубъ, нежели въ другія заведенія, гдѣ по большей части царитъ пьянство и развратъ.

Гораздо труднѣе удовлетворить цѣлямъ воспитанія. Надо заинтересовать мальчиковъ въ какой-нибудь работѣ, учредить курсы, которые продолжались бы не болѣе трехъ лѣтъ и давали бы возможность желающимъ поступать потомъ въ ту или другую техническую школу. Но обученіе въ этихъ классахъ должно быть организовано очень тщательно, такъ какъ мальчики легко распознаютъ, насколько свѣдущъ ихъ учитель и недостаточно знающій или неопытный учитель не съумѣетъ не только заинтересовать ихъ, но даже не въ состояніи будетъ внушить имъ должное уваженіе къ своимъ словамъ.

Въ своей статьѣ Нейманнъ даетъ подробный планъ идеальнаго клуба для мальчиковъ, вполнѣ отвѣчающаго своему назначенію, и приглашаетъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ его идеѣ, содѣйствовать устройству такихъ учрежденій въ наивозможно большемъ количествѣ.

Въ «Contemporary Review» напечатана статья «Англійскія женщины и сельское хозяйство», авторъ которой, г-жа Кроуфордъ, настоятельно совѣтуетъ англійскимъ женщинамъ заняться изученіемъ и избирать фермерскую профессію. По ея мнѣнію, дѣятельность женщинъ въ этомъ направленіи можетъ быть очень плодотворна, въ особенности въ Англіи, гдѣ то, что она называетъ «la petite culture», находится въ полномъ пренебреженіи. Въ Англіи, говоритъ г-жа Кроуфордъ, относятся довольно пренебрежительно къ мелкимъ родамъ промышленности, при помощи которыхъ нельзя составить крупныхъ состояній, но которыя тѣмъ не менѣе много способствуютъ улучшенію быта рабочихъ классовъ. Къ числу такихъ именно мелкихъ родовъ промышленности принадлежитъ и фермерская профессія. Г-жа Кроуфордъ провела

*

передъ этимъ нѣсколько времени въ Бельгіи, гдѣ она спеціально занималась изученіемъ соціальныхъ условій въ городѣ и деревнѣ и ближе познакомилась со способами утилизаціи женскаго труда въ области сельскаго хозяйства. Фермерство въ Бельгіи составляетъ одну изъ профессій, особенно излюбленныхъ женщинами, и открываетъ имъ довольно обширное поле дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что Бельгія очень много выиграла отъ того, что бельгійскія женщины не пренебрегаютъ сельскимъ хозяйствомъ и серьезно изучаютъ его, избирая эту профессію. Вообще фламандскія женщины обнаруживаютъ большія способности къ такимъ занятіямъ, а къ услугамъ желающихъ устроены прекрасныя техническія сельскохозяйственныя школы и коллегіи и, кромѣ того, лѣтомъ, въ разныхъ сельскихъ округахъ, открываются даровые курсы земледѣлія и сельскаго хозяйства. Практическій курсъ продолжается обыкновенно не дольше трехъ лѣтъ и къ занятіямъ допускаются лишь дѣвушки, которымъ исполнилось уже 15 лѣтъ; для маленькихъ же дѣвочекъ устроены элементарныя школы, откуда уже онѣ, по прошествіи извѣстнаго курса, поступаютъ въ коллегію, гдѣ начинается практическое изученіе сельскаго хозяйства, въ полѣ, огородѣ, принадлежащемъ коллегіи, и на образцовой фермѣ, гдѣ дѣвушки обучаются молочному хозяйству и сыроваренію и т. п. Выходя изъ этой коллегіи, дѣвушки уже настолько подготовлены, что могутъ смѣло стать во главѣ какого-нибудь крупнаго сельскохозяйственнаго предпріятія. Бельгійскіе фермеры, говоритъ г-жа Кроуфордъ, чрезвычайно охотно отдаютъ своихъ дочерей въ эти коллегіи и это раціональное воспитаніе въ огромной степени способствуетъ развитію и подъему сельскаго хозяйства въ Бельгіи.

Въ «Review of Reviews» описывается замѣчательное учрежденіе—«коллегія слѣпыхъ» въ Норвудѣ, во главѣ которой стоитъ докторъ Кэмпбелль, тоже слѣпой. Авторъ, посѣтившій эту коллегію, былъ пораженъ ея благоустройствомъ и результатами ея дѣятельности. Благодаря цѣлесообразному воспитанію, которое получаютъ слѣпые въ этой коллегіи, они выходятъ оттуда далеко не такими безпомощными, какъ были раньше, и въ состояніи бываютъ сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, не нуждаясь въ подачкѣ. Докторъ Кэмпбелль, лишившійся зрѣнія въ очень раннемъ возрастѣ, по собственному опыту знаетъ, какъ трудно существованіе слѣпого, и поэтому принимаетъ очень близко къ сердцу судьбу своихъ товарищей по несчастію. Благодаря его неусыпнымъ заботамъ и труду коллегія достигла высокой степени процвѣтанія и слѣпые, окончившіе въ ней курсъ наукъ, всегда находятъ занятія, дающія имъ средства къ жизни. Кэмпбелль, самъ бывшій учителемъ музыки, обращаетъ, главнымъ образомъ, вниманіе на развитіе музыкальныхъ способностей и музыкальнаго слуха у слѣпыхъ, справедливо находя, что это можетъ служить имъ наибольшимъ рессурсомъ въ жизни. Дѣйствительно, изъ 260 человѣкъ, уже окончившихъ курсъ этой коллегіи, огромное большинство получило занятія въ качествѣ органистовъ, настройщиковъ, учителей пѣнія и музыки, регентовъ хора и т. п. Кромѣ музыки, слѣпымъ преподаются различныя ремесла и науки и они обучаются чтенію и письму. Очень много вниманія обращается на физическія упражненія. При коллегіи находится прекрасно устроенный гимнастическій залъ, снабженный всѣми нужными аппаратами для производства гимнастики. Паркъ, окружающій коллегію, изобилуетъ широкими площадками, устроенными такимъ образомъ, чтобы слѣпые могли безопасно проходить по нимъ, не натыкаясь на какой-нибудь предметъ. На озерѣ, въ паркѣ, организуются катанія на лодкахъ и слѣпые отлично гребутъ и научаются очень ловко управлять лодкой, также какъ ѣздить на велосипедѣ, конечно, только по знакомой дорогѣ. Вообще вся система воспитанія въ этомъ «царствѣ слѣпыхъ» заключается въ томъ, чтобы развивать у слѣпыхъ до высокой степени совершен-

ства всѣ остальныя чувства, такъ чтобы они могли замѣнить имъ до нѣкоторой степени чувство зрѣнія, котораго у нихъ не достаетъ. Самъ докторъ Кэмпбелль можетъ служить наилучшимъ примѣромъ того, какой высокой степени совершенства можно достигнуть въ этомъ отношеніи. Онъ всегда обходится безъ чужой помощи и движенія его до такой степени увѣрены, что не зная его недостатка, трудно догадаться, что онъ слѣпой. Тиндаль, слышавшій много о немъ и встрѣтившійся съ нимъ однажды въ Альпахъ, былъ настолько пораженъ увѣренностью, съ которою онъ шелъ по тропинкѣ, что, взялъ его за руку и спросилъ: «Да вы дѣйствительно слѣпой или же только представляетесь?» Кэмпбелль—единственный слѣпой, совершившій восхожденіе на Монбланъ.

Мысль объ устройствѣ образцовой коллегіи для слѣпыхъ зародилась у Кэмпбелля давно и была, такъ сказать, любимою идеей его жизни, но онъ долго не могъ привести ее въ исполненіе за недостаткомъ средствъ. Уроженецъ южныхъ штатовъ, докторъ Кэмпбелль въ молодости подвергся преслѣдованію за участіе въ аболиціонистскомъ движеніи и даже былъ приговоренъ къ повѣшенію по подозрѣнію въ измѣнѣ, но приговоръ этотъ былъ отмѣненъ въ послѣднюю минуту—рабовладѣльцы постѣснились повѣсить слѣпого и Кэмпбелль, уложивъ свои скромныя пожитки, отправился съ женою и дѣтьми въ изгнаніе. Сначала ему жилось очень трудно и онъ едва зарабатывалъ на пропитаніе своими уроками музыки, но потомъ счастье улыбнулось ему и онъ получилъ хорошее мѣсто въ Бостонѣ, гдѣ ему было поручено завѣдываніе музыкальными классами въ институтѣ Перкинса. Тутъ, въ Бостонѣ, у него зародилась впервые идея образцовой коллегіи для слѣпыхъ и онъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, отправился въ Европу, чтобы познакомиться съ существующими тамъ институтами для слѣпыхъ. Эта поѣздка была рѣшительной въ его жизни. Ему удалось найти въ Англіи людей, заинтересовавшихся его идеей и помогшихъ ему начать дѣло. Опытъ сначала произведенъ былъ въ очень небольшихъ размѣрахъ; нѣсколько человѣкъ доставили Кэмпбеллю нужныя средства для устройства нормальной школы для слѣпыхъ, а затѣмъ изъ этой школы, результаты которой сразу обратили на себя вниманіе, разрослась прекрасная коллегія, вмѣщающая болѣе 200 слѣпыхъ дѣтей обоего пола и облегчающая дальнѣйшее существованіе и возможность обходиться безъ чужой помощи въ жизни.

Коллегія состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: элементарная школа, гдѣ ученики получаютъ первоначальное образованіе и обучаются музыкѣ; средняя школа, гдѣ проходится курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; техническая школа музыкальнаго искусства и ремесленные классы; консерваторія и высшая коллегія. Кэмпбелль, несмотря на свой уже преклонный возрастъ, продолжаетъ съ такою же энергіей, какъ и прежде, начатое дѣло и говоритъ, что его огорчаетъ больше всего невозможность помочь всѣмъ слѣпымъ и что, его коллегія не могущая вмѣстить больше 200 человѣкъ, составляетъ лишь каплю въ этомъ морѣ бѣдствій.

Что такое карикатура и какую роль она играетъ въ современной жизни? «Revue des deux Mondes» посвящаетъ этимъ вопросамъ длинную статью, авторъ которой разсматриваетъ значеніе современной карикатуры и ея вліяніе на политическую жизнь страны. Можетъ ли карикатура, изобразивъ въ смѣшномъ видѣ какого-нибдь могущественнаго человѣка, лишить его всякаго престижа въ глазахъ толпы, заставивъ эту толпу смѣяться надъ нимъ? По мнѣнію автора статьи, Роберта де-ля-Сизеранна, современныя карикатуры далеко не всегда возбуждаютъ смѣхъ, да и не стремятся къ этому. Цѣль ихъ, въ большинствѣ случаевъ, иная. Въ древности карикатура дѣйствительно всегда имѣла цѣлью осмѣять кого-нибудь или представить въ смѣшномъ видѣ какое нибудь обще-

ственное событіе и т. п. Чтобы обратить вниманіе на какое-нибудь лицо карикатура, увеличивала его недостатки, изображала его въ смѣшномъ видѣ. Если и теперь карикатуристы прибѣгаютъ иногда къ такому же способу, то все же въ большинствѣ случаевъ они не стремятся вызвать смѣхъ толпы, а только стремятся представить въ образахъ, болѣе доступныхъ толпѣ, извѣстную идею или изобразить и охарактеризовать извѣстное настроеніе. Огромное большинство современныхъ карикатуръ не только не возбуждаетъ смѣха, но скорѣе даже вызываетъ горькое чувство въ душѣ, вродѣ, напримѣръ, слѣдующей карикатуры Форена, изображающей витрину булочника, за которою виднѣются два хлѣба и находится подпись: «Лавка рѣдкостей въ Кармо». Если вспомнить, что это было во время знаменитой стачки въ Кармо, то идея карикатуры становится понятной. Но такая карикатура, конечно, не разсчитана на то, чтобы вызывать смѣхъ толпы, также какъ и та, которая изображала прогулку парижанина въ время осады Парижа, объясняющаго своему маленькому сыну, что пруссаки пускаютъ фейерверкъ.

Современный карикатуристъ, говоритъ Сизеранъ, не можетъ быть причисленъ ни къ моралистамъ, ни къ философамъ и не можетъ считаться опаснымъ противникомъ или борцомъ за народное дѣло. Онъ не можетъ ниспровергнуть престолы и не можетъ заставить толпу смѣяться, но разъясняетъ ей извѣстные вопросы и соціальные и политическіе взгляды, представивъ ихъ въ доступной ея пониманію формѣ, которую она легче можетъ усвоить. Въ Америкѣ лучше всего умѣютъ пользоваться карикатурой для этихъ цѣлей. Чтобы представить толпѣ преимущества биметаллизма, его изображаютъ въ комическихъ рисункахъ въ видѣ зрячаго рядомъ съ кривымъ на одинъ глазъ монометаллизмомъ. Карикатура представляетъ лучшій способъ изображенія абстрактныхъ идей для усвоенія ихъ толпой. Въ Америкѣ нѣтъ ни одного экономическаго, финансоваго, нравственнаго и политическаго тезиса, который не былъ бы графически представленъ толпѣ. Для народа, для толпы карикатура въ современную эпоху становится опять тѣмъ, чѣмъ она была въ самомъ началѣ своего возникновенія, т. е. поученіемъ. Эту роль современная карикатура исполняетъ вездѣ и надо отдать ей справедливость—исполняетъ хорошо, такъ какъ это несомнѣнно лучшій способъ представить толпѣ въ конкретной формѣ абстрактную идею, всегда трудно ею усваиваемую.

Берлинскія студентки.

(Письмо изъ Берлина).

I.

Въ берлинскомъ университетѣ женщины допущены къ слушанію лекцій уже болѣе двухъ лѣтъ. Къ имматрикуляціи же, съ которой пріобрѣтаются разнообразнѣйшія права дѣйствительныхъ студентовъ, онѣ, однако, еще до сихъ поръ не допускаются и числятся въ университетѣ, какъ «гостьи-слушательницы» («Gastzuhörerinnen»).

Вначалѣ допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій было обставлено цѣлымъ рядомъ формальностей: будущая студентка должна была заручиться прежде всего разрѣшеніемъ министра народнаго просвѣщенія, потомъ ректора университета, и наконецъ каждаго изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, лекціи которыхъ она собиралась слушать. Для каждаго семестра требовалось особое разрѣшеніе отъ ректора.

Таковы были правила относительно университетскихъ «слушательницъ-гостей»

до 1897 года, до ректорства либеральнаго профессора Густава Шмоллера, сторонника университетскаго образованія женщинъ.

Со вступленіемъ профессора Г. Шмоллера на почетный и отвѣтственный ректорскій постъ, «женскій вопросъ» въ берлинскомъ университетѣ вступилъ въ новую фазу своего развитія и, относительно говоря, болѣе или менѣе разрѣшенъ, хотя еще и не вполнѣ. Теперь, то-есть съ октября 1897 года, были выработаны новыя, болѣе упрощенныя правила относительно пріема женщинъ въ берлинскій университетъ. Новыми правилами нѣсколько упрощалось дѣло, хотя и теперь непріятныхъ мытарствъ достаточно. Согласно послѣднимъ статутамъ, дѣйствующимъ до настоящаго времени, кандидатка сначала должна явиться въ университетскій попечительный совѣтъ и исходатайствовать себѣ письменное разрѣшеніе на посѣщеніе университета. Въ прошеніи къ попечительному совѣту должны быть обозначены тѣ отрасли научнаго знанія, по которымъ кандидатка намѣревается слушать лекціи. При этомъ должны быть приложены оффиціальное свидѣтельство объ окончаніи предварительнаго курса образованія и легитимаціонныя бумаги. Кромѣ того, иностранки должны представлять свои паспорты. Русскія же подданныя вмѣстѣ съ послѣдними еще должны представлять полицейское свидѣтельство за подписью президента берлинской полиціи о разрѣшеніи имъ жительства въ Берлинѣ. Съ полученіемъ согласія отъ попечительнаго совѣта слѣдуетъ представленіе ректору университета и новое ходатайство о разрѣшеніи посѣщать лекціи. Затѣмъ, наступаетъ необходимость представленія каждому изъ гг. профессоровъ и приватъ-доцентовъ, у которыхъ кандидатка намѣревается слушать лекціи, и ходатайства передъ ними о допущеніи на послѣднія. Если гг. лекторы,—которыхъ теперь необязательно посѣщать на ихъ частныхъ квартирахъ, а можно переговорить съ ними въ университетѣ,—благосклонно согласятся на это, то кандидатка-просительница должна взять отъ каждаго изъ нихъ письменное удостовѣреніе объ этомъ. Съ полученіемъ письменныхъ разрѣшеній отъ ректора и лекторовъ просительница должна отправиться въ университетскую «квестуру» и въ выданномъ ей особомъ листикѣ («Anmeldebuch») записать взятыя ею лекціи и уплатить за нихъ соотвѣтствующій гонораръ и, кромѣ того, 8 марокъ за «Erlaubnisschein» и «Auditoriengelder». Разрѣшеніе на право посѣщенія университета необходимо брать отъ ректора для каждаго семестра.

Что же касается достаточности оффиціальныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи предварительнаго курса образованія просительницъ, то это рѣшаетъ обыкновенно ректоръ университета. За время ректорства профессора Шмоллера признавались достаточными свидѣтельства: 1) объ окончаніи курса ученія, въ такъ-называемыхъ «высшихъ Töchterschulen»; 2) о сдачѣ экзамена на званіе учительницы и 3) о предварительномъ посѣщеніи какого-нибудь другого университета. Изъ этого общаго правила просвѣщенный и гуманный профессоръ Г. Шмоллеръ допускалъ, впрочемъ, иногда исключенія. Такъ, напримѣръ, отъ кандидатокъ-просительницъ, заявившихъ себя болѣе или менѣе удовлетворительной литературной или художественной дѣятельностью, онъ не требовалъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ о предварительномъ образованіи и прямо давалъ имъ доступъ въ университетъ. Отъ кандидатокъ изъ русскихъ подданныхъ, требовались университетскимъ начальствомъ свидѣтельства или объ окончаніи россійской женской гимназіи, или епархіальнаго 6-ти-класснаго училища, или, наконецъ, о сдачѣ экзамена на учительницу. Также оказывались дѣйствительными свидѣтельства объ окончаніи женскихъ институтовъ, дающихъ учительскія права, и, само собою разумѣется, высшихъ бестужевскихъ курсовъ. Кандидатки, представлявшія только *одни* свидѣтельства объ окончаніи тѣхъ или другихъ спеціальныхъ среднихъ и низшихъ курсовъ и школъ, какъ, напримѣръ, акушерскихъ, фельдшерскихъ и зубоврачебныхъ, не получали доступа въ университетъ.

II.

Доступъ женщинамъ въ берлинскій университетъ открылся нѣсколько случайно и неожиданно. Это произошло въ 1896 году: восемь молодыхъ дамъ, учившихся на гимназическихъ курсахъ Fräulein Елены Ланге, явились въ одну изъ испытательныхъ коммиссій и сдали тамъ соотвѣтствующій экзаменъ (Abiturientenexamen) на ряду съ прочими экзаменовавшимися молодыми людьми, а затѣмъ представили полученныя ими свидѣтельства въ университетскій попечительный совѣтъ съ просьбою о допущеніи въ университетъ къ слушанію лекцій. Такой энергичный и невиданный маневръ привелъ университетское начальство въ большое смущеніе и затрудненіе: въ старыхъ университетскихъ статутахъ подобный прецедентъ не былъ предусмотрѣнъ, хотя тамъ говорится, что правомъ посѣщенія университета пользуются лица, выдержавшія извѣстныя предварительныя испытанія. Но такъ или иначе, прецедентъ случился, и жизнь настойчиво требовала разрѣшенія возникшаго вопроса. Судили-рядили и въ результатѣ рѣшили остановиться на компромиссѣ: допустить энергичныхъ и смѣлыхъ кандидатокъ въ университетъ на правахъ «гостей-слушательницъ». Такъ и сдѣлали.

Принятыя въ университетъ женщины тотчасъ же нашли себѣ подражательницъ. Въ результатѣ, въ берлинскомъ университетѣ, въ зимній семестръ 1896 года уже было 95 «Gastzuhörerinnen». Далѣе, съ каждымъ семестромъ, число женщинъ-студентокъ берлинскаго университета все возрастало и увеличивалось. Во время слѣдующаго лѣтняго семестра 1897 года ихъ было уже 114; во время зимняго семестра 1897—1898 года—188, и, наконецъ, во время только-что истекшаго лѣтняго семестра 1898 г.—88 слушательницъ.

По національному составу берлинскія студентки представляютъ крайнее разнообразіе. Приведемъ здѣсь оффиціальныя статистическія данныя о національномъ составѣ берлинскихъ студентокъ зимняго семестра 1897—1898 года: 43 берлинки, 64 изъ Германіи вообще, 5 изъ Австро-Венгріи, 37 изъ Россіи (въ это общее число входитъ: русскія, польки, армянки, еврейки, причемъ, послѣднія составляютъ преобладающій контингентъ), 26 изъ Америки, 7 изъ Англіи, 2 изъ Франціи и по одной студенткѣ изъ Швейцаріи, Голландіи, Финляндіи и Болгаріи. Въ отношеніи религіи среди берлинскихъ студентокъ наблюдается не меньшее разнообразіе.

По общественно-классовому положенію берлинскія студентки также подраздѣляются на нѣсколько группъ. Само собою разумѣется, что подавляющее большинство изъ нихъ принадлежитъ къ имущественнымъ и господствующимъ классамъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онѣ группировались въ этомъ отношеніи во время зимняго семестра 1897—1898 года: 45 дочерей купцовъ, 11—фабрикантовъ, 8—рантье, 20—помѣщиковъ, 8—священниковъ, 11—юристовъ (судей, адвокатовъ, прокуроровъ и т. п. лицъ изъ юридическо-служебнаго міра), 5—врачей и аптекарей, 3—университетскихъ профессоровъ, 3—министерскихъ совѣтниковъ, 9—офицеровъ, 1—фортсмейстера, 12—почтовыхъ и полицейскихъ чиновниковъ, 1—пароходнаго капитана, 3—инженеровъ и архитекторовъ, 5—писателей, 5—школьныхъ директоровъ, 9—оберъ-учителей гимназій и, наконецъ, 1—дочь завѣдующаго мастерской.

По образованію среди берлинскихъ студентокъ наблюдается цѣлая градація: здѣсь есть и окончившія, такъ называемыя, «höheren Töchterschule», и выдержавшія извѣстный экзаменъ на учительницу, и имѣющія дипломы изъ «Viktoria-Lyceum» или реальныхъ и гимназическихъ курсовъ, а также въ женскихъ гимназіяхъ и колледжахъ, много сдавшихъ «Abiturienten-Prüfung» или «Zulassungsexamen» для посѣщанія университета, и, наконецъ,—нѣсколько женщинъ, уже получившихъ ученую степень доктора юриспруденціи и т. п.

Возрастъ берлинскихъ студентокъ самый разнообразный, начиная съ 17-ти лѣтъ и кончая 60-ю. Такъ, во время зимняго семестра 1897—1898 г. была одна студентка-слушательница 62 лѣтъ, пять дамъ между 50—55 годами и одна юная болгарка 17½ лѣтъ.

Большинство берлинскихъ студентокъ незамужнія. Но среди нихъ есть также замужнія и вдовы. Во время зимняго семестра 1897—1898 года оффиціально было зарегистровано: 18 замужнихъ, 3 вдовы и 167 незамужнихъ студентокъ.

Въ настоящее время на всѣхъ факультетахъ берлинскаго университета имѣются студентки-слушательницы, а именно: на философскомъ, богословскомъ, юридическомъ и медицинскомъ. Берлинскія студентки изучаютъ почти всѣ отрасли научнаго знанія и посѣщаютъ почти всѣ читающіяся въ университетѣ лекціи.

Студентки-слушательницы не ограничиваются однимъ посѣщеніемъ лекцій, а записываются и въ такъ называемыя семинаріи. Въ филологической семинаріи во время зимняго 1897—1898 семестра и лѣтняго—1898 года работало по двѣ студентки. Въ семинаріяхъ политической экономіи г.г. профессоровъ Адольфа Вагнера и Густава Шмоллера также было по одной студенткѣ. Въ отдѣленіи германской семинаріи, у профессора литературы Эриха Шмидта работали двѣ дамы «госпитантки». Въ романской семинаріи, у проф. Тоблера была одна слушательница. Въ медицинской поликлиникѣ профессора Сенатора работала одна слушательница женщина-врачъ. Кромѣ того, студентки работали въ библіотекѣ института «für Alterthumskunde» и въ музеѣ «für Naturkunde». Отмѣтимъ кстати, что при выборѣ студентками тѣхъ или другихъ наукъ, ясно сказываются ихъ національныя черты и традиціи. Студентки-нѣмки занимаются, главнымъ образомъ, педагогикой, психологіей, нѣмецкой и общей литературой, исторіей искусствъ и музыкой. Нѣчто подобное наблюдается относительно англичанокъ. Американки предпочитаютъ болѣе практическія науки: юридическія, естественныя и, частью, филологическія. Наши соотечественницы, безъ различія національнаго происхожденія, занимаются въ берлинскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, общественно-государственными и философскими науками, причемъ, въ частности, такія науки, какъ политическая экономія, соціологія, исторія новой философіи, психологія и этика привлекаютъ ихъ особенное вниманіе. Исторія литературы, искусствъ, музыки стоитъ у нихъ на второмъ планѣ.

Студентки такъ же, какъ и студенты, среди многочисленныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ университета имѣютъ своихъ любимцевъ, лекціи которыхъ онѣ особенно охотно и добросовѣстно посѣщаютъ, слушаютъ и записываютъ. Къ подобнымъ любимцамъ прежде всего, конечно, относятся профессора-экономисты Адольфъ Вагнеръ и Густавъ Шмоллеръ, профессоръ литературы Эрихъ Шмидтъ, профессоръ классической литературы и культуры фонъ-Виламовичъ-Моллендорфъ, профессора философіи и психологіи Паульсенъ, Штумпфъ и Лассонъ, приватъ-доценты доктора Ястровъ, Зиммель и Фридландеръ. На лекціяхъ названныхъ лицъ всегда присутствуютъ около десятка и даже болѣе женщинъ-слушательницъ. Въ аудиторіяхъ профессоровъ Шмоллера, Вагнера, Паульсена, Штумпфа и Лассона присутствуютъ студентки различныхъ національностей и какая-либо изъ послѣднихъ особенно не выдѣляется. Иное дѣло наблюдается въ аудиторіяхъ профессора Эриха Шмидта и приватъ-доцентовъ Зиммеля, Ястрова и Фридландера. «Великолѣпнаго Эриха» слушаютъ, главнымъ образомъ, нѣмки и англичанки, также какъ д-ра Фридландера, читающаго исторію музыки. Ястровъ и Зиммель—любимцы, главнымъ образомъ, русскихъ студентокъ. На лекціяхъ Зиммеля по «Соціальной психологіи», «Исторіи новой философіи», «Этики», «Соціологіи» и «Логики» и доктора Ястрова о «Соціальной политикѣ», «Соціальномъ состояніи Германіи» и «Энциклопедіи общихъ госу-

дарственно-камеральныхъ наукъ» всегда присутствовали русскія студентки, почти въ полномъ составѣ, и своей численностью много превосходили присутствовавшихъ тутъ же слушательницъ другихъ націй.

Берлинскія студентки—очень прилежный, трудящійся народъ. Въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ многихъ и многихъ студентовъ и вполнѣ могутъ служить для послѣднихъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Подавляющее большинство студентокъ, не смотря ни на какую погоду, ни на послѣобѣденное, тяжелое для занятій время, являются на свои лекціи, внимательно прослушиваютъ и тщательно записываютъ ихъ. Среди студентокъ почти не наблюдается установившагося и широко распространеннаго среди студентовъ обычая являться только на нѣсколько первыхъ лекцій въ началѣ и послѣднихъ—въ концѣ семестра для полученія обязательной двойной подписи лектора въ «Anmeldebuch». Пропуски лекцій студентками бываютъ, сравнительно, рѣдки и, по всей вѣроятности, вызываются исключительными и вполнѣ уважительными обстоятельствами. Намъ приходилось наблюдать такіе примѣры, что студенткой въ продолженіи всего семестра не было пропущено ни одной лекціи. Сейчасъ намъ вспомнилась одна студентка, пожилая, совершенно уже сѣдая дама лѣтъ 55—60-ти, которая въ продолженіи истекшаго лѣтняго семестра добросовѣстно посѣтила и прослушала всѣ лекціи по психологіи профессора Паульсена, не пропустивъ ни одной. Въ этомъ отношеніи она оказалась на всю многочисленную аудиторію единственной въ своемъ родѣ.

Регулярно слушая лекціи въ университетѣ, студентки параллельно съ этимъ прилежно работаютъ въ королевской и университетской библіотекахъ.

Въ университетѣ, на первыхъ порахъ, студентки чувствовали себя нѣсколько неловко и держались не вполнѣ естественно и свободно. Но современемъ, по истеченіи двухъ-трехъ семестровъ, онѣ уже вполнѣ освоились со своимъ новымъ положеніемъ. За послѣднее же время, когда число студентокъ превышало сотню, онѣ держались уже болѣе или менѣе естественно и свободно.

На первыхъ порахъ между студентками не было особенно тѣсной связи и чего-либо объединяющаго ихъ. Но и въ данномъ случаѣ время сдѣлало свое и большинство студентокъ познакомились и объединились между собою. За послѣдніе же два семестра берлинскія студенки уже представляли собою корпорацію, имѣющую особый ферейнъ, такъ называемый «Verein Studierender Frauen».

Основанный 27-го ноября 1897 года, ферейнъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль и соотвѣтствующіе статуты. Цѣль его, какъ гласитъ § 1-й статутовъ,—объединеніе занимающихся въ берлинскомъ университетѣ женщинъ для преслѣдованія слѣдующихъ задачъ:

1) Содѣйствіе интересамъ учащихся женщинъ и ихъ общенію.

2) Содѣйствіе расширенію общаго образованія путемъ рефератовъ, дискуссій о научныхъ темахъ и вопросахъ времени.

3) Выдача свѣдѣній объ учащихся женщинахъ.

4) Товарищеское общеніе.

5) Основаніе фонда для стипендій активнымъ членамъ ферейна.

«Verein Studierender Frauen» состоитъ изъ активныхъ и пассивныхъ членовъ. Активные пользуются правомъ подачи голосовъ на общемъ собраніи и выбора въ члены правленія. Вступительный взносъ 5 марокъ въ семестръ.

«Verein Studierender Frauen», не смотря на свое, сравнительно, короткое существованіе, проявилъ уже много жизни и самодѣятельности. Въ теченіе зимняго 1897—1898 и лѣтняго 1898 г. семестровъ въ немъ состоялся цѣлый рядъ собраній и интересныхъ докладовъ-рефератовъ. Послѣдніе читались или членами ферейна, или же посторонними приглашенными лицами, въ большинствѣ случаевъ профессорами, приватъ-доцентами и докторами. Frl. Hornaffy, читала докладъ «объ интернаціональномъ ферейнѣ студентокъ въ Цюрихѣ»;

затѣмъ былъ рефератъ о «Фр. Нитчше и женщинахъ» Frl. Елены Штекеръ; рефератъ профессора D-r. Якоби «о законномъ имущественномъ состояніи по новому гражданскому законоположенію», и т. д., и т. д. Послѣ прочтенія реферата, обыкновенно, слѣдовали пренія и, въ заключеніе вечера—увеселительная часть. Пренія, въ большинствѣ случаевъ были оживлены. Возражали и вообще высказывались на ту или другую тему члены ферейна. Между говорившими публично нерѣдко встрѣчались хорошія ораторши—съ темпераментомъ, хорошимъ языкомъ и искусными ораторскими пріемами.

Собранія студентокъ происходятъ, какъ это вообще принято въ Германіи, въ ресторанѣ, въ одной изъ «Fereinzimmer» послѣдняго. Студентки сидятъ за столами, установленными въ рядъ, длинной вереницей. Передъ каждой изъ присутствующихъ стоитъ кружка съ пивомъ или бутылка съ зельтерской водой или лимонадомъ. Тотъ или другой напитокъ, это—неизбѣжное зло, устранить которое здѣсь никто не въ силахъ. Хозяинъ ресторана, отдавая на цѣлый вечеръ комнату, обязываетъ гостей спросить у него тѣхъ или другихъ напитковъ. Иначе за комнату нужно заплатить большія деньги. Данной старой традиціи не могутъ противиться и студентки-корпорантки и ихъ гости. Но многія изъ нихъ, не будучи большими охотницами до пива, прибѣгаютъ въ данномъ случаѣ къ спасительной зельтерской или лимонаду. Собранія студентокъ носятъ характеръ современныхъ научно-литературныхъ засѣданій. Они совершенно чужды столь широко распространенныхъ въ Германіи студенческихъ средневѣковыхъ традицій и церемоній. Правда, время отъ времени, на нихъ можно встрѣтить исполненіе традиціонной и крайне популярной и любимой студентами «саламандры». Но этотъ обычай «саламандры» исполняется не студентками, а ихъ гостями-коллегами. Послѣдніе, обыкновенно, въ концѣ собранія, во время «увеселительной части», желая выразить своимъ милымъ хозяйкамъ особое вниманіе, поднимаются съ мѣстъ и торжественно исполняютъ церемонію «саламандры». Единственно, что усвоилъ себѣ «Verein der Studierender Frauen» изъ студенческихъ обычаевъ, такъ это—общее пѣніе, широко распространенное на нѣмецкихъ студенческихъ корпоративныхъ собраніяхъ. На первыхъ порахъ «Verein der Stud. Frauen» въ этомъ отношеніи оказался нѣсколько въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ ни студенческія нѣмецкія пѣсни, ни даже классическое «Gaudeamus igitur» не вполнѣ соотвѣтствовали ихъ положенію. Необходима была своя студенческая пѣсня. Подобная пѣсня не замедлила появиться на свѣтъ. Одинъ изъ членовъ ферейна, Frl. Dr. Anita Augspurg, сочинила подходящую для студентокъ пѣсню и на общемъ собраніи 9-го февраля 1898 года предложила ее своимъ корпоранткамъ. Эта небольшая пѣсенка, поющаяся на мотивъ «Gaudeamus igitur»,—очень интересный документъ для нашего времени вообще и для общаго «женскаго движенія»—въ особенности. Въ виду этого, мы приводимъ здѣсь ее текстуально. Вотъ она:

Χαῖρε, Πάλλας Πρόμαχος!

Dir, Athena Promachos,
Heben wir die Hände,
Dir, Athena Promachos,
Fliesse unsre Spende!
Schwestern reicht die Hand zum Bunde,
Schwöret all aus einem Munde:
Freiheit, Wahrheit, festen Mut!
Hoch die heil'ge Wissenschaft!
Nieder mit den Schranken!
Bahn frei jeder rechten Kraft!
Freiheit dem Gedanken!

Menschenrechte, Menschenwürde,
Vollen Menschtums ganze Bürde
Sei hinfort auch unser Teil.
Dir Athena Promachos,
Folgen wir zum Streite.
Dröhnender Posaunenstoss
Halle in die Weite:
Dass dem Wust der alten Erde
Wiederum geboren werde
Sieghaft leuchtend junge Kraft.
Nehmet der Gerechtigkeit
Von dem Aug' die Binde,
Dass sie einer neuen Zeit
Neues Recht verkünde.
Nur was echt ist soll obsiegen,
Wass vermosrcht in Trümmer liegen,
Selbst der Blindheit werde Licht!
Ob sich uns aus aller Welt
Thorheit, Feigheit, Lüge
Und Gewalt entgegenstellt:
Auf, durch Kampf zum Siege!
Wahrt des Zukunft hehr'ste Güter,
Bleibt der heil'gen Flamme Hüter,
Χαῖρε, Πάλλας Πρόμαχος!

Переводъ.

Славься Аѳина-предводительница!

Къ тебѣ, Аѳина-предводительница,
Мы подымаемъ руки.
Тебѣ, Аѳина-предводительница,
Мы воздаемъ хвалы.
Сестры, соединяйтесь въ союзъ,
И воскликните, какъ одинъ человѣкъ:
Слава свободѣ, правдѣ, твердому мужеству!
Славься, святая наука!
Разобьемъ всѣ преграды!
Проложимъ путь для правой силы!
Слава свободѣ мысли.
За тобой, Аѳина-предводительница,
Мы идемъ на бой,
Угрожающій громъ литавръ
Уже слышенъ издалека.
Пусть на старой землѣ
Возродится снова
Побѣдная, молодая сила.
Снимите повязку
Съ глазъ у справедливости,
Чтобы она новому времени
Возвѣстила новую правду.
Правда должна побѣдить,
Устарѣвшее разсыпаться въ прахъ,
Даже слѣпота должна прозрѣть.
Хотя во всемъ мірѣ
Глупость, трусость и ложь
Противопоставятъ намъ свою силу,
Смѣло впередъ на борьбу.
Оберегайте высшія блага будущаго,
Будьте хранительницами священнаго огня!
Славься, Аѳина-предводительница!

III.

На первыхъ порахъ большинство берлинскихъ университетскихъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ отнеслось къ женщинамъ, добивавшимся доступа въ университетъ, далеко неблагосклонно. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ встрѣчали женщинъ прямо враждебно и нерѣдко отказывали имъ въ ихъ просьбахъ. Но среди университетскаго учебнаго персонала также нашлось не мало профессоровъ и приватъ-доцентовъ, которые, не говоря ни слова, тотчасъ же широко и радушно раскрыли передъ женщинами двери своихъ аудиторій. Ихъ консервативные коллеги относились къ этому неодобрительно и съ большимъ скептицизмомъ. Но, вотъ, проходитъ семестръ, другой. Студентки обнаруживаютъ массу прилежанія, труда, энергіи, прекрасной работоспособности и талантливости. И все это представляется ими наглядно, убѣдительно и неопровержимо. Скептицизмъ и косность у гг. ученыхъ мало-по-малу ослабѣваютъ. Проходитъ еще нѣкоторое время. Многіе изъ противниковъ женщинъ рѣшаются допустить ихъ въ свои аудиторіи, но пока, какъ они успокаиваютъ себя, только для пробы. Искусъ продолжается нѣкоторое время и удается, какъ нельзя лучше. Проходитъ еще семестръ. Теперь скептицизмъ и косность по отношенію къ женщинамъ окончательно исчезаютъ. Аудиторіи, семинаріи, лабораторіи и т. д. большинства профессоровъ и доцентовъ дѣлаются для женщинъ вполнѣ доступными. За послѣднее время даже такіе ярые противники допущенія женщинъ въ университетъ, какъ профессоръ русской исторіи д-ръ Шиманнъ, имѣютъ послѣднихъ въ своихъ аудиторіяхъ.

Впрочемъ, и до сихъ поръ нѣкоторые профессора продолжаютъ упорствовать, но они уже являются исключеніями. Напримѣръ, извѣстный профессоръ Гриммъ, объявляя на «черной доскѣ» о своихъ лекціяхъ, между прочимъ, приписалъ, что студентки-слушательницы не будутъ допускаться на его лекціи. Это заявленіе вызвало сенсацію, недоумѣніе и разговоры. Въ результатѣ всего этого профессоръ Г. Гриммъ вынужденъ былъ дать объясненіе своему veto, что онъ и сдѣлалъ на страницахъ «Nat. Zeitung».

Большинство гг. профессоровъ и доцентовъ, у которыхъ работали студентки, даютъ о нихъ очень хорошіе отзывы. Такъ, напримѣръ, профессора политической экономіи д-ръ А. Вагнеръ и д-ръ Г. Шмоллеръ въ своихъ отчетамъ за зимній (1896—1897 г.) семестръ отзываются о работавшихъ въ ихъ семинаріяхъ студенткахъ, какъ объ особо прилежныхъ и «хорошо образованныхъ по спеціальности». Такъ же хорошо отзывается о своихъ слушательницахъ профессоръ исторіи литературы, д-ръ Э. Шмидтъ. Въ своемъ отчетѣ за вышеназванный семестръ онъ говоритъ объ одной изъ своихъ слушательницъ (русской), работавшей у него въ германской семинаріи, что «ея рефераты были лучшіе» и, на ряду съ прочими студенческими работами, являлись «въ видѣ исключенія», «не въ примѣръ прочимъ». Въ недавно вышедшемъ отчетѣ за 1897—1898 университетскій учебный годъ мы также находимъ о студенткахъ слушательницахъ вполнѣ хорошіе отзывы гг профессоровъ. «Учащіяся женщины,—говорится въ этомъ отчетѣ,—занимались своими работами серьезно и разумно». Профессоръ англійскаго языка Brandl обращаетъ особенное вниманіе на прилежаніе работавшихъ подъ его руководствомъ въ англійской семинаріи студентокъ. Отзывы о студенткахъ профессоровъ д-ра А. Вагнера, д-ра Г. Шмоллера, д-ра Зеринга, д-ра Планка и др.—также самые лучшіе.

Бблышая часть студенчества держалась и держится въ сторонѣ отъ студентокъ-слушательницъ. Съ послѣдними входятъ въ общеніе немногіе, въ особенности, изъ нѣмецкихъ студентовъ. На первыхъ порахъ для юнаго, либеральствующаго нѣмецкаго студента пройтись съ женщиной студенткой по коридору университета составляло какъ бы нѣкотораго рода героическій подвигъ. На русскихъ, англійскихъ и американскихъ студентовъ-берлинцевъ, просто и

по-товарищески относящихся къ женщинамъ въ университетѣ, студенты-нѣмцы смотрѣли вначалѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже неодобреніемъ. Но, все это наблюдалось только на первыхъ порахъ—первый, второй семестръ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, большинство студенчества присмотрѣлось и привыкло къ женщинамъ-студенткамъ. Между прогрессивными студенческими ферейнами, какъ, напримѣръ, «Socialwissenschaftlichen Studentenverein» и «Freien Wissenschaftlichen Vereinigung», и «ферейномъ штудирующихъ женщинъ» мало-по-малу завязались хорошія товарищескія отношенія и дѣятельное общеніе. Названные ферейны приглашали студентокъ на свои очередныя собранія и, въ свою очередь, являлись на ихъ засѣданія. Мало того, «Socialwissenschaftlichen Studentlichenverein» любезно предоставилъ одной изъ студентокъ сдѣлать на одномъ изъ своихъ собраній докладъ. Лѣтомъ названными ферейнами иногда предпринимались общія увеселительныя прогулки.

Вообще, отношенія берлинскихъ студентовъ и студентокъ съ каждымъ днемъ все улучшаются и пріобрѣтаютъ болѣе нормальный и товарищескій характеръ въ лучшемъ смыслѣ слова. Даже закоренѣлые, покрытые шрамами бурши уже съ меньшей свирѣпостью смотрятъ на студентокъ и относятся къ нимъ съ благодушнымъ индиферентизмомъ или же снисходительно-покровительственными улыбочками. Пройдетъ еще семестръ, другой, третій и между студентами и студентками, безъ сомнѣнія, окончательно исчезнутъ всякія недоразумѣнія и шероховатости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Берлинская печать и общество относятся къ студенткамъ хорошо. Правда, на первыхъ порахъ, въ нѣкоторыхъ періодическихъ органахъ, въ особенности же юмористическихъ, по адресу берлинскихъ студентокъ допускались разнаго рода остроты и шуточки, но, съ теченіемъ времени, онѣ были оставлены. Въ общественной жизни Берлина студентки мало-по-малу пріобрѣтаютъ одинаковое положеніе со студентами. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ театрахъ имъ такъ же, какъ и студентамъ, предоставляются привилегіи въ видѣ уступокъ за мѣста и т. п.

Что же касается въ частности отношенія къ студенткамъ такъ называемаго берлинскаго образованнаго женскаго общества, то оно—вполнѣ сочувственныя. Нѣкоторыя изъ берлинскихъ дамъ принимаютъ, напримѣръ, дѣятельное участіе въ ферейнѣ берлинскихъ студентокъ. Затѣмъ открывшійся нынѣшней весной «женскій клубъ» любезно предложилъ студенткамъ въ ихъ распоряженіе всѣ свои удобства, причемъ, значительно понизилъ для нихъ членскій взносъ.

IV.

Допущеніе женщинъ къ имматрикуляціи и сдачѣ экзаменовъ на ученую степень доктора въ берлинскомъ университетѣ—только вопросъ времени. Безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ онъ разрѣшится вполнѣ благопріятно для женщинъ. Уже въ настоящее время имѣются нѣкоторые признаки этого. Такъ, напримѣръ, за послѣднее время, въ профессорской средѣ горячо и много обсуждался вопросъ о допущеніи женщинъ къ имматрикуляціи и характерѣ предварительнаго образованія женщинъ, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы духу и требованіямъ университетскихъ занятій. Большинство берлинскихъ профессоровъ ничего не имѣютъ противъ имматрикуляціи женщинъ, если послѣднія будутъ имѣть свидѣтельства объ окончаніи гимназическаго образованія. Послѣднее же они находятъ для имматрикуляціи безусловно необходимымъ. «Я считаю гимназическое образованіе,—говоритъ проф. Фёрстеръ,—необходимымъ и думаю, что при этомъ условіи допущеніе женщинъ къ имматрикуляціи не должно быть ограничено». Въ этомъ же смыслѣ высказываются профессора фонъ-Кауфманъ и Штумпфъ. Профессоръ Шуманнъ высказывается за одинаковое предваритель-

ное образованіе для обоихъ половъ, посѣщающихъ университетъ. По мнѣнію профессора Дилтей, дамы могутъ съ пользою слушать университетскія лекціи и безъ предварительнаго гимназическаго образованія, но для имматрикуляціи могутъ служить наилучшей гарантіей аттестаты зрѣлости. Профессора Паульсенъ и Дёрингъ ставятъ на обсужденіе вопросъ: какое образованіе должны имѣть женщины, т. е. образованіе, полученное въ реформированныхъ гимназіяхъ или же—въ реальныхъ. Профессоръ философіи и педагогики д-ръ Паульсенъ то и другое образованіе считаетъ одинаково цѣннымъ, причемъ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, классическое, гимназическое образованіе вовсе не необходимо. Вопросъ же о допущеніи женщинъ къ имматрикуляціи, по мнѣнію почтеннаго педагога-философа, даже не подлежитъ какому-либо серьезному обсужденію. Въ подобномъ же смыслѣ высказывается профессоръ Дёрингъ и многіе другіе профессора, въ томъ числѣ и профессора-теологи, какъ, напримѣръ, д-ръ Гарнакъ, д-ръ Рунце и другіе.

Противъ допущенія женщинъ къ экзаменамъ на ученую степень доктора берлинскіе профессора въ принципѣ также ничего не имѣютъ. Въ жизни берлинскаго университета за послѣднее время уже наблюдался прецедентъ допущенія женщины къ докторскому экзамену. Кандидатка философіи Fräulein Neumann, занимающаяся спеціально физикой, заявила философскому факультету о своемъ желаніи держать экзаменъ на докторскую степень. Факультетъ ничего не возразилъ противъ этого и допустилъ ее къ установленнымъ экзаменамъ.

Н. Вишневскій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О фальсификаціи пищи.

Кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что слово «фальсификація» обозначаетъ особые пріемы, при помощи которыхъ данный предметъ можно представить въ ложномъ свѣтѣ: плохой въ видѣ хорошаго, испорченный выдать за свѣжій? Собственно говоря, слово «фальсификація» равносильно слову «обманъ». Фальсификація получила особенно широкое развитіе въ торговлѣ, гдѣ господствуетъ правило, что покупатель долженъ заплатить какъ можно дороже, а продавецъ получить большій барышъ.

«Борьба за существованіе, — говоритъ профессоръ Эрисманъ въ первомъ отчетѣ московской городской санитарной станціи, — и стремленіе къ быстрой наживѣ, овладѣвшее всѣми слоями современнаго общества, наряду съ легкомысленнымъ отношеніемъ къ интересамъ ближняго и отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ принциповъ въ извѣстной средѣ — вотъ та почва, на которой выросло и широко развилось громадное и вѣтвистое дерево поддѣлки пищевыхъ продуктовъ и другихъ предметовъ потребленія. Съ удивительной энергіей и находчивостью умъ и изобрѣтательность человѣка работаютъ въ этой области беззаконія, въ которой для заинтересованныхъ лицъ нѣтъ ничего святого и гдѣ для достиженія корыстной цѣли одинаково пользуются и элементарнымъ эмпиризмомъ, и данными современной науки. Взмыленная до нельзя конкурренція, вмѣсто улучшенія качества предлагаемыхъ публикѣ продуктовъ, породила преступное стремленіе къ возможно дешевымъ поддѣлкамъ съ сохраненіемъ, насколько это достижимо, видимости натуральнаго товара».

Въ настоящее время фальсифицируются дешевые и дорогіе предметы, фальсифицируетъ умѣлый человѣкъ, употребляя тонкіе пріемы, фальсифицируетъ невѣжественный при помощи способовъ, которые легко распознаются мало мальски наблюдательнымъ человѣкомъ. Обманъ разливается все шире и шире, какъ бы стремясь на каждомъ шагу подтвердить извѣстную пословицу: не обманешь, не продашь.

Фальсификація приняла въ торговлѣ такіе размѣры, что покупатель смотритъ съ сомнѣніемъ на каждый предметъ, подозрѣвая обманъ. Покупая, онъ почти всегда бываетъ убѣжденъ, что данная вещь не отличается тѣми свойствами, за которыя ручается торговецъ. Сильно развитая подозрительность покупателя и обманъ, господствующій въ торговлѣ, создаютъ такую нравственную атмосферу, которая дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на все общество. Потому борьба съ фальсификаціей представляетъ не только вопросъ сохраненія физическаго здоровья населенія, но и вопросъ поднятія его нравственнаго уровня. Уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе фальсификаціи повлечетъ за собой соотвѣтственное уменьшеніе обмана и подозрительности въ обществѣ, освѣженіе душной атмосферы взаимнаго недовѣрія.

Дѣйствуя пагубно на нравственность и физическое здоровье населенія, фальсификація неблагопріятно отражается и на кошелькѣ потребителей. При суще-

ствующихъ условіяхъ послѣдніе должны тратить больше на свое содержаніе, нежели они тратили бы въ противоположномъ случаѣ. Взявъ, напр., для ребенка полъ-литра цѣльнаго молока и предполагая, что въ немъ содержится по крайней мѣрѣ 3% жира, потребитель въ концѣ-концовъ убѣждается, что даннаго количества недостаточно, такъ какъ въ немъ всего только 2% жира. Вслѣдствіе этого приходится покупать большее количество и питаніе ребенка обходится дороже.

Цѣль настоящей статьи выяснить, какая фальсификація пищевыхъ веществъ наиболѣе распространена въ нашихъ большихъ городахъ, и тѣмъ установить болѣе правильный взглядъ на существующее положеніе вещей. Публика часто подозрѣваетъ фальсификацію тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и даже вызываетъ ее своими неосновательными требованіями, не обращая вниманія на то, что дѣйствительно приноситъ вредъ нашему здоровью.

Фальсификація пищи обыкновенно состоитъ въ прибавленіи къ различнымъ съѣстнымъ продуктамъ веществъ, придающихъ имъ естественный видъ и скрывающихъ ихъ недостатки. Но не всегда подобное прибавленіе можно назвать фальсификаціей. Въ коровье масло обыкновенно кладется поваренная соль съ цѣлью дольше сохранить его свѣжесть. Но подобную прибавку мы не назовемъ фальсификаціей, если соль находится въ маслѣ только въ такомъ количествѣ, которое необходимо для данной цѣли. Если же количество будетъ чрезмѣрно велико, то это будетъ уже фальсификація. Не всегда также можно отличить умышленную фальсификацію отъ небрежнаго или неумѣлаго приготовленія пищевыхъ веществъ. Значительная примѣсь песку, отрубей и сорныхъ травъ къ мукѣ можетъ зависѣть отъ умышленной фальсификаціи и отъ небрежнаго и неумѣлаго приготовленія ея: зерно было плохо очищено, жернова слишкомъ мягки и давали слишкомъ много песку и крупную муку и проч. Въ виду этого мы будемъ здѣсь употреблять не только слово *фальсификація*, но и слово *недоброкачественный*.

Фальсификація пищевыхъ веществъ съ цѣлью увеличенія ихъ вѣса или объема, часто совершается на счетъ такихъ примѣсей, которыя находятся въ нихъ въ натуральномъ видѣ. Напр., въ мукѣ всегда находится извѣстное количество отрубей и песку. Желая увеличить ея вѣсъ, фальсификаторъ прибавляетъ гораздо больше вышеупомянутыхъ веществъ, нежели это бываетъ обыкновенно. Въ молокѣ всегда есть вода, и огромное большинство его фальсификацій состоитъ въ прибавленіи воды.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ пищу прибавляются вещества, которыя не причиняютъ прямого вреда потребителю, а только обманываютъ его въ качествѣ. Но нерѣдко фальсификація производится при помощи веществъ, которыя по отношенію къ человѣческому организму играютъ роль яда. Чтобы выяснить вопросъ, какого рода фальсификація наиболѣе распространена въ нашихъ большихъ городахъ, мы будемъ пользоваться отчетами городскихъ лабораторій, устроенныхъ для изслѣдованія различныхъ предметовъ потребленія. Начнемъ съ самаго необходимаго для населенія пищеваго вещества—съ хлѣба и муки.

Фальсификація муки состоитъ въ примѣси къ ней вредныхъ и безвредныхъ веществъ. Изъ первыхъ мы назовемъ спорынью, куколь, плевелы, мѣдный или цинковый купоросъ и известь. Сравнительно безвредными будетъ содержаніе большого количества песку, отрубей и воды, прибавленіе болѣе дешевыхъ сортовъ муки къ болѣе дорогой. Иногда фальсификаторъ къ испорченной мукѣ прибавляетъ свѣжей. Въ торговлѣ этотъ способъ носитъ названіе *сдабриванія*.

Для лицъ, которыя незнакомы съ вреднымъ дѣйствіемъ такихъ примѣсей, какъ спорынья, куколь и плевелы, мы приводимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія.

Продолжительное употребленіе хлѣба, въ которомъ спорынья содержится

даже въ незначительномъ количествѣ (0,2—0,5%), нерѣдко вызываетъ серьезныя заболѣванія, которыя проявляются въ видѣ судорогъ — «злая корча», или въ видѣ омертвѣнія пальцевъ ногъ и даже обѣихъ нижнихъ конечностей. Прежде эпидеміи «злой корчи» въ Россіи бывали довольно часто, но и теперь иногда они развиваются у насъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ 1889—1890 гг. въ Нолинскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, была большая эпидемія «злой корчи», и заболѣваніе нерѣдко оканчивалось смертью. Спорынья чаще всего встрѣчается во ржи и рѣдко въ пшеницѣ и ячменѣ.

Хлѣбъ съ примѣсью опьяняющаго плевела вызываетъ тошноту, рвоту, головокруженіе, дрожаніе всѣхъ членовъ, судороги, а иногда параличъ и даже смерть. Что касается куколя, то достаточно съѣсть его въ количествѣ 2—3 грам., чтобы появилось раздраженіе слизистой оболочки зѣва, бронховъ и желудка. Куколь особенно удобно подмѣшивать къ мукѣ, такъ какъ при перемалываніи онъ дастъ снѣжно-бѣлое вещество, прибавленіе котораго придаетъ мукѣ лучшій видъ. Фальсификація муки сѣменами сорныхъ травъ чаще всего практикуется мелкими торговцами, которые скупаютъ ихъ на мельницахъ, перемалываютъ въ порошокъ и затѣмъ прибавляютъ къ мукѣ.

Судя по даннымъ, полученнымъ въ аналитическихъ лабораторіяхъ, въ нашихъ большихъ городахъ мука чаще всего бываетъ недоброкачественной, вслѣдствіе большого содержанія отрубей и песку. Нерѣдко въ ней встрѣчаются и вредныя примѣси. Въ 1892 г. въ Петербургѣ было изслѣдовано 59 пробъ ржаной муки. Въ девяти случаяхъ было обнаружено присутствіе спорыньи, количество которой одинъ разъ достигало 1%. Сорныя травы были найдены въ 15 образцахъ. Одинъ разъ въ мукѣ былъ и куколь. Шестнадцать образцовъ содержали жерновой песокъ въ количествѣ, превышающемъ норму. Во многихъ пробахъ муки, изслѣдованныхъ въ Петербургской городской лабораторіи въ 1892 г., количество отрубей колебалось между 10,9—12,5 ф. на пудъ, тогда какъ хорошая мука должна содержать ихъ не болѣе 7—8 ф. на пудъ. Одна проба муки состояла изъ пшеничныхъ отрубей съ примѣсью кукурузной муки. Одна состояла главнымъ образомъ изъ кукурузы и одна содержала 28% пшеничныхъ отрубей.

Относительно московской муки профессоръ Эрисманъ замѣчаетъ, что мука, употребляемая московскими пекарями, должна считаться довольно грубой, плохо отсѣянной и содержащей много отрубей (28—31%). Въ 1891 г. въ московской лабораторіи было изслѣдовано 13 пробъ муки. Въ двухъ нашлась спорынья, въ пяти сѣмена сорныхъ травъ (куколь, плевелы и вьюнъ), въ одномъ случаѣ была найдена примѣсь овса.

Въ Кіевѣ мука, повидимому, нѣсколько лучшаго качества. Такъ 13 пробъ ржаной муки, изслѣдованной въ городской лаборагоріи въ 1893 г., не содержали примѣси сорныхъ травъ и чрезмѣрнаго количества жернового песку. Мука была достаточно свѣжая и сухая. Только въ одномъ случаѣ количество отрубей достигало 15 ф. на пудъ. Въ общемъ кіевская санитарная станція пришла къ заключенію, что мука, употребляемая въ кіевскихъ пекарняхъ, довольно удовлетворительнаго качества. Относительно муки, употребляемой въ уѣздѣ, станція пришла къ менѣе утѣшительнымъ выводамъ. Изслѣдованіе девяти пробъ, присланныхъ на станцію изъ уѣзда, показало, что три изъ нихъ были съ значительнымъ количествомъ куколя, а шесть состояли изъ отбросовъ, остающихся послѣ очистки зерна. Въ послѣднихъ образцахъ было все: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо, куколь, головня, ржавчина, личинки мучного жучка и проч. Кромѣ того, мука была совершенно испорченная.

Послѣдній примѣръ намъ показываетъ, что если въ большихъ городахъ продавцы усердно занимаются фальсификаціей, то и въ уѣздахъ безъ этого не обходится, причемъ фальсификація проявляется въ болѣе грубой и примитив-

ной формѣ. Подобное явленіе мы встрѣтимъ и далѣе, при описаніи фальсификаціи другихъ пищевыхъ веществъ.

Переходя къ фальсификаціи хлѣба, мы предварительно приведемъ описаніе свойствъ хорошаго хлѣба. Верхняя корка хорошаго хлѣба должна образовать высоко и хорошо приподнятый сводъ, свѣтло или темнокоричневаго цвѣта, безъ надрывовъ и горькаго вкуса. При постукиваніи пальцемъ на противоположной сторонѣ долженъ слышаться ясный и не притупленный звукъ. Мякишъ хлѣба при разрѣзѣ долженъ представлять равномѣрную, рыхлую, ноздревато-губчатую поверхность, безъ слишкомъ большихъ и неравномѣрныхъ выемокъ. Мякишъ долженъ быть пріятнаго вкуса и запаха и настолько эластиченъ, чтобы вдавленіе, произведенное пальцемъ, мало-по-малу выравнялось. Въ немъ не должно быть мучныхъ или иныхъ комковъ и не долженъ слышаться хрустъ при жеваніи. Въ хорошо пропеченномъ ржаномъ хлѣбѣ количество воды не должно превышать 45% по Lehmann'у, и 42,7% по Кёнигу.

Таковы свойства хорошаго хлѣба. Сравнивая съ ними хлѣбъ нашихъ большихъ городовъ, мы прежде всего поражаемся чрезмѣрнымъ количествомъ воды, въ немъ находящейся. У насъ сплошь и рядомъ встрѣчается хлѣбъ, въ которомъ содержится 48—50%, а иногда и 52,5% воды, или иными словами хлѣбъ непропеченный. Въ 1892 г. въ петербургской лабораторіи было изслѣдована 31 проба хлѣба. Изъ нихъ 12 были плохо выпечены. Изъ семи образцовъ, доставленныхъ туда въ 1893 г., три отличались такимъ же свойствомъ. Въ Москвѣ повторяется то же самое. «Всѣ сорта черныхъ хлѣбовъ,—замѣчаетъ профессоръ Эрисманъ,—какъ дешевые, такъ и дорогіе, отличаются весьма значительнымъ содержаніемъ воды, свидѣтельствующемъ о присутствіи черезчуръ большого припека. И въ самомъ дѣлѣ разсчетъ показываетъ, что въ общемъ у насъ изъ каждаго пуда муки выпекается на 7,7 фунтовъ больше, чѣмъ полагается по закону, допускающему на одинъ пудъ муки 20 ф. припека».

О качествѣ хлѣба, доставляемаго московскими пекарнями, можно судить по слѣдующему примѣру. Проба ржанаго хлѣба, взятаго изъ пекарни Соколова, на Дьяконовской улицѣ, представлялась плохо выпеченной, сыроватой наощупь. Корка слегка отстала и на ней много трещинъ. Мякишъ лишенъ эластичности, ноздреватъ и въ немъ есть большія полости. Около нижней корки закалъ. Вкусъ кислый, запахъ пріятный. Воды 49,2%. Постороннихъ или вредныхъ примѣсей въ немъ не оказалось, но найдено довольно большое количество золы и клѣтчатки, что̀ указываетъ на плохое качество муки. Большія полости въ мякишѣ и сильная кислотность показывали желаніе замаскировать большое содержаніе воды усиленнымъ броженіемъ.

При описаніи этой пробы упоминается о сильной кислотности хлѣба. Этимъ свойствомъ нерѣдка отличаются хлѣбы, продаваемые въ нашихъ большихъ городахъ.

Большое количество воды и сильную кислотность хлѣба мы не можемъ назвать фальсификаціей въ томъ смыслѣ, что къ нему прибавлено вещество, приносящее прямой вредъ нашему организму. Тѣмъ не менѣе мы должны признать большое количество воды и сильную кислотность такой фальсификаціей, которая можетъ пагубно дѣйствовать на наше здоровье и, кромѣ того, наноситъ матеріальный ущербъ потребителямъ.

Сыроватый хлѣбъ не обладаетъ необходимой порозностью, которая облегчаетъ смачиваніе его пищеварительными соками и тѣмъ помогаетъ его перевариванію. Кромѣ того, продавецъ, чтобы замаскировать содержаніе большого количества воды, подвергаетъ хлѣбъ усиленному броженію, вслѣдствіе чего развивается много кислотъ. Послѣднія вредятъ намъ тѣмъ, что раздражаютъ нашъ кишечникъ и способствуютъ болѣе скорому выведенію пищи, изъ которой не успѣваетъ усвоиться все то, что могло бы усвоиться въ противномъ случаѣ.

Изъ числа вредныхъ примѣсей, которыя встрѣчаются въ хлѣбѣ нашихъ большихъ городовъ, куколь попадается не особенно рѣдко. Въ петербургской городской лабораторіи изъ 38 образцовъ ржанаго хлѣба въ пяти былъ куколь. Въ одной пробѣ онъ находился въ такомъ количествѣ, что у ѣвшаго хлѣбъ вызвалъ рвоту, послужившую причиной обращенія въ лабораторію. Встрѣчаются также сѣмена и другихъ сорныхъ травъ, напр., плевела. Затѣмъ въ хлѣбѣ нерѣдко находится жерновой песокъ въ такомъ количествѣ, что чувствуется явный хрустъ на зубахъ.

По поводу послѣдней примѣси въ отчетѣ петербургской городской лабораторіи говорится, что нашъ законъ допускаетъ слишкомъ большое количество жернового песку, 30 золотн. на пудъ (0,78%). При анализахъ не разъ приходилось убѣждаться, что хлѣбъ, содержащій гораздо меньшее количество песку, 0,3—0,4%, давалъ замѣтный хрустъ. Только мука, приготовленная изъ неочищеннаго зерна, можетъ содержать 30 золотниковъ песку. Приготовленная изъ очищеннаго содержитъ не болѣе 0,25%. Потому законъ долженъ былъ бы значительно уменьшить количество песку, могущаго содержаться въ хлѣбѣ.

Въ петербургскую городскую лабораторію иногда попадалъ хлѣбъ, который признавался недоброкачественнымъ вслѣдствіе содержанія во всей своей массѣ кусочковъ корокъ отъ стараго хлѣба. Очевидно, такой хлѣбъ былъ приготовленъ съ прибавленіемъ такъ называемаго моченаго хлѣба, т.-е. на закваскѣ изъ обрѣзковъ, а можетъ быть, и изъ объѣдковъ хлѣба. Въ Москвѣ также встрѣчается подобнаго рода хлѣбъ, на что московская санитарная коммиссія обратила особенное вниманіе и, признавая такого сорта хлѣбъ недоброкачественнымъ, просила городскую думу запретить мочку и прибавку стараго хлѣба къ свѣжему.

Можно ли признать приготовленіе свѣжаго хлѣба съ примѣсью стараго фальсификаціей, вредной для нашего здоровья? Подобнаго рода сомнѣніе можетъ возникнуть у насъ, когда мы подумаемъ, что въ такомъ случаѣ къ хлѣбу прибавляется безвредное и питательное вещество. Но слѣдующія соображенія заставляютъ насъ высказаться противъ такой фальсификаціи. Очень можетъ быть, въ обрѣзкахъ или объѣдкахъ хлѣба содержатся болѣзнетворные микроорганизмы или ихъ споры, которые, при извѣстной степени кислотности, усиленно начинаютъ развиваться въ тѣстѣ. Свѣжеиспеченный хлѣбъ обыкновенно бываетъ совершенно обезпложенъ. Но бываетъ ли обезпложенъ хлѣбъ, приготовленный съ примѣсью старыхъ кусковъ, это остается пока подъ сомнѣніемъ. Потому мы не можемъ сказать, что такой хлѣбъ не заразитъ насъ никакой болѣзнью. Кромѣ того, примѣсь стараго хлѣба можетъ способствовать развитію въ тѣстѣ нежелательныхъ кислотъ, напр., валеріановой и масляной, которыхъ въ тѣстѣ обыкновенно не бываетъ, или увеличить его кислотность вообще. И то, и другое можетъ разстраивать его пищевареніе. Потому примѣсь стараго хлѣба къ тѣсту мы не можемъ считать безвредной.

Если хлѣбъ заслуживаетъ особеннаго вниманія съ нашей стороны въ качествѣ главнаго пищевого вещества всего населенія, то молоко должно имѣть въ нашихъ глазахъ не менѣе важное значеніе, какъ главная пища маленькихъ дѣтей, и теперь мы обратимся къ нему.

Хорошее цѣльное молоко, по Кенигу, должно имѣть слѣдующій составъ:

Воды	87,12%
Бѣлковыхъ веществъ	3,44 »
Жиру	3,74 »
Сахару	4,94 »
Золы	0,46 »
Сухой остатокъ	12.88 »
Удѣльный вѣсъ	1,0316 »

Многочисленные анализы, произведенные для опредѣленія составныхъ частей молока, взятаго прямо изъ подъ коровъ, даютъ намъ возможность судить о томъ, соотвѣтствуетъ ли составъ цѣльнаго нефальсифицированнаго молока нашихъ большихъ городовъ только что приведеннымъ цифрамъ.

Въ 1894 г. въ петербургской городской лабораторіи было произведено изслѣдованіе 1.837 пробъ молока, взятаго прямо изъ подъ коровъ санитарными врачами. Оказалось, что въ среднемъ выводѣ въ петербургскомъ нефальсифицированномъ молокѣ находится 4,097% жира и 13,109%, плотнаго остатка. Его удѣльный вѣсъ 1,033. Въ Кіевѣ анализы нефальсифицированнаго молока показали, что въ немъ въ среднемъ содержится 3,39% жира, а въ Москвѣ анализы дали 4,10% жира въ молокѣ отъ домашнихъ коровъ и 3,92% въ рыночномъ нефальсифицированномъ. Кромѣ того, въ послѣднемъ случаѣ получилось 4,46% сахара и 3,24% бѣлка. Въ Юрьевѣ д-ръ Гинзбургъ произвелъ изслѣдованіе молока, доставляемаго фермами въ бандерольныхъ бутылкахъ, и нашелъ въ немъ 3,6% жира, 4,31% сахара, 3,92% бѣлковъ и 12,58 сухого остатка. Удѣльный вѣсъ 1,032.

Жиръ обращаетъ на себя особенное вниманіе всѣхъ изслѣдователей, такъ какъ эту составную часть молока чаще всего отнимаютъ отъ него для выдѣлки масла, сливокъ и сметаны. Въ общемъ всѣ изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что въ нашихъ большихъ городахъ цѣльное молоко должно содержать не менѣе 3% жира.

Сравнивая цифры Кенига съ цифрами, полученными при изслѣдованіи нашего молока, мы видимъ, что они между собою очень близки. Потому мы въ правѣ ожидать, что при добросовѣстной торговлѣ покупатель получаетъ молоко соотвѣтственнаго состава. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ.

Въ московской городской лабораторіи было производено изслѣдованіе рыночнаго фальсифицированнаго молока. Въ немъ въ среднемъ было найдено всего только 1,94% жира, 2,99% максимумъ. Анализы лавочнаго молока дали 2,42%, а изъ молочныхъ—3,27% жира. Между прочимъ, тамъ были произведены анализы снятого молока, взятаго съ Хитрова рынка. Въ немъ оказалось всего 0,48% жира, хотя оно имѣло очень приличный видъ, было бѣлаго цвѣта, безъ синеватаго оттѣнка. Послѣднее достигается тѣмъ, что снятое молоко подвергается обработкѣ центробѣжной машины, которая разбиваетъ молочные шарйки на мелкія части. Благодаря этому обстоятельству молоко принимаетъ нормальный видъ даже при ничтожномъ содержаніи жира. Машинное молоко продается по 4 к. за бутылку, а цѣльное 6—7 к. Но принимая во вниманіе, что въ первомъ содержится въ шесть разъ меньше жира, нежели въ послѣднемъ, оказывается, что пониженіе цѣны не соотвѣтствуетъ пониженію качества молока и потребитель много теряетъ, покупая подобное молоко.

Принимая во вниманіе то количество жира, которое встрѣчается въ продажномъ молокѣ, профессоръ Эрисманъ замѣчаетъ, что молоко московскихъ рынковъ довольно часто фальсифицируется. Фальсификація чаще всего заключается въ снятіи большаго или меньшаго количества жира и нерѣдко въ прибавленіи къ полуснятому молоку извѣстнаго объема воды. Въ такомъ молокѣ, въ среднемъ, содержится лишь половина того количества жира, которое находится въ нормальномъ. Молоко, взятое въ овощныхъ и т. п. лавкахъ, также оказывается полуснятымъ, иногда съ искусственной примѣсью воды. Молоко, взятое въ молочныхъ, въ общемъ оказалось довольно хорошаго качества, хотя и встрѣчались пробы, несомнѣнно фальсифицированныя вышеупомянутымъ способомъ.

Фальсификація молока при помощи прибавленія воды и снятаго молока въ Петербургѣ также широко распространена. Въ петербургскую городскую лабораторію въ періодъ времени съ половины ноября 1891 г. по январь 1893 г.

было доставлено 221 образецъ молока для изслѣдованія. Анализъ показалъ, что содержаніе жира въ молокѣ, проданномъ за цѣльное, колебалось чаще всего между 2% и 3,5%. 9% всѣхъ пробъ содержало менѣе 2% жира, а 32%— отъ 2 до 3% жира. Приблизительно тѣ же цифры получились и при изслѣдованіи молока, доставленнаго въ лабораторію въ 1893 г. Третья часть всѣхъ пробъ содержала менѣе 3% жира.

Многіе образцы молока, доставленные въ петербургскую городскую лабораторію, были взяты на фермахъ, нѣкоторые у молочницъ. Нѣсколько образцовъ были изъ лавокъ и всѣ они оказались очень низкаго качества и послѣ стоянія на днѣ посуды изъ нихъ осѣло много сора и грязи.

Кіевъ тоже не избѣжалъ фальсификаціи молока. Въ 1893 г. въ кіевскую городскую лабораторію было доставлено 8 пробъ цѣльнаго молока. Пять изъ нихъ было доставлено съ просьбою высказаться относительно ихъ питательнаго достоинства. При анализѣ оказалось, что ни одна проба молока не содержала 3% жира. Количество послѣдняго равнялось всего 2,38—2,88%. Всѣ эти пробы были взяты съ молочныхъ фермъ.

Фальсификація молока при помощи воды находитъ себѣ примѣненіе даже въ деревняхъ. Въ Едимоновской школѣ молочнаго хозяйства (Тверской губерніи) въ молокѣ, доставляемомъ крестьянами изъ деревень для сыроварни, всегда опредѣлялся его удѣльный вѣсъ при помощи ареометра. Тѣмъ поставщикамъ, которые доставляли молоко съ ненормальнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, дѣлалось замѣчаніе и они предупреждались, что у нихъ не будутъ брать такого молока. На слѣдующій-же день молоко становилось нормальнымъ, а доставленное количество уменьшалось. Впослѣдствіи нѣкоторые крестьяне сознавались, что молоко дѣйствительно было съ водой, но послѣдняя, будто бы, попала туда случайно.

Изслѣдованіе показываетъ, что въ нашихъ большихъ городахъ самая распространенная фальсификація молока состоитъ въ прибавленіи воды или снятого молока къ цѣльному, или въ снятіи съ послѣдняго части жира. Подобнаго рода фальсификація вредна въ томъ отношеніи, что уменьшаетъ питательное достоинство молока и въ него вмѣстѣ съ водой могутъ попасть вредныя вещества, напр., болѣзнетворные зародыши. Что касается до другого сорта примѣсей, то прибавленіе къ молоку соды у насъ практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ отчетѣ петербургской городской лабораторіи говорится, что сода часто прибавляется къ молоку съ цѣлью замедлить его окисаніе. Тамъ-же выясняется значеніе такой, повидимому, невинной примѣси.

Если сохранять молоко нѣсколько дней и время отъ времени опредѣлять степень его кислотности и количество находящихся въ немъ бактерій, то оказывается, что при извѣстной степени кислотности число послѣднихъ перестаетъ увеличиваться. Если же прибавить къ молоку соды, такъ что оно будетъ сохранять нейтральную реакцію, то размноженіе бактерій будетъ продолжаться и постепенно весь молочный сахаръ превращается въ молочную кислоту. Слѣдовательно, сода не прекращаетъ постепеннаго окисанія молока, но только маскируетъ его и даетъ возможность продать подъ видомъ свѣжаго уже испорченное.

Молоко, окисающее при подобныхъ условіяхъ, можетъ вредно дѣйствовать на здоровье потребителей. Нѣкоторые виды микроорганизмовъ размножающіеся въ испорченномъ молокѣ, способствуютъ образованію газообразныхъ продуктовъ, отъ которыхъ пучитъ животъ,—явленіе, которое всякій, живущій въ большомъ городѣ, можетъ констатировать. Другіе виды бактерій вырабатываютъ сильно ядовитыя вещества: птомаины, токсины и токсальбумины, которые даже въ ничтожномъ количествѣ вызываютъ острыя заболѣванія. Такъ, въ началѣ 1893 г. въ петербургскую городскую лабораторію были доставлены двѣ пробы молока, которое у взрослыхъ вызвало рвоту, а у дѣтей жаръ, рвоту и поносъ. Ана-

лизъ показалъ, что въ этомъ молокѣ были токсины. Послѣ этого въ лабораторію не одинъ разъ попадало молоко, вызывавшее также рвоту и поносъ.

Многіе наблюдатели указываютъ на возможность появленія болѣзненныхъ симптомовъ вслѣдствіе употребленія испорченнаго молока и объясняютъ это тѣмъ, что въ молокѣ размножаются нѣкоторыя разновидности такъ называемыхъ факультативныхъ молочно-кислыхъ бактерій. Чистыя культуры одной разновидности такихъ микроорганизмовъ были получены Wurtz'емъ и Lendet'емъ. Введенныя въ животныхъ они убивали ихъ очень скоро. При вскрытіи оказывались патологическія измѣненія въ желудочно-кишечномъ каналѣ. Впрыскиваніе продуктовъ жизнедѣятельности этихъ микроорганизмовъ также вызывало подобныя измѣненія кишечнаго канала, хотя въ болѣе слабой степени.

Развитію въ молокѣ микроорганизмовъ, а также и образованію въ немъ ядовитыхъ веществъ способствуетъ не только сода, но и грязь, которая такъ часто въ немъ встрѣчается. Изслѣдованія показываютъ, что грязь, находящаяся въ нечисто приготовленномъ молокѣ, состоитъ изъ обрывковъ тряпокъ, волосъ, сѣна, соломы, навоза и проч. Ея присутствіе влечетъ за собой значительное увеличеніе числа микроорганизмовъ. Анализы рыночнаго молока въ Гессенѣ показали, что количество послѣднихъ растетъ пропорціонально находящейся въ ней грязи. A Schulz нашелъ, что чистота при содержаніи коровъ и доеніи ихъ оказываетъ большое вліяніе на количество микрооргавизмовъ, содержащихся въ молокѣ. Если вымя коровъ обмывалось предварительно чистой водой, то въ одномъ куб. сан. первой порціи молока было 55.566—97.240 зародышей. Если же этого не дѣлалось, то это число увеличивалось до 2.580.000—1.900.000.

Такимъ образомъ грязь, находящаяся въ молокѣ, можетъ служить причиной такой его порчи, которая вызываетъ разныя заболѣванія. Не смотря на это, публика мало обращаетъ вниманія на чистоту молока, признавая грязь явленіемъ слишкомъ заурядным и не имѣющимъ большого значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она ищетъ и предполагаетъ фальсификацію такими веществами, которыя если и употребляются, то очень рѣдко. Къ такого рода фальсификаціи принадлежитъ примѣсь къ молоку мѣла.

Въ петербургскую городскую лабораторію многія лица приносили молоко для изслѣдованія, при чемъ ими высказывалось предположеніе, что его ненормальныя свойства зависятъ отъ примѣси мѣла или крахмала. Но въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ лабораторія не могла найти мѣла въ заподозрѣнномъ молокѣ. Въ Москвѣ также получились отрицательные результаты. Только въ Кіевѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ попалась одна проба молока, въ которой былъ найденъ обильный осадокъ мѣла. Вообще, люди, знакомые съ истиннымъ положеніемъ вещей, съ сомнѣніемъ относятся къ возможности широкаго распространенія такого рода фальсификаціи уже по одному тому, что примѣсь мѣла немедленно осядетъ на дно и продавецъ легко можетъ быть уличенъ въ обманѣ.

Неосновательность столь распространеннаго въ публикѣ убѣжденія, что молоко можно фальсифицировать мѣломъ, показываетъ намъ, что потребители иногда руководствуются своей собственной фантазіей при объясненіи ненормальныхъ свойствъ пищевыхъ веществъ. Какой ничтожный поводъ можетъ служить причиной подобныхъ неосновательныхъ предположеній, показываетъ слѣдующій случай.

Въ отчетѣ кіевской городской лабораторіи за 1893 г. говорится, что въ Кіевѣ среди населенія широко распространено убѣжденіе, что деревенское молоко, приносимое въ городъ, поддѣлывается мозгами. Возникновенію этого убѣжденія способствовало то обстоятельство, что крестьянки, приносящія въ городъ молоко, возвращаясь домой съ пустыми кувшинами, часто уносятъ съ собой 2 — 3 бараньихъ головки. Видя это, кіевскіе жители пришли къ за-

ключенію, что содержимое этихъ головокъ возвратится къ нимъ въ видѣ молока. Завѣдующій городской лабораторіей заинтересовался этимъ вопросомъ и попытался его выяснить. Опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи, показали ему, что поддѣлать молоко мозгами сколько-нибудь удачно не легко и что такое молоко быстро портится и пріобрѣтаетъ дурной запахъ. Изслѣдованіе пробъ молока, заподозрѣннаго въ подобной фальсификаціи, дало отрицательные результаты. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что бараньи головки покупаются крестьянками не для поддѣлки молока, а для приготовленія кушанья, называемаго «холодецъ».

Близко къ молоку стоитъ сметана и сливки. Относительно первой замѣчено, что она чаще всего фальсифицируется творогомъ, простоквашей или пахтаньемъ. Такую примѣсь находили въ Петербургѣ и Кіевѣ. Въ 1893 году въ петербургскую городскую лабораторію было доставлено для изслѣдованія четыре образца сметаны и во всѣхъ оказалась значительная примѣсь творога. Подобнаго рода фальсификація, повидимому, довольно широко распространена, но ее очень легко можно узнать слѣдующимъ простымъ способомъ. Надо взять 2—3 чайныхъ ложки сметаны, разболтать ее въ стаканѣ горячей воды и дать постоять 5—10 м. Чистая сметана вся всплыветъ вверхъ. Если же въ ней есть творогъ, то на днѣ стакана образуется осадокъ, въ которомъ его очень легко распознать.

Что касается фальсификаціи сливокъ, то ей чаще всего подвергаются дешевые сорта. Поддѣлка состоитъ въ томъ, что къ густымъ сливкамъ прибавляютъ молоко или подъ названіемъ сливокъ продаютъ жирное цѣльное молоко. Примѣсь соды и грязи въ нихъ составляютъ заурядное явленіе. Крахмалъ, яичный бѣлокъ, желатина и т. п. вещества, которыя, по мнѣнію публики, прибавляются къ сливкамъ для густоты, въ нихъ ни разу не были найдены.

Коровье масло, продаваемое въ нашихъ большихъ городахъ, въ аналитическихъ лабораторіяхъ пользовалось довольно большимъ вниманіемъ. Въ нихъ было произведено изслѣдованіе довольно многихъ образцовъ, доставленныхъ частными лицами, полиціей, санитарными врачами или взятыхъ самими изслѣдователями. Такимъ вниманіемъ коровье масло обязано до извѣстной степени тому обстоятельству, что въ публикѣ широко распространено убѣжденіе въ фальсификаціи масла маргариномъ. По ея мнѣнію, коровье масло, продаваемое въ большихъ городахъ, только въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ чистое. Всѣ, кому масло кажется плохимъ, обвиняютъ въ этомъ маргаринъ, приписывая ему прогорклость масла, изжогу, отрыжку, разстройство желудка и проч. Въ отчетѣ петербургской городской лабораторіи за 1892 г. говорится, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности ей пришлось встрѣтить значительное количество маргарина и маргариноваго масла, продаваемыхъ подъ именемъ коровьяго. Въ лабораторію стали доставляться образцы масла для изслѣдованія на фальсификацію, и анализы показали, что она дѣйствительно нерѣдко имѣла мѣсто. Въ 1892 году въ лабораторіи было изслѣдовано 402 образца. Изъ нихъ 19,3% оказались фальсифицированными. Но когда маргариновый заводъ, находящійся около Петербурга, былъ закрытъ, маргаринъ и масло съ примѣсью маргарина стали встрѣчаться рѣдко.

Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ Кіевѣ. Тамъ изслѣдованіе на маргаринъ также дало отрицательные результаты, хотя завѣдующій лабораторіей допускаетъ возможность его нахожденія въ маслѣ.

Что касается Москвы, то въ первомъ отчетѣ городской лабораторіи мы находимъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія относительно качества масла, взятаго въ различныхъ мѣстамъ. Масла, пріобрѣтенныя въ мелочныхъ и гастрономическихъ магазинахъ, не содержали примѣси какихъ-либо постороннихъ жировъ. Но *русское* масло изъ мелочныхъ лавокъ оказалось, за немногими исключеніями, искусственнымъ продуктомъ. Примѣсь къ нему маргарина колебалась

между 20—90%, чаще всего 70—90%. Относительно того, какъ фальсифицируется масло, продаваемое въ мелочныхъ лавкахъ, отчетъ дѣлаетъ двоякаго рода предположенія. Возможно, что продавцы покупаютъ искусственное масло на какомъ-либо заводѣ, гдѣ его производство обставлено нѣкоторой гарантіей относительно чистоты и безвредности добываемаго продукта. Но довольно вѣроятно и другое предположеніе: можетъ быть, искусственное масло поставляется въ мелочныя лавки какой-нибудь самодѣльной салотопней, не брезгающей саломъ сомнительнаго происхожденія.

При растапливаніи искусственнаго масла, купленнаго въ московскихъ мелочныхъ лавкахъ, изъ него получалось довольно много грязи и сора. Такое недоброкачественное масло обходится покупателю въ 27—30 к., а иногда и 36 к. фунтъ и доставляетъ торговцу изрядную прибыль, такъ такъ ему самому оно обходится не дороже 20—22 к. фунтъ. Покупая подобнее масло, потребитель ничего не выигрываетъ, такъ какъ за 28 к. можно всегда купить фунтъ настоящаго коровьяго масла.

Этотъ фактъ намъ показываетъ, какъ важно обратить особенное вниманіе на качество съѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ въ мелочныхъ лавкахъ, которыми пользуется преимущественно бѣдное населеніе, не имѣющее возможности предъявлять къ торговцу требованіе, чтобы отпускаемый пищевой продуктъ отличался хорошими качествами. Нерѣдко, пользуясь кредитомъ въ мелочной лавкѣ, бѣднякъ бываетъ принужденъ брать все, что ему дастъ торговецъ: брать полусырой хлѣбъ, брать сало вмѣсто масла, уплачивая за все это втридорога. Такое ненормальное явленіе можетъ устранить только городское управленіе, установивъ строгій санитарный надзоръ надъ мелочными торговцами.

Желая ознакомиться съ составомъ масла, привозимаго крестьянами передъ праздниками на московскіе рынки, работающіе въ московской городской лабораторіи на Святой взяли съ возовъ нѣсколько пробъ масла, которое, по словамъ продавцовъ-крестьянъ, было привезено изъ окрестныхъ деревень. Одна изъ этихъ пробъ, сливочное масло, не содержала примѣси постороннихъ жировъ, но при растапливаніи изъ нея выпало довольно много творогу. Одна проба русскаго масла также была безъ маргарина, но другая представляла искусственное масло, сбитое изъ молока, жира и небольшого количества растительнаго масла. Кромѣ этихъ пробъ, московская лабораторія произвела изслѣдованіе еще двухъ, продаваемыхъ лѣтомъ однимъ крестьяниномъ подъ названіемъ деревенскаго масла. Въ нихъ оказалось болѣе 50% маргарина.

Въ первомъ отчетѣ московской городской аналитической станціи приводится слѣдующій любопытный случай, показывающій, какъ обманчиво бываетъ деревенское масло. Одна крестьянка въ продолженіи двухъ лѣтъ въ знакомую семью носила масло, которое, какъ она говорила, доставлялось изъ Ярославской губерніи. Изслѣдованіе показало, что въ немъ содержалось 93,3% маргарина. Уличенная крестьянка созналась, что на самомъ дѣлѣ она брала масло въ Москвѣ у одного торговца. «Мы видимъ,—замѣчаетъ по этому поводу составитель отчета,—что наши хозяйки сильно заблуждаются, наивно видя въ доставляемомъ крестьянами на рынокъ или на домъ маслѣ продуктъ естественный, ничѣмъ не подмѣшанный: онѣ поступили бы гораздо благоразумнѣе, покупая масло въ какой-либо крупной молочнѣ или сыроварнѣ».

Изслѣдованіе русскаго масла, доставляемаго поставщиками въ московскія городскія больницы, также показало значительную примѣсь маргарина.

Что касается другого рода фальсификацій масла, то нерѣдко они выражаются въ простомъ обманѣ, въ продажѣ низкаго сорта за масло высокаго качества. Подобнымъ обманамъ не пренебрегаютъ и крупные торговцы. Такъ, въ московской лабораторіи было изслѣдовано масло, купленное въ одномъ гастрономическомъ магазинѣ за дорогую цѣну. Его продали подъ названіемъ самаго лучшаго парижскаго масла. На самомъ же дѣлѣ это было плохое чухонское.

Фальсификація масла при помощи прибавленія къ нему большого количества воды, соли или творогу встрѣчается не особенно рѣдко. «Врядъ ли можно сомнѣваться,—говорится въ отчетѣ кіевской городской лабораторіи,—что примѣсь воды, творогу и соли не случайная, и что насчетъ ихъ имѣлось въ виду увеличить вѣсъ товара. За границей въ нѣкоторыхъ городахъ (Берлинъ) въ продажномъ маслѣ допущено наибольшее содержаніе воды въ 25%, а соли въ 3% для столоваго и 5% для чухонскаго. У насъ же нерѣдко можно встрѣтить масло съ видимыми, иногда очень крупными кусками соли и значительнымъ содержаніемъ воды (до 40%)».

Изъ собственно вредныхъ примѣсей, которыя встрѣчаются въ маслѣ, продаваемомъ въ нашихъ большихъ городахъ, мы можемъ указать на мѣдь и борную кислоту. Послѣдняя была найдена въ маслѣ, взятомъ въ одномъ хорошемъ московскомъ магазинѣ.

Въ городскихъ аналитическихъ станціяхъ много вниманія обращалось на степень прогорклости масла или иными словами на его свѣжесть. Прогорклость масла зависитъ отъ разложенія жировъ, въ немъ содержащихся, и отъ появленія свободныхъ кислотъ, преимущественно масляной. Поэтому прогорклость не можетъ быть названа фальсификаціей въ томъ смыслѣ, что къ маслу подмѣшано какое-либо постороннее вещество, но во всякомъ случаѣ торговецъ обманываетъ, продавая довѣрчивому покупателю испорченный продуктъ за свѣжій. Это тоже въ своемъ родѣ фальсификація и притомъ вредная для здоровья потребителей.

Нѣкоторые изслѣдователи пытались выяснить, какое значеніе имѣетъ для насъ употребленіе прогорклаго масла. Опыты Штокмейера показали, что масло съ 8—10% прогорклости можетъ вызвать общее недомоганіе, а при большей даже легкія заболѣванія: тошноту, рвоту и изжогу. Наши городскія лабораторіи неоднократно встрѣчали подтвержденіе этому. Такъ въ 1895 г. въ кіевской лабораторіи было изслѣдовано масло, которое стоило 38 к. фунтъ. Оно послужило причиной тошноты и рвоты, что повлекло за собой составленіе протокола и изслѣдованіе масла. Оно оказалось не соленымъ, плохо отмытымъ отъ пахтанья и горьковатымъ на вкусъ. Степень его прогорклости равнялась 17,97%. Затѣмъ была доставлена еще одна проба масла, которая также вызвала тошноту и рвоту у потребителей. Оно отличалось такими же свойствами, какъ и вышеупомянутое. Его прогорклость равнялась 17,3%.

Испорченное масло можетъ оказать вредное вліяніе и въ томъ случаѣ, если изъ него приготовлено какое-либо пищевое вещество. Въ октябрѣ 1891 г. въ московскую городскую управу одно частное лицо обратилось съ заявленіемъ, что его семья и гости, бывшіе у него на обѣдѣ, заболѣли припадками, похожими на какое-то отравленіе, по словамъ врача, на отравленіе какимъ нибудь металлическимъ ядомъ. Въ этомъ были заподозрѣны конфекты и тортъ, купленные въ кондитерской Фельтъ. Остатки этихъ веществъ были отправлены на городскую санитарную станцію, которая произвела ихъ анализъ. Но металлическихъ ядовъ въ нихъ не оказалось. Тогда изъ кандитерской были взяты мука и масло, изъ которыхъ были приготовлены конфекты и тортъ. Мука отличалась доброкачественностью, а масло хотя и не было фальсифицировано, но сильно прогоркло (8,6%—10,5%). Лабораторія высказала предположеніе, что, по всей вѣроятности, это свойство масла и послужило причиной заболѣванія.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какое вредное вліяніе можетъ прогорклое масло оказывать ва наше здоровье. Масло нашихъ большихъ городовъ очень часто отличается подобными свойствами. Въ 1894 г. въ Кіевѣ изъ 98 изслѣдованныхъ пробъ 54 (58%) обладали прогорклостью, при которой масло признается вреднымъ для употребленія въ пищу. Прогорклость нѣкоторыхъ изъ нихъ доходила до 40—50°, а одной даже до 63°. Въ 1895 г. лабораторія

нашла, что 67,6% кіевскаго масла оказалось съ прогорклостью, превышающей 12°. Въ петербургской городской лабораторіи въ теченіе двухъ лѣтъ (1894—1895 гг.) были произведены анализы 144 пробъ масла. Изъ нихъ недоброкачественными было признано 36,8%. Чаще всего это дѣлалось вслѣдствіе его сильной прогорклости.

Между прочимъ, надо замѣтить, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, послѣ закрытія маргариновыхъ заводовъ, количество прогорклаго масла значительно увеличилось въ продажѣ. Прежде оно находило большой сбытъ туда и перерабатывалось въ искусственное масло, а теперь все идетъ въ продажу. Выиграло или проиграло наше общество отъ закрытія маргариновыхъ заводовъ, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ можно утверждать, что не малое число желудочно-кишечныхъ катарровъ, рвоты и изжоги появляется благодаря прогорклости масла. Потому потребители должны обращать особенное вниманіе на его свѣжесть, а не искать причину всѣхъ золъ въ подмѣси къ нему маргарина. Свѣжее сало совершенно безвредно для нашего здоровья, тогда какъ прогорклое, не фальсифицированное масло вызываетъ разныя болѣзненныя явленія.

Чтобы закончить вопросъ о фальсификаціи масла, скажемъ нѣсколько словъ о его окрашиваніи. Въ публикѣ очень распространено мнѣніе, что коровье масло, для приданія ему желтаго цвѣта, окрашивается вредными красками. Этому обстоятельству, а не степени его свѣжести, она часто приписываетъ признаки отравленія. Но изслѣдованія, произведенныя въ городскихъ лабораторіяхъ, показали, что для окраски масла вообще употребляются безвредныя вещества: орисанъ, куркума, морковь и проч.

Здѣсь интересно отмѣтить фактъ, что публика, обвиняя окраску масла въ отравленіи, сама же вызываетъ ее своими требованіями. Она хочетъ зимой и лѣтомъ имѣть желтоватое масло, тогда какъ этимъ свойствомъ обладаетъ только лѣтнее. Желая угодить покупателямъ, торговецъ прибѣгаетъ къ окраскѣ масла. До чего укоренился этотъ предразсудокъ въ обществѣ, показываетъ тотъ фактъ, что покупатель готовъ заплатить дороже за желтоватое, нежели за бѣлое, которое отличается такими же хорошими качествами, какъ и первое. «Пока,— говоритъ Флейшманъ,—существуютъ рынки, на которыхъ нельзя сбыть масло, если оно не вполнѣ обладаетъ требуемымъ цвѣтомъ; пока за масло, окрашенное въ опредѣленный цвѣтъ, покупатель платитъ высшія цѣны, нежели за столь же нѣжное, но не выкрашенное по желанію потребителей, до тѣхъ поръ едва ли будетъ возможно вполнѣ устранить подобную фальсификацію». Въ одномъ хорошемъ петербургскомъ молочномъ магазинѣ мнѣ самой приходилось слышать отъ торговцевъ, что всѣ масла у нихъ подкрашиваются, потому что публика не хочетъ покупать масла бѣлаго цвѣта.

Своими неразумными требованіями публика иногда вызываетъ окрашиваніе даже вредными веществами. Она желаетъ, чтобы зеленый сушеный горошекъ и маринованные огурчики были хорошаго зеленаго цвѣта. Между тѣмъ, при нагрѣваніи, которое необходимо для приготовленія, напр., маринованныхъ огурчиковъ, ихъ цвѣтъ измѣняется въ сѣроватый. Но такъ какъ покупатель судитъ о свѣжести этого продукта по его зеленому цвѣту, то продавецъ старается угодить ему, окрашивая огурчики или зеленый сушеный горошекъ солями мѣди. Подобное окрашиваніе было находимо въ городскихъ лабораторіяхъ.

Окраска пищевыхъ веществъ различными ядовитыми веществами чаще всего встрѣчается въ кондитерскихъ. Въ 1893 г. въ петербургскую городскую лабораторью было доставлено пять кондитерскихъ произведеній: пироги, ватрушка и тортъ. Всѣ они были принесены лицами, которыя послѣ ихъ употребленія чувствовали боли въ желудкѣ и общее недомоганіе. Въ одномъ изъ сладкихъ пироговъ и въ тортѣ было найдено довольно значительное количество мѣди. Въ той же лабораторіи въ 1892 г. также была найдена два раза мѣдь. Одинъ

разъ она была въ бисквитномъ пирогѣ, а другой—въ сладкомъ, украшенномъ сахарными цвѣтами. Эти кондитерскія издѣлія также послужили причиной рвоты и болей въ желудкѣ у нѣсколькихъ человѣкъ.

Въ 1893 г. въ кіевской городской лабораторіи было произведено изслѣдованіе 17 красокъ, употребляемыхъ для подкрашиванія пищевыхъ веществъ и напитковъ. Анализъ показалъ, что пять изъ нихъ были ядовиты. Двѣ краски состояли изъ сахара и хромовокислаго свинца; двѣ содержали отъ 64% до 84% свинца; одна (свѣтло-зеленая) оказалась смѣсью сахара, хромовокислаго свинца и швейнфуртской зелени. Послѣ этого кіевская городская санитарная коммиссія напечатала списокъ безвредныхъ красокъ, которыя можно употреблять для окраски пищевыхъ веществъ, и раздала ихъ подъ росписку содержателямъ кондитерскихъ и другимъ лицамъ, занимающимся приготовленіемъ пищевыхъ веществъ и напитковъ. Эта мѣра оказала нѣкоторое вліяніе на употребленіе ядовитыхъ красокъ.

Въ нашей публикѣ господствуетъ убѣжденіе, что апельсины-корольки нерѣдко фальсифицируются при помощи окраски фуксиномъ. Вслѣдствіе этого въ петербургскую лабораторію неоднократно приносили ихъ съ просьбой произвести изслѣдованіе, настоящіе это корольки или поддѣльные. То же случалось и въ Москвѣ. Но во всѣхъ случаяхъ получился отрицательный результатъ и поддѣлки не было.

Фальсификація различнаго рода напитковъ или веществъ, служащихъ для ихъ приготовленія, довольно широко распространена въ нашихъ большихъ городахъ. Чай, потребность въ которомъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ среди народа, нерѣдко фальсифицируется подмѣсью листьевъ другихъ растеній, спитымъ или подожженымъ, съ цѣлью придать настою видимую крѣпость. Въ петербургской городской лабораторіи въ продолженіи двухъ лѣтъ (1892—1893 г.) было изслѣдовано 102 образца чая. Изъ нихъ 26 пробъ содержали въ себѣ примѣси листьевъ кавказской брусники (18 разъ), капорскаго чая (3 раза) и спитого. Нѣсколько образцовъ состояли исключительно изъ листьевъ кавказской брусники или изъ капорскаго чая. Всѣ фальсифицированныя пробы были доставлены преимущественно полиціей. Чай особенно часто поддѣлывается мелкими торговцами, которые продаютъ его малыми порціями, на 2—5 к. Одинъ разъ въ кіевскую городскую лабораторію была доставлена проба чая для изслѣдованія. Чай оказался спитымъ. Въ немъ нашлась примѣсь песку, глины, кусочковъ фарфора, частичекъ угля, самоварной накипи, проса, скорлупы отъ подсолнечныхъ сѣмянъ и нѣкоторыя другія вещества. Чайные листья были покрыты грязью и перебиты. На основаніи всего этого лабораторія пришла къ заключенію, что чай приготовленъ изъ матеріала, который состоялъ изъ сора и, быть можетъ, побывалъ даже въ лаханн съ помоями. На его этикеткѣ значилось: «Высшій сортъ отборнаго чая кахтинскихъ и санхайскихъ чайной торговли и складовъ». Его цѣна была назначена въ 1 р. 84 к. фунтъ.

Фальсификація кофе состоитъ чаще всего въ прибавленіи къ молотому различныхъ суррогатовъ: цикорія, ячменнаго или желудковаго кофе и проч. До какихъ размѣровъ достигаетъ количество такихъ примѣсей показываютъ слѣдующіе случаи. Одинъ образецъ кофе былъ доставленъ въ петербургскую городскую лабораторію частнымъ лицомъ съ просьбой произвести изслѣдованіе. Въ немъ оказалось до 40% цикорія. Другая проба была препровождена туда полиціей и состояла изъ смѣси настоящаго кофе съ ячменнымъ и цикоріемъ. Количество перваго составляло не болѣе четвертой части.

Какъ часто практикуется такого рода фальсификація, показываетъ примѣръ кіевской лабораторіи. Тамъ, въ 1895 г. было изслѣдовано 16 пробъ молотаго кофе. Только восемь изъ нихъ представляли чистый продуктъ. Всѣ остальныя были подмѣшены различными суррогатами.

Здѣсь кстати будетъ сдѣлать слѣдующую замѣтку относительно суррогатовъ кофе: цикорія, ячменнаго, желудковаго и ржанаго. Въ публикѣ господствуетъ убѣжденіе, что они могутъ замѣнить собой кофе и представляютъ напитокъ, очень полезный для здоровья. Подобное представленіе относительно суррогатовъ кофе, по мнѣнію компетентныхъ гигіенистовъ, ничѣмъ не подтверждается. Они во всякомъ случаѣ не могутъ замѣнить настоящаго кофе, такъ какъ въ нихъ нѣтъ самыхъ важныхъ составныхъ частей его: кофеина и кофеола.

Кофе фальсифицируется также и въ зернахъ. Въ этомъ опять-таки оказывается виноватой сама публика. Она отдаетъ предпочтеніе зернамъ зеленаго цвѣта, не обращая вниманія на то, гарантируетъ ли этотъ цвѣтъ лучшее качество продукта. Для приготовленія кофейныхъ зеренъ пользуются двоякимъ способомъ. Въ первомъ случаѣ кофейные плоды въ продолженіи 24 часовъ вымачиваются въ водѣ Затѣмъ зерна отдѣляются отъ мякоти и высушиваются. Такимъ способомъ получаются зерна зеленаго цвѣта. Во второмъ случаѣ плодъ не подвергается предварительному вымачиванію. Его сначала сушатъ, затѣмъ раскалываютъ и просѣваютъ зерна. Тогда получается кофе желтаго цвѣта. Обоими способами можно приготовить и хорошій, и плохой сортъ. Публика же убѣждена, что кофе зеленаго цвѣта всегда лучше, и требуетъ его, вызывая тѣмъ поддѣлку. Торговецъ подкрашиваетъ его, нерѣдко употребляя ядовитую краску, хромовокислый свинецъ.

Фальсификація вина, которая такъ часто обращаетъ на себя вниманіе общества, состоитъ главнымъ образомъ, въ разбавленіи его водой, прибавленіи спирта, сахара и въ подкрашиваніи. Кромѣ того, для лучшаго сохраненія его употребляютъ консервирующія вещества: окуриваніе посуды сѣрой, прибавленіе салициловой кислоты.

Послѣднее вещество одно время очень широко примѣнялось въ Одессѣ и присутствіе въ винѣ салициловой кислоты сдѣлалось тамъ заурядным явленіемъ. Но строгія мѣры и надзоръ избавилъ одесситовъ отъ салицизированнаго вина. Изслѣдованіе винъ въ петербургской городской лабораторіи показало, что въ нихъ содержиться очень много сѣрнистой кислоты. Ея количество иногда достигало 24—35 миллиграммъ на одинъ метръ вина, хотя для предупрежденія порчи совершенно достаточно 2,7—5,4 миллиграммъ. Фруктовыя вина, изслѣдованныя въ этой же лабораторіи, нерѣдко состояли изъ смѣси сахара, спирта, воды и эссенціи и не содержали даже слѣдовъ груши, ананасовъ и абрикосовъ, хотя это было обозначено на этикеткѣ. Одна проба «дагестанской марсалы» не имѣла ни малѣйшаго сходства съ настоящей марсалой. Это былъ испорченный и разбавленный продуктъ съ добавленіемъ достаточнаго количества спирта. Петербургская городская лаборатія не находила въ изслѣдованныхъ ею пробахъ какихъ-либо вредныхъ красокъ или салициловой кислоты, но возможность существованія такихъ примѣсей въ петербургскомъ винѣ весьма вѣроятна. Въ 1895 году въ кіевской городской лабораторіи было изслѣдовано 28 пробъ вина и въ 13 изъ нихъ была найдена салициловая кислота. Анализъ показалъ также, что 61% продаваемаго въ Кіевѣ вина представляетъ фальсификацію. Благодаря послѣдней, бессарабское вино плохаго качества превращается въ портвейнъ, малагу, бордо и проч Иногда кіевскія вина отличаются такой кислотностью, что въ состояніи съ одного раза разстроить желудокъ. Поддѣлка винъ и ихъ чрезмѣрная кислотность, были констатированы также и въ московской городской лабораторіи. Кромѣ того, тамъ въ красныхъ винахъ были открыты анилиновыя краски.

Женщина-врачъ **М. И. Покровская.**

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. Новыя свѣтила.—Возрастъ солнца.—Физика. Новый телеграфъ безъ проволоки.—Біологія. Дѣйствіе анэстезирующихъ веществъ на животную и растительную протоплазму.—Вліяніе разсѣяннаго свѣта на растенія.—Физіологія. Велосипедъ и его вліяніе на организмъ.—Медицина и гигіена. Лѣченіе желтой лихорадки сывороткой.—Окись углерода при взрывахъ газа въ шахтахъ.—Географія и путешествія. Калифорнское землетрясеніе. — Къ полярной экспедиціи Нансена 1993—1896 гг.— Къ полету Андре.—Техника. Два новыхъ подводныхъ кабеля.

Астрономія. 1) *Новыя свѣтила.* 11 и 13 сентября астрономы Wolff, Schwassmann и Millosevich открыли три новыхъ астероида: это будутъ 436-ая, 437-ая и 438-ая извѣстныя малыя планеты. Около того же времени астрономъ обсерваторіи Лика Perrine открылъ новую комету.

Въ предъидущемъ № «Міра Божія» мы сообщили читателямъ о подобномъ же открытіи малой планеты 435-ой, сдѣланномъ Witt'омъ на берлинской обсерваторіи Urania. Такъ какъ со времени открытія первой извѣстной малой планеты Цереры въ 1801 году подобное открытіе повторялось уже въ 435-й разъ, то на него и не было обращено особаго вниманія. Громадный интересъ оно пріобрѣло съ тѣхъ поръ, какъ проф. Berberich изъ наблюденій надъ положеніями новой планеты въ небольшіе промежутки времени опредѣлилъ путь ея въ міровомъ пространствѣ. Оказалось, что орбита ея пересѣкаетъ орбиту Марса, такъ что часть пути новаго свѣтила лежитъ внутри орбиты Марса, ближе къ землѣ, другая же часть лежитъ внѣ орбиты Марса. Слѣдовательно, планета эта является ближайшею сосѣдкою земли: ея наименьшее разстояніе отъ земли равняется $22^1/_2$ милліонамъ километровъ. Для рѣшенія нѣкоторыхъ астрономическихъ задачъ, напр. для опредѣленія разстоянія земли отъ солнца она представляетъ большія удобства, вслѣдствіе такого своего положенія. Въ настоящее время она удалена отъ насъ на большое разстояніе, такъ что она кажется намъ звѣздой 11-й величины. Во время ея ближайшаго къ землѣ положенія она достигаетъ размѣровъ звѣзды 6-й величины и, слѣдовательно, можетъ быть различима невооруженнымъ глазомъ. Въ такомъ близкомъ положеніи планета будетъ находиться только лишь въ 1924 г. Открытіе Witt'а наводитъ на мысль о возможности существованія и другихъ, быть можетъ, еще ближе къ землѣ совершающихъ свой путь планетъ, которыя не обращаютъ на себя нашего вниманія, какъ это случилось и со вновь открытой.

2) *Возрастъ солнца.* Міръ передъ нашимъ духовнымъ взоромъ—процессъ вѣчнаго развитія: все имѣетъ свое начало, все имѣетъ свой конецъ. Давно уже астрономы и физики сходятся въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ будущей судьбы центральнаго тѣла нашей системы—солнца. Наука говоритъ, что пройдутъ еще долгіе вѣка и тысячелѣтія, но въ концѣ концовъ солнце должно погаснуть, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно покончить свои дни и человѣчество. «Какъ отдѣльный человѣкъ долженъ примириться съ мыслью о смерти, такъ и все

человѣчество должно привыкнуть къ ней», сказалъ знаменитый физикъ Гельмгольцъ. Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который сосредоточенъ на вопросѣ объ относительномъ возрастѣ солнца. Старая эта или же новая звѣзда? Въ своей новой книгѣ, озаглавленной «The sun's place in Nature», извѣстный англійскій астрономъ Локіеръ стремится разрѣшить этотъ важный вопросъ. Основываясь на температурѣ и свойствахъ спектра звѣздъ, авторъ располагаетъ звѣзды по ихъ относительному возрасту въ видѣ кривой линіи, сначала поднимающейся кверху, затѣмъ опускающейся внизъ. Начало этой кривой соотвѣтствуетъ состоянію туманности, конецъ—стадіи потухшей звѣзды. Какое же мѣсто на этой кривой займетъ наше солнце? Авторъ помѣщаетъ его въ самомъ низу нисходящей части кривой; эту же участь раздѣляетъ съ солнцемъ блестящая звѣзда Арктуръ. Итакъ наше солнце—одна изъ старыхъ звѣздъ: раньше многихъ другихъ звѣздъ оно должно погаснуть. Но намъ еще хватитъ его теплоты на неопредѣленное и во всякомъ случаѣ весьма долгое время.

Физика. *Новый телеграфъ безъ проволоки.* Zickler сообщаетъ въ «Electrische Zeitung» о новомъ способѣ телеграфированія безъ проволокъ посредствомъ ультра-фіолетовыхъ лучей спектра. Способъ основанъ на наблюдавшемся впервые Герцомъ фактѣ, что свѣтовые лучи короткой амплитуды и въ особенности ультра-фіолетовые обладаютъ способностью производить электрическіе разряды. На этомъ основано устройство пріемлющаго аппарата. Аппаратъ передающій состоитъ изъ лампы, свѣтъ которой посредствомъ системы рефлекторовъ передается по направленію къ пріемлющему аппарату, гдѣ ультра-фіолетовые лучи производятъ электрическіе разряды въ особаго устройства приборѣ. Разряды эти вызываютъ электрическія волны, дѣйствующія при посредствѣ спеціальнаго «собирателя» на звонокъ, телефонъ или пишущій аппаратъ. Чечевицы передающаго аппарата сдѣланы изъ кварца, а не изъ стекла, такъ какъ послѣднее не пропустило бы ультра-фіолетовыхъ лучей. Стеклянной пластинкой можно воспользоваться, чтобы по желанію перервать передачу, и путь названнымъ лучамъ, такимъ образомъ, преграждается безъ измѣненія въ интенсивности свѣта, что гарантируетъ секретъ передачи. Пріемникъ состоитъ изъ стеклянной трубки, конецъ которой, обращенный къ передающему аппарату, закрытъ кварцевой пластинкой, позволяющей ультра-фіолетовымъ лучамъ проникнуть внутрь трубки. Здѣсь лучи попадаютъ на другую пластинку, которая служитъ однимъ изъ электродовъ, дающихъ искру. Другой электродъ помѣщается на разстояніи 10 миллиметровъ и имѣетъ видъ шарика; оба электрода оправлены въ платину. Воздухъ изъ трубки выкачивается и она наполняется какимъ-нибудь разрѣженнымъ газомъ. Электроды соединены съ маленькой индукціонной машинкой такой чувствительности, что достаточно слабаго дополнительнаго тока, чтобы вызвать искру. Этотъ дополнительный токъ и вызывается дѣйствіемъ ультра-фіолетовыхъ лучей. До сихъ поръ произведены лишь опыты на близкомъ разстояніи, но изобрѣтатель надѣется, что лампы въ 25 амперовъ съ хорошимъ рефлекторомъ достаточно для телеграфированія на разстояніи въ много километровъ.

Біологія. 1) *Дѣйствіе анэстезирующихъ веществъ на животную и растительную протоплазму.* J. Farmer и A. Waller наблюдали одновременно за дѣйствіемъ анэстезирующихъ веществъ на животную и растительную протоплазму съ цѣлью сравнить эффектъ, производимый на ту и другую различными агентами. Были устроены двѣ газовыя камеры, чрезъ которыя могли одновременно проходить анэстезирующіе газы. Въ одной изъ нихъ помѣщался листъ Elodea Canadensis подъ микроскопомъ, въ другой нервъ лягушки, соединенный съ прекраснымъ индукціоннымъ аппаратомъ и гальванометромъ. Результаты этихъ наблюденій слѣдующіе. Углекислота вызывала вначалѣ слабое ускореніе движенія, за которымъ быстро слѣдовала полная остановка. Удаленіе

аппарата съ углекислотой и пропусканіе воздуха чрезъ камеры вело за собою черезъ 2—3 минуты признаки оживленія: появлялось вначалѣ очень медленное движеніе, затѣмъ слѣдуетъ очень ускоренное движеніе, превосходившее норму, и, наконецъ, оно уменьшалось до нормальнаго. Нервъ оказался менѣе чувствительнымъ къ дѣйствію углекислаго газа, чѣмъ листъ Elodea; этотъ послѣдній, въ свою очередь, оказался менѣе чувствительнымъ, чѣмъ плазмодій миксомицетовъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Пары эѳира въ воздухѣ при дѣйствіи въ теченіе двухъ минутъ на растеніе вели къ полной остановкѣ движенія, причемъ для возстановленія этой способности нужно было бо́льшее время; затѣмъ слѣдовало медленное возстановленіе. Пары эѳира въ небольшомъ количествѣ (менѣе 10% въ воздухѣ) недостаточномъ для анэстезированія нерва не оказывали вліянія и на движеніе зеренъ хлорофилла. Дѣйствіе хлороформа оказалось болѣе ядовитымъ: менѣе чѣмъ въ одну минуту движеніе прекращалось, а двухъ-минутнаго полнаго дѣйствія паровъ хлороформа было достаточно, чтобы окончательно убить клѣтки. («Proceed. of the Royal Society». Vol. LXIII).

2) *Вліяніе разсѣяннаго свѣта на растенія.* Днемъ растеніе находится подъ вліяніемъ разсѣяннаго солнечнаго свѣта и, если солнце отъ него не закрыто, подъ вліяніемъ прямыхъ солнечныхъ лучей. Никогда растеніе не находится подъ вліяніемъ исключительно прямыхъ лучей солнца. Фотометрическія изслѣдованія показали, что разница въ интенсивности свѣта въ обоихъ случаяхъ не такъ велика, какъ можно было бы ожидать. Найдено, что при самомъ высокомъ стояніи солнца въ Вѣнѣ сила прямого солнечнаго свѣта на горизонтальной поверхности только вдвое превосходитъ силу разсѣяннаго свѣта. Прежде всего нужно замѣтить, что растеніе не можетъ избѣгнуть днемъ вліянія разсѣяннаго свѣта и что нѣкоторыя растенія, произрастающія въ мѣстахъ, очень обильныхъ свѣтомъ, обладаютъ организаціей, которая позволяетъ имъ избѣгнуть избытка инсоляціи. Съ другой стороны, растенія, произрастающія въ обильныхъ свѣтомъ мѣстностяхъ и не имѣющія способности защиты противъ излишней инсоляціи, производятъ очень незначительное количество органическихъ веществъ. Поэтому становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что для жизни растеній разсѣянный свѣтъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ прямое освѣщеніе лучами солнца. Вѣнскій профессоръ Визнеръ, давно уже занимающійся этимъ вопросомъ, показалъ въ свое время на большомъ количествѣ опытовъ, что листья — органы, наиболѣе нуждающіеся въ свѣтѣ, принимаютъ обыкновенно перпендикулярное положеніе къ направленію наиболѣе интенсивнаго разсѣяннаго свѣта, фактъ, самъ по себѣ говорящій о крайне важномъ значеніи разсѣяннаго свѣта для жизни растеній. Далѣе Визнеръ констатировалъ, что растенія тѣмъ болѣе подвержены вліянію прямого дѣйствія солнечныхъ лучей, чѣмъ болѣе они приближаются къ сѣвернымъ или горнымъ границамъ своего распространенія и чѣмъ болѣе въ то же время понижается температура окружающаго воздуха. Недавно тотъ же изслѣдователь предпринялъ экспериментальное изслѣдованіе вліянія въ отдѣльности: разсѣяннаго, смѣшаннаго, свѣта и наконецъ прямого дѣйствія солнечныхъ лучей на развитіе растеній. Изъ этихъ опытовъ слѣдуетъ что растенія очень различныхъ семействъ могутъ вполнѣ развиваться въ исключительно разсѣянномъ свѣтѣ. («Ciel et Terre» № 13. 1898).

Физіологія *Велосипедъ и его вліяніе на организмъ.* А. Біанки и Феликсъ Реньо сообщили въ засѣданіи парижской академіи наукъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ органахъ человѣческаго тѣла, которыя имъ удалось наблюдать, какъ послѣдствія семидесятидвухчасовой гонки на велосипедѣ. Наблюденія были произведены надъ первымъ, вторымъ и четвертымъ изъ участниковъ состязанія передъ гонкой, непосредственно послѣ и черезъ нѣсколько дней послѣ гонки. Наблюдатели приписываютъ слѣдующимъ причинамъ измѣненія, наступившія въ органахъ. *Во-первыхъ:* недостаточному питанію въ связи съ отсутствіемъ

сна. Эти два обстоятельства имѣли послѣдствіемъ значительное уменьшеніе абдоминальныхъ органовъ: уменьшеніе печени было отъ 1 до 3 сентиметровъ въ вышину, т. е. отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ въ объемѣ; селезенка уменьшилась на 2 сентиметра въ діаметрѣ, т. е. отъ $^1/_7$ до $^1/_5$ въ объемѣ; наконецъ, желудокъ уменьшился отъ 2 до 4 сентим. въ діаметрахъ, т. е. отъ $^1/_7$ до $^1/_4$ въ объемѣ. Потеря гонщиковъ въ вѣсѣ была отъ 4 до 5 килогр. Легкія и сердце, напротивъ, расширились подъ вліяніемъ усиленной работы. *Во-вторыхъ*: сидячему положенію въ связи съ непрерывными движеніями нижнихъ конечностей и таза и наклоненіемъ всего туловища впередъ. Послѣдствіемъ всего этого явился подъемъ внутренныхъ органовъ вверхъ; этотъ подъемъ равнялся: для правой части печени отъ 2 до 5 сентим., лѣвой—отъ 1 до 4 сентим.; для желудка отъ 1 до 3 сентим, по направленію къ грудной кости; селезенки отъ 2 до 5 сентим. Давленіе абдоминальныхъ органовъ приподняло вверхъ легкія, которыя приблизились къ ключицѣ на 1—3 сентим. и наконецъ сердце приподнялось на 2 сент. Это давленіе было сильнѣе съ правой стороны и правое легкое оказалось сильнѣе приподнятымъ, чѣмъ лѣвое. Легкія сильно расширились назадъ. Всѣ органы немного времени спустя послѣ бѣга принимаютъ свое нормальное положеніе; дольше другихъ свое анормальное положеніе сохраняютъ правое легкое и желудокъ. Сердце у всѣхъ трехъ гонщиковъ противостояло хорошо. Другіе участники состязанія съ бо́льшимъ по объему сердцемъ не могли выдержать его, вслѣдствіе расширенія сердца. Въ концѣ доклада авторы приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Велосипедная ѣзда развиваетъ легкія вверхъ и назадъ; она приподнимаетъ всѣ органы вверхъ. 2) Она можетъ имѣть полезное терапевтическое примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ. 3) Продолжительная ѣзда на велосипедѣ требуетъ здоровыхъ органовъ, въ особенности сердца и легкихъ. Интереснымъ является также вопросъ о расходѣ силы при ѣздѣ на велосипедѣ. Изслѣдованіемъ этого вопроса недавно занимался физіологическій институтъ при боннскомъ университетѣ, причемъ былъ произведенъ рядъ любопытныхъ опытовъ на нарочно для этой цѣли устроенномъ велодромѣ въ 250 метровъ длиною. Вотъ результаты этихъ опытовъ. Ѣздокъ въ 70 килогр. вѣсомъ на машинѣ въ 21,5 килогр. при скорости въ 251 метръ въ минуту (15 килом. въ часъ) потребляетъ на каждый пройденный метръ 4,8 куб. сентим. кислорода. При скорости въ 9 килом. въ часъ потребленіе кислорода падаетъ на 6%; оно увеличивается на 18% при скорости доведенной до 21 километра. Были также произведены параллельныя изслѣдованія надъ пѣшеходами. Найдено, что при средней ѣздѣ велосипедистъ потребляетъ 72 метра кислорода въ то время, какъ пѣшеходъ 59 метровъ. Вообще, изъ этихъ наблюденій слѣдуетъ, что велосипедная ѣзда требуетъ на 22% больше расхода силы, чемъ пѣшее хожденіе. Расходъ этотъ должно отнести не насчетъ скорости перемѣщенія, а насчетъ сопротивленія воздуха при перемѣщеніи ѣздока; естественнымъ образомъ оно увеличивается со скоростью движенія.

Медицина и гигіена. 1) *Лѣченіе желтой лихорадки посредствомъ сыворотки.* Въ «Annales de l'institut Pasteur» изобрѣтатель сыворотки Sanarelli передаетъ слѣдующіе результаты своихъ опытовъ надъ лѣченіемъ больныхъ этимъ способомъ. Въ первомъ случаѣ опытъ былъ произведенъ надъ 8-ю наиболѣе тяжелыми больными и въ 6-ти случаяхъ получилось выздоровленіе. Но особенный интересъ представляетъ второй опытъ, произведенный при участіи спеціально для этого назначенной санитарной коммиссіи. Опыту подверглись 14 больныхъ; различная доза сыворотки отъ 20 до 100 куб. сентим. была введена въ венозную систему. Въ то время, какъ смертность отъ желтой лихорадки достигаетъ вообще до 95%, изъ 14 ти больныхъ, которымъ было сдѣлано впрыскиваніе, умерло всего лишь 4, т. е. 27%.

Но еще болѣе замѣчательно вліяніе сыворотки, какъ предохранительнаго

отъ заразы средства. Слѣдующій примѣръ достаточно, повидимому, убѣдителенъ. Въ одной тюрьмѣ въ San-Carlos открылась желтая лихорадка. За первымъ случаемъ заболѣванія послѣдовалъ второй, третій, четвертый—словомъ, тюрьма, безъ сомнѣнія, сдѣлалась очагомъ заразы. Тогда было рѣшено испытать сыворотку Sanarelli, какъ предохранительное средство: всѣмъ заключеннымъ зараженной тюрьмы была впрыснута сыворотка. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ не было ни одного случая заболѣванія. Понятно огромное значеніе, какое можетъ имѣть это открытіе для моряковъ, морскихъ карантиновъ и армій, посылаемыхъ въ мѣстности, гдѣ, какъ на островѣ Кубѣ, свирѣпствуетъ желтая лихорадка.

2) *Окись углерода при взрывахъ газа въ шахтахъ.* Изъ интересной статьи г. Haldane въ «Revue technique» мы заимствуемъ любопытныя свѣдѣнія о важной по своимъ послѣдствіямъ роли, какую играетъ значительное количество окиси углерода, наблюдаемое въ атмосферѣ шахтъ послѣ происходящихъ въ нихъ взрывовъ. Авторъ сообщаетъ результаты своихъ изслѣдованій надъ трупами жертвъ взрыва въ шахтахъ Tylerstown'a 27 го января 1897 года. Изслѣдованія были произведены на другой же день послѣ взрыва. Анализъ крови труповъ показалъ, что изъ 57-ми жертвъ взрыва, смерть 52-хъ послѣдовала отъ отравленія окисью углерода. Хотя и невозможно опредѣлить составъ атмосферы шахты въ моментъ взрыва, нужно допустить, что содержаніе окиси углерода не было очень велико, такъ какъ многія лампы остались горящими у труповъ жертвъ. Авторъ полагаетъ далѣе, что содержаніе до 1,8% окиси углерода въ воздухѣ достаточно, чтобы произвести обморокъ по прошествіи 8—12 минутъ и смерть по прошествіи отъ 40 мин. до одного часа. Этимъ временемъ опредѣляется, слѣдовательно, срокъ подачи помощи жертвамъ взрыва.

Географія и путешествія. 1) *Калифорнское землетрясеніе.* Проф. Dr. J. Rein сообщаетъ въ «Petermann's Mitteilungen» интересныя подробности о землетрясеніи, ощущавшемся весною текущаго года въ Калифорніи, гдѣ землетрясенія не принадлежатъ къ числу рѣдкихъ явленій. Настоящее землетрясеніе было самымъ сильнымъ, ощущавшемся въ Санъ-Франциско и его окрестностяхъ за 30-лѣтній періодъ времени. Такъ какъ слѣдствіемъ сотрясенія почвы была остановка всѣхъ стѣнныхъ и башенныхъ часовъ, то о времени его не можетъ быть спора: оно наступило 30-го марта между 11 ч. 42 и 43 минутами вечера. Сотрясеніе почвы продолжалось всего лишь около 40 секундъ, но и этого было достаточно, чтобы нѣкоторыя зданія обрушились, многія дали крупныя трещины и во многихъ мѣстахъ въ довольно значительномъ районѣ обвалились печныя трубы и разлетѣлись вдребезги зеркальныя окна. Къ счастью, землетрясеніе обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Но особый интересъ представляетъ слѣдующее. Какъ извѣстно, строительная спекуляція въ большихъ городахъ сѣверной Америкѣ привела въ послѣдніе годы къ постройкѣ крайне высокихъ зданій на сравнительно небольшомъ фундаментѣ. Къ числу таковыхъ въ Санъ-Франциско принадлежитъ домъ въ 19 этажей, высотою въ 96,62 метра, выстроенный на квадратномъ основаніи, такъ что весь онъ возвышается въ видѣ башни. Понятно, ждали несчастныхъ послѣдствій для обитателей этого дома. Что же оказалось? въ 17-мъ этажѣ этого зданія находится клубъ, нѣкоторые изъ членовъ котораго во время землетрясенія были заняты игрой на бильярдѣ. Они, конечно, замѣтили сотрясеніе, но безъ помѣхи продолжали дальше свое занятіе и, когда на другой день зданіе было подвергнуто самому тщательному осмотру—оно оказалось совершенно неповрежденнымъ. Этотъ фактъ окажетъ, можетъ быть, вліяніе на способъ постройки домовъ въ такихъ странахъ, какъ, напр., Японія, Туркестанъ и пр., гдѣ землетрясенія—обыденное явленіе. До сихъ поръ держались мнѣнія, что только одноэтажныя зданія представляютъ кое-какую гарантію отъ разрушенія во время землетрясенія.

2) *Къ полярной экспедиціи Нансена 1893—1896 гг.* Въ вышедшихъ недавно дневникахъ сподвижниковъ Нансена по экспедиціи къ сѣверному полюсу Іогансона и Нордаля содержатся нѣкоторыя интересныя дополненія къ свѣдѣніямъ, которыя такъ широко распространились по всему свѣту, благодаря дневнику Нансена. Хотя въ научномъ отношеніи оба дневника не даютъ ничего новаго, но они проливаютъ много свѣта на исторію этого знаменитаго путешествія, о которомъ до сихъ поръ высказывались слишкомъ оптимистическія сужденія. На суднѣ не обошлось безъ лишеній. Поврежденіе, полученное «Fram»'омъ во второй годъ плаванія, оказывается гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ представлялъ себѣ Нансенъ. Много интересныхъ свѣдѣній сообщается далѣе о личныхъ отношеніяхъ членовъ экспедиціи и ихъ душевномъ состояніи. Довѣріе къ Нансену и патріотическія чувства были главными элементами, поддерживавшими бодрый духъ членовъ экспедиціи. Къ концу ея всѣ участники сдѣлались до того нервными и чувствительными, что нерѣдко дѣло доходило до серьезныхъ споровъ. Въ третью зимовку состояніе здоровья путешественниковъ уже значительно пошатнулось къ худшему и судно освободилось ото льда какъ нельзя болѣе во-время. Послѣ чтенія дневника Нордаля,—заканчиваетъ проф. Зупанъ,—для меня нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что проектъ пяти-лѣтней экспедиціи—невыполнимая задача («Petermann's Mitteilungen»).

3) *Къ полету Андре.* Телеграмма полученная недавно газетою «Times» извѣщаетъ, что вернувшіеся съ сѣвера индійцы передаютъ слѣдующее. Встрѣченные ими эскимосы разсказывали, что они видѣли, какъ какіе-то иностранцы «спустились съ неба» на побережьи Гудзонова залива. Не Андре-ли это съ его шаромъ? И какъ давно произошло это «сошествіе съ неба»? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые вскорѣ долженъ разрѣшиться, если только передаваемое извѣстіе не принадлежитъ къ области вымысла.

Техника. 1) *Два новыхъ подводныхъ кабеля.* Въ настоящее время французской компаніей телеграфныхъ кабелей закончена прокладка двухъ новыхъ подводныхъ кабелей, изъ которыхъ одинъ соединяетъ Антильскіе острова съ Нью-Іоркомъ, другой — Нью-Іоркъ съ французскимъ портомъ Брестомъ. Это было колоссальное предпріятіе: если кабель, соединяющій Антильскіе острова съ Нью-Іоркомъ по своей длинѣ и не превосходитъ длины уже существующихъ кабелей, то при его прокладкѣ приходилось преодолѣвать затрудненія, связанныя съ большой глубиной океана, мѣстами доходившею до 6.000 метровъ. За-то кабель Нью-Іоркъ-Брестъ по своей длинѣ, вѣсу и діаметру превосходитъ все, что существовало до сихъ поръ. Едва ли кто-нибудь ясно представляетъ себѣ тотъ колоссальный трудъ и тѣ техническія затрудненія, которыя представляетъ не только прокладка, но и самая фабрикація кабеля, а потому мы надѣемся заинтересовать читателя, сообщивъ ему кое-какія свѣдѣнія о фабрикаціи и прокладкѣ этихъ новыхъ кабелей, которыя мы заимствуемъ изъ статьи L. Olivier въ «Revue générale des sciences».

Центральную часть морского подводнаго кабеля составляетъ такъ называемая сердцевина его. Она состоитъ изъ кондуктора, состоящаго изъ мѣдной проволоки и изъ изолирующей, гуттаперчевой оболочки его. Кондукторъ всегда приготовляется изъ нѣсколькихъ мѣдныхъ проволокъ, соединенныхъ между собою, чѣмъ достигается большая гибкость кабеля. Окружающая кондукторъ гуттаперча располагается въ три слоя. Строго говоря, можно, было бы удовлетвориться однимъ слоемъ гуттаперчи потолще и такимъ образомъ сильно сократить издержки производства. Но если принять въ соображеніе, что малѣйшей щели въ одной лишь точкѣ изолирующей оболочки достаточно, чтобы сдѣлать негоднымъ весь кабель длиною въ нѣсколько тысячъ километровъ, а также тѣ издержки, съ которыми связана посылка судна для починки кабеля, является вполнѣ понятнымъ, что для фабриканта издержки производства являются лишь

*

факторомъ второстепенной важности въ сравненіи съ увѣренностью въ надежности работы. Приготовленную сердцевину въ продолженіе многихъ дней подвергаютъ многимъ и точнымъ испытаніямъ и всѣ куски ея, вызывающіе хотъ нѣкоторое подозрѣніе въ ихъ доброкачественности, безжалостно выбрасываются. Сердцевина представляетъ собою существенную, необходимую часть кабеля. Въ самомъ дѣлѣ: она состоитъ изъ проволоки, которая будетъ передавать токъ, и изолятора, который не позволитъ току потеряться въ водѣ моря. Но гуттаперча скоро попортилась бы во время прокладки и кабель потерялъ бы свой изоляторъ и сдѣлался никуда негоднымъ, если бы сердцевина не была особымъ способомъ защищена. Съ другой стороны, во время прокладки на большихъ глубинахъ сердцевина не выдержала бы собственной тяжести и разорвалась бы. Такимъ образомъ явилась необходимость защитить ее оправою изъ желѣзной или стальной проволоки, которая должна играть двойную роль: защищать сердцевину отъ внѣшнихъ вліяній, напр., ударовъ, тренія и во время прокладки удерживать на себѣ тяжесть нѣсколькихъ километровъ кабеля. Поэтому оправа состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ желѣзной проволоки въ мѣстахъ соприкосновенія съ твердыми утесами и изъ одного слоя стальныхъ проволокъ сильнаго механическаго сопротивленія въ глубокихъ мѣстахъ океана, чтобы, по возможности, уменьшить діаметръ кабеля. Сердцевина отдѣлена отъ оправы, также какъ и отдѣльныя части оправы одна отъ другой слоями грубой текстильной матеріи, которая, кромѣ того, покрываетъ весь кабель, чтобы, въ случаѣ разрыва отдѣльныхъ проволокъ оправы, удерживать ихъ на мѣстѣ. Кондукторъ кабеля соединяющаго Антильскіе острова съ Нью Іоркомъ, состоитъ изъ 13 мѣдныхъ проволокъ. Вся длина кабеля 2.700 километровъ. Кабель можетъ передать 30 словъ въ минуту. Замѣчательно быстрое исполненіе работы: она не потребовала 2-хъ лѣтъ съ момента начала приготовленія сердцевины до открытія сообщенія по кабелю. Слѣдующія цифры дадутъ нѣкоторое представленіе о той суммѣ труда, который потребовался на исполненіе этого предпріятія: весь кабель вѣситъ 4.000.000 килогр. (240.000 пудовъ). На его производство пошло 2.600.000 килогр. желѣза и стали и 120.000 килогр. очищенной гуттаперчи. Но кабель Антильскихъ острововъ не великъ сравнительно съ тѣмъ, который соединяетъ Нью-Іоркъ съ Брестомъ. Этотъ послѣдній просто колоссаленъ: его длина превосходитъ 5.700 километровъ, его вѣсъ = 9.250.000 килогр. (болѣе $^1/_2$ милліона пудовъ). На него пошло $5^1/_2$ мил. килогр. желѣзной и стальной проволоки, 930.000 килогр. мѣди и 560.000 килогр. гуттаперчи. Этотъ кабель можетъ передать въ минуту 16 словъ по 15 знаковъ въ каждомъ. Такая способность передачи является весьма значительной, если примемъ въ соображеніе, что для сердцевины опредѣленнаго типа скорость передачи обратно пропорціональна квадрату длины кабеля. Понятно, что такое грандіозное предпріятіе не могло быть выполнено безъ участія правительства: оно потребовало какъ матеріальной поддержки, такъ и вотума французской палатой закона о содержаніи и эксплоатаціи телеграфныхъ сообщеній между Франціей, Сѣверной Америкой и Антильскими островами.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Ноябрь. 1898 г.

Содержаніе: Русскія и переводныя сочиненія. — Беллетристика. — Публицистика. — Критика и исторія литературы. — Политическая экономія. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература.* — Изъ западной культуры Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

М. Н. Загоскинъ. «Полное собраніе сочиненій». — *Э. Ожешко.* «Сильвекъ», романъ. — *Генрихъ Гейне.* «Собраніе сочиненій».

М. Н. Загоскинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изд. М. О. Вольфа. 1898. Спб. 10 т. Цѣна 15 р. Кто изъ людей не только образованныхъ, но просто грамотныхъ, не знаетъ «Юрія Милославскаго», и кто знаетъ другія произведенія Загоскина? Намъ кажется, что этими двумя вопросами вполнѣ опредѣляется значеніе и судьба его сочиненій. Насколько «Милославскій» популяренъ и распространенъ во всѣхъ слояхъ читающей публики, настолько все остальное, многообразное и обильное писаніе Загоскина никому неизвѣстно и никому не нужно. Въ исторіи литературы любого народа можно указать такихъ писателей, которые сочиняли много въ самыхъ различныхъ отрасляхъ литературы, но для потомства изъ всего этого наслѣдства получила смыслъ одна какая-нибудь вещь. Самымъ характернымъ представителемъ такого типа писателей въ міровой литературѣ является де-Фоэ, написавшій до 253 разнообразнѣйшихъ произведеній, изъ которыхъ образованный міръ знаетъ только «Робинзона». Такая же судьба постигла въ родной литературѣ Загоскина. Онъ рано выступилъ на литературное поприще, начавъ съ театра, которому долго и вѣрно служилъ, поставляя комедіи и водевили, сочинялъ стихи и оды, имѣвшія нѣкоторый успѣхъ въ небогатой литературѣ того времени, но извѣстность его не выходила за предѣлы литературныхъ кружковъ и небольшой присяжной публики читателей. Только его историческій романъ, написанный въ 1827 г., сразу создалъ ему широкую извѣстность и общую популярность, вызвавъ восхищеніе такого цѣнителя и критика, какъ Пушкинъ, и привлекши къ автору симпатіи самой далекой отъ литературныхъ интересовъ публики. Это былъ не только первый вполнѣ русскій историческій романъ, но и первая дѣйствительно занимательная для читателя изъ большой публики вещь. Вполнѣ понятно восхищеніе, съ какимъ эта публика встрѣтила «Юрія Милославскаго», въ которомъ она нашла народные типы и характеры, хорошую русскую простую рѣчь, легкій и связный разсказъ, интересную фабулу и всѣмъ доступную романическую исторію. Положимъ, историческая сторона романа слабовата, и тогда же встрѣтила дѣльныя указанія со стороны Пушкина, но, по его же справедливому замѣчанію, «сіи мелкія погрѣшности не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху». Съ тѣхъ поръ слава «Юрія Милославскаго» не умалялась. Спустившись съ верховъ литературы, онъ сталъ достояніемъ народной публики, для которой вмѣстѣ съ «Княземъ Серебрянымъ» Алексѣя Тол-

стого, этотъ романъ составляетъ любимое историческое чтеніе. Объ этомъ можно судить по массѣ изданій, которыхъ, не смотря на то, что срокъ литературной собственности еще не истекъ, вышло больше десяти, въ количествѣ десятковъ тысячъ изданій.

А между тѣмъ, кромѣ этого романа, Загоскинъ написалъ еще много другихъ, такъ и оставшихся въ неизвѣстности. Рядъ повѣстей, начатыхъ «Кузьмой Рощинымъ», романы: «Рославлевъ», «Искуситель», «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», оперное либретто «Аскольдова Могила» и т. п.—все это и въ свое время, а теперь тѣмъ болѣе не имѣетъ никакого литературнаго достоинства и значенія. Единственный интересъ, какой они могутъ имѣть для историка литературы, заключается развѣ въ характеристикѣ взглядовъ самого Загоскина, очень типичнаго консерватора и представителя доброй старины. Загоскинъ является въ нихъ тѣмъ, что принято называть квасным патріотомъ, восторженнымъ хвалителемъ всего своего и презрительнымъ цѣнителемъ западнаго. Онъ громитъ французовъ и французскую литературу, проповѣдуетъ, что есть два просвѣщенія — «истинное и просвѣщеніе, основанное на одной мудрости земной, а мудрость человѣческая есть безуміе передъ Господомъ». Загоскинъ то и дѣло впадаетъ въ тонъ проповѣдника, изобличаетъ какихъ-то зловредныхъ искусителей, — слово «нигилистъ» въ то время еще не было изобрѣтено,—и противопоставляетъ имъ добродѣтельныхъ Мирошевыхъ. По направленію его можно отнести къ славянофиламъ, хотя послѣдніе не очень-то гордились такимъ союзникомъ. «Досадно видѣть, — пишетъ Хомяковъ Самарину,—что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ; чувствуешь, что съ нами заодно инстинктъ, ибо Загоскинъ—выраженіе инстинкта, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ». Отношеніе Загоскина къ просвѣщенію тоже можно охарактеризовать «инстинктомъ», продуктомъ невѣжественной боязни, инстинктивнаго страха къ свѣту, присущаго темнотѣ и убожеству мысли. «Гораздо лучше,—говоритъ онъ,—хлопотать поменѣе о просвѣщеніи простого народа, а поболѣе заботиться о его счастьѣ. Докажи мнѣ прежде, что у насъ, въ Россіи, просвѣщенный мужикъ счастливѣе непросвѣщеннаго, и тогда я соглашусь съ тобой. Нѣтъ, мой другъ! Хорошо идти за вѣкомъ тому, кому нѣтъ надобности ходить за сохой. Вѣдь то, что мы называемъ нашимъ просвѣщеніемъ, создастъ непремѣнно для крестьянина новыя потребности, о которыхъ онъ не имѣетъ теперь никакого понятія. И слава Богу! Чѣмъ меньше у человѣка желаній, тѣмъ менѣе у него горя». Самъ Загоскинъ не былъ крѣпостникомъ, но въ своихъ романахъ онъ весьма недвусмысленно хвалитъ отеческія отношенія, слагающіяся яко бы на почвѣ крѣпостнаго права. Насколько не высока эта философія инстинкта, настолько же ничтожны и художественныя достоинства этихъ нравоучительныхъ романовъ и повѣстей. Читать ихъ теперь нѣтъ возможности, и потому переизданіе ихъ въ полномъ объемѣ ни для кого не нужно.

Элиза Ожешкова. Сильвекъ, романъ въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 1898. Цѣна 1 р. На страницахъ *Міра Божія* мы давали уже отчетъ о *повѣстяхъ и разсказахъ* г-жи Ожешковой *). Мы съ особенной настойчивостью отмѣчали тогда главнѣйшія, по нашему мнѣнію, достоинства этихъ произведеній: простоту, сердечность и здравый смыслъ. Мы имѣли возможность доказать многочисленными примѣрами, до какой степени увлекательны и часто трогательны литературные пріемы польской писательницы, съ какой естественностью умѣетъ она извлечь яркій жизненный урокъ изъ самой мелкой и неприглядной дѣйствительности, и извлечь не съ помощью преднамѣренныхъ.

*) См. «Міръ Божій» 1896 г. іюнь, іюль, «Библ. Отд.».

рѣзкихъ подчеркиваній и подкрашиваній, а лишь однимъ чисто творческимъ искусствомъ сгруппировать часто микроскопическіе факты и разсказывать тайны души самаго сѣраго заурядnаго человѣчества. Къ какому литературному направленію можно причислить такого автора? Онъ классикъ по чистотѣ и строгости художественнаго рисунка, онъ реалистъ по неразрывной связи своего таланта съ будничной общечеловѣческой дѣйствительностью, онъ романтикъ въ своей страстной жаждѣ идеала, примиренія жизни съ идеями правды и любви.

Такова г-жа Ожешкова, какъ авторъ *Повѣстей и разсказовъ*. Предъ нами теперь обширный романъ, и впечатлѣнія наши оказываются иными. Мы не можемъ сдѣлать рѣшительнаго вывода, что г-жа Ожешкова—прирожденный авторъ этюдовъ, эскизовъ, вообще художественныхъ миніатюръ. Повѣсти ея отнюдь не миніатюры и не разрозненныя *tranches de vie*, а вполнѣ цѣльныя картины, хотя и небольшого размѣра. Но мы должны заявить, что для таланта писательницы существуетъ какая-то пропасть между *разсказомъ* и *романомъ*. Среди современныхъ русскихъ беллетристовъ имѣется писатель, будто фатально созданный для очерковъ и разсказовъ, это г. Чеховъ. Его попытки выйти изъ *прирожденной* рамки всегда кончались неудачно. Большое произведеніе уподоблялось сшивному продукту изъ множества малыхъ, своего рода ожерелью изъ жемчужинъ, не одинаковой красоты и цѣнности, но все-таки порознь гораздо болѣе красивыхъ, чѣмъ все насильственно сплоченное цѣлое сооруженіе. И такихъ писателей всегда было много во всѣхъ литературахъ: это лирики въ беллетристикѣ, властители настроеній и впечатлѣній, но не художники глубокихъ состояній души. Г-жу Ожешкову, повидимому, слѣдуетъ причислить къ той же породѣ художниковъ.

Раньше мы искренне восхищались простотой и сердечностью, теперь въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ героевъ романа намъ звучатъ явно форсированныя ноты, иногда онѣ переходятъ даже въ рѣзкіе вскрики мелодраматическаго тона и преднамѣренно сентиментальной окраски. Откуда берется это впечатлѣніе? Собственно задача автора вовсе не мелодраматична. Онъ желаетъ написать исторію на вѣчную тему о борьбѣ бѣдныхъ и богатыхъ, въ дѣйствительности о борьбѣ людей, сильныхъ всевозможными нравственными богатствами, съ людьми, сильными только внѣшнимъ положеніемъ, доставшимся имъ безъ всякихъ усилій и заслугъ съ ихъ стороны. Это самая наглядная и правдивая драма, прекрасно выраженная еще въ знаменитомъ монологѣ Гамлета. И художнику слѣдуетъ остаться только на почвѣ самаго непосредственнаго реализма, чтобы вызвать у читателей сильнѣйшія впечатлѣнія. И даже чѣмъ объективнѣе будетъ работа писателя, тѣмъ выйдетъ глубже дѣйствіе его творчества. Сгущеніе красокъ, напротивъ, можетъ вызвать у равнодушной или недостаточно освѣдомленной публики подозрѣніе на счетъ правдивости фактовъ и искренности авторскихъ настроеній. Совершенно излишне рыдать, говоря о добродѣтели, вполнѣ достаточно быть ея правдивымъ историкомъ и вдумчивымъ психологомъ.

Героевъ, иллюстрирующихъ трагическую тему, у г-жи Ожешковой два. Они распредѣлены по чувствамъ и побужденіямъ, какія обыкновенно вызываютъ борьбу личнаго благородства и незаслуженной фортуны. Сильвекъ гордъ, злобенъ и даже безпощаденъ, Кемпа—идеально снисходителенъ, гуманенъ и ангельски незлобивъ. У него, конечно, по человѣчеству поднимаются иной разъ мрачныя настроенія, но онъ немедленно вступаетъ съ ними въ борьбу, и кротость и любовь одерживаютъ верхъ. Сильвекъ, напротивъ, съ дѣтства питаетъ въ себѣ ярость и желчь и ежеминутно готовъ на месть и кровавую расправу съ ненавистными обладателями земныхъ благъ.

Уже по этимъ даннымъ видно, до какой степени авторъ упростилъ свою задачу и въ то же время сдѣлалъ ее очень неблагодарной для себя самого. Собственно идей и психологіи нѣтъ въ романѣ и не можетъ быть, потому что оба

героя воплощенія однотонныхъ и односложныхъ *чувствъ*, одинъ *злобы* на богачей, другой *жалости* къ бѣднякамъ. Сообразно съ этой программой рѣзко разграничены свѣтъ и тѣни. Кемпа—идеалистъ и мечтатель до полной невинѣняемости, бездомный пророкъ, одержимый экстазомъ предъ видѣніями и образами своего пылкаго воображенія. Сильвекъ—грозный, мрачный геній трущобъ и подваловъ, гордый какъ принцъ крови и благородный какъ странствующій рыцарь. У одного весь символъ соціальной борьбы сводится къ мучительной природной способности *жалѣть*, у другого къ такому же врожденному инстинкту *мстить*. Сильвекъ—незаконный сынъ аристократа, брошенный матерью, съ первыхъ же проблесковъ сознанія проникается негодованіемъ на счастливое человѣчество. Авторъ не жалѣетъ красокъ обрисовать закаленную душу своего героя. Уже въ восемь лѣтъ Сильвекъ поражаетъ мужествомъ чуть ли не римскаго гражданина, не кричитъ отъ сильнаго обжога, а только дуетъ на рану, «грозно хмуря брови». Въ этомъ же возрастѣ онъ является не менѣе развитымъ философомъ, отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ такихъ отвлеченныхъ понятіяхъ, какъ «несправедливость»: именно это слово онъ повторяетъ *полный глубокаго убѣжденія*.

Конечно, бѣдность и лишенія—удивительная школа и быстро совершенствуютъ разумъ своихъ жертвъ. Но только намъ желательно было бы имѣть дѣло съ болѣе послѣдовательнымъ и съ болѣе общедоступнымъ развитіемъ. Чѣмъ жизненнѣе и распространеннѣе сама драма, взятая авторомъ, тѣмъ *общечеловѣчнѣе* должны быть герои: иначе *убѣдительность* авторскаго творчества теряетъ ровно настолько же, насколько выигрываетъ внѣшній блескъ и эффектъ дѣйствующихъ лицъ и эпизодовъ. Мотивъ драмы, можно сказать, кричитъ въ уши всякому, кто сколько-нибудь способенъ слышать и слушать, зачѣмъ еще здѣсь «нажимать педаль» и извлекать изъ стараго театральнаго реквизита разныя романтическія прелести, которыя уже должны бы перестать удивлять даже дѣтей и отроковъ? Это для авторовъ *Рюи-Блаза* и *Антони* требовалось непремѣнно представителя «народа» одѣть въ невиданный міромъ костюмъ, одарить неслыханной смертными рѣчью и сверхъестественной мимикой. Современному писателю всѣ эти фокусы должны казаться недостойными современнаго правдиваго и сильнаго правдою искусства. Современный писатель долженъ разъ навсегда убѣдиться, что картина человѣческихъ страданій и неправды именно тѣмъ и поразительна, что она заурядна, обыкновенна, что съ насиліями приходится бороться не героямъ, а простымъ хорошимъ людямъ, что зло жизни давитъ не столько исключительныя натуры, у которыхъ могутъ найтись средства для борьбы и даже для побѣды, а вообще человѣческую природу. Еще полтораста лѣтъ тому назадъ литературные критики доказывали безплодность всего *чрезвычайнаго* въ искусствѣ, и съ этихъ доказательствъ началось торжество реализма надъ кошмарными школами литературы. Г-жѣ Ожешковой вздумалось будто воскресить на вѣки осужденную старину. Мы не вѣримъ, чтобы на свѣтъ рождались столь же совершенные, вполнѣ вооруженные герои, какою Минерва вышла изъ головы Зевса. Мы, напротивъ, убѣждены, что даже великіе люди въ дѣтствѣ—непремѣнно дѣти и часто даже менѣе удовлетворительные съ высокихъ нравственныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ будущіе простые смертные. Мы отказываемся понимать, зачѣмъ Сильвеку въ восемь лѣтъ надо быть Муціемъ и Жанъ-Жакомъ, и какимъ образомъ Кемпа могъ «съ самаго ранняго дѣтства не потворствовать слабостямъ своего тѣла?» Если это такъ, то авторъ напрасно взываетъ къ нашему сердцу въ пользу такихъ великихъ богатырей: они обойдутся и безъ нашего сочувствія и самый процессъ борьбы можетъ доставить имъ только сугубое утѣшеніе: при такихъ силахъ и такомъ раннемъ развитіи ихъ счеты съ превратностями судьбы только легкая гимнастика. И мы, дѣйствительно, не питаемъ и малой доли того человѣческаго интереса къ Сильвеку, какой умѣла вызвать г-жа Ожешкова къ «Хаму», еврею Шмулю и даже къ Владеку и Марусѣ. Сильвекъ по происхожденію аристократъ,

по образу жизни «уличникъ»—чисто-романтическая, условная фигура, и переживаемыя имъ приключенія на каждомъ шагу смахиваютъ на излюбленные головокружительные контрасты Гюго и его сподвижниковъ. Развѣ рыцарственный оборвышъ и подлый маменькинъ сынъ, папскій родичъ—не группа изъ благороднаго лакея и низкаго гранда? И мы къ этимъ коллизіямъ относимся совершенно такъ же, какъ и къ романтическимъ эффектамъ: воображеніе у поэта довольно сценично, но смыслъ не особенно глубокъ и мало поучителенъ.

Такова основная тема романа. Но она переплетена въ многочисленныя подробности, для насъ несравненно болѣе привлекательныя, чѣмъ главные герои. Именно на этихъ подробностяхъ сказывается настоящее дарованіе писательницы. Здѣсь она идеалистка съ большимъ реалистическимъ художественнымъ талантомъ, правдивый бытописатель и глубоко чувствующій психологъ. Она въ своей *родной* средѣ въ кладбищенской караулкѣ, среди удручающей бѣдноты, у людей безъ имени и безъ всякой героической закваски. Лукашъ и Анастасія— это даже не имена, а простыя клички для *одного* и *одной* изъ милліоновъ почти тождественныхъ лицъ. И интересы, ежедневно волнующіе этихъ людей, постороннему человѣку надо разсматривать подъ микроскопомъ, и съ особенной любовью, чтобы понять безысходную драму цѣлой жизни со дня рожденія до послѣдняго часа. Лукашъ по своему понялъ эту драму, какъ истинный философъ: сколько герой и не жалуется на судьбу, лучше не будетъ. Умнѣе всего—совсѣмъ не горевать и пользоваться каждымъ мимолетнымъ проблескомъ, и онъ ухитряется устроить праздникъ на послѣдніе гроши—собственно не ради кутежа, а именно по философскому складу своихъ житейскихъ воззрѣній. Онъ умѣетъ ихъ выразить въ весьма краснорѣчивой формѣ, съ приправой изъ молитвъ, текстовъ и правилъ народной мудрости. Это въ сущности очень тонкій, безгранично добродушный эпикуреецъ, постигшій таинство жизни чрезвычайно просто и пріятно, не смотря на неотступную нужду. Сцены, гдѣ Лукашъ принимается резонировать на счетъ всеобщаго равенства предъ смертью, краткости человѣческой жизни, преисполнены живого комизма и показываютъ, какою силою поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности одарена писательница. Монологи Лукаша съ костями мертвецовъ не имѣютъ ничего общаго съ полуцинической болтовней шекспировскихъ могильщиковъ, похожей на «юморъ висѣлицы»: Лукашъ и за своимъ печальнымъ дѣломъ все тотъ же неисправимый балагуръ, неисчерпаемо находчивый на добродушныя шутки и способный во всемъ отыскать юмористическую сторону.

Полный контрастъ ему—его жена. Эта поглощена мучительной заботой о хлѣбѣ единомъ, во снѣ и на яву дрожитъ при одной мысли, что ей придется очутиться на улицѣ. Какой потрясающій годами укоренившійся ужасъ предъ призракомъ голодной и холодной смерти! И несчастная переживаетъ его не минутами, не въ исключительно мрачныхъ настроеніяхъ—это обычное состояніе ея души. И авторъ простымъ описаніемъ обстановки, ежедневныхъ эпизодовъ этого заугольнаго существованія заставляетъ насъ представлять въ незабвенныхъ образахъ участь бѣдноты. Когда Анастасіи приходятъ сообщить страшную, хотя и давно ожидаемую новость и она убѣждается, наконецъ, что кладбищенская сторожка завтра будетъ отнята у нея, съ ея языка срываются только два слова и произноситъ она ихъ шопотомъ, помертвѣлыми губами: «Вотъ и свѣтопреставленіе». Эти два слова стоили десятка жесточайшихъ монологовъ героевъ въ родѣ Сильвека и чувствительнѣйшихъ изліяній Кемпы. Поэтому за этими словами и слѣдуетъ немедленно агонія и смерть. Послѣднія минуты Анастасіи сдѣлали бы честь самому идейному народному поэту: столько заключено захватывающихъ воплей надорванной души въ каждой фразѣ, какую умирающая обращаетъ къ мужу или къ своей горькой участи! А между тѣмъ ничего не можетъ быть бѣднѣе и однообразнѣе словаря, какимъ пользуются Лукашъ и его

жена, ничего безхитростнѣе ея воспоминаній о тяжеломъ прожитомъ и ничего наивнѣе предсмертныхъ признаній, на сколько ей всегда было жаль мужа—мота и пьяницу. Этимъ людямъ надо очутиться на краю могилы, чтобы рѣшиться заговорить въ нѣжномъ тонѣ: жизнь всякую нѣжность устраняла, какъ роскошь, какъ «глупость»...

Вотъ это дѣйствительно исторія и психологія бѣдныхъ и несчастныхъ, а не громогласные театральные герои въ живописныхъ лохмотьяхъ и съ молніеносными рѣчами. Читателю понятно, почему такими ходульными выходятъ у нашего автора экстренные вымыслы и почему необыкновенное въ дѣйствительности является уже совсѣмъ невѣроятнымъ подъ его перомъ. Авторъ *не умѣетъ сочинять* и рѣшительно неспособенъ лгать. Искренность и сердечность—основныя свойства его художественной природы и онъ заранѣе осудилъ себя на *роль* и, притомъ, совершенно не свойственную, выбравъ въ герои двухъ *униковъ* человѣческаго рода. Истинными героями его романа оказались кладбищенскій сторожъ—весельчакъ и нищій, и его жена, а Сильвекъ и панъ Кемпа, не смотря на видимыя и добросовѣстныя усилія, какъ были, такъ и остались тяжелыми больными эксцессами преднамѣренно взвинченной фантазіи. Романъ литературенъ и поучителенъ частностями и второстепенными подробностями: и ради нихъ онъ стоитъ быть прочтеннымъ. Переводъ литературенъ и вполнѣ удачно передаетъ отмѣченныя нами лучшія мѣста романа.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція П. Вейнберга. Томы I и II. Спб. 1898 г. Столѣтняя годовщина дня рожденія Гейне, наступившая въ концѣ минувшаго года, праздновалась русской интеллигенціей съ большимъ сочувствіемъ: не многіе иностранные поэты имѣли такое большое вліяніе на развитіе русской мысли, какъ отрицатель и романтикъ Гейне съ его всеразрушающимъ смѣхомъ и душой, истомленной желаніемъ вѣрить. Гейне вошелъ въ русскую поэзію путемъ множества переводовъ, сдѣланныхъ въ разное время лучшими русскими поэтами. Проза Гейне—далеко не уступающая его стихамъ и даже нерѣдко болѣе обаятельная и поэтичная—тоже переводилась и не разъ. Въ настоящее время появляется новый переводъ, заслуживающій особаго вниманія, обѣщая быть наиболѣе цѣльнымъ и литературно выдержаннымъ изданіемъ Гейне изъ всѣхъ прежнихъ. Новое изданіе предпринято Петромъ Вейнбергомъ, извѣстнымъ, какъ лучшій переводчикъ Гейне, виртуозно передающій капризный стихъ нѣмецкаго поэта. Вмѣстѣ съ поэзіей г. Вейнбергъ взялъ на себя и переводъ прозаическихъ вещей Гейне. И въ его авторитетномъ переводѣ Гейне наименѣе утрачиваетъ ту самобытную прелесть, которая не можетъ не исчезнуть отчасти при передачѣ на другой языкъ.

Какъ видно по предисловію г. Вейнберга, издаваемый теперь переводъ является продолженіемъ давно начатаго труда. Изданіе сочиненій Генриха Гейне начато было г. Вейнбергомъ, какъ оказывается, въ 1866 г. и доведено до двѣнадцати томовъ, послѣ чего изданіе перешло въ другія руки. Настоящее же изданіе появляется въ совершенно обновленномъ видѣ въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, многія произведенія, какъ прозаическія, такъ стихотворныя, переведены заново; во-вторыхъ, въ текстѣ сдѣланы очень значительныя дополненія въ сравненіи съ прежними изданіями; въ-третьихъ, оно снабжено необходимыми примѣчаніями; въ-четвертыхъ, оно болѣе общедоступно по цѣнѣ. Все изданіе предполагается изъ восьми томовъ съ прибавленіемъ біографіи Гейне и разныхъ иллюстрацій. Переводъ сдѣланъ по критическому изданію профессора Эльстера.

Въ первыхъ двухъ томахъ новаго изданія помѣщены наиболѣе интересныя изъ прозаическихъ произведеній Гейне. Если бы, забывъ лирику Гейне, судить о немъ по тѣмъ прозаическимъ образцамъ, которые появляются теперь въ прекрасномъ переводѣ г. Вейнберга, то личность поэта не оказалась бы не

только менѣе высокой, но, быть можетъ, напротивъ того, болѣе глубокой и болѣе сложной и, кромѣ того, болѣе близкой нашему времени. Достоинство великихъ писателей заключается въ томъ, что каждое время черпаетъ въ нихъ нѣчто родственное себѣ, своему отношенію къ міру. Въ творчествѣ Гейне этотъ признакъ великаго таланта обнаруживается очень ярко. Въ расцвѣтъ романтизма Гейне плѣнялъ всѣхъ своей лирикой, своимъ воспѣваніемъ нарядныхъ любовныхъ страданій. Теперь эта риторика страсти, лишенная красокъ, воспѣвающая все тѣ же лиліи рукъ, розы ланитъ и фіалки глазъ, наивная въ изображеніи общихъ мѣстъ сердечной жизни,—уже не трогаетъ и едва-ли вызываетъ слезы даже облеченная музыкой Шуберта, Шумана и другихъ композиторовъ. Какъ ни блестящъ и пѣвучъ стихъ Гейне, все-таки онъ не можетъ искупить поверхностнаго романтизма настроенія. Но внѣ своей любовной лирики и главнымъ образомъ въ своей прозѣ Гейне остается для насъ великимъ поэтомъ. Быть можетъ, повинуясь голосу современности, русскій переводчикъ далъ въ первыхъ же книжкахъ своего изданія тѣ вещи Гейне, которыя могутъ наиболѣе заинтересовать современнаго читателя. Такъ, въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены образцы глубокаго юмора Гейне, его «Книга Ле-Гранъ» и, главное, книга, заключающая его самыя оригинальныя и самыя широкія въ философскомъ отношеніи мысли—«Людвигъ Берне». Какъ образецъ поэтическаго языка Гейне, въ первомъ томѣ помѣщены его описанія путешествій на Гарцъ и въ Нордернэй.

Въ книгѣ о Людвигѣ Берне Гейне высказалъ цѣлый рядъ историческихъ и философскихъ идей, которыя не только не устарѣли въ настоящее время, но могутъ и теперь служить отвѣтомъ на разные общественные вопросы. Гейне часто ставили въ упрекъ эту книгу за находящіеся въ ней несправедливые нападки на Берне и, главное, за безцеремонное обращеніе съ фактами личной жизни Берне. Но эта пасквильная сторона книги утратила свою остроту съ теченіемъ времени, и на первый планъ выступила художественность сатиры и сила ума Гейне, который умѣетъ быть всегда правымъ, т. е. освѣтить въ явленіяхъ желательную для него сторону, хотя бы совершенно незамѣтную для другихъ. Гейне хотѣлъ выставить въ смѣшномъ видѣ узкій демократизмъ Берне, самую же личность искренняго борца за политическую свободу онъ скорѣе превознесъ, говоря постоянно о славѣ Берне, о своемъ почтительномъ отношеніи къ нему при встрѣчахъ. Въ сущности, не самъ Берне съ его партійнымъ отношеніемъ къ событіямъ и людямъ интересовалъ Гейне, а тотъ интеллектуальный типъ, яркимъ представителемъ котораго Гейне считалъ своего соотечественника и соплеменника. Говоря о злобномъ отношеніи Берне къ Гёте и отыскивая причины искренной стихійной ненависти публициста къ величайшему изъ поэтовъ, Гейне строитъ блестящую теорію объ «эллинствѣ» и «назареанствѣ»: эллины—жизнерадостные пантеисты, назареане—аскеты и мученики по призванію, отрицатели «великой радости» классическихъ боговъ. Подъ эти два міровые типа Гейне подводитъ писателей самыхъ различныхъ національностей и антагонизмъ Гёте и Берне объясняетъ тѣмъ, что назареанинъ Берне съ его политической экзальтаціей не могъ понять величія въ наслажденіи жизнью на подобіе греческихъ боговъ. Самъ Гейне очевидный эллинъ, влюбленный въ формы. Этимъ, въ свою очередь, объясняется его антипатія къ Берне, который пренебрегалъ художественной отдѣлкой языка, считая, что для писателя единственно важнымъ является искренность убѣжденій. Берне презиралъ красоты языка Гёте. «Онъ не понималъ,—говоритъ Гейне,—объективной свободы гётевской манеры и художественную форму принималъ за отсутствіе чувства. Онъ походилъ на ребенка, который, не понимая пламеннаго смысла греческой статуи, ощупываетъ только мраморныя формы и жалуется на холодъ».

Мы придаемъ особое значеніе книгѣ Гейне о Берне, ибо въ ней ярче всего высказался Гейне въ своемъ антагонизмѣ съ его собственнымъ поколѣніемъ

и въ его близости къ современному намъ понятію о свободѣ и гражданственности. Другія произведенія, вошедшія въ первые два тома новаго изданія, имѣютъ уже чисто художественный интересъ. Такова въ особенности «Книга Ле-Гранъ»—образецъ юмора высшаго рода.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Братская помощь». — *С. С. Шашковъ*. «Собраніе сочиненій». — *Ф. Паульсенъ*. «Нѣмецкіе университеты».

Братская помощь армянамъ. 2-е изданіе. 1898 г. Ц. 3 р. Первое изданіе этого сборника, о которомъ мы уже говорили подробно въ свое время, разошлось въ 4 мѣсяца, въ количествѣ 3.600 экземпляровъ, давъ чистой прибыли 21.000 р. Рѣдкій и высоко утѣшительный фактъ этотъ говоритъ съ неопровержимой ясностью, что искреннее, горячее слово имѣетъ доступъ въ сердца людей. Весь сборникъ есть одинъ страстный порывъ, жгучее обращеніе къ сердцу и уму публики, которой въ разнообразной формѣ сборникъ даетъ огромный матеріалъ для яснаго представленія о томъ, что такое армянскій вопросъ, исторію его возникновенія, его настоящее и возможное будущее. Новое изданіе не уступаетъ первому, и по разнообразію, и по богатству, и по выбору матеріала. Серьезная и гуманная цѣль изданія, умѣлая и опытная редакціи привлекли лучшія силы литературы и науки, и въ общемъ получилась книга, въ равной степени серьезная по содержанію и превосходная по обработкѣ. Чтобы не увеличивать чрезмѣрно объемъ новаго изданія, и безъ того превышающій 50 печатныхъ листовъ, нѣкоторыя изъ статей перваго изданія пришлось сократить, чтобы помѣстить новый интересный матеріалъ, придать сборнику характеръ самой свѣжей современности. Кромѣ того, редакція получила столько новыхъ статей (болѣе 40), что для помѣщенія ихъ было необходимо исключить двѣ-три старыхъ, уже не имѣющихъ большого значенія, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ и новымъ даннымъ. Къ сожалѣнію, въ существѣ армянскаго вопроса не произошло измѣненій, и если замолкли слухи о новыхъ массовыхъ избіеніяхъ, то не сдѣлано ничего, чтобы предотвратить самую ихъ возможность. Это указываетъ на неотложность помощи, потому что жертвъ слишкомъ много, а средствъ попрежнему мало. Какія-нибудь двадцать тысячъ, вырученныхъ отъ продажи перваго изданія, что значатъ онѣ въ сравненіи съ сотнями тысячъ разоренныхъ и обнищавшихъ людей, оставшихся буквально подъ голымъ небомъ послѣ турецкихъ неистовствъ года два тому назадъ? Нужно замѣтить, что положеніе армянъ ни мало не улучшилась за эти два года, и надеждъ на улучшеніе пока никакихъ не предвидится. Европейскій концертъ, повидимому, окончательно успокоился и судьбы злополучнаго народа всецѣло предоставилъ Турціи и волѣ ея правительства, весьма мало склоннаго заботиться объ армянахъ.

Изъ новыхъ статей, вошедшихъ въ второе изданіе, отмѣтимъ разсказъ г. Чехова «На подводѣ», написанный ярко и тепло. Типичныя фигуры заморенной сельской учительницы и ея спутника извозчика написаны съ обычнымъ мастерствомъ. Хмурый пейзажъ, на фонѣ котораго выступаютъ обѣ печальныя, забитыя жизнью, личности, меланхолія, проникающая весь разсказъ, дѣлаютъ его настоящимъ символическимъ изображеніемъ армянскаго вопроса, также всѣми покинутаго, всѣмъ чуждаго и мало интереснаго, какъ и эта изстрадавшаяся учительница и ея возница. Внѣшность второго изданія такъ же хороша, какъ и перваго. Остается пожелать, чтобы и второе изданіе встрѣтило такой же теплый пріемъ.

С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Цѣна за оба тома 4 р. Спб. (Изданіе О. Н. Поповой). Сочиненія Шашкова, въ особенности «Историческія судьбы женщины» и «Исторія русской женщины», пользовались въ свое время громкой извѣстностью и уже давно сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Новое изданіе даетъ возможность вспомнить произведенія этого благороднаго защитника эмансипаціи женщинъ, посвятившаго почти всю свою литературную дѣятельность «женскому вопросу». Въ настоящее время этотъ вопросъ уже утратилъ свою остроту, которою онъ отличался въ шестидесятыхъ годахъ, но и въ настоящее время онъ не снятъ съ очереди. Многія идеи, горячо волновавшія прежнихъ защитниковъ эмансипаціи женщинъ, въ настоящее время стали общимъ достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей нашего времени, и этимъ мы, несомнѣнно, въ значительной степени обязаны воодушевленной проповѣди тѣхъ поборниковъ «женскаго вопроса», яркимъ представителемъ которыхъ является Шашковъ. Конечно, его сочиненія должны быть оцѣниваемы съ исторической точки зрѣнія. Многіе взгляды его уже устарѣли, статистическія данныя не рисуютъ современнаго положенія дѣлъ, изложеніе далеко не исчерпываетъ всего огромнаго фактическаго матеріала; но этихъ требованій мы и не можемъ предъявлять автору. Его задача — другая: онъ хочетъ пробудить въ читателяхъ интересъ къ занимающимъ его вопросамъ, хочетъ дать историческое освѣщеніе вопросамъ современности и такимъ образомъ укрѣпить почву подъ ногами своихъ сторонниковъ. Современность у него всюду на первомъ планѣ, даже тогда, когда онъ говоритъ о временахъ доисторическихъ. «Доказать, что женщина идетъ впередъ такъ же давно, какъ и мужчина, что женское дѣло стоитъ на прочномъ историческомъ основаніи, выяснить значеніе семейства и женщины въ исторіи цивилизаціи, обозначить ту цѣль, къ которой стремятся онѣ въ своемъ прогрессивномъ развитіи, укрѣпить вѣру женщины въ свои силы и въ успѣхъ своего дѣла» — вотъ что имѣетъ въ виду Шашковъ. Онъ выбираетъ только самые важные факты, увлекательно излагаетъ исторію отдѣльныхъ вопросовъ и каждая строка его изложенія проникнута такою искреннею и благородной любовью ко всѣмъ угнетеннымъ, что вниманіе читателя невольно приковывается къ его повѣствованію, и трудно оторваться отъ этихъ талантливыхъ строкъ. Не самые факты, а искренность и благородное одушевленіе автора не утратили и теперь своего значенія, и мы увѣрены, что его книга и теперь еще можетъ сослужить хорошую службу, поддерживая и поднимая духъ современныхъ защитниковъ тѣхъ взглядовъ, которые защищалъ Шашковъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже двухъ крупныхъ сочиненій Шашкова, въ это изданіе вошли (во второй томъ) менѣе извѣстные «историческіе очерки» и «историческіе этюды», написанные съ тѣмъ же мастерствомъ и такъ же увлекательно. И здѣсь авторъ является тѣмъ же защитникомъ всего угнетеннаго и порабощеннаго. Тутъ мы находимъ очеркъ «Судьбы Ирландіи», которая привлекла вниманіе автора своими безпримѣрными страданіями. Статья «Рабство въ Сибири» описываетъ разновидности того рабства, которое было принесено русскими къ сибирскимъ инородцамъ, и причины, обусловливавшія его развитіе. Этюдъ «Сибирскіе инородцы XIX столѣтія» изображаетъ положеніе сибирскихъ инородцевъ, переходъ инородческихъ земель въ руки русскихъ, экономическую зависимость инородцевъ отъ русскихъ и т. д. Небольшая статья подъ заглавіемъ «Россійско Американская Компанія» дополняетъ картину, нарисованную предъидущими статьями, изображая эксплоатацію алеутовъ компаніей, занимающейся промысломъ ловли бобровъ, морскихъ котовъ и другихъ звѣрей.

Кромѣ этихъ статей помѣщенъ во второмъ томѣ рядъ этюдовъ подъ общимъ заглавіемъ «Русскія реакціи», и еще нѣсколько статей, имѣющихъ болѣе отдаленную связь съ главными мотивами, занимающими автора: «Старая и новая

Испанія», «Эдмундъ Бёрнъ», «Газетная пресса въ Англіи», «Поучительная исторія о нѣмцахъ» и «Иркутскій погромъ въ 1758—1760 г.»

Проф. Ф. Паульсенъ. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Е. Вернадской, подъ редакціей В. И. Вернадскаго. Москва. 1898. Этюдъ проф. Паульсена, какъ видно изъ предисловія переводчика, представляетъ введеніе къ изданію германскаго правительства о нѣмецкихъ университетахъ, вышедшему въ 1893 г. для Чикагской выставки. Вслѣдствіе этого авторъ не приводитъ почти никакихъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ о состояніи и движеніи высшаго образованія въ Германіи въ предположеніи, что читатель найдетъ ихъ въ дальнѣйшемъ детальномъ изложеніи, вступительная же статья имѣетъ цѣлью возможно всесторонне выяснить «идею организаціи нѣмецкаго университета» (стр. 127). То обстоятельство, что проф. Паульсенъ предназначалъ свой очеркъ не для сочувствующихъ соотечественниковъ, а для скептическихъ иностранцевъ, сообщаетъ ему особенный характеръ: ничто не предполагается общеизвѣстнымъ и безспорнымъ; напротивъ, каждый вопросъ основательно разъясняется, каждый тезисъ тщательно доказывается, для сравненія постоянно привлекаются факты изъ жизни французскихъ и англійскихъ высшихъ школъ. Къ сожалѣнію, историческая часть является болѣе краткой, чѣмъ было бы желательно въ интересахъ иностранныхъ читателей. Зато картина современнаго германскаго университета врядъ ли можетъ быть представлена ярче при всей краткости очерка.

«Отличительную черту нѣмецкаго университета» (по сравненію съ франц. и англ. университетами) проф. Паульсенъ видитъ въ томъ, «что онъ одновременно служитъ и лабораторіей научнаго *изслѣдованія*, и учрежденіемъ для полученія высшаго научнаго *образованія*» (стр. 5). Роль университетскаго преподаванія является двойная: не только передать слушателямъ ту сумму свѣдѣній, которыя уже добыты наукою, но неустанно продолжая собственную научную работу, посвятить своихъ слушателей въ самый процессъ возникновенія науки и поставить ихъ въ возможность, если они захотятъ, приняться за самостоятельное изслѣдованіе въ данной области. Профессоръ долженъ стремиться быть одновременно изслѣдователемъ и учителемъ. Первая цѣль считается при этомъ наиболѣе важной: «первое мѣсто при оцѣнкѣ и выборѣ профессора занимаютъ его ученые труды; и при оцѣнкѣ результатовъ преподаванія наибольшее значеніе также имѣетъ (вопросъ): возбудилъ ли онъ въ ученикѣ интересъ и привычку къ научному труду» (стр. 78). Цѣль научныхъ занятій для студента также заключается не только въ томъ, чтобы воспринимать на вѣру готовыя свѣдѣнія, накоплять матеріалъ, что, конечно, важно и необходимо, но и научиться самостоятельно и научно думать и изслѣдовать. Еслибъ кто изъ студентовъ захотѣлъ ограничиться однимъ заучиваніемъ, тотъ не осуществилъ бы идеи, которую себѣ нѣмцы составили о студентѣ; «какъ бы онъ съ перваго семестра прилежно ни слушалъ и ни повторялъ своихъ лекцій, ни изучалъ учебниковъ и наконецъ ни выдержалъ блистательно экзамена со своимъ, такимъ способомъ пріобрѣтеннымъ сокровищемъ знанія, мы бы все-таки сказали, что ему недостаетъ чего-то, даже недостаетъ главнаго». Это главное, какъ говоритъ цитируемый нашимъ авторомъ проф. Зибель, заключается въ томъ, «чтобъ студентъ получилъ ясное представленіе о цѣли науки и о методахъ, посредствомъ которыхъ она разрѣшаетъ эту задачу; необходимо, чтобъ онъ самъ примѣнилъ нѣкоторые изъ этихъ методовъ хоть на одномъ какомъ-нибудь вопросѣ, чтобы онъ хотя нѣкоторыя проблемы прослѣдилъ до послѣднихъ слѣдствій, до такой точки, гдѣ бы онъ могъ себѣ сказать, что никто на свѣтѣ не можетъ тутъ научить его чему-либо новому, что здѣсь онъ стоитъ твердо и увѣренно на собственныхъ ногахъ и имѣетъ право рѣшать по собственному разуму. Это сознаніе собственными средствами достигнутой самостоятель-

ности—неоцѣненное пріобрѣтеніе» (стр. 108—109). Само собою разумѣется, что университетъ не можетъ задаваться цѣлью приготовлять изъ всѣхъ студентовъ спеціалистовъ ученыхъ, но какое бы практическое поприще ни избралъ молодой человѣкъ по окончаніи университетскаго образованія, такая научная подготовка можетъ оказать ему только величайшую пользу въ его дѣятельности. Эту мысль подробнѣе развилъ тотъ же проф. Паульсенъ въ другой своей статьѣ о преподаваніи и ученіи въ нѣмецкихъ университетахъ («Deutsche Rundschau» 1894).

Изображая организацію нѣмецкаго университета и строй университетской жизни, проф. Паульсенъ вкратцѣ подвергаетъ пересмотру всѣ спорные пункты, которые постоянно обсуждаются въ печати и въ обществѣ. Добросовѣстно отмѣчая всѣ заслуживающія вниманія мнѣнія, онъ почти всегда находитъ, что существующая практика университетовъ совершеннѣе и справедливѣе всѣхъ другихъ возможныхъ рѣшеній вопроса, и въ большинствѣ случаевъ съ этимъ нельзя не согласиться. Особенно краснорѣчивъ проф. Паульсенъ, когда рѣчь заходитъ о свободѣ преподаванія, которая еще и нынѣ встрѣчаетъ въ Германіи нѣкоторое противодѣйствіе въ такихъ областяхъ знанія, какъ теологія и философія. «Задачи, стоящія передъ преподавателемъ нѣмецкаго университета, необходимо требуютъ свободы преподаванія. Если онъ долженъ быть самостоятельнымъ научнымъ изслѣдователемъ и долженъ изъ своихъ учениковъ подготовлять такихъ «изслѣдователей», то ему не могутъ предписывать содержаніе его преподаванія» (стр. 88). Научное преподаваніе «можетъ быть полезно лишь подъ условіемъ увѣренности слушателя въ томъ, что оно служитъ свободнымъ, безпристрастнымъ выраженіемъ убѣжденія преподавателя, основаннымъ на посильномъ знаніи и добросовѣстности» и не подвергается иному контролю, кромѣ контроля свободнаго изслѣдованія (стр.93). «Чрезвычайно нелѣпо,—говоритъ Кантъ,—требовать отъ разума объясненія и все же заранѣе предписывать ему отвѣтъ». Такъ же рѣшительно проф. Паульсенъ защищаетъ существующую въ Германіи абсолютную свободу ученія (стр. 109—115). То обстоятельство, что нѣкоторые студенты пользуются этой свободой, чтобы вовсе ничего не слушать и не работать, «часто давало нѣкоторымъ заботливымъ правительствамъ и осмотрительнымъ отцамъ поводъ возбуждать вопросъ о нѣкоторомъ ограниченіи академической свободы», но никто не умѣлъ придумать новыхъ средствъ, кромѣ давно дискредитированныхъ, какъ, напр., систематическіе планы занятій, семестровые или переходные экзамены, контрольные листы для отмѣтокъ о прилежаніи и т. п. «Жалкіе положительные результаты (этихъ принудительныхъ мѣръ) имѣли бы самыя тяжелыя отрицательныя послѣдствія». Достиженіе цѣли было бы чисто формальное, зато отношенія между преподавателями и слушателями, дѣйствительно, весьма отрадныя въ нѣмецкихъ университетахъ, были бы испорчены. Съ понятной и завидной гордостью проф. Паульсенъ высказываетъ убѣжденіе, что никто изъ нѣмецкихъ профессоровъ «не желалъ бы стоять передъ аудиторіей, которой онъ не могъ бы во всякое время сказать: никто не принуждаетъ приходить сюда тѣхъ, кто не находитъ здѣсь того, что желаетъ». Принудительныя мѣры испортили бы также отношеніе къ наукѣ: если бы ее стали навязывать, она бы стала ненавистна не только тѣмъ, которые по природѣ не имѣютъ къ ней склонности, но также и тѣмъ, которые теперь испытываютъ къ ней свободное влеченіе.

Менѣе симпатично русскому читателю сочувствіе автора къ такимъ явленіямъ, какъ существующая въ Германіи система гонораровъ, перенесенная оттуда въ нашъ университетскій уставъ 1884 г., раздѣленіе лекцій на общіе курсы и приватныя занятія за особое вознагражденіе и нѣкоторыя другія. Еще непонятнѣе восхищеніе проф. Паульсена предъ «демократическимъ характеромъ нѣмецкаго университета», который онъ видитъ въ томъ, что на университетской скамьѣ можно встрѣтить рядомъ съ сыновьями наслѣдствен-

ныхъ дворянъ и денежной аристократіи также сыновей крестьянъ и ремесленниковъ; всѣ члены академическаго цѣлаго чувствуютъ себя равноправными, и никому не могутъ отказать въ удовлетвореніи подъ предлогомъ его происхожденія. Если принять во вниманіе, какая глубокая бездна существуетъ по нѣмецкимъ понятіямъ между студентомъ и окончившимъ университетъ («филистромъ») съ одной стороны и не имѣющимъ университетскаго образованія («кнотомъ») съ другой стороны, то эпитетъ демократическій надо будетъ признать лишь условнымъ. Къ тому же, самъ авторъ признается, что всесословность нѣмецкаго университета въ настоящее время существуетъ лишь въ идеѣ. Низшіе классы общества «почти не имѣютъ представителей въ университетѣ». «*Pauperes* старыхъ университетовъ начинаютъ исчезать», благодаря продолжительности и дороговизнѣ средняго и высшаго образованія. «Въ обществѣ существуетъ сильное теченіе, сочувствующее ихъ исчезновенію». Юристы, медики и учителя заявляютъ иногда, что «сословіе ихъ страдаетъ отъ проникновенія въ его среду молодыхъ людей низшихъ состояній, сыновей портныхъ, перчаточниковъ, мелкихъ крестьянъ собственниковъ и деревенскихъ учителей». Проф. Паульсенъ къ удивленію читателя находитъ, что «эти размышленія, несомнѣнно, не лишены нѣкотораго основанія. Бѣдность, конечно, служитъ большимъ препятствіемъ для успѣшности занятій; тотъ, кто цѣной лишеній и нужды принужденъ уроками зарабатывать себѣ дневное пропитаніе, имѣетъ, большею частью, слишкомъ мало времени, силъ и свѣжести для научной работы» (стр. 68). Въ странномъ противорѣчіи съ этими мыслями находятся тутъ же сочувственно цитируемыя слова великаго Я. Гримма: «бѣдность поощряетъ къ труду и работѣ, охраняетъ отъ многихъ развлеченій и возбуждаетъ благородную гордость, поддерживаемую сознаніемъ, что бѣднякъ обязанъ себѣ самому тѣмъ, что другимъ дается почетомъ и богатствомъ...» Эти прекрасныя слова какъ нельзя лучше оправдываются и на примѣрѣ русской интеллигенціи, почти сплошь состоящей изъ разночинцевъ и пролетаріевъ. Но если такимъ образомъ не со всѣми мнѣніями профессора Паульсена можно согласиться, это не мѣшаетъ его очерку быть въ высшей степени интереснымъ для всякаго, кто принимаетъ къ сердцу судьбы высшаго образованія.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Левесъ. «Женскіе типы Шекспира».—*А. Галле.* «Бомарше».

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго А. Страхова. Спб. Изданіе Пантелѣева. 1898. Цѣна 2 р. Русскому переводу книги Левеса предшествуетъ предисловіе проф. Н. И. Стороженко, и кромѣ того приложена статья Доудена *Женскіе типы Шекспира*. Нѣмецкое сочиненіе, слѣдовательно, является въ сильной степени украшеннымъ и дополненнымъ. Это—очень кстати: оно нуждается и въ томъ, и въ другомъ. Проф. Стороженко, отмѣчая достоинства сочиненія Левеса, указываетъ и на два его недостатка. Одинъ, впрочемъ, не существенъ: онъ заключается въ слишкомъ искусственномъ распредѣленіи шекспировскихъ пьесъ по періодамъ: это обычная страсть и обычное фіаско нѣмецкихъ шекспирологовъ. Но другой недостатокъ, указываемый авторомъ предисловія, важнѣе. О немъ проф. Стороженко говоритъ слѣдующее: «Второй недостатокъ книги Левеса—есть неравномѣрное распредѣленіе свѣта и тѣни, являющееся результатомъ вполнѣ естественнаго, впрочемъ, пристрастія автора къ нѣкоторымъ характерамъ. Въ силу этого пристрастія однѣ изъ шекспировскихъ героинь освѣщены слишкомъ ярко и всестороннѣе, на другихъ па-

даетъ свѣтъ только съ одной стороны и, наконецъ, два интересные женскіе характера (Крессида въ драмѣ *Троилъ и Крессида* и Изабелла въ пьесѣ *Мѣра за мѣру*) оставлены совсѣмъ безъ разсмотрѣнія».

Намъ думается, и этотъ пробѣлъ не нанесъ бы особеннаго ущерба, если бы свѣтъ и тѣни понимались нѣмецкимъ авторомъ хотя бы нѣсколько иначе, чѣмъ онъ ихъ понимаетъ и чрезвычайно энергично настаиваетъ на своемъ пониманіи.

Психологу, избравшему своей задачей характеристику, женскихъ типовъ, необходимо, разумѣется, имѣть предъ глазами свой опредѣленный идеалъ женщины. Этотъ идеалъ будетъ мѣриломъ его нравственныхъ приговоровъ и принципомъ его критики. И Левесъ обладаетъ такимъ идеаломъ и прикидываетъ его ко всѣмъ героинямъ шекспировскихъ комедій и драмъ. Въ чемъ заключается этотъ высшій критерій—авторъ открываетъ на первыхъ же страницахъ своей книги, называя взгляды *укрощенной* Катарины «возвышенными и свѣтлыми». Возвышенность эта заключается особенно въ слѣдующихъ сентенціяхъ героини: «Жена точно также обязана повиноваться мужу, какъ подданный государю; если же она упряма, своенравна, груба, зла и непокорна благоразумной его волѣ,—она преступный возмутитель, гнусный измѣнникъ властителю, который любитъ ее»... Дальше Катарина обращается къ рѣшенію задачи, зачѣмъ женщинѣ дано нѣжное и слабое тѣло, и приходитъ къ заключенію, что сердца и души женщинъ должны отличаться точно такими же качествами. И она—Катарина—готова даже на колѣняхъ доказывать свою покорность предъ мужемъ и неограниченную нѣжность и слабость своей природы.

Вотъ эти рѣчи и составляютъ символъ писательской и мужской вѣры автора. Онъ судитъ о женщинахъ сообразно съ степенью ихъ слабости и готовности падать на колѣни предъ своими законными владыками. Надо при этомъ помнить, что Петруччіо достигъ блестящихъ результатовъ съ строптивой Катариной вовсе не благоразумной волей и вообще не какими-либо нравственными воздѣйствіями, а первобытными властительскими талантами—грозными жестами, громкими криками и, какъ водится, совершенно безсмысленными измывательствами надъ человѣческимъ достоинствомъ укрощаемой супруги. Авторъ, повидимому, не прочь увѣнчать царственнымъ вѣнкомъ и подобнаго «господина», потому что Катарина прозрѣла и научилась мыслить возвышенно именно подъ трескъ бича и раскаты брани своего повелителя. Выводы очевидны.

Авторъ терпѣть не можетъ малѣйшихъ проблесковъ *личности* у дѣвушки или женщины, не говоря уже о самостоятельности и самомъ естественномъ критическомъ отношеніи къ внѣшнему міру. Женщина должна быть невинна, безпомощна, трогательно-нѣжна, экзотична во всѣхъ своихъ чувствахъ и помышленіяхъ. Это—фарфоровая куколка, или, еще лучше, сказочная принцесса изъ газа и пуха, готовая уничтожиться при первомъ прикосновеніи грубой прозы, т. е. сознательности и реальной дѣйствительности. Голубые глаза съ неистребимымъ дѣтскимъ выраженіемъ повергаютъ автора въ восторгъ и онъ не находитъ достаточно лирическихъ рѣчей въ честь Офеліи, именно за то, что дочь Полонія весьма многое видѣла и почти ничего не понимала. Въ сущности это идеалъ мольеровскаго героя, считающаго высшей мудростью всякаго мужчины—жениться на «дурѣ». Такой практическій смыслъ имѣютъ обыкновенно поэтическіе гимны всѣхъ поклонниковъ идеально-женственнаго, въ особенности, мораль Левеса. Что онъ рѣшительно не въ силахъ понять *трагической* роли Офеліи въ судьбѣ Гамлета—объ этомъ нечего и говорить, Офелія—«невинная жертва безжалостной судьбы»; этимъ все сказано: принцу остается emploi жестокаго эгоиста. Несомнѣнно, супруга Манилова именно такъ должна была понимать шекспировскую пьесу и въ своихъ бесѣдахъ объ актерахъ съ полнымъ сочувствіемъ могла бы упомянуть даже о нѣкоторыхъ критикахъ.

Правда, Левесъ подчасъ можетъ поразить чувствительную даму чрезвычайно воинственными рѣчами, въ родѣ слѣдующихъ: «въ цивилизованномъ обществѣ и для всякаго человѣка, заботящагося о чести, нѣтъ болѣе кроваваго, непростительнаго оскорбленія, какъ покушеніе на добродѣтель и непорочность жены. Кодексъ чести всѣхъ образованныхъ народовъ устанавливаетъ, что обида такого рода можетъ быть смыта лишь кровью». Это очень кровожадно, и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ можетъ впасть въ нервную дрожь, но она немедленно должна припомнить, что авторъ старается исключительно въ интересахъ ея нѣжности и слабости, что супружеское счастье для него выше всѣхъ вопросовъ правды и нравственности. По крайней мѣрѣ чета Макбетъ вызываетъ у него трогательныя чувства: при всей преступности эта чета отличается «непоколебимымъ довѣріемъ другъ къ другу». Такъ что если мужъ и жена составятъ «общество на довѣріи» съ цѣлью рѣзать людей, авторъ заявитъ, что это довѣріе «проливаетъ на ужасную картину цѣлаго нѣкоторый смягчающій колоритъ».

Дальше идти нельзя, и автору остается только принести въ жертву своему культу такихъ преступницъ, какъ, напримѣръ, Джульетта. Съ ней очень строгъ нашъ поклонникъ супружескихъ нѣжностей. Онъ находитъ, что она совсѣмъ лишена невинности, дурно воспитана и уже въ дѣвичествѣ постигаетъ тайны любви. «Джульетта уже давно и часто слышала неприличныя выраженія и разныя вещи, которыя невинная дѣвушка не должна знать, да и не знаетъ».

Этой развращенностью и объясняется вся трагедія. Прошлое Джульетты — ниже критики и поэтому она такъ легко соглашается «на крайній поступокъ», т. е. на любовь и свиданія съ Ромео. Предъ нами, слѣдовательно, одна изъ поучительнѣйшихъ драматическихъ иллюстрацій къ извѣстному негодующему воплю фонъ-визиновскаго резонера: вотъ злонравія достойные плоды! Люди, ослѣпленные смертными грѣхами, до сихъ поръ считали Джульетту однимъ изъ поэтичнѣйшихъ образовъ, какіе только создавались искусствомъ,—оказывается, выходитъ совершенно обратное: это сатира на дурное воспитаніе дѣвицъ. И нашъ критикъ безусловно становится на сторону монаха, говорящаго очень умныя вещи и—все кстати—насчетъ «чрезмѣрно порывистыхъ восторговъ». Несчастный Шекспиръ! Подозрѣвалъ ли онъ, что, дважды передѣлывая одну изъ любимѣйшихъ своихъ драмъ, онъ даетъ лишнее оружіе въ руки разнымъ салопницамъ, строгимъ на счетъ манеръ! Лэди Макбетъ — поразительна, а Джульетта—преступна: какое торжество благонамѣреннаго нравственнаго чувства! Но и на Джульеттѣ не кончаются блестящіе моральные опыты нѣмецкаго критика.

Полнаго торжества его нѣжная философія достигаетъ въ приговорѣ надъ Порціей, женой Брута. Критикъ рѣшительно не желаетъ примириться съ сильной волей женщины. Помилуйте! существо, созданное для вѣрноподданническихъ преклоненій предъ мужемъ и для его отеческихъ ласкъ и поученій, вдругъ пожелаетъ стать человѣкомъ и даже мыслящимъ! Бунтъ и измѣна, и Левесъ начертаетъ слѣдующія строки, вполнѣ достойныя обезсмертить нашего философа, если только судьбѣ угодно наградить его безсмертіемъ за примѣрную добродѣтель: «мы изумляемся этому мощному женскому типу; но эта необыкновенная сила, это величіе духа, болѣе свойственное мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, производитъ на насъ нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе; мы изумляемся Порціи, но не ощущаемъ искренней, теплой симпатіи къ ней».

Это ощущеніе начинается у автора лишь съ той минуты, когда поэтъ придаетъ своей героинѣ «небольшую, но чрезвычайно симпатичную долю слабостей ея пола».

Замѣтьте, вопросъ идетъ вовсе не о томъ, что женщина не должна соперничать съ мужчиной мужествомъ и отвагой,—вовсе нѣтъ: критикъ не допускаетъ

вообще проявленій нравственной силы у женщины, если только это не безсловесная покорность «господину» и не такъ-называемое «взаимное довѣріе» супруговъ. Вѣроятно, въ виду этого Левесъ и пропустилъ Изабеллу изъ драмы *Мѣра за мѣру*: Изабелла—героиня не на поприщѣ дѣвической невинности и супружеской вѣрности. Она несравненно болѣе опытна въ жизни, чѣмъ Джульетта, слѣдовательно, по представленію автора, еще болѣе порочна и ужъ, конечно, не станетъ на колѣняхъ свидѣтельствовать о своихъ рабскихъ чувствахъ предъ владыкой, вооруженнымъ талантами укротителя звѣрей.

Высота моральныхъ воззрѣній вполнѣ соотвѣтствуетъ его литературному таланту и психологической проницательности. Никакой психологіи въ сущности у Левеса не имѣется: она замѣнена чисто-ученическимъ изложеніемъ фактическаго содержанія пьесъ и этотъ пересказъ авторъ считаетъ анализомъ и характеристикой. Вся личная работа удивительнаго психолога заключается въ прицѣпкѣ поучительныхъ ярлыковъ къ сценамъ и лицамъ. Но и эта нехитрая процедура далеко не всегда можетъ похвалиться даже простѣйшимъ соотвѣтствіемъ съ текстомъ шекспировскихъ произведеній. Мы не знаемъ, напримѣръ, какъ могло автору вообразиться, будто Шекспиръ въ своихъ раннихъ піесахъ изобразилъ женщинъ съ весьма невыгодной стороны? Раннія пьесы—это комедіи, и именно здѣсь женщины—олицетвореніе чистой поэзіи и самоотверженной нравственности. Точная хронологія каждой комедіи отдѣльно неизвѣстна, но безъ большой ошибки большинство ихъ можно отнести къ первому періоду шекспировской дѣятельности. И за исключеніемъ Катарины, снабдившей автора кодексомъ семейной нравственности, женщины этихъ пьесъ поражаютъ обиліемъ симпатичности, низлитой на нихъ по истинѣ рыцарственнымъ вдохновеніемъ поэта. Катарина является исключеніемъ, можетъ быть, потому что комедія *Укрощеніе строптивой*—одно изъ сомнительныхъ произведеній Шекспира. За Катариной слѣдуютъ: Віола изъ *Двѣнадцатой ночи*, Елена (*Конецъ вѣнчаетъ дѣло*), Юлія (*Два Веронца*), Геро (*Много шуму изъ ничего*) и много другихъ. Всѣ онѣ героини комедіи и даже сквозь очки нѣмецкаго критика можно бы разсмотрѣть ихъ чрезвычайно яркія лица. Зачѣмъ же автору понадобился такой поклёпъ?

Конечно, для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Онъ до глубины души возмущенъ эпизодомъ Анны въ *Ричардѣ III* и Елизаветы въ той же хроникѣ. Поэтъ заставляетъ ихъ дѣйствовать «не особенно выгодно для женскаго пола», т. е. испытывать «мягкія чувства» къ «безсовѣстному человѣку». Можно бы, конечно, поискать объясненій этому страшному происшествію въ психологіи шекспировскаго замысла и даже въ самой англійской исторіи эпохи Ричарда III, но подобные поиски не свойственны писателямъ, всецѣло поглощеннымъ заботами о нравственности и выгодахъ женскаго пола,—приходится выѣзжать на той же морали, всегда готовой подъ руками, и къ чрезвычайно удобнымъ мѣщанскимъ опытамъ: «мы хорошо знаемъ нашихъ матерей, женъ и сестеръ и не можемъ вѣрить»... и т. д. Этого достаточно, нашего *не можемъ*, чтобы одинъ изъ поразительнѣйшихъ трагическихъ эпизодовъ въ хроникѣ геніальнаго поэта приписать его семейнымъ обстоятельствамъ. Madame Манилова опять останется вполнѣ счастлива: авторъ, изъ личнаго знакомства съ ней, могъ вывести заключеніе, нисколько не превышающее его соображеній на счетъ поступковъ лэди Анны и Елизаветы.

Что же остается въ книгѣ Левеса? Въ русской бѣдной литературѣ о Шекспирѣ и она можетъ принести нѣкоторую пользу, хотя бы своими подробными пересказами шекспировскихъ пьесъ. Но польза эта возможна только при предварительномъ личномъ ознакомленіи читателя съ Шекспиромъ и при достаточной самостоятельности его въ рѣшеніи нравственныхъ и психологическихъ вопросовъ. Тогда и пересказъ, всегда довольно связный и стройный, можетъ послу-

жить для читателя поводомъ для личныхъ соображеній и выводовъ, хотя бы прямо противоположныхъ истинамъ автора. Переводъ можетъ быть названъ удовлетворительнымъ: книга читается вполнѣ легко.

Андре Галле (Hallays). Бомарше. Переводъ М. В. Лаврова. Москва. 1898. Названная книжка принадлежитъ къ извѣстной серіи *Les grands écrivains français*. Очерки, входящіе въ составъ этой серіи, въ большинствѣ случаевъ не представляютъ самостоятельныхъ исчерпывающихъ изслѣдованій, а имѣютъ популярный характеръ, на подобіе *Біографической Библіотеки* г. Павленкова, можетъ быть въ нѣсколько болѣе крупномъ масштабѣ. Французы извѣстные мастера популяризаціи, хорошо знаютъ свою публику, умѣютъ говорить съ нею легкимъ, щеголеватымъ языкомъ и вовсе не заботятся о полнотѣ аргументовъ, въ предположеніи, что читателю некогда и неохота будетъ провѣрять ихъ утвержденій или даже усомниться въ нихъ. Совершенно такой характеръ имѣетъ и очеркъ о Бамарше, поэтому переводъ его на русскій языкъ едва ли стоило предпринимать безъ приноровленія его къ пониманію русскаго читателя. Тѣ факты французской литературы и исторіи, которые французскій авторъ вправѣ предполагать извѣстными своей публикѣ, совершенно незнакомы читателямъ русскаго перевода, такъ что они часто просто не поймутъ, что хочетъ выразить авторъ. Напр., при изложеніи тяжбы Бомарше съ Гезманомъ, авторъ спокойно говоритъ, что за Гезмана стоялъ весь парламентъ Мопу, а за Бомарше—«цѣлая толпа враговъ канцлера и дю Барри, всѣ, кого государственный переворотъ возмущалъ или лишалъ власти» (стр. 29). Объ этомъ «государственномъ переворотѣ» въ книгѣ Галле ранѣе не говорится ни слова, и врядъ ли многіе изъ русскихъ читателей вспомнятъ, что подъ этимъ словомъ подразумѣвается «дисциплинарный эдиктъ» 7 декабря 1770 года, которымъ канцлеръ Мопу уничтожилъ старые парламенты и сдѣлалъ судъ безотвѣтнымъ орудіемъ правительства. Ссылаясь мимоходомъ на *Секретные мемуары* (стр. 81), французскій авторъ не видитъ надобности разъяснять, что онъ имѣетъ въ виду не всѣ вообще секретные мемуары того времени, а одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи французскихъ литературныхъ нравовъ второй половины XVIII вѣка, именно *Bacheaumont*, «Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France», напечатанные въ Лондонѣ въ 32 томахъ. Многіе ли изъ нашихъ соотечественниковъ знаютъ объ этомъ изданіи? Такихъ мѣстъ можно было бы указать много. Устранить подобныя неясности было бы очень нетрудно, тѣмъ болѣе, что французскій текстъ не всюду переведенъ дословно, а мѣстами излагается, какъ лаконически заявлено въ предисловіи; естественно было бы ожидать, что переводчикъ отступитъ отъ подстрочности перевода не только для сокращенія текста, но и въ интересахъ пониманія средняго читателя. Нельзя также умолчать о томъ, что, кромѣ плохого русскаго стиля, переводчикъ постоянно обнаруживаетъ простое непониманіе французскаго языка. Такъ, напр., mauvaise tête переводится буквально: «худая голова», parade (фарсъ съ переодѣваніями) тоже и по русски называется «парадомъ»; вездѣ, гдѣ передъ собственными именами во французскомъ текстѣ стоитъ M. (monsieur), оно сохраняется и по-русски, какъ начальная буква имени; знаменитая фраза Бридуазона въ *Свадьбѣ Фигаро*: «всякій человѣкъ непремѣнно чей-нибудь сынъ», называется пословицей, вмѣсто изреченія. По части русскаго языка встрѣчаются такіе перлы, какъ «*миніатюръ* былъ найденъ», комната, снабженная «хорошими *желузями*», «разоруженіе *Нидерландъ*», «*этотъ* Folle journée», «во Франціи лакеевъ уважаютъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, *лакей—это разсадникъ разныхъ вельможъ*» и много другихъ. О странной и непослѣдовательной транскрипціи собственныхъ именъ нечего и говорить. Такимъ образомъ, русскій переводъ біографіи Бомарше надо признать неудобочитаемымъ.

Если и самый выборъ книги, какъ мы сказали, нельзя назвать удачнымъ, особенно принимая во вниманіе, что о Бомарше существуютъ капитальнѣйшія изслѣдованія (Ломмени и Лентильяка), не переведенныя на русскій языкъ, то все же и очеркъ Галле обладаетъ достоинствами, которыя заставляютъ пожалѣть, что онъ получилъ такую неудовлетворительную русскую форму. Судьбою Бомарше чаще всего интересуются историки литературы, поэтому естественно болѣе всего выдвигается его блестящая литературная дѣятельность. Между тѣмъ, эта казовая сторона далеко не даетъ полнаго понятія объ интересной личности автора *Фигаро*. Галле одинаково живо изображаетъ Бомарше въ роли литератора, истца и подсудимаго въ процессахъ Лаблаша и Гезмановъ, дипломата по темнымъ дѣламъ въ Лондонѣ, Нидерландахъ и Вѣнѣ, страстнаго аферіста и сомнительнаго сторонника революціоннаго переворота. Въ этихъ рамкахъ Бомарше является намъ такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности: геніальный сатирикъ и памфлетистъ въ литературѣ, въ исторіи французской общественности онъ ясно прообразуетъ буржуа-оппортюниста, грядущаго на завоеваніе общественнаго пирога. Онъ демократъ на словахъ въ духѣ припѣва Беранже j'suis vilain, а на дѣлѣ страстно вожделѣетъ къ прирожденнымъ качествамъ благородства и знатности. Льстивый по отношенію къ Людовикамъ XV и XVI, онъ безпощаденъ и смѣлъ въ своей общественной сатирѣ, когда нужно защищать свои кровные интересы. При полномъ отсутствіи сознательныхъ прогрессивныхъ идей, онъ, помимо своей воли, прогрессивенъ, потому что его личные интересы были интересами класса, которому принадлежалъ завтрашній день. Съ постоянными фразами о благѣ Франціи и всего человѣчества на устахъ, онъ распоряжается общественными милліонами такъ, что ихъ нельзя отличить отъ его собственныхъ. Дѣйствительно, не поразительно ли сходство между его геніальной фикціей «торговаго дома Родриго Горталецъ и К°», долженствовавшаго освободить англійскія колоніи въ Америкѣ и доставить неисчислимыя выгоды Франціи, и компаніей Панамы, тоже имѣвшей цѣлью облагодѣтельствовать два полушарія. А когда эфемерные министры третьей республики на второй день послѣ водворенія въ министерскихъ отеляхъ и наканунѣ переѣзда на частныя квартиры съ простотою спартанскаго царя Леонида заявляютъ: «Правительство исполнило свой долгъ и спокойно ожидаетъ приговора исторіи!»—то образцовъ этихъ заявленій не надо искать у Ѳукидида, — они напечатаны курсивомъ въ концѣ каждаго изъ мемуаровъ Бомарше, написанныхъ имъ въ свое оправданіе передъ грознымъ конвентомъ. На такія мысли наводитъ небольшая книжка Галле, и въ этомъ фамильномъ сходствѣ дѣятеля стараго режима съ нашими современниками заключается ея главный интересъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Франчееко Нитти. «Народонаселеніе и общественный строй».

Франческо С. Нитти. Народонаселеніе и общественный строй. Перев. съ фр. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой «Культурно-историческая библіотека». Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к. Трудъ проф. неаполитанскаго университета, Ф. С. Нитти, заключаетъ въ сущности исторію и критику ученія Мальтуса о народонаселеніи. Онъ раздѣляется на двѣ половины: въ первой авторъ даетъ краткій очеркъ ученій о народонаселеніи, существовавшихъ до появленія книги Мальтуса, указываетъ на его предшественниковъ: Джіованни Ботеро, Джіаммарія Ортесъ, Таунсенда,

Стьюардо и др., излагаетъ основныя положенія Мальтуса и дальнѣйшую судьбу его ученія въ разныхъ странахъ. При этомъ Нитти обнаруживаетъ исчерпывающую эрудицію: трудно найти изъ числа болѣе или менѣе значительныхъ экономистовъ, статистиковъ и соціологовъ, кого-либо, чье отношеніе къ взглядамъ Мальтуса не было бы отмѣчено авторомъ. Но и здѣсь, какъ въ прочихъ частяхъ работы, Нитти обнаруживаетъ одинъ крупный недостатокъ изложенія: полное отсутствіе перспективы: авторы, мнѣніе которыхъ имѣло существенное значеніе въ судьбѣ мальтузіанской теоріи, теряются у него среди ученыхъ, высказавшихъ по поводу ея какое-либо случайное и незначительное замѣчаніе. Въ этой историко-литературной части своего труда Ф. Нитти устанавливаетъ общее положеніе, что всякое экономическое ученіе есть результатъ среды. Вопросъ о народонаселеніи въ исторіи экономической науки разсматривался всегда подъ вліяніемъ господствующей злобы дня. Соціальныя условія современной Англіи вызвали появленіе безнадежной теоріи Мальтуса о томъ, что увеличеніе народонаселенія всегда стремится превзойти сравнительное возрастаніе пищевыхъ продуктовъ, и, слѣдовательно, для большинства нищета и бѣдность фатально неизбѣжны, если оно не приметъ само мѣры къ ограниченію рождаемости, и были бы еще ужаснѣе, если бы войны, болѣзни и прочія бѣдствія время отъ времени не приводили населеніе въ нѣкоторое соотвѣтствіе со средствами существованія. Ученіе это было результатомъ крайняго развитія пролетаріата и бѣдности въ тотъ переходный періодъ промышленной жизни Англіи, когда примѣненіе первыхъ техническихъ усовершенствованій при относительно слабомъ еще развитіи промышленности понизило заработную плату и оставило безъ заработка многія тысячи населенія, находившаго этотъ заработокъ при прежнихъ условіяхъ производства. Богатые классы нашли въ ученіи Мальтуса оправданіе своихъ привилегій и предразсудковъ (стр. 47), они встрѣтили въ лицѣ Мальтуса защитника философіи богатства. Все это такъ. Но рядомъ съ тѣмъ Нитти высказываетъ мысли, которыя никакъ не вяжутся съ категоричностью его предъидущихъ положеній. Если, дѣйствительно, всякое экономическое ученіе принимается данной средою постольку, поскольку оно защищаетъ ея интересы, если «политическая экономія, вмѣсто того, чтобы управлять явленіемъ и предупреждать его, только слѣдуетъ за нимъ и смѣшиваетъ приходящія явленія съ непоколебимыми законами природы» (106), то можно ли серьезно говорить, что богатые классы въ тогдашней Англіи «были поколеблены» въ своихъ привилегіяхъ и предразсудкахъ демократическимъ ученіемъ современника Мальтуса Годвина, какъ говоритъ это авторъ на стр. 47 и 48?

Далѣе авторъ излагаетъ исторію ученія о народонаселеніи въ Германіи, Англіи и Франціи, исходя изъ того факта, что вопросъ о народонаселеніи никогда не изучается иначе, какъ на основаніи нуждъ даннаго общества. Если въ странѣ замѣчается упадокъ рождаемости, какъ, напр., въ современной Франціи, то ученіе мальтузіанцевъ не имѣетъ успѣха, «французскіе экономисты, безъ различія направленій и метода, въ настоящее время все болѣе и болѣе возвышаютъ свой голосъ противъ попытокъ и выводовъ школы Мальтуса, которые жестоко опровергаются тѣмъ, что творится во Франціи» (122 стр.). Въ Англіи съ 1798 г., когда напечатанъ былъ «Опытъ о народонаселеніи» Мальтуса и до 1878 г. народонаселеніе Англіи не переставало возрастать «въ головокружительной прогрессіи» (стр. 101). Но съ 1878 г. число рожденій стало падать и впродолженіе десяти лѣтъ уменьшилось съ 33,3 на 29,6. Ф. Нитти объясняетъ это тѣмъ, что какъ разъ въ 1878 г. начатъ былъ походъ неомальтузіанцевъ. До тѣхъ поръ, видите ли, «одни высшіе классы пользовались совѣтами Мальтуса о нравственномъ самоограниченіи, которое, по ихъ мнѣнію, было необходимо для консервативной политики (?); идеи эти не проникали въ

массы. Но (вожди неомальтузіанства) Бредлоу былъ радикалъ, а Анна Безантъ—соціалистка». И вотъ мелкая буржуазія и рабочіе, обладавшіе нѣкоторымъ достаткомъ, послѣдовали ихъ совѣтамъ, что и не замедлили обнаружить данныя статистики рождаемости. Но какъ же согласовать подобное объясненіе разсматриваемаго явленія съ собственнымъ утвержденіемъ Нитти, что экономическія ученія никогда не управляютъ явленіями, а лишъ слѣдуютъ за ними? Въ теченіе ста лѣтъ рабочія массы размножались съ «головокружительной быстротой», испытывая всѣ непріятныя послѣдствія этого неумѣреннаго размноженія, и были глухи къ ученію длиннаго ряда послѣдователей Мальтуса и экономистовъ классической школы, но вотъ появились Бредлоу и Анна Безантъ—и въ такомъ громадномъ соціальномъ процессѣ, какъ движеніе населенія цѣлой страны, произошелъ переворотъ. Все это столь же мало согласовано съ собственными выводами автора изъ исторической части разсмотрѣнія вопроса, какъ и съ положеніями, къ которымъ онъ приходитъ во второй критической части книги.

Въ этой второй части ея Ф. Нитти является типичнымъ ученымъ-эклектикомъ, собравшимъ воедино всѣ возраженія, направленныя противъ теоріи Мальтуса, которыя дѣлались съ точки зрѣнія біологіи, соціологіи, экономической науки и статистики. Статистика производства и потребленія пищевыхъ продуктовъ въ главнѣйшихъ западныхъ странахъ (Левассеръ, А. Гильяръ и др.) даетъ ему основаніе для утвержденія, что народонаселеніе имѣетъ всегда органическое и скрытое стремленіе приспособляться къ средствамъ пропитанія, не допуская размноженія далѣе извѣстныхъ предѣловъ; что же касается голодовокъ, войнъ и прочихъ общественныхъ несчастій, то они вовсе не являются послѣдствіями перенаселенія, а въ большинствѣ случаевъ зависятъ отъ неудовлетворительной общественной организаціи (стр. 154). Біологическое ученіе, впервые намѣченное Доубльдэемъ, усовершенствованное Дарвиномъ и ясно формулированное Спенсеромъ, предоставляетъ въ его распоряженіе тотъ аргументъ противъ предположенія Мальтуса о безграничной способности человѣчества къ размноженію, если бы тому не было внѣшнихъ препятствій, что плодовитость уменьшается вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ вида или индивидуума. Это положеніе Ф. Нитти выражаетъ словами: «максимумъ индивидуализаціи соотвѣтствуетъ минимуму генезиса» (стр. 299). Далѣе онъ прибѣгаетъ къ помощи А. Дюмона съ его теоріей о значеніи въ вопросѣ о народонаселеніи фактора соціальной волосности, т. е. стремленія каждаго индивидуума стать выше своего общественнаго положенія. «Чѣмъ сильнѣе эта притягательная сила, тѣмъ больше человѣкъ готовъ принести жертвъ и терпѣть лишеній, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Слѣдовательно, рождаемость обратно пропорціональна общественной волосности» (129). Ученіе это ставитъ вопросъ о движеніи населенія въ связь съ существующимъ въ странѣ строемъ политическихъ учрежденій. «Страны съ неограниченнымъ правленіемъ, ослабляющія или устраняющія явленіе соціальной волосности, имѣютъ, при одинаковыхъ условіяхъ, гораздо болѣе высокую рождаемость, чѣмъ страны, находящіяся подъ вліяніемъ демократическаго строя» (стр. 229).

«Однако.—говоритъ авторъ далѣе,—вліянія психическаго и нравственнаго порядка, а также политическаго, сами по себѣ ничто въ сравненіи съ вліяніями порядка экономическаго. Намъ уже извѣстно громадное значеніе экономическихъ факторовъ, а также и то, насколько это значеніе отражается и на психико-нравственныхъ явленіяхъ, и на политической формѣ, ежедневно испытывающихъ ихъ неотразимое давленіе». Послѣ этого можно было бы думать, что вліянію именно экономическихъ причинъ на измѣненія въ населеніи будетъ посвящено преимущественное вниманіе. Но ожиданіе это отнюдь не оправдывается. Авторъ, правда неоднократно упоминаетъ, что вопросъ о народона-

селеніи стоитъ въ зависимости отъ распредѣленія богатствъ въ странѣ, что страны, гдѣ наблюдается наиболѣе рѣзкое неравенство состояній, отличаются и наибольшею рождаемостью, потому что обездоленные и угнетенные нищетою массы всего менѣе склонны принимать мѣры противъ излишняго перенаселенія (стр. 241 и др.), однако всѣ эти мысли, сами по себѣ далеко не оригинальныя, занимаютъ вниманіе автора не болѣе, чѣмъ вопросъ о вліяніи изящной литературы во Франціи на рождаемость въ буржуазныхъ классахъ. Тотъ же недостатокъ, на который указывали мы, говоря объ историко-литературной части книги, сказывается и здѣсь безпорядочнымъ нагроможденіемъ ряда причинъ, вліяющихъ на явленія народонаселенія,—причинъ, не приведенныхъ ни въ какую связь взаимнаго соотвѣтствія или соподчиненности.

Въ заключеніе авторъ считаетъ ученіе Мальтуса окончательно разрушеннымъ критикою. Выводъ, которымъ, по мнѣнію его, наносится смертельный ударъ этому ученію и научность котораго безспорна и неуязвима, формулируется имъ въ слѣдующихъ словахъ: «во всякомъ обществѣ, въ которомъ будетъ сильно развита индивидуальность и въ которомъ прогрессъ соціализаціи не уничтожитъ всякой индивидуальной дѣятельности, во всякомъ обществѣ, въ которомъ будетъ широкое распредѣленіе богатствъ, и въ которомъ общественныя причины неравенства будутъ устранены, благодаря высокой формѣ кооперации,—рождаемость будетъ стремиться къ равновѣсію съ пищевыми продуктами и ритмическія измѣненія демографической эволюціи не будутъ уже заключать въ себѣ ничего угрожающаго для человѣчества» (стр. 341). И однако, хотя, по выраженію Нитти, въ виду всего сказаннаго, «Опытъ» Мальтуса испытаетъ ту же судьбу какъ Вавилонъ: «воды его разрушатъ и время покроетъ его прахомъ и забвеніемъ»—тѣмъ не менѣе, авторъ признаетъ въ заключительныхъ словахъ «твореніе Мальтуса достойнымъ величайшаго удивленія», «удивительнымъ памятникомъ человѣческой проницательности (!) и могучимъ выраженіемъ философіи богатства». Такова, должно быть, ужъ особенность итальянскихъ ученыхъ, въ родѣ пресловутаго Монтегаццы, котораго Ф. Нитти считаетъ «однимъ изъ выдающихся нашихъ ученыхъ»: разсыпать комплименты и знаки удивленія даже передъ тѣмъ, что они ниспровергаютъ

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ заключить о главныхъ недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія: обильная, но поверхностная эрудиція, изложеніе, страдающее отсутствіемъ продуманности и строгой логики, что въ сильной степени роняетъ значеніе работы Ф. Нитти, какъ труда научнаго. Но надо признать, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было сочиненія, которое заключало бы въ себѣ болѣе матеріала по исторіи ученій о народонаселеніи въ связи съ критикою теоріи Мальтуса. Въ книгѣ неаполитанскаго профессора читатель найдетъ не мало интересныхъ фактовъ и заслуживающихъ интереса ссылокъ на другихъ авторовъ, на ряду съ его собственными, иногда очень смѣлыми и рискованными афоризмами въ родѣ того, что пессимизмъ, какъ философское ученіе, есть «лишь естественное послѣдствіе гипотезъ Мальтуса», или что «въ странахъ, гдѣ католицизмъ потерялъ свое вліяніе, на смѣну ему явились эгоизмъ и смутный пессимизмъ», въ виду чего народы, вѣрные католицизму и являются болѣе плодовитыми (стр. 199) и проч.

На фонѣ перевода, въ общемъ вполнѣ удовлетворительнаго, тѣмъ болѣе выдѣляются такіе промахи, какъ склоненіе имени Кене—«Кенеемъ» (стр. 19), или выраженіе: «сравнительное перенаселеніе капиталистическаго общества выражается въ трехъ формахъ: колеблющейся, скрытой и *стоячей*», вмѣсто стаціонарной (стр. 76), и т. п.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1) М. Михайловъ. За предѣлами исторіи. Картины жизни за милліоны лѣтъ. Для взрослыхъ. Товарищество И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина. № 5. Цѣна 30 к. Москва 1898 г. Стр. 80. 2) В. О'Конноръ. Разсказы о доисторическомъ бытѣ человѣчества. I. Древнѣйшій, каменный вѣкъ. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 47. Харьковъ. 1897. Цѣна 1½ к. Стр. 30.

Интересъ къ великой загадкѣ прошедшихъ временъ присущъ не только интеллигентной публикѣ, но и неразвитымъ массамъ, что̀ доказывается существованіемъ множества миѳовъ у всѣхъ народовъ, даже у дикарей. Тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что нашъ читатель изъ народной среды, съ его пытливостью и стремленіемъ правильно понять окружающую жизнь, набросится съ жадностью на всѣ доступныя ему книги по исторіи первобытной культуры человѣчества. Между тѣмъ, несмотря на большое число вновь выходящихъ книгъ по исторіи культуры, вполнѣ доступныхъ по формѣ и притомъ содержащихъ въ себѣ новыя научныя данныя, очень мало. Лучшая и чуть ли не единственная изъ такихъ книгъ, книга г. Кудрявскаго «Какъ люди жили въ старину», по своему содержанію, достаточно удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, но написана чрезвычайно сухо и конспективно; сверхъ того, исторіи культуры не матеріальной въ ней удѣлено сравнительно слишкомъ мало мѣста.

Книга г. Михайлова состоитъ изъ ряда картинъ, взятыхъ изъ жизни человѣчества за милліоны лѣтъ назадъ. Мѣсто дѣйствія первой картины—островъ на индѣйскомъ океанѣ, гдѣ люди, больше похожіе на орангутанговъ, чѣмъ на современныхъ людей, ведутъ счастливую беззаботную жизнь животныхъ. Дальше слѣдуетъ вставка: сказаніе стараго рапсода о блаженствѣ райской жизни и о грозномъ геологическомъ переворотѣ, поглотившемъ одну половину земли, а другую оставившемъ въ состояніи жалкой пустыни. Въ слѣдующей главѣ описывается скудное существованіе уцѣлѣвшихъ людей; они живутъ уже стадомъ, владѣютъ членораздѣльною рѣчью и ведутъ постоянную борьбу съ дикими звѣрями и между собою. Дальше разсказывается объ изобрѣтеніи рыболовныхъ снарядовъ прибрежными жителями и каменныхъ орудій обитателями лѣсовъ, о прирученіи дикаго животнаго, о первомъ переселеніи племени, уже умѣющаго воздвигать свайныя постройки. Кратко говорится о покореніи женщины и установленіи постоянной семьи въ формѣ многоженства у племени, населяющаго лѣса, о выдѣленіи изъ среды охотниковъ вождя; далѣе изображается заселеніе острововъ прибрежными жителями и дальнѣйшіе ихъ успѣхи въ изобрѣтеніяхъ. Наконецъ глава IV и послѣдняя начинается описаніемъ грозы, давшей людямъ огонь и зачатки религіи. Оканчивается книга картиной нападенія одного кочевого племени на другое—первой войны.

Уже изъ краткаго пересказа видно, какими широкими взмахами нарисованы картины г. Михайлова. Онъ совершенно не вдается въ подробности и бѣгло проходитъ мимо такихъ важныхъ моментовъ исторіи человѣческаго развитія, какъ образованіе семьи, изобрѣтеніе каменныхъ и другихъ орудій и т. п.; правда, на другихъ моментахъ онъ останавливается довольно долго для того, чтобы изобразить живыя и характерныя сцены, несомнѣнно удающіяся автору, какъ, напримѣръ, игра людей съ крокодилами, прирученіе козы, заселеніе острововъ, появленіе огня, первая война и т. п. Конечно, широкая точка зрѣнія, знакомство съ предметомъ не въ мелочахъ и деталяхъ, а въ его общихъ и важнѣйшихъ чертахъ, только полезно для читателя, не имѣющаго возможности углубиться въ изученіе спеціальныхъ сочиненій. Но въ данномъ случаѣ ши-

рота соединяется съ безпорядочностью изложенія; установить какую-нибудь связь между отдѣльными картинами очень трудно, а зависимость одного періода въ развитіи человѣческой культуры отъ другого по книгѣ г. Михайлова оказывается болѣе чѣмъ сомнительной. Такимъ образомъ эволюціонная точка зрѣнія на развитіе человѣчества, повидимому, игнорируется авторомъ; съ другой стороны, книга его составлена на основаніи данныхъ, частью давно подвергнутыхъ сомнѣнію, частью уже опровергнутыхъ научной критикой. Таковы, напримѣръ, точное опредѣленіе мѣста появленія перваго человѣческаго общества — островъ на Индѣйскомъ океанѣ, — таково рѣзкое разграниченіе райскаго періода жизни человѣчества отъ послѣдующихъ посредствомъ геологическаго переворота; таково, далѣе, утвержденіе, что люди первой стадіи развитія не знали никакихъ орудій, тогда какъ теперь есть всѣ основанія думать, что родъ человѣческій никогда не обходился безъ такихъ орудій, какъ палки и камни; укажемъ еще, что тотъ порядокъ образованія семьи, какой мы видимъ въ книгѣ г. Михайлова, теперь уже не признается ни однимъ изъ научныхъ авторитетовъ. Не останавливаясь на другихъ, болѣе мелкихъ промахахъ, нельзя однако не указать на сказаніе какого-то рапсода, воспѣвающаго совершенно фантастическое блаженство первобытныхъ людей, когда каждый день человѣка ожидалъ «тотъ же сладкій пиръ, таже сладкая любовь. Объятія женщинъ были, какъ пламя; онѣ рождали, улыбаясь отъ сладкой боли»... и т. д. въ томъ же родѣ (стр. 22—23). Сказаніе это совершенно не выдѣлено изъ текста и можно себѣ представить, въ какое недоумѣніе будетъ повергнутъ читатель при чтеніи этого отрывка! Впрочемъ, не одно сказаніе рапсода можетъ вызвать недоумѣніе и даже удивленіе читателя: такое же впечатлѣніе, вѣроятно, произведетъ на него цѣлый рядъ замѣчаній и уклоненій въ сторону, совершенно неумѣстныхъ въ популярно-научной книгѣ; такова, напримѣръ, высказанная мимоходомъ мысль о поцѣлуѣ (стр. 20) или о счастьи людей-звѣрей (стр. 27), о подлости и лести современныхъ людей (стр. 29) или объ урокахъ исторіи (стр. 32) и т. д. При чтеніи всѣхъ этихъ отступленій невольно представляется, что книжка написана подъ вліяніемъ разочарованія въ современной цивилизаціи и авторъ далъ волю своимъ мечтамъ о прошломъ, о счастьи первобытной жизни. Онъ какъ бы смакуетъ прелесть дикой жизни, описывая сцену встрѣчи молодого дикаря съ дѣвушкой, далеко не отличающуюся скромностью. Вообще, книга г. Михайлова скорѣе напоминаетъ газетный фельетонъ или легкую журнальную статейку, чѣмъ популярно-научное сочиненіе, предназначенное для читателей, «получившихъ образованіе ниже средняго». Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что въ книгѣ разсѣяны вездѣ слишкомъ непонятныя слова и выраженія: тропики, экваторъ, муссоны, трахиты, базальты, сатиры, фавны, сибаритъ, троглодитъ, имена Монтезумы, Мандевиля, Ньютона и др., наконецъ нѣмецкіе стихи въ видѣ эпиграфовъ и т. п.

«Разсказы о доисторическомъ бытѣ человѣчества» г. О'Коннора, судя по ея размѣрамъ и дешевой цѣнѣ, предназначены, очевидно, для той категоріи читателей, которые не въ состояніи одолѣть сочиненіе болѣе объемистое и сколько-нибудь трудное по изложенію. Разсказы г. О'Коннора будутъ выходить, повидимому, въ нѣсколькихъ выпускахъ; пока вышелъ лишь 1-ый, охватывающій собою только древнѣйшій—палеолитическій періодъ каменнаго вѣка.

Книга г. О'Коннора представляетъ краткій очеркъ природы и человѣческаго быта по даннымъ палеонтологіи, археологіи и антропологіи; въ очеркѣ нѣтъ тѣхъ живыхъ сценъ и яркихъ картинъ, которыя такъ оживляютъ книгу г. Михайлова, но зато нѣтъ и уклоненій въ область сказочнаго, фантастическаго; кромѣ нѣсколькихъ недосмотровъ, въ родѣ утвержденія, что люди уже въ пещерахъ жили цѣлыми поселеніями, или что мысль о пользѣ сов-

мѣстной работы пришла людямъ въ голову лишь при добываніи кремня изъ мѣловыхъ пластовъ во второй ледниковый періодъ, тогда какъ уже послѣ перваго ледниковаго періода устраивались охоты цѣлыми обществами и одну изъ такихъ охотъ описываетъ самъ авторъ. Не смотря на рядъ мелкихъ промаховъ, книжка г. О'Коннора даетъ достаточно точную картину первыхъ шаговъ постепеннаго развитія человѣчества. Конечно, сколько-нибудь законченное представленіе о доисторическомъ бытѣ человѣчества можетъ быть получено лишь тѣми изъ читателей, которые прочтутъ и всѣ дальнѣйшіе выпуски (неолитич. періодъ каменнаго вѣка, вѣкъ бронзовый и желѣзный).

Изложеніе перваго выпуска въ общемъ достаточно просто, за исключеніемъ первой главы, объясняющей, какимъ образомъ ученые узнаютъ о жизни въ незапамятныя времена, написанной мало понятно и отвлеченно; неудачны также всѣ идеалистическія отступленія автора: это непонятныя для необразованнаго читателя фразы, ровно ничего не дающія ему и являющіяся поэтому лишь излишнимъ балластомъ книжки. Таковы, напримѣръ, слѣдующія: «людьми правили страхъ и животныя побужденія; но подъ этой неприглядною оболочкою скрыта была искра Божія. Она разгорѣлась и возвела человѣка на неизмѣримую высоту»... или слѣдующія: «изобрѣтеніе каменныхъ орудій явилось само собою, какъ неожиданный разсвѣтъ человѣческой мысли, погруженной до того въ глубокій сонъ, и поэтому поражаетъ насъ своимъ величіемъ»; точно также вся характеристика душевнаго состоянія первобытныхъ людей (стр. 18) и въ особенности описаніе возникновенія религіи (стр. 20) очень неясно и отвлеченно. Кромѣ того, авторъ употребляетъ такія малопонятныя выраженія, какъ «человѣческое творчество», «животные инстинкты» и т. п., тогда какъ ихъ вполнѣ возможно было бы замѣнить другими, болѣе простыми или описательными. Въ общемъ, маленькая книжечка г. О'Коннора хотя и уступаетъ книгѣ г. Михайлова въ занимательности и живости изложенія, превосходитъ ее научностью и систематичностью содержанія. Мы позволимъ себѣ высказать надежду, что слѣдующіе выпуски будутъ свободны отъ указанныхъ недостатковъ и появятся въ самомъ непродолжительномъ времени

Іоанникій Малиновскій. О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюютъ. Чтеніе для народа. Изданіе кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ. 1897 г. Цѣна 5 к. Стр. 36. Въ предлагаемомъ чтеніи авторъ обѣщаетъ разсказать слушателямъ о томъ, «какая кривда была въ старину на войнѣ и какая правда на войнѣ теперь». Да не подумаетъ нашъ читатель, что послѣднее утвержденіе звучитъ ироніей—такова точка зрѣнія автора. Взглядъ его на современную войну проникнутъ консерватизмомъ и оптимизмомъ: онъ не допускаетъ мысли о возможности измѣненія международныхъ отношеній въ сторону прекращенія войнъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не считаетъ нужнымъ упомянуть о все растущемъ милитаризмѣ въ однихъ государствахъ и о замѣнѣ постояннаго войска народной милиціей въ другихъ, наконецъ, онъ совершенно игнорируетъ всѣ уже бывшія попытки устранить поводы къ войнѣ установленіемъ третейскаго суда между государствами. Убѣжденный въ торжествѣ правды на войнѣ нашего времени, г. Малиновскій какъ бы умышленно закрываетъ глаза на нарушеніе воюющими сторонами многихъ гуманныхъ установленій, въ родѣ запрещенія грабить и притѣснять мирныхъ жителей, требованія предупреждать врага о началѣ бомбардировки и т. п. Но, оставаясь въ узкихъ предѣлахъ указанныхъ взглядовъ автора, чтеніе о томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюютъ, проникнуто, тѣмъ не менѣе, гуманнымъ настроеніемъ: авторъ постоянно указываетъ на необходимость честнаго выполненія законовъ по отношенію къ непріятелю, отмѣчаетъ всюду съ сочувствіемъ замѣну жестокой мстительности болѣе мягкимъ и человѣчнымъ обращеніемъ съ плѣнными и побѣжденными. Въ чтеніи

разсказывается кратко о битвахъ, осадахъ, бомбардировкахъ, о значеніи войска, объ отношеніи къ непріятелю теперь и прежде, о законахъ и правилахъ, устанавливающихъ болѣе гуманное веденіе войны, о помощи больнымъ и раненымъ на войнѣ, о мирныхъ договорахъ и т. п. Несмотря на то, что въ чтеніи затрагивается очень много вопросовъ военнаго дѣла, нельзя не указать въ немъ на нѣкоторые пропуски, столь существенные, какъ умолчаніе о разницѣ въ организаціи войска въ различныхъ странахъ, о введеніи всеобщей воинской повинности въ Россіи и т. п. Кромѣ того, въ чтеніи допущена такая погрѣшность противъ русской исторіи, какъ утвержденіе, что въ смутное время въ Московскомъ государствѣ было постоянное войско.

Въ общемъ, чтеніе г. Малиновскаго написано просто и понятно; по темѣ своей оно несомнѣнно должно очень интересовать и слушателей, и читателей.

Разсказы о подвигахъ человѣческаго ума, или о чудесахъ науки. Товарищество Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина. № 7. Москва. 1898. Цѣна 30 к. Стр. 97. Это цѣлая энциклопедія, въ которой собраны свѣдѣнія по всевозможнымъ отраслямъ знанія, начиная съ астрономіи и кончая фотографіей и военнымъ дѣломъ. Всѣ эти свѣдѣнія соединены между собою не механически: они служатъ иллюстраціей къ основной идеѣ разсказовъ, которая проходитъ красной нитью черезъ всю книгу. Идея эта—сила знанія и польза, приносимая имъ человѣчеству. Начиная съ самыхъ легкихъ и простыхъ примѣровъ того, какъ наблюденіе и опытъ учатъ людей пользоваться всѣми силами природы и даютъ имъ возможность предвидѣнія будущаго, авторъ постепенно вводитъ читателя въ пониманіе того огромнаго техническаго прогресса, который достигнутъ въ наше время, благодаря пару и электричеству. При этомъ авторъ не ограничивается указаніемъ лишь техническаго значенія важнѣйшихъ изобрѣтеній, а говоритъ и о соціальномъ вліяніи ихъ, конечно, въ самой упрощенной формѣ; таковы, напримѣръ: главы успѣхи машиннаго дѣла (стр. 31—32), о желѣзныхъ дорогахъ (стр. 35 и 38), объ успѣхахъ военнаго дѣла (стр. 93—97), и заключительная глава «Польза науки» (стр. 90—91). Правда, мѣстами авторъ повторяется. мѣстами впадаетъ въ излишнія подробности, особенно при описаніи всевозможныхъ машинъ, слишкомъ увлекается пріемомъ описательнаго опредѣленія мѣры посредствомъ сравненій, не всегда удачныхъ (напр. на стр. 36—37), и помѣщаетъ въ числѣ великихъ изобрѣтеній такія еще недостаточно провѣренныя попытки, какъ летательный снарядъ, цвѣтная фотографія и т. п., вообще же, авторъ смотритъ нѣсколько односторонне на роль ученыхъ во всевозможныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, умалчивая совершенно о случайныхъ открытіяхъ, хотя и сдѣланныхъ людьми не учеными, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныхъ. Указанныя слабыя стороны книги не уменьшаютъ, однако, ея достоинствъ: богатство и разнообразіе содержанія, умѣнье провести на самыхъ конкретныхъ примѣрахъ основную идею, и при этомъ замѣчательная простота и яспость изложенія,—все это дѣлаетъ книгу «Разсказы о подвигахъ человѣческаго ума» весьма цѣннымъ вкладомъ въ популярно-научную народную литературу. Чтеніе книги облегчается еще раздѣленіемъ текста на множество мелкихъ главъ съ интересными заглавіями—это особенно важно для читателя, не прошедшаго учебнаго курса въ школѣ и потому не обладающаго достаточной дисциплиной вниманія; то же значеніе имѣетъ и обиліе иллюстрацій. Издана книжка очень хорошо и цѣна ея не высока.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го сентября по 15-е октября 1898 года.

Каронинъ (Петропавловскій). Собраніе сочиненій съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изд. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. за 2 тома 3 р.

Альбертъ Шоу. Городскія управленія въ Западной Европѣ. Изд. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Дюкудре. Исторія цивилизаціи. Изд. редакціи журн. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1898. Т. I. Ц. 1 р.

Маккавѣевъ. Проекціонное черченіе съ натуры, съ атласомъ изъ 12 таблицъ чертежей. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

М. Неймайръ. Корни животнаго царства, съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. книжн. склада Муриновой. Москва. 1898.

Проф. К. Бокъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Изд. Щепанскаго. Спб. 1898. Т. I. Цѣна 4-хъ полутомовъ по подпискѣ 4 р.

С. Г. Фругъ. Стихотворенія. Ц. II-го тома 1 р. 50 к., III тома—1 р. 25 к.

Ив. Бунинъ. Подъ окрытымъ небомъ. Стихотворенія. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1898. Ц. 30 к.

Э. Бульверъ-Литтонъ. Ріенци. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Проф. Ранке. Человѣкъ. Вып. 17—18. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898. Ц. за 30 вып. по подпискѣ 12 р.

Сочиненія Шелли. Перев. съ англійскаго К. Бальмонта. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Вып. 5-й. Москва. 1898. Ц. 75 к.

Проф. Кернеръ фонъ Марилаунъ. Жизнь растеній. Вып. 11—13. Спб. 1898. Ц. каждаго выпуска 1 р. 50 к.

М. Покровская. Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Спб. 1899. Ц. 60 к.

М. Никольскій. Грезы юности. Стихотворенія. Астрахань. 1898. Ц. 1 р.

Кимминсъ. Химія жизни и здоровья, съ 25 рис. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 85 к.

Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. Москва. 1898. Ц. 35 к.

П. и В. Маргеритъ. Пумъ. Изд. редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1898. Ц. 35 к.

І. Шерръ. Переселеніе народовъ. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Николай Зинченко. Россія и Китай. Спб. 1899. Ц. 10 к.

Путь къ истинѣ. Изреченія буддійской нравственной мудрости. Перев. Герасимова. Москва. 1898. Ц. 60 к.

Д-ръ Михайловъ. Вредныя послѣдствія раннихъ браковъ. Москва. 1898.

П. Бѣловодскій. Наши сельскохозяйственные органы. Кіевъ. 1898.

Зильберштейнъ. Сводъ этики іудаизма. Часть I. Варшава. 1899. Ц. 40 к.

Іохельсонъ. По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Спб. 1898.

Альфредъ Фуллье. Исторія философіи. Изд. 2-е. Ефимова. Москва. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Вл. Немировичъ-Данченко. Сны. Повѣсть. Изд. 2-е Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 р.

Карлъ Марксъ. Капиталъ. Критика политической экономіи. Т. I, вып. I. Изд О. Н. Поповой. Спб. 1899. Цѣна за оба выпуска 3 р.

Данныя для учета доходности мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ г. Москвѣ. Изд. Московской казенной палаты. Москва. 1898.

Великая пустыня. Описаніе Сахары, сост. С. Круковская. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Ф. Геманъ. Пробужденіе еврейской націи. Путь къ окончательному рѣшенію еврейскаго вопроса. Перев. съ нѣмецк. Изд. кн. маг. Шермана. Одесса. 1898. Ц. 40 к.

Луи Франкъ, д-ръ Кейфферъ, Луи Менгли. Охрана материнства. Перев. А. Рахманова. Москва. 1898.

Вольтеръ. Пер. съ нѣмецк. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 1 р.

К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Изд. М. Водовозовой. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Сѣрошевскій. Матросы корабля «Надежда».

Съ 10 рис. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 35 к.

П. Виноградовъ. О прогрессѣ. Три лекціи. Москва. 1898. Ц. 30 к.

Л. Гумпловичъ. Очеркъ исторіи соціологіи. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1899. Ц. 40 к.

Шимкевичъ. Популярные біологическіе очерки. Съ 65 рис. и 4 портр. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

А. Сорель. Монтескье. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Ц. 40 к.

Proust и Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Ц. 1 р.

Д. С. Милль. Система логики. Вып. V. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Подписная цѣна безъ пересылки 3 р.

Шантепи де ля Соссей. Иллюстрированная исторія религіи. Вып. VI. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898. Подписная цѣна безъ пересылки 4 р.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. На пути къ счастью. Романъ. Изд. Маркса. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. 2-е. Вып. I. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Календарь для учителей на 1899 годъ. Сост. Герасимовъ. Изд. Сойкина. Спб. 1898.

Отчетъ о дѣятельности 1-й и 3-й безплатныхъ читаленъ-библіотекъ Харьковскаго Общества грамотности за 1897 годъ. Харьковъ. 1898.

Отчетъ о положеніи изслѣдованія народнаго образованія въ Россіи.

IV отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. Нижній-Новгородъ. 1898.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи. Т. III. Н.-Новгородъ. 1898.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Вып. I. Спб. 1898.

Журналъ засѣданій Александрійскаго уѣзднаго земскаго собранія Александрія. 1898.

Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы за 1897—1898 г. Москва. 1898.

Перепись учащихся въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Александрійскаго уѣзда. Александрія. 1898.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1897—1898 г. Вып. II. Самара. 1898.

Маджи. Указатель числа ариѳметическихъ дѣйствій, необходимыхъ для рѣшенія задачъ сборника Евтушевскаго. Часть I. Тобольскъ.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1897 г. Вятка. 1898.

Два съ половиною года мужской воскресной школы Московско-Казанской жел. дор. Отчетъ за 1895—1896 гг.

Состояніе хлѣбовъ и травъ въ Уфимской губ. въ 1898 г. Уфа. 1898.

НОВАЯ КНИГА:

А. ФАМИНЦЫНЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Изданіе журнала „МІРЪ БОЖІЙ".

Ц. **1** руб., съ пер. **1** р. **25** коп.

Складъ изданія: Редакція журн. «Міръ Божій» и книж. маг. Карчикова, Спб., Литейный, 46.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ ОДНОЙ МОЛОДОЙ НАУКИ.

По поводу книги—*Langlois et Seignobos: Introduction aux études historiques*, Paris 1898.

I.

Предъ нами книга весьма оригинальная, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже курьезная. Тема ея отнюдь не новая, можно сказать избитая, особенно за послѣднія двадцать лѣтъ. На Западѣ врядъ ли найдется профессоръ исторіи, хотя бы одинъ разъ не трактовавшій даннаго вопроса, именно не рѣшавшій задачи: насколько исторія—наука и какими путями ее изучать, чтобы остаться на высотѣ ученаго призванія?

Вступительныя лекціи въ университетскихъ курсахъ, актовыя рѣчи, юбилейныя привѣтствія безпрестанно бьютъ въ одну и туже роковую точку. Одновременно издаются лербухи и грундриссы, все съ той же цѣлью. Количество этихъ учебниковъ и очерковъ достигло солидной цифры, не перестаетъ умножаться съ каждымъ годомъ, а «возъ и по нынѣ тамъ».

Это именно говорятъ наши авторы и все-таки посвящаютъ свою работу проклятому вопросу. Имъ отлично извѣстно, сколько банальностей и тяжеловѣсныхъ педантическихъ хитросплетеній заключается въ произведеніяхъ ихъ предшественниковъ. Многочисленными примѣрами они могутъ доказать, до какой степени иногда ученое глубокомысліе уподобляется толченію воды въ ступѣ и съ какой по истинѣ забавной важностью признанный учитель юной и пожилой публики провозглашаетъ слѣдующія истины: «Исторія—не такое легкое дѣло, какъ это кажется легкомысленнымъ людямъ; она соприкасается со всѣми науками и историкъ, дѣйствительно достойный этого имени, долженъ все знать. Полная достовѣрность въ исторіи недостижима, слѣдуетъ безпрестанно обращаться къ оригинальнымъ источникамъ, надо знать и изучать лучшихъ новыхъ историковъ, не считая, однако, ихъ слова евангельскими изреченіями. Вотъ и все».

Очень мало или почти ничего!—въ правѣ воскликнуть всякій читатель, даже не обучавшійся высшимъ наукамъ, но вполнѣ способный собственнымъ умомъ дойти въ подобной мудрости. Мы привели изреченія англійскаго историка Фримана, у него сколько угодно соревнователей въ Германіи, во Франціи, въ Италіи. Дройзенъ, напримѣръ, издастъ *Основы методики исторіи* въ самой

внушительной формѣ, въ главахъ и параграфахъ и примется поучать свою аудиторію слѣдующимъ тайнамъ науки: «сущность историческаго метода—понимать путемъ изслѣдованія»; «единичное понимается въ цѣломъ и цѣлое въ единичномъ»; «пониманіе—одновременно и синтетично, и аналитично, и индукція, и дедукція», «въ исторіи мы постигаемъ Бога и только въ Богѣ мы можемъ постигнуть исторію».

И такъ безъ конца. Если бы нѣмецкій историкъ не уснастилъ своей работы богатѣйшимъ національнымъ запасомъ непереводимаго ни на какой языкъ философическаго жаргона, его произведеніе съ первыхъ же страницъ головою выдало бы праздно болтающаго педанта. Этотъ жаргонъ искони вѣковъ мистифицируетъ читателей весьма многихъ нѣмецкихъ книжекъ и публика должна чувствовать искреннюю благодарность къ Шопенгауэру, сдѣлавшему въ свое время жестокій натискъ на схалостическое шарлатанство. Но язва въѣлась слишкомъ глубоко и урокъ до послѣднихъ дней не принесъ желательныхъ плодовъ. Юное поколѣніе нѣмецкихъ профессоровъ продолжаетъ усердно изощряться надъ процессомъ замораживанія простѣйшихъ мыслей въ самыя хитроумныя формулы. Недавно, напримѣръ, значительную популярность стяжали произведенія Зиммеля, одно изъ нихъ. *Проблемы философіи исторіи*, переведено даже на русскій языкъ.

Книга, все на ту же злополучную тему—о научныхъ достоинствахъ исторіи. Прочтите ее въ подлинникѣ, на каждой страницѣ, *по смыслу* рѣчи, вы будете припоминать свои раннія школьные опыты, но зато *по формѣ*, вы испытаете нѣчто въ родѣ кошмара.

Какихъ только выраженій не извлекъ авторъ изъ роднаго словопроизводства и какимъ поистинѣ варварскимъ экспериментамъ подвергъ онъ французскую рѣчь! Такія рѣдкости, какъ *das Fürsichsein*, *die Latitüde*, *in Defensive zu halten*, переполняютъ страницы, и къ чему же въ концѣ концовъ приводятъ?

Къ простѣйшимъ въ мірѣ истинамъ, вполнѣ доступнымъ каждому обыкновенному смертному. Метафизика—не наука, понятіе *матеріи* такъ же загадочно, какъ и всякой другой абсолютной сущности, теорія витализма произвольна, въ нравственныхъ наукахъ недостижима точная истина опытныхъ знаній. Однимъ словомъ, все то, что очень давно раздается подъ солнцемъ и нуждается въ повтореніи развѣ только въ гимназическихъ курсахъ логики.

Французскіе авторы знаютъ эти фокусы и умѣютъ цѣнить ихъ по достоинству. Но таковъ ужъ, вѣроятно, фатумъ писателей, разсуждающихъ объ исторіи какъ наукѣ. Отлично понявъ комическое словоизверженіе предшественниковъ, они сами очутились въ не менѣе вязкомъ болотѣ—банальностей и элементарныхъ соображеній. Они написали цѣлую главу объ *Эвристикѣ*, т. е. о наукѣ отыскивать и собирать документы. Можетъ быть, на этотъ счетъ и можно блеснуть остроуміемъ и глубиной мысли, только у нашихъ авторовъ вышло разсужденіе въ родѣ безсмертной философіи Тэна о причинѣ всѣхъ причинъ: «если жеваніе, пищевареніе и глотаніе отсутствуютъ, то животное не можетъ болѣе питаться».

Нисколько не возвышеннѣе и заключеніе книги. Исторія очень полезна по многимъ причинамъ: самыя важныя, конечно, нравственная и политическая. Исторія пріучаетъ насъ къ смѣнѣ и преобра-

зованію соціальныхъ формъ и излѣчиваетъ отъ страха предъ этими преобразованіями.

Не правда ли, глубокомысленно? Изъ за того, что вы прочитаете въ книгахъ о французской революціи 89-го года, вы спокойно отнесетесь къ возможности попасть лично въ подобную исторію. Не получится ли совершенно обратный результатъ для весьма многихъ читателей? Нитче, по крайней мѣрѣ, находилъ историческія свѣдѣнія прямо вредными, парализующими всякую энергію. Нитче, по обыкновенію, окрасилъ идею въ самый лубочный колеръ, но нельзя отрицать многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ тѣснѣйшую связь пессимизма съ очень основательными историческими свѣдѣніями. Даже въ XVIII вѣкѣ, когда вѣра въ прогрессъ была совершенно религіозной, Гердеръ писалъ печальнѣйшую элегію послѣ многолѣтней работы надъ исторіей:

«Земля добыча насилія; ея исторія—печальная картина охоты людей другъ за другомъ. Малѣйшая перемѣна въ рабскомъ состояніи человѣчества сопровождается кровью и слезами угнетенныхъ. Славнѣйшія имена принадлежатъ истребителямъ народовъ, деспотамъ, эгоистамъ».

Въ такихъ же чертахъ изображалъ свои впечатлѣнія и положительнѣйшій умъ просвѣтительной эпохи — Гиббонъ... Нѣтъ, исторія менѣе всего способна вызывать идиллическія настроенія и недаромъ до сихъ поръ идея прогресса представляется однимъ изъ самыхъ спорныхъ открытій человѣческаго ума.

Но все-таки надо же составить какое-нибудь общее представленіе о смыслѣ многовѣкового культурнаго движенія. Не можемъ же мы ограничиться простымъ накопленіемъ фактовъ, отрывочныхъ свѣдѣній. Все наше нравственное существо всегда и вездѣ стремится осмысливать явленія, проникать въ ихъ разумную *цѣлесообразную* сущность. Мы, по законамъ нашей природы, не можемъ помириться съ мыслью, будто кровь и слезы, деспоты и истребители только и существуютъ на землѣ ради крови и деспотизма и необузданная историческая драма такъ и не имѣетъ своего пятаго акта.

Когда-то и даже не особенно давно вопросъ рѣшался вполнѣ удовлетворительно. Самые осмотрительные люди были убѣждены, что у человѣчества есть благородная и постепенно достигаемая цѣль, торжество *разума* и *науки* надъ невѣжествомъ и предразсудками. Въ наше время нечего и заговаривать о подобномъ ученіи. На западѣ до сихъ поръ не замолкла полемика, направленная не только на идею прогресса, а просто даже на человѣческій умъ. Онъ нисколько не умножилъ нашего счастья и ни на одинъ шагъ не приблизилъ насъ къ истинѣ, къ разгадкѣ тайны жизни. А только эта разгадка и можетъ удовлетворить насъ. Всѣ частныя истины—безцѣльная игра ограниченныхъ умовъ, способныхъ успокоиться на чисто-механическомъ накопленіи матеріала для никогда неосуществимаго зданія.

Послѣ этого понятно усердіе историковъ. Именно на нихъ лежитъ долгъ рѣшить грозную задачу. Всѣ другіе ученые могутъ сколько угодно гордиться своими открытіями, — всѣ ихъ подвиги не прольютъ ни единой капли бальзама въ страдающую душу Фауста. Именно они, упорно подчеркивая безсиліе человѣческой мысли отвѣтить на самый существенный вопросъ — еще безна-

дежнѣе сгустятъ тьму и въ концѣ XIX вѣка философъ, одолѣвшій всю современную мудрость, будетъ имѣть не меньше основаній наполнить чашу ядомъ, чѣмъ его предшественникъ.

И его не спасутъ ни невинные гимны, ни Маргарита: ихъ время ушло, повидимому, безвозвратно. Остается дѣйствовать не музыкой и настроеніями, а той же наукой и доказательствами. И историки взяли на себя это бремя.

Повидимому, ихъ ждетъ успѣхъ. Недавніе факты рѣшительно за нихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ историческая наука совершила поразительныя завоеванія, затмевающія даже прогрессъ естествознанія. У того были очень солидныя начала въ прошломъ, даже въ античномъ мірѣ. Аристотель умѣлъ изучать природу и впослѣдствіи безпрестанно находилъ достойныхъ преемниковъ отъ арабскихъ ученыхъ вплоть до новаго времени. Что же касается исторіи она просто не существовала въ томъ смыслѣ, какъ ее желаютъ понимать въ настоящее время.

Всякій, конечно, можетъ припомнить цѣлый рядъ прославленныхъ именъ, обязанныхъ своей славой историческимъ писаніямъ. Но на современный взглядъ эти знаменитыя писанія въ громадномъ большинствѣ — беллетристика, литературный жанръ и собственно историческое ихъ достоинство часто должно быть признано даже ниже многихъ новѣйшихъ художественныхъ произведеній реальной школы. У Гоголя, Глѣба Успенскаго, гр. Толстого несомнѣнно больше подлинныхъ жизненныхъ фактовъ, чѣмъ въ разсказахъ Ливія и ужъ, конечно, нѣтъ и признака чисто-первобытнаго отношенія ко всему необыкновенному и героическому.

Не многимъ лучше и прочія знаменитости. Самыя ихъ цѣли мѣшали имъ выйти изъ области чисто-литературныхъ упражненій. Ихъ занимало собственно не прошлое непремѣнно въ томъ видѣ, какъ оно совершалось, а его нравственно-поучительный характеръ. Изъ старыхъ преданій всегда можно извлечь что-нибудь трогательное, величавое, укоризненное для новѣйшихъ пороковъ и немощей, можно, однимъ словомъ, написать рядъ занимательныхъ исторій съ картинками. Именно такія *исторіи*—а вовсе не *исторія*—сочинялись такъ называемыми великими историками древности. Ихъ произведенія во всѣхъ отношеніяхъ можно приравнять къ современному роману, какъ литературному жанру,— за исключеніемъ только любовныхъ вопросовъ. Но это — подробность, а самое существенное, т. е. совмѣщеніе разсказа, драмы, лирики,—все это цѣликомъ входило въ античную исторію. Авторъ нисколько не стѣснялся составлять отъ собственнаго лица эффектныя рѣчи, украшать событія явно подозрительными подробностями, при случаѣ сообщать фигурамъ дѣйствующихъ лицъ театральныя позы и вообще на смутной фактической канвѣ рисовать чисто-художественные узоры. Даже основательнѣйшій изъ древнихъ историковъ Фукидитъ не побоялся вложить въ уста Перикла столь обстоятельную и обширную рѣчь, что современные оффиціальные стенографы могли бы позавидовать точности не бывалой античной записи.

Такой порядокъ, продолжался цѣлые вѣка. Исторія не изучалась, а эксплуатировалась моралистами, поэтами и въ лучшемъ случаѣ политиками. Плутархъ, біографъ великихъ людей, оставался на исключительной высотѣ, какъ историкъ и какъ учитель

юношества. Средніе вѣка отнюдь не обладали способностью внести здоровый критическій смыслъ въ античный романъ. Для нихъ легенды и сказки были прекрасными историческими источниками и они не могли и помыслить иначе представить исторію, какъ болѣе или менѣе правдоподобную повѣсть о государѣ или полководцѣ.

Эпоха возрожденія, не страдавшая легковѣріемъ и подчасъ даже прямо невѣрующая и философски-насмѣшливая, не оказала почти никакой помощи нашей наукѣ. Она, боготворившая античный міръ, безпрекословно преклонялась предъ его образцами въ области исторіи и усердно соревновала Ливію въ краснорѣчіи, Плутарху въ проповѣдничествѣ, и всѣмъ вмѣстѣ въ красивомъ реторическомъ сочинительствѣ. Одно только нововведеніе можно отмѣтить у историковъ возрожденія: они первые начинаютъ понимать значеніе *источниковъ* и *документовъ*. Въ историческихъ книгахъ впервые появляются примѣчанія, поясняющія или подтверждающія авторскій текстъ.

Это нѣкоторый прогрессъ. Онъ свидѣтельствуетъ о только что сознанной идеѣ, что факты слѣдуетъ основывать на извѣстныхъ данныхъ, что исторія—разсказъ болѣе и менѣе документальный и доказательный, независимо отъ литературныхъ или нравственныхъ цѣлей историка. Но отъ этой идеи до *научности* громадное разстояніе и пройти его Европѣ потребовалось еще нѣсколько вѣковъ и не одна революція.

До какой степени это оказалось процессомъ труднымъ и сложнымъ, доказываетъ положеніе исторіи въ эпоху энциклопедистовъ. Естествознаніе становится модньшъ увлеченіемъ, анатоміей и физіологіей занимаются даже салонныя дамы, химическіе опыты интересуютъ публику почти не меньше театральныхъ зрѣлищъ, а исторія пребываетъ въ самомъ сомнительномъ положеніи. Вольтеръ, конечно, издаетъ блестящія разсужденія на общія и частныя темы. Но это его личный вкусъ и притомъ отнюдь не научный, а, пожалуй, еще больше литературный, чѣмъ у историковъ возрожденія.

Такъ смотрятъ на дѣло его ближайшіе сотрудники по части просвѣщенія. Дидро въ восторгѣ отъ историческихъ трудовъ Вольтера, но вовсе не потому, что изъ такихъ трудовъ можно узнать старину во всей ея подлинной дѣйствительности. На взглядъ энциклопедиста это вопросъ мало любопытный. Важенъ не фактъ, а философія фактовъ и Вольтеръ великъ именно искусствомъ освѣтить прошлое въ интересахъ энциклопедическаго просвѣщенія, воспользоваться исторіей, какъ метательнымъ снарядомъ въ лагерь современныхъ варваровъ и фанатиковъ.

Легко представить, при такой задачѣ объективность, т. е. непремѣнная добродѣтель ученаго историка попадала на самое послѣднее мѣсто. Такъ стояло дѣло на вершинахъ просвѣщенія, еще хуже внизу. Здѣсь просто не имѣли понятія объ исторіи.

Въ школахъ она вообще никогда не преподавалась, какъ особый предметъ. Ею занимались только какъ художественной литературой, читая, напримѣръ, памятники античной словесности. Исключеніе дѣлалось только для принцевъ крови: имъ считали необходимымъ преподавать науку управлять народами. Легко представить, что это была за наука, когда будущимъ правителемъ предполагался наслѣдникъ Людовика XIV-го, а преподавателемъ

являлся католическій прелатъ въ родѣ Боссюэ. Но принцы, по-крайней мѣрѣ, научались хронологіи по римской Библіи и философіи исторіи по Ветхому Завѣту; вся остальная нація пребывала въ полномъ мракѣ невѣдѣнія. «Во всѣ восемь лѣтъ моего ученья,— жалуется современникъ, имя Генриха IV ни разу не было произнесено передъ нами; а въ семнадцать лѣтъ я еще не зналъ, когда и какимъ образомъ домъ Бурбоновъ утвердился на нашемъ тронѣ».

Естественно, Людовикъ XIV въ запискахъ для дофина могъ совершать потрясающія историческія открытія, свидѣтельствуя о полной своей неприкосновенности къ элементарнѣйшимъ фактамъ и ихъ наглядиѣйшему смыслу.

И все-таки Боссюэ и Вольтеръ занимали въ сущности одинъ и тотъ же постъ, только съ противоположными цѣлями. Архіепископъ создавалъ исторію для пущей славы своего господина; философъ дѣлаетъ то же самое во имя борьбы съ идеалами католичества. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ исторіи не было, а были только историческія иллюстраціи къ заранѣе придуманному ученію.

Революція потрясла до основанія политическое зданіе Боссюэ и Людовика. Но она не осуществила и мечтаній философовъ. Ни римскіе догматы, ни энциклопедическій разумъ не нашли себѣ мѣста въ новомъ порядкѣ. Вѣками извращенный и оскорбляемый историческій духъ отомстилъ одинаково и пророкамъ и просвѣтителямъ—жестокимъ разгромомъ преданій и теорій. Оставалось покорно преклониться предъ этимъ духомъ и исключительно у него допытываться программъ для настоящаго и будущаго.

Такъ и поступили непосредственные наслѣдники революціи.

Они самоотверженно заговорили о законахъ исторіи, о высшей логической силѣ, управляющей судьбами человѣчества, о неотразимой послѣдовательности событій... Въ порывѣ новаго вѣрованія историки быстро дошли до идеи фатализма и готовы были безъ остатка пожертвовать свободной человѣческой личностью только что открытой стихіи.

Исторія—та же *физика*, подчинена такимъ же точнымъ законамъ. Ихъ слѣдуетъ только открыть и тогда ученый историкъ превратится въ непогрѣшимаго пророка и математически-увѣреннаго законодателя. Онъ будетъ *помогать* осуществленію неизбѣжной соціальной эволюціи съ такой же ясностью духа, какъ математикъ рѣшаетъ уравненіе, астрономъ опредѣляетъ положеніе свѣтила...

Вотъ, казалось, когда приспѣло время сбросить съ человѣчества гнетъ сомнѣнія. Исторія, наконецъ, объяснитъ людямъ, какой смыслъ величайшихъ лишеній въ прошломъ, зачѣмъ совершены неописуемыя злодѣйства большими и малыми Неронами, къ какой цѣли ведетъ путь, отмѣченный безчисленными неправдами и заблужденіями? Исторія была крайне заинтересована въ отвѣтахъ на эти вопросы. Настоящее настойчиво требовало ея указаній, только отъ нея ждало уроковъ, давно не вѣруя *политикѣ, извлеченной изъ св. писанія* и только что разочарованное въ *Философскомъ словарѣ*. И теперь исторія, не по прихоти королей и епископовъ, а въ силу вещей являлась дѣйствительнымъ и единственнымъ источникомъ государственной мудрости.

II.

Исторія поняла свое положеніе. Прежде всего она съ презрѣніемъ отвернулась отъ своего *литературнаго* прошлаго, потомъ забросала камнями разныя философскія системы, пытавшіяся подчинить историческій процессъ какому-нибудь утѣшительному идеалу цѣлесообразности, въ родѣ теоріи прогресса. Все это—метафизика, истинная наука должна изучать законы явленій и не предвосхищать результаты ихъ творчества. Естествоиспытатель спокойно наблюдаетъ и терпѣливо ждетъ, пока наблюденія уполномочатъ его на теорію или гипотезу. Самъ онъ считаетъ преступленіемъ, научнымъ кощунствомъ вмѣшиваться въ естественныя преобразованія организмовъ. Человѣческое общество также организмъ, а историкъ—соціальный анатомъ.

Въ результатѣ—раньше неслыханное явленіе—*эрудиція*. Для исторіи она то же самое, что для естественной науки методъ наблюденія и группировка наблюденныхъ фактовъ. Предметъ наблюденій *документъ*. Теперь онъ во главѣ угла, на него возлагаются надежды ввести, наконецъ, исторію въ сонмъ строгихъ наукъ, онъ грозитъ окончательно вытѣснить изъ исторической работы всякіе слѣды литературности, изящной художественной формы.

Ученые теперь будутъ преднамѣренно оскорблять не только литературный вкусъ, но даже грамматику роднаго языка. Стройная рѣчь не достойна истинно-ученаго труда: составители ботаническихъ каталоговъ не заботятся о красотѣ стиля,—они должны служить образцами для историковъ и многіе среди нихъ стяжаютъ даже славу неудобочитаемостью своихъ глубокихъ изслѣдованій.

Такое усердіе не могло остаться безплоднымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ ученые культурныхъ странъ Европы сдѣлали для историческихъ документовъ гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано за пѣлые вѣка. Быстро возникли многочисленныя общества, предназначенныя исключительно для собиранія и изданія документовъ. Классическая литература была призвана къ строжайшей отвѣтственности, нисколько не похожей на артистическій античный психопатизмъ возрожденія. Тогда крайне свободно обращались съ темными и испорченными текстами, исправляли ихъ во что бы то ни стало, лишь бы сдѣлать понятными и, конечно, нерѣдко извращали форму и мысль древняго автора.

Теперь объясненіе текстовъ — цѣлая чрезвычайно обширная спеціальность. Каждая строчка поэта и историка грозитъ расплодить страницы комментаріевъ. Каждый древній писатель имѣетъ за собой почетную свиту изъ толкователей всѣхъ національностей, особенно германской. Десятокъ главъ изъ Ѳукидида свободно наполняетъ нѣсколько семестровъ университетскихъ занятій, и иное слово, вопросъ объ удареніи или о знакѣ препинанія занимаетъ длинную одушевленную лекцію профессора. Даже больше. *Всѣ* лекціи уходятъ не столько на изученіе авторскаго текста, сколько на сравнительную оцѣнку комментаріевъ, конъектуръ, контраверсъ, плодящихся изъ году въ годъ во славу чистой науки и на пользу человѣческаго долготерпѣнія.

Исторіи предстоитъ только умиляться и собирать богатую жатву. И она, дѣйствительно, можетъ похвалиться кое-какими плодами удивительной учености.

Въ настоящее время, мы, несомнѣнно, яснѣе и полнѣе представляемъ себѣ многія подробности античнаго быта. Мы вызвали къ свѣту не мало тайнъ, скрытыхъ вѣковымъ прахомъ въ развалинахъ и могилахъ. Мы можемъ отдать довольно точный отчетъ о судьбахъ Микенъ, Трои, Орхомена, Аргоса, Египта и древнихъ азіатскихъ монархій. Для насъ іероглифъ, обломокъ статуи, черепокъ сосуда—краснорѣчивые свидѣтели мертвой старины и мы способны написать трактатъ и диссертацію по поводу предмета, который еще нашіе отцы сочли бы никуда негоднымъ хламомъ или, по крайней мѣрѣ, вовсе не стоющимъ ученаго разговора. Далѣе, повидимому, не можетъ идти проницательность и профессіональное подвижничество. Эрудиція, надо думать, вѣрная порука блестящаго будущаго исторической науки, на сколько же эти обѣты до сихъ поръ оправдались въ дѣйствительности?

Изученіе документовъ и пользованіе ими, какъ естественно-научнымъ матеріаломъ, какая внушительная теорія и—какая печальная практика!

Послушаемъ одного изъ знаменитѣйшихъ мастеровъ. Мадвигу классическая наука обязана безчисленными услугами. Рѣдко кому удавалось такъ остроумно разъяснять тексты, такъ убѣдительно доказывать свои объясненія и спеціалисты могутъ припомнить не мало примѣровъ дѣйствительно поразительной находчивости толкователя. И вотъ этотъ недосягаемый образецъ всѣхъ комментаторовъ и эрудитовъ питаетъ глубокое недовѣріе именно къ современной эрудиціи.

По его мнѣнію, люди Возрожденія, хотя бы даже они и невпопадъ исправляли тексты, гораздо лучше понимали сущность дѣла, чѣмъ современные эрудиты. Они ближе стояли къ самому духу античнаго міра и его языкамъ и эта органическая близость несравненно легче и вѣрнѣе вводила ихъ въ давно погибшій міръ, чѣмъ отвлеченныя чисто-разсудочныя усилія новыхъ изслѣдователей; тогда эрудиція была потребностью и плодомъ живого увлеченія, теперь она безпрестанно превращается въ спортъ. Тамъ стремились къ ясности ради нея самой, ради восторженно воспринимаемыхъ идей, теперь къ античному тексту приступаютъ съ заранѣе укоренившимся предубѣжденіемъ, что онъ непремѣнно испорченъ, теменъ и требуетъ комментаріевъ. Страсть остроумно *догадываться* и неожиданно *открывать* превращаетъ изслѣдователей въ мучениковъ своеобразной маніи, во что бы то ни стало на мѣстѣ Средиземнаго моря найти мистическіе антиподы.

Если подобныя мысли могъ высказывать ученый, посвятившій всѣ свои силы толкованію текстовъ, какое же впечатлѣніе современная эрудиція должна производить на менѣе заинтересованныхъ свидѣтелей?

Въ германскихъ университетахъ, этомъ истинномъ очагѣ идеальной эрудиціи, ежегодно раздаются вопли противъ новой умственной язвы. Эрудиція, говорятъ намъ, успѣла уже вызвать самыя роковыя послѣдствія. Она быстро понижаетъ культурный уровень ученыхъ. Подъ вліяніемъ исключительнаго изученія документальныхъ подробностей мысль мельчаетъ, умственные интересы съуживаются до послѣдней степени, развивается наклонность придавать больше значенія самимъ матеріаламъ, а не нравствен-

нымъ цѣлямъ, ученый кончаетъ одичаніемъ, мелочнымъ педантизмомъ, и комической неизлѣчимой нетерпимостью и маніей величія. Въ результатѣ крайне грубые полемическіе пріемы, позорящіе современную науку, азартная борьба изъ-за микроскопическихъ подробностей и полное забвеніе общечеловѣческихъ цивилизаторскихъ идеаловъ. Ученые созидаютъ кучи пыли, принимая все это за грандіозныя горы и надуваясь мучительнымъ самолюбіемъ истыхъ варваровъ и невѣждъ. Ихъ историческіе труды превращаются въ сборники примѣчаній, сплошной «критическій аппаратъ», съ приложеніемъ «оправдательныхъ документовъ». Собственно исторіи совсѣмъ не оказывается, и сама эрудиція терпитъ странную участь. «Свойство историческихъ изслѣдованій,—говоритъ Ренанъ,—и ихъ помощницъ, филологическихъ наукъ, заключается въ томъ, что они, достигнувъ относительнаго совершенства, тотчасъ же начинаютъ рушиться». Это значитъ, чѣмъ утонченнѣе критика текстовъ и документовъ, тѣмъ безплоднѣе положительные выводы, тѣмъ, въ сущности, они недостижимѣе. Карлейль такую работу называетъ простой лавочкой антикварія.

Но сила здѣсь не въ остроуміи и не въ безплодности эрудиціи, а въ ея роковыхъ духовныхъ вліяніяхъ. Она совершенно устраняетъ нравственный смыслъ съ умственнаго горизонта ученаго, осуждаетъ его на критику ради самой критики, т. е. убиваетъ въ немъ не только современника извѣстной эпохи, гражданина извѣстнаго государства, но даже существо, одаренное способностью сознавать и ставить себѣ положительныя нравственныя цѣли.

Этотъ смертный приговоръ надъ эрудиціей произнесенъ одновременно въ Германіи и во Франціи. Французскій журналъ *Revue critique d'histoire et de litterature* даже нарочно занялся вопросомъ о деморализующемъ вліяніи современнаго направленія исторической науки, а въ Германіи не проходитъ года, чтобы съ университетской каѳедры не раздалось голоса противъ эрудитовъ-фанатиковъ.

Явленіе въ высшей степени знаменательное! Никто не рѣшился бы возстать противъ какихъ угодно усердныхъ и мелочныхъ наблюденій въ области естествознанія. Здѣсь, напротивъ, открытіе самаго, повидимому, незначительнаго органическаго признака привѣтствуется часто, какъ истинно-научное завоеваніе, и дѣйствительно приводитъ къ существеннымъ общимъ результатамъ. Въ исторіи оказывается нѣчто противоположное. Благодѣянія отъ микроскопическихъ изслѣдованій здѣсь совершенно исчезаютъ предъ удручающимъ воздѣйствіемъ архивной эрудиціи на психологію эрудитовъ и идейную цѣнность ихъ трудовъ. Очевидно, историческій документъ немыслимо приравнивать къ предметамъ, подлежащимъ изученію другихъ наукъ, и исторію невозможно именовать ни соціальной физикой, ни химическимъ анализомъ. Наконецъ, еще одинъ выводъ, самый краснорѣчивый: эрудиція должна знать свои *предѣлы*. Въ опытныхъ наукахъ чѣмъ сильнѣе микроскопъ, тѣмъ больше выигрыша для положительныхъ задачъ науки, Въ исторіи какъ разъ наоборотъ. Чѣмъ подробнѣе и мелочнѣе анализъ, тѣмъ неуловимѣе результаты и въ извѣстный моментъ они совсѣмъ становятся незамѣтными, и Ренанъ имѣетъ всѣ основанія оплакивать «необъятную трату че-

ловѣческихъ силъ, благодаря отсутствію направляющей идеи и яснаго сознанія цѣлей работы».

Слѣдовательно, нужна идея и предварительно сознанная цѣль? Эрудитъ долженъ придти въ отчаяніе отъ этого вопроса. Онъ немедленно съ величайшимъ презрѣніемъ припомнитъ разныя метафизическія теоріи, средневѣковыя мечтанія о телеологическомъ устройствѣ вселенной и судебъ человѣчества. Телеологія, это антиподы научности, и современный мудрецъ обязанъ открещиваться отъ нея такъ же, какъ отъ сказаній о вампирахъ и колдунахъ. И это дѣйствительно происходитъ ежедневно. Чѣмъ дальше историкъ отъ теоріи цѣлесообразности, тѣмъ онъ ближе къ настоящей научной исторіи: таковъ девизъ новой науки!

Но какъ далеко на самомъ дѣлѣ ушла исторія отъ этого металла и жупела? Одолѣла ли окончательно эрудиція метафизиковъ и телеологовъ? Прислушаемся опять къ безусловно авторитетному голосу.

Фюстель-де-Куланжъ, всю жизнь отдавшій текстамъ и документамъ, раскрылъ очень простую, но въ высшей степени поучительную психологію ученаго изслѣдователя. Совершенное заблужденіе, будто эрудитъ подчиняется только разбираемому документу. Въ дѣйствительности процессъ ученѣйшаго изслѣдованія представляетъ борьбу текста и *предубѣжденнаго ума*. Этотъ *esprit prevenu* неизбѣженъ у всякаго самаго осторожнаго историка, хотя самъ историкъ можетъ и не сознавать рокового конфликта. Фюстель-де-Куланжъ именно и указываетъ на эту безсознательность внутренняго процесса и описываетъ его такимъ образомъ:

«Умъ отказывается усваивать то, что противорѣчитъ его идеѣ, и обычный результатъ борьбы таковъ — не умъ подчиняется очевидности текста, а скорѣе текстъ уступаетъ, склоняется и приспособляется къ раньше составленному мнѣнію... Воображаютъ, будто разсматриваютъ предметъ, а на самомъ дѣлѣ разсматриваютъ собственную идею. Думаютъ, что наблюдаютъ фактъ, а на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ немедленно принимаетъ окраску и смыслъ, какой нуженъ уму изслѣдователя. Воображаютъ, будто читаютъ текстъ, а въ то же время фразы этого текста получаютъ особое значеніе согласно съ мнѣніемъ, усвоеннымъ заранѣе».

Фюстель-де-Куланжъ, столь проницательно объясняя психологію своихъ собратьевъ, лично желалъ составить исключеніе. Совершенно напрасно, — собратья, не замедлили уличить самого обвинителя, и онъ самъ додумался до откровеннаго требованія политики отъ ученыхъ изслѣдованій. Нѣмцы, научнымъ путемъ доказывавшіе принадлежность Эльзасъ-Лотарингіи германскому отечеству, вынудили первостепеннаго французскаго знатока средневѣковой исторіи — кликнуть кличъ къ патріотизму отечественныхъ историковъ и строгій эрудитъ приравнялъ эрудицію къ «кнуту и мечу!» Дѣлалъ онъ политику и раньше, и даже довольно наивную.

Ему, напримѣръ, *вообразилось*, будто населеніе римской имперіи обожало императорскій режимъ. Гдѣ же историкъ нашелъ доказательства? Въ оффиціальныхъ надписяхъ на памятникахъ.

Здѣсь, разумѣется, подробно излагались вѣрноподданническія формулы, преисполненныя всевозможныхъ чувствъ почтенія и преданности: историкъ, начитавшись титуловъ, вывелъ заключеніе: «Значило бы не знать человѣческой природы — думать, будто все это только лесть». Конечно, не лесть, а такое же выраженіе правды, какъ современныя обращенія или подписи частныхъ лицъ въ письмахъ. Историкъ, слѣдуя теченію своихъ мыслей, могъ бы потребовать лакейскихъ услугъ отъ перваго корреспондента, который подписался бы въ письмѣ къ нему «Вашъ покорный слуга...»

Такъ понимаются тексты перворазрядными знатоками дѣла! И оказывается, недоразумѣнія совершенно неизбѣжны. Въ самомъ человѣческомъ умѣ таится нѣкая сила, разрушающая мечты ученыхъ насчетъ идеальной объективности. Эта сила — та самая *inclination essentielle*, какую долженъ былъ принять въ разсчетъ Огюстъ Контъ въ общихъ научныхъ построеніяхъ. Эта *существенная склонность* нашей мысли заключается въ потребности *толковать* факты и составлять *выводы*. И толкованіе безпрестанно опережаетъ факты, заключеніе предвосхищается личностью изслѣдователя. Контъ до такой степени самъ подчинялся тому закону, что не побоялся «съ позитивной точки зрѣнія» рекомендовать ученому «высшую ступень обобщенія», а именно въ интересахъ «попиманія и толкованія фактовъ». Философъ шелъ еще дальше — возводилъ въ философскій принципъ обычную практику безсознательно субъективной ученой работы, описанную Фюстель-де-Куланжемъ. Контъ рекомендовалъ даже жертвовать нѣкоторыми подробностями, разрушающими раньше составленное стройное воззрѣніе

Это, по крайней мѣрѣ, откровенно и достаточно поучительно для фарисеевъ положительной и чистой науки. Всѣ они ежедневно практикуютъ особый способъ читать тексты: нѣмецкій языкъ выражаетъ его особымъ непереводимымъ словомъ — *hineinlesen*, т. е. вычитывать въ документѣ только *нужное* для извѣстнаго плана. Дѣлается это даже безъ всякаго хитраго умысла, со стороны чтеца. Онъ невольно сосредоточивается именно на тѣхъ выраженіяхъ и фразахъ, которыя соотвѣтствуютъ его затаенной цѣли. Онъ извлекаетъ эти фразы и составляетъ изъ нихъ воображаемый текстъ, замѣняющій въ его глазахъ подлинный текстъ автора.

Совершается это отнюдь не публицистическимъ, а чисто-психологическимъ путемъ. Бываютъ, конечно, примѣры и явныхъ сознательно-насильственныхъ извращеній документовъ. Французскіе ученые—и въ этомъ числѣ наши авторы—давно уже приводятъ въ образецъ подобныхъ извратителей Тэна. Годъ тому назадъ, Фаге, отнюдь не принципіальный противникъ удивительнаго историка и философа, очень эффектно защищалъ его отъ обвиненій, будто онъ не читалъ *cahiers*, инструкцій избирателей представителямъ въ генеральные штаты 89 года. «Подите вы,— говорилъ Фаге обвинителямъ,—Тэну не читать документовъ! Онъ всѣ ихъ читалъ. Только въ виду того, что они противорѣчили его системѣ, онъ ихъ, вполнѣ резонно, призналъ ничего не стоющими,—все равно, какъ мы всѣ поступаемъ также относительно

всего, что̀ намъ противно. Въ этомъ достоинство человѣка: тысячи фактовъ никогда не преодолѣютъ его идеи» *).

Это откровеннѣе контовской философіи. Ученый историкъ хорошъ именно тѣмъ, что онъ не только уродуетъ документы, а даже совсѣмъ устраняетъ ихъ, разъ они не согласны съ его *идеей!* Почему же онъ ученый? Неужели только потому, что онъ перечиталъ сотни архивныхъ связокъ и извлекъ изъ нихъ только *не-противное* своимъ личнымъ вкусамъ и настроеніямъ?

Наши авторы держатся другого мнѣнія о подобномъ *l'honneur de l'homme.* Они прямо заявляютъ, что Тэнъ переписывалъ громадное количество текстовъ въ свою исторію революціи, «не дѣлая предварительнаго методическаго анализа—съ цѣлью опредѣлить подлинный смыслъ документовъ».

А между тѣмъ, послушать самого изслѣдователя, окажется, онъ считалъ себя настоящимъ естествоиспытателемъ, ботаникомъ, одержимымъ только одной страстью — «любознательностью натуралиста».

Дальше не можетъ идти лицемѣріе и шарлатанство. И они, конечно, заслуживаютъ самаго энергическаго обличенія и приговора, но, по существу, тэновская манера читать документы — самое обычное явленіе и должна считаться преступленіемъ только въ томъ случаѣ, если самъ ученый *сознательно* мистифицируетъ публику и усиливается сплесть себѣ вѣнокъ небывалой научности и объективности изъ заранѣе разсчитанныхъ поддѣлокъ и подтасовокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возможна ли вообще любознательность и научность натуралиста въ области исторіи? Вопросъ, имѣющій полное право считаться однимъ изъ первыхъ въ умственномъ движеніи нашего вѣка.

III.

Необходимыхъ условій существованія науки *два*, во-первыхъ, строго опредѣленные факты, подлежащіе всестороннему объективному наблюденію, и возможность привести эти факты во взаимную причинную связь, истолковать ихъ, какъ проявленія точно установленнаго закона.

Существуютъ ли эти условія въ историческомъ изученіи?

Прежде всего, что такое *историческій фактъ*? Единственный и вполнѣ простой отвѣтъ: *сообщеніе* очевидца или современника извѣстнаго событія. Историческій документъ—или свидѣтельское показаніе, или передача слуха, чужого разсказа. Текстъ—ничто иное, какъ *отраженіе впечатлѣній* самого автора или другихъ, передавшихъ ему свои впечатлѣнія. Достаточно этого указанія, чтобы понять непреодолимую пропасть между историческимъ и естественно-научнымъ фактомъ. Натуралистъ лично самъ наблюдаетъ подлинное явленіе и всегда можетъ провѣрить личными наблюденіями чужія свѣдѣнія. Историкъ долженъ считаться съ однимъ лишь *психологическимъ знакомъ* совершившагося явленія, т. е. прежде всего съ *личностью* передатчика событій. Самый фактъ ему вовсе не дается непосредственно, онъ долженъ быть *открытъ* путемъ

*) *La France en 89. Revue Bleue.* 5 oct. 1897.

сложныхъ и болѣе или менѣе тонкихъ и основательныхъ соображеній на счетъ личности, воспринявшей впечатлѣнія, на счетъ условій, сопровождавшихъ самое воспріятіе и впослѣдствіи его запись. Это—длинный процессъ отъ факта къ документу, заключающій въ себѣ подробную характеристику автора документа, его эпохи, его личныхъ отношеній къ современности и къ данному событію. Только путемъ этого процесса можно опредѣлить смыслъ впечатлѣній, отразившихся въ документальномъ текстѣ. И уже послѣ этого опредѣленія можно начать рѣчь о «чистомъ фактѣ» — *reine Thathsache*, какъ любятъ выражаться нѣмецкіе историки. Возникаетъ новый процессъ, направленный уже на толкованіе и оцѣнку факта, на сколько онъ выяснился изъ предъидущаго изслѣдованія.

Слѣдовательно, въ то время, когда въ опытныхъ наукахъ фактъ *дается*, въ исторіи онъ *отыскивается*, и путемъ не провѣрочныхъ наблюденій, а *соображеній*, основанныхъ на также добытыхъ фактахъ.

Теперь, представьте, каковы *объективныя* достоинства этого процесса? Всякому изъ обыденной жизни извѣстно, что разсудокъ и соображенія, французскіе *Raison* и *Raisonnements*, чрезвычайно скользкіе пути къ истинѣ, *соображеніе*,—чисто *личное* проявленіе мысли и цѣликомъ зависитъ отъ общихъ качествъ и спеціальной подготовленности ума даннаго лица — для рѣшенія извѣстной нравственной задачи. Одна и та же исходная точка можетъ вызвать у двухъ разныхъ человѣкъ совершенно различныя соображенія и дать непримиримые результаты. Факты, даже точно установленные, здѣсь не имѣютъ рѣшающаго значенія: опредѣленіе причины зависитъ отъ случайныхъ и вполнѣ субъективныхъ условій.

Это положеніе вѣрно даже относительно безусловно точныхъ наукъ, напримѣръ, астрономіи. Система Птоломея въ настоящее время отвергнута безусловно, а между тѣмъ ея мооговѣковое господство покоилось на очень солидныхъ основаніяхъ; она давала возможность вполнѣ точно предсказывать многія астрономическія явленія. Слѣдовательно, въ математической наукѣ возможны *различныя* объясненія одного и того же факта. Послѣ этого въ какомъ же положеніи исторія?

Она прежде всего не владѣетъ такимъ основнымъ психологическимъ закономъ, который могъ бы поставить на твердую почву причинную связь душевныхъ явленій человѣка и его дѣйствій. Мы безпрестанно вынуждены судить о чувствахъ и настроеніяхъ по уже совершившимся фактамъ, на основаніи послѣдующаго явленія заключать о предъидущемъ душевномъ побужденіи. Легко представить, эти заключенія должны быть крайне неуловимы и до безконечности разнообразны. Изъ одного и того же психологическаго принципа съ одинаковой основательностью можно вывести два противоположныхъ дѣйствія.

Возьмемъ примѣръ. Наполеону маршалы стали измѣнять при первомъ же поворотѣ его счастья. Это—данный фактъ. На основаніи его историкъ высказываетъ общее психологическое соображеніе: маршалы слѣдовали за Наполеономъ, какъ наемники, исключительно въ матеріальныхъ разсчетахъ, не чувствуя съ

своимъ господиномъ никакой человѣческой нравственной связи. А при такихъ условіяхъ измѣна—вопросъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Это заключеніе кажется неотразимымъ, но вовсе не на основахъ какого-либо общаго закона, а исключительно подъ давленіемъ единичнаго факта. Если бы маршалы остались вѣрны Наполеону, ничто не помѣшало бы историку обратиться къ другому прямо противоположному, но въ общемъ не менѣе убѣдительному объясненію. Маршалы, осыпанные почестями и богатствомъ подъ властью Наполеона, должны были считать свое благосостояніе въ неразрывной связи съ судьбой Бонапарта и, сражаясь за его побѣды, этимъ самымъ оберегали свои головокружительныя карьеры и баснословныя богатства.

Другой примѣръ. Пуническія войны окончились побѣдой римлянъ надъ карѳагенянами. Монтескьё сдѣлалъ заключеніе: солдаты-граждане неизбѣжно должны побѣдить солдатъ-наемниковъ. Но вѣдь до побѣды при Замѣ римляне неоднократно были разбиваемы Ганнибаломъ. Почему же при Требіи, при Каннахъ граждане обращались въ бѣгство предъ наемниками? И кто можетъ доказать неопровержимо, что успѣхъ римлянъ при Замѣ результатъ ихъ нравственнаго превосходства, какъ свободныхъ гражданъ? Вѣдь, очевидно, не гражданскія доблести доставляли неоднократно побѣду войскамъ Ганнибала, какія же у насъ основанія утверждать, что тѣ же условія, оказавшіяся на сторонѣ римлянъ, создали ихъ успѣхъ, независимо отъ политической формы ихъ государства?

Очевидно, только фактъ уполномочилъ историка высказать общее философское положеніе. Находись въ его распоряженіи фактъ другого содержанія, онъ поспѣшилъ бы установить принципъ прямо противоположнаго смысла [1]).

Наконецъ, еще одинъ примѣръ, очень близкій и къ обыденной жизни. Въ исторіи безчисленныхъ междоусобицъ итальянскихъ городовъ разсказывается слѣдующій случай. Одинъ знатный равенецъ засталъ всѣхъ своихъ враговъ въ одномъ домѣ и могъ бы уничтожить ихъ. Но онъ предпочелъ отпустить ихъ и даже щедро одарить. Исторія прибавляетъ, что послѣ этого событія помилованные враги принялись съ удвоенной яростью бороться противъ своего благодѣтеля [2]).

Философствующій историкъ немедленно сообразитъ: эти люди были до послѣдней степени унижены благородствомъ своего врага и только ожесточенной борьбой могли возместить ущербъ своему самолюбію.

Но представьте, нѣкоторые, если не всѣ, помилованные перешли бы на сторону нашего героя, философствующій историкъ не ощутилъ бы ни малѣйшаго удивленія: естественно, заявилъ бы онъ, облагодѣтельствованные были подавлены благородствомъ своего противника и восторженно сложили оружіе.

Подобныхъ примѣровъ можно привести великое множество и каждый изъ вихъ будетъ подтверждать печальную истину: философія историковъ—безпощадная игрушка во власти отдѣльныхъ

---

[1]) Ср. Lacombe. *L'Histore considerée comme science.* Paris. 1894, p. 15.
[2]) Зиммель. *Проблемы философіи исторіи.* Русское изданіе. М. 1898, стр. 9.

фактовъ, и историкъ-философъ не менѣе подчиненъ впечатлѣнію, чѣмъ беллетристъ и поэтъ.

Въ такомъ положеніи толкованіе фактовъ, когда они извѣстны. Но историкъ безпрестанно наталкивается на болѣе или менѣе существенные пробѣлы въ фактическихъ документальныхъ сообщеніяхъ. Заполнить эти пробѣлы необходимо, часто даже въ виду простой логической связи разсказа. Ни одинъ историкъ какой-угодно эпохи не можетъ обойтись безъ этого процесса, и вотъ онъ именно представляетъ величайшія трудности и предъявляетъ запросы къ совершенно особымъ способностямъ историка, повидимому, безусловно неумѣстнымъ въ научной работѣ. Эти способности—*воображеніе* и *догадка*.

Впервые ихъ значеніе въ наукѣ было разъяснено сенъ-симонистами. Эта школа первая заговорила объ исторіи, какъ наукѣ, и она же первая открыла въ ея области дѣятельность силъ чисто художественныхъ. Она блистательно доказала, какое наивное заблужденіе со стороны ученыхъ думать, будто они въ своихъ выводахъ руководятся только строго-фактическими наблюденіями и ни на одно мгновеніе не прерываютъ цѣпи удостовѣренныхъ явленій. Въ дѣйствительности, они на каждомъ шагу поддаются внушеніямъ своей *симпатической способности*, т. е. допускаютъ вмѣшательство вдохновенія, особенно создавая законы, теоріи и гипотезы. Между отдѣльными фактами и общимъ ихъ смысломъ или всеобъемлющей идеей причины всегда лежитъ пропасть, заполняемая только при помощи геніальной интуиціи, отнюдь не строго-научнымъ методомъ.

Это справедливо относительно опытныхъ наукъ; въ исторіи эта истина получаетъ громадное, можно сказать преобладающее значеніе. Обратимся опять къ свидѣтелямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія.

Въ настоящее время, да и вообще во второй половинѣ XIX вѣка первое мѣсто среди историковъ слѣдуетъ отвести Моммзену по таланту и учености. Блестящія литературныя дарованія Моммзена извѣстны всякому интеллигентному читателю даже въ Россіи, а ученость заставляетъ благоговѣйно склоняться предъ германскимъ историкомъ даже его *расовыхъ* и принципіальныхъ враговъ—французовъ.

Величайшей задачей жизни Моммзена было изданіе *Сборника латинскихъ надписей*. Онъ потратилъ цѣлые годы на переписку и объясненіе архаическихъ обрывковъ, онъ создалъ методъ чтенія и пониманія ихъ, онъ напечаталъ множество трактатовъ о самыхъ ископаемыхъ вопросахъ, въ родѣ римской хронологіи, римскихъ монетъ, однимъ словомъ, онъ надолго воплотилъ едва достижимый идеалъ эрудита. И вотъ именно онъ матерью исторіи провозгласилъ не эрудицію, а *фантазію*, и не побоялся даже сопоставить исторію съ поэзіей.

И это было высказано не въ аллегорической формѣ, а настойчиво подтверждено, какъ принципъ, какъ неизбѣжный законъ историческаго творчества.

Популярнѣйшее сочиненіе Моммзена—*Римская исторія*. Оно дѣйствительно увлекаетъ стройностью и яркостью изложенія, читается съ неослабнымъ интересомъ, какъ сплошной связный до-

кладъ о событіяхъ изъ устъ ихъ непосредственнаго свидѣтеля. Но что на самомъ дѣлѣ скрывается за этой стройностью?

Догадаться на основаніи самаго разсказа нѣтъ возможности вся ученая лабораторія и аппараты удалены съ глазъ публики. Но зато тѣмъ поучительнѣе изліянія автора въ его частныхъ признаніяхъ.

Въ письмахъ къ издателямъ онъ безпрестанно касается больного вопроса и неистощимъ на поразительныя откровенности. «Госпожа исторія,—пишетъ онъ,—снабжена прорѣхами до такой степени основательно, что класть заплаты и швы—одновременно и искусство, и мука». Въ другомъ письмѣ, посылая рукопись, онъ восклицаетъ съ торжествомъ: «Наконецъ, наконецъ, наконецъ,—скажете вы, мой любезный другъ. Это дѣйствительно непріятно, но трудъ вѣдь былъ необъятный. Изъ самой работы не видно, сколько скрыто въ ней мученій и угрызеній совѣсти».

Даже угрызеній совѣсти! Испытываетъ ли ихъ самый добросовѣстный естественникъ и почему они преслѣдуютъ несчастнаго историка? Если бы намъ изложилъ подобную исповѣдь прокуроръ, адвокатъ или даже присяжный засѣдатель, мы поняли бы его. Но ученый, предназначенный работать надъ мертвой старивой. надъ текстами и памятниками: при чемъ здѣсь нравственныя муки?

Надо предположить чрезвычайно напряженное участіе *личности* историка въ его работѣ, если она такъ глубоко и даже мучительно волнуетъ его душу. И предположеніе настолько же справедливо, насколько и психологически необходимо.

Мы видимъ, въ какомъ положеніи является чистый историческій фактъ предъ историкомъ, приступающимъ къ работѣ. Уже въ документахъ въ сущности *нѣтъ фактовъ*, что же оказывается въ сочиненіи автора?

Онъ долженъ открыть *чистый фактъ* и объяснить его психологическимъ мотивомъ. Но вѣдь это значитъ *лично* пережить этотъ мотивъ и умственно произвести то же дѣйствіе. Мы въ состояніи понять извѣстную личность и его дѣятельность только при одномъ условіи—или *сочувствуя* этой личности, или испытывая столь же субъективное отрицательное отношеніе. Мы должны въ своемъ опытѣ найти указанія, *аналогичныя* съ явленіями прошлаго, иначе они останутся для насъ книгой за семью печатями. Короче—въ исторіи понимается только то, что пережито въ дѣйствительности.

Это—истина совершенно очевидная и можетъ быть пояснена безчисленными примѣрами даже изъ будничной жизни. Въ исторіи эти примѣры часто поражаютъ своей внушительностью.

Возьмите, положимъ, сообщенія римскихъ историковъ о древнихъ христіанахъ, хотя бы самаго основательнаго и благороднаго изъ нихъ—Тацита. На его языкѣ, кажется, нѣтъ достаточно презрительныхъ словъ, чтобы заклеймить темную секту маніаковъ, проповѣдующихъ о какомъ-то распятомъ Богѣ и готовыхъ умирать столь же позорной смертью за его имя. Знаменитый историкъ рѣшительно не въ состояніи *понять* даже современное историческое явленіе, потому что въ его нравственномъ мірѣ нѣтъ чувства, родственнаго христіанскому міросозерцанію. Онъ не *со-чувствуетъ* съ извѣстными людьми и они для него безнадежно-безумное и уродливое явленіе. И христіане могли бы обратиться къ историку

съ рѣчью такого же смысла, какую у Шекспира произноситъ Ромео въ отвѣтъ на укоризны монаха: онъ никогда не любилъ и потому не можетъ судить о любви!

Такъ и историкъ. Если онъ лично никогда не ощущалъ потребности въ религіозной вѣрѣ, если онъ не носилъ въ своей груди пламенной любви къ гражданской свободѣ и человѣческому достоинству, если онъ не былъ способенъ отдать свое спокойствіе и святую жизнь за славу родины, онъ не пойметъ и не оцѣнитъ психологіи Франциска, Брута, Жанны д'Аркъ и готовъ будетъ прибѣгнуть къ самымъ плоскимъ толкованіямъ недоступныхъ ему фактовъ. Для Франциска онъ пуститъ въ ходъ понятія фанатизма, суевѣрія и шарлатанства, Брута постарается уличить въ корыстныхъ личныхъ или партійныхъ разсчетахъ, а Орлеанскую дѣву причислитъ къ психопаткамъ въ стилѣ среднихъ вѣковъ.

Восемнадцатый вѣкъ представилъ эффектнѣйшіе образцы недоразумѣній въ первостепенномъ вопросѣ человѣческой культуры. Онъ видѣлъ обширную школу философовъ, чрезвычайно просто объяснявшихъ происхожденіе и развитіе религій—хитрой политикой служителей алтаря. И это объясненіе весьма многимъ казалось вполнѣ философскимъ, но въ ту же эпоху Руссо считалъ его нелѣпымъ и даже преступнымъ. И разница между Гольбахомъ и Руссо заключалась въ размѣрахъ личнаго нравственнаго богатства. Болѣе разносторонній, болѣе передумавшій и пережившій философъ совершенно иначе представлялъ явленіе, казавшееся бѣдной натурѣ столь элементарнымъ и призрачнымъ.

Связь подобной, часто вопіющей узости воззрѣній съ извѣстной глубиной самой личности историка безпрестанно подтверждается и на современныхъ фактахъ. Развѣ Тэнъ могъ бы написать уличный памфлетъ на важнѣйшее соціальное и политическое явленіе новаго времени, на принципъ и развитіе демократіи, если бы не страдалъ неизлѣчимой близорукостью духовнаго зрѣнія и атрофіей гражданскихъ и культурныхъ инстинктовъ? Развѣ тотъ же Моммзенъ сталъ бы призывать своихъ соотечественниковъ къ безпощадной *расовой* борьбѣ съ «кельтами» и «славянами», т. е. съ французами и чехами, и развѣ онъ извлекъ бы именно изъ исторіи идею законности этой борьбы, если бы его культурное сознаніе стояло на уровнѣ его эрудиціи?

Выводъ очевиденъ: историкъ долженъ быть художникомъ едва ли не въ сильнѣйшей степени, чѣмъ эрудитомъ. Во-первыхъ, онъ долженъ *возсоздавать* факты по ихъ отраженіямъ въ документахъ; во-вторыхъ, приводить ихъ въ тройную связь, *заполняя пробѣлы*, и въ-третьихъ, *переживать* въ самомъ себѣ дѣйствія и нравственныя побужденія людей прошлаго. Непремѣнное условіе не только болѣе или менѣе вѣрнаго обобщенія историческихъ явленій, но даже простого ихъ пониманія каждаго порознь—способность историка *лично отзываться* на изображаемую жизнь и *лично участвовать* въ ея многообразномъ движеніи.

До нашихъ дней эта, на взглядъ эрудитовъ фанатиковъ, роковая родственная связь исторіи съ поэзіей, историческаго изслѣдованія съ художественнымъ вдохновеніемъ скрѣпляется все болѣе вѣскими свидѣтельствами практики. Пока *теорія* самоотверженно противится имъ и не перестаетъ возвышать голосъ въ пользу соблазнительныхъ естественно-научныхъ притязаній исторіи. Но

искови все покоряющая естественная сила жизненной правды ежечасно грозитъ изречь уничтожающій приговоръ надъ самообольщенными резонерами: *не вѣдаютъ, что творятъ.*

Въ самое послѣднее время на Западѣ разгорѣлась среди историковъ любопытнѣйшая полемика. Независимо отъ личностей борцовъ и ихъ цѣлей, она показываетъ, въ какомъ первобытномъ состояніи находится ученый тронъ музы исторіи.

IV.

Въ настоящее время лейпцигскій университетъ можетъ похвалиться почти такимъ же знаменитымъ профессоромъ, какъ Берлинъ своимъ Моммзеномъ. Это Лампрехтъ—авторъ *Нѣмецкой исторіи.* Имя давно иззвѣстное, еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ, но за послѣдніе годы воплотившее цѣлое философское направленіе.

Лампрехтъ, прославившійся сначала изслѣдованіями экономическаго быта среднихъ вѣковъ, лѣтъ восемь тому назадъ, выступилъ, какъ реформаторъ вообще философіи исторіи и исторической науки. Онъ заявилъ, что исторіи еще не существуетъ, что предметъ ея до сихъ поръ опредѣленъ неудовлетворительно, что программа ея представляется крайне туманной и запутанной, что исторія обнаружила совершенную неспособность установить законы и что, наконецъ, слѣдуетъ преобразовать ее до самыхъ основъ. Лампрехтъ, дѣлая эти общія заявленія, не щадилъ ни своихъ предшественниковъ, ни современниковъ и сообщилъ рѣзкій, даже презрительный тонъ ученой полемикѣ.

Историки раздѣлились на два лагеря и подняли запальчивую войну на страницахъ журналовъ, въ историческихъ конгрессахъ, въ многочисленныхъ брошюрахъ. Война, повидимому, очень далека отъ мирнаго соглашенія и, насколько можно судить по боевымъ лозунгамъ, оно даже врядъ ли возможно.

Лампрехтъ ополчился противъ весьма распространеннаго и извѣстнаго съ незапамятныхъ временъ воззрѣнія на исторію и историческій прогрессъ. Въ Германіи это воззрѣніе считаетъ своимъ главой Ранке. Оно очень стройно, художественно и аристократично. Человѣческій родъ дѣлится на два неравныхъ отдѣла, одинъ—сѣрая, сплошь безличная толпа, живой матеріалъ, подлежащій внѣшнимъ воздѣйствіямъ, на другой сторонѣ немногіе избранники, одаренные исключительными духовными силами, предназначенные быть вождями и двигателями. Все, что ни совершается въ мірѣ, представляетъ осуществленіе ихъ идей, они—душа исторіи, центральное свѣтило, управляющее темной пассивной массой слугъ и послѣдователей. Очевидно, историкъ долженъ сосредоточить свое вниманіе именно на этихъ представителяхъ человѣческаго рода. Личность и ея свободная дѣятельность—вотъ предметы историческаго изученія. Все остальное имѣетъ смыслъ только какъ *среда*, окружающая отдѣльныхъ дѣятелей. Но не здѣсь слѣдуетъ искать истинныхъ историческихъ фактовъ, а исключительно въ индивидуальной дѣятельности, возвышающейся надъ однообразными и безразличными дѣйствіями толпы.

Таковъ символъ вѣры индивидуалистовъ, очень старый, удобно укладывающійся въ элементарномъ представленіи о герояхъ и

толпѣ. Возражать противъ этого символа не представляетъ большихъ затрудненій. Понятіе о героизмѣ, весьма естественное съ точки зрѣнія исторіи—романа исторіи—драмы, вообще исторіи—литературнаго жанра, является наивнымъ и слишкомъ поэтическимъ въ глазахъ исторіи—науки. Великіе люди, какъ монополисты цѣлыхъ періодовъ культурнаго прогресса, хороши для школьнаго поученія и для эффектныхъ произведеній воображенія, но они не выдерживаютъ критики при болѣе тщательномъ анализѣ ихъ величія и мнимаго безразличія и пассивности ихъ среды. Очевидно, чисто логическимъ путемъ можно сильно опровергать воззрѣнія индивидуалистовъ, упростившихъ картину историческаго развитія почти до уровня сраженія двухъ армій съ двумя полководцами. Наконецъ, сама исторія новаго времени должна была рѣшительно поколебать пьедесталъ героевъ и вызвать у историковъ болѣе почтительный интересъ къ толпѣ. Революція и позднѣйшія событія будто нарочно были направлены противъ культа героевъ. Отдѣльныя личности и самая деспотическая изъ нихъ одна за другою уносились непреодолимымъ потокомъ фактовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ величественными свободными замыслами какого-либо одного генія. Историку безпрестанно могла придти мысль, что герои работали на собственную погибель, увлекаемые какимъ-то роковымъ и темнымъ процессомъ не индивидуальныхъ, а стихійныхъ силъ. Значительнѣйшій изъ героевъ будто чувствовалъ этотъ процессъ, исповѣдуя чисто-восточный фатализмъ и пріурочивая свои дѣйствія къ какой-то таинственной *звѣздѣ*.

Одновременно съ этими уроками исторіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ на сцену выступила чисто научная сила естествознанія. Она въ короткое время достигла небывалаго значенія, благодаря поразительнымъ успѣхамъ опытныхъ наукъ и не могла не наложить своей власти на исторію, жадно искавшую своихъ собственныхъ законовъ и принциповъ. Это новое вліяніе должно было коренным образомъ измѣнить міросозерцаніе историковъ и передвинуть самую точку ихъ наблюденій—съ личности на среду, съ свободной индивидуальной дѣятельности на коллективный духъ соціальнаго организма.

У естествоиспытателя на первомъ планѣ не индивидуумы, а породы, группы, семейства, не произвольное единичное творчество, а органическая эволюція, совершающаяся по законамъ ей присущимъ и индивидуумъ только объектъ, на которомъ осуществляются эти законы.

Перенесите это представленіе на почву исторіи—и вы получите принципы коллективистовъ, прямо противоположные художественнымъ воззрѣніямъ индивидуалистовъ.

Рѣшительное заблужденіе, ставить на первомъ планѣ личность. Она существуетъ только, какъ членъ соціальной группы. Въ этой группѣ, т. е. въ націи слѣдуетъ искать коллективнаго духа, эманаціей котораго является индивидуумъ. Человѣчество, разсматриваемое въ цѣломъ, развивается по законаиъ внутренней силы, подобной той силѣ, какая заставляетъ человѣка или животное достигать извѣстнаго роста, складываться въ извѣстную форму, осуществлять извѣстный типъ.

Лампрехтъ усвоилъ именно эту философію и принялся оправ-

дывать ее многочисленными сочиненіями, между прочимъ, новѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ нихъ—*Нѣмецкой исторіей*, переведенной и на русскій языкъ. Лампрехтъ самъ вполнѣ опредѣленно указалъ источникъ своихъ историческихъ ученій.

Въ естественныхъ наукахъ, писалъ онъ, время описательнаго метода прошло, и въ историческихъ наукахъ нельзя также ограничиваться чисто-историческими изысканіями, слѣдуетъ обратиться къ новому методу: онъ долженъ показать намъ, какъ образовалась историческая ткань, начиная съ мельчайшихъ клѣточекъ жизни. Этотъ новый методъ неминуемо долженъ выдвинуть на первый планъ самый ходъ цивилизаціи. Онъ долженъ показать относительное значеніе различныхъ факторовъ, съ величайшей энергіей дѣйствующихъ на индивидуумъ: климата, наслѣдственности, воспитанія, соціальнаго положенія.

Ясно, вниманіе историка направится не на отдѣльныхъ личностей, а на органическую работу силъ—физическихъ, этнографическихъ, экономическихъ. Исторія превратится въ соціальную физіологію, и вліяніе причинъ экономическихъ и физическихъ совершенно заслонитъ дѣйствіе причинъ нравственныхъ и личныхъ. И Лампрехтъ въ своихъ книгахъ обнаруживаетъ исключительное пристрастіе даже къ языку натуралистовъ. Мы безпрестанно слышимъ «о клѣточкахъ органическихъ тѣлъ», о цѣломъ государствѣ какъ живой личности, и, наконецъ, о коллективной соціальной душѣ. Вообще, повидимому, неограниченное царство научности, наконецъ, достойно соревнующей съ идеальными цѣлями самого естествознанія.

И единомышленники Лампрехта именно на этомъ и стоятъ. На недавнемъ съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ въ Инспрукѣ они дали жаркое сраженіе памяти Ранке и его послѣдователямъ.

Прославленный историкъ, говорили они, мистикъ. Онъ вѣруетъ, будто исторія управляется идеями, парящими надъ обстоятельствами и фактами, идеями—идущими отъ Бога, т. е. метафизическими. Мыслить исторію на основаніи принципа человѣческой мнимой свободы, значитъ пускаться въ область трансцендентальнаго, дѣйствовать противонаучно, исповѣдывать не знаніе, а вѣру. Слѣдуетъ тщательно отдѣлять въ исторической работѣ то, что научно установлено, отъ того, что основывается только на личныхъ сужденіяхъ и на чисто субъективныхъ представленіяхъ. Эту часть слѣдуетъ совершенно устранить изъ историческихъ сочиненій, въ видѣ прибавленія, вообще провести рѣзкую черту между дѣйствительно научными результатами и случайными идеями самихъ историковъ.

Такова новая программа исторіи, какъ науки! И она дѣлаетъ большую честь стремленіямъ проповѣдниковъ, но врядъ ли ихъ благоразумію и безпристрастію.

Прежде всего въ новой программѣ чрезвычайно много стараго. Матеріалистическое воззрѣніе на исторію отнюдь не открытіе Лампрехта и его *Нѣмецкой исторіи*. О *соціальной физикѣ* во Франціи толковали, по крайней мѣрѣ, за шестьдесятъ лѣтъ до перваго сочиненія нѣмецкаго историка, на счетъ среды еще Тэнъ успѣлъ исписать сотни страницъ,—вотъ развѣ только идея о *соціальной душѣ* можетъ похвалиться нѣкоторой свѣжестью. Она высказана Лампрехтомъ въ книгѣ *Экономическое развитіе Германіи въ средніе*

вѣка, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ прибавилось не мало еще болѣе яркихъ украшеній — историческая ткань, соціальная клѣточка.

Но вглядитесь въ это сооруженіе, столь горячо вдохновляющее своихъ архитекторовъ, вы безъ особыхъ усилій зрѣнія распознаете фальшивыя архитектурныя линіи на фасадѣ и даже самое основаніе покажется вамъ довольно ненадежнымъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ понимать эту *соціальную душу*? Заключается въ этомъ новомъ понятіи содержаніе на столько реальное, осязаемое, дѣйствительно научно-опредѣленное, что съ совершенно легкимъ сердцемъ можно презрительно обозвать метафизикой хотя бы даже воззрѣнія Ранке? Очевидно, вновь изобрѣтенный терминъ ни на шагъ не подвинулъ нашихъ *положительныхъ* свѣдѣній объ историческомъ процессѣ. Это—относительно философскаго достоинства новой теоріи.

Что касается ея практическаго приложенія, сомнѣнія представляются еще болѣе внушительныя. Конечно, мы не можемъ считать такъ называемыхъ великихъ людей полубогами, по собственному желанію создающими и разрушающими укладъ и идеалы общества. Въ культурномъ движеніи имѣетъ большую часть коллективная работа націи, незамѣтная, однотонная, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени производительная. И если бы не существовало этой, такъ сказать, подземной работы, всѣ геніи выходили бы или пустоцвѣтами, или мучениками и лишними людьми.

Но отъ этой истины далеко до низведенія геніальныхъ дѣятелей къ роли обыкновенныхъ клѣточекъ въ соціальномъ организмѣ. Среда, разумѣется, очень дѣйствительна въ своихъ вліяніяхъ, можетъ быть не менѣе дѣйствительна и наслѣдственность, но всякія вліянія видоизмѣняются сообразно съ почвой, на которую дѣйствуютъ, а понятіе наслѣдственности не даетъ никакого своего объясненія, такъ какъ въ его выводахъ непремѣнно стоитъ или тотъ же индивидуумъ, или та же среда. До послѣдней степени наивно воображать, будто психологію Лютера или Наполеона можно разложить на физическія и экономическія данныя XVI-го и XIX-го вѣка. До Лютера весьма многихъ смущали «римскіе пороки» и не одинъ вѣрный нѣмецъ уходилъ изъ города апостоловъ съ нестерпимо-горькимъ чувствомъ, но только у Лютера это чувство зажгло реформаторское, даже революціонное пламя. Также и въ революцію было не мало талантливыхъ генераловъ и весьма опасныхъ для едва живой маскарадной республики, но только Наполеонъ изъ генераловъ превратился въ императора и на длинный рядъ поколѣній распространилъ недугъ, позорными чертами вписанный въ политическую и нравственную исторію французской націи. Даже его одно имя въ теченіе десятилѣтія являлось могущественнымъ факторомъ и до самыхъ основъ возмущало соціальный организмъ. Это не метафизика, а самый вопіющій и, къ сожалѣнію, слишкомъ матеріальный фактъ.

Очевидно, историку волей-неволей приходится считаться съ героями и остаться при сомнѣніи на счетъ всемогущества таинственной соціальной души.

Вопросъ пребываетъ на очереди текущаго дня, и съ точностью нельзя опредѣлить, на какомъ отвѣтѣ помирятся враждующіе ла-

гери. Но для насъ поучителенъ не столько этотъ будущій отвѣтъ, сколько самая постановка вопроса.

Въ концѣ вѣка, послѣ столь, повидимому, быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ историческаго знанія, провозглашается, что исторіи все-таки до сихъ поръ не существуетъ, что все зданіе надо начать съ основанія, и предлагается новый планъ постройки. Онъ оказывается на половину старымъ, на половину столь же неудовлетворительнымъ, какъ и разсчеты прежнихъ архитекторовъ. Исторія, благодаря матеріалистамъ и коллективистамъ, не превращается въ науку и признанный учитель новѣйшихъ индивидуалистовъ и ихъ противниковъ открыто ставитъ ее рядомъ съ поэзіей, по крайней мѣрѣ удѣляетъ въ ея области самое почетное мѣсто фантазіи.

Огорчаться или радоваться историкамъ? Положимъ, они окончательно потеряютъ надежду попасть въ соціальные физіологи, не будетъ ли для нихъ обидно остаться въ рангѣ полу-изслѣдователей, полу-художниковъ? Отвѣтъ насчетъ обиды зависитъ отъ многихъ общихъ и профессіональныхъ условій, но насчетъ личной нравственной отвѣтственности историковъ онъ совершенно ясенъ. Чѣмъ дальше отъ историка возможность стать объективнымъ изслѣдователемъ по свойству самихъ предметовъ изслѣдованія, тѣмъ настоятельнѣе всестороннее развитіе данныхъ, обусловливающихъ широкое пониманіе историческихъ явленій, т.-е. гражданское и нравственное совершенствованіе собственной личности. И врядъ ли можно этотъ идеалъ считать второстепеннымъ сравнительно съ какой угодно объективной эрудиціей. Моммзенъ, по крайней мѣрѣ, держался другого взгляда. Въ отвѣтъ на упреки друзей и враговъ, что онъ участіемъ въ политической борьбѣ унижаетъ званіе ученаго, онъ заявлялъ:

«Наихудшее изъ всѣхъ заблужденій, когда снимаютъ съ себя сюртукъ гражданина затѣмъ, чтобы не скомпрометировать халата ученаго».

И, можетъ быть, такое же заблужденіе—усилія исторіи во что бы то ни стало облачиться въ халатъ строгой науки, вопреки повелительнымъ указаніямъ опыта и не смотря на безусловно почтенные пути развитія независимо отъ соревнованія съ физіологіей и анатоміей.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Through the High Pyrenees*» *by Harold Spender. With Illustrations.* (*A. D. Innes and C°*). (*Черезъ Пиринеи*). Очень интересное описаніе горной страны, далеко не такъ часто посѣщаемой туристами и не столь извѣстной, какъ швейцарскіе Альпы. Въ Пиринеяхъ есть уголки, чрезвычайно интересные не только съ точки зрѣнія живописной природы и не для однихъ только туристовъ. Такова, напримѣръ, крошечная республика Андорра, представляющая несомнѣнно много любопытнаго съ соціально-философской точки зрѣнія. Авторъ очень занимательно описываетъ свое посѣщеніе этого маленькаго независимаго государства, затерявшагося въ горахъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности, и свой разговоръ съ бывшимъ президентомъ республики, старымъ крестьяниномъ, по имени Донъ Франческо Дюранъ, который сначала отнесся очень подозрительно къ путешественникамъ и, только убѣдившись, что они не питаютъ никакихъ злостныхъ намѣреній противъ республики разговорился съ ними и сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о системѣ управленія, обычаяхъ и нравахъ Пиринейской республики.

(Daily News).

«*Through Asia*» *by Sven Hedin* (*Methuen and C°*) *2 vols.* (*Черезъ Азію*). Молодой шведскій путешественникъ, Свенъ Хединъ, прошедшій черезъ всю центральную Азію, обратилъ вниманіе всего ученаго міра своимъ докладомъ въ лондонскомъ географическомъ обществѣ. Въ настоящее время вышло полное описаніе его путешествія въ двухъ томахъ съ иллюстраціями. Свенъ Хединъ обладаетъ въ высокой степени талантомъ разсказчика и хотя книга его представляетъ громадный интересъ, но она написана такъ живо и увлекательно и въ ней такъ много заключается драматическихъ эпизодовъ и красивыхъ описаній природы, что читается она съ такимъ же интересомъ, какъ романъ какого-нибудь талантливаго автора. (Daily News).

«*Emin Pacha*» *by Georg Scwatzer. With an introduction by R. W. Felkin. Two vols* (*Constable*). Прекрасная біографія Эмина-паши и очеркъ его дѣятельности составленный по разнымъ документамъ и перепискѣ Эмина-паши съ разными лицами. Предисловіе къ этой книгѣ написано другомъ Эмина-паши, африканскимъ путешественникомъ докторомъ Фелкинымъ. Письма Эмина къ доктору Фелкину освѣщаютъ многія стороны его жизни въ Африкѣ. Біографія Эмина-Паши написана очень интересно и обрисовываетъ не только личность этого замѣчательнаго человѣка, но и ту обстановку, въ которой ему приходилось жить и трудиться. (Literary World).

«*To Klondyke and Back*» *by J. H. E. Secretan* (*Hurst and Blackett*). (*Въ Клондайкъ и обратно*). Страна золота, куда устремились уже десятки тысячъ людей, по прежнему возбуждаетъ громадный интересъ въ Европѣ и этотъ интересъ еще увеличивается, благодаря описаніямъ тѣхъ ужасныхъ препятствій, съ которыми приходится бороться путешественникамъ, увлекаемымъ жаждою золота и сильныхъ ощущеній. Авторъ названной книги описываетъ свою прошлогоднюю экспедицію въ Клондайкъ. Его простой разсказъ о тѣхъ опасностяхъ, съ которыми ему приходилось бороться, производитъ особенно хорошее впечатлѣніе на читателя именно потому, что лишенъ всякой афектаціи и мѣстами дышитъ юморомъ. Кромѣ того, книга эта можетъ служить также хорошимъ путеводителемъ для желающихъ попытать счастья въ этой труднодоступной странѣ или же просто заинтересовавшихся ею съ точки зрѣнія туриста и изслѣдователя.

(Bookseller).

«*W. E. Gladstone, the Great liberal Statesman*». *By F. G. Warne* (*W. F. Mack and C°*). (*Гладстонъ*). Небольшой, въ высшей степени популярно написанный очеркъ дѣятельности и важнѣйшихъ событій въ жизни великаго англійскаго государственнаго дѣятеля. (Bookseller).

«*Domestic Science Leacters*» *by Vincent T. Murché.* (*Macmillan and C°*). (*Чтеніе по домоводству*). Цѣлая серія изданій, заклю-

чающихъ въ себѣ полный курсъ домоводства, представляющій прекрасное руководство для матерей и хозяекъ. Каждый выпускъ этой серіи посвященъ какому-нибудь отдѣлу домашняго хозяйства и преподаетъ правила гигіены, а также обучаетъ поданію первой помощи и уходу за больными. Каждый выпускъ иллюстрированъ соотвѣтствующимъ образомъ.

(Bookseller).

«*English National Education*» *by H. Holman* (*Blackie and Sons*). (*Англійское національное воспитаніе*). Авторъ задался цѣлью изобразить постепенное развитіе народнаго образованія въ Англіи и эволюцію народной школы. Историческая часть книги представляетъ громадный интересъ и обрисовываетъ то вліяніе, которое имѣла церковь и различныя религіозныя секты на ростъ и развитіе школы. Авторъ заканчиваетъ свой очеркъ изложеніемъ современнаго состоянія воспитанія и дѣятельности англійскихъ школьныхъ союзовъ.

(The Ethical World).

«*The Soul of a people*». *An account of the life and belief of the Burmese. By H. Fielding* (*Richard Benttey and Sons*). (*Душа одного народа*). Книгу эту можно съ полною справедливостью назвать настоящею поэмою въ прозѣ—такъ поэтично описываются въ ней жизнь и вѣрованія бирманцевъ. Авторъ долго прожилъ въ Бирманіи и хорошо знакомъ съ этою интересною страной и ея обитателями.

(Bookseller).

«*I was in Prison*» *by F. Brocklehurst* (*Fisher Unwin*). (*Я былъ въ тюрьмѣ*). Авторъ—образованный человѣкъ и пользующійся незапятнанною репутаціей, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ за нарушеніе постановленій манчестерскаго городского совѣта. Какъ бы тамъ ни было, но это дало ему возможность изучить на собственномъ опытѣ пенитенціарную систему и получить самое точное понятіе о тюремномъ режимѣ. Онъ дѣлится своими впечатлѣніями и своимъ грустнымъ опытомъ съ читателями и разсказъ его заставляетъ еще болѣе убѣждаться въ необходимости тюремной реформы.

(Bookseller).

«*Au pays des Ba-rotsi*» *par Capitaine Alfred Bestrand* (*Hachette*). (*Въ странѣ баротеевъ*). Авторъ описываетъ одну изъ самыхъ мало извѣстныхъ мѣстностей центральной Африки, — страну баротеевъ, а также области, лежащія къ сѣверу отъ Капской колоніи, страну бешауановъ, пустыню Калахари волоть до Замбете, страну матабеловъ, Трансвааль и Наталь.

(Bookseller).

«*Campanig and Tramping in Malayia by A. Rathborne* (*Swan Sounenschein*). (*Странствованіе по Малайскому полуострову*). Малайскій полуостровъ сравнительно недавно подвергся цивилизаторскому вліянію и прогрессъ его въ этомъ отношеніи очень еще не великъ. Какъ во многихъ другихъ полудикихъ странахъ и на малайскомъ полуостровѣ европейцамъ приходится бороться съ очень большими препятствіями и авторъ, прожившій 15 лѣтъ среди малайцевъ и хорошо изучившій страну, обрисовываетъ цивилизаторскую дѣятельность европейцевъ и въ особенности англичанъ въ этой полудикой странѣ. Кромѣ того, авторъ знакомитъ читателей съ бытомъ малайцевъ, тамиловъ и китайцевъ, ихъ исторіей и современными условіями жизни.

(Literary World).

«*Ireland, 1798 — 1898*». *By William O'Connor Morris. (A. D. Innes and C°)*. (*Ирландія*). Въ виду исключительнаго интереса, представляемаго ирландскими дѣлами за послѣднія двадцать лѣтъ, появленіе этой книги можно назвать въ высшей степени своевременнымъ. Авторъ—ирландецъ и либералъ, хотя и не принадлежащій къ гомрулерамъ, стремится дать наивозможно болѣе безпристрастное изображеніе исторіи Ирландіи за послѣднее столѣтіе. Обладая не заурядным литературнымъ талантомъ авторъ приковываетъ вниманіе читателя своими описаніями великихъ событій и главныхъ ирландскихъ дѣятелей, образы которыхъ встаютъ какъ живыя передъ глазами читателей. Книга эта по своей безпристрастной оцѣнкѣ историческихъ событій и личностей должна занять первое мѣсто въ ряду сочиненій объ Ирландіи.

(Bookseller).

«*Études sur la littérature française*» *2-me Série, par Renée Doumic.* (*Очерки французской литературы*). Въ первомъ томѣ своего труда авторъ говорилъ только объ умершихъ современныхъ французскихъ писателяхъ: во второмъ же томѣ онъ отводитъ мѣсто живымъ и посвящаетъ отдѣльныя главы Эмилю Золя, Франсуа Коппе, Анатолю Франсъ и др. Кромѣ этихъ писателей, продолжающихъ свою дѣятельность въ области литературы, передъ глазами читателя проходятъ литературные образы дѣятелей другой эпохи: г-жи Роланъ, Кондорсе, Шатобріана, Мюссе и Жоржъ-Зандъ, которымъ авторъ посвящаетъ также отдѣльныя главы своихъ критическихъ очерковъ.

(Revue de Paris).

«*Études musicales et nouvelles silhouettes de musiciens*» *par Camille Betlaigne* (*Музыкальные очерки и новые силуэты музыкантовъ*). Музыкальные критики слишкомъ часто ограничиваются тѣмъ, что высказываютъ чисто техническія сужденія, для пониманія которыхъ надо спеціальную эрудицію, такъ что обыкновенной публикѣ онѣ часто бываютъ совершенно недоступны, тѣмъ болѣе, что обыкновенный слушатель любитъ музыку только за тѣ чувства и идеи, которыя она у него вызываетъ, и всѣ комментаріи къ этой музыкѣ остаются ему чужды, такъ какъ ничего не говорятъ его

душѣ. Авторъ старательно избѣгаетъ такой ошибки и разсуждаетъ о музыкѣ и музыкальныхъ произведеніяхъ съ общепонятной точки зрѣнія и, кромѣ того, обрисовываетъ личность композиторовъ въ разсказахъ и очеркахъ. Въ началѣ книги, въ видѣ предисловія, авторъ помѣщаетъ очень интересный очеркъ «Музыка съ соціологической точки зрѣнія».

(Revue de Paris).

«*Ethics of the Great Religions*» *by G. T. Gorham* (*Walts and C°*). (*Этика великихъ религій*). Этическіе принципы древнихъ индусовъ, китайцевъ или арабовъ, безъ сомнѣнія, представляютъ для насъ громадный интересъ и преподаютъ намъ уваженіе къ религіямъ древности. Этимъ уваженіемъ проникнутъ и авторъ вышеназванной книги, знакомящей читателя съ этикой великихъ религій, При этомъ авторъ обнаруживаетъ вполнѣ безпристрастное отношеніе къ каждой изъ этихъ религій и анализируетъ ее съ точки зрѣнія нравственныхъ принциповъ и вліянія, оказаннаго ею на человѣчество.

(Ethical World).

«*The Story of the Farm*» *by prof. Long.* (*Str and W. C.*). (*Исторія фермы*). Небольшая книга, въ которой авторъ разсматриваетъ сельскохойственный и земледѣльческій вопросъ съ экономической и соціальной точки зрѣнія. Цѣна книги одинъ шиллингъ. (Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ЗНАНІЕ“.

С.-Петербургъ, Садовая, 13 (уг. Невскаго).

Принимается подписка на всѣ, какъ русскіе, такъ и иностранные журналы и газеты и высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и каталогахъ книжныхъ магазиновъ Россіи.

Громадный выборъ дешевыхъ книгъ, книгъ для народнаго чтенія, книгъ по сельскому хозяйству.

Составляются школьныя и народныя библіотеки, высылаются всевозможные учебники, въ переплетахъ и безъ переплетовъ. Крѣпкіе и изящные переплеты отъ 15 коп.

Провинціональные заказы исполняются въ теченіе трехъ дней.

Земствамъ, земскимъ служащимъ, школьнымъ и народнымъ учителямъ дѣлается уступка 10%.

Книги высылаются по желанію заказчика во всѣ мѣста Россійской Имперіи *наложеннымъ платежомъ*.

Одновременно съ отправкой книгъ, отдѣльнымъ письмомъ посылается покупателю счетъ.

Магазинъ проситъ писать адресъ точно и разборчиво.

Упаковка и пересылка книгъ на счетъ покупателя.

P. S. Въ настоящее время магазинъ «ЗНАНІЕ» печатаетъ каталогъ народныхъ и прочихъ книгъ; покорнѣйше проситъ желающихъ получить этотъ каталогъ *безплатно* заявить объ этомъ заранѣе.

Въ книжномъ магазинѣ „Знаніе“ открыта подписка на изданіе

Н. И. Березина и М. Н. Семенова.

«Общедоступный энциклопедическій словарь» подъ ред. **Н. И. Березина.** и при участіи многихъ ученыхъ и писателей, съ многочисленными портретами, картами, таблицами, наглядными иллюстраціями (въ краскахъ) и проч., въ трехъ томахъ или 15 выпускахъ. Первый выпускъ выйдетъ въ октябрѣ 1898 года. Цѣна по подпискѣ 9 р., съ пересылкой 10 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. (съ пересылкой 3 р.) и начиная съ 3 выпуска, по 1 р., остальные выпуски будутъ выданы безплатно.

Въ Москвѣ подписка на словарь принимается въ книжномъ магазинѣ «ТРУДЪ», Тверская.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА ИЗДАНІЕ Н. И. БЕРЕЗИНА и М. Н. СЕМЕНОВА

АНТОНІО ЛАБРІОЛА

„Ъ ВОПРОСУ О МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОМЪ ВЗГЛЯДѢ НА ИСТОРІЮ.

Цѣна **50** коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ „ЗНАНІЕ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1899** ГОДЪ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», кромѣ значительнаго контингента корреспондентовъ, принимаютъ участіе слѣдующія лица:

А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, проф. Д. В. Айналовъ, В. А. Арнольдовъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берлинъ, М. Е. Бландовъ, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородавичъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. Ѳ. Будде, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Вассюковъ, С. С. Вершовъ, М. И. Ганфманъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, И. А. Гофштеттеръ, А. Б. Грейманъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Г. С. Десятовъ, Дилетантъ (псевдонимъ), П. И. Добротворскій, М. Дѣевъ (псевдонимъ), Е. О. Дубровина, П. В. Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. Ш. Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, А. Корнгольдъ, проф Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, С. М. Капустина, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, И. А. Лимановъ, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магницкій, А. И. Матовъ, проф. Н. А. Мисловскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. Н Нелидовъ, С. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, Б. П. Никоновъ, Б. П. Онгирскій, Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, О. В. Португаловъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, Н. В. Ремезовъ, П. А, Рождественскій, М. Д. Рузскій, И. С. Рукавишниковъ, И. М. Сивковъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, И. И. Степановъ, К. П. Степницкій. Б. С. Сѣрова, И. Н. Смирновъ, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, О. П. Траубенбергъ, Н. А. Хардина, Н. А. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Для городскихъ подписчиковъ. Съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—75 к. Безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 к. Для иногородныхъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Допускается разсрочка; для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 1 р. Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1899 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1899 года.

Подписка принимается: въ Казани въ главной конторѣ «Волж. Вѣстника» на Покровской ул., д. Пермяковой, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тихонова, въ Сарапулѣ—въ типографіи Колчина. 1—1

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1890 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ первыя 19 лѣтъ.

Статьи (въ заказныхъ бандеролiяхъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы Ольги Александровны Рикеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.). 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1899 году

(37-й годъ изданія).

Вступая въ тридцать седьмой годъ изданія, «Саратовскій Листокъ» остается при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Къ этому считаемъ нужнымъ прибавить, что газета наша пріобрѣла постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и нѣкоторыхъ др. важнѣйшихъ городахъ Европы. Редакція расширяетъ также отдѣлъ оригинальной и переводной беллетристики.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ 7 р., на 11 мѣсяцевъ 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р. на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою въ другіе города: На годъ 8 р., на 11 мѣсяцевъ 7 р., на 10 м. 6 р. 50 к., на 9 м. 6 р.. на 8 м. 5 р. 50 к., на 7 м. 5 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 5 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 40 к. на 1 м. 1 р. 20 к.

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ: 4 руб. и 1-го мая 4 р.

Подписка принимаемся съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Въ Вольскѣ—у И. Ф. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита, на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ *Саратовской, Тамбовской, Пензенской* и *приволжск. губ.*, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

1—1 Издатель И. П. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1899 ГОДЪ.

ГОДЪ XV.

Выходитъ ***ЕЖЕДНЕВНО***, кромѣ дней послѣ праздниковъ, когда городскіе подписчики получаютъ телеграфные бюллетени.

Подписная цѣна: Годъ — 9 руб., 6 мѣсяцевъ — 4 руб. 50 к., 3 мѣсяца — 2 руб. 25 коп. и 1 мѣсяцъ –75 к.

Подписка на газету о объявленія принимается: въ Томскѣ въ конторѣ редакціи, Ямской пер., д. Ѳ. Х. Пушникова; въ Москвѣ: въ отдѣленіи редакціи: Бол. Лубянка, Варсанофьевскій пер., д. Рябушинскаго, кв. № 10 и въ конторѣ объявленій Тор. Д. Л. и Э. Метцль и К°; въ Петербургѣ—въ отдѣленіи этого Торговаго дома и въ домѣ Сытова, на углу Большой Московской и Свѣчного пер.; въ Варшавѣ: Лешно, 26: въ Барнаулѣ: Бійская улица, домъ А. И. Мерцалова.

1—1 Редакторъ-издатель ***Г. В. Прейманъ.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1899** годъ.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ.

ГОДЪ IV-й.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ. Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ. И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ф. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Д. Каричкій, проф. А. Д. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, Борисъ Нечаевъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, К. Н. Россиковъ, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, проф. Н. В. Сорокинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ. проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ, д-ръ Э. Эриксонъ и другъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1896, 1897 и 1898 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп. и къ 1-му іюня 2 руб.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая, и наконецъ, въ началѣ августа.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

2—1 Редакторъ-издатель **М. П. Вараввa.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1899** ГОДЪ

X г. **на педагогическій журналъ** **X г.**

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школѣ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При новой редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, П. Борзаковскій, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, Е. Варбъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, проф. Р. Ю. Виппперъ, В. И. Волкова, А. Ф. Гартвигъ, А. Е. Грузинскій, Н. П. Дружининъ, В. Е. Ермиловъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, В. Е. Игнатьевъ, В. В. Каллашъ, В. Кохановскій, С. В. Курнинъ, Е. Ловичъ М. Любавскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, И. Одесскій, В. П. Окороковъ, В. Д. Окорокова, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, И. М. Рубиновъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ,В. А. Селенкинъ, Д. Д. Семеновъ, А С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. А. Скворцовъ, Н. В. Сперанскій. К. М. Станюковичъ, Л. Д. Синицкій, В. С. Сѣрова, М. Сукенниковъ, А. П. Флеровъ, В. А. Фидлеръ А. Н. Филипповъ, А. С. Хахановъ, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Я. Яковлевъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Кромѣ того, обѣщали свое сотрудничество: А. С. Вирениусъ, О. С. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, Н. Н. Златовратскій, В. Г. Короленко, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Л. С. Личковъ, Г. А. Мачтетъ, В. М. Михайловскій, В. Я. Муриновъ, и др.

Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій «Указатель текущей педагогической литературы».

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала около 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой заграницу 7 р. 50 коп.; для студентовъ и недостаточныхъ людей подписная цѣна уменьшается на 1 р.

Всѣ экземпляры за 1896 годъ разошлись. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 р. и по 3 р. съ перес.; за 1895 и 1896 г. по 5 р. съ перес.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

1—1 Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

есть, Гедвига. Подумай, что не всѣ жены имѣютъ даже это...

— Я-то никогда не удовольствуюсь этимъ! — вскричала она гнѣвно.—О, я вѣдь и то замѣчала... До смерти надоѣла мнѣ вся эта комедія! Нѣтъ, лучше сразу меня однимъ ударомъ: скажи правду! Если ты когда-нибудь любилъ меня, скажи мнѣ теперь правду всю, какова бы она ни была.

Никогда еще она не бывала въ такомъ возбужденномъ состояніи, какъ въ этотъ разъ. Она вся дрожала и смотрѣла на него такимъ безумнымъ взглядомъ, что ему стало страшно за нее. Онъ подумалъ, что волей-неволей долженъ успокоить ее, хотя бы цѣною неправды. Онъ тоже былъ возбужденъ, и возбужденіе давало ему силы владѣть собою. Тихонько наклонясь къ ней, онъ поцѣловалъ ея руку.

— Что значатъ слова?—сказалъ онъ мягко.— Ты знаешь, что несмотря ни на что, чувство еще живо...

И помолчавъ, онъ прибавилъ тихо:

— Довольна ты теперь?

Она смотрѣла на него съ напряженіемъ точно старалась прочесть въ выраженіи его лица все, что онъ не договорилъ.

— О, если бы это была правда! — проговорила она съ робостью, сама пугаясь настойчивости, съ какой добивалась отъ него правды.

— Это правда, Гедвига!

Еще мгновеніе она смотрѣла на него съ прежней пытливостью, и вдругъ выраженіе ея лица смягчилось: она отказывалась отъ дальнѣйшей борьбы; она соглашалась повѣрить ему. Съ усталой улыбкой на губахъ она сказала уже совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, мой милый! Благодарю! Конечно, я довольна... Вѣдь, стало быть, мнѣ и желать нечего...

Что было ему сказать на это? Въ душѣ онъ глубоко страдалъ: его точно жгло сознаніе своего лицемѣрія, и силы быстро падали въ непосильной борьбѣ съ самимъ собою. Хотѣлось крикнуть ей, что онъ солгалъ изъ состраданія къ ней, по нерѣшительности... Но это было бы слишкомъ жестоко! И онъ еще разъ поборолъ себя и вмѣсто отвѣта запечатлѣлъ на ея лбу іудинъ поцѣлуй.

IX.

Измученная пережитымъ потрясеніемъ, Гедвига опустилась въ кресло. Вокругъ ея глазъ появились темные круги, среди которыхъ лихорадочно сверкали чрезмѣрно расширенные зрачки.

— Садись, Томъ, здѣсь, у моихъ ногъ, какъ бывало прежде!—позвала она мужа.—Когда-то ты любилъ класть голову мнѣ на колѣни. О, какъ я утомлена! Но на душѣ у меня теперь спокойно. Я такъ мучилась отъ моей болѣзненной мнительности. Мнѣ приходило въ голову, что ты разлюбилъ меня и, можетъ быть, думаешь о другой женщинѣ... Подозрѣвать въ тебѣ притворство, ложь—это вѣдь просто невыносимо. Пожалуй это даже хуже того, что ты могъ бы разлюбить меня. Слава Богу, теперь это прошло! Иди же, садись здѣсь и положи голову ко мнѣ. Я буду смотрѣть на тебя и воображать, что продолжается еще первый годъ нашей брачной жизни... То было лучшее время въ моей жизни!

Онъ послушно приблизился и опустился на скамейку у ея ногъ. Но голову онъ опустилъ себѣ на руки, а не на ея колѣни.

— Я тоже утомленъ, ужасно утомленъ!—пробормоталъ онъ.—Оставь меня здѣсь. Мнѣ надо успокоиться.

Но она привыкла повиноваться только своимъ побужденіямъ. Она сама соскользнула съ кресла прямо на коверъ, обвила его шею руками и прижала его голову къ своей груди. Когда ей хотѣлось приласкать его, она относилась къ нему, какъ къ неимѣющему своей воли ребенку.

— Бѣдный мой Томъ!—говорила она.— Ты такъ усталъ? Ты не совсѣмъ здоровъ? Но все это пройдетъ, пройдетъ... Въ послѣднее время насъ разъединяла твоя болѣзненная раздражительность.

Говоря это, она судорожно сжала его въ своихъ объятіяхъ, точно кто-то отнималъ его, и надо было удержать его силой.

— Ты вѣдь любишь меня? Ты самъ сказалъ, что еще любишь меня! Да? Мнѣ такъ трудно повѣрить этому вполнѣ. Вѣдь ты сказалъ правду?

— Да, да... я вѣдь сказалъ!

Онъ выговорилъ эти слова съ величайшимъ усиліемъ и нервно освободился изъ ея объятій. Онъ съ трудомъ переводилъ духъ. Лицо его выражало муку.

Она поняла только, что онъ слабъ, и боленъ, и страдаетъ. Въ ней пробудились къ нему чисто материнскія чувства. Бѣдный Томъ! Всегда теперь такой усталый и печальный!.. Она встала, подошла къ дивану и переложила на немъ мягкія подушки.

— Иди сюда, Томъ!—опять позвала она его.—Ложись здѣсь на диванъ. Я обложу тебя такъ удобно подушками и сама буду сидѣть неподвижно. Ты такъ славно отдохнешь! Иди сюда...

— Нѣтъ—оставь меня здѣсь!

Онъ старался проговорить эти слова какъ можно мягче, чтобы не оскорбить ея. Но, помимо его воли, слова прозвучали раздражительно, и голосъ его дрожалъ, точно ему было холодно.

— Бѣдный Томъ!—сказала она, возвращаясь къ нему и останавливаясь въ нерѣшительности. — Я вижу, у тебя опять разстроены нервы, а я мучила тебя. Прости меня.

— Ничего, ничего, — пробормоталъ онъ.

Ей и въ голову не пришло оставить его въ покоѣ.

— На тебя опять нашло такое мрачное настроеніе. Когда-то, если тебѣ бывало не по себѣ, ты ложился на диванъ, а я садилась возлѣ тебя и поглаживала твои волосы, пока хандра не покидала тебя. Оттого-то я и зову тебя на диванъ.

Онъ всталъ и слегка пошатываясь, направился къ дверямъ. Надо было поспѣшить прочь отсюда... Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ больше выдержать и одной минуты. Онъ уходилъ инстинктивно, чтобы не надѣлать ей зла...

— Я иду къ себѣ,—проговорилъ онъ, запинаясь. — Въ уединеніи я сейчасъ успокоюсь...

— Томъ! Прежде ты не уходилъ отъ меня, когда тебѣ нездоровилось!—проговорила она съ упрекомъ, но тотчасъ же спохватилась:—Нѣтъ, нѣтъ, прости меня! Я такая эгоистка! Иди, если это тебѣ пріятно. Только поцѣлуй меня, какъ бывало прежде, чтобы я ни о чемъ не тревожилась.

Она послѣдовала за нимъ, догнала его у дверей и обняла его.

Едва она прикоснулась къ нему, какъ въ немъ точно разрядился сильный зарядъ электричества. Онъ даже покачнулся отъ толчка. Въ немъ не оставалось ни малѣйшаго самообладанія. Его лицо все искривилось, точно отъ сильной боли или отъ гадливости, онъ рѣзко высвободился изъ ея объятій и вскричалъ, задыхаясь:

— Нѣтъ, силъ моихъ нѣтъ выносить это! Неужели ты не видишь, что я замученъ до тошноты, до омерзѣнія твоими вѣчными ласками! Точно я твое любимое животное, твоя собаченка...

Передъ этой вспышкой она отступила въ испугѣ. Она даже не поняла, чѣмъ раздражила его. Но взглядъ, которымъ онъ поглядѣлъ на нее, она поняла: въ этомъ взглядѣ была почти ненависть! И она глубоко оскорбилась. Гордо подняла она голову; въ ея глазахъ тоже загорѣлся недобрый огонь, ноздри вздулись.

— Вотъ оно что!—сказала она холодно и жестко.—Наконецъ-то я поняла тебя... Вся твоя любовь ко мнѣ было притворство, лицемѣріе — недостойная, подлая комедія! Ты выдалъ себя наконецъ... И подумать, что я тебѣ такъ вѣрила.

Итакъ, свершилось то, чего онъ давно уже страшился! Теперь уже нечего было поправлять, да и не нашлось бы для этого новыхъ силъ! Стало быть, это должно было случиться!

На него нашло ледяное спокойствіе. Онъ не ощущалъ ни радости, ни печали. Онъ зналъ только, что теперь ихъ судьба была рѣшена.

Гедвига сама облегчала его положеніе. Она стояла передъ нимъ озлобленная, непреклонная, думая только о его винѣ передъ нею. Она говорила со злобой и съ презрѣніемъ... По крайней мѣрѣ, онъ не сбивался теперь съ прямого пути состраданіемъ къ ней!

— Я просила у тебя правды! — говорила она рѣзко.—Я просила этой правды на колѣняхъ... А ты солгалъ! Ты зналъ, что все мое счастіе зависѣло отъ тво-

его слова, и все-таки ты солгалъ! Это было подло! Это было низко и трусливо!

— Я хотѣлъ пощадить тебя!—возразилъ онъ спокойно.—Простая честность побуждала меня щадить тебя до послѣднихъ силъ...

— Не высоко я цѣню такую честность!—кинула она ему съ презрѣніемъ.— Ты укралъ у меня всю мою жизнь. Ты укралъ даже прошлое, потому что всѣ воспоминанія теперь у меня отравлены! Ничего у меня не осталось! Если бы ты просто разлюбилъ меня, это я, пожалуй, простила бы. Мы бы разстались безъ горечи, если бы ты отвѣтилъ мнѣ честно, когда я спрашивала тебя. Но ты лгалъ и лицемѣрилъ! Стало быть, ты трусъ!.. Ты нечестенъ! Ты, вѣроятно, всегда меня обманывалъ... Я презираю тебя.

Въ немъ началъ подниматься гнѣвъ. Но онъ остался съ виду спокоенъ, и только голосъ его дрожалъ немного, когда онъ проговорилъ въ отвѣтъ:

— Неправда. Я люблю тебя, и потому-то я былъ какъ воскъ въ твоихъ рукахъ. Ты обвиняешь меня несправедливо. Ты говоришь, что я у тебя укралъ счастіе, когда я только и желалъ твоего счастія. Но ты сдѣлала хуже: ты убила во мнѣ человѣка! Твое богатство и твоя чувственная любовь сдѣлали изъ меня жалкое существо, которое я самъ презираю.

Она принужденно засмѣялась.

— Ну конечно, конечно!.. Ты сваливаешь на меня всю отвѣтственность. Продолжай! Это къ лицу такому рыцарю, какъ ты.

— Тебѣ не слѣдуетъ смѣяться надъ этимъ!—сказалъ онъ, понижая голосъ.— Ты хорошо знаешь, что прежде я былъ не таковъ, какъ теперь. Я боролся за существованіе и жилъ. Я жилъ въ трудѣ, честно... Но вотъ судьба привела меня къ тебѣ...

Онъ умолкъ и прислонился къ дверному косяку. Немного погодя, онъ продолжалъ уже безъ гнѣва, но печально.

— Ты дала мнѣ все: любовь, богатство, счастіе... Что я могъ еще требовать? Жизнь превратилась для меня въ длинный рядъ сплошныхъ наслажденій. Я вѣдь любилъ тебя, и твоя любовь скрашивала для меня все. Могъ ли я роптать, когда за все, что ты мнѣ давала, ты взяла отъ меня только одно: мой трудъ честнаго человѣка. Ты взяла этотъ трудъ и отбросила его прочь, чтобы онъ не мѣшалъ твоимъ наслажденіямъ... Трудъ бѣднаго инженера, зарабатывавшаго свой насущный хлѣбъ— стоило ли разговаривать объ этомъ?— такъ ты полагала. Только ты не понимала, что этотъ трудъ былъ воздухомъ, въ которомъ жили всѣ мои лучшія чувства. Трудъ для бѣднаго человѣка, это то, что даетъ ему чувство собственнаго достоинства, и независимость, и душевное равновѣсіе. И этого у меня не стало! Взамѣнъ, ты опрокинула надо мною рогъ изобилія и приглашала наслаждаться. И я повиновался... о, охотно, безъ колебаній! Вѣдь я любилъ тебя! Все озарялось для меня сіяніемъ этой любви, какъ солнцемъ, а воображеніе подгоняло впередъ, и было столько новаго, заманчиваго, и я вошелъ во вкусъ, требовалъ еще, и еще, и еще... Ну, такъ могло продолжаться недолго: пришло время, когда не оставалось уже ничего новаго, и тогда я почувствовалъ... пресыщеніе.

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Это относится и ко мнѣ... лично?— спросила она хриплымъ голосомъ.

— Ко всему. Иначе не могло быть. Энергія поддерживается трудомъ, борьбой за существованіе. Но я вѣдь отдалъ тебѣ свое право на трудъ, а стало быть, и все свое мужество... Это былъ мой свадебный подарокъ! О, конечно, очень скудный, но все-таки гораздо больше, чѣмъ человѣку позволительно отдавать, потому что съ этимъ отдается честь и человѣческое достоинство. Но такъ весело было отдать любимой женщинѣ все, что имѣешь! А потомъ я началъ погрязать, и опять было очень весело, хотя я погрязалъ все глубже и глубже въ омутѣ однихъ чувственныхъ наслажденій. Да и можно ли было о чемъ-нибудь думать? Ты стерегла меня и ласками отгоняла отъ меня всякій проблескъ человѣческой мысли.

Онъ провелъ рукой по лбу и продолжалъ болѣе сухимъ голосомъ.

*

— Ну, теперь все это кончено. Я не въ силахъ долѣе переносить существованіе сластолюбца... Надоѣло мнѣ быть твоей любимой собаченкой! Надоѣли мнѣ твои ласки! Если бы ты знала, что чувствуетъ человѣкъ, сознавая, что утратилъ свое человѣческое достоинство, что не можетъ имѣть достойныхъ цѣлей жизни, что ему даже жить не для чего! Мы загрязнили свои отношенія, унизили свой бракъ чувственностью. Въ ней потонули наши лучшія чувства и смыслъ самой любви. Развѣ намъ знакомы такія минуты, когда сливаются души супруговъ и когда бываетъ больше сближенія, чѣмъ въ самыхъ горячихъ ласкахъ? Этого ты никогда не понимала. Вотъ почему наши пути расходятся...

Онъ открылъ дверь и хотѣлъ выйти. Она остановила его. Ея лицо было теперь точно каменное.

— Куда ты идешь?—спросила она беззвучно, точно во снѣ.

— Прочь отсюда! Не все ли равно куда? Я долженъ удалиться сегодня же...

— Но куда ты направишься?

— Куда придется, туда, гдѣ найдется для меня трудъ, гдѣ найдутся препятствія, которыя надо побороть, борьба, въ которой стоитъ принять участіе. Можетъ быть, во мнѣ осталось достаточно силъ, чтобы начать честную жизнь. Потомъ, въ трудѣ, я буду отвоевывать свое человѣческое достоинство по крупицамъ. Бѣднякомъ я вошелъ въ этотъ домъ; ухожу такимъ же бѣднякомъ, еще бѣднѣе. Спасибо тебѣ за все, что ты мнѣ дала въ жизни. Во всякомъ случаѣ, ты не хотѣла мнѣ зла и дала все, что имѣла... гораздо больше, чѣмъ я заслуживалъ.

Вдругъ она вся задрожала и съ энергіей отчаянія ухватилась за его руку.

— Не смѣй уходить!—вскричала она, стараясь удержать его.—Я тебя не пущу.

— Поневолѣ пустишь! — возразилъ онъ глухо.—Ты сама порвала послѣднюю нить. Вѣдь и мнѣ надоѣла комедія. Ты объявила, что долгъ простая условность; ты сказала, что обязательства не могутъ помѣшать чувству умереть... Ты сказала, что я трусъ и подлъ... Теперь я попытаюсь поступить, какъ подобаетъ человѣку!

Онъ освободился отъ ея руки, но не грубо, и даже отвелъ ее до ближайшаго кресла. Она опустилась въ кресло, точно подкошенная. Послѣднее напряженіе истощило всѣ ея силы...

— Ну, прощай!—сказалъ онъ, отходя.—Прости, что причиняю тебѣ столько зла... Я не могу поступить иначе...

Онъ вышелъ и заперъ за собою дверь.

Въ прихожей онъ вдругъ почувствовалъ страхъ, что самъ не устоитъ или его принудятъ вернуться. Тогда онъ бѣгомъ направился къ своей комнатѣ. Онъ былъ въ величайшей тревогѣ; онъ походилъ на убійцу, который сознаетъ, что жизнь его зависитъ отъ того, успѣетъ ли онъ бѣжать изъ дома, въ которомъ совершилъ преступленіе. Возврата вѣдь не было! Страшно было даже подумать о возвращеніи и о томъ, чтобы взглянуть на нее теперь, когда ударъ былъ нанесенъ!

Придя въ свою комнату, онъ позвонилъ и приказалъ сейчасъ же запрягать лошадей. Въ то же время онъ поспѣшно сталъ укладывать кое-какія вещи въ чемоданъ. Когда все было готово, онъ поспѣшилъ опять наверхъ къ комнатѣ тети Вивы.

Старуха встала и приняла самый привѣтливый видъ, когда увидѣла его.

— Какого рѣдкаго гостя мнѣ посылаетъ Господь въ канунъ Новаго Года!—проговорила она, улыбаясь.

Онъ быстро приблизился къ ней и и взялъ ее за руку.

— Я пришелъ проститься,—сказалъ онъ.—Я сейчасъ уѣзжаю.

— Уѣзжаешь? Въ такой вечеръ и когда уже накрываютъ къ ужину?—вскричала она.—Неужели такъ необходимо? И когда это успѣли рѣшить? Когда ты вернешься?

— Позаботься, тетя, о Гедвигѣ... я хочу сказать, присмотри за нею, чтобы она лѣчилась. Попроси доктора уговорить ее ѣхать на югъ... какъ можно скорѣе...

Волненіе пресѣкло его рѣчь. Онъ наклонился, поцѣловалъ старухѣ руку, и прибавилъ только:

— Прощай, прощай, тетя Вива!

— Но, что же это значитъ, Томъ?—

лепетала она растерянно.—Объясни же! Томъ, Томъ, куда ты?

Его уже не было въ комнатѣ.

Повозка быстро скользила по зимней дорогѣ черезъ болота и озера.

Укутанный въ свою шубу Томасъ Галль сидѣлъ откинувшись къ спинкѣ повозки и глядѣлъ вверхъ, на испещренное сверкавшими звѣздами холодное небо. Морозный вѣтерокъ точно ласкалъ его пылавшее лицо.

Вотъ впереди что-то темное стало приближаться. Это былъ лѣсъ, пересѣкавшій болото. Вотъ они поѣхали лѣсомъ. Дерево за деревомъ мелькали мимо саней, точно какія-то тѣни, испуганныя звономъ колокольцевъ и разбѣгавшіяся безконечной вереницей; и всѣ онѣ бѣжали назадъ... домой... въ Бьерне. Онъ мысленно послѣдовалъ за ними. Тонкими, очень тонкими, но крѣпкими нитями онъ былъ привязанъ тамъ! Вотъ и теперь, какъ ни быстро уносятъ его сани прочь, въ пространство, куда глаза глядятъ, а нити только вытягиваются, но не разрываются,

Въ груди его точно тлѣло что-то, и разгоралось, и жгло, больно жгло его. Отъ того то у него начиналась настоящая лихорадка и въ вискахъ такъ больно стучало. Отъ того то, вѣроятно, ему такъ нездоровилось, и тошнило, и казалось по временамъ, что его душитъ нестерпимый чадъ, точно отъ сожженнаго на огнѣ мяса. Но яснѣе всего чувствовалась подавляющая усталость... О, какъ все ему надоѣло, самая жизнь надоѣла, опротивѣла до отвращенія!

Онъ сжалъ зубы и закрылъ глаза. Теперь ему становилось холодно и душно. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Ему стало жутко. Что это такое? Точно скользнуло что-то тамъ въ лѣсу? Слышались точно легкіе, легкіе шаги и невидимые существа толпились въ чащѣ поглядывая на него. Вотъ пронеслось надъ нимъ что-то въ воздухѣ. Тяжело и беззвучно пошевеливались надъ нимъ какія то темныя крылья. Вотъ что-то прозвучало въ дали.,. Точно голосъ произносившій: Каинъ, Каинъ!

— Каинъ?

Томасъ Галль пожалъ плечами. Можно было расхохотаться надъ такой фантазіей! То прокричалъ: дерезъ или: куница, а онъ уже готовъ воображать все, что угодно. Онъ попытался принудить себя къ болѣе трезвымъ размышленіямъ. Но это не удалось: имъ овладѣли мечты.

Ему представилась великая борьба, кипѣвшая теперь въ столицѣ между партіями, борьба за счастіе и благоденствіе человѣчества. И онъ въ этой борьбѣ горячій участникъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ борцовъ. Ему вѣдь надо научиться опять увлеченіямъ; въ борьбѣ онъ разогрѣетъ свои заглохшія чувства; въ борьбѣ опять окрѣпнутъ и закалятся его душевныя силы; въ борьбѣ онъ научится съизнова трудному искусству жить на свѣтѣ человѣкомъ, и желать блага, и добиваться исполненія своихъ благихъ желаній.

Въ мечтѣ онъ создалъ симпатичный образъ человѣка, ослабѣвшаго душой, но снова возрождавшагося и очищавшагося въ трудѣ на благо людей. Этимъ образомъ онъ любовался теперь съ чисто эстетическимъ увлеченіемъ. Этотъ образъ олицетворялъ его будущность!

Вотъ померещились ему нужда и всевозможныя лишенія. Это тоже было заманчиво! Нужда великій другъ человѣка; нужда порождаетъ силы и обостряетъ умъ... Привѣтъ ей!

Вотъ представились ему неудачи и всякія препятствія. И они были заманчивы! Въ неудачахъ испытывается и закаляется выдержка.

Его станутъ презирать. Его будутъ считать безумцемъ. Тѣмъ лучше! Никто не чувствуетъ своего собственнаго достоинства такъ хорошо, какъ несправедливо презираемый!

Ему навѣрное и очень скоро придется испытать опять голодъ и холодъ. Такъ вѣдь къ этому онъ и бѣжалъ: это было бы теперь счастіемъ. Какъ сладко будетъ обогрѣться, заработавъ себѣ пріютъ, и какъ вкусенъ будетъ кусокъ простого хлѣба послѣ голодовки!

Все впереди было хорошо и заманчиво!

Томасъ Галль уже не страдалъ. Наоборотъ, теперь ему стало хорошо и ве-

село на душѣ. Онъ полной грудью перевелъ духъ. Сознаніе возвращенія къ свободѣ очищалось и: расло въ немъ. Поднималось восторженное чувство, какъ послѣ трудно достигнутой и много стоившей побѣды. Усталости какъ не бывало.

Онъ прислушивался къ звону колокольцевъ. Они точно пѣли о чемъ-то. Понемногу онъ сталъ точно слышать въ ихъ ровныхъ звукахъ слова. Это припомнилась ему легенда о Тангейзерѣ, которую онъ теперь повторялъ подъ ихъ звуки.

Онъ не могъ припомнить, гдѣ и когда затвердилъ эти стихи. Во всякомъ случаѣ въ нихъ вполнѣ была выражена его судьба...

X.

Прошла зима; миновало лѣто. Была уже глубокая осень. Ненастный день закончился непривѣтнымъ ненастнымъ вечеромъ. Глубокая тьма окутывала землю.

На сѣверѣ уже начались морозы. Но въ столицѣ еще только пожелтѣли и частью осыпались листья на деревьяхъ. Цѣлый день лили проливные дожди. Теперь дождя не было, но тучи по прежнему нависали надъ городомъ, воздухъ былъ пропитанъ сыростью и дулъ холодный, до костей пронизывающій вѣтеръ.

Давно уже горѣли уличные фонари, но на улицахъ было еще людно, какъ днемъ, а передъ домами, въ которыхъ помѣщались избирательныя присутствія различныхъ округовъ столицы, стояла толпа. Длинными рядами, выстроенные гуськомъ, стояли избиратели со своими листками въ рукахъ и терпѣливо дожидались на холодномъ вѣтрѣ каждый своей очереди подать голосъ. Особенно людно было передъ помѣщеніями избирательныхъ округовъ въ фабричныхъ частяхъ города. Тамъ то и дѣло прибывали цѣлыя толпы только что смѣнившихся на работѣ избирателей. Имъ торопливо раздавали листки. Незнакомые люди, оказываясь одной партіи, горячо жали другъ другу руку и разсуждали, какъ старые пріятели. Общая цѣль мгновенно сближала самыхъ разнородныхъ людей.

Въ помѣщеніяхъ редакцій газетъ было ярко освѣщено. Люди входили и выходили толпами. Въ воздухѣ чувствовалась горячка борьбы и всѣ были въ напряженіи. Поздно вечеромъ стали получаться свѣдѣнія объ исходѣ выборовъ въ различныхъ округахъ. Эти свѣдѣнья сообщались публикѣ помощью большихъ транспарантовъ, выставленныхъ въ окнахъ редакцій. Уличная толпа привѣтствовала извѣстія то восторженными криками, то ропотомъ и свистками.

Въ скромномъ помѣщеніи редакціи «Работника» тоже были зажжены всѣ лампы и тоже тѣснилась толпа. Наружныя двери были открыты настежъ. Рабочіе частью толпились на улицѣ, частью въ сѣняхъ и въ главной комнатѣ редакціи. Было очень шумно. Мнѣнія высказывались громогласно, въ крѣпкихъ и грубыхъ выраженіяхъ; произносились угрозы; сжимались мозолистые кулаки. Оба младшіе сотрудника газеты, сидѣвшіе какъ всегда у большого стола, другъ противъ друга, ничего не могли дѣлать, но не могли и выйти: ихъ окружало плотное кольцо сторонниковъ газеты, которые бурно обсуждали положеніе партіи и отъ времени до времени подкрѣпляли свое мнѣніе тяжеловѣснымъ ударомъ кулака по столу или проклятіемъ.

Дверь въ кабинетъ редактора была замкнута. Тамъ сидѣли Густавъ Кеслеръ и Сигна, съ напряженіемъ ожидавшіе исхода выборовъ. О томъ, что дѣлалось въ округахъ, имъ сообщали по телефону.

«Опасный» казался менѣе укрощеннымъ, чѣмъ когда-либо. Онъ сидѣлъ, положивъ локти на свой жиденькій столъ, который ходуномъ ходилъ подъ его тяжестью. Его львиная грива была взлохмачена болѣе обыкновеннаго; выраженіе лица, казавшагося изваяннымъ изъ грубаго камня, было непреклонное. Но въ его дѣтскихъ глазахъ было уныніе.

Сигна еще дома подмѣтила это выраженіе унынія въ глазахъ мужа. Потому-то она и была здѣсь и не хотѣла уходить. Ея медвѣдь нуждался теперь въ поддержкѣ своего лучшаго друга.

— Ну, ясно, что все пошло прахомъ! — ворчалъ редакторъ. — Я давно чувствовалъ, что всѣ послѣдніе годы мы

плывемъ противъ вѣтра и теченія. Противъ насъ всѣ народныя привычки, и повѣрья, и предразсудки! Никогда мы не подвинемся впередъ съ нынѣшнимъ поколѣніемъ. До сихъ поръ мы хоть удерживались на своемъ мѣстѣ и не отбрасывались назадъ. Но теперь, въ этой избирательной борьбѣ мы истощили всѣ свои силы... Если мы понесемъ пораженіе, что болѣе чѣмъ правдоподобно, насъ унесетъ назадъ... пожалуй, даже выброситъ вонъ изъ государства... къ чорту. Здѣсь, въ Швеціи, у насъ нѣтъ будущности!

Сигна кивнула головой, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, но въ то же время улыбнулась смѣло и ободрительно. До сихъ поръ она всегда относилась скептически, когда рѣчь заходила о шансахъ на побѣду партіи ея мужа. Но теперь, когда она чувствовала, что ему нужнѣе всего ободреніе, она оказывалась преисполненной самыхъ свѣтлыхъ надеждъ.

— Однако, еще неизвѣстно, чѣмъ окончатся выборы!—замѣтила она спокойно.—Во всякомъ случаѣ, ничего не утрачено.

— То-то и есть,—сказалъ онъ мрачно,—что утрачено очень много. Я знаю, что все потеряно... Я чувствую, что наше дѣло проиграно... вообще. Замѣть, что мы попали въ меньшинство даже среди рабочихъ. Наши заботы объ отдаленномъ будущемъ большинству непонятны—выходятъ далеко за предѣлы кругозора простыхъ людей. А наши противники умны и лукавы: они знаютъ, чѣмъ можно увлечь толпу и пустили въ ходъ суевѣрія и практическія приманки. Мы начали съ попытокъ развивать и облагораживать темныхъ людей. Это было непрактично: они развились лишь настолько, что поняли, насколько имъ выгоднѣе заботиться о себѣ, а не о своемъ потомствѣ; свободолюбіе же у нихъ превратилось въ стремленіе къ безначалію и прежде всего исчезла дисциплина въ нашей же партіи. Всякій хочетъ указывать; никто не желаетъ повиноваться... Наша борьба выродилась: вмѣсто спокойнаго стремленія къ общему великому будущему, каждый хочетъ дѣйствовать кулаками, притомъ по личнымъ побужденіямъ, противъ личныхъ противниковъ. Нѣтъ, нѣтъ! Въ нашемъ отечествѣ ничего не подѣлаешь!

Онъ насупился и опустилъ голову.

— Увидишь,—прибавилъ онъ помолчавъ,—что по всей линіи побѣдителями окажутся сектанты, проповѣдники трезвости и члены арміи спасенія.

— Ну, если мы въ самомъ дѣлѣ будемъ побиты, что ты предпримешь, мой медвѣдь? — спросила она по прежнему спокойно и весело.

— Гм! Разумѣется, буду продолжать, что началъ, пока могу! — проворчалъ онъ нехотя. — Только это не очень-то утѣшительно! Бороться за идею, торжество которой самъ считаешь невозможнымъ!.. Гм!

Онъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ. Немного погодя онъ остановился передъ женой, и проговорилъ уже гораздо бодрѣе:

— Не правда ли? Мы выполнимъ свою задачу до конца? Мы останемся послѣдними въ борьбѣ, въ которую вступили первыми!.. По крайней мѣрѣ идея не заглохнетъ къ тому времени, когда намъ на смѣну явится лучшее поколѣніе!

Она улыбнулась ему.

Въ это время рѣзко затрещалъ звонокъ телефона. Густавъ Кеслеръ отошелъ къ аппарату.

— Первый ударъ!—проговорилъ онъ черезъ минуту, опуская трубку аппарата, и, возвращаясь къ столу, онъ сообщилъ исходъ выборовъ въ одномъ изъ округовъ.

— Развѣ я не говорилъ?—закончилъ онъ.—Впередъ можно было сказать, что побѣдитъ ханжа! Суевѣріе и подкупъ открыто признаются простымъ оружіемъ въ политической борьбѣ... Хо, хо! Прежніе наши противники — правая — были по крайней мѣрѣ честны. Но теперешніе—это худшіе соки народа. Почитайка ихъ статьи по случаю выборовъ: пустыя слова и грязная клевета въ перемежку плаваютъ въ жижѣ величайшаго невѣжества! Но зато они понятны невѣжественной толпѣ: они ей сродни.

Сигна встала и подошла къ окну.

— Мнѣ послышался стукъ колесъ на улицѣ. Ужъ не Томъ ли это?

— Врядъ ли. Онъ не вернется, пока дѣло не вырѣшится окончательно. Выборы-то окончены; но потребуется порядочно времени для подсчета голосовъ.

Она вернулась на свое мѣсто и посмотрѣла на мужа серьезно, съ видомъ озабоченности.

— Объясни мнѣ, что творится съ Томасомъ? — спросила она.

— Что ты собственно спрашиваешь?— переспросилъ онъ, озадаченный ея вопросомъ.

— Я давно замѣчаю, что онъ живетъ въ какомъ-то неестественномъ возбужденіи, точно въ непрерывной лихорадкѣ. Его сжигаетъ какой-то внутренній огонь. Притомъ онъ сталъ капризенъ и непослѣдователенъ, какъ истеричная женщина... Иногда онъ мнѣ кажется просто-на-просто душевно больнымъ...

Густавъ Кеслеръ задумчиво кивнулъ головой.

— Да, оно неладно,—сказалъ онъ.— Помнишь, какъ онъ упалъ въ обморокъ съ недѣлю тому назадъ на сходкѣ?.. Я вѣдь тебѣ разсказывалъ...

— Да, мелькомъ. Съ этими выборами ни на чемъ нельзя сосредоточиться. Разскажи подробно, какъ это было?

— Онъ говорилъ избирателямъ рѣчь; вдругъ одинъ изъ главарей читальщиковъ на всю залу прокричалъ, что ораторъ пореодѣтый капиталистъ, крупный заводчикъ, который для чего-то здѣсь мутитъ рабочихъ, а у себя въ Норботенѣ выжимаетъ изъ своихъ рабочихъ все, что можетъ. Поднялся ужасный шумъ: одни свистали, другіе топали ногами, третьи кричали всякія ругательства... Томъ долго не могъ сказать ни одного внятнаго слова въ свою защиту. Видъ у него былъ просто страшный: волоса на немъ ощетинились, глаза горѣли, какъ раскаленные уголья, ротъ судорожно передергивало... Онъ пробовалъ говорить, но голосъ былъ хриплый и ничего не было слышно. Вдругъ онъ весь ссунулся и повалился съ каѳедры, точно мертвый. По счастью, возлѣ каѳедры толпились люди; одинъ здоровякъ рабочій подхватилъ его на руки и хоть не далъ ему расшибиться объ полъ...

— Положительно, съ нимъ творится что-то неладное!—сказала Сигна.—Но что съ нимъ, понять нельзя. Вотъ, напримѣръ, почему онъ совсѣмъ пересталъ насъ посѣщать?..

Густавъ Кеслеръ только покачалъ головой.

— Вѣдь сначала, когда онъ прибылъ изъ Бьерне, онъ относился къ намъ хорошо и вообще былъ нормаленъ. Странный и нервный онъ всегда вѣдь былъ, а послѣ ссоры съ Гедвигой—изъ за чего бы они тамъ ни поссорились— весьма понятна была въ немъ нѣкоторая взвинченность. Но въ остальномъ онъ былъ какъ всегда. Теперь же... И знаешь что?—прибавила она задумчиво.— Мнѣ сдается, онъ избѣгаетъ главнымъ образомъ Тони!

— Что за вздоръ! Они всегда были такими закадычными друзьями. Да и теперь, сколько я могу судить по ея словамъ, Тони самая восторженная поклонница своего дяди Тома.

— Такъ-то такъ, да онъ-то перемѣнился къ ней: онъ точно за что-то недоволенъ ею. Я замѣтила, что онъ началъ хмуриться и умолкать, какъ только она появляется въ комнату. Тони сама ничего не понимаетъ; я спрашивала ее, не было-ли чего-нубудь такого, что могло разсердить дядю Тома, но она говоритъ, что они ни разу даже не поспорили. Богъ знаетъ, что съ нимъ творится и откуда всѣ его прихоти! Не могу даже приблизительно угадать, изъ за чего они могли не поладить съ Гедвигой... И почему Гедвига не пишетъ, не отвѣчаетъ на наши письма? Мы-то ей ничего не сдѣлали! Ахъ, все это такъ непріятно... Лучше бы Томъ не пріѣзжалъ сюда! Не думаю, чтобы онъ вамъ приносилъ большую пользу...

— Какая отъ него польза! Наоборотъ... Его сотрудничество въ послѣднее время намъ столько повредило, что у меня духу не хватаетъ сказать ему всю правду. Статьи его плохи, безжизненны. А личность его... Наши враги всякій разъ упоминаютъ его имя, когда хотятъ вызвать противъ насъ подозри-

тельность и недовѣріе народа, и хуже всего, что это имъ всегда удается: слишкомъ неестественны его выходки противъ крупныхъ собственниковъ, когда самъ онъ во всякомъ адресъ-календарѣ значится главою одной изъ богатѣйшихъ фирмъ страны. Конечно, жаль его! Мы-то вѣдь знаемъ, какой это честный малый и какъ искренно онъ желаетъ дѣлать только добро; но другіе этого не знаютъ, и нельзя отрицать, что ему нынче ничего не удается .. Я думаю, его способности разрушены дурной привычкой постоянно мечтать; у него не осталось ни силы воли, ни твердости, ни жизненныхъ силъ; онъ похожъ на спившагося человѣка. Самъ онъ, кажется, отлично сознаетъ это и сильно страдаетъ, Этимъ можно объяснить его странности. Боюсь, онъ очень тяжело приметъ наше пораженіе на выборахъ, особенно если кто-нибудь ему скажетъ, что побиты отчасти изъ за него... Конечно, если мы будемъ побиты, въ чемъ я не сомнѣваюсь!..

— Да, трудно сказать, какъ это на немъ отразится. Во всякомъ случаѣ, не хорошо... Онъ всегда ставитъ всю свою жизнь на одну карту; если карта побита, трудно найти что-нибудь новое, чтобы поддержать его. У насъ съ тобой не то: что бы ни случилось, у насъ всегда остаются наша дружба и наши дѣти! Не правда ли, мой медвѣдь?

Она подошла къ нему, ласково потрепала его окладистую бороду и прибавила, заглядывая ему въ глаза.

— Этого не надо забывать сегодня! Выборы дѣло важное; но если исходъ будетъ плохой, у насъ вѣдь остается нашъ мирный уголокъ, въ которомъ всегда успѣемъ собраться съ силами къ слѣдующей битвѣ. Сознаніе объ этомъ даетъ твердость духа...

Опять подъ окнами прогремѣли колеса извозчичьей пролетки. Экипажъ остановился у подъѣзда.

— На этотъ разъ, это онъ! — сказала Сигна, встрепенувшись.

Густавъ Кеслеръ всталъ. Онъ пошелъ къ дверямъ и заглянулъ въ пріемную комнату. Оттуда, въ полуотворенную дверь, ворвался гулъ голосовъ, топота, движенія. Неслись рѣзкія слова: кто-то старался перекричать другихъ и ударялъ чѣмъ-то по столу. Вдругъ шумъ сразу смолкъ: замѣтили въ дверяхъ фигуру Густава Кеслера. Къ нему проталкивался черезъ толпу Томасъ Галль.

Кеслеръ пропустилъ его мимо себя въ кабинетъ и снова замкнулъ дверь. Толпа зашумѣла пуще прежняго.

Между тѣмъ Томъ подошелъ къ столу и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Ну?—спросилъ Густавъ Кеслеръ.

— Полное пораженіе!

Свѣтъ отъ подвѣшенной къ потолку большой лампы ярко освѣщалъ лицо Томаса Галля; оно было блѣдно и выражало только величайшее утомленіе. Въ отросшихъ за послѣдніе мѣсяцы бородѣ и волосахъ было много сѣдины; платье на немъ было потертое, воротнички—не свѣжіе. Во всей его наружности было не только полное равнодушіе къ тому, какъ онъ выглядитъ, но даже какая-то обветшалость, дававшая представленіе о такомъ же внутреннемъ упадкѣ. То же выражалось въ его растерянномъ взглядѣ.

— Разсказывай же? — потребовала Сигна.

— Да въ сущности и разсказывать нечего. Мы разбиты—вотъ и все. Вся наша партія выразилась въ нѣсколькихъ сотняхъ голосовъ. Всѣ перешли на сторону сектантовъ и общества трезвости. Нѣтъ, Густавъ, не бывать тебѣ, видно, въ риксдагѣ!

— Ну это мы еще посмотримъ!— проворчалъ Опасный, расправляя свои могучіе члены.—Посмотримъ еще, что скажетъ будущее. На этотъ разъ мы разбиты; можетъ быть, не такъ далеко время, когда мы будемъ бить. Во всякомъ случаѣ, я не сдаю еще игры.

Томасъ Галль нервно разсмѣялся.

— Что же, могу только подивиться твоей вѣрѣ въ осуществимость невозможнаго! И я завидую тебѣ. Эта вѣра и придаетъ тебѣ столько силы. Что до меня касается, мнѣ надоѣло притворяться. Смысла нѣтъ работать для недостижимаго! Благоденствіе человѣчества? Ха, ха! Что такое счастіе, въ чемъ благоденствіе?—вотъ что надо сначала узнать! Все вѣдь только отвлеченности,

самой смерти, если бы не былъ безумнымъ мечтателемъ.

«Мое письмо полно жалобъ. Это потому, что душа моя изныла отъ тоски, а силъ и мужества нѣтъ. Приближается утро. За окномъ слышу пробужденіе города; раздаются шаги первыхъ пѣшеходовъ на темныхъ улицахъ. Пора бы кончить письмо, но не могу... Теперь я чувствую, что приблизился-было къ дорогому существу, и что оно меня слушаетъ, и что я могъ бы излить душу, отдохнуть отъ своего жалкаго одиночества, но словъ не нашлось и до этой строки изъ письма моего въ сущности ничего не вышло. Позволь мнѣ разсказать, что случилось со мною съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Сперва попытаюсь объяснить тебѣ, какъ я самъ себѣ теперь объясняю причины моего страннаго удаленія отъ тебя.

«Я вѣдь сынъ алкоголика; вотъ почему въ моей нервной системѣ никогда не бывало равновѣсія и полнаго порядка. Не оказывалось у меня и точекъ опоры въ характерѣ. Меня носили всякіе вѣтры, какъ перекати-поле. Всякая страсть увлекала меня всецѣло и заносила всегда далеко за предѣлы дѣйствительности, а потомъ вдругъ я получалъ способность видѣть дѣйствительность просто, и тогда я возмущался: она оказывалась точно подмѣненной, хотя, можетъ быть, была лучше моихъ безпочвенныхъ мечтаній. Мое воображеніе вѣчно бывало въ погонѣ за чѣмъ-нибудь новымъ и необыкновеннымъ; желанія всегда бывали чрезмѣрны и травили меня, какъ звѣря.

Въ нашемъ счастіи, какъ только я убѣдился, что получилъ все, меня кинуло въ противную сторону: мнѣ захотѣлось необычайныхъ страданій и мнѣ стало казаться, что мое счастье лишь оковы моей свободы. Вся вина была на моей сторонѣ: вѣдь это я даже не пытался сблизиться съ тобою, какъ съ человѣкомъ, а всегда видѣлъ въ тебѣ возлюбленную женщину. Ты поступала наоборотъ, но я же мѣшалъ тебѣ. Теперь, когда я оглядываюсь назадъ, это такъ ясно. Теперь я могу судить объ этомъ хотя бы по тому, что и въ настоящее время мало знаю о твоихъ мысляхъ, о твоей душѣ, хотя много лѣтъ былъ твоимъ мужемъ. Зато я вижу тебя точно живую передъ собою: твою красоту, движенія, слова, всю наружную оболочку твоей дѣйствительной личности. Припоминаю самыя незначительныя твои слова, даже выраженіе, съ какимъ ты ихъ произносила, но не вижу твоей души. Значитъ, я всегда, всегда смотрѣлъ на тебя только глазами влюбленнаго. И вотъ почему я не понималъ тебя, не могъ дѣлить съ тобою мысли, побужденія. Когда я судилъ о твоихъ поступкахъ, я могъ говорить только о наружныхъ проявленіяхъ, а побужденія имъ придавалъ свои собственныя. Вотъ и получались противорѣчія! Я видѣлъ лишь твою ненасытность въ любви—самъ я былъ ненасытенъ, а не ты!—и приходилъ въ отчаяніе, что не могу чувствовать такъ же горячо, и вымещалъ свое раздраженіе на тебѣ обвиненіемъ въ лишеніи меня свободы. Теперь мнѣ кажется, что если бы я хоть разъ взглянулъ на твою любовь иначе — глубже и не придавая тебѣ собственной души,—я открылъ бы великое сокровище, а жизнь наша потекла бы совсѣмъ иначе.

«На это меня не хватило: я не понялъ тебя. Сердце сжимается отъ боли, когда соображаю это и замѣчаю, какъ несправедливъ былъ къ тебѣ! Не будь этого, какъ полно могло быть наше счастіе. Въ тебѣ вѣдь должно быть все, чего я самъ лишенъ: душевное равновѣсіе, спокойствіе духа, трезвость мысли. Вотъ что я долженъ былъ брать у тебя для своего счастія. Никогда я не сомнѣвался въ твоей любви, хотя и не умѣлъ понять ея такъ, какъ понимаю теперь, когда обсуждаю невозвратимое. Знаю я также, что ты единственная женщина, которую я любилъ. Но это увѣреніе для тебя, конечно, безразлично, потому что своей любовью я принесъ тебѣ не счастіе а только горе. Прости меня, если можешь. Я сгубилъ твою жизнь, но будь увѣрена, что этимъ я сгубилъ и свою.

«Какъ я разскажу то, что было со мною послѣ нашей разлуки? Потребовались бы года, чтобы полностью объяснить все, что я пережилъ, перечувство-

валъ, передумалъ. Мечталъ я здѣсь о тебѣ, Гедвига. По ночамъ я лежалъ безъ сна, тоскуя по нашему гнѣзду въ Бьерне; утѣшеніемъ было мечтать, что ты опять со мною, что ничего не случилось... Развѣ не странно, что я никогда не могъ наслаждаться дѣйствительнымъ счастіемъ, и оцѣнивалъ его только потомъ, когда оно лишь рисовалось въ воспоминаніяхъ, или впередъ, угадывая это счастіе въ мечтѣ? Когда я уѣзжалъ отъ тебя, я любилъ мечтать объ одномъ ребенкѣ, въ которомъ олицетворялъ свою свободу, дѣятельность и все такое. Черезъ мѣсяцъ я не могъ уже спокойно переносить ея присутствія, ибо мысли мои опять были съ тобою и я зналъ, что всѣми корнями своего сердца я привязанъ лишь къ тебѣ. Я знаю, что къ ней я былъ несправедливъ. Но, по обыкновенію, я оказался не властенъ надъ своими нервами, и она стала мнѣ антипатична. Мое сердце озлоблено противъ нея; мнѣ противно быть въ одной комнатѣ съ нею... Конечно, въ этомъ мало мужества и великодушія. Но я вѣдь душевно - разрушенный человѣкъ!.. Теперь я знаю еще, что ушелъ отъ тебя именно потому, что попрежнему любилъ тебя и въ своей погонѣ за страданіемъ инстинктивно уходилъ отъ тебя, такъ какъ бо́льшаго зла причинить себѣ не могъ. Это былъ поступокъ самоистязателя.

«Ну, страданій я получилъ вволю! Волей-неволей пришлось испить чашу до дна, хотя не безъ горькой усмѣшки надъ собою. Говорятъ, желанія человѣка создаютъ ему рай. Мои желанія, въ припадкѣ безумной прихоти, создали мнѣ адъ, въ которомъ я теперь корчусь. Ты можешь уменьшить мои страданія однимъ словомъ прощенія. Напиши же мнѣ изъ состраданія!

«Теперь мнѣ кажется, что я топтался цѣлый годъ въ глубокой грязи: такъ мнѣ стало противно дѣло, которому я служилъ. которому хотѣлъ посвятить цѣлую жизнь. Бороться съ мелкими, личными страстями, бороться безъ надежды на успѣхъ, безплодно, ради химеры! И этому я принесъ въ жертву счастье, спокойствіе, совѣсть!..

Томасъ Галль».

Пять дней спустя Томасъ Галль одновременно получилъ двѣ телеграммы изъ Бьерне. Одна была слѣдующаго содержанія:

«Дорогой! Пріѣзжай. Я больна, но твое письмо оживило меня. Я тоскую по тебѣ и попрежнему твоя жена—до конца. Ты отлучился и вернешься, не правда ли? Я всегда думала, что ты вернешься. Не отвѣчала на письмы Сигны, чтобы ты чувствовалъ себя совсѣмъ свободнымъ. Ничѣмъ не хотѣла вліять на тебя. Ты вернулся бы самъ. Теперь я такъ спокойна и счастлива.

Твоя Гедвига».

Прочитавъ телеграмму, онъ благоговѣйно поцѣловалъ ее. Потомъ онъ вскрылъ вторую телеграмму. Она была отъ тети Вивн:

«Гедвига очень больна. Хуже, чѣмъ она думаетъ. Докторъ въ январѣ посылалъ на югъ. Не захотѣла. «Жду возвращенія Тома», говорила. Теперь, пожалуй, не помочь. Гедвига ужасно кашляетъ и въ постоянной лихорадкѣ. Скоротечная чахотка. Пріѣзжай».

Бумага вывалилась изъ его рукъ, порхнула въ воздухѣ, какъ мотылекъ, и тихо упала на полъ. Томасъ Галль весь съежился; его зубы стучали, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ; ему было ужасно холодно.

Въ мозгу шевелилась лишь одна мысль: Что́ теперь надо дѣлать? Но отвѣта на нее не было: разсудокъ отказывался служить, воли не было. Онъ пытался припомнить, почему ему всегда, и за минуту передъ этимъ, казалось, что вернуться было немыслимо. Память отказывалась служить...

Утромъ онъ сидѣлъ въ вагонѣ, быстро уносившемъ его къ сѣверу. На четвертый день онъ уже подъѣзжалъ къ дому въ Бьерне. Ему такъ и не удалось припомнить, почему возвращеніе еще недавно было немыслимо.

Во всѣхъ окнахъ большого господскаго дома былъ свѣтъ. Когда сани выѣхали изъ темной аллеи и передъ глазами Томаса Галля сверкнули эти освѣщенныя по праздничному окна, онъ опять задрожалъ. Его сердце билось съ такой силой, что онъ едва переводилъ духъ.

Тетя Вивi встрѣтила его на крыльцѣ. Онъ схватился за перила и нѣсколько разъ открывалъ ротъ, чтобы заговорить, но изъ его устъ вырывалось только учащенное дыханіе. Наконецъ, онъ могъ произнести:

— Гедвига?

— Она наверху... ждетъ тебя. Она разсчитала, что сегодня ты непремѣнно пріѣдешь. Успокойся же, милый Томъ... ради Бога, успокойся! На тебя страшно смотрѣть!

Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, сбросилъ шубу на полъ и порывисто открылъ дверь въ гостиную, но далѣе пошелъ тихо, стараясь не шумѣть и задерживая свое свистѣвшее дыханіе.

Она стояла на порогѣ своего будуара, прислонясь къ дверямъ. Господи, какъ она измѣнилась!

— Томъ!

Все ея лицо просіяло. Въ глазахъ засвѣтилось что-то такое, что у бываетъ у человѣка только, когда дни его уже сочтены. Но вѣдь это могло быть просто отъ радости! Развѣ не жизнь давала столько огня ея темнымъ глазамъ? Развѣ не жизнь окрашивала ея впалыя щеки нѣжнымъ румянцемъ? Конечно такъ! Она будетъ жить... жить...

Такія мысли проносились въ его головѣ съ быстротою молніи, пока онъ приближался къ ней съ простертыми руками. Потомъ, когда она уже была у его груди, онъ ни о чемъ не думалъ: онъ только прижималъ ее къ себѣ все крѣпче, судорожнѣе...

— О, Томъ! Томъ!—бормотала она.

И вдругъ она сдѣлалась въ его рукахъ необыкновенно тяжела. Лицо ея стало точно восковое; голова безсильно откачнулась назадъ.

Смерть? Неужели она умерла? Неужели смерть ее взяла именно теперь, когда онъ вернулся... и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вымолить себѣ ея прощеніе?:. Нѣтъ, нѣтъ... это невозможно! Не теперь же! Хоть мѣсяцъ, хоть недѣлю, хоть день она должна прожить еще!

Онъ приложилъ ухо къ ея груди. Нѣтъ! Не было никакихъ признаковъ жизни въ этомъ отяжелѣвшемъ тѣлѣ, которое онъ попрежнему держалъ въ своихъ объятіяхъ. Комната быстро понеслась вокругъ него, въ глазахъ становилось все темнѣе... Онъ успѣлъ только хрипло прокричать о помощи.

Тетя Вивi изъ другихъ комнатъ услышала этотъ крикъ, потомъ звукъ отъ паденія на коверъ чего-то тяжелаго. Она прибѣжала въ ужасѣ.

XII.

Часъ спустя Томасъ Галль сидѣлъ у постели больной жены. Онъ держалъ ея руку и тихонько ласкалъ эту руку. Говорить онъ не могъ. Рыданія спирались въ его горлѣ; все вокругъ него было точно въ туманѣ.

Вотъ онъ увидалъ бѣлыя полоски въ ея волосахъ... Такихъ полосокъ прежде не было... Неужели сѣдина? Неужели горе можетъ такъ быстро раздавить человѣка?

Неужели горе можетъ такъ изможжить? Господи, какъ она исхудала и осунулась! А вѣдь выраженіе ея лица теперь радостное. Вся жизнь, какая въ ней оставалась, сосредоточилась теперь въ ея неестественно большихъ и неестественно горѣвшихъ глазахъ. Она не переставала разглядывать его съ тѣхъ поръ, какъ очнулась. Она улыбалась, и ея улыбка скрашивала разрушеніе, произведенное въ ея лицѣ болѣзнью.

Ея голосъ былъ очень слабъ. Но все-таки она говорила:

— Прости меня, что я не писала! Я не хотѣла ни единымъ словомъ напоминать о себѣ. Конечно, я дѣлала это не безъ разсчета: мнѣ казалось, что чѣмъ меньше я буду надоѣдать тебѣ, тѣмъ скорѣе ты соскучишься по мнѣ. Я знала, что въ концѣ-концовъ ты все-таки вернешься...

Она слабымъ движеніемъ протянула руку, но у нея не хватило силъ достичь его и она провела рукой по уголку своей подушки, какъ бы лаская что-то.

— Иногда, по ночамъ,—продолжала она,—когда бывали сильные морозы и въ углахъ раздавался сухой трескъ, мнѣ слышались твои шаги въ сосѣдней комнатѣ... Какъ я ждала тебя!

Да, теперь, когда, лежа на смертномъ

одрѣ, она разсказывала ему, какъ тосковала по немъ, онъ могъ понять ея любовь. Теперь онъ зналъ, что всѣ наружныя проявленія ея нѣжности, тѣ самыя проявленія, которыя онъ приписывалъ чувственности, были выраженіями глубокой, сердечной привязанности. Не мужчину она въ немъ любила—не много въ немъ вѣдь оставалось мужественной прелести—а человѣка, со всѣми его качествами и недостатками, каковъ онъ былъ, не обсуждая. Теперь онъ зналъ и то, что въ продолженіи семи лѣтъ брачной жизни, не смотря на его хандру и брюзжаніе, онъ слился съ нею душою такъ, что послѣ нея должна была остаться ничѣмъ незаполнимая пустота. Онъ не могъ себѣ представить ея смерть, не ощущая въ самомъ себѣ холода смерти.

Прошла недѣля.

Эта недѣля прошла въ непрерывной борьбѣ со смертью. Боролась воля больной, не хотѣвшей отдавать жизни теперь, когда опять могли быть счастливые дни. Но недугъ былъ сильнѣе. Нѣсколько разъ тлѣвшая въ ней искра жизни разгоралась и начинала пылать; но всякій разъ недугъ ее грубо погашалъ. Нѣсколько разъ жизнь возставала противъ неумолимой судьбы и на мгновеніе освобождалась отъ когтей подстерегавшей ее смерти. Въ такія минуты лицо больной преображалось: она вдругъ молодѣла и становилась радостна, какъ невѣста; ея глаза сверкали, ея щеки разгорались; она начинала вѣрить въ свое исцѣленіе... Но минуту спустя борьба возобновлялась; грудь потрясалъ жестокій кашель, глаза мутились и становились точно стеклянными, лицо увядало, а когда Томъ прикладывалъ затѣмъ руку къ ея груди, онъ еле ощущалъ неправильное глухое біеніе ея сердца.

Подолгу просиживалъ онъ, съ мучительнымъ напряженіемъ прислушиваясь къ ея затрудненному дыханію, и всякій разъ, когда слышался хрипъ, онъ судорожно вздрагивалъ и волосы вставали у него дыбомъ. Капли холоднаго пота собирались и медленно катились по его лбу. Всякій звукъ его пугалъ. Когда раздавался подъ окнами скрипъ промерзшаго снѣга подъ ногами пѣшехода, ему казалось, что скрипитъ что-то въ груди больной, что наступаетъ конецъ... Когда скребли на дворѣ намерзшій за ночь ледъ, ему чудилось, что гдѣ-то точатъ косу. Вѣдь смерть, смерть поджидала свою жертву!

Когда она въ тяжеломъ припадкѣ стонала и металась отъ страданія;—ему бывало ясно, что жить она уже не можетъ и въ своемъ отчаяніи онъ призывалъ ненавистную смерть, чтобы хоть скорѣе больная избавилась отъ мученій. Но какъ только къ Гедвигѣ возвращалась хоть тѣнь жизни, онъ начиналъ молить Бога о чудѣ, о ея выздоровленіи. И въ немъ снова пробуждалась надежда, за которую онъ ухватывался, какъ на смерть подстрѣленная птица, чтобы не упасть къ ногамъ охотника, ухватывается клювомъ за собственное перо.

Врачъ пріѣзжалъ ежедневно, но не подавалъ надежды. На всѣ робкіе вопросы Томаса Галля онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Ея дни сочтены; можетъ быть, даже часы. Вамъ лучше приготовиться къ неизбѣжному удару.

Томасъ Галль сидѣлъ у постели умирающей дни и ночи. Однажды ночью, когда она была спокойнѣе, чѣмъ обыкновенно, измученный отъ усталости, онъ уснулъ въ креслѣ, и его голова склонилась на край подушекъ. Вдругъ его разбудило прикосновеніе холодной и тяжелой руки къ его лицу. Со сна онъ вскочилъ въ ужасѣ: ему приснилось, что его хватаетъ какое-то чудовище. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ окончательно пробудился и, замѣтивъ, что его лица коснулась лишь рука Гедвиги, тихо взялъ и поцѣловалъ эту руку. Рука была безжизненна и необыкновенно холодна. Опять онъ почувствовалъ ужасъ и склонился надъ женой. Она начала хрипѣть.

Черезъ часъ ея не стало.

По широкимъ бѣлымъ полянамъ опять извивалась похоронная процессія отъ господскаго дома въ Бьерне къ приход-

скому кладбищу. Въ первыхъ саняхъ позади дрогъ съ усыпаннымъ цвѣтами гробомъ сидѣлъ Томасъ Галль возлѣ священника. Священникъ былъ старикъ съ совершенно бѣлыми отъ сѣдины волосами, спадавшими на воротникъ его шубы. Въ его лицѣ было выраженіе доброты и сочувствія. Онъ не переставалъ тихо произносить слова утѣшенія.

Томасъ Галль ничего не понималъ. Съ той минуты, какъ онъ убѣдился, что Гедвига умерла, онъ сдѣлался совершенно спокоенъ; только спокойствіе его было спокойствіемъ неодушевленнаго предмета. Онъ походилъ на механическую куклу, которая можетъ двигаться и даже произносить отдѣльныя слова, не зная для чего она это дѣлаетъ.

Передъ тѣмъ онъ долго не хотѣлъ повѣрить, что душа ея уже отлетѣла. Часъ за часомъ онъ сидѣлъ возлѣ умершей и терпѣливо дожидался, что сердце ея опять начнетъ биться. Но оно не билось, и сознаніе дѣйствительности точно подползло къ нему и вдругъ овладѣло имъ. Съ этой минуты онъ самъ угасъ: ни думать, ни чувствовать онъ уже не могъ. Онъ не проронилъ ни единой слезы; источники слезъ въ немъ замерзли. Да и самъ онъ былъ точно тѣнью застывшаго для жизни человѣка.

Вотъ они на кладбищѣ. Когда они успѣли доѣхать?

Вотъ гробъ медленно опущенъ въ могилу. Гулко раздаются въ могилѣ звуки ударившихся о крышку гроба комьевъ мерзлой земли. Томасъ Галль оглядывался съ недоумѣніемъ. Ему казалось, что засыпаютъ мерзлой землей его самого. Онъ даже чувствовалъ, какъ отдавались въ его груди удары падавшихъ комьевъ.

XIII.

Была майская ночь. Луна ясно свѣтила на пустынномъ небѣ и проливала свой блѣдный свѣтъ на холодную страну. Всюду были лѣса, перерѣзанные болотистыми полянами. Вся поросшая лѣсомъ поднималась гора, очертанія которой мягко выдѣлялись на небѣ. Только что протаявшая дорога змѣей извивалась на эту гору между лѣсами. Въ долинѣ поднимался туманъ, густой, неровными клубьями, точно паръ надъ исполинскимъ котломъ. Въ сторонѣ гудѣлъ водопадъ.

На самомъ краю обрыва надъ водопадомъ виднѣлась неподвижная черная фигура. Приблизившись, всякій бы разглядѣлъ въ ней лежавшаго человѣка; но никто бы не могъ сказать, живъ онъ или нѣтъ.

Вотъ прокричала въ лѣсу сѣверная сова. Томасъ Галль содрогнулся всѣмъ тѣломъ и поднялъ голову. Онъ съ дикимъ ужасомъ вперилъ взглядъ въ ту часть лѣса, откуда послышался крикъ совы. Но крикъ не повторялся, и черезъ нѣсколько времени онъ точно успокоился: онъ снова отвернулся къ водопаду и опять уставился взглядомъ на пѣнившійся далеко внизу потокъ.

Опять точно хороводомъ закружились въ его мозгу неясныя мысли. Ему стало казаться, что голова его начала быстро раздуваться въ какой-то огромный пузырь, и въ этомъ пузырѣ гулко отдается грохотъ водопада и всякій звукъ въ лѣсу. Въ глубинѣ ущелья пѣнистыя пучины несутся, и крутятся, и скрываются въ тѣни. Но изъ пѣны все мелькаютъ искаженныя отъ ужаса черты утопающаго человѣка, Его руки простираются кверху. Страшно! А все-таки что-то манитъ туда, и слышатся голоса, которые зовутъ:

— Томасъ Галль! Тамъ внизу можно успокоиться! Тамъ внизу можно найти забвеніе, покой! Тамъ внизу можно искупить свою жизнь!

Вѣдь всего одинъ шагъ, одно движеніе, и долгъ будетъ выплаченъ. Что ему отдать, если не жизнь, для искупленія зла, причиненнаго людямъ? Одно движеніе, и равновѣсіе на вѣсахъ справедливости возстановится!

Гудитъ, гудитъ водопадъ. Потокъ поетъ свою грозную пѣснь. Славно бы уснуть, уснуть навѣки, подъ звукъ этой пѣсни, среди пучинъ!

Томасъ Галль закрываетъ глаза и ниже склоняется надъ обрывомъ. Но вдругъ онъ дѣлаетъ движеніе назадъ.

Гедвига!

Всякій разъ его останавливаетъ одна

и та же мысль, которую онъ потомъ забываетъ, но которая въ послѣднюю минуту неизмѣнно возвращается: Что, если, налагая на себя руки, онъ навсегда лишится возможности соединиться съ умершей? Какъ отказаться отъ надежды снова ее увидѣть?

Эти надежда привязываетъ его къ постылой жизни...

Онъ встаетъ и, содрогаясь, отходитъ отъ обрыва. Затѣмъ онъ медленно бредетъ въ долину къ своему дому.

Послѣ похоронъ Гедвиги разсудокъ постепенно вернулся къ Томасу Галлю, но съ большими недочетами. Сначала это имѣло видъ неимовѣрной тоски, которая подтачивала въ немъ всѣ жизненныя силы. Онъ ежедневно повторялъ себѣ, что жить уже не стоитъ, да и силъ нѣтъ. И онъ быстро увядалъ, точно часть его самого была зарыта въ землю вмѣстѣ съ Гедвигой, а то, что оставалось спѣшило тоже разрушиться и соединиться съ землею.

Въ большихъ опустѣвшихъ для него комнатахъ бьернинскаго дома онъ безпокойно бродилъ, какъ потревоженный духъ. По ночамъ слуги изъ своего флигеля черезъ дворъ часто видѣли огонекъ, переходившій отъ окна къ окну въ комнатахъ верхняго этажа. Иногда огонь останавливался, и большая тѣнь человѣческой головы ложилась на снѣгу противъ освѣщеннаго окна. Стали поговаривать, что тѣнь покойной барыни бродитъ въ домѣ и что самъ Томасъ Галль не страшится ходить на свиданія съ этой тѣнью.

Когда слухи дошли до него, Томасъ Галль сейчасъ же повѣрилъ возвращенію духа Гевиги. Его только огорчало, что слухи не вполнѣ вѣрны и что ему не удается встрѣчаться съ ея духомъ. Тогда онъ занялся тщательнымъ просмотромъ бумагъ покойной жены, надѣясь найти какое-нибудь указаніе, чего она желала отъ него въ случаѣ своей смерти. И онъ сдѣлалъ важную находку: онъ нашелъ тетрадь, въ которой Гедвига когда-то вела дневникъ, а потомъ отъ времени до времени записывала свои впечатлѣнія. Съ жадностью накинулся онъ на эту тетрадь. Наконецъ-то онъ поговоритъ съ нею по душѣ, узнаетъ всѣ ея мысли!..

Дѣвичій дневникъ былъ написанъ ребячливо, въ наивныхъ и неясныхъ выраженіяхъ. Но далѣе замѣчался постепенно пріобрѣтаемый навыкъ облекать мысли въ слова; да и самыя мысли становились глубже, яснѣе. Вотъ она вышла замужъ за своего перваго мужа. Какъ не веселы и не радостны стали ея замѣтки въ дневникѣ! Въ каждой строкѣ были жалобы на ненаполнимую пустоту ея жизни. Самыя замѣтки стали коротки и безсодержательны: не о чемъ было писать; жизнь была безотрадно сѣра и однообразна; ни радостей, ни горя... Такова она была до появленія въ Бьерне Томаса Галля...

Но вдругъ что-то измѣнилось: замѣтки ожили и прониклись лирической восторженностью. Далѣе появились и откровенныя признанія: она не могла устоять передъ соблазномъ изложить въ своихъ замѣткахъ восторгъ, который охватывалъ ее при каждомъ новомъ для нея движеніи сердца. Вѣрно отражали листки тетради постепенное развитіе ея глубокой любви къ Томасу Галлю. Потомъ начались и терзанія: она сознавала, что ея любовь, хотя и затаенная въ глубинѣ души, преступна; въ каждомъ ея словѣ стала замѣтна сильная борьба между всевластнымъ чувствомъ и сознаніемъ долга; терзанія совѣсти отравляли ей всякое движеніе души.

Егермейстера не стало. Ужъ не попали ли ему въ руки эти замѣтки? Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы оставить объ этомъ хоть малѣйшій слѣдъ. Не въ его натурѣ было идти на уступки или мѣнять жизнь въ угоду другому; еще менѣе онъ былъ способенъ примириться съ возможностью позора... Онъ устранился, не сказавъ ни слова—вотъ и все! Такое предположеніе объяснило бы все загадочное въ его гибели.

Гедвиги такое подозрѣніе, повидимому, не коснулось. И все-таки ея угрызенія совѣсти превратились послѣ внезапной смерти мужа въ настоящее отчаяніе. Черной нитью связывало это мрачное чувство всѣ ея помыслы вплоть до возвращенія изъ заграничнаго путешествія...

Вотъ описаніе ея потрясенія при неожиданномъ появленіи Томаса Галля на пароходѣ, пробивавшемся во льду. Вотъ и цѣлый рядъ замѣтокъ того времени, когда оба они подтачивались сомнѣніями и недоразумѣніями... Теперь онъ на все смотрѣлъ ея глазами и не понималъ своихъ собственныхъ поступковъ! И вдругъ замѣтки обрывались на продолжительное время. Жизнь бѣдной Гедвиги стала слишкомъ полна, чтобы оставалась охота что-либо записывать.

О первыхъ двухъ годахъ ея жизни во второмъ бракѣ была только одна замѣтка въ два слова: «я жила!» Эти слова были написаны твердымъ почеркомъ поперекъ страницы. Но далѣе опять стали появляться длинныя замѣтки. Опять прокралось къ ней впечатлѣніе одиночества, почти какъ въ первомъ бракѣ. Опять ея дни были не веселы, ея часы очень долги. Опять дневникъ сдѣлался ей необходимымъ, чтобы отводить душу. Но это были замѣтки честной, великодушной женщины; она ни на кого не сваливала вины за отсутствіе радостей въ ея жизни. О Томасѣ Галлѣ она неизмѣнно говорила съ величайшей любовью, недоумѣвая только, чѣмъ бы ободрить его и какъ его вывести изъ болѣзненнаго бездѣйствія, которое такъ худо отражалось на немъ...

Таковы были эти замѣтки. Сутки за сутками Томасъ Галль проводилъ у маленькаго письменнаго стола Гедвиги, изучая ея дневникъ. Все яснѣе и яснѣе вставалъ передъ нимъ ея новый образъ. Неужели такова была его покойная жена? Ему казалось, что онъ впервые знакомился съ нею. Съ такою-ли женщиной было не слиться душой! И ее-то, эту новую Гедвигу, ему не суждено было никогда увидѣть на яву!

Его глаза горѣли отъ слезъ, но плакать онъ не могъ. Его мучили какое-то неопредѣленное безпокойство, какой-то безпредметный страхъ. И тоска, тоска, которой ни въ чемъ не было исхода! Любилъ ли онъ Гедвигу? Никогда не переставалъ онъ ее любить, а теперь любилъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь онъ полюбилъ еще душу ея, которую узналъ только по замѣткамъ дневника!

Имъ овладѣла безумная потребность во что бы то ни стало снова приблизиться къ ней. Смерть разверзла между нимъ и ею темную пропасть. Не видно было ни малѣйшей возможности перебраться черезъ пропасть, не теряя возможности соединиться съ умершей... если тамъ, за мракомъ соединеніе было возможно.

И все-таки развѣ, читая ея дневникъ, онъ не чувствовалъ, что она становилась въ это время ближе, развѣ не случалось, что онъ даже забывался и оборачивался сказать ей что-нибудь,—до такой степени ясно чувствовалось, что она тутъ присутствовала? Онъ утратилъ свои вѣрованія давно; но теперь ему казалось невозможнымъ, чтобы душа, говорившая съ нимъ на страницахъ дневника, могла быть уничтожена смертью, какъ тѣло. Вопросъ былъ въ томъ, гдѣ была теперь ея душа?

Онъ раздумывалъ, раздумывалъ... Ему хотѣлось найти что-нибудь такое, что уясняло бы вопросъ о душѣ, не противорѣча его воззрѣніямъ позитивиста. День за днемъ, ночи напролетъ раздумывалъ онъ, всматриваясь въ потемки того, что могло быть за могилой, и понемногу пустота начала для него чѣмъ-то наполняться, а густая тьма разсѣяваться. Загробный міръ рисовался ему въ какихъ то неопредѣленныхъ очертаніяхъ, которыхъ онъ никакъ не могъ уловить. Во всякомъ случаѣ. это былъ загробный міръ, то-есть, существованіе душъ послѣ смерти тѣла.

Онъ жилъ въ страшномъ напряженіи, почти не спалъ, ѣлъ очень мало. Тѣмъ не менѣе, онъ не чувствовалъ себя больнымъ, а иногда, при чтеніи дневника и старыхъ писемъ Гедвиги, имъ овладѣвало какое-то странное чувство успокоенія и неопредѣленнаго довольства. Ему становилось тепло, точно живое существо прижималось къ нему; нервы успокоивались, точно любимое существо брало его за руку и утѣшало. Въ то же время воображеніе начинало работать необыкновенно сильно и все, что ему приходило въ голову, точно нашептывалось какими-то незримыми существами вокругъ него..

Ему пришло на мысль, что, можетъ быть, разгадка всего, о чемъ онъ думалъ съ такимъ напряженіемъ, въ спиритизмѣ. Тотчасъ же онъ началъ читать о спиритизмѣ, потомъ сталъ продѣлывать опыты вызыванія духовъ. Опыты удались настолько, что онъ уже не сомнѣвался въ возможности явленія духовъ... Но отвѣтовъ на свои вопросы онъ отъ нихъ не получилъ.

Тогда онъ пошелъ дальше въ изученіе всего, что нашлось въ его обширной библіотекѣ по части мистическихъ ученій, и съ особеннымъ интересомъ остановился на ученіи буддистовъ въ переложеніи этого ученія современными теософами. Переселеніе душъ въ постепенномъ совершенствованіи пришлось ему по сердцу. Тотчасъ же онъ сталъ передѣлывать все ученіе по своему и подыскивать доказательства вѣрности ученія. Онъ говорилъ себѣ, что, какъ учила біологія, ткани человѣческаго тѣла постоянно уничтожаются и замѣняются новыми, такъ что въ извѣстное число лѣтъ все тѣло бываетъ обновлено. Стало быть, даже въ теченіи одной жизни душа по нѣскольку разъ перемѣняетъ свою оболочку. Почему не допустить продолженія того же и послѣ смерти? Притомъ, онъ часто замѣчалъ въ своей жизни что-то въ родѣ неясныхъ воспоминаній о какомъ-то иномъ существованіи. Почти все, что ему приходилось видѣть впервые, мало поражало его, точно уже нѣчто хорошо знакомое; нерѣдко онъ даже спрашивалъ себя, гдѣ я это видѣлъ?—хотя, навѣрное, видѣлъ предметъ въ первый разъ въ своей жизни. Теперь для него казалось вполнѣ понятнымъ, почему полярная природа мало удивила его, почему въ Америкѣ онъ никогда не бывалъ пораженъ удивленіемъ передъ новизною всего, что онъ тамъ встрѣчалъ, почему въ путешествіяхъ онъ всегда испытывалъ такое чувство, точно не видитъ ничего новаго, а только припоминаетъ давно забытое...

Все дальше и дальше заходили его размышленія въ этомъ направленіи. Сосредоточиваясь въ самомъ себѣ и тщательно припоминая что-то неопредѣленное, онъ старался уяснить себѣ прошлое своихъ различныхъ существованій, въ которыя теперь вѣрилъ.

Передъ окномъ на вѣткѣ дерева сидѣлъ нахохлившись воробей. Онъ сильно зябнулъ на морозѣ и втягивалъ въ себя голову, чтобы согрѣться. Вдругъ, глядя на эту озябшую птичку, Томасъ Галль ясно припомнилъ, что когда-то, можетъ быть, много столѣтій тому назадъ, онъ самъ былъ такимъ воробьемъ и тоже страдалъ отъ мороза, даже однажды ночью въ большую стужу не былъ въ силахъ улетѣть, когда къ нему опустилась сова, и испустилъ духъ въ ея острыхъ когтяхъ. Позднѣе, какъ ему теперь припоминалось все яснѣе и яснѣе, онъ былъ собакой, которая погибла отъ тоски по своей хозяйкѣ. Въ томъ городѣ, гдѣ протекло его дѣтство, на кладбищѣ былъ памятникъ, украшенный барельефами изъ мрамора. На одномъ изъ барельефовъ была изображена распростертая на могилѣ собака, и говорили, что до постановки памятника на этой самой могилѣ издохла собака погребенной тутъ дѣвушки. Теперь Томасъ Галль зналъ, что то былъ онъ самъ въ образѣ собаки...

Вскорѣ онъ припомнилъ еще многое, между прочимъ, какъ онъ былъ индѣйцемъ и жилъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Новаго Свѣта. Ему припоминались мельчайшія подробности его смерти, послѣдовавшей тогда отъ «огненной воды», которой его снабдили бѣлолицые. Онъ умеръ въ крытой звѣриными шкурами кибиткѣ на берегу Атапаски, напрасно призывая помощь великаго духа.

Въ послѣдующія существованіи онъ поклонялся тому же великому духу, но уже называя его Брамой. Удивительно ярко всплывалъ въ его памяти цвѣтокъ лотоса, медленно плывшій на поверхности воды, когда самъ онъ, будучи тогда факиромъ, умиралъ на берегу священной рѣки на «вѣчной молитвѣ»...

Многаго онъ не могъ припомнить. Стало быть, онъ не достигъ еще высшей формы, и ему предстояли еще многія существованія... Смутно угадывалъ онъ дальнѣйшую судьбу своей души. Ясно, что для уравновѣшенія, въ слѣдующемъ существованіи онъ будетъ безумно лю-

бить свою жену... по всѣмъ вѣроятіямъ, новое воплощеніе души Гедвиги, но та будетъ къ нему холодна и замучаетъ его своимъ стремленіемъ прочь отъ него... Это будетъ ему возмездіемъ. Чтобы смягчить свою участь, ему оставалось только употребить остатокъ своихъ дней на искупленіе своей вины. Непремѣнно надо было сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло и жить безупречно. Но какое доброе дѣло совершить и какъ жить? Объ этомъ онъ раздумывалъ такъ, что голова болѣла...

Иногда онъ на короткое время забывалъ свои размышленія о переселеніи душъ. Тогда онъ замѣчалъ, что голова его пылаетъ, какъ огонь, и въ груди что-то жжетъ. Ужъ не тлѣетъ ли его мозгъ... или сердце?—спрашивалъ онъ себя озабоченно.

Встрѣчаться съ людьми онъ не любилъ; онъ выходилъ изъ себя, если кто-нибудь смотрѣлъ на него пристально. Попеченія заботливей тети Виви онъ сначала переносилъ довольно терпѣливо. Но скоро онъ замѣтилъ, что она старалась отвлечь его отъ серьезныхъ размышленій; очевидно, она намѣревалась ограничить его свободу! Онъ сталъ относиться къ ней подозрительно. Свобода была ему нужнѣе всего. Теперь его часто озаряли блестящія идеи, и не слѣдовало себя ничѣмъ связывать, чтобы имѣть возможность тотчасъ же приступить къ выполненію, если идея того потребуетъ. Еще опаснѣе казался ему инженеръ Вибель. У того во взглядѣ было что-то особенное, и не даромъ же онъ повадился ежедневно заходить къ тетѣ Виви. Его слѣдовало остерегаться, какъ врага.

Томасъ Галль сталъ запираться въ своей комнатѣ или въ верхнихъ комнатахъ покойной жены. Не то онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ на лыжахъ въ лѣсу. Когда встрѣчались люди, онъ уходилъ отъ нихъ въ сторону. Этакъ было вѣрнѣе, да и не желалъ онъ, чтобы его разсѣивали въ его размышленіяхъ.

По ночамъ, какъ мы уже видѣли, онъ прокрадывался къ водопаду. Его сильно манили голоса, доносившіеся изъ пропасти. Почему-то онъ забывалъ всѣ свои размышленія, когда наступало время идти къ водопаду, и потому онъ могъ соблазняться призывомъ успокоиться въ пучинахъ, Но онъ былъ твердъ! Онъ всегда спохватывался во время и не поддавался искушенію!

Когда онъ начиналъ бродить, онъ нигдѣ не находилъ покоя. Притомъ онъ не переставалъ испытывать такое чувство, точно забылъ что-то важное, отъ чего зависѣла вся его судьба; но ему не удавалось припомнить, что это, и оттого его безпокойство становилось нестерпимымъ.

Потомъ вдругъ онъ вспоминалъ: Да, вѣдь ему надо добиться соединенія съ Гедвигой! Но гдѣ и какъ? Надо было выяснить это вполнѣ опредѣленно, чтобы не продолжать свою ненавистную жизнь на авось, можетъ быть, попусту.

Однажды въ маѣ въ Бьерне пріѣхалъ врачъ и пожелалъ сдѣлать визитъ владѣльцу. Тотчасъ же Томасъ Галль догадался, что ему разставляютъ ловушку. Въ домѣ оказывался, видно, предатель. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ благоразумнымъ принять доктора какъ можно любезнѣе и не подавать вида, что заподозрилъ ловушку. И дѣйствительно, онъ встрѣтилъ врача преувеличенною любезной улыбкой, на всѣ его вопросы отвѣчалъ очень охотно и былъ необыкновенно привѣтливъ. Только всѣ его отвѣты были какъ-разъ противоположны истинѣ, и онъ съ злорадствомъ замѣчалъ недоумѣніе сбитаго съ толку доктора.

Когда тотъ уѣхалъ, Томасъ Галль съ бѣшинствомъ напустился на тетю Виви:

— Ты посылала за этимъ слугой Эскулапа? Попробуй-ка еще запираться!

Старуха была чуть жива отъ страха.

— Милый Томъ,—бормотала она,— я... я думала... я хотѣла...

— Предупреждаю тебя, если это случиться еще разъ, будетъ плохо!—перебилъ онъ.—Понимаешь? Я хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ!

Съ этого дня она уже не рѣшалась въ чемъ-нибудь перечить ему. Она стала сама избѣгать всякой встрѣчи съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе, Томасъ Галль уже не чувствовалъ себя въ безопасности въ Бьернинскомъ домѣ, да и размышленія его уже какъ-то не удавались. Онъ рѣ-

шился удалиться въ уединеніе, куда-нибудь въ лѣсъ, чтобы тамъ, вдали отъ мірской сутолоки, посвятить жизнь созерцанію и размышленіямъ. Во время своихъ длинныхъ прогулокъ по лѣсу онъ однажды нашелъ заброшенную избушку миляхъ въ трехъ отъ Бьерне. Эта избушка стояла далеко отъ деревень въ лѣсной глуши и очень ему понравилась. Ее онъ велѣлъ поправить и туда рѣшился переселиться, чтобы жить тамъ строго по завѣтамъ мудраго Будды.

Однажды въ послѣднихъ числахъ мая онъ простился съ тетей Виви и направился въ лѣсъ. Она смотрѣла ему вслѣдъ и печально покачивала сѣдой головой. Она не смѣла останавливать его и сама распорядилась, согласно его приказанію, чтобы еженедѣльно въ лѣсную избушку доставлялась коврига чернаго хлѣба... Въ душѣ она надѣялась, что лѣсной воздухъ и тишина въ самомъ дѣлѣ принесутъ Тому пользу и что онъ вскорѣ вернется.

Прошло лѣто, а онъ не возвращался. Тетя Виви написала ему письмо, но не получила отвѣта. Не зная, что̀ предпринять и не считая возможнымъ оставить больного на зиму въ лѣсу, она обратилась за совѣтомъ къ священнику.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, только что прибывшій на мѣсто стараго пробста, который уже не въ силахъ былъ продолжать свою службу. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ, умѣвшемъ сильно вліять на людей. Сама тетя Виви испытала это на себѣ, слушая его первую проповѣдь въ церкви: необыкновенное успокоеніе духа и порывъ дѣтскаго довѣрія къ источнику всякой жизни вселяли его слова.

Онъ былъ сынъ мужика, много страдалъ въ дѣтствѣ и зналъ, какъ надо было говорить со страждущими. Притомъ онъ былъ образованный человѣкъ, зналъ всѣ теченія времени и умѣлъ ихъ разъяснять.

Тетя Виви просила его навѣстить больного въ лѣсу и попытаться вернуть его домой. Она сама не понимала душевнаго состоянія Тома; но инстинктъ ея заботливой и доброй натуры подсказывалъ ей, что помочь больному скорѣе могъ священникъ, чѣмъ врачъ.

XIV.

Избушка, въ которой проживалъ теперь Томасъ Галль, находилась въ дремучемъ лѣсу и была прежде лѣсной сторожкой. Въ ней была одна жилая комнатка. Убранство составляли сколоченный изъ досокъ столъ и два стула. Кровати не было: ложемъ служила лавка, на которой даже не было постели.

Томасъ Галль сидѣлъ у стола передъ единственнымъ окошкомъ избы. Онъ опустилъ голову на руки и былъ погруженъ въ глубокое раздумье. Его волосы, спадавшіе на плечи, были совсѣмъ бѣлы; сильно разросшаяся борода тоже была почти сѣдая. На лавкѣ возлѣ стола виднѣлась початая коврига чернаго хлѣба; рядомъ стояла глиняная кружка съ водою.

Томасъ Галль поднялъ голову и уставился черезъ свое оконце взглядомъ на небо. День былъ солнечный, одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, когда воздухъ особенно прозраченъ и по темносинему небу величаво плывутъ ярко освѣщенныя солнцемъ облака. Въ это утро Томасъ Галль любовался первымъ инеемъ въ томъ году. На вѣтвяхъ елей иней сверкалъ, какъ только-что отчеканенное серебро; потомъ солнце пригрѣло лѣсъ и иней исчезъ; опять стало точно лѣтомъ...

Все было тихо кругомъ. Только сорока протрещала гдѣ-то вдали, да бѣлка возилась на деревѣ передъ избушкой, перескакивая съ вѣтки на вѣтку. Вдругъ она остановилась въ своей игрѣ, усѣлась на суку и навострила уши. По временамъ она наклонялась и что-то высматривала въ лѣсу, округляя свои темные, удивленные глаза. Видно, ее обезпокоилъ какой-то человѣкъ, приближавшійся черезъ полянку, прямо къ избѣ.

Томасъ Галль увидѣлъ его и сдвинулъ брови.

Раздался стукъ въ двери. Онъ не отозвался; тѣмъ не менѣе, дверь открылась и незнакомецъ вошелъ.

— Благословенъ Господь!—произнесъ молодой человѣкъ по мѣстному крестьянскому обыкновенію.

Томасъ Галль ничего не отвѣтилъ. Но къ его плечу прикоснулась рука и,

поневолѣ обернувшись, онъ увидѣлъ устремленный на него взглядъ добрыхъ и честныхъ голубыхъ глазъ.

— Позвольте мнѣ отдохнуть здѣсь, и не дадите-ли мнѣ стаканъ воды?—сказалъ незнакомецъ тихо.

Томасъ Галль съ неохотой всталъ и подалъ свою кружку.

— Вотъ, если не брезгаете. Стакана у меня нѣтъ.

Молодой человѣкъ, опустившійся на свободный стулъ, съ видимымъ наслажденіемъ утолилъ свою жажду. Напившись, онъ отдалъ кружку и оглянулся въ избѣ. На его блѣдномъ лицѣ не было ни усовъ, ни бороды; тѣмъ не менѣе, это молодое лицо носило уже отпечатокъ страданій, тяжелыхъ размышленій и постоянныхъ лишеній. И все-таки взглядъ его глазъ былъ ясенъ и спокоенъ. Полной противоположностью этому взгляду было выраженіе лица Томаса Галля—нервное, тревожное, подозрительное.

— Кто вы?

— Мое имя—Ренмаркъ. Я священникъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Я обманулъ бы васъ, если бы сказалъ, что пришелъ случайно...

— Ага! Вы хотите обратить меня? Такъ вѣдь? Предупреждаю васъ, что вы даромъ потратите свое время.

— Я много слышалъ о васъ, Томасъ Галль, и очень желалъ познакомиться съ вами. Мнѣ хотѣлось обмѣняться съ вами нѣкоторыми мыслями... Но если вы потребуете, я уйду отсюда, не проронивъ ни слова о томъ, что мнѣ дороже всего.

Томасъ Галль опустился на лавку и былъ въ нерѣшительности. Три мѣсяца онъ не слышалъ человѣческаго голоса и самъ не произнесъ ни слова... Теперь ему доставляло удовольствіе говорить съ этимъ молодымъ священникомъ.

— Извольте, я выслушаю все, что вы имѣете мнѣ сказать,—произнесъ онъ наконецъ.

Въ свою очередь, священникъ помолчалъ.

— То, что я хотѣлъ вамъ сказать—старыя, очень старыя истины!—началъ онъ тихо.—Эти истины вамъ извѣстны такъ же хорошо, какъ Богъ, которому я служу...

— Я не вѣрю въ вашего Бога! — мрачно отвергъ Томасъ Галль.

— Вы такъ полагаете! Но положите руку на сердце и скажите по совѣсти, не осталось-ли въ вашей душѣ чего-то, что противорѣчитъ вашимъ словамъ?

— Вы намекаете на мою смутную потребность загробной жизни?

— Если хотите, да... Я бы назвалъ это просто потребностью религіозныхъ вѣрованій...

Томасъ Галль насупился и качнулъ головой.

— Правда, во мнѣ есть эта потребность... Но путь къ вашему Богу для меня, во всякомъ случаѣ, закрытъ. Давно уже мои дѣтскія вѣрованія разсыпались въ прахъ среди житейскихъ невзгодъ. Я утратилъ иллюзіи; я разучился допускать что-либо сверхъестественное. Никакъ не могу допустить существованіе Бога, какъ личности.

— Скажите, что васъ побуждаетъ жить здѣсь въ пустынѣ?—спросилъ священникъ.

— Я уединился здѣсь, чтобы ничто не мѣшало моимъ размышленіямъ. Живу сообразно предписаніямъ мудраго Будды. Я стараюсь не угашать жизнь въ чемъ бы то ни было, не красть, не лгать, не покупать и не продавать, не употреблять грубыхъ выраженій, не быть посредникомъ между людьми. Я не вижу женщинъ, не омрачаю своего ума спиртными напитками, не ѣмъ ради наслажденія, не украшаю своего жилища, не имѣю покойнаго и широкаго ложа... Все свое время я посвящаю размышленію о важнѣйшей загадкѣ жизни и стараюсь уяснить себѣ истину...

— Повѣрьте, на всѣ ваши вопросы есть отвѣтъ въ Евангеліи...

Томасъ Галль потрясъ головой.

— Нѣтъ, это не то. Ваша религія отживающее свой вѣкъ культурное учрежденіе. Много ли истинныхъ христіанъ,— не на словахъ, а на дѣлѣ,—найдется на свѣтѣ!

— Гораздо больше, чѣмъ вы полагаете!

— Сомнѣваюсь. Заканчивается тяже-

лый вѣкъ и люди измучены сомнѣніями. Новое столѣтіе принесетъ, можетъ быть, новыя вѣрованія... Но мы, люди стараго вѣка, такъ и умремъ со своими недоумѣніями...

Томасъ Галль поднялся и началъ ходить по избѣ. Онъ говорилъ горячо, съ сильной жестикуляціей. Давно уже онъ не бывалъ въ такомъ возбужденіи.

— Впрочемъ, о чемъ толковать, — продолжалъ онъ.—Я не вѣрю въ существованіе дѣйствительной смерти, такъ какъ вижу въ жизни и смерти лишь постоянное возобновленіе. Цвѣты умираютъ каждую осень, но всякую весну снова расцвѣтаютъ. Душа для меня во всемъ... Когда я чувствую запахъ цвѣтовъ, мнѣ кажется, что и у нихъ есть своя чуткая душа... Кстати, есть цвѣты въ вашемъ раѣ?

Онъ остановился передъ гостемъ и смотрѣлъ на него растерянным взглядомъ.

Священникъ всталъ. Онъ заговорилъ голосомъ, который дрожалъ отъ искренняго чувства.

— Вы слишкомъ много страдали... Но если хотите, я укажу вамъ путь къ великому утѣшенію...

— Такого пути нѣтъ!

— Есть, увѣряю васъ. Напрасно вы думаете, что христіанство лишь культурное учрежденіе и что оно отжило... Наоборотъ! Именно теперь, когда борьба за существованіе такъ ужасно обострилась, стремленіе къ религіозному утѣшенію стало сильнѣе у людей. По себѣ можете судить! Ни жить, ни умереть спокойно вы не можете съ вашими сомнѣніями. Вы шарите впотьмахъ, ищете, ищете, и воображаете, что нашли что-то цѣнное въ старыхъ индійскихъ вѣрованіяхъ. Но развѣ это дало вамъ то, чего вы жаждете? Сами скажите, развѣ вы покинули надежду на жизнь загробную, на соединеніе съ усопшими?

Томасъ Галль стоялъ нѣсколько секундъ молча. Вдругъ слезы покатились изъ его глазъ.

— Не хочу... не могу отказаться отъ этой надежды!—вскричалъ онъ въ отчаяніи. — Оставьте мнѣ ее... дайте мнѣ ее. Безъ этого мнѣ страшно: такъ темно, такъ безотрадно. Послушайте, можете вы научить меня вѣрить, какъ я вѣрилъ въ дѣтствѣ?

Лицо священника просіяло.

— Могу, если вы сами того захотите!—сказалъ онъ съ увѣренностью.

— Да, да, я хочу вѣрить...

— Но вамъ нужны попеченія. Вы больны тѣломъ, не только душою. Пойдемте отсюда со мною...

— Куда?

— Къ вамъ домой.

Томасъ Галль покачалъ своей сѣдой головою. Его зрачки расширились; взглядъ принялъ испуганное выраженіе.

— У меня нѣтъ дома!—сказалъ онъ, содрогаясь.

— А Бьерне?

— Нѣтъ, нѣтъ... не туда! Туда я боюсь идти. Не могу я жить съ нею, хотя люблю!

— Съ кѣмъ?

— Съ Венерой! Я слишкомъ ее люблю, понимаете?

Его голосъ понизился до шепота, но слова звучали отчетливо, какъ постукиванье кости о кость.

— Я страстно люблю ее. Но это огонь... огонь... огонь, въ которомъ сгорѣло во мнѣ все. . все! Сгорѣло, говорю я вамъ,— повторилъ онъ, прикладывая руку къ груди.—Тутъ пусто. И въ пустотѣ сидитъ дроздъ... и поетъ!.. Хо, хо! Онъ поетъ такъ печально, что я не могу удержать слезъ...

Молодой священникъ тихо взялъ его за руку.

— Вы больны. Пойдемте со мною.

— Хорошо, я пойду съ вами, если вы меня не оставите! Когда я былъ воробьемъ и сова вонзила свои когти мнѣ въ сердце... понимаете?

Священникъ надѣлъ ему на голову шапку и взялъ его подъ руку.

— Пойдемте отсюда.

— Да, да... Пойдемте!

Они вышли рука-объ-руку и тихо направились лѣсной дорогой къ долинѣ.

Конецъ.

Глава III.

Тепло на землѣ и въ атмосферѣ.

Тепло исходитъ отъ солнца. Первоначальный источникъ тепловой энергіи въ нашей планетной системѣ это—солнце. Мы пользуемся не только тѣми лучами солнца, которые оно посылаетъ намъ въ настоящее время; солнцу мы обязаны и тѣмъ теплом, которое получается, напр., при сгараніи угля. Каменный уголь, извлекаемый изъ нѣдръ земли заступомъ рудокопа, образовался изъ растеній, покрывавшихъ земную поверхность за милліоны лѣтъ до появленія рода человѣческаго. Безъ солнца не могли бы существовать ни растенія, ни животныя, ни люди, и земля, отдавъ свое собственное тепло, погрузалась бы въ мертвящій холодъ. Такая участь и предстоитъ, повидимому, нашей планетѣ; и теперь уже ея внутренняго жара недостаточно, чтобы согрѣвать живущія на ея поверхности существа. Но солнце тоже не вѣчно. Изо дня въ день оно расходуетъ неимовѣрныя количества энергіи. Если огромное число метеоритовъ, падающихъ на его поверхность, и постоянное уплотненіе его массы и были когда-нибудь достаточны, чтобы возстановлять непрерывную потерю его теплоты, то весьма вѣроятно, что теперь оно находится уже въ своемъ первомъ періодѣ охлажденія: вѣдь солнце, какъ и всѣ планеты, окружено пространствомъ, гдѣ температура, по всей вѣроятности, равна абсолютному нулю. Не разъ уже обсуждался вопросъ, какова должна быть степень холода, который царитъ въ между планетномъ пространствѣ. Послѣ всевозможныхъ вычисленій, основанныхъ частью на данныхъ опыта, частью на различныхъ теоріяхъ, пришли къ слѣдующему рѣшенію этого вопроса.

Всякій газъ, начиная съ 0° Ц., расширяется на $^1/_{273}$ своего объема при повышеніи температуры на одинъ градусъ, и наоборотъ, при пониженіи температуры, его объемъ въ такомъ же отношеніи уменьшается. Если охладить газъ до —273° Ц., то, согласно этому закону, его объемъ долженъ достигнуть минимума, далѣе котораго сокращеніе уже невозможно. Вотъ эта-то температура, находящаяся на 273° ниже точки замерзанія воды и названа *абсолютнымъ нулемъ*.

Такая температура (—273° Ц.) господствовала бы на землѣ, если бы она не получала солнечныхъ лучей и не имѣла бы собственной теплоты. Разумѣется, земля достигла бы этого состоянія не сразу, а медленно, вслѣдствіе постепеннаго лучеиспусканія своей теплоты, которая не возмѣщалась бы болѣе ежедневно посылаемой теплотой солнца.

Но солнце не должно непремѣнно погаснуть, чтобы на землѣ воцарился тотъ леденящій холодъ, о которомъ трудно имѣть представленіе намъ, привыкшимъ считать температуру въ —15° Ц. уже чрезвычайно низкой. Если бы по какимъ-нибудь причинамъ земля внезапно лишилась своей атмосферы, мы очутились бы въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находится въ настоящее время луна.

Въ самомъ дѣлѣ, не будь атмосферы и въ особенности паровъ воды, которые удерживаютъ тепло во время ночи и поглощаютъ его днемъ, мы испытывали бы поочередно дѣйствіе жгучихъ лучей солнца и леденящаго холода, въ сравненіи съ которымъ температура полярныхъ ночей была бы относительно выше той, которая царитъ теперь въ Сенегалѣ...

Обыкновенно мы не представляемъ себѣ той огромной тепловой энергіи, которая исходитъ отъ солнца. Мы привыкли видѣть ежедневно это свѣтило и намъ никогда не приходитъ въ голову мысль, что мы можемъ его лишиться.

По вычисленіямъ Пулье, основаніемъ которыхъ послужили данныя весьма остроумныхъ опытовъ, количество тепла, получаемое отъ солнца въ минуту поверхностью въ одинъ квадратный сантиметръ равно 1,7633 калоріи, полагая при этомъ, что тепло, исходящее отъ солнца, достигаетъ до насъ всецѣло и не задерживается, хотя бы отчасти, слоями воздуха.

Калоріей называется единица теплоты; это количество тепла, которое необходимо израсходовать, чтобы возвысить температуру одного килограмма воды на одинъ градусъ Ц.

Такъ какъ солнце посылаетъ 1,7633 калоріи на каждый квадратный сантиметръ, то на каждый квадратный метръ приходится 17633 калоріи, а отсюда количество тепла, которое получитъ земля, принимая въ разсчетъ уголъ паденія солнечныхъ лучей въ различныхъ ея широтахъ, будетъ равно 1.210.000.000.000.000.000.000 калоріямъ. Это количество настолько огромно, что мы не въ силахъ составить о немъ даже и приблизительнаго понятія, равно какъ непостижимы для насъ температуры въ 1.000.000, въ 100.000 и даже въ 10.000 тысячъ градусовъ.

Мы можемъ выразить болѣе доступнымъ нашему пониманію образомъ количество тепла, получаемое нашей планетой, вычисливъ, что оно способно растопить въ теченіе года ледъ, облегающей землю въ $30^{m},89$ ц. толщины.

Но тепло, получаемое землею, составляетъ только $\frac{1}{2.300.000.000}$ всей теплоты, отдаваемой солнцемъ. Если бы всю лучеиспускаемую солнцемъ теплоту направить на цилиндръ льда, имѣющій 72 километра въ діаметрѣ, то отъ таянія онъ уменьшался бы въ длину на 300.000 километровъ въ секунду.

Солнце является самымъ важнымъ источникомъ энергіи въ нашей планетной системѣ. Отъ него исходятъ всѣ силы, которыя мы встрѣчаемъ на поверхности земли, начиная съ тѣхъ, которыя приводятъ въ движеніе наши паровыя машины и кончая тѣми, которыя проявляются въ буряхъ и циклонахъ. Паръ паровой машины получается испареніемъ воды, нагрѣваемой тепломъ, которое развивается при горѣніи древеснаго и каменнаго угля, дерева и т. п. Но вѣдь всѣ горючіе матеріалы происходятъ изъ растительнаго царства; растенія же и деревья могутъ расти только благодаря солнечной энергіи. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что уголь содержитъ въ себѣ солнечный лучъ.

Бури, циклоны, вѣтеръ, дождь обязаны своимъ происхожденіемъ солнечной теплотѣ, которая, распредѣляясь различнымъ образомъ, производитъ теченіе воздуха изъ одного мѣста въ другое или поднимаетъ морскую воду въ формѣ видимыхъ и невидимыхъ паровъ.

Обратимся теперь къ изученію температуры нашей атмосферы. Давно уже извѣстно, что въ общемъ температура правильно падаетъ, идя отъ нижнихъ слоевъ атмосферы къ верхнимъ; но имѣются и исключенія: такъ, на высотѣ около 1.000 метровъ встрѣчаютъ часто температуру высшую, чѣмъ на земной поверхности, а на высотѣ 2.000 метровъ высшую, чѣмъ на 1.000 метровъ; такимъ образомъ, между

этими двумя уровнями (1.000 и 2.000 метровъ) находится болѣе холодный слой.

Существуетъ много причинъ, которыя обусловливаютъ эти уклоненія въ слояхъ атмосферы относительно близкихъ къ почвѣ. Самая главная изъ нихъ — это пары воды въ формѣ облаковъ. Когда небо облачно, температура падаетъ значительно медленнѣе, чѣмъ при ясномъ небѣ. Сверхъ того, днемъ температура внутри облаковъ вообще болѣе высока, чѣмъ въ окружающемъ ихъ воздухѣ. Температура, уменьшаясь, въ общемъ, съ высотой, подвергается также измѣненіямъ въ зависимости отъ часовъ дня и времени года.

Въ полярныхъ странахъ наблюдалось странное явленіе. Такъ, въ Боссекопѣ (Bossecop), находящемся въ 69°,58′ сѣверн. шир., термометръ, поднятый змѣемъ, показалъ сначала увеличеніе температуры на 1,°6 съ каждымъ поднятіемъ на 100 метровъ. Затѣмъ температура стала понижаться сначала медленно, а потомъ быстро. Въ умѣренныхъ странахъ такое явленіе должно происходить во время зимы и весною. Но подъ тропиками, гдѣ солнце остается почти все время на одной и той же высотѣ, измѣненіе высоты для каждаго градуса температуры должно быть почти постояннымъ.

Изъ многочисленныхъ наблюденій можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Въ холодное время года необходимо подняться гораздо выше, чтобы получить уменьшеніе температуры на одинъ градусъ, чѣмъ въ теплое время года.

2) Во время ночи высота поднятія на каждый градусъ паденія температуры точно также значительнѣе, чѣмъ днемъ.

Другими словами, чѣмъ холоднѣе на поверхности земли, тѣмъ выше нужно подняться, чтобы термометръ опустился на градусъ Ц. и наоборотъ, въ теплую погоду требуется менѣе значительный подъемъ для паденія температуры на градусъ.

Соссюръ дѣлаетъ совершенно правильный выводъ изъ этихъ наблюденій. Такъ какъ при поднятіи въ высшіе слои атмосферы термометръ падаетъ быстрѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою, то отсюда слѣдуетъ, что разница лѣтнихъ и зимнихъ температуръ становится тѣмъ меньше, чѣмъ выше поднимаются надъ поверхностью земли.

Дѣйствительно въ швейцарскихъ

равнинахъ эта разница равна:	19°	на высотѣ	400 метр.
На Сенъ-Готардѣ . .	14°,9 »	»	2.091 »
» Сенъ-Бернардѣ. .	13°,5 »	»	2.493 »

Соссюръ, первый обратившій вниманіе на это явленіе, полагаетъ, что на высотѣ въ 12.000 или 13.000 метровъ разница между лѣтомъ и зимою должна равняться нулю. Поднятія на воздушныхъ шарахъ, повидимому подтверждаютъ это предположеніе.

Въ низшихъ слояхъ атмосферы часто встрѣчаются воздушныя теченія различной температуры. *Тиссандье* во время своего воздушнаго путешествія 7-го февраля 1869 года отъ Парижа до Нейли-Сенъ-Фронта (Neuilly-Saint-Front) наблюдалъ нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ большой скорости воздушныхъ теченій и ихъ высокой температуры. Ниже облаковъ термометръ показывалъ +13° Ц., но когда аэронавты достигли высоты въ 1.600 метровъ, температура поднялась до +28° Ц., и въ тоже время шаръ уносило воздушнымъ теченіемъ со скоростью 150 километровъ въ часъ. Къ сожалѣнію, шаръ поте-

рялъ много газа и они были вынуждены 35 минутъ спустя опуститься, пролетѣвъ только 80 километровъ.

Вопреки общему закону, часто случается наблюдать при поднятіи въ атмосферѣ увеличеніе температуры. Однако только въ исключительныхъ и крайне рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить на высотѣ 1.600 м. и во время зимы такую же температуру, какъ въ одинъ изъ жаркихъ іюньскихъ дней.

Значительныя и ненормальныя колебанія температуры наблюдаются особенно зимой, когда почва очень холодна и прилегающіе къ ней слои воздуха охлаждаются до ея температуры. *Плюмандонъ* приводитъ слѣдующій примѣръ:

26-го декабря 1879 года температура на вершинѣ Пюи-де-Домъ (+4,7) была на 20°,3 выше, чѣмъ въ Клермонѣ (—15°,6). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что средняя температура на Пюи де-Домѣ +4°, а въ Клермонѣ она выше +10° и такимъ образомъ отклоненіе отъ нормальной температуры для послѣдняго еще значительнѣе и въ дѣйствительности достигаетъ 26°,8.

Давно уже дѣлались попытки установить линію высотъ въ атмосферѣ, гдѣ температура равна нулю Ц. Зная границу вѣчныхъ снѣговъ, покрывающихъ горы, найти эту линію было не трудно.

На экваторѣ линія вѣчныхъ снѣговъ находится на 4.920 м. На этой высотѣ лежатъ вѣчные снѣга Андовъ Квито, несмотря на то, что отъ почвы, нагрѣтой до 50° или 60° Ц. и съ поверхности моря почти такой же температуры, теплый воздухъ, расширяясь, постоянно поднимается вверхъ.

Отъ экватора до Норвегіи снѣговая линія спускается съ 5.000 до 1.700 метровъ, проходя чрезъ постепенно понижающіяся промежуточныя высоты. Но, конечно, наблюдаются значительныя и неправильныя уклоненія, зависящія отъ особыхъ свойствъ климата, въ которомъ находятся горы. Такъ существуетъ значительная разница въ этомъ отношеніи между южными и сѣверными склонами швейцарскихъ Альпъ.

Впрочемъ, снѣговая линія не совпадаетъ, повидимому, вполнѣ съ линіей средней 0° температуры воздуха.

Такъ, напр., среднія температуры равны: на Монъ-Ванту (Mont-Ventoux) на высотѣ около 1.900 метр. +2°,5, а на южномъ Пикѣ (Pic du midi) на высотѣ 2.900 —2°5. Отсюда можно заключить, что средняя высота линіи 0° проходитъ въ этой области на 2.400 метровъ отъ уровня моря. Но, какъ мы знаемъ, граница вѣчныхъ снѣговъ швейцарскихъ Альпъ лежитъ на высотѣ 2.740 метр., т.-е. на 340 метровъ выше, что составляетъ разницу въ температурѣ въ 2°,3 Ц., если мы допустимъ, что температура должна съ возвышеніемъ мѣстности на 150 м. падать на 1°. Это почти такая же разница, какую мы находимъ между средней майской температурой и температурой цѣлаго года.

До изобрѣтенія братьевъ Монтгольфьеровъ, единственнымъ средствомъ изучать высшіе слои атмосферы было восхожденіе на горы. Начиная съ извѣстной высоты разрѣженность воздуха даетъ себя сильно чувствовать, даже люди очень крѣпкіе, которыхъ нисколько не утомляла до этого ходьба въ теченіе 7 или 8 часовъ, чувствуютъ себя выбившимися окончательно изъ силъ, поднявъ на такой высотѣ 4 или 5 лопатъ снѣга. *Соссюръ* почувствовалъ вліяніе разрѣженнаго воздуха при восхожденіи на Монбланъ только на высотѣ 4.800 метровъ. Можно принудить себя оставаться довольно долго въ такой атмосферѣ. Такъ,

братья *Шлагенвейтъ* оставались въ Гималаяхъ на высотѣ 6.000 м. Десять дней сряду, а затѣмъ поднялись до высоты 6.704 метровъ, высшій пунктъ, достигнутый до сихъ поръ при восхожденіи на горы *).

По мѣрѣ восхожденія на высокія горы, растительность измѣняется, словно приближаешься къ полярнымъ странамъ. Такъ, поднимаясь на Канигу (Canigou) въ Пиринейскихъ горахъ, вершина котораго достигаетъ только 2.785 м., видишь такія перемѣны въ фаунѣ и флорѣ, какъ во время путешествія отъ Корсики до Норвегіи. Первымъ исчезаетъ оливковое дерево на высотѣ 400 м., далѣе слѣдуетъ виноградъ, каштановое дерево, встрѣчающееся еще до 1.000 м. высоты, потомъ ели, березы, сосны, растущія до высоты въ 2.500 метровъ. Начиная съ этой высоты, встрѣчаются только кое-какіе мхи да рододендроны, растущіе также и въ полярныхъ странахъ.

На этихъ высотахъ природа носитъ тотъ же характеръ величія и унылости, какъ и въ холодныхъ странахъ сѣвера, но чистый воздухъ, которымъ дышишь, и волшебная картина, которая открывается взору внизу, заставляютъ забыть первоначальное грустное впечатлѣніе. Уже

---

*) Недомоганья, испытанныя въ высокихъ областяхъ атмосферы различными воздухоплавателями и горными путешественниками, заключается въ слѣдующемъ:

Дыханіе. Дыханіе ускорено, затруднено и совершается съ усиліемъ.

Кровообращеніе. У большинства путешественниковъ наблюдалось усиленное сердцебіеніе, ускоренность пульса, біеніе сонныхъ артерій, ощущеніе переполненія въ сосудахъ, по временамъ припадки удушья, различныя кровотеченія.

Нервная система. Сильныя головныя боли, сонливость, часто непреодолимое влеченіе ко сну, притупленность чувствъ, ослабленіе памяти, полный упадокъ духа.

Пищеваренія. Жажда, сильная потребность въ холодномъ питьѣ, сухость во рту, отвращеніе къ твердой пищѣ, тошнота, рвота.

Двигательный аппаратъ. Боли, болѣе или менѣе значительныя, въ колѣняхъ, ногахъ; ходьба утомительна и скоро истощаетъ силы.

Всѣ такія болѣзненныя разстройства появляются безъ всякаго опредѣленнаго порядка, не всѣ разомъ и, очевидно, зависятъ отъ темперамента, силъ, возраста, привычки и отъ степени предварительнаго утомленія субъекта. Горная болѣзнь, повидимому, проявляется съ большею силою у альпійскихъ путешественниковъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Такъ, на большомъ Сенъ-Бернардѣ, монастырь котораго находится на высотѣ всего только 2.474 м., монахи очень скоро начинаютъ страдать одышкою (астмою). Они вынуждены часто для поправленія спускаться въ Ронскую долину, а по истеченіи 10 или 12 лѣтъ они покидаютъ монастырь совсѣмъ изъ опасенія разрушить окончательно свое здоровье. Между тѣмъ въ Андахъ въ Тибетѣ встрѣчаются на гораздо болѣе значительной высотѣ цѣлые города, населеніе которыхъ пользуется, повидимому, такимъ же здоровьемъ, какъ и всюду въ другихъ мѣстахъ. Буссиньо (Boussingault) полагаетъ также, что среди обширныхъ снѣжныхъ равнинъ болѣзненныя разстройства усиливаются подъ вліяніемъ испорченнаго воздуха, который освобождается дѣйствіемъ солнечныхъ лучей изъ поръ снѣга. Онъ основывается при этомъ на изслѣдованіяхъ де-Соссюра, которыя показали, что въ этомъ воздухѣ меньше кислорода, чѣмъ въ окружающей атмосферѣ. Въ нѣкоторыхъ сдавленныхъ между скалами ущельяхъ Монблана испытывается такое тяжелое недомоганіе при восхожденіи, что проводники долгое время думали, что воздухъ здѣсь отравленъ какими-то испареніями.

Нѣкоторыя животныя, какъ бы медленно и постепенно не старались ихъ пріучить, не могутъ жить выше 4.000 метровъ. Такъ, кошки, перенесенныя на такую высоту, погибаютъ послѣ непродолжительной и странной болѣзни, заключающейся въ тетаническихъ, постепенно усиливающихся, судорогахъ. Обыкновенно, сдѣлавъ нѣсколько изумительныхъ прыжковъ, онѣ падаютъ отъ изнеможенія и умираютъ въ конвульсіяхъ.

Но при восхожденіи на горы достигаютъ незначительной высоты сравнительно съ той, до которой поднимались на воздушныхъ шарахъ. Возможно, впрочемъ, что индусскіе пилигриммы восходили на болѣе значительныя высоты, побуждаемые религіознымъ влеченіемъ отыскать свое пресловутое божество Нирваны.

одинъ только видъ разстилающагося подъ ногами зеленаго ковра, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, сообщаетъ болѣе веселый ходъ мыслямъ, не позволяя забыть и на минуту, что стоитъ только спуститься на нѣсколько тысячъ метровъ ниже, чтобы очутиться среди цвѣтущихъ полей. Постепенное пониженіе температуры составляетъ главную причину прекращенія растительной жизни на горныхъ высотахъ; но и разрѣженность воздуха должна также оказывать при этомъ извѣстное вліяніе. Весьма вѣроятно, что температура, понижаясь болѣе или менѣе правильно до высоты, приблизительно, въ 5.000 м., падаетъ затѣмъ уже менѣе быстро, особенно начиная съ 8 или 10 километровъ выше уровня моря.

Сравнительно высокая температура которая была найдена въ высокихъ слояхъ атмосферы, съ помощью особыхъ, приспособленныхъ для научныхъ цѣлей, воздушныхъ шаровъ, позволяетъ сдѣлать это предположеніе. Такъ на высотѣ 11.500 температура равнялась —41°, на 16.000—51°, а на 18.000—67°. Помѣщаемая ниже таблица содержитъ всѣ данныя о температурѣ высшихъ слоевъ атмосферы, полученныя съ помощью такихъ воздушныхъ шаровъ. Изъ нея мы видимъ, что, начиная съ высоты въ 6 или 7 километровъ, температура падаетъ съ меньшею быстротой.

Даты поднятій воздушныхъ шаровъ.	Объемъ шара въ куб. метр.	Часъ подъема.	Максимальная высота въ метр.	Максимальная температура.
11 октября 1892.....	0.371	3,35′ веч.	1.200	—
19 —	15.000	5,50′ веч.	3.350	—
29 —	5.000	3,55′ веч.	2.000	—
2 ноября 1892.....	4.000	3,40′ веч.	8.700	—
14 —	4.000	1,30′ веч.	7.600	—10° Ц.
17 —	4.000	10,45′ утр.	8.200	—18 Ц.
20 —	5.000	8,40′ веч.	6.600	—19 Ц.
27 —	5.000	3,10′ вач.	9.000	—
21 марта 1893.....	113.000	12,25′ веч.	16.000	—51° Ц.
27 сентября 1893.....	113.000	11,00′ утр.	11.500	—41 Ц.
X			16.325	—52 Ц.
сентябрь 1894.....			18.500	—67 Ц.

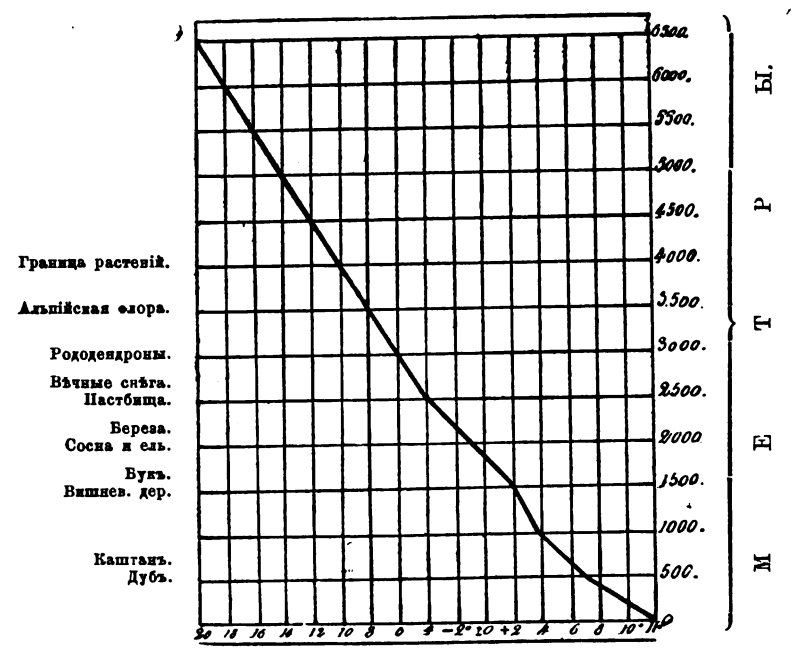
Въ самомъ дѣлѣ, средняя температура въ сентябрѣ мѣсяцѣ равна +15°. Такимъ образомъ разница между средней и самой низкой температурой въ высшихъ слояхъ атмосферы=67°+15=82°, что составитъ 1° паденія температуры на 225м., 60, вмѣсто 1 на 150. Получается разница въ 75м., 60. Взявъ среднія паденія температуры по мѣрѣ поднятія въ атмосферѣ, мы получимъ слѣдующую кривую температуры для Франціи во время ясной погоды и при 11° средней температуры на уровнѣ земной поверхности. Она показываетъ, что паденіе температуры совершается довольно быстро для первыхъ 2.000 метровъ, а затѣмъ болѣе медленно и почти вполнѣ правильно. Очень возможно, что это уменьшеніе температуры становится еще медленнѣе, но мы не имѣемъ достаточнаго числа наблюденій этого рода выше 6.500 метровъ.

Во время бури термометръ падаетъ еще быстрѣе для первыхъ 5.000 метровъ. Разница между крайними точками температуры достигаетъ,

кажется, почти 7°. Много еще остается невыясненнаго въ этомъ отношеніи.

Послѣ того, какъ мы познакомились въ общихъ чертахъ съ распредѣленіемъ теплоты въ низшихъ слояхъ атмосферы, поднимемся въ болѣе высокія, хотя бы при помощи нашего воображенія, единственнаго средства, которое намъ остается. По мѣрѣ, того какъ мы приближаемся къ высотамъ въ 6, 7, 8 тысячъ метровъ, наблюденія становятся рѣдкими, такъ какъ такія воздушныя путешествія чрезвычайно опасны. Гибель Кросе-Спинелли и Сивеля служатъ достаточнымъ тому свидѣтельствомъ. Выше 8.000 метровъ аэронавту грозитъ смерть.

Но особые, употребляющіеся для научныхъ изслѣдованій воздушные шары-зонды поднимались на баснословную высоту въ 18.500 м., гдѣ термометръ, показывалъ холодъ въ —67°, равный самымъ низкимъ температурамъ, какія наблюдались въ Сибири.



Кривая паденія температуры и измѣненія растительности въ зависимости отъ высоты (широта Парижа).

Если холодъ царящій на такой высотѣ, кажется намъ необычайнымъ, то явленія, которыя происходятъ въ атмосферѣ на еще болѣе значительной высотѣ, привели бы, вѣроятно, насъ въ крайнее изумленіе. Воздухъ состоитъ изъ разныхъ элементовъ. Изъ нихъ легче всего сгущается въ жидкость углекислота, которая не можетъ оставаться въ газообразномъ состояніи ниже —78°. Замѣтимъ, что эта температура разнится всего только на 11 градусовъ отъ той, которую показалъ термометръ на высотѣ 18.500 метровъ. Впрочемъ, вполнѣ возможно, что этого газа нѣтъ въ атмосферѣ уже ниже той области, гдѣ царитъ такой холодъ.

Если мы перенесемся сразу въ область атмосферы, гдѣ температура равна —180°, мы замѣтимъ исчезновеніе кислорода. Весьма воз-

можно, что свѣтящіяся облака, которыя наблюдаются приблизительно на высотѣ 80 километровъ, состоятъ изъ сгустившагося кислорода.

Азотъ долженъ исчезнуть изъ атмосферы при температурѣ около —193°.

Возможно допустить, что землю въ ея движеніи чрезъ небесное пространство сопровождаютъ облака, состоящія изъ твердаго азота, а также, конечно, и кислорода, такъ какъ послѣдній долженъ сгуститься при температурѣ болѣе высокой, чѣмъ точка замерзанія азота. Эти тѣла носятся свободно или плаваютъ въ атмосферѣ водорода, который могъ подняться выше атмосферы и наполнить часть междупланетнаго пространства. По крайней мѣрѣ, поры нѣкоторыхъ метеоритовъ, упавшихъ на землю, заключали въ себѣ водородъ.

Все это не болѣе, какъ гипотеза, но ничто не доказываетъ ея невозможности. Не слѣдуетъ забывать, что атмосфера не можетъ простираться выше 43.300 километровъ, гдѣ температура равняется —273°, т. е. абсолютному нулю. Но намъ болѣе или менѣе извѣстна только какая-нибудь сотая доля атмосферы, та часть ея, которая простирается до высоты 10.000 метровъ. Остальная и самая большая часть атмосферы составляетъ для насъ пока непроницаемую тайну.

Но въ этой, болѣе близкой къ намъ, незначительной части происходятъ и развиваются всѣ атмосферныя явленія, начиная съ инея, осаждающагося на почвѣ, до перистыхъ облаковъ, парящихъ въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы.

Грозы, дожди и ливни, снѣжныя бури появляются всегда въ предѣлахъ этой высоты. Одни только циклоны могутъ, правда, привести въ движеніе столбъ воздуха болѣе значительной высоты, но и этотъ послѣдній едва-ли поднимается выше 30 километровъ.

Въ самыхъ же отдаленныхъ предѣлахъ атмосферы, тамъ, гдѣ вспыхиваютъ падающія звѣзды или болиды, въ этой негостепріимной области мертвящаго холода написана, повидимому, будущая судьба міра.

Глава IV.

Измѣненія температуры.—Климаты.

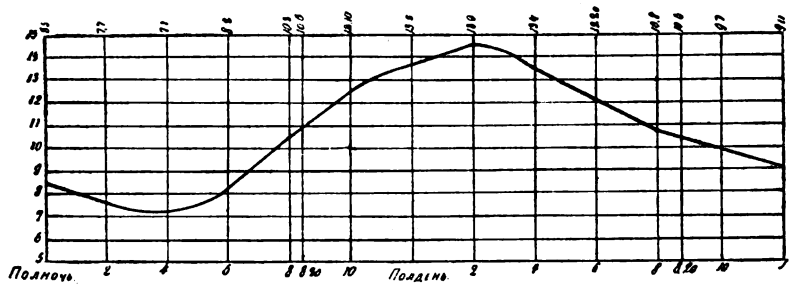
Займемся теперь температурой непосредственно окружающей насъ атмосферы, т. е. той ея части, которая соприкасается съ земной поверхностью.

Нѣкогда, задолго, конечно, до появленія на землѣ человѣка, температура не подвергалась почти никакимъ колебаніямъ. Термометръ, если бы онъ тогда существовалъ, стоялъ бы постоянно на точкѣ, близкой къ +100°, такъ какъ земля, теплая еще въ эту эпоху сама по себѣ, была окружена атмосферой, насыщенной парами кипящей воды. Но мало-по-малу внутреннее тепло земного шара уменьшалось и солнце стало оказывать на земную температуру замѣтное вліяніе. День сдѣлался нѣсколько теплѣе ночи, что положило начало первымъ колебаніямъ температуры. Нѣсколько позднѣе возникло различіе во временахъ года, а затѣмъ установились различные климаты. Въ эту столь отдаленную отъ насъ эпоху полярныя страны имѣли болѣе роскошную растительность, чѣмъ въ настоящее время тропики, и если настанетъ когда-нибудь день, когда мы овладѣемъ полюсами, то вполнѣ вѣроятно, что мы откроемъ тамъ каменноугольныя копи и предъ изумленными взорами рудокопа пред-

станутъ несомнѣнные слѣды прошлаго величія и блеска этой мертвой теперь природы.

Съ величайшимъ любопытствомъ ученый будетъ разсматривать рядъ горныхъ напластованій, по мѣрѣ того, какъ они вскроются предъ нимъ подъ ледянымъ покровомъ полюсовъ, и обнаружитъ въ этихъ безжизненныхъ и холодныхъ пустыняхъ неоспоримые документы, свидѣтельствующіе о нѣкогда царившемъ здѣсь знойномъ климатѣ.

Въ наше время температура испытываетъ значительныя колебанія въ теченіе сутокъ. Въ Парижѣ средняя разница между температурами дня и ночи достигаетъ $+7°,34$, maximum $+14°,47$ и minimum $+7°.13$. Помѣщаемая здѣсь кривая даетъ намъ понятіе объ этихъ колебаніяхъ.



Суточное измѣненіе температуры въ Парижѣ.

Буваръ (Bouvard) въ первый разъ построилъ эту кривую изъ данныхъ болѣе чѣмъ ста тысячъ наблюденій. Изъ нея мы видимъ, что въ 8 ч. 20 м. вечера и въ 8 ч. 20 м. утра температура одинакова и равна $+10°,67$. Эту температуру Буваръ разсматривалъ какъ среднюю годичную, но если взять средніе годичные температуры съ 1735 по 1890 годъ, то получимъ температуру, равную $+10°,8$ и нѣсколько высшую, чѣмъ та, которую допускалъ Бувардъ. Впрочемъ, и средніе температуры въ извѣстные періоды лѣтъ были не совсѣмъ одинаковы, такъ:

Съ 1763	по 1785	г.	средняя	$+11°2$
» 1804	» 1832	»	»	$+10°7$

Разница получается въ $0°,5$, т. е. на полъ-градуса. Люди всегда были склонны думать, что времена года измѣняются, что дожди становятся болѣе частыми, морозы дѣлаются сильнѣе, однимъ словомъ, все идетъ къ худшему, чѣмъ въ доброе старое время. Но цифры самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываютъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ аномалій, средніе за такой сравнительно короткій промежутокъ времени, какъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній, остаются неизмѣнными.

Измѣненія, происходящія въ природѣ, каковы бы они ни были, совершаются слишкомъ медленно и требуютъ слишкомъ много времени, чтобы въ тотъ короткій промежутокъ времени, который продолжается человѣческая жизнь, мы могли уловить хотя бы самую незначительную разницу.

Основываясь на томъ фактѣ, что средняя годичная температура почти равна температурѣ, которая бываетъ въ 8 ч. 20 м. вечеромъ и утромъ, въ началѣ считали нужнымъ дѣлать только по два наблюденія ежедневно. Вскорѣ, однако, убѣдились, что этого недостаточно и увеличили число наблюденій, производя ихъ черезъ каждые два часа. Хотя этимъ

путемъ достигались довольно точные результаты, но не вполнѣ; къ тому же, такія наблюденія стоили слишкомъ дорого. Недавно изобрѣтенные автоматическіе аппараты съ выгодой замѣняютъ прежній способъ такихъ наблюденій и обладаютъ значительными надъ нимъ преимуществами. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы уже дали описаніе устройства и примѣненія этихъ аппаратовъ.

На основаніи такихъ наблюденій мы можемъ составить весьма поучительную и интересную таблицу среднихъ температуръ за каждый день года. Взявши такую таблицу, составленную для Парижа, мы увидѣли бы, что minimum наступаетъ 19 дней спустя послѣ зимняго солнцестоянія, а maximum 20 дней послѣ лѣтняго. Разница между этими двумя крайними средними = 19°,9 — 1°,5 = 18°.4.

Нѣкоторыя колебанія термометра особенно замѣчательны. Такъ, напр., въ концѣ марта температура быстро поднимается, къ серединѣ же октября она, напротивъ, стремительно падаетъ. Періодъ восходящихъ колебаній термометра съ января по іюнь отличается болѣе неправильными уклоненіями, чѣмъ періодъ понижающейся температуры; въ то же время онъ и гораздо холоднѣе; въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ года средняя температура равна + 9°,13, между тѣмъ какъ въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ она составляетъ + 12°,43, т. е. выше на три градуса.

Мы замѣчаемъ также, что холодъ усиливается 11, 12, 13 и 14 февраля, т. е. болѣе, чѣмъ мѣсяцъ спустя послѣ минимума: средняя температура послѣдняго дня = + 3°,4, средняя 7 го февраля = 5°,3, что составитъ почти два градуса разницы. Точно также 1, 2 и 3-го августа температура снова повышается: средняя двухъ послѣднихъ дней = + 19°,4, средняя 31 іюля = + 18°,1. Разница = 1°,3. Это усиленіе тепла или холода происходитъ, приблизительно, 15 дней спустя послѣ maximum'a температуры.

Первою мыслью метеорологовъ послѣ того, какъ ими найдены были среднія температуры каждаго дня, было установить среднія недѣли, потомъ мѣсяца.

Между тѣмъ какъ кривая дневной температуры обнаруживаетъ значительныя неровности, несмотри на большое число наблюденій, кривая недѣльной температуры оказывается уже болѣе правильной. Однако и здѣсь случаются странныя аномаліи: такъ, седьмая и восьмая недѣля бываютъ обыкновенно гораздо холоднѣе, чѣмъ шестая. Среднія дневныя температуры съ января по іюль, когда термометръ въ общемъ повышается, представляютъ болѣе неправильныя уклоненія отъ нормы, чѣмъ среднія съ іюля по январь во время нисходящихъ колебаній термометра.

Наибольшею правильностью отличается пониженіе температуры, начиная съ 33 до 47 недѣли. Minimum наступаетъ въ теченіе двухъ первыхъ недѣль января, достигая + 2°,0, а maximum + 19°,2 во время 32 недѣли, что составляетъ разницу въ 16°8. Кривая мѣсячной температуры совершенно правильна и только по ней можно составить правильное понятіе о ходѣ температуры въ Парижѣ въ теченіе года. Maximum наблюдается въ іюлѣ, minimum, въ январѣ мѣсяцѣ.

Не надо думать, что температурныя среднія, какъ мѣсячныя, такъ и годовыя, остаются всегда одни и тѣ же; въ различные года они колеблются и даже въ довольно широкихъ предѣлахъ. «Такъ, наприм.,— говоритъ проф. А. Клоссовскій *),—въ теченіе послѣднихъ 27 лѣтъ наибольшая *годовая* температура (Одессы) была 11,3° (1872) и наи-

*) «Климатъ Одессы etc». 1893, стр. 5.

меньшая 8,7° (1881 г.); разность составляетъ 2,6°. Колебанія среднихъ *мѣсячныхъ* температуръ совершаются въ болѣе широкихъ предѣлахъ». Дѣйствительно, средняя декабрьская температура Одессы въ 1886 г. была 7,3°, а въ 1890 году — 7,5; разница, слѣдовательно, достигала 14.8°; нѣсколько меньшія, но все же весьма значительныя, колебанія средней мѣсячной температуры Одессы за эти же 27 лѣтъ (1866—1892) имѣли мѣсяцъ ноябрь, январь, февраль и мартъ. Среднія, выведенныя изъ этихъ 27-лѣтнихъ наблюденій, показываютъ, что «самый холодный мѣсяцъ въ Одессѣ—январь (—3.1°), затѣмъ температура постепенно повышается до максимума, который поступаетъ въ іюлѣ (23,0°). Только три мѣсяца (декабрь, январь и февраль) имѣютъ среднія температуры ниже 0°. Средняя *годовая* температура Одессы равна 10,1° Ц., а по приведенію къ уровню моря 10°,4° Ц. Измѣненіе среднихъ мѣсячныхъ температуръ, при переходѣ отъ одного мѣсяца къ другому, идетъ вначалѣ медленно, а затѣмъ быстрѣе. Особенно быстрое наростаніе температуры замѣчается въ весенніе мѣсяцы, при переходѣ отъ марта къ апрѣлю (на 6,8°) и отъ апрѣля къ маю (на 7,1°); далѣе повышеніе замедляется; съ августа начинается паденіе вначалѣ медленное, а потомъ болѣе быстрое, достигающее максимума при переходѣ отъ октября къ ноябрю (на 6°).

Тепло, получаемое непосредственно отъ лучей солнца, составляетъ также еще вопросъ, который остается до сихъ поръ недостаточно изученнымъ.

Такъ, когда говорятъ, что въ ясную или облачную погоду температура равна + 18°, это значитъ, что термометръ, помѣщенный въ тѣни, показываетъ + 18°. Но если его помѣстить на солнцѣ? Онъ поднимется до 30, 40, 50 и даже 60°, т. е. болѣе, чѣмъ въ три раза выше. Почва поглощаетъ это тепло и это нужно принять въ разсчетъ. Даже среди Парижа, около каменной перпендикулярной стѣны, на которую лучи падаютъ косвенно, мы наблюдали во время лѣта, какъ термометръ поднимался выше + 40° Ц.. между тѣмъ какъ въ тѣни онъ колебался между 20° и 25°. Помѣщая термометръ перпендикулярно къ солнечнымъ лучамъ, мы въ Парижѣ наблюдали температуру + 63° Ц. Такая необычайная температура довольно часта на асфальтовыхъ мостовыхъ, на свинцовыхъ баллюстрадахъ балконовъ.

Среди чисто мѣстныхъ причинъ, понижающихъ температуру, обиліе лѣсовъ и зелени играетъ, безъ сомнѣнія, самую главную роль.

Результаты многочисленныхъ наблюденій въ этомъ направленіи, сдѣланныхъ Беккерелемъ и доложенныхъ академіи наукъ, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ:

1) Лѣтомъ средняя температура внѣ лѣса выше, чѣмъ внутри лѣса.

2) Зимой средняя температура выше, наоборотъ, въ лѣсу, чѣмъ подъ открытымъ небомъ въ равнинѣ.

3) Годичная разница между температурами, наблюдаемыми въ этихъ двухъ условіяхъ, достигаетъ $^1/_2$ градуса.

Замѣтимъ, что къ закату солнца и даже нѣсколько раньше, температура очень быстро падаетъ и въ теченіе одного и того же дня между самымъ теплымъ и самымъ холоднымъ моментомъ разница иногда очень значительна.

Въ 1870 году въ Монсурійской обсерваторіи былъ предпринятъ съ этою цѣлью рядъ наблюденій. Термометръ съ зеленымъ резервуаромъ былъ выставленъ на разстояніи 10 сантиметровъ отъ почвы, покрытой травою, на солнце. Полученныя данныя сведены въ слѣдующей таблицѣ.

Даты.	Maximum.	Minimum.	Разница.	Даты.	Maximum.	Minimum.	Разница.
11 мая	30,7	4,1	26,6	30 мая	34,8	10,2	24,6
16 »	30,2	6,1	24,2	8 іюня	30,5	6,0	24,5
17 »	32,7	6,9	25,8	12 »	32,0	8,0	24,0
18 »	39,4	12,1	27,3	13 »	33,6	8,5	25,1
19 »	41,5	12,4	27,1	14 »	41,9	12,0	29,9
20 »	41,9	12,9	29,0	16 »	41,3	16,1	25,2
21 »	44,0	16,0	28,0	23 »	40,8	11,7	29,1
25 »	30,5	5,0	25,5	24 »	35,1	9,0	26,1
27 »	30,8	6,1	24,7	30 »	35,0	7,1	27,9

Разница достигала почти 30° (29°9) градусовъ 14 іюня 1870 г. Вотъ эта-то огромная разница и составляетъ причину тѣхъ опасеній за будущность жатвы, часто вполнѣ основательныхъ, которыя являются у земледѣльцевъ. Нерѣдко запоздалыя заморозки уничтожаютъ въ одинъ день трудъ цѣлаго года.

Въ маѣ наиболѣе низкія температуры бываютъ 10, 11 и 12 числа. Мѣсячный minimum наступаетъ съ 9 на 10 [1]). Земледѣльцы употребляютъ всевозможныя средства, чтобы предохранить растеніе отъ холода. Самое старое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое лучшее средство состоитъ въ томъ, чтобы произвести родъ искусственныхъ облаковъ, которыя задержали бы лучеиспусканіе тепла почвою во время ясныхъ майскихъ ночей. Крестьяне зажигаютъ огромные костры сырой соломы или шерсти, что̀ даетъ огромное количество дыма, который служитъ защитой отъ ночного охлажденія.

Обратимся теперь къ наблюденіямъ температуры самой земной поверхности.

По нѣкоторымъ изъ этихъ наблюденій, произведенныхъ въ Монсурійской обсерваторіи въ маѣ 1875 г. метеорологомъ Маріэ-Дэви (Marié-Dovy), maximum температуры на поверхности земли наступаетъ въ полдень; на глубинѣ 0,02 метра отъ поверхности—въ три часа; на 0,10 метра отъ нея—въ шесть часовъ; на 0,20 метра—въ девять часовъ; на 0,30 м.—въ полночь и на глубинѣ одного метра отъ поверхности земли—на слѣдующій день въ 6 часовъ вечера.

Начиная съ этой глубины дневныя колебанія температуры становятся почти не замѣтными. Колебанія мѣсячной температуры дѣлаются не замѣтными на глубинѣ болѣе 25 метровъ отъ земной поверхности. На 8-ми метрахъ глубины minimum наступаетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Это обстоятельство, плюсъ постоянство господствующей тамъ температуры, и служитъ причиною, что погреба кажутся болѣе теплыми зимою и болѣе холодными во время лѣта.

Въ Парижскомъ ботаническомъ саду есть колодецъ въ 36 метровъ глубиною. На этой глубинѣ различіе въ годичныхъ температурахъ не оказываетъ никакого вліянія на термометръ и онъ постоянно показываетъ $+12°,44$, т. е. температуру, превосходящую на $1°,64$ среднюю годичную на поверхности земли.

Но по мѣрѣ того какъ углубляются дальше въ землю, температура обнаруживаетъ значительныя колебанія. При буреніи почвы въ Сульцъ-

[1]) Числа относятся къ окрестностямъ Парижа.

су-Форэ (Soultz-sous-Forêts) было констатировано, что въ среднемъ температура повышается на каждые 12,7 метра до 178 метр. глубины на одинъ градусъ

Въ Гагенскомъ (Hagueneau) лѣсу на глубинѣ 620 метровъ отъ поверхности температура была равна + 60,°6.

Отсюда мы видимъ, что увеличеніе температуры при углубленіи въ землю не всегда одинаково; по крайней мѣрѣ для данныхъ мѣстностей оно равнялось 1° до глубины 305 м. на каждые 12^m,7 м.; до глубины въ 360 м.—на 12^m.1; до глубины 400 м.; на—11^m,8 до 480 на 10^m,1; до 510—на 9^m и до глубины въ 620 метровъ на 8,2 м.

Но не вездѣ наблюдается то же самое. Такъ, въ тропическихъ странахъ, гдѣ температура почти никогда не бываетъ ниже + 20° Ц., на глубинѣ 300 и 500 метровъ отъ поверхности находятъ температуру только въ + 7° и + 9°.

Изучая колебанія температуры на уровнѣ земной поверхности, мы находимъ, что она достигаетъ на солнцѣ въ Африкѣ, напр., + 70° и —69° въ Сибири, что составляетъ разность 70° + 69° = 139. Отсюда можно видѣть, какой изумительной способностью обладаетъ человѣческій организмъ приспособляться ко всякимъ природнымъ условіямъ. Мы не говоримъ уже о другихъ, сопровождающихъ такія колебанія, перемѣнахъ, напр., атмосферномъ давленіи, которое падаетъ до $^1/_7$ и болѣе, о влажности, электрическомъ напряженіи въ атмосферѣ и всѣхъ другихъ элементовъ атмосферѣ, въ которой нѣтъ ничего постояннаго. Разумѣется, если взять какого-нибудь африканскаго туземца и перенести сразу въ Сибирь или на Шпицбергенъ въ разгаръ зимы, то онъ неминуемо погибнетъ, но сколько путешественниковъ переносились изъ полярныхъ странъ въ тропическія, отнюдь не подвергая свою жизнь опасности.

Земной шаръ раздѣляется на шесть поясовъ, по три съ той и другой стороны экватора.

1) Тропическій или жаркій поясъ, простирающійся отъ экватора до тропиковъ.

2) Умѣренный поясъ—отъ тропиковъ до сѣвернаго или южнаго полярнаго круга.

3) Ледовитый поясъ, отъ полярнаго круга до полюсовъ южнаго или сѣвернаго.

Первый изъ этихъ поясовъ замѣчателенъ своей пышной растительностью, животными, птицами, которые напоминаютъ намъ своимъ развитіемъ, величиной и яркой окраской о той эпохѣ, когда земля только еще вступали въ четвертичный періодъ или даже еще находилась въ концѣ третичнаго.

Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Индіи или Антильскихъ острововъ чувствуешь себя какъ бы перенесеннымъ въ каменноугольный періодъ: такъ мощна здѣсь растительность, такъ величественны деревья и природа.

Но въ жаркихъ странахъ на ряду съ дѣвственными лѣсами встрѣчаются огромныя пустыни съ ихъ вѣчными засухами и недостаткомъ годной для земледѣлія почвы, каковы Сахара и пустыни Аравіи.

Умѣренный поясъ, слѣдующій немедленно послѣ жаркаго, населенъ наиболѣе дѣятельной частью земныхъ обитателей, великими цивилизованными націями міра. Это по преимуществу область кипучей дѣятельности человѣчества, гдѣ все прогрессируетъ, совершенствуется, гдѣ не проходитъ и дня, чтобы какое-нибудь открытіе или изобрѣтеніе не подвигало насъ впередъ по пути прогресса.

Флора и фауна здѣсь отличаются меньшимъ блескомъ, чѣмъ въ тропическихъ странахъ, зато они несомнѣнно превосходятъ послѣднія своей полезностью. Почти всѣ животныя, населяющія этотъ поясъ, сдѣлались домашними, земли воздѣланы для хлѣбныхъ и другихъ растеній, необходимыхъ для поддержанія жизни многолюднаго и скученнаго населенія.

Слѣдующій за умѣреннымъ—полярный поясъ представляетъ собою пустынныя, унылыя и наименѣе населенныя страны свѣта. Здѣсь встрѣчаются только хилыя растенія—лишаи, рододендроны, мхи и т. п.

Согласно большинству теорій, температура, господствующая на полюсахъ, должна быть относительно высока. Многіе допускаютъ, что море у полюсовъ свободно отъ льдовъ. Не разъ пытались достигнуть полюсовъ, но по мѣрѣ приближенія холодъ становился сильнѣе и ни разу не было замѣчено и слѣдовъ пресловутаго моря.

Въ одной и той же странѣ часто бываетъ по нѣскольку климатовъ. Во Франціи совершенно правильно различаютъ средиземный, океаническій, парижскій и др. климаты. Дѣйствительно, мѣстности эти настолько отличаются другъ отъ друга въ климатическомъ отношеніи, что это раздѣленіе находитъ полное оправданіе.

На побережьи Средиземнаго моря мы находимъ ясное небо, очень теплую погоду лѣтомъ, очень мягкія зимы, дождя выпадаетъ мало, растительность почти тропическая. По берегамъ океана разница между зимою и лѣтомъ относительно очень незначительна: погода сырая, дожди выпадаютъ въ изобиліи и небо рѣдко бываютъ чистымъ. Согласно Мори (Maury), каждое мѣстечко на землѣ имѣетъ особый климатъ, который составляетъ, выражаясь математическимъ языкомъ, функцію цѣлаго ряда перемѣнчивыхъ величинъ, нерѣдко находящихся въ особой зависимости другъ отъ друга.

Однако, нѣкоторыя причины носятъ общій, постоянный характеръ и могутъ быть названы основными; другія же играютъ второстепенную роль и чисто случайны. По скольку движенія нашей планеты являются внѣшней основной причиной въ образованіи климатовъ и измѣненій температуры, по стольку преобладаніе суши или водъ составляетъ ихъ внутреннюю главную причину.

Относительно немного требуется, чтобы въ данной мѣстности создался особый, ей свойственный, климатъ. Въ общемъ климаты можно раздѣлить на три пояса:

1) Поясъ тропическаго климата — находится между экваторомъ и тропиками—между 0° и 22°,30′

2) Поясъ умѣреннаго климата простирается отъ 22°30′ до 66°36′—между тропикомъ и полярнымъ кругомъ.

3) Поясъ полярнаго климата—между полярнымъ кругомъ и полюсами, т.-е. отъ 66°31′ до 90.

Всѣ существующія на земномъ шарѣ разновидности климатовъ можно отнести къ одной изъ этихъ главныхъ категорій.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, чтобы описать всѣ разновидности встрѣчающихся на земномъ шарѣ климатовъ, а потому мы выберемъ три главныхъ типа, къ которымъ всѣ онѣ могутъ быть сведены: климатъ самыхъ теплыхъ странъ свѣта, климатъ умѣреннаго пояса и климатъ самыхъ холодныхъ странъ. Самый теплый и сухой климатъ господствуетъ въ центральной Африкѣ, нѣсколько къ югу отъ озера Чадъ (Tchad) близъ 10° сѣверной широты и 5° западной долготы, считая отъ парижскаго меридіана. Впрочемъ, мы не можемъ

утверждать этого положительно, такъ какъ вся необъятная Сахара представляетъ знойную и необитаемую европейцами пустыню.

По наблюденіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей этихъ странъ, средняя температура достигаетъ здѣсь почти +30° (+22°+35°).

За типичный умѣренный климатъ, по моему мнѣнію, можно взять окрестности Парижа. Къ востоку отъ него немножко холоднѣе, къ югу—теплѣе, а къ западу влажнѣе. Столица Франціи получаетъ на свою долю сравнительно мало дождя: менѣе 600 миллим. въ годъ. Средняя ея температура равна +10°8. Предъ нами истинный типъ умѣреннаго климата.

Что касается самаго холоднаго пункта нашей планеты, то онъ, повидимому, не на самомъ полюсѣ. Согласно послѣднимъ наблюденіемъ, онъ находится въ Сибири вблизи Верхоянска, города, расположеннаго около 132° западной долготы и нѣсколько дальше сѣвернаго полярнаго круга. Minimum температуры доходилъ здѣсь до — 69.

Вотъ таблица среднихъ температуры господствующей въ этомъ холодномъ городѣ, составленная Вильдомъ бывшимъ директоромъ С.-Петербургскай физической обсерваторіи.

	Средняя		Средняя
Январь	—53°,1	Іюль	+13°,8
Февраль	—46, 3	Августъ	+ 6 ,4
Мартъ	—44, 7	Сентябрь	— 1 ,6
Апрѣль	—15, 8	Октябрь	—20 ,2
Май	— 9, 1	Ноябрь	—40 ,9
Іюнь	+ 9, 6	Декабрь	—49 ,9

Средняя годовой температуры —19°,3.

Между тѣмъ въ Парижѣ термометръ никогда не падалъ ниже —24°.

Причина такой огромной разницы въ температурахъ заключается въ неодинаковой величинѣ угла паденія солнечныхъ лучей на земную поверхность и въ особенности отъ продолжительности ночей. Такъ, на полюсахъ солнце не восходитъ надъ горизонтомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, т.-е. полугода. Продолжительность дня измѣняется, смотря по мѣстности. Мы понимаемъ подъ словомъ день—время, когда солнце находится надъ горизонтомъ, не включая сюда астрономическихъ сумерекъ; иначе мы должны были бы считать, что въ Парижѣ не бываетъ ночей около трехъ недѣль сряду въ теченіи года.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы ночь наступила вполнѣ и исчезли астрономическіе сумерки, для этого солнце должно находиться на 18° ниже горизонта. Въ Парижѣ можно насчитать въ теченіе года до 30 дней, которые въ астрономическомъ смыслѣ продолжаются цѣлые сутки.

Вопреки общепринятому ошибочному мнѣнію, за предѣлами полярныхъ круговъ существуетъ разница въ продолжительности дня между южнымъ и сѣвернымъ полюсами. На южномъ полюсѣ день продолжается дольше, чѣмъ на сѣверномъ.

Едва ли есть другое зрѣлище, которое выходило бы болѣе изъ ряда обыкновеннаго, какъ полунощное солнце. Это зрѣлище особенно великолѣпно на мысѣ Сѣверномъ, несмотря на обычные туманы, окутывающіе мѣстность. Гранитный силуэтъ сѣверной оконечности Европы рѣзко выдѣляется въ полуночномъ мракѣ подъ облачными сводами неба, освѣщеннаго блѣднымъ дискомъ солнца, которое едва касается горизонта.

Вотъ эта-то различная продолжительность нахожденія солнца надъ

горизонтомъ и является главной причиной какъ климатовъ, такъ и временъ года, которымъ мы займемся въ слѣдующей главѣ.

Крайнія температуры, наблюдавшіяся въ одной и той же мѣстности въ нѣкоторыхъ странахъ, бываютъ часто очень значительны, какъ показываетъ ниже помѣщаемая таблица:

Мѣстность.	Maximum	Minimum	Разница
Якутскъ	+ 30°	— 69°	99,0
О. Мальвилль	+ 15	— 48,3	63,3
Парижъ	+ 40	+ 23,5	63,5
Гаванна	+ 32,3	+ 7,2	25,0

Мы видимъ, что наибольшая разница температуры въ теченіе года наблюдалась въ полярныхъ странахъ. Она по всей вѣроятности еще значительнѣе и достигаетъ или даже превосходитъ 100° Ц., но въ этихъ странахъ было сдѣлано еще мало наблюденій.

Но если за предѣлами полярныхъ круговъ годичныя колебанія температуры весьма значительны, зато разница между температурою дня и ночи очень мала, между тѣмъ какъ въ жаркихъ странахъ и даже въ умѣренныхъ разница достигаетъ 30° и 40° (въ Парижѣ 29°9).

Если взять среднія температуры каждой страны и соединить линіи, равныя степени тепла, то получится изотермическая карта съ линіями одинаковой температуры. На такой картѣ мы увидѣли бы, что на maximum находится въ Африкѣ съ ея средней температурой въ 28° minimum-же не можетъ быть установленъ съ безусловною точностью.

Изотермическая линія +4° Ц., направляется къ 58° южной широты и приблизительно соотвѣтствуетъ 0° сѣверной широты. Что касается изотермическаго экватора, то онъ нѣсколько отклоняется отъ дѣйствительнаго къ югу. Это явленіе слѣдуетъ приписать огромнымъ пространствамъ, покрытымъ водой, въ южномъ полушаріи.

На изотермы, точно также какъ и на климаты, оказываютъ вліяніе различныя причины.

По Гумбольдту, слѣдующія вліянія увеличиваютъ въ странахъ нашего полушарія среднюю температуру:

1) Близость западной береговой линіи въ умѣренномъ поясѣ.

2) Извилистость береговой линіи континентовъ и обиліе внутреннихъ морей и глубоко врѣзывающихся внутрь суши заливовъ.

3) Направленіе господствующихъ южныхъ или западныхъ вѣтровъ вдоль западнаго побережья материка, лежащаго въ умѣренномъ поясѣ.

4) Недостатокъ болотъ, отсутствіе лѣса на сухой и песчаной почвѣ.

5) Постоянная ясность неба въ теченіе лѣта.

6) Близость одного изъ тѣхъ морскихъ теченій, которыя происходятъ отъ экваторіальныхъ.

Главнѣйшія причины, вліяющія на пониженіе изотермическихъ линій—таковы:

1) Высота страны надъ уровнемъ моря.

2) Близость къ западной береговой линіи для дальнихъ и среднихъ широтъ.

3) Недостаточная извилистость береговой линіи, отсутствіе заливовъ и значительное протяженіе страны въ направленіи къ полюсу.

4) Горныя цѣпи, преграждающія доступъ теплымъ вѣтрамъ.

5) Лѣса, препятствующіе лучамъ солнца достигать всецѣло почвы.

6) Небо—облачное во время лѣта, ясное во время зимы.

7) Наконецъ, близость къ холоднымъ теченіямъ, идущимъ отъ полярныхъ странъ.

Всякій, руководясь этимъ перечнемъ, можетъ отыскать причины великолѣпныхъ зимъ Ниццы, Монтэ-Карло, а также довольно значительныхъ холодовъ въ широтахъ Швейцаріи, Сѣверной Австріи и Чернаго моря.

Но все уравновѣшено въ природѣ — и мѣстности надѣленныя весьма невыгодно въ отношеніи климата, нерѣдко представляютъ лучшія условія для здоровья человѣка.

Даже такія явленія, какъ грозы, циклоны, бури, опустошающіе нѣкоторые страны, имѣютъ свою полезную сторону. Сожалѣя о жертвахъ и бѣдствіяхъ, которыя они причиняютъ, мы должны признать за ними ту огромную услугу, которую они оказываютъ намъ съ санитарной точки зрѣнія. Переворачивая вверхъ дномъ низшіе слои атмосферы, они мѣшаютъ развитію міазмовъ, прогоняютъ эпидеміи, однимъ словомъ, совершаютъ работу очищенія атмосферы.

Правда, они иногда также и переносятъ микробы изъ одной мѣстности въ другую, порождая нерѣдко ужасныя болѣзни, но въ общемъ они болѣе разрушаютъ ихъ и оказываютъ неоцѣненныя благодѣянія человѣчеству.

Такъ, было замѣчено, что послѣ тихой осени, во время которой не было ни одной сильной бури, почти всегда разражается какая-нибудь эпидемія.

Инфлуэнца, свирѣпствовавшая въ Парижѣ въ декабрѣ 1889 года должна быть приписана неправильному ходу, рѣзкости и слабости циклоновъ во время осени. Въ продолженіи болѣе мѣсяца ежедневное число смертей повысилось съ 160 на 380 и къ январю число смертей, превышавшихъ норму, достигло 5.000 человѣкъ.

Декруа показалъ намъ, что главную причину этой эпидеміи нужно искать въ разслабляющемъ и продолжительномъ дѣйствіи на организмъ ненормальныхъ климатическихъ явленій. Эпидемія рокового 1889 года охватила такой широкій кругъ дѣйствія, что число рожденій въ октябрѣ 1890 года составило едва три четверти противъ нормы. Сверхъ того, этотъ дефицитъ обнаружился внезапно и числомертворожденныхъ возросло въ то же время на 10° выше средняго.

Глава V.

Времена года.—Восходъ и закатъ солнца.—Роса.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что поверхность земного шара можетъ быть раздѣлена на шесть поясовъ, по три въ каждомъ полушаріи. Въ этихъ поясахъ господствуютъ различные климаты, которые становятся холоднѣе по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ. Климаты эти отличаются измѣнчивостью, отражая различныя вліянія мѣстныхъ причинъ на температуру данной страны. Если бы наша планета состояла не изъ различныхъ элементовъ, а была однородна, если бы тѣла, входящія въ ея составъ, обладали одинаковою способностью поглощать и отражать тепловые лучи и если бы земная ось не была наклонена къ эклиптикѣ, отъ чего, какъ мы сейчасъ увидимъ, зависятъ времена года, то температура правильно уменьшалась бы, начиная отъ экватора. Послѣдній былъ бы въ то же время и термическимъ экваторомъ, равно какъ полюсы были бы полюсами холода. Но въ дѣйствительности это не такъ. Одна уже эллиптическая форма орбиты, по которой земля со-

вершаетъ свой путь вокругъ солнца, составляетъ причину того факта, что и въ настоящее время южное полушаріе получаетъ на одну пятнадцатую больше тепла, чѣмъ сѣверное. Перигелій приходится въ нашихъ странахъ во время зимы и, слѣдовательно, во время лѣта въ южномъ полушаріи. Вслѣдствіе этого термическій экваторъ нѣсколько отодвигается къ сѣверу на нѣсколько градусовъ отъ дѣйствительнаго (географическаго) экватора. Различія временъ года чувствуются менѣе и менѣе, по мѣрѣ приближенія къ экватору. Наоборотъ, на полюсахъ они огромны. Весна и лѣто отличаются необычайною продолжительностью пребыванія солнца надъ горизонтомъ: день длится около 6 мѣсяцевъ сряду. Во время зимы и осени, наоборотъ, ночь не прекращается въ теченіе почти того же періода.

Мы знаемъ изъ космографіи, что воображаемая ось земли наклонена подъ угломъ, приблизительно, въ 67° къ плоскости ея орбиты. Другими словами, уголъ, образуемый экваторомъ съ плоскостью эклиптики, равенъ 90°—67=23°. Вотъ это наклоненіе эклиптики и составляетъ причину разныхъ временъ года. Зимнему солнцестоянію 21-го декабря въ нашемъ полушаріи соотвѣтствуетъ лѣтнее солнцестояніе для другого полушарія нашей планеты. Это самый короткій день въ году; но по мѣрѣ того, какъ земля движется дальше, земная ось медленно поднимается въ теченіе января, февраля и марта. 21-го этого послѣдняго мѣсяца солнце одинаково освѣщаетъ оба полушарія и на сѣверномъ полюсѣ восходитъ надъ горизонтомъ и остается затѣмъ видимымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ на южномъ полюсѣ оно почти такое же время скрыто за горизонтомъ. Проходитъ затѣмъ апрѣль, май, іюнь и наступаетъ лѣтнее солнцестояніе, когда въ нашемъ полушаріи бываетъ самый длинный, а въ южномъ самый короткій день. Обратное только что описаннымъ явленіямъ происходитъ 21 декабря и т. д.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что причина временъ года заключается въ наклоненіи земной оси къ эклиптикѣ, т. е. въ наклоненіи экватора къ плоскости, въ которой земля движется вокругъ солнца.

Разсмотримъ теперь тѣ уклоненія, которыя представляютъ метеорологическія времена года отъ астрономическихъ.

Съ 21 (9) декабря земля, охлаждавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не можетъ, конечно, нагрѣться сразу, хотя солнце и поднимается выше надъ горизонтомъ. Къ тому, же ночи все еще гораздо длиннѣе дня и равновѣсіе возстановляется только двадцать дней спустя послѣ зимняго солнцеворота, именно 9-го января (средняя этого дня +1°5).

То же самое происходитъ лѣтомъ съ 21-го (9) іюня, когда дни длятся дольше, чѣмъ ночи. Равновѣсіе возстановляется только къ (2) 14-му іюля, т. е. 24 дня спустя послѣ солнцеворота (средняя +19°9).

Продолжительность четырехъ временъ года—весны, лѣта, осени и зимы не вполнѣ одинакова для каждаго изъ нихъ.

			Продолжительность.
Весна	отъ 21 марта	по 21 іюня	92 дня.
Лѣто	» 21 іюня	» 20 сентября	91 »
Осень	» 20 сентября	» 21 декабря	92 »
Зима	» 21 декабря	» 21 марта	90 »

Изъ этой таблицы мы видимъ, что короче всѣхъ продолжительность зимы, но она увеличивается чрезъ каждые 4 года на одинъ день, который и прибавляютъ въ високосные годы къ февралю мѣсяцу. Осень и весна имѣютъ равную продолжительность, лѣто—среднюю.

полосу прибрежья. Нельзя не удивляться, на какомъ маленькомъ пространствѣ земли помѣщался этотъ удивительный народъ. Притомъ же это узкое прибрежье было раздѣлено между нѣсколькими городами, составлявшими совершенно самостоятельныя государственныя общины: Тиръ, Сидонъ, Арадъ и т. д. Города эти представляли собой отчасти промышленные центры, но главнымъ образомъ, коммерческіе порты, откуда финикійскіе купцы предпринимали свои отдаленныя плаванія и куда они возвращались съ богатой добычей.

Къ сожалѣнію, устройство финикійскихъ кораблей въ точности неизвѣстно намъ; конечно, они, вѣроятно, сильно измѣнялись съ теченіемъ времени. Первоначально, по сохранившимся неточнымъ рисункамъ древности, они представляли собой простыя барки, даже безъ особыхъ помѣщеній для товаровъ. Позднѣе, они стали дѣлаться съ трюмами, гдѣ помѣщались гребцы, наверху же въ помощь имъ распускались паруса. Рулемъ служили длинныя весла, прикрѣпленныя сзади. Эти барки бывали двухъ типовъ: «круглыя» и «длинныя». «Длинныя» ходили быстрѣе и играли, въ случаѣ надобности, роль военныхъ судовъ; «круглыя», т. е. просто болѣе широкія и менѣе подвижныя, служили исключительно для перевозки товаровъ. И тѣ, и другія не были приспособлены для длинныхъ морскихъ переѣздовъ—это были скорѣе береговыя суда. Да финикійцы и не стремились въ открытое море; они предпочитали держаться береговъ, и почти каждую ночь приставали къ землѣ.

Если въ искусство кораблестроенія финикіяне не внесли ничего существенно новаго, то какъ мореплаватели они не имѣли себѣ равныхъ. Они въ совершенствѣ изучили моря, по которымъ плавали; сохранилось даже преданіе, что Птоломей употреблялъ древнюю финикійскую карту. Промышленность финикійцевъ не вполнѣ соотвѣтствовала такой обширной, почти всемірной торговлѣ. Положимъ, всѣ виды искусствъ и ремеслъ, существовавшихъ въ древности, были извѣстны имъ, но они не внесли въ нихъ ничего новаго, своего. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что торговлю они вели преимущественно съ полудикими народами, населявшими острова и прибрежья Средиземнаго моря. Для этихъ народовъ все, что ни привозили финикіяне, казалось чудомъ искусства, и они охотно отдавали имъ за это произведенія своихъ странъ. Такимъ образомъ у финикіянъ не было стимула совершенствовать свое искусство. Больше всего процвѣтало у нихъ производство всевозможныхъ предметовъ роскоши. Финикійскія работы изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней были извѣстны всѣмъ народамъ древности. Гомеръ не разъ упоминаетъ: «...въ цѣлой вселенной славныя чаши, сидонянъ искусныхъ изящное дѣло». Ихъ пурпуровыя ткани тоже расходились по всему міру, имъ однимъ былъ извѣстенъ секретъ выдѣлки пурпура изъ опредѣленныхъ сортовъ раковинъ, которыхъ они находили и вымѣнивали въ Сициліи и Пело-

понесъ. Стекло, изобрѣтенное, повидимому, въ Египтѣ, стало широко примѣняться только въ Финикіи.

Говоря о финикійскихъ искусствахъ, нельзя не упомянуть объ архитектурѣ, которая, вслѣдствіе условій ихъ страны, должна была развиться у нихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ древности. Стѣсненные мѣстомъ, города финикіянъ поневолѣ должны были расти въ вышину. И вотъ у финикіянъ, первыхъ изъ всѣхъ народовъ древности, стали появляться высокіе дома въ нѣсколько этажей, приводившіе въ изумленіе чужестранныхъ путешественниковъ. Дома эти не отличались особой красотой и стройностью архитектурнаго плана, но практичные и не склонные къ эстетикѣ финикіяне за этимъ и не гнались; они предпочитали прочность. Каменныя глыбы, изъ которыхъ складывались стѣны Рабейля, Арада и Бальбека, даже не стесанныя снаружи, поражаютъ своей массивностью.

Но этотъ мирный, трудолюбивый народъ, избѣгавшій войнъ, преданный исключительно торговлѣ и промышленности, начиналъ свое историческое поприще далеко не мирными занятіями. Финикійскіе купцы-мореплаватели положили основаніе своимъ богатствамъ главнымъ образомъ морскими разбоями. Они захватывали и грабили чужія суда, а, главное, они грабили прибрежныхъ жителей. Они привозили имъ какіе-нибудь товары, заманивали ихъ на свои корабли, а потомъ грабили ихъ или захватывали въ плѣнъ ихъ самихъ и везли продавать въ какія-нибудь другія страны. И Гомеръ, и Геродотъ, и другіе писатели древности, постоянно описываютъ такіе случаи и жалуются на коварство и жадность финикійцевъ. «И что мнѣ вы, Тиръ и Сидонъ и всѣ округи Филистимскіе?—восклицаетъ еврейскій пророкъ Іоиль,—хотите ли воздать мнѣ возмездіе? легко и скоро я обращу возмездіе ваше на головы ваши. Потому что вы взяли серебро мое и золото мое и наилучшія драгоцѣнности мои внесли въ капища ваши. И сыновъ Іуды, и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ эллиновъ, чтобы удалить ихъ отъ предѣловъ ихъ» (Іоиль III, 4—6).

Такіе пріемы возможны были, конечно, только въ самыя первобытныя времена, пока торговать приходилось только съ дикарями. Позднѣе, когда финикійцы завязали торговыя сношенія съ цивилизованными странами: Греціей, Египтомъ, Ассиріей и т. п., имъ уже нельзя было пробавляться грабежомъ. Они заключили торговые договоры съ иноземными государствами, имъ были отведены особые порты, куда они могли привозить свои товары и вести уже вполнѣ правильную торговлю. Финикійскіе купцы, разъѣзжая по чужимъ странамъ, далеко не всегда возвращались охотно на свою родину. Часто они находили выгоднѣе для себя оставаться или временно, или навсегда въ тѣхъ странахъ, гдѣ они находили привлекавшія ихъ естественныя богатства. Такими финикійскими колоніями были усѣяны всѣ побережья и острова Средиземнаго моря. Они селились въ Малой Азіи, въ Греціи, на Кипрѣ

и Критѣ, въ Италіи, въ Корсикѣ и Сардиніи, на Балеарскихъ островахъ, въ Испаніи и на всемъ сѣверномъ берегу Африки; въ Африкѣ они основали Карѳагенъ, самую знаменитую изъ ихъ колоній.

Во всѣхъ этихъ колоніяхъ царилъ тотъ же духъ наживы и торговой предпріимчивости, какъ и въ метрополіи. Изъ этихъ маленькихъ центровъ, въ свою очередь, отправлялись корабли и караваны во всѣ стороны,—до границъ и даже за границы извѣстнаго тогда міра. Не ограничиваясь Средиземнымъ моремъ, они выплывали за Геркулесовы столбы, пробирались на сѣверъ до Нѣмецкаго и Балтійскаго моря и на югъ, огибая материкъ Африки; они заплывали въ Черное море, проникали даже въ Каспійское и оттуда по Днѣпру и Волгѣ забирались въ глубину Россіи. Но больше всего ихъ привлекали тѣ страны, гдѣ они могли добывать благородные металлы. Поэтому Испанія была едва ли не главнымъ ихъ центромъ. Въ Испаніи они нашли богатѣйшую серебряную руду, лежавшую такъ близко отъ поверхности земли, что добывать ее не представляло почти никакого труда. Но, конечно, поверхностныя жилы серебра были очень скоро истощены ими и тогда пришлось предпринять болѣе сложныя горныя работы. Обыкновенно они рыли колодцы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось серебро и, когда натыкались на жилу, прокладывали по направленію ея горизонтальныя галлереи. Мѣстами они прорывали новые колодцы, чтобы пропускать воздухъ въ галлереи, а подпочвенную воду отводили куда-нибудь съ помощью тунелей. Всѣ эти сложныя и тяжелыя работы выполнялись, конечно, рабами. Финикійскіе промышленники пригоняли на мѣсто горныхъ работъ цѣлыя стада рабовъ, и Діодоръ мрачными красками рисуетъ намъ положеніе этихъ несчастныхъ: «Рабочіе, работающіе въ рудникахъ, приносятъ громадные доходы своимъ хозяевамъ. Эти несчастные, трудящіеся день и ночь въ подземныхъ галлереяхъ истощаютъ всѣ силы свои и массами умираютъ отъ непереносимыхъ страданій. Имъ не даютъ ни минуты покоя; надсмотрщики палочными ударами заставляютъ ихъ подчиняться своей участи до послѣдней минуты ихъ горькой жизни. Нѣкоторые изъ нихъ, у кого тѣло крѣпче и духъ сильнѣе, долго влачатъ свое жалкое существованіе. Но жизнь ихъ такъ переполнена страданіями, что они должны предпочитать ей смерть».

Съ помощью этихъ людей, превращенныхъ въ двуногихъ животныхъ, финикійцы добывали громадныя массы благородныхъ металловъ, особенно серебра. Преданіе разсказываетъ, что когда они первый разъ пристали къ Испаніи, они нашли тамъ такія богатыя мѣсторожденія серебра, что не могли увезти всего на своихъ корабляхъ. Тогда они побросали всѣ, какіе у нихъ были инструменты, оружіе и посуду и сдѣлали все изъ серебра, чтобы увезти его возможно больше.

Странно, что, при такомъ обиліи благородныхъ металловъ и при такомъ сильномъ развитіи торговли, финикіяне такъ поздно начали че-

канить монету. Металлическія деньги появились у нихъ только въ эпоху мидійскихъ войнъ (412—449) подъ вліяніемъ Греціи. При всѣхъ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ они прекрасно обходились съ помощью слитковъ серебра и золота. Впрочемъ, на ряду со слитками, для облегченія торговыхъ оборотовъ, финикіяне съ очень давнихъ поръ стали прибѣгать къ фиктивнымъ денежнымъ знакамъ. Роль такихъ бумажныхъ денегъ играли въ Финикіи круглыя монеты, сдѣланныя изъ неизвѣстнаго состава и заключенныя въ кожаный футляръ. На нихъ ставилась печать и писалась ихъ стоимость; онѣ обращались наравнѣ съ золотомъ и серебромъ, такъ какъ въ каждый данный моментъ за нихъ можно было получить такое количество благороднаго металла, какое было обозначено на нихъ.

III. Развитіе торговли у семитовъ.

Всѣ семитическіе народы, какъ мы видѣли, съ особенной страстью занимаются торговлей. Такое явленіе представляется съ перваго взгляда необъяснимымъ. Трудно предположить, чтобы цѣлая раса произошла на свѣтъ, одаренная спеціальной способностью и страстью къ торговлѣ. Гораздо болѣе вѣроятно, что эта способность возникла и развилась въ ней подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Среди этихъ обстоятельствъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить тѣ области, въ которыхъ приходилось жить всѣмъ семитическимъ народамъ. Они занимали центральную мѣстность между Европой, Азіей и Африкой. Всѣ торговыя сношенія, происходившія между Индіей и Персіей съ одной стороны, Египтомъ и Греціей—съ другой, не могли ни въ какомъ случаѣ миновать юго-западной части азіатскаго материка. А между тѣмъ, область эта пустынна и трудно проходима, и двигавшіеся по ней въ ту и другую сторону караваны не могли обойтись безъ помощи туземцевъ. Такимъ образомъ, туземцы—кочующія племена семитической расы невольно знакомились съ торговлей и научались извлекать изъ нея выгоду еще раньше, чѣмъ они стали сами производить что-нибудь годное для обмѣна. Страна, по которой кочевали арабы, не отличалась плодородіемъ и не облегчала переходъ къ осѣдлой земледѣльческой жизни, и поэтому они до нашихъ дней остались полуварварскимъ, кочевымъ народомъ.

Другое семитическое племя—евреи, вело совершенно такой же образъ жизни, пока случай не сдѣлалъ его обладателемъ уже готовой цивилизаціи. Благодаря этому, они прямо перешли къ осѣдлой, земледѣльческой и государственной жизни. Склонность къ торговлѣ, зародившаяся у нихъ еще въ кочевой періодъ, благодаря этому, конечно, развилась еще сильнѣе.

Ассиро-халдейцы съ самаго начала были поставлены въ нѣсколько иныя условія быта; страна, въ которой имъ пришлось жить, давала

возможность развиться и земледѣлію, и другимъ осѣдлымъ занятіямъ и поэтому они не такъ исключительно, какъ родственные имъ народы, предались торговлѣ.

Совершенно обратное надо сказать относительно той области, гдѣ жили финикійцы. Съ одной стороны она соединяла въ себѣ всѣ условія для развитія широкой внѣшней торговли; съ другой стороны—ничто не благопріятствовало развитію въ ней остальныхъ мирныхъ занятій—земледѣлія, скотоводства и т. п. Въ виду всего этого, финикіяне представили собой единственный въ исторіи примѣръ народа, отдавшагося всецѣло и исключительно торговлѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ финикійскіе купцы странствовали по всѣмъ извѣстнымъ древнимъ морямъ, собирая огромныя богатства. Тиръ, Сидонъ, Карѳагенъ считались самыми богатыми городами древности. Но не смотря на все свое богатство, эта нація не завѣщала міру ни одной самостоятельной философской идеи, ни одного великаго произведенія искусства. Нельзя сказать, чтобы она не оказала человѣчеству никакихъ услугъ; въ сферѣ практической она сдѣлала нѣсколько цѣнныхъ пріобрѣтеній, сослужившихъ большую службу человѣчеству; но всѣ они были заимствованы ею у другихъ народовъ и только развиты, упрощены, примѣнены къ практическимъ цѣлямъ, вообще пущены въ обиходъ.

Когда были затронуты ихъ торговые интересы, финикіяне забывали и гордость, и достоинство, и совѣсть. Почти безъ сопротивленія могущественные финикійскіе города покорились персамъ. И это не потому, чтобы у нихъ не хватало храбрости. Ихъ отважныя путешествія, мужественное сопротивленіе Тира Александру и Карѳагена — Риму достаточно ясно доказываютъ это; но они предпочитали воевать съ помощью торговыхъ флотовъ, чѣмъ подвергать риску свою жизнь. Въ итогѣ можно сказать, что финикіяне были народомъ богато-одареннымъ, но лишеннымъ благороднѣйшихъ чертъ человѣческой природы.

Глава XV.

Торговля въ арійской Азіи.

I. Ведійскіе арійцы и сходные съ ними народы. — Мѣсто арійцевъ въ ряду другихъ расъ.—Земледѣліе у кафировъ.—Ихъ мастера.—Первобытная торговля путемъ обмѣна.—Общественное устройство ведійскихъ арійцевъ.—Работа женщинъ.—Страсть къ богатству.—Грабежи и обмѣнъ. — Ссуды подъ проценты. — Завоеванія и торговля.—Торговля у арійцевъ и у туземцевъ Индіи.—II. Браминская Индія.—Централизація и управленіе въ древней Индіи.—Государственная казна.—Податныя сословія.—Протекціонизмъ и страхъ передъ иностранцами. — Развитіе промышленности.—Рѣчная и караванная торговля.—Вывозъ и ввозъ.—Стѣсненіе торговли.—Торговыя таксы.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Что брамины не имѣютъ права продавать.—Спеціальныя наказанія для ювелировъ.—Отсутствіе монетъ.—Денежные слитки.—Высокій уровень процентовъ.—Колебанія ихъ въ зависимости отъ касты.—Дхарна.—Ограниченіе процентовъ.—Гарантированные займы. — Торговыя наказанія.—Земля не можетъ быть предметомъ торговли.—Преступная торговля.—Наслѣдственность ремеслъ.—Нечистыя ремесла.—Внѣшняя торговля.—III. Персія.—Первобытная Персія.—Торговля и промышленность у армянъ и черкесовъ. — Древняя купеческая каста.—Подати натурою.—Деньги.—Принудительное отношеніе между цѣною золота и серебра.—Ремесленники.—Произведенія промышленности.—Уваженіе къ торговлѣ въ современной Персіи.—Мимическій языкъ купцовъ.—Громадные проценты.—Общая деморализація.—IV. Развитіе торговли въ арійской Азіи.

I. Ведійскіе арійцы и сходные съ ними народы.

Арійскую расу принято считать вообще стоящею выше всѣхъ остальныхъ человѣческихъ расъ. И дѣйствительно, въ настоящее время она оставила далеко за собой остальные народы, особенно въ области промышленности и науки. Но такое превосходство арійцевъ началось относительно не такъ давно. Въ глубокой древности первенствующее мѣсто занимали несомнѣнно другіе народы—сначала египтяне, потомъ семиты и только послѣ нихъ индійцы и персы.

Въ отношеніи торговли и всего соприкасающагося съ ней древнія арійскія государства—Индія и Персія—очень напоминаютъ семитическую Ассиро-Халдею.

Чтобы судить о самыхъ первыхъ ступеняхъ въ развитіи торговли у арійцевъ, мы должны пользоваться, съ одной стороны, данными, какія можно извлечь изъ поэмы Ригъ Веды, а съ другой—аналогіей съ современными племенами, сходными съ древне-арійцами. Въ этомъ отношеніи больше всего данныхъ для сравненія представляютъ живущіе въ Афганистанѣ кафиры.

Главное занятіе кафировъ земледѣліе; при обработкѣ земли они примѣняютъ и удобреніе, и искусственное орошеніе, и вообще у нихъ господствуетъ интенсивная форма культуры. Воздѣлываютъ они преимущественно—рожь, ячмень и просо, и кромѣ того виноградъ. Всѣ земледѣльческія работы лежатъ главнымъ образомъ на рабахъ и от-

части на женщинахъ, которыхъ не рѣдко впрягаютъ въ плугъ рядомъ съ рабами. Изъ ремеслъ они знаютъ кузнечное, ткацкое, сапожное и др. Торговля кафировъ очень ограничена; главнымъ препятствіемъ для ея развитія служитъ полное отсутствіе дорогъ, заслуживающихъ этого имени, и неумѣнье строитъ какія бы то ни было суда, кромѣ самыхъ первобытныхъ лодокъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева.

Денегъ у кафировъ, конечно, не имѣется, хотя для торговли съ иностранцами они пользуются попадающими къ нимъ иностранными монетами.

Судя по гимнамъ Ригъ-Веды, состояніе торговли и промышленности у древне-арійцевъ должно было находиться, приблизительно, на томъ же уровнѣ. Промышленность была исключительно семейной. «Я рабочій,—читаемъ мы въ одномъ гимнѣ,—мой отецъ—лѣкарь, моя мать мельничиха. Наши занятія различны; но мы всѣ хотимъ наживы, какъ корова—ячменя». Страсть къ наживѣ, къ богатству, подъ которымъ подразумѣвалось главнымъ образомъ золото и коровы, было преобладающей чертой арійцевъ въ эпоху Ригъ-Веды. Торговля, очевидно, уже была имъ извѣстна, но относились къ ней, повидимому, безъ особаго уваженія. Когда какой-нибудь богъ не исполнялъ просьбы молящагося, тотъ обвинялъ его, что онъ «поступаетъ, какъ купецъ», т. е. даетъ меньше, чѣмъ получилъ, или пытается совсѣмъ не дать. Но въ общемъ грабежи составляли тамъ болѣе обычное явленіе, чѣмъ мирный обмѣнъ. Князья маленькихъ арійскихъ государствъ предпочитали вооруженной рукой захватывать у своихъ сосѣдей стада и золото, чѣмъ заводить съ ними торговыя сношенія.

Ссуды подъ проценты были тоже извѣстны древнимъ обитателямъ Индіи, въ гимнахъ Ригъ-Веды встрѣчается мимоходомъ нѣсколько указаній на нихъ. Но вообще надо сказать, что составить себѣ полную картину состоянія торговли и промышленности у древне-арійцевъ по гимнамъ Ригъ-Веды совершенно невозможно, тамъ слишкомъ мало упоминаній объ этой сторонѣ быта народа. Во всякомъ случаѣ, нельзя предполагать, чтобы въ древней Индіи торговля была особенно широко развита. Какъ и въ современномъ Афганистанѣ, главнымъ препятствіемъ служило отсутствіе сухопутныхъ дорогъ и незнакомство съ кораблестроеніемъ.

II. Браминская Индія.

Относительно браминской Индіи мы имѣемъ уже значительно больше источниковъ: греческіе и римскіе писатели, законы Ману, индійскія поэмы, сочиненія индусскихъ юрисконсультовъ и т. д.

Страбонъ очень подробно говоритъ объ Индіи. По его словамъ древняя Индія представляла собой монархическое государство, въ которомъ централизація доведена была до высочайшей степени. Прави-

тельственные чиновники наблюдали за всѣми сторонами жизни частныхъ людей. Одни изъ нихъ слѣдили за земледѣльческими работами, другіе за искусствами, ремеслами, торговлей и т. д. Ихъ функціи распредѣлены были очень строго. Спеціальные чиновники вели статистику рожденій и смертей, другимъ былъ порученъ надзоръ за взиманіемъ податей, третьи наблюдали за внѣшнимъ порядкомъ въ городахъ и селеніяхъ. По отношенію къ торговлѣ въ Индіи господствовала покровительственная система. Къ иностранцамъ индійскіе монархи относились крайне подозрительно и внѣшняя торговля была обставлена разнаго рода стѣснительными условіями. Но несмотря на эти стѣсненія Индія, съ глубокой древности, имѣла оживленныя торговыя сношенія съ иноземными государствами. Всѣ писатели древности единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Большой торговый путь, пересѣкавшій Тибетскія горы, соединялъ Индію съ Китаемъ. Въ то же время арабскіе, а позднѣе финикійскіе купцы служили посредниками между Индіей и Египтомъ. Изъ Индіи они вывозили шелкъ, зашитыя золотомъ ткани, издѣлія изъ слоновой кости и золота, драгоцѣнные камни и благовонія.

Производство всѣхъ этихъ предметовъ и торговля ими были обставлены въ Индіи самыми строгими правилами, подчиняться которымъ обязаны были всѣ купцы и ремесленники. Государь устанавливаетъ цѣны на всѣ предметы ввоза и вывоза и объявляетъ ихъ при посредствѣ своихъ чиновниковъ каждые пять дней. Кромѣ того, нѣкоторые товары составляютъ правительственную монополію и торговать ими съ иностранными купцами имѣетъ право только государь. Плата за провозъ товаровъ тоже устанавливается верховной властью. Каждые шесть мѣсяцевъ правительственнымъ приказомъ устанавливается цѣна благородныхъ металловъ.

Работа ремесленниковъ тоже подлежитъ строжайшему контролю. Мастеръ, не исполнившій взятый на себя заказъ, подвергается наказанію, если онъ не можетъ доказать, что ему помѣшали серьезныя причины. Ткачъ, получившій извѣстное количество пряжи по вѣсу, долженъ продставить въ назначенный срокъ опредѣленное количество ткани; по вѣсу матеріи должно быть ровно на $^1/_{10}$ больше, чѣмъ пряжи, такъ какъ во время работы онъ смачиваетъ нитку рисовой водой. Если вѣсъ не выходитъ, рабочій подвергается тяжелому наказанію.

Купцы составляли въ Индіи одну изъ пяти кастъ, на которыя дѣлилось все населеніе. Брама сотворилъ купцовъ изъ своего бедра, между тѣмъ какъ брамины вышли изъ его рта, а кшатріи, т. е. воины, изъ рукъ. Такимъ образомъ члены высшихъ кастъ унижали себя, занимаясь торговлей. Впрочемъ, нѣкоторымъ очень ограниченнымъ числомъ товаровъ имѣли право торговать даже брамины; но зато, если они злоупотребляли своимъ правомъ и продавали какіе-нибудь недозволенные предметы, они подвергались строгимъ взысканіямъ.

Перечень предметовъ, которыми не могли торговать брамины, очень

длиненъ; они не могутъ, даже въ случаѣ крайней необходимости, продавать рисъ, соль, скотъ, людей, матеріи краснаго цвѣта, ленъ, шерсть, воду, оружіе, яды, мясо, благовонія, молоко, масло медъ, воскъ, сахаръ, животныхъ, птицъ, хмѣльные напитки, индиго, лакъ и многое другое. «Браминъ лишается своего званія, если онъ продастъ мясо, лакъ или соль; онъ въ трехдневный срокъ превращается въ *судру* (земледѣльческая каста), если онъ торгуетъ молокомъ». «Если браминъ по доброй волѣ продаетъ другіе запрещенные предметы, онъ по истеченіи семи ночей спускается до положенія *васіи* (ремесленника)».

Купцы имѣютъ право торговать всѣми товарами безъ ограниченій, но торговля ими находится подъ строгимъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ, и за всякое нарушеніе закона купецъ подвергается наказанію. Такъ, напримѣръ, онъ подлежитъ строгому наказанію, если подмѣшаетъ плохой товаръ къ хорошему, если покроетъ дурное зерно слоемъ хорошихъ зеренъ, если продастъ одинъ и тотъ же товаръ двумъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и т. п.

Особенно строго относится законодательство къ ювелирамъ. Не только мошенничество, но даже простая ошибка или оплошность мастера или купца, имѣющаго дѣло съ драгоцѣнными камнями и золотомъ, подлежитъ наказанію. Если мастеръ случайно испортитъ жемчужину, онъ считается преступникомъ. «Но самый послѣдній изъ негодяевъ—ювелиръ, совершающій мошенничество; пусть повелятъ изрѣзать его въ куски бритвами». Вѣроятно, такое строгое отношеніе законодателя спеціально къ ювелирамъ объясняется тѣмъ, что ихъ товары употреблялись исключительно членами высшихъ кастъ. Роль денежныхъ знаковъ въ Индіи, какъ и на всемъ почти Востокѣ, играли слитки золота, серебра и мѣди. Звонкая монета, даже послѣ знакомства съ европейскими государствами, очень туго прививалась въ Индіи.

Размѣръ процентовъ на ссуду въ Индіи былъ всегда очень высокъ. При ссудахъ подъ залогъ, т. е. безъ всякаго риска, минимальный процентъ былъ $1^1/_4$ мѣсячныхъ, или 15 годовыхъ. При отсутствіи залога процентъ не спускался ниже двухъ въ мѣсяцъ. При этомъ высота процента колебалась въ зависимости отъ общественнаго положенія должника. Браминъ платилъ—2% въ мѣсяцъ, кшатрія—3, ваисія—4, судра—5, т. е. максимумъ дозволенныхъ закономъ процентовъ.

Права кредитора были тамъ очень значительны. Кредиторъ могъ въ случаѣ неисправности должника захватить его скотъ, его жену или его сына, и держать до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ уплаченъ полностью. Кромѣ того, когда кредиторомъ являлся браминъ, онъ могъ пользоваться для возстановленія своихъ правъ еще однимъ совершенно особымъ средствомъ, носившимъ названіе *дхарна*. Какъ извѣстно, лишеніе жизни брамина составляло въ Индіи самое ужасное преступленіе, искупить которое не было никакой возможности. Пользуясь этимъ, браминъ являлся къ дому неисправнаго должника съ

какимъ-нибудь ядомъ или смертоноснымъ орудіемъ и объявлялъ, что останется на порогѣ его жилища, пока тотъ не уплатитъ полностью своего долга. Въ случаѣ же, если тотъ попробуетъ прогнать его или уйти другимъ ходомъ, или вообще нанесетъ ему какую-нибудь непріятность, онъ лишитъ себя жизни и кровь его падетъ на должника. Все время, пока продолжалась *дхарна*, и браминъ и его должникъ обязаны были соблюдать строжайшій постъ, и только это обстоятельство ставило извѣстный предѣлъ продолжительности *дхарны*.

Но если браминъ являлся самъ должникомъ, то по отношенію къ нему нельзя было принять никакихъ мѣръ строгости; рекомендовалось, напротивъ, дѣйствовать исключительно просьбами и убѣжденіями.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проценты на ссуду могли даже превышать законный уровень 5% мѣсячныхъ. Если ссуда давалась купцу, отправлявшемуся съ караваномъ въ далекія страны—съ него можно было брать до 10% въ мѣсяцъ; если же купецъ отправлялся съ товарами по морю, то процентъ возрасталъ даже до 15 въ мѣсяцъ.

Послѣ смерти отца сыновья отвѣчаютъ за его долгъ, если они при его жизни жили вмѣстѣ съ нимъ и имущество ихъ не было раздѣлено. Въ свою очередь, и должникъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ защитѣ закона. Такъ, если кредиторъ причинитъ какой-нибудь вредъ предмету, данному ему въ видѣ залога, онъ подлежитъ наказанію. Если же онъ удержитъ у себя залогъ послѣ уплаты долга, онъ считается воромъ и подвергается соотвѣтствующему наказанію.

Залогомъ въ Индіи могло служить все, что составляло собственность частнаго человѣка, не исключая и его рабовъ. Единственный предметъ, который, ни въ какомъ случаѣ, не могъ фигурировать въ качествѣ залога—была земля. Вообще земля въ браминской Индіи считалась неотчуждаемой; возможность захватить чью-нибудь землю и продать ее для возмѣщенія долга, никогда не приходила въ голову ни одному индусу.

Въ послѣднее время передъ паденіемъ независимости Индіи, государи считали себя собственниками всей вообще земли. Подданные обязаны были обрабатывать опредѣленные участки, уборка производилась подъ наблюденіемъ правительственныхъ чиновниковъ и только четвертъ сбора оставлялась земледѣльцу; остальныя $^3/_4$ продавались тому же населенію по установленной правительствомъ цѣнѣ.

Вообще всѣ цѣны на товары въ Индіи утверждались правительствомъ. Ремесленникъ не имѣлъ права продать свой товаръ дороже опредѣленной цѣны, даже если ему самому онъ обходился выше. Въ такомъ случаѣ ему приходилось выгадывать на качествѣ товара.

Каста ремесленниковъ въ Индіи раздѣлялась на рядъ гильдій по числу извѣстныхъ тамъ ремеслъ; гильдіи эти были такъ же замкнуты, какъ и сама каста. Не только сынъ не имѣлъ права выбрать себѣ

другое ремесло, чѣмъ отецъ, но онъ не могъ даже взять себѣ жену изъ другой гильдіи. При этомъ нѣкоторыя гильдіи считались чистыми и члены ихъ стояли на одномъ уровнѣ съ судрами; другія же ремесла, какъ, напримѣръ, рыбацкое, ткацкое, мѣстами кузнечное считались нечистыми и ставили человѣка, занимавшагося ими внѣ общенія съ остальными людьми. Напиться воды изъ рукъ такого паріи считалось уже оскверненіемъ. Естественно, что торговыя сношенія съ членами этихъ нечистыхъ гильдій были очень затруднены и обставлены рядомъ формальностей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вся промышленная и торговая жизнь Индіи была заключена въ очень тѣсныя рамки законодательствомъ и не могла развиваться свободно и самостоятельно.

III. Персія.

До насъ не дошло никакихъ документовъ, рисующихъ положеніе до-исторической Персіи; мы знакомимся съ ней въ тотъ періодъ, когда она представляла собой уже вполнѣ сложившееся государство. Поэтому мы можемъ судить о первобытномъ состояніи промышленности и торговли въ ней только путемъ аналогіи съ другими родственными ей народами. Такъ, Арменія, напримѣръ, даже въ то время, когда она составляла персидскую сатрапію, т. е. въ эпоху вполнѣ историческую, не вышла еще изъ пастушескаго быта. Ея жители, занимавшіеся почти исключительно скотоводствомъ, жили въ землянкахъ, такъ какъ они еще не умѣли строить домовъ. И не смотря на это, армяне въ то время уже довольно дѣятельно занимались торговлей, преимущественно внѣшней. Они доставляли въ Вавилонъ особый опьяняющій напитокъ, который они умѣли изготовлять. Они торговали скотомъ, главнымъ образомъ волами, и лошадьми съ финикіянами.

О состояніи промышленности въ древней Арменіи мы ничего не знаемъ, но мы можемъ составить себѣ представленіе о ней по сравненію съ промышленностью современныхъ черкесовъ. И въ отношеніи торговли и въ отношеніи промышленности черкесы стоятъ еще на самой первобытной ступени. Очень немногія ремесла у нихъ спеціализировались, и очень немногіе мастера работаютъ на продажу такіе предметы, какъ оружіе украшенія и т. п. Все остальное—дома, одежду, утварь и т. п. каждый черкесъ или, лучше сказать, каждая черкешенка дѣлаетъ для себя; почти вся тяжелая работа у нихъ возложена на женщинъ. Торговля у нихъ происходитъ путемъ непосредственнаго обмѣна. До послѣдняго времени черкесы вели торговлю исключительно съ турками, и притомъ производилась она слѣдующимъ довольно своеобразнымъ способомъ. Турецкіе купцы привозили на своихъ корабляхъ товары, нужные для черкесовъ, и останавливались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, на которомъ жили Черкесы. Черкесы выходили на берегъ, но на свои корабли турки ихъ

не пускали и сами не выгружали товары на землю. Они клали небольшое количество товара въ лодки, сажали туда нѣсколькихъ вооруженныхъ людей и подъѣзжали ближе къ берегу, внимательно слѣдя за тѣмъ, чтобы къ лодкѣ подошло не больше черкесовъ, чѣмъ въ ней сидѣло турокъ. Въ лодкѣ купцы раскладывали привезенные товары, а черкесы, въ свою очередь, показывали, что они предлагали въ обмѣнъ. Черкесы могли, конечно продавать туркамъ только сырые продукты, какъ медъ, воскъ, ленъ, мѣха и т. п., но главнымъ предметомъ обмѣна съ ихъ стороны были рабы; рабовъ они имѣли сколько угодно, такъ какъ между отдѣльными племенами происходили постоянныя стычки, оканчивавшіяся захватомъ плѣнныхъ.

Такіе же, приблизительно, пріемы торговли должны были существовать и въ до-исторической Персіи. Впрочемъ, надо сказать, что и относительно исторической Персіи мы имѣемъ очень мало данныхъ. *Зендъ Авеста* содержитъ въ себѣ значительно меньше указаній на общественный строй Персіи, чѣмъ хотя бы Законы Ману. Мы знаемъ только, что населеніе Персіи дѣлилось, какъ и въ Индіи, на касты, но только касты эти не были такъ замкнуты, какъ тамъ. Причиной этому служила абсолютная, власть персидскаго монарха, который могъ по своему произволу переводить подданныхъ изъ одной касты въ другую. Вообще власть персидскаго монарха не знала никакихъ границъ, и онъ пользовался ею дѣйствительно безгранично, хотя и не всегда одинаково удачно. Такъ, въ Персіи право чеканить монету и устанавливать курсъ на нее принадлежало исключительно государю. Мы видѣли, что и китайскіе императоры владѣли этимъ правомъ, но они старались установить постоянство курса мѣрами экономическими и достигали такимъ путемъ хорошихъ результатовъ. Персидскіе же монархи изъ династіи Ахеменидовъ думали достичь того же силою однихъ только своихъ указовъ. Они постановили разъ навсегда, что цѣна золота должна въ $13^1/_2$ разъ превышать цѣну серебра, отношеніе это должно было навѣки оставаться неизмѣннымъ. Несмотря на это распоряженіе, дѣйствительный курсъ упалъ. Серебро стало стоить только въ одиннадцать разъ дешевле золота, и вся серебряная монета хлынула изъ страны. Во внутреннихъ провинціяхъ она почти совершенно исчезла изъ обращенія.

Современная Персія во многихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ древней. Не говоря уже о формахъ быта, даже самая промышленность и ея организація претерпѣли сравнительно очень мало измѣненій. Ремесленники раздѣлены на гильдіи или цехи и въ каждомъ цехѣ есть начальникъ, назначаемый правительствомъ.

Изъ разныхъ производствъ, извѣстныхъ въ Персіи, наибольшимъ распространеніемъ пользуется тканье шелковыхъ матерій. Разведеніе шелковичныхъ червей было знакомо персамъ еще со временъ глубокой древности. Геродотъ пишетъ: «Дикія деревья приносятъ имъ шерсть,

превосходящую по красотѣ овечью шерсть. Индусы употребляютъ ее для своихъ одеждъ». Великолѣпныя шелковыя ткани персовъ и мидянъ славились по всему древнему міру. Ихъ цѣнили главнымъ образомъ за богатство и прочность красокъ.

Въ противоположность остальнымъ государствамъ древняго Востока, торговля въ Персіи всегда пользовалась уваженіемъ и пользуется имъ до сихъ поръ. Путешественникъ XVII вѣка Шарденъ отмѣчаетъ этотъ фактъ и объясняетъ его могуществомъ абсолютной власти въ Персіи. Дѣйствительно, какъ мы уже говорили, персидскія касты носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ индійскія, напримѣръ, государь могъ свободно переводить изъ одной касты въ другую. Поэтому, члены высшихъ кастъ не имѣли основаній считать себя качественно отличными отъ остальныхъ смертныхъ и гнушаться ими и ихъ занятіями. Въ то же время торговля считалась наиболѣе выгоднымъ занятіемъ, а страсть къ наживѣ была въ Персіи не слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ виду этого, персидскіе вельможи, а часто и самъ ханъ пускались въ торговыя предпріятія. Страсть къ путешествіямъ, понимая исключительно сухопутныя путешествія, свойственная всѣмъ персамъ, съ своей стороны, тоже способствовала развитію склонностей къ торговлѣ. Купецъ считался въ Персіи до нѣкоторой степени священной особой. «Ихъ не трогаютъ никогда, — говоритъ Шарденъ, — даже во время войны; они сами и ихъ товары свободно проходятъ посреди войскъ». Но несмотря на эту относительную безопасность, купцы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ мѣрамъ предосторожности, чтобы оградить себя отъ всякаго рода плутней и обмановъ, царящихъ повсюду въ Персіи. Такъ, у нихъ тоже выработанъ для взаимныхъ сношеній мимическій языкъ, который подробно описываетъ Шарденъ. Взявшись за руки и покрывъ руки полой плаща, купцы движеніемъ пальцевъ сообщаютъ другъ другу все, что нужно. Вытянутый палецъ означаетъ, по словамъ Шардена, — десять, согнутый — пять, конецъ пальца — единицу, вся кисть — сто, согнутая кисть — тысячу и т. д. Пока купцы переговариваются такимъ образомъ между собой, лица ихъ остаются совершенно спокойными и безстрастными, такъ что по выраженію лица угадать ничего невозможно.

Несмотря на большое развитіе торговли въ Персіи, общей системы вѣса тамъ не существуетъ. Каждый купецъ имѣетъ свои собственныя гири — камешки и кусочки металла и взвѣшиваетъ съ ихъ помощью. Впрочемъ, самой мелкой вѣсовой единицей служитъ для всѣхъ зерно ячменя.

Размѣръ процентовъ на ссуды въ Персіи колеблется. Между собой купцы даютъ въ долгъ за одинъ процентъ мѣсячный; но частные люди платятъ не менѣе двухъ. Вообще ничего опредѣленнаго и строго установленнаго мы не найдемъ и тутъ. Все зависитъ отъ произвола

частныхъ лицъ, надъ которымъ тяготитъ еще большій и еще болѣе безпорядочный произволъ абсолютной власти.

Всѣ путешественники по Персіи единогласно свидѣтельствуютъ, что общая продажность перешла тамъ всѣ границы. Правосудіе продается, какъ и все остальное. Никакихъ гарантій для личности и частной собственности не существуетъ, и только одинъ государь ни при какихъ обстоятельствахъ не терпитъ убытка.

Развитіе торговли въ арійской Азіи.

Исторія торговли у азіатскихъ арійцевъ представляетъ собой много интереснаго.

У ведійскихъ арійцевъ, у кафировъ, у древнихъ армянъ промышленности еще почти не существуетъ и торговля поэтому, совершается въ очень ограниченныхъ размѣрахъ преимущественно, сырыми продуктами и въ прибрежныхъ странахъ. Но эта первобытная торговля вполнѣ свободна, она не развита только потому, что для нея не создалось еще достаточно благопріятныхъ условій.

Въ могущественномъ арійскомъ государствѣ—Индіи мы встрѣчаемъ уже совершенно иное положеніе вещей. Промышленность тамъ, конечно, гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, торговля тоже оживленнѣе, но все это, и промышленность, и торговля, заковано въ опредѣленныя рамки, не оставляющія никакой свободы частной иниціативѣ и мѣшающей промышленной дѣятельности развиваться, какъ бы она могла. Кромѣ того и ремесла, и торговля считаются тамъ занятіями унизительными, заслуживающими презрѣнія. Конечно, все это вмѣстѣ взятое обусловливаетъ полный застой въ промышленной жизни страны.

Въ Персіи мы находимъ нѣсколько иныя условія, но приводящія въ концѣ концовъ къ такимъ же неблагопріятнымъ результатамъ для развитія промышленности. Организація древней персидской монархіи, очень близкая къ государственной организаціи Индіи, была совершенно разрушена мусульманскимъ завоеваніемъ. Касты—основа государственнаго строя, утратили свое прежнее значеніе и вмѣсто всякой государственной организаціи осталась одна абсолютная, неограниченная власть государя. И промышленность, и торговля получили относительную свободу, надъ ними уже не тяготѣло общее презрѣніе, но, вмѣсто того, онѣ очутились совершенно беззащитными въ отношеніи правительственнаго произвола. И это обстоятельство также мѣшало ихъ спокойному и свободному развитію, какъ кастическій строй Индіи.

Глава XVI.

Торговля въ Греціи.

I. Аѳины и Спарта. Противоположность между Спартой и Аѳинами.—Необходимость торговли въ греческихъ городахъ.—Незначительность территоріи, занимаемой Аѳинами.—Коммерческій характеръ законовъ Солона.—Вліяніе на торговлю метековъ.—Древность заработной платы въ Греціи.—Торговыя причины пелопонесскихъ войнъ.—Торговля зерномъ и ея организація.—Ввозная торговля.—Аѳинскій протекціонизмъ. — Строгое преслѣдованіе контрабанды. — Аѳинскія колоніи. — Система мѣръ.—Различіе между греческими и финикійскими колоніями.—II. Ссуды и проценты.—Мѣсячные проценты.—Гарантіи ссудъ и обязательства должника.—Неотчуждаемость земли въ началѣ.—Неодобреніе ростовщичества.—III. Деньги.—Скотъ—въ качествѣ денегъ.—Желѣзныя деньги въ Спартѣ и Византіи.—Мѣдныя деньги въ Сициліи. — Изобрѣтеніе серебряныхъ денегъ. — Слитки. — Аттическія копи.—Денежная система въ Греціи.—IV. Трапезиты — Ихъ банки и спекуляціи. — Государственные банки. — Промышленныя общества.—Векселя. — V. О вліяніи торговли въ Греціи.—Назначеніе торговли.—Дурное нравственное вліяніе торговли.—Торговля въ гомеровскую эпоху.—Условія промышленной горячки.—Роль денегъ въ упадкѣ Греціи.—Противодѣйствіе Аристотеля развитію торговаго духа.—Отношеніе Эврипида къ богатству.—Роль золота по Аристотелю.—Преслѣдованіе ростовщичества.—Полибій о жадности критянъ.

I. Аѳины и Спарта.

Изъ всѣхъ арійскихъ государствъ Греція достигла въ древности самой высокой ступени цивилизаціи и въ то же время она ближе всѣхъ связана съ новыми европейскими государствами, поэтому изученіе развитія торговли и промышленности въ ней имѣетъ для насъ наибольшій интересъ.

Но, говоря о Греціи, мы не должны забывать, что она не представляла собой одного слитнаго цѣлаго. Разныя ея области существеннымъ образомъ отличались другъ отъ друга. Особенно рѣзко это различіе между Аѳинами съ одной стороны и Спартою—съ другой. Аѳины во многихъ отношеніяхъ являются типичнымъ греческимъ государствомъ, мелкія греческія области всѣ болѣе или менѣе приближались по типу къ Аѳинамъ. Спарта, напротивъ, стоитъ одиноко въ Греціи, она является тамъ какъ бы осколкомъ далекаго прошлаго. Въ ней сохраняются еще нравы первобытной греческой общины. Она живетъ замкнутой жизнью; ея граждане не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія покидать родной городъ; а иностранцы никогда не получаютъ тамъ права гражданства. Роскошь преслѣдуется тамъ. Естественно, что и торговля при такихъ условіяхъ не можетъ развиться.

Аѳины во всѣхъ этихъ отношеніяхъ стоятъ прямо на противоположномъ полюсѣ: онѣ грѣшили развѣ обратными недостатками—слишкомъ большимъ развитіемъ внѣшнихъ сношеній и торговаго духа.

II. Греческая торговля.

Греческіе города силою вещей должны были со временъ глубокой древности заниматься торговлей. Земля ихъ не отличалась удобствомъ и плодородіемъ и каждый городъ владѣлъ такимъ незначительнымъ пространствомъ, которое совершенно не могло прокормить его жителей. А въ то же время морской берегъ представлялъ собой рядъ удобныхъ бухтъ, издавна привлекавшихъ къ себѣ иноземные корабли. Торговыя сношенія завязывались сами собой и купцы всегда пользовались уваженіемъ въ Аѳинахъ. Первый аѳинскій законодатель Солонъ былъ самъ купецъ, и коммерческій духъ проникаетъ собой все его законодательство. Онъ рекомендуетъ родителямъ непремѣнно обучать своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу. Съ его времени въ Аѳинахъ появляются многочисленные торговые и промышленные союзы, постановленія которыхъ имѣютъ силу закона, если только не противорѣчатъ государственнымъ законамъ.

Но самое важное значеніе для развитія торговли имѣлъ свободный доступъ иностранцевъ въ Аѳины. Это пришлое населеніе—метеки—очень скоро проникло во всѣ области промышленной и общественной жизни города. Вмѣстѣ съ ремесленниками и вольноотпущенниками они составляли большинство аѳинскаго населенія. На народныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, они сплошь и рядомъ одерживали верхъ надъ крупными собственниками и капиталистами. Все это населеніе работало главнымъ образомъ на внѣшній рынокъ и жило на свой заработокъ.

Внѣшняя торговля со временъ глубокой древности играла самую важную роль въ Аѳинахъ. Безъ ввоза Аѳины не могли бы существовать, безъ вывоза онѣ не сдѣлались бы первымъ греческимъ городомъ. И сила, и слабость Аѳинъ зависѣли отъ ихъ торговаго положенія. Закрывъ гавань мегарцамъ, аѳиняне вызвали пелопонесскую войну—главную причину своего разоренія. Протекціонизмъ погубилъ Аѳины. Несмотря на этотъ протекціонизмъ, Аѳины жили внѣшней торговлей. Аттика не могла прокормить ихъ, они нуждались въ произведеніяхъ чужихъ странъ. Особенно нуждались аѳиняне въ привозномъ хлѣбѣ. Хлѣбная торговля въ Аѳинахъ была обставлена очень строгими правилами. Ни одинъ аѳинянинъ или метекъ не имѣлъ права вывозить хлѣбъ за границу Аттики. Всякій корабль, приставшій къ Аттикѣ съ грузомъ хлѣба, долженъ былъ двѣ трети своего груза оставить на аѳинскомъ базарѣ. Частный человѣкъ не имѣлъ права закупить одновременно болѣе пятидесяти мѣръ зерна. Съ другой стороны ввозная пошлина на хлѣбъ была сильно понижена сравнительно съ другими товарами. Особые чиновники слѣдили за точнымъ исполненіемъ всѣхъ законовъ, касающихся хлѣбной торговли, и нарушеніе ихъ влекло за собой тяжелыя наказанія, часто даже смертную казнь.

Кромѣ хлѣба, Аѳины нуждались еще во многихъ привозныхъ продуктахъ. Македонія и Ѳракія поставляли корабельный лѣсъ, такъ какъ аѳинянамъ не изъ чего было строить свои многочисленные корабли; съ Кипра и Эвбеи привозили желѣзо и мѣдь; изъ Фригіи и Милета—шерсть и ковры; Хіосъ, Лесбосъ, Лемносъ и Критъ присылали тонкія вина, а Понтъ—соленую рыбу—главный предметъ потребленія бѣднаго населенія Аѳинъ.

Получая, главнымъ образомъ, сырые продукты, Аѳины. съ своей стороны, вывозили преимущественно обработанные предметы: оружіе, прекрасныя вазы, драгоцѣнныя украшенія, ткани, одежды, а въ періодъ разцвѣта умственной жизни—книги. Вывозныя пошлины въ Аѳинахъ были тоже очень высоки, а нѣкоторые товары совсѣмъ запрещено было вывозить. Такое запрещеніе было, напримѣръ, наложено на шерсть, фиги, горохъ и нѣкоторые другіе плоды и овощи. Вывозъ оливковаго масла вообще поощрялся, но нѣкоторые сорта его, употреблявшіеся при богослуженіи, нельзя было совсѣмъ продавать. Контрабанда преслѣдовалась чрезвычайно строго; Біонъ разсказываетъ, что его отецъ, уличенный въ контрабандѣ, былъ проданъ въ рабство со всей своей семьей.

Несмотря на такія стѣсненія, внѣшняя торговля Аѳинъ развивалась очень широко. Аѳинскіе корабли плавали не только по Средиземному морю, они заплывали также въ Черное и Азовское моря, попадали даже въ Персидскій заливъ и Индійскій океанъ и заводили торговыя сношенія съ Индіей и Персіей. Но, пускаясь въ такія дальнія плаванія, аѳиняне не довольствовались тѣмъ, что обмѣнивались съ жителями своими товарами; они, какъ и финикіяне, стремились извлечь болѣе прочную пользу изъ тѣхъ странъ, которыя посѣщали ихъ корабли. Они основывали тамъ свои факторіи, свои торговые склады, а иногда и цѣлые города, однимъ словомъ, они колонизовали эти страны. Аѳинскія колоніи были разбросаны по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго моря и связанныхъ съ нимъ внутреннихъ морей.

Ни по многочисленности, ни по торговому значенію греческія колоніи не уступали финикійскимъ. Достаточно вспомнить такіе города, какъ Марсель, Кротонъ, Тарентъ и многіе другіе, основанные греческими переселенцами.

Но греческія колоніи отличались нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ финикійскія. Финикійцы, основавшись въ какой-нибудь мѣстности, заботились только объ одномъ, какъ бы возможно скорѣе и возможно выгоднѣе овладѣть всѣми ея естественными богатствами; они не вступали съ жителями ни въ какія сношенія, кромѣ узко торговыхъ, и оставались, живя рядомъ съ ними, только купцами. Греки вели себя нѣсколько иначе, ставили себѣ нѣсколько иныя цѣли. У себя на родинѣ они не были такъ исключительно, какъ финикійцы, преданы коммерческимъ дѣламъ; это сказывалось и на жизни ихъ колоній. Когда

греческіе купцы основывали свою факторію въ какомъ-нибудь удобномъ для нихъ пунктѣ, туда изъ Греціи приливала сейчасъ волна населенія; и эти вторичные переселенцы уже не были купцами—это были люди разныхъ спеціальностей, которымъ почему-нибудь трудно жилось на родинѣ. На мѣстѣ своего новаго жительства они продолжали промышлять тѣмъ же, чѣмъ дома; они вступали въ сношенія съ туземцами, стремились учредить на своей новой родинѣ такіе же порядки, какіе оставили дома. Постепенно, благодаря болѣе высокому уровню культуры, на которомъ они стояли, они прививали туземцамъ свой языкъ, свои нравы, свою религію, однимъ словомъ, они цивилизовали окружающую страну, подчиняли ее греческому вліянію и сами сливались съ ней. Они образовали повсюду оазисы греческой цивилизаціи; тогда какъ финикіяне всегда оставались пришельцами среди чуждаго и враждебнаго населенія.

Поэтому-то слѣды колонизаторской дѣятельности финикійцевъ такъ быстро стерлись, а вліяніе греческой культуры мѣстами пережило много новыхъ наслоеній и сказывалось въ теченіе многихъ вѣковъ.

Внѣшнія формы торговли въ Греціи вполнѣ соотвѣтствовали широтѣ и силѣ торговаго движенія. Системы мѣры и вѣса были тамъ строго выработаны и доведены до полнаго единства. Они имѣли даже опредѣленныя квадратныя и кубическія мѣры, неизвѣстныя ни одному изъ народовъ древности.

II. О займахъ и процентахъ.

Обычаи и законы, касающіеся кредита, не отличались въ Аѳинахъ особой оригинальностью. Какъ и въ другихъ государствахъ древности, процентъ на ссуду былъ очень высокъ и взимался обыкновенно помѣсячно. Въ одной комедіи Аристофана мы читаемъ слѣдующій діалогъ: «*Стрепсіадъ*. Если бы луна не взошла, я не долженъ бы былъ платить процентовъ.—*Сократъ*. Почему же?—*Стрепсіадъ*. Потому что ссуда дается на мѣсяцъ». Въ этомъ же діалогѣ находимъ мы и указаніе на существованіе въ Аѳинахъ ростовщичества.—«*Стрепсіадъ*. Горе ростовщикамъ съ ихъ капиталами и процентами на проценты». Между тѣмъ, и простые проценты были такъ высоки, что, повидимому, незачѣмъ было прибѣгать къ сложнымъ. Когда Солонъ опредѣлилъ нормальный уровень процентовъ въ 18 годовыхъ,—это считалось благодѣяніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда ссуда сопровождалась рискомъ, напримѣръ, когда бралъ въ долгъ купецъ, ѣдущій въ далекое морское путешествіе, можно было требовать и значительно бо́льшихъ процентовъ.

Кредиторъ въ началѣ пользовался очень большими правами, онъ могъ даже обратить въ рабство своего неисправнаго должника или кого-нибудь изъ его семьи. Но Солонъ прекратилъ это, лишивъ отца права

продавать или закладывать своихъ дѣтей. Зато мало-по-малу въ обезпеченіе долга стала приниматься земля. Сперва земельная собственность считалась въ Аѳинахъ неотчуждаемой, и человѣкъ, продавшій свою землю, лишался званія гражданина. Но постепенно взглядъ на земельную собственность мѣнялся, и заклады земли стали практиковаться очень часто.

III. О деньгахъ.

Деньги въ видѣ чеканной монеты стали употребляться въ Греціи довольно поздно, хотя все-таки раньше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ древняго міра. Одно мѣсто изъ Павзанія очень ясно указываетъ на отсутствіе металлической монеты въ древнѣйшей Греціи. «Послѣ смерти царя Полидора,—говоритъ онъ,—жена его продала свой домъ за нѣкоторую сумму, которая была уплачена быками, такъ какъ въ то время не знали ни золотыхъ, ни серебряныхъ денегъ; торговля состояла во взаимномъ обмѣнѣ предметами, необходимыми для жизни; за то, что покупали, платили быками, рабами, кусками золота или серебра, но въ необработанномъ видѣ. Даже и теперь, тѣ кто ѣздятъ въ Индію, возятъ туда произведенія Греціи, а оттуда привозятъ индійскія; деньгами они не пользуются, хотя страна изобилуетъ золотыми и мѣдными копями».

Въ эпоху Гомера золото и серебро играли уже роль единицъ обмѣна, но употреблялись они исключительно въ видѣ слитковъ, а на ряду съ ними, и даже значительно чаще, въ качествѣ денежныхъ единицъ фигурировали быки и овцы. На играхъ въ память Патрокла Ахиллъ предлагаетъ въ качествѣ приза «вазу новую и богато украшенную, стоющую одного быка».

Металлическія деньги стали употребляться въ Аѳинахъ только со времени Солона. Сначала это были желѣзныя монеты, позднѣе мѣдныя; серебряныя же распространились въ Греціи только въ VII в. до Р. Х.

Первоначально эти серебряныя монеты имѣли видъ обыкновенныхъ небольшихъ слитковъ опредѣленнаго вѣса; потомъ на нихъ стали ставить какую-нибудь печать и писать ихъ стоимость. чтобы не приходилось взвѣшивать ихъ при каждой покупкѣ. Золотыя деньги стали употребляться значительно позднѣе серебряныхъ.

Право чеканки монеты оставалось всегда въ Греціи за государствомъ; въ республикахъ монета выпускалась именемъ народа; въ монархіяхъ—именемъ государя. Иногда государство признавало за какими-нибудь религіозными обществами право чеканить монеты, чтобы они могли пустить въ оборотъ накопленныя сокровища. На всѣхъ греческихъ монетахъ ставилось обыкновенно изображеніе какого-нибудь божества.

IV. Трапезиты.

Греція распадалась на множество отдѣльныхъ общинъ, которыя имѣли собственныя монеты. Эти общины торговали между собой и съ другими странами. При этомъ купцамъ необходимо было размѣнивать деньги. Это обстоятельство создало цѣлый классъ людей, называвшихся трапезитами и занимавшихся главнымъ образомъ размѣномъ денегъ. Но, кромѣ размѣна денегъ, эти греческіе банкиры занимались попутно разными другими финансовыми операціями. Они брали вклады на храненіе и выдавали ссуды. При этомъ вклады они принимали подъ самые небольшіе проценты, ссуды же выдавали только подъ очень высокіе. Торговля въ Греціи велась очень оживленно, потребность въ банкахъ возрастала и трапезиты извлекали громадные барыши изъ своихъ операцій. Сто процентовъ съ затраченнаго капитала было ихъ обычнымъ доходомъ. Занятіе трапезитовъ, не пользовалось уваженіемъ; это видно уже изъ того, что трапезитами были почти исключительно метеки. Несмотря на это, ни одинъ крупный греческій коммерсантъ не могъ обойтись въ своихъ дѣлахъ безъ участія трапезитовъ; они имѣли текущіе счета въ ихъ конторахъ, пользовались, въ случаѣ надобности, кредитомъ, давали векселя за ихъ поручительствомъ и т. п. Векселя и чеки были распространены въ Греціи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ на Востокѣ. При широкомъ развитіи внѣшней, главнымъ образомъ морской торговли и тѣ, и другіе оказывались совершенно необходимыми.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ Греціи и особенно въ Аѳинахъ коммерческій духъ проявлялся не менѣе сильно, чѣмъ въ народахъ семитическаго племени.

V. О вліяніи торговли въ Греціи.

Пуская все болѣе и болѣе глубокіе корни въ греческой жизни страсть къ торговлѣ и финансовымъ операціямъ, страсть къ наживѣ, вообще говоря, сыграла въ Греціи очень печальную роль. «Любовь къ деньгамъ и ничто другое погубитъ Спарту», сказалъ Дельфійскій оракулъ Ликургу, и ту же самую мысль высказывали въ разное время лучшіе люди Греціи. На Аѳинахъ пророчество оракула сбылось еще скорѣе, чѣмъ на Спартѣ, такъ какъ Аѳины еще раньше вступили на этотъ путь, «Тѣ, кто дѣлаютъ изъ своего города рынокъ для всего міра, имѣютъ въ виду только наживу,—говоритъ Аристотель.—Но городъ не долженъ стремиться къ такого рода преимуществу, онъ не долженъ становиться рынкомъ». «О славное золото, порожденіе земли,—восклицаетъ Эврипидъ,—какой любовью зажигаешь ты сердца смертныхъ. Ты самая сильная изъ всѣхъ страстей, ты могущественный тиранъ, ты можешь бороться съ самимъ Марсомъ, — у тебя больше власти, чѣмъ у этого бога; ты двигаешь все существующее. Подъ

звуки мелодій Орфея животныя и деревья, лишившись разсудка, поднимались и слѣдовали за нимъ, а ты!—сама земля, моря, богъ войны, все побѣждающій, всѣ слѣдуютъ за тобой, повинуются тебѣ!» Поэтъ не вдается въ оцѣнку такой власти денегъ, онъ только рисуетъ яркую картину ихъ могущества. Но Аристотель высказывается въ этомъ отношеніи совершенно опредѣленно; и главную причину зла онъ видитъ въ томъ, что деньги перестали служить только средствомъ обмѣна, въ чемъ состоитъ ихъ исключительное назначеніе, а стали играть самостоятельную роль. «Совершенно справедливо, — говоритъ онъ, — отвращеніе, которое питаютъ люди къ ростовщичеству, такъ какъ ростовщичество создаетъ богатство, порожденное самими деньгами и не отвѣчающее тому назначенію, для котораго оно существуетъ. Дѣйствительно, деньги существуютъ только для облегченія обмѣна, а ростовщичество умножаетъ богатство само по себѣ. При ростовщичествѣ деньги рождаются отъ денегъ, такъ что изъ всѣхъ способовъ обогащенія это наиболѣе противный природѣ». Но греки знали и другіе способы обогащенія, не болѣе допустимыя въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ ростовщичество; у нихъ, напримѣръ, существовалъ цѣлый промыселъ, состоявшій въ томъ, чтобъ закладывать за высокую сумму подъ большіе проценты корабли и потомъ топить ихъ среди моря, нагрузивъ, конечно, не цѣнными товарами, а пескомъ, камнями и т. п. Въ концѣ концовъ ко всей Греціи можно было приложить слова Полибія, которыми онъ характеризовалъ Критъ. «У нихъ богатство пользуется такимъ уваженіемъ, что накоплять его положительно необходимо и ничто не приносить большей чести человѣку. Однимъ словомъ, позорная страсть къ наживѣ до такой степени овладѣла ими, что на этомъ островѣ нажива, откуда бы она ни произошла, считается честной и законной».

Глава XVII.

Торговля въ Римѣ.

I. Мнѣніе римлянъ о торговлѣ.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Что думалъ о ней Мененій.—Оцѣнка торговли Цицерономъ.—Статья изъ кодекса Юстиніана.—II. Мелкая торговля.—Прямой обмѣнъ между патриціями.—Базары и ихъ постепенная спеціализація.—Лавки и ихъ группировка по улицамъ.—Разносчики—Торговцы.—Рабы и вольноотпущенники.—Система откуповъ и всадники.—Консервативный духъ лавочниковъ.—III. Крупная торговля.—Римъ-торговый центръ.—Римскій протекціонизмъ—Ярмарки.—Торговля хлѣбомъ.—Морская торговля.—Торговый договоръ съ Карѳагеномъ.—Развитіе торговли во время имперіи.—Сухопутная торговля,—Торговля съ Востокомъ.—Необузданная роскошь.—IV. Промышленность въ Римѣ.—Торговля рабами.—Семейная промышленность.—Презираемыя ремесла.—Корпораціи ремесленниковъ.—Вольноотпущенники.—Покупка рабскаго труда.—Иноземные ремесленники.—Централизація.—Рабочіе-чиновники.—Разрѣшеніе соціальнаго вопроса сверху.—V. Кредитъ и проценты.—Права кредитора по законамъ XII таблицъ.—Займы въ до-историческую эпоху.—Ростовщичество при Катонѣ.—Банкиръ во времена Горація.—Законная норма процентовъ.—VI. О деньгахъ.—Живыя деньги.—Мѣдныя деньги.—Происхожденіе серебряныхъ монетъ.—Римская денежная система.—Республиканскія и императорскія деньги.—Фальшивыя деньги императоровъ.—Векселя и банкиры.—VII. Развитіе торговли въ Римѣ.

I. Мнѣніе римлянъ о торговлѣ.

Съ самаго начала исторической жизни Рима мы встрѣчаемъ тамъ очень презрительное отношеніе къ торговлѣ. Да и не только къ торговлѣ, всякаго рода трудъ, кромѣ земледѣльческаго, не пользовался тамъ уваженіемъ. «Намъ нужны солдаты, а не ремесленники и купцы; покоренные будутъ работать на насъ». Цицеронъ, слова котораго служатъ всегда вѣрнымъ отраженіемъ мнѣній высшаго римскаго общества, высказывается еще опредѣленнѣе: «Прежде всего надо отказаться отъ занятій, вызывающихъ общественную ненависть: сборщиковъ податей и ростовщиковъ. Низко и недостойно свободнаго человѣка быть наемникомъ, которому платятъ за трудъ, а не за талантъ. Заработокъ этихъ людей является какъ бы цѣной ихъ рабства. Покупать у продавцевъ и тотчасъ же перепродавать—это тоже низменное занятіе; выгода тутъ всегда получается съ помощью обмана. А нѣтъ ничего презрѣннѣе лжи. Всѣ ремесла унижаютъ человѣка; никогда въ лавкѣ нельзя найти свободнаго человѣка. Торговля по мелочамъ презрѣнное занятіе; но крупная торговля, дающая благосостояніе, переливающая изъ одной страны въ другую большія массы товаровъ по умѣреннымъ цѣнамъ, не заслуживаетъ такого сурового осужденія». Мы видимъ такимъ образомъ, что великій римскій ораторъ, а съ нимъ и римскій патриціатъ вообще, относился съ презрительнымъ осужденіемъ спеціально къ мелкой торговлѣ, дающей маленькіе барыши, крупныя же торговыя

операціи, напротивъ, встрѣчались тамъ съ одобреніемъ. Кодексъ Юстиніана даже прямо запрещаетъ патриціямъ заниматься мелкой торговлей и промышленностью, чтобы не отнимать средствъ къ существованію у плебеевъ.

II. Мелкая торговля,

Несмотря на такое презрительное отношеніе, торговля, и именно мелкая торговля, развилась въ Римѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Первоначально, торговля происходила исключительно на базарахъ, которые устраивались обыкновенно за городомъ и носили названіе nundines, отъ того, вѣроятно, что происходили разъ въ девять дней. Мало-по-малу, число этихъ базаровъ увеличивалось и они спеціализировались по родамъ товаровъ; на каждомъ изъ нихъ можно было найти только опредѣленные товары. Съ теченіемъ времени эта спеціализація пошла еще дальше. На ряду съ базарами въ городѣ стали устраиваться постоянныя лавки, которыя въ концѣ концовъ совершенно замѣнили базары. Эти лавки ютились въ маленькихъ грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя патриціи строили для нихъ передъ своими роскошными дворцами и сдавали за громадную плату. Обыкновенно, торговцы одинаковыми товарами помѣщались рядомъ, такъ что цѣлыя улицы получали названія отъ этихъ лавочекъ: улица торговцевъ зерномъ, улица торговцевъ стекломъ, благовоніями, драгоцѣнными украшеніями и т. п.

Кромѣ этихъ лавочекъ, въ Римѣ очень распространена была разносная торговля. Ею занимались преимущественно рабы въ пользу своихъ господъ. Торговать самому считалось позорнымъ для патриція, но посылать раба съ лоткомъ или коробомъ нисколько не унижало патриціанскую гордость. Весь позоръ торговли падалъ въ данномъ случаѣ на посредника, на раба, а чистый доходъ обогащалъ его господина. Послѣ Августа, когда патриціи стали массами отпускать на волю своихъ рабовъ, вольноотпущенники продолжали обыкновенно жить тѣмъ же привычнымъ занятіемъ, только уже отъ своего лица.

Кромѣ вольноотпущенниковъ и плебеевъ, былъ въ Римѣ еще одинъ классъ людей, преданныхъ разнымъ коммерческимъ операціямъ, а именно всадники. Въ Римѣ господствовала система сдачи съ торговъ разныхъ отраслей государственнаго хозяйства: обработки государственныхъ земель, эксплуатаціи государственныхъ рудниковъ, взиманія налоговъ, поставки на войска и т. д. Откупщиками являлись обыкновенно всадники и это открывало имъ широкое поле для всякаго рода спекуляцій.

Римскіе писатели считали весь классъ людей, занятыхъ разными видами торговли, самымъ консервативнымъ элементомъ римскаго общества. Это, конечно, само собой понятно: и для мелкихъ, и для крупныхъ торговцевъ всякіе безпорядки и пертурбаціи въ общественной жизни прино-

сили прямой и непосредственный убытокъ и поэтому они всегда стремились всѣми силами поддерживать существующій строй.

III. Крупная торговля.

Крупная внѣшняя торговля точно также процвѣтала въ Римѣ. Римъ, бывшій въ началѣ центромъ Италіи превратился съ теченіемъ времени въ міровой центръ и соотвѣтственно этому расширился районъ его внѣшней торговли.

Когда тотъ міръ, центромъ котораго являлся Римъ, сдѣлался римскимъ міромъ, внѣшняя торговля вся почти превратилась во внутреннюю. Но, несмотря на это, она никогда не избавилась отъ таможенныхъ стѣсненій, только теперь эти таможни изъ пограничныхъ превратились во внутреннія между отдѣльными провинціями. Главной заботой Рима всегда было обогащеніе государственной казны, поэтому и изъ торговли онъ стремился, главнымъ образомъ, извлечь доходъ для фиска. Таможенныя пошлины были вообще очень высоки въ Римѣ; но особенно высокими пошлинами облагались предметы ввоза. Такъ, съ драгоцѣнныхъ украшеній, привозимыхъ въ Римъ, уплачивалось $16^1/_2{}^0/_0$ стоимости, при вывозѣ же они платили только $2^1/_2{}^0/_0$ пошлины.

Главнымъ предметомъ торговли въ Римѣ былъ хлѣбъ. Первобытный Римъ былъ земледѣльческой страной, но Римъ временъ имперіи совершенно не могъ прокормить себя своимъ хлѣбомъ, онъ всецѣло зависѣлъ отъ провинціи, главнымъ образомъ отъ Африки, которая поставляла ему ежегодно по 6 милліоновъ гектолитровъ хлѣба.

Морская торговля римлянъ велась, главнымъ образомъ, съ Карѳагеномъ и отчасти съ Египтомъ. Положимъ, и болѣе отдаленныя страны, какъ Индія, Персія и другія, посылали также свои товары въ міровой центръ, но они ограничивались почти исключительно посылкой золота и драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ это товары, совмѣщающіе большую цѣнность съ небольшимъ объемомъ.

Съ Карѳагеномъ у римлянъ былъ даже особый торговый договоръ, заключенный въ консульство Юнія Брута и Марка Горація. По этому договору римскіе купцы обязывались вести торговлю съ африканской провинціей исключительно черезъ Карѳагенъ.

Но главная торговля Рима велась не моремъ, а сухимъ путемъ, такъ какъ море свободно только лѣтомъ, съ ноября же по мартъ, по выраженію римлянъ, «моря замыкались». Вся римская имперія вдоль и поперекъ была перерѣзана прекраснѣйшими дорогами, нѣкоторыя изъ которыхъ сохранились еще и до сихъ поръ. Этими дорогами римляне стремились обезпечить свое владычество надъ покореннымъ міромъ, облегчая передвиженіе своихъ войскъ изъ одной провинціи въ другую. Но, конечно, этими же дорогами воспользовалась и торговля. Со всѣхъ концовъ свѣта по этимъ дорогамъ, какъ по артеріямъ, стреми

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ шепотомъ, остановившись подъ окномъ.

— Куда вы идете?—спросилъ я, въ свою очередь.

— Одинъ Богъ знаетъ, куда.

— Вы хотите спрятаться?

— Ну, конечно.

— Такъ идите въ домъ.

Я сошелъ внизъ, впустилъ его и снова заперъ дверь на замокъ. Мой гость былъ, повидимому, солдатъ. Лица его я не могъ разсмотрѣть. Онъ былъ безъ шляпы, въ разстегнутой курткѣ.

— Боже мой! — простоналъ онъ, входя.

— Что случилось?

— Что случилось? — Онъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой.—Они смели насъ, какъ соръ, стерли съ лица земли!

Повторяя эту фразу, онъ машинально послѣдовалъ за мною въ столовую.

— Выпейте виски,—предложилъ я и налилъ ему большую рюмку.

Онъ выпилъ, потомъ вдругъ тяжело упалъ на стулъ, уронилъ голову на руки и разрыдался, какъ ребенокъ. Я стоялъ возлѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, забывая, какому отчаянію самъ я предавался еще недавно.

Много времени прошло, прежде чѣмъ онъ успокоился настолько, чтобъ удовлетворить мое любопытство, да и то отвѣчалъ отрывистыми фразами и задумываясь надъ каждымъ вопросомъ. Онъ былъ артиллеристъ, состоялъ при орудіи и попалъ въ дѣло только къ семи часамъ вечера, какъ разъ когда стали обстрѣливать лугъ. Говорятъ, марсіане въ это время ползли отъ перваго цилиндра ко второму, прикрываясь металлическими щитами. Потомъ эти щиты взгромоздились на треножники.

Орудіе, при которомъ онъ состоялъ, сняли съ передковъ возлѣ Хорселля и поставили на возвышеніи, откуда оно господствовало надъ песочными ямами. Прибытіе его ускорило катастрофу. Не успѣла прислуга отъѣхать назадъ съ передкомъ, какъ лошадь, на которой мой гость ѣхалъ верхомъ, попала ногой въ кроличью норку и повалилась, увлекая за собой всадника. Въ эту минуту за его спиной разорвало пушку; все загорѣлось кругомъ, а онъ очутился подъ грудой обуглившихся лошадиныхъ и человѣческихъ тѣлъ.

— Я лежалъ смирно,—разсказывалъ онъ;—лошадь такъ придавила мнѣ голову, что у меня отшибло память... Смели насъ, какъ соръ. А ужъ запахъ — Господи Боже! Словно жареная говядина! Лошадь копытомъ угодила мнѣ въ спину—едва отлежался... Выѣхали какъ на парадъ и вдругъ... этакъ-то пропасть ни за что,—развѣ не обида!—Вымели, словно соръ!

Онъ долго прятался подъ мертвой лошадью, украдкой оглядывая окрестность. Кардиганцы подступили, въ боевомъ порядкѣ, къ ямѣ, чтобы взять ее штурмомъ, но были мгновенно стерты съ лица земли. Тогда чудовище встало на ноги и начало разгуливать по лугу, поворачивая во всѣ стороны свой шлемъ, напоминающій голову монаха въ клобукѣ. Въ чемъ-то вродѣ руки, вытянутой впередъ, оно держало металлическій ящикъ, надъ которымъ вспыхивало зеленоватое пламя.

Черезъ нѣсколько минутъ на лугу не осталось живой души; кусты и деревья пылали или уже превратились въ черные, обуглившіеся пни. За поворотомъ дороги стояли гусары, но ихъ солдатику не было видно. Въ послѣднюю минуту гигантъ направилъ тепловой лучъ на желѣзнодорожную станцію и небольшой городокъ позади ея мгновенно превратился въ груду развалинъ. Послѣ этого чудовище закрыло свой ящикъ и, повернувшись спиной къ артиллеристу, двинулось къ тлѣвшему сосновому лѣсу, гдѣ лежалъ другой цилиндръ.

Изъ ямы вылѣзло второе чудовище, стало на треножникъ и послѣдовало за первымъ. Солдатикъ выбрался на свободу и осторожно поползъ по горячему вереску къ Хорселлю, потомъ, скрываясь въ канавѣ, добрался до Уокинга. По улицамъ не было проходу, дома пылали; немногіе уцѣлѣвшіе жители, казалось, обезумѣли. Артиллеристъ спрятался за какой-то развалиной и видѣлъ, какъ вернулся одинъ изъ марсіанъ, какъ онъ погнался за человѣкомъ, поймалъ его своимъ стальнымъ щупальцемъ и

разбилъ ему голову о стволъ сосны. Когда совсѣмъ стемнѣло, солдатикъ вышелъ изъ своего убѣжища и двинулся къ Мэйбёри, надѣясь оттуда пробраться въ Лондонъ.

По дорогѣ ему не попадалось людей; часть оставшихся въ живыхъ пряталась по погребамъ и канавамъ; большинство разбѣжалось. Его томила жажда; у желѣзнодорожнаго моста онъ нашелъ лопнувшую водопроводную трубу; изъ отверстія била фонтаномъ вода; онъ пригнулся къ струѣ и напился.

Вотъ что мой гость разсказалъ мнѣ, или, вѣрнѣе, что мнѣ удалось выпытать отъ него понемножку. Мало-по-малу онъ успокоился. Оказалось, что онъ съ утра ничего не ѣлъ; я отыскалъ въ кладовой хлѣбъ и кусокъ баранины, и мы принялись ѣсть. Лампы мы не зажигали, изъ страха привлечь вниманіе марсіанъ. Кругомъ насъ постепенно свѣтлѣло; очертанія розовыхъ кустовъ подъ окномъ явственно выступали изъ мрака. Они были помяты, какъ будто мимо пробѣжала толпа людей, или стадо животныхъ. Я могъ теперь видѣть его лицо, измученное, потемнѣвшее, съ дикимъ взглядомъ. Вѣроятно, и мое было не лучше.

Насытившись, мы пошли въ кабинетъ, и я опять выглянулъ въ окно. За одну ночь цвѣтущая долина превратилась въ пепелище. Пожаръ потухалъ; надъ развалинами вмѣсто огня, вились клубы дыма. Руины домовъ, обгорѣлые, почернѣвшіе древесные пни,—вся эта печальная картина разрушенія казалась еще ужаснѣе при безпощадномъ свѣтѣ зари. Мѣстами отдѣльные предметы уцѣлѣли какимъ-то чудомъ,—сигнальный столбъ, тепличка, заново выкрашенная въ бѣлое, били въ глаза на фонѣ догоравшихъ развалинъ. Во всей исторіи войнъ я не знаю случая, гдѣ бы люди такъ уничтожали вокругъ себя все безъ разбора. А надъ ямой, въ розоватомъ блескѣ зари, стояли три металлическихъ гиганта, поворачивая во всѣ стороны свои головы-шлемы, словно любуясь картиной опустошенія.

Мнѣ показалось, что яма стала шире; изъ нея выходилъ ярко-зеленый паръ; временами онъ клубился, спиралью взвивался къ небу и исчезалъ безъ слѣда.

Огненные столбы близъ Чобхэма съ первымъ лучемъ разсвѣта превратились въ столбы кроваваго дыма.

XII.

Что я видѣлъ въ Вейбриджѣ и Шеппертонѣ.

Какъ только разсвѣло, мы отошли отъ окна и спустились внизъ.

Артиллеристъ былъ согласенъ со мной, что оставаться здѣсь невозможно. Онъ предполагалъ пробраться въ Лондонъ и разыскать свою батарею,—№ 12, конной артиллеріи; я же намѣревался вернуться въ Лезерхэдъ. Марсіане нагнали на меня такого страху, что я рѣшилъ увезти жену въ Ньюгэвенъ, а оттуда, пожалуй, и заграницу. Я предвидѣлъ, что Лондону предстоитъ сдѣлаться центромъ отчаянной борьбы; такіе господа, какъ марсіане, дешево не продадутъ своей жизни.

Къ сожалѣнію, между нами и Лезерхэдомъ лежалъ третій цилиндръ, который сторожили чудовища. Будь я одинъ, я, вѣроятно, рискнулъ бы пробраться мимо, но артиллеристъ удержалъ меня, говоря, что «хорошую женщину жалко оставить вдовою». Я далъ себя убѣдить и рѣшилъ идти съ нимъ лѣсомъ до Чобхэма, а оттуда окольнымъ путемъ, черезъ Ипсомъ, въ Лезерхэдъ.

Мнѣ-бы не пришло въ голову запастись провизіей на дорогу, но мой товарищъ не даромъ служилъ въ военной службѣ. Онъ велѣлъ мнѣ отыскать фляжку и наполнить ее водкой, потомъ мы набили карманы сухарями и жаренымъ мясомъ. Крадучись, мы выбрались изъ дому и пустились бѣжать, что было духу. Дома, казалось, всѣ были пусты. Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на груду мертвыхъ тѣлъ; на дорогѣ валялись разные предметы, оброненные бѣглецами,—часы, туфля, серебряная ложка и т. под. У почтовой конторы стояла, накренившись на бокъ, небольшая телѣжка, безъ лошадей, нагруженная сунду-

ками и мебелью; рядомъ валялся наскоро взломанный и брошенный несгораемый шкафъ.

За исключеніемъ пылавшихъ до сихъ поръ пріютскихъ построекъ, дома здѣсь не особенно пострадали; тепловой лучъ задѣлъ только крыши и печныя трубы. Тѣмъ не менѣе на Мэйбёри-хиллѣ мы не встрѣтили ни души. Жители разбѣжались или прятались въ потаенныхъ убѣжищахъ.

Мы прошли мимо трупа трактирщика, мокраго, смытаго съ мѣста дождемъ, и вступили подъ защиту рощи, росшей у подножія холма. Такъ мы дошли до желѣзной дороги. И здѣсь все было такъ же пустынно. По другую сторону полотна виднѣлись жалкіе остатки лѣса. На мѣстѣ большинства деревьевъ торчали обгорѣлые пни; иныя уцѣлѣли, но листья на нихъ всѣ высохли, почернѣли и сморщились.

Съ той стороны, гдѣ мы находились, пострадали только деревья у опушки. Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на свѣжую порубку; срубленныя и свѣже ободранныя деревья лежали рядкомъ на прогалинѣ; поодаль стояла механическая пила и кучами лежали опилки. У прогалины виднѣлась брошенная сторожка. Вѣтра совсѣмъ не было, всюду царила какая-то странная тишина, даже птицы молчали. Мы сами говорили шепотомъ и безпрестанно оглядывались черезъ плечо. Раза два мы останавливались, чтобы прислушаться.

До слуха нашего долетѣлъ стукъ копытъ, и, подойдя къ опушкѣ, мы увидали трехъ всадниковъ, ѣхавшихъ шагомъ по дорогѣ въ Уокингъ. Мы окликнули ихъ; они пріостановились. Это былъ лейтенантъ и двое рядовыхъ 8-го гусарскаго полка. Они везли съ собой какой-то приборъ въ родѣ теодолита; артиллеристъ объяснилъ мнѣ, что это геліографъ.

— За все утро вы первые попались намъ навстрѣчу,—сказалъ лейтенантъ.— Что тутъ такое творится?

Онъ видимо горѣлъ нетерпѣніемъ ринуться въ бой; спутники его смотрѣли на насъ съ любопытствомъ. Артиллеристъ спрыгнулъ на дорогу и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Пушку вчерась разорвало, сэръ. Я скрывался. Теперь иду отыскивать батарею. Марсіане отсюда будутъ этакъ въ полумилѣ.

— Каковы они изъ себя?

— Великаны, закованные въ броню, сэръ. Ста футовъ росту. Три ноги и тѣло вродѣ какъ аллюминіевое, а голова огромнѣйшая и въ колпакѣ.

— Поди ты!—вскричалъ офицеръ.— Вотъ мелетъ вздоръ!

— Сами увидите, сэръ. Они носятъ съ собой ящикъ, изъ котораго пышетъ огонь и убиваетъ мгновенно.

— Ты хочешь сказать—орудіе?

— Никакъ нѣтъ, сэръ.—И артиллеристъ принялся съ жаромъ описывать дѣйствіе теплового луча. Офицеръ не далъ ему докончить и воззрился на меня.

— Вы тоже видѣли это?

— Онъ говоритъ сущую правду.

— Ну ладно, коли такъ, и мы посмотримъ, — весело вскричалъ офицеръ.—Мы посланы сюда,—обратился онъ къ артиллеристу,—чтобы велѣть жителямъ очищать дома. Ты бы лучше пошелъ къ бригадному генералу Марвину и отрапортовалъ ему все, что видѣлъ. Онъ въ Вейбриджѣ. Дорогу знаешь?

— Я знаю,—отвѣтилъ я, и онъ повернулъ лошадь къ югу.

— Вы говорите, въ полумилѣ отсюда?—переспросилъ онъ еще разъ.

— Самое большее,—отозвался я. Онъ поблагодарилъ и поскакалъ, за нимъ солдаты; больше мы ихъ не видали.

Далѣе мы наткнулись на группу женщинъ и дѣтей, выбиравшихся изъ крестьянскаго коттэджа. Онѣ гдѣ-то раздобыли ручную телѣжку и нагружали ее какими-то грязными узлами и ломаной мебелью. Онѣ были слишкомъ заняты, чтобы обратить на насъ вниманіе; мы, молча, прошли мимо.

У Байфлитской станціи лѣсъ кончился; передъ нами разстилался мирный, залитой солнцемъ пейзажъ. Здѣсь мы были вдали отъ района дѣйствія теплового луча, и, еслибъ не безмолвные покинутые дома, не суета и шумъ укладки въ другихъ, да не сторожевой

постъ на мосту, этотъ день ничѣмъ не отличался бы отъ обыкновеннаго воскресенія.

По дорогѣ въ Аддльстонъ тянулись, скрипя, тяжело нагруженныя фуры и телѣги, въ раскрытыя настежъ ворота виднѣлись разставленныя на лугу, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, шесть двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, обращенныхъ дулами къ Уокингу. Возлѣ орудій ждали приказаній канониры; на надлежащей дистанціи стояли зарядные ящики; порядокъ вездѣ удивительный, какъ на смотру.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ я.—Ужъ эти ихъ угостятъ на славу.

У воротъ мой спутникъ замедлилъ было шагъ, потомъ рѣшилъ:

— Нѣтъ, пойду дальше.

Около Вэйбриджа, надъ самымъ мостомъ, солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ выводили длинную насыпь, валъ, за которымъ опять-таки виднѣлись пушки.

— Это все равно, что стрѣлы и лукъ противъ молніи,—покачалъ головой мой артиллеристъ.—Они еще не знаютъ, что такое огненный лучъ.

Въ Байфлитѣ мы застали страшное смятеніе. Обыватели укладывались; эскадронъ гусаръ,—иные спѣшившись, иные верхомъ, объѣзжали дома и выпроваживали жителей. На улицѣ стояли три черныхъ лазаретныхъ фуры съ чернымъ крестомъ въ бѣломъ кругу, старый омнибусъ и множество другихъ экипажей; на нихъ нагружали вещи. Вокругъ толпился народъ; иные, подвыпивъ, нарядились въ лучшее платье; солдаты напрасно старались выяснить имъ серьезность положенія. Какой-то сморщенный старикашка, стоя возлѣ огромнаго сундука, сплошь уставленнаго горшками орхидей, бранился съ капраломъ, который не хотѣлъ взять его вещей. Я остановился и схватилъ его за руку.

— Знаете ли вы, что тамъ такое?—спросилъ я, указывая на сосновый лѣсъ, гдѣ скрывались марсіане.

— А? Что?—обернулся онъ.—Нельзя же бросать такіе цвѣты; вѣдь они дорогіе.

— Смерть! — крикнулъ я ему. — Смерть идетъ! Смерть!—И, предоставивъ ему обдумать на досугѣ мои слова, я поспѣшилъ вслѣдъ за артиллеристомъ. На поворотѣ я обернулся. Капралъ ушелъ; старикъ все еще стоялъ надъ своими орхидеями, безсмысленно глядя въ сторону лѣса.

Въ Вэйбриджѣ никто не могъ указать намъ главной квартиры; я въ жизнь свою не видалъ такого смятенія, какое царило здѣсь. Повсюду экипажи: фуры, кареты, телѣги, почтенные обыватели и нарядныя дамы собственноручно укладывали свои вещи; имъ дѣятельно помогали крючники съ пристани; ребятишки вертѣлись подъ ногами, волнуясь и радуясь столь необычному воскресному развлеченію. Среди всей этой суматохи, викарій невозмутимо служилъ раннюю обѣдню, и звуки колокольчиковъ покрывали говоръ толпы.

Мы съ артиллеристомъ присѣли на ступеньки фонтана и довольно сносно позавтракали провизіей, взятой съ собой. Военный патруль,—только здѣсь не гусары, а бѣлые гренадеры,—обходилъ дома, убѣждая жителей выселиться или спрятаться въ погреба, какъ только начнется канонада. Переходя черезъ мостъ, мы видѣли кучу народа на станціи; вся платформа была завалена кладью. Обычное движеніе было прекращено; ходили одни военные поѣзда, перевозившіе войска и пушки въ Чертси: послѣ я узналъ, что въ этихъ поѣздахъ происходили отчаянныя схватки изъ-за каждаго свободнаго мѣста.

Мы оставались въ Вэйбриджѣ до полудня, помогая двумъ старушкамъ укладывать вещи въ маленькую телѣжку. Къ двѣнадцати мы очутились возлѣ Шеппертонскаго шлюза, гдѣ Вэй сливается съ Темзой. Вэй впадаетъ въ Темзу тремя рукавами; въ этомъ мѣстѣ есть пристань для лодокъ и черезъ рѣку ходитъ паромъ. На Шеппертонскомъ берегу стоитъ гостинница, а за нею высится надъ деревьями колокольня Шеппертонской церкви; впослѣдствіи она была замѣнена шпицемъ.

На берегу мы застали толпу народу. Страхъ еще не перешелъ въ панику, но бѣглецовъ все-таки было больше, чѣмъ сколько могло помѣститься на лод-

кахъ и паромѣ. Многіе кряхтѣли и пыхтѣли подъ тяжелыми ношами; одна чета—мужъ съ женою,—тащили вдвоемъ цѣлую дверь, на которой были навалены ихъ пожитки. Одинъ все увѣрялъ, что онъ непремѣнно уѣдетъ на поѣздѣ.

Надъ рѣкой стонъ стоялъ отъ разговоровъ; иные смѣялись и шутили. Здѣсь марсіанъ считали просто людьми гигантскаго роста и силы, которые могутъ напасть на городъ и разграбить его, но въ концѣ концовъ несомнѣнно будутъ перебиты. То одинъ, то другой нервно поглядывали въ сторону Чертси, но тамъ пока все было тихо.

На другой сторонѣ Темзы также все было спокойно, разумѣется, за исключеніемъ пристани. Видно было, какъ выскакивавшіе изъ лодокъ бѣглецы торопливо уходили по улицѣ. Только-что къ берегу пристадъ огромный паромъ. Нѣсколько человѣкъ солдатъ, стоя на лужайкѣ передъ гостинницей, подтрунивали надъ бѣглецами, но не предлагали имъ помощи. Гостинница была заперта.

— Что это?—воскликнулъ вдругъ лодочникъ; другой, стоявшій рядомъ со мной, прикрикнулъ на залаявшую было собаку: «Заткни глотку, болванъ!» Странный звукъ донесся снова, на этотъ разъ со стороны Чертси; это былъ отдаленный пушечный выстрѣлъ.

Бой начался. Почти тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ невидимыя батареи, за рѣкою направо,—невидимыя потому, что онѣ были скрыты за деревьями,—дали залпъ, и началась отчаянная пальба. Какая-то женщина зарыдала. Жутко было сознавать, что невдалекѣ люди сражаются, и ничего не видишь, кромѣ пышныхъ луговъ, мирно пасущагося на нихъ скота и серебристыхъ ивъ, грѣвшихся подъ лучами яркаго солнышка.

— Солдаты ихъ не пустятъ сюда,—неувѣреннымъ тономъ выговорила моя сосѣдка.

Надъ деревьями поплылъ какой-то туманъ, потомъ кверху взвился огромный клубъ дыма и повисъ въ воздухѣ; земля затряслась у надъ подъ ногами; воздухъ наполнился оглушительнымъ гуломъ; въ двухъ-трехъ домахъ полопались окна. Мы ничего не понимали.

— Вотъ они!—крикнулъ человѣкъ въ синей блузѣ.—Глядите! Видите вы ихъ? Вотъ они!

Вдали, скоро-скоро одинъ за другимъ показались четыре закованныхъ въ броню марсіанина и черезъ лугъ двинулись по направленію къ рѣкѣ. Издали они казались маленькими фигурками въ клобукахъ; они не шли, а словно катились, быстро, что твои птицы

Наискось отъ насъ и наперерѣзъ имъ шелъ пятый марсіанинъ. Покрытыя бронею тѣла ихъ блестѣли на солнцѣ; они направлялись прямо къ пушкамъ, выростая съ каждымъ шагомъ. Крайній налѣво немного отсталъ отъ товарищей, поднялъ кверху уже знакомый мнѣ большой ящикъ, направилъ губительный лучъ на Чертси, и городокъ тотчасъ былъ объятъ пламенемъ.

При видѣ этихъ странныхъ, и ужасныхъ созданій толпа оцѣпенѣла отъ ужаса. Ни криковъ, ни стоновъ,—молчаніе. Потомъ—хриплый шепотъ, шарканье ногъ и всплески воды. Всѣ бросились къ лодкамъ. Многіе, съ перепуга, и не подумали освободиться отъ своей ноши. Одинъ субъектъ сильно задѣлъ меня чемоданомъ. Какая-то женщина, пробѣгая мимо, дернула меня за руку. Я бѣжалъ за другими, но не настолько испугался, чтобъ потерять голову. Меня преслѣдовала мысль о страшномъ лучѣ. Что дѣлать? Нырнуть въ воду—вотъ гдѣ спасеніе!

— Въ воду! Въ воду бросайтесь!—крикнулъ я не своимъ голосомъ и, кубаремъ скатившись съ каменистаго берега, кинулся въ воду, внизъ головой. Многіе послѣдовали моему примѣру. Ноги мои скользили по мокрымъ, мшистымъ камнямъ; рѣка была такъ мелка, что я прошелъ около двадцати футовъ всего только по поясъ въ водѣ. Затѣмъ, увидавъ одного марсіянина всего въ двухстахъ ярдахъ отъ берега, я безъ дальнихъ размышленій нырнулъ. Изъ лодокъ прыгали прямо въ воду; всплески отдавались въ моихъ ушахъ раскатами грома.

Но марсіане обращали такъ же мало вниманія на всю эту суету, какъ человѣкъ, нечаянно наступившій на муравейникъ—на смятеніе муравьевъ. Полуза-

дохшись, я наконецъ высунулъ голову изъ воды, и увидалъ марсіанина, двигавшагося прямо на батареи, все еще палившія черезъ рѣку; камера съ тепловымъ лучемъ болталась у него на цѣпочкѣ.

Очутившись на берегу, онъ согнулся, однимъ взмахомъ переднихъ ногъ перешагнулъ черезъ рѣку и тотчасъ же выпрямился во весь ростъ у самаго Шеппертона. Шесть орудій, скрытыхъ въ засадѣ возлѣ деревни, неожиданно дали по немъ дружный залпъ. Чудовище уже подняло кверху камеру съ тепловымъ лучемъ, когда первая бомба разорвалась надъ его головой.

Я вскрикнулъ отъ удивленія. Два другихъ снаряда лопнули около туловища; марсіанинъ повернулъ шлемъ, и четвертый снарядъ угодилъ ему прямо въ лицо.

Градъ кусковъ окровавленнаго мяса и блестящаго металла посыпался на землю.

— Попалъ! — крикнулъ я, не то со смѣхомъ, не то съ рыданіемъ.

Бѣглецы отвѣчали мнѣ радостными возгласами; я пришелъ въ такой восторгъ, что готовъ былъ выскочить изъ воды.

Обезглавленный колоссъ зашатался, какъ пьяный, но не упалъ. Какимъ-то чудомъ онъ ухитрился сохранить равновѣсіе, хотя не могъ уже руководить своими движеніями, и, судорожно сжимая въ рукѣ камеру теплового луча, быстро зашагалъ по направленію къ Шеппертону. Онъ шелъ напрямикъ, не разбирая дороги, ударился, словно тараномъ, о колокольню, обрушилъ ее, шатнулся въ сторону, споткнулся и рухнулъ прямо въ рѣку.

Раздался всплескъ, грохотъ взрыва,— и огромный столбъ воды, ила, пара и обломковъ металла взлетѣлъ на воздухъ. Лишь только камера теплового луча коснулась воды, эта послѣдняя превратилась въ паръ. Огромная, грязная волна, словно во время прилива, только горячая, всколыхнула всю рѣку до дна и опрокинула лодку; крики и вопли заглушили гулъ взрыва.

Я забылъ объ опасности и, не чувствуя обжоговъ, отталкивая тѣхъ, кто попадался на пути, бросился къ марсіанину. Съ полдюжины опрокинутыхъ лодокъ безпомощно колыхались на волнахъ; колоссъ лежалъ поперекъ рѣки, на двѣ трети подъ водою.

Надъ нимъ клубились облака горячаго пара; я смутно видѣлъ, какъ трепетало его огромное тѣло, какъ онъ билъ по водѣ своими руками-щупальцами, пѣня воду и выкидывая со дна комки ила. Еслибъ не безпомощная безцѣльность этихъ движеній, ихъ можно было бы принять за напрасныя усилія раненаго, борющагося за свою жизнь среди волнъ. Изъ машины били фонтаномъ струи красно-бурой жидкости.

Вниманіе мое было внезапно отвлечено пронзительнымъ ревомъ, похожимъ на звуки сирены. Кто-то кричалъ мнѣ, на что-то указывалъ. Я обернулся и увидалъ остальныхъ марсіанъ, гигантскими шагами приближавшихся къ берегу со стороны Чертси. Шеппертонскія пушки опять дали залпъ, но на этотъ разъ никого не задѣли.

Я снова нырнулъ и, задерживая дыханіе, шелъ подъ водой, пока хватило силы, спотыкаясь на каждомъ шагу, съ мучительной болью въ груди. Вода вокругъ меня пѣнилась и съ каждымъ мгновеніемъ становилась горячѣе.

Я высунулъ голову, чтобы передохнуть, но ничего не увидѣлъ: надъ рѣкой клубился бѣлый туманъ, скрывавшій марсіанъ. Я едва различалъ ихъ гигантскія сѣрыя фигуры, казавшіяся величественными подъ покровомъ тумана. Они прошли мимо меня; двое нагнулись надъ еще трепетавшимъ трупомъ товарища; двое другихъ остались стоять въ водѣ, — одинъ не дальше какъ въ 200 шагахъ отъ меня, другой возлѣ Лалькэма. Оба держали въ рукахъ генеративныя камеры, какъ бы выметая страшными лучами окрестность.

Въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ множества звуковъ: бряцанье брони марсіанъ, грохотъ падающихъ домовъ, трескъ и шипѣнье огня—все сливалось въ оглушительный гулъ. Густой черный дымъ столбомъ стоялъ надъ рѣкой, смѣшиваясь съ паромъ; тепловой лучъ отмѣчалъ свой путь вспышками бѣлаго пламени, на мѣстѣ котораго сейчасъ же появлялись

огненные языки. Близкіе дома, еще не тронутые, покорно дожидались своей участи, окутанные завѣсою пара.

Съ минуту я стоялъ въ нерѣшимости, по грудь въ горячей водѣ, не надѣясь на избавленіе. Мои товарищи по несчастью растерянно метались по берегу, или же лѣзли изъ воды въ тростники, какъ лягушки скачутъ въ траву, завидя человѣка.

Вдругъ передъ моими глазами запрыгали бѣлыя искры губительнаго пламени. Прикосновеніе его сбрасывало крыши, раздвигало стѣны домовъ, превращало деревья въ огненные столбы. Лучъ прошелся по берегу, потомъ перескочилъ черезъ рѣку къ Шеппертону, и вода мгновенно закипѣла.

Высокая волна, горячая, какъ кипятокъ, захлестнула меня; я вскрикнулъ отъ боли и обожженный, полуослѣпленный, бросился къ берегу. Стоило мнѣ поскользнуться, я бы погибъ. На виду у марсіанъ я выбрался на берегъ, на косу, лежащую между Вэемъ и Темзой, и упалъ въ изнеможеніи. Я уже не ждалъ ничего, кромѣ смерти.

Смутно помню, какъ нога марсіанина наступила на камень, невдалекѣ отъ моей головы; потомъ была долгая пауза, потомъ четыре гиганта подняли и понесли останки товарища, то выступая отчетливо, то исчезая въ облакѣ дыма. Мнѣ казалось, что этому шествію не будетъ конца. Много времени прошло, прежде чѣмъ я сообразилъ, что на этотъ разъ я какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти.

XIII.

Какъ я встрѣтился съ викаріемъ.

Неожиданно убѣдившись такимъ образомъ въ могуществѣ земного оружія, марсіане отступили на свою первоначальную позицію — Хорсельскій лугъ. Они очень торопились и, кромѣ того, должны были нести останки погибшаго товарища; это вынудило ихъ пропустить безъ вниманія и пощадить многихъ заблудившихся одиночекъ, вродѣ меня. Въ данный моментъ между ними и Лондономъ находилось лишь нѣсколько двѣнадцатифунтовыхъ орудій; если бы они бросили убитаго и продолжали двигаться впередъ, они навѣрное пришли бы въ столицу раньше, чѣмъ вѣсть объ ихъ приближеніи, и нападеніе ихъ было бы столь же внезапно, ужасно и губительно, какъ землетрясеніе, сто лѣтъ тому назадъ разрушившее Лиссабонъ.

Но имъ спѣшить было некуда. Цилиндръ за цилиндромъ летѣлъ на землю съ Марса; каждые двадцать четыре часа они получали новыя подкрѣпленія. Тѣмъ временемъ на землѣ морскія и военныя власти, успѣвшія на опытѣ оцѣнить грозную силу своихъ противниковъ, въ свою очередь, не дремали и работали съ лихорадочной энергіей. То и дѣло прибывали новыя орудія, новые запасы зарядовъ; еще до сумерекъ всѣ загородныя виллы, расположенныя по склонамъ холмовъ Кингстона и Ричмонда, всѣ бугры и пригорки были превращены въ укрѣпленія, за которыми прятались, выжидая, черныя пасти пушекъ. Вокругъ главнаго лагеря марсіанъ, на Хорсельскомъ лугу, по обожженной безлюдной пустынѣ, занимавшей пространство, приблизительно, въ двадцать квадратныхъ миль, между развалинами сгорѣвшихъ деревень, между дымящимися пнями, остатками еще недавно зеленыхъ сосновыхъ рощъ, сновали самоотверженные развѣдчики, снабженные геліографами и готовые предупредить артиллерію о приближеніи марсіанъ. Но марсіане уже поняли опасность близкаго сосѣдства съ людьми, и подойти ближе, чѣмъ на милю, къ любому изъ цилиндровъ значило идти на вѣрную смерть.

Большую часть времени послѣ полудня марсіане посвятили переноскѣ различныхъ вещей изъ второго и третьяго цилиндра (второй упалъ въ Аддльстонѣ, третій—въ Пирфордѣ) въ главную квартиру, на Хорсельскій лугъ. Покончивъ съ переноской, они сошли съ своихъ боевыхъ машинъ и спустились въ яму; надъ почернѣвшимъ верескомъ и развалинами домовъ возвышалась лишь одна гигантская фигура — фигура часового. Почти всю ночь они провели за работой; клубы густого зеленаго дыма, вы-

ходившаго изъ ямы, можно было видѣть не только изъ Мерроу, но даже, говорятъ, изъ Ипсома и Банстэда.

Пока, позади меня, марсіане готовились къ новой вылазкѣ, а впереди человѣчество собиралось съ силами для страшнаго боя, я, съ безконечнымъ трудомъ и усиліями, прокладывалъ себѣ путь отъ пожарища къ Лондону.

Вдали, на рѣкѣ, я увидалъ брошенную лодку, медленно плывшую по теченію; я на половину раздѣлся, пошелъ за ней, настигъ ее и въ ней спасся отъ гибели. Веселъ не было; я отталкивался шестомъ, замѣнявшимъ руль, насколько мнѣ это позволяли мои обожженныя руки, подвигаясь впередъ страшно медленно и безпрестанно оглядываясь назадъ. Я рѣшилъ, что, въ случаѣ возвращенія марсіанъ, больше всего шансовъ спастись все-таки въ водѣ.

Рѣка все еще была окутана горячимъ паромъ, такъ что я проплылъ полмили, почти не видя береговъ. Разъ только я разглядѣлъ черныя фигуры, гуськомъ бѣгущія черезъ лугъ по направленію отъ Вэйбриджа. Первое мѣстечко, попавшее мнѣ на пути, Галлифордъ, было, повидимому, покинуто населеніемъ; часть домовъ, выходившихъ фасадами къ рѣкѣ, пылали. Странно было видѣть, подъ яркимъ синимъ небомъ, эту картину полнаго покоя и безлюдья, клубы дыма и пламени, поднимавшіеся прямо кверху, въ знойномъ воздухѣ полудня. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть пожара безъ взволнованной, суетящейся и кричащей толпы. Неподалеку дымились и тлѣли тростники; огонь медленно и упорно прокладывалъ себѣ дорогу вглубь страны, къ оставшемуся нескошеннымъ лугу.

Я чувствовалъ такую усталость и боль во всемъ тѣлѣ, что скоро пересталъ грести импровизированнымъ весломъ и предоставилъ моей лодкѣ плыть по теченію; но потомъ страхъ опять одолѣлъ меня, и я снова принялся, какъ могъ и умѣлъ, помогать теченію. На рѣкѣ было страшно жарко; солнце жгло мою обнаженную спину. Наконецъ, уже въ виду Уольтонскаго моста, я до того изнемогъ, что причалилъ къ Миддльсекскому берегу и замертво повалился на высокую траву. Должно быть, это было между четырьмя и пятью часами пополудни. Почти тотчасъ же я вскочилъ, прошелъ съ полмили, не встрѣтивъ ни души, и снова прилегъ отдохнуть въ тѣни изгороди. Помню, что я бредилъ на яву; меня мучила жажда и я горько сожалѣлъ, что, будучи на рѣкѣ, не напился, такъ сказать про запасъ. Странно, что я въ то же время сердился на жену, ужъ не знаю, за что; вѣроятно, это было результатомъ моего безсильнаго желанія попасть въ Лезерхэдъ.

Прихода священника хорошенько не помню; должно быть, я задремалъ. Я увидалъ его уже сидящимъ неподалеку, безъ сюртука, съ запачканными сажей рукавами рубашки, съ гладко выбритымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу, покрытому легкими, перистыми облачками, позолоченными лучами заката.

Я приподнялся; мое движеніе спугнуло его; онъ быстро обернулся.

— Есть у васъ вода? — былъ мой первый вопросъ.

Онъ покачалъ головой.

— Вы все время бредили водой.

Съ минуту мы оба молчали, разглядывая другъ друга. Надо сознаться, что я представлялъ изъ себя довольно странную фигуру—полунагой, въ однихъ мокрыхъ чулкахъ и панталонахъ, обожженный, съ закоптившимся лицомъ и плечами. Онъ былъ свѣтлый блондинъ, съ бѣлой кожей, большими блѣдно-голубыми глазами и срѣзаннымъ подбородкомъ; его почти льняного цвѣта волосы падали завитками на низкій лобъ. Онъ безсмысленно смотрѣлъ вдаль и говорилъ отрывистыми, короткими фразами.

— Что это значитъ? Что все это означаетъ?

Я уставился на него и не отвѣтилъ.

Онъ протянулъ впередъ тонкую бѣлую руку и заговорилъ жалобнымъ тономъ:

— Какъ можно позволять такія вещи? Чѣмъ мы согрѣшили? Я отслужилъ обѣдню, пошелъ пройтись, чтобы освѣжиться, приготовиться къ вечерней проповѣди, и вдругъ—пожаръ, землетрясеніе, смерть! Словно казнь Содома и Гоморры! Все погибло, всѣ наши труды

пошли прахомъ... Что такое эти марсіане?

— Что такое мы съ вами? — отвѣтилъ я вопросомъ.

Онъ обхватилъ руками колѣни и, обернувшись, долго, пристально смотрѣлъ на меня.

— Я вышелъ пройтись, освѣжиться,— повторилъ онъ. — И вдругъ, пожаръ, землетрясеніе, смерть!

Онъ умолкъ и опять наступила долгая пауза; подбородокъ его почти упирался въ колѣни.

Вдругъ онъ замахалъ рукой:

— Всѣ труды пропали даромъ, всѣ воскресныя школы!.. Что мы сдѣлали— чѣмъ грѣшенъ Вэйбриджъ? Все погибло, разрушено! А церковь! Ее перестроили всего три года назадъ. И вдругъ—стерта съ лица земли! За что?!

Снова наступило молчаніе и снова онъ завопилъ, какъ помѣшанный, сверкая глазами и указывая длиннымъ, тонкимъ пальцемъ по направленію къ Вэйбриджу.—Дымъ отъ ея пожара вознесется къ престолу Всевышняго!

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло. Передо мной, очевидно, былъ бѣглецъ изъ Вэйбриджа; страшная трагедія, происшедшая у него на глазахъ, помутила его разсудокъ.

— Далеко отсюда до Сэнбёри?—спросилъ я дѣловымъ тономъ.

— Что намъ дѣлать?—говорилъ онъ, не слушая.—Неужели эти твари разсѣяны повсюду? Неужели земля отдана имъ во владѣніе?

— Далеко отсюда до Сэнбёри?

— Не далѣе, какъ сегодня утромъ я служилъ раннюю обѣдню...

— А теперь все перемѣнилось,—спокойно докончилъ я.—Главное, не падайте духомъ. Будемъ надѣяться...

— Надѣяться?

— Ну да. Они натворили много бѣдъ, но вѣдь еще не все потеряно.

Я началъ высказывать ему свои взгляды на наше положеніе. Вначалѣ онъ слушалъ съ интересомъ, потомъ снова отвернулся отъ меня, и глаза его приняли прежнее безучастное выраженіе.

— Это, должно быть, начало конца,— молвилъ онъ, перебивая меня.—Конецъ! Великій и страшный день судный, день, когда люди будутъ говорить горамъ: падите на насъ!—и холмамъ: покройте насъ, укройте насъ отъ лица Сидящаго на тронѣ!

Для меня все стало ясно. Разсуждать съ нимъ не стоило. Я съ трудомъ поднялся, подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной! Придите въ себя; вы совсѣмъ обезумѣли. Чего же стоитъ ваша вѣра, если она не поддерживаетъ васъ въ годину бѣдствія? Вспомните, сколько человѣчество уже выстрадало отъ потоповъ, землетрясеній, изверженій вулкановъ и войнъ. Почему вы полагаете, что Богъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для Вэйбриджа...

Съ минуту онъ тупо молчалъ.

— Но какъ же спастись?—выговорилъ онъ вдругъ.—Они неуязвимы, они безжалостны...

— Первое невѣрно, а, можетъ быть, и второе тоже,—возразилъ я.—Чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ мы должны быть бдительнѣе и благоразумнѣе. Одинъ уже убитъ не далѣе, какъ три часа тому назадъ.

— Убитъ!—воскликнулъ онъ, дико озираясь кругомъ.—Какъ могутъ быть убиты посланники Божіи?

— Я самъ видѣлъ. Мы случайно попали въ самую суматоху.

— Что это за свѣтъ скользитъ по небу?—спросилъ онъ вдругъ.

Я объяснилъ ему, что это развѣдчики подаютъ сигналы посредствомъ геліографа; слѣдовательно, человѣческая помощь близка.

— Мы съ вами находимся въ центрѣ борьбы,—продолжалъ я,—даромъ, что кругомъ все спокойно. Этотъ свѣтъ на небѣ предвѣстникъ надвигающейся грозы. Позади насъ марсіане, а впереди, по дорогѣ къ Лондону,—вонъ тамъ, подъ прикрытіемъ Ричмондскихъ холмовъ и деревьевъ, выводятъ земляные окопы, устанавливаютъ орудія; скоро марсіане опять двинутся по этой дорогѣ...

Я не успѣлъ договорить, какъ онъ вскочилъ на ноги и жестомъ остановилъ меня.

— Слышите?..

Изъ за низкихъ зарѣчныхъ холмовъ глухо донеслась пальба и какой-то нечеловѣческій вопль. Потомъ все стихло. Мимо насъ, жужжа, пролетѣлъ майскій жукъ и скрылся за изгородью; высоко на небѣ, съ западной стороны, надъ дымомъ пожаровъ и яркимъ закатомъ блѣдный и узкій молодой мѣсяцъ лилъ мягкій свѣтъ...

— Пойдемте-ка мы лучше вонъ по этой дорожкѣ, на сѣверъ,—предложилъ я.

XIV.

Въ Лондонѣ.

Во время нападенія марсіанъ на Уокингъ мой младшій братъ, студентъ-медикъ, находился въ Лондонѣ. Онъ усиленно готовился къ экзаменамъ и ничего не зналъ о случившемся вплоть до субботы, когда въ утреннихъ газетахъ наряду съ длинными спеціальными статьями о планетѣ Марсъ, о жизни на планетахъ вообще и т. под., появилась коротенькая и путанная телеграмма, еще болѣе удивительная, благодаря ея краткости.

Въ телеграммѣ говорилось, что марсіане, напуганные приближеніемъ людей, перебили множество народу изъ какого-то скорострѣльнаго орудія. «Впрочемъ,—гласила она,—несмотря на свой грозный видъ и могущество, марсіане до сихъ поръ не выходятъ изъ ямы и, повидимому, не въ состояніи этого сдѣлать. Причина, по всей вѣроятности, большая, сравнительно съ Марсомъ, сила тяготѣнія на землѣ». Передовая статья, составленная въ очень успокоительномъ духѣ, была посвящена обсужденію именно этого свойства земли и его вліянія на марсіанъ.

Разумѣется всѣ студенты, въ томъ числѣ и мой братъ, были очень заинтересованы этимъ краткимъ сообщеніемъ, но на улицахъ особеннаго оживленія не замѣчалось. Газеты, вышедшія среди дня, принесли весьма микроскопическія новости подъ огромными заголовками. Онѣ говорили только о передвиженіяхъ войскъ и лѣсномъ пожарѣ между Уокингомъ и Вэйбриджемъ. Въ восемь вечера вышло экстренное изданіе *Сентъ-Джемской газеты*, сообщавшее голый фактъ—о перерывѣ телеграфнаго сообщенія съ Уокингомъ, что объяснялось тѣмъ же пожаромъ, т. е. поврежденіемъ проволоки упавшими деревьями. И только! Во время нашего бѣгства въ Лезерхэдъ, въ Лондонѣ никто еще ничего не зналъ о битвѣ.

Братъ не безпокоился за насъ, зная изъ газетъ, что цилиндръ лежитъ на разстояніи добрыхъ двухъ миль отъ нашего дома. Онъ рѣшилъ однако вечеркомъ съѣздить ко мнѣ, чтобы, какъ онъ выражался, взглянуть на залетныхъ гостей, прежде чѣмъ ихъ укокошатъ. Чтобы предупредить меня, онъ въ четыре часа дня отправилъ мнѣ телеграмму, которая такъ и не дошла по назначенію, а самъ пошелъ въ какой-то концертъ.

Въ Лондонѣ, въ ночь съ субботы на воскресенье, также разыгралась гроза и брату пришлось взять кэбъ, чтобы ѣхать на Ватерлоосскую станцію. На платформѣ, съ которой отправляются ночные поѣзда, ему объявили, что сообщеніе въ Уокингомъ прекращено, вслѣдствіе несчастнаго случая. Подробныхъ разъясненій онъ не добился; желѣзнодорожное начальство и само хорошенько не знало, какого рода былъ этотъ несчастный случай. На станціи никто особенно не волновался, никому и въ голову не приходило, что произошло нѣчто болѣе важное, чѣмъ простое крушеніе поѣзда между Уокингомъ и Байфлитомъ. Служащіе хлопотали о переводѣ на кружный путь театральныхъ поѣздовъ, обыкновенно ходившихъ черезъ Уокингъ, и дѣлали приготовленія къ измѣненію маршрута Воскресной Лиги, устраивающей по праздникамъ экскурсіи въ Портсмутъ и Соутгэмптонъ. Какой-то газетный репортеръ принялъ брата за начальника движенія, на котораго онъ очень похожъ, и вздумалъ учинить ему ночное интервью. Кромѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ, очень немногіе винили въ несчастіи марсіанъ.

Въ одномъ мемуарѣ о нашествіи марсіанъ говорится, что въ воскресенье, утромъ, «весь Лондонъ былъ наэлектризованъ извѣстіями изъ Уокинга». Это большое преувеличеніе; на дѣлѣ ничего

подобнаго не было. Большинство жителей Лондона до утра понедѣльника, т. е. до наступленія паники, и не слыхали о марсіанахъ. По воскресеньямъ въ Лондонѣ мало кто читаетъ газеты, а кто и прочелъ спѣшно и безтолково составленныя воскресныя телеграммы, не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Къ тому же, лондонцы такъ глубоко убѣждены въ собственной безопасности и сенсаціонныя извѣстія въ газетахъ для нихъ такая обычная вещь, что читавшіе нисколько не волновались за себя лично. Между тѣмъ, утреннія воскресныя газеты гласили слѣдующее: «Вчера вечеромъ, около семи часовъ, марсіане вышли изъ цилиндра; двигаясь подъ прикрытіемъ брони изъ металлическихъ щитовъ, они совершенно разрушили станцію Уокингъ съ прилегающими къ ней домами и уничтожили цѣлый пѣхотный баталіонъ Кардиганскаго полка. Подробности неизвѣстны. Броня дѣлаетъ ихъ неуязвимыми для ружейныхъ выстрѣловъ; полевыя орудія ими подбиты. Конница спаслась бѣгствомъ въ Чертси. Марсіане, повидимому, медленно подвигаются къ Чертси или Виндзору. Въ Западномъ Сурреѣ сильное волненіе; наскоро воздвигаютъ земляные окопы, чтобы преградить врагамъ путь къ Лондону». Эта телеграмма была помѣщена въ «Sunday Sun», а въ «Referee» появилась весьма остроумная «руководящая» статья, гдѣ вся исторія сравнивалась съ похожденіями звѣринца, внезапно вырвавшагося на свободу въ мирной деревушкѣ.

Въ Лондонѣ никто не имѣлъ правильнаго представленія о закованныхъ въ броню марсіанахъ; всѣ почему-то были глубоко убѣждены въ неповоротливости чудовищъ; въ тогдашнихъ газетахъ ихъ то и дѣло именуютъ «пресмыкающимися» или «ползунами». Должно быть, сообщенія доставлялись изъ третьихъ рукъ, а не очевидцами. Воскресныя газеты, по мѣрѣ полученія извѣстій, а иногда и безъ всякой надобности, выходили все новыми и новыми изданіями. Между тѣмъ до вечера говорить имъ, въ сущности, было не о чемъ. Подъ вечеръ появилось оффиціальное сообщеніе о томъ, что жители Уольтона, Вэйбриджа и окрестныхъ селеній большими партіями движутся по направленію къ Лондону.

Утромъ въ воскресенье братъ мой, все еще ничего не зная о происшедшемъ, отправился въ церковь воспитательнаго дома, гдѣ служили молебенъ объ избавленіи отъ нашествія иноплеменниковъ. На обратномъ пути онъ купилъ нумеръ «Referee», прочитавъ его, сильно встревожился и снова пошелъ на Ватерлооскую станцію справиться, возстановлено ли сообщеніе съ Уокингомъ. По улицамъ сновали кэбы, омнибусы, велосипедисты; тротуары были запружены гуляющими въ праздничныхъ костюмахъ; странныя новости, выкрикиваемыя продавцами газетъ, ни на кого, повидимому, не производили особеннаго впечатлѣнія. Интересовались многіе, но безпокоились только тѣ, у кого были родственники въ тѣхъ мѣстахъ. На станціи онъ впервые узналъ, что сообщеніе съ Виндзоромъ и Чертси также прекращено. Носильщики разсказывали, что утромъ изъ Байфлита и Чертси пришло нѣсколько важныхъ телеграммъ, но затѣмъ всякія извѣстія вдругъ прекратились, должно быть, вслѣдствіе поврежденія проволоки. Точныхъ свѣдѣній добиться отъ нихъ было трудно; въ общемъ, братъ резюмировалъ все слышанное одной фразой: «Гдѣ-то около Вэйбриджа дерутся».

На станціи все пришло въ разстройство; порядокъ движенія поѣздовъ былъ нарушенъ. На платформѣ собралась толпа горожанъ, ожидающихъ прибытія родныхъ и друзей съ юго-западныхъ станцій. Какой-то сѣдой старикъ горько жаловался брату на правленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, увѣряя, что его «необходимо подтянуть».

Пришло нѣсколько поѣздовъ изъ Ричмонда, Путнея и Кингстона, привезшихъ назадъ лондонскихъ обывателей, которые выѣхали рано утромъ, съ цѣлью покататься на лодкѣ и половить рыбу, но, найдя шлюзы запертыми и почувствовавъ, что въ воздухѣ пахнетъ паникой, сочли за лучшее вернуться домой. Одинъ изъ нихъ, въ матросскомъ, синемъ съ бѣлымъ костюмѣ, разсказывалъ престранныя вещи.

Масса народу изъ Мольси, Вэйбриджа

и Уольтона перебирается въ Кингстонъ. Вся дорога запружена телѣгами, бричками, фурами, нагруженными всякимъ домашнимъ скарбомъ. Въ Чертси, говорятъ, палили изъ пушекъ; по всѣмъ деревнямъ разъѣзжаютъ конные солдаты и всѣмъ велятъ выселяться, потому что идутъ марсіане. *Мы* сами слышали пальбу, но думали, что это громъ. Что за чортъ! Что все это значитъ? Развѣ марсіане могутъ вылѣзть изъ своей ямы?

На этотъ вопросъ братъ не могъ ему отвѣтить.

Смутное чувство тревоги сообщилось пассажирамъ подземныхъ желѣзныхъ дорогъ; члены воскресной лиги необычайно рано возвратились изъ своихъ обычныхъ загородныхъ экскурсій. Никто еще не зналъ ничего опредѣленнаго, но всѣмъ было не по себѣ.

Около пяти часовъ собравшіеся на станціи были несказанно удивлены открытіемъ движенія по соединительной вѣтви между юго-западными и юго-восточными дорогами,—вѣтви, почти всегда закрытой,—затѣмъ появленіемъ товарныхъ платформъ съ пушками и вагоновъ, биткомъ набитыхъ солдатами. Это везли орудія изъ Вульвича и Чатама въ Кингстонъ. Пошли разспросы, шутки: — «Да васъ тамъ съѣдятъ!» — «Вотъ они, укротители!» и т. под. Немного погодя на станцію прибылъ взводъ полицейскихъ съ приказаніемъ очистить платформы, и мой братъ, въ числѣ прочихъ, снова очутился на улицѣ.

Звонили къ вечернѣ. По Ватерлооброду съ пѣніемъ двигался женскій отрядъ арміи спасенія. На мосту толпа зѣвакъ съ любопытствомъ разглядывала странную темную пѣну, пятнами плывшую по рѣкѣ. Солнце садилось; контуры зданій мягко выступали на золотомъ фонѣ неба, прорѣзаннаго длинными косыми полосами пурпура. Но настроеніе людей не соотвѣтствовало этой мирной картинѣ. Толковали о плывущемъ по волнамъ трупѣ. Одинъ изъ зрителей, резервистъ, сказалъ брату, что видѣлъ на западѣ сигналы, подаваемые геліографомъ.

На Веллингтонъ-стритѣ братъ повстрѣчалъ пару дюжихъ молодцовъ, только что выскочившихъ изъ типографіи съ еще сырыми листами газетъ и разноцвѣтными объявленіями. — «Страшная катастрофа!»—кричали они другъ другу.—«Сраженіе при Вэйбриджѣ! Полное описаніе. Марсіане отбиты. Лондонъ въ опасности!»

Братъ купилъ за три пенса газету и, только прочтя ее, могъ оцѣнить до извѣстной степени могущество и силу марсіанъ. Онъ понялъ, что передъ нами дѣйствительно грозный врагъ,—не какіе-то жалкіе ползуны, но существа мыслящія, разумныя, создавшія себѣ огромное искусственное тѣло, обладающія способностью передвигаться съ необычайной быстротой и губительной силой, съ которой не въ состояніи соперничать самыя крупныя пушки.

Въ газетѣ о нихъ говорилось: «Это огромныя паукообразныя машины, около ста футовъ вышины, двигающіяся съ быстротой курьерскаго поѣзда и стрѣляющія интенсивнымъ тепловымъ лучомъ». Далѣе сообщалось, что вся мѣстность около Хорсельскаго луга и въ особенности между Лондономъ и Уокингомъ была защищена замаскированными батареями, преимущественно изъ полевыхъ орудій, но что всѣ эти батареи уничтожены тепловымъ лучомъ. Ядра не попадали въ цѣль; изъ шести машинъ разрушена только одна, и то благодаря счастливой случайности; остальныя пять видѣли направляющимися къ Темзѣ. Приведена была цифра потерь, очень крупная, но, въ общемъ, тонъ депеши былъ все же оптимистическій.

Марсіане отбиты; они не неуязвимы; они отступили къ своимъ цилиндрамъ, образующимъ треугольникъ вокругъ Уокинга. Ихъ со всѣхъ сторонъ оцѣпили геліографами. Изъ Виндзора, Портсмута, Ольдершота, Вульвича, даже съ сѣвера, спѣшно подвозятъ пушки, въ томъ числѣ длинныя проволочныя девяносто-пяти-тонныя орудія. Уже около 116 орудій выставлены на позицію, главнымъ образомъ съ цѣлью прикрытія Лондона. Никогда еще въ Англіи не было примѣра такого спѣшнаго сосредоточенія боевыхъ силъ въ одномъ мѣстѣ и въ такомъ огромномъ количествѣ.

Надо надѣяться, что послѣдующіе цилиндры, если они упадутъ, немедленно будутъ разрушены сильными взрывчатыми веществами, которыя спѣшно фабрикуются и разсылаются повсемѣстно. Положеніе, безспорно, необычно и весьма серьезно, но все же населеніе не должно поддаваться паникѣ. Какъ ни страшны марсіане, не надо забывать, что ихъ не больше двадцати противъ нашихъ милліоновъ.

Судя по величинѣ цилиндровъ, есть полное основаніе думать, что каждый цилиндръ можетъ вмѣстить не болѣе пяти чудовищъ—итого пятнадцать. Одно уже убито, а можетъ быть, и больше. Лондонцы будутъ заблаговременно предупреждены о приближеніи марсіанъ; приняты всѣ мѣры для защиты населенія юго-западныхъ областей, наиболѣе подвергающихся опасности. Все заканчивалось увѣреніями, что собственно Лондону не грозитъ никакая опасность, что жители его должны вполнѣ положиться на правительство, которое съумѣетъ съ честью выйти изъ затрудненія.

Эта quasi прокламація была напечатана огромными буквами и занимала цѣлый газетный листъ большого формата, только что вышедшій изъ подъ станка; весь остальной газетный матеріалъ былъ безжалостно скомканъ на оборотѣ.

Огромные розовые листы развертывались и прочитывались тутъ же на улицѣ. За первыми двумя піонерами послѣдовали другіе; скоро Странд наводнила цѣлая армія газетчиковъ, оглашая воздухъ своими криками. Публика страшно волновалась; прежней апатіи какъ не бывало. Въ картографическомъ заведеніи на Странд открыли ставни, и братъ самъ видѣлъ въ окно, какъ господинъ въ праздничномъ костюмѣ и лимоннаго цвѣта перчаткахъ, торопливо наклеивалъ на стекло изнутри карты и планы Суррея.

Проходя по Странду къ Трафальгоръ-скверу, съ газетой въ рукѣ, братъ повстрѣчалъ семейство бѣглецовъ изъ западнаго Суррея. Мужъ катилъ передъ собой телѣжку, въ какихъ развозятъ свой товаръ зеленщики, нагруженную разнымъ домашнимъ скорбомъ; за нимъ шли жена и двое дѣтей. Далѣе, на возу изъ подъ сѣна возсѣдали пять-шесть почтеннаго вида джентльменовъ, съ узлами и сундуками. Блѣдныя, испуганныя лица и вообще внѣшность ихъ представляла разительный контрастъ съ праздничными физіономіями и костюмами лондонцевъ. Изъ оконъ омнибусовъ и кэбовъ высовывались головы, съ любопытствомъ разглядывавшія бѣглецовъ. Они остановились на площади, какъ бы не зная, куда ѣхать дальше, и, наконецъ, свернули на востокъ, по Странду. Немного погодя проѣхалъ мужчина, въ рабочей блузѣ, на старинномъ трехколесномъ велосипедѣ съ маленькимъ переднимъ колесомъ, весь блѣдный и забрызганный грязью.

Братъ свернулъ въ улицу Викторіи, гдѣ бѣглецы попадались чуть не на каждомъ шагу, смутно надѣясь увидать въ числѣ ихъ меня. Ему бросилось въ глаза необычайное количество полицейскихъ, регулировавшихъ движеніе. Нѣкоторые изъ бѣглецовъ обмѣнивались новостями и впечатлѣніями съ пассажирами конокъ. Одинъ увѣрялъ, что самъ своими глазами видѣлъ марсіанъ. «Это какіе-то котлы на ходуляхъ, а шагаютъ, какъ люди». И разсказчикъ, и слушатели были страшно взволнованы.

Въ трактирахъ торговля шла бойко. По угламъ и перекресткамъ кучками стояли лондонскіе обыватели, читая газеты, оживленно толкуя между собой или разглядывая необычныхъ воскресныхъ гостей. Подъ вечеръ движеніе усилилось, и улицы, по словамъ брата, приняли видъ Ипсомскаго шоссе въ день скачекъ. Братъ заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ бѣглецовъ, но не многіе давали удовлетворительные отвѣты.

Объ Уокингѣ никто ничего не могъ сообщить ему, кромѣ одного, увѣрявшаго, что въ Уокингѣ наканунѣ ночью не осталось камня на камнѣ.

— Я самъ изъ Байфлита,—говорилъ онъ,—нынче рано утромъ черезъ наше мѣстечко проѣхалъ человѣкъ на велосипедѣ; онъ останавливался у каждаго дома и всѣмъ совѣтовалъ выселяться. Потомъ пришли солдаты. Мы всѣ высыпали на улицу, но на югѣ ничего не было видно, кромѣ густаго дыма. Потомъ въ Чертси стали палить изъ пушекъ, народъ по-

валилъ къ намъ изъ Вэйбриджа... Я заперъ домъ и поспѣшилъ убраться по добру по здорову.

Лондонцы волновались еще больше и громко бранили властей за то, что они не съумѣли предупредить этого нашествія или, по крайней мѣрѣ, устроить поудобнѣе бѣглецовъ.

Часамъ къ восьми въ южныхъчастяхъ Лондона стала слышна канонада. Уличный шумъ заглушалъ ее, но, выйдя къ рѣкѣ, братъ могъ явственно различить пушечные выстрѣлы.

Домой, на Риджентъ стритъ онъ вернулся только къ двумъ часамъ дня, взволнованный и разстроенный, теперь уже не на шутку тревожась за меня. Воображеніе рисовало ему безмолвно выжидающія жерла пушекъ, мирныя села, внезапно превратившіяся въ кочевья; онъ пытался представить себѣ «котлы на ходуляхъ» въ сто футовъ вышиною.

На Оксфордъ-стритѣ и Мэрильбонъродѣ ему попалось еще нѣсколько повозокъ съ бѣглецами, но въ общемъ дурныя вѣсти циркулировали такъ медленно, что дальнія улицы, вродѣ Риджентъ-стрита; были, какъ всегда по воскресеньямъ, полны гуляющихъ; въ паркѣ, какъ всегда, прохаживались подъ руку и молча вздыхали влюбленныя парочки. Вечеръ былъ теплый, тихій, въ воздухѣ немного душно, пальба не прекращалась; послѣ полуночи на югѣ какъ будто сверкнула зарница.

Братъ читалъ и перечитывалъ газету, не находя себѣ мѣста отъ безпокойства. Пообѣдавъ, онъ снова пошелъ безцѣльно бродить по улицамъ, потомъ вернулся домой, попробовалъ заниматься, но не могъ. Немного за полночь онъ легъ спать, но подъ утро былъ разбуженъ стукомъ дверныхъ молотковъ, бѣготней на улицахъ, звономъ колоколовъ и барабаннымъ боемъ. На потолкѣ игралъ какой-то странный, красный отблескъ. Братъ съ минуту полежалъ, съ просонокъ не соображая, что это значитъ, потомъ вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ окну.

Комнатка его находилась въ верхнемъ этажѣ, на антресоляхъ. На стукъ его окна откликнулась эхомъ дюжина другихъ распахнувшихся оконъ; отовсюду высовывались заспанныя лица, растрепанныя головы во всевозможныхъ ночныхъ уборахъ. «Идутъ!»—ревѣлъ полицейскій, изъ всей силы колотя молоткомъ въ дверь—«марсіане идутъ!» И онъ поспѣшилъ къ слѣдующему дому.

Изъ сосѣднихъ казармъ доносился барабанный бой и звукъ трубъ, игравшихъ тревогу. Въ церквахъ били набатъ; колокола работали во всю, разгоняя сонъ обывателей. Гдѣ-то хлопали дверьми; въ противоположныхъ домахъ одно за другимъ освѣщались окна.

По улицѣ въ галопъ мчалась карета. Стукъ колесъ нарушилъ тишину, прокатился громомъ подъ окнами и постепенно замеръ вдали. Сейчасъ же вслѣдъ за каретой проскакали два кэба, а за ними потянулась цѣлая вереница разнообразнѣйшихъ экипажей, направляющихся къ станціи сѣверо-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Не помня себя отъ изумленія, братъ долго глядѣлъ на экипажи, на полицейскихъ, перебѣгавшихъ отъ двери къ двери, всюду повторяя свою непонятную фразу. Вдругъ дверь позади его отворилась и вошелъ сосѣдъ, жившій черезъ площадку, безъ сюртука, въ туфляхъ, въ незастегнутыхъ подтяжкахъ и съ всклокоченной головой.

— Что за дьявольщина! Чортъ знаетъ, какую возню подняли! Что тамъ такое? Пожаръ, что ли?

Оба высунули головы изъ окна, напрягая слухъ, чтобы разобрать слова полисмена. Изъ боковыхъ улицъ и переулковъ валомъ валилъ народъ; по угламъ образовались группы.

— Чортъ побери! да въ чемъ же, наконецъ, дѣло?—спросилъ брата сосѣдъ.

Братъ пробормоталъ что-то неопредѣленное и принялся одѣваться, подбѣгая съ каждой принадлежностью туалета къ окну, чтобы не пропустить ничего изъ того, что происходило на улицѣ. Не смотря на необычный ранній часъ, по панелямъ уже сновали газетчики, выкрикивая:

— Лондонъ въ опасности! Взятіе кингстонскихъ и ричмондскихъ укрѣпленій! Страшное избіеніе въ долинѣ Темзы!

Внизу, подъ комнатой брата, въ сосѣднихъ домахъ, въ домахъ напротивъ,

по всей улицѣ, по всему огромному городу отъ одного конца до другого, шла страшная суета: люди протирали глаза, высовывались въ открытыя окна, задавали безцѣльные вопросы, торопливо одѣвались, боясь потерять хоть минуту. Это было начало паники, первое дыханіе налетавшей бури. Лондонъ, еще наканунѣ тупой, инертный, спокойно уснувшій въ воскресенье, былъ пробужденъ подъ утро понедѣльника живымъ сознаніемъ опасности.

Потерявъ надежду узнать что нибудь, сидя у окна, братъ одѣлся и вышелъ на улицу. Небо только начинало принимать розоватый оттѣнокъ. Народу на улицахъ прибывало все больше. Кто спасался пѣшкомъ, кто въ экипажѣ, крича: «Черный дымъ! Черный дымъ!» Страхъ заразителенъ; не поддаться этой поголовной паникѣ было невозможно. Братъ еще медлилъ на порогѣ, когда мимо него пробѣжалъ газетчикъ; онъ спѣшилъ удрать вмѣстѣ съ прочими. Братъ на бѣгу остановилъ его, купилъ у него газету за шиллингъ—любопытно, что люди и въ такія критическія минуты не забываютъ о своихъ выгодахъ—и прочелъ слѣдующую депешу главнокомандующаго:

«Марсіане, съ помощью ракетъ, пускаютъ огромные клубы чернаго ядовитаго дыма. Они задушили имъ нашу артиллерію; разрушили Ричмондъ, Кингстонъ и Уимбльдонъ и медленно подвигаются къ Лондону, уничтожая все по пути. Остановить ихъ немыслимо. Спастись отъ чернаго дыма можно только бѣгствомъ».

И только, но этого было достаточно. Все шестимилліонное населеніе огромнаго города, обезумѣвъ отъ ужаса, сорвалось съ насиженныхъ мѣстъ и валомъ валило на сѣверъ.

— Черный дымъ!—кричали одни.—Пожаръ!—вопили другіе.

Трезвонъ колоколовъ, трескъ повозки, наскочившей съ разбѣгу на водопойную колоду и разбившейся въ куски, крики, брань и проклятія сливались въ оглушительный гулъ. Въ окнахъ домовъ мелькали какіе-то зловѣщіе желтые огоньки; у нѣкоторыхъ изъ проѣзжавшихъ экипажей также горѣли фонари. А надъ головами смятенныхъ, обезумѣвшихъ отъ страха людей все свѣтлѣло и свѣтлѣло чистое, ясное небо.

Братъ слышалъ бѣготню въ сосѣднихъ комнатахъ и по лѣстницѣ. Мимо двери его комнаты прошла квартирная хозяйка, полураздѣтая, въ наскоро накинутомъ капотѣ и шали; за ней слѣдовалъ ея мужъ, бормоча себѣ подъ носъ молитву.

Братъ, наконецъ, уяснилъ себѣ всю серьезность данной минуты, поспѣшно вернулся въ свою комнату, сунулъ въ карманъ всѣ свои наличныя деньги, около десяти фунтовъ, и снова вышелъ на улицу.

XIV.

Что случилось въ Сурреѣ.

Пока священникъ велъ со мной безумныя рѣчи, подъ изгородью на лугу, близъ Галифакса, а братъ слѣдилъ за потокомъ бѣглецовъ, наводнившихъ Вестминстерскій мостъ, марсіане положили перейти въ наступленіе. Насколько можно судить по сбивчивымъ и противорѣчивымъ разсказамъ очевидцевъ, большинство ихъ до девяти часовъ вечера сидѣло въ Хорсельской ямѣ, очевидно, занимаясь приготовленіями къ бою, такъ какъ изъ ямы выходили огромные клубы зеленаго дыма.

Какъ бы тамъ ни было, въ восемь часовъ трое марсіанъ вышли изъ ямы и медленно, осторожно направились черезъ Байфлитъ и Пирфордъ къ Рипли и Вэйбриджу. Они шли не вмѣстѣ, а по одиночкѣ, на разстояніи полуторы мили другъ отъ друга и переговаривались между собой при помощи какихъ-то дикихъ звуковъ, напоминающихъ ревъ сирены, пробѣгая вверхъ и внизъ всю гамму тоновъ. Внезапно, передъ замершими въ ожиданіи батареями, вырисовались ихъ фигуры на фонѣ заката.

Этотъ-то ревъ и пальбу мы и слышали въ Галифордѣ. Палили въ Рипли и Сентъ-Джорджъ-хиллѣ. Въ Рипли артиллерія состояла изъ новобранцевъ-охотниковъ, которыхъ совсѣмъ бы не слѣдовало назначать на такой опасный постъ. Они дали залпъ, нестройный, прежде-

временный и потому не имѣвшій никакого дѣйствія, а затѣмъ побросали орудія и кинулись вразсыпную, кто бѣгомъ, кто вскачь на лошади. Марсіане благополучно добрались до брошенныхъ орудій, не прибѣгнувъ даже къ помощи теплового луча, походили между ними, осторожно осмотрѣли ихъ и, отправившись дальше, нежданно-негаданно появились передъ орудіями, размѣщенными въ Пенсгилльскомъ паркѣ, и уничтожили ихъ.

На Сентъ-Джорджъ-хиллѣ однако дѣло обошлось иначе. Люди ли тамъ были похрабрѣе или офицеры поопытнѣе, только они выждали, пока первый изъ марсіанъ подошелъ на разстояніе выстрѣла,— онъ ихъ и не замѣтилъ, такъ хорошо они были прикрыты сосновой рощей,— зарядили, не спѣша, какъ на парадѣ и дали дружный залпъ.

Осыпанный градомъ картечи, марсіанинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, зашатался и упалъ. Единодушный крикъ радости вырвался изъ устъ артиллеристовъ; съ лихорадочной поспѣшностью они кинулись снова заряжать орудія. Упавшій марсіанинъ издалъ протяжный вопль, на который тотчасъ же откликнулся шедшій за нимъ товарищъ и надъ вершинами деревьевъ на югѣ показалась гигантская фигура въ блестящей бронѣ. Первый марсіанинъ, очевидно, не былъ раненъ; онъ упалъ потому, что шальное ядро переломило одну изъ ножекъ треножника. Впопыхахъ наводчики забыли переставить прицѣлъ, такъ что второй залпъ не имѣлъ никакого результата: ядра разсыпались далеко отъ марсіанина. Между тѣмъ, товарищи его навели на батарею тепловые лучи; мгновеніе, и горсть храбрецовъ была стерта съ лица земли: пушки взорвало на воздухъ, роща, прикрывавшая ихъ, загорѣлась; спаслось лишь нѣсколько человѣкъ, заблаговременно перебравшихся черезъ гребень холма на другую сторону.

Послѣ этого всѣ трое остановились, повидимому, чтобы посовѣтоваться между собою; развѣдчики, высланные на наблюдательный постъ, доложили, что они, въ продолженіи получаса, не трогались съ мѣста. Опрокинутый марсіанинъ съ трудомъ выползъ изъ своего футляра— странное зрѣлище представляла издали эта небольшая фигурка, похожая на пятно хлѣбной ржавчины!—и, повидимому, принялся за починку сломанной ножки. Къ девяти онъ кончилъ и надъ деревьями снова засверкало три металлическихъ шлема.

Въ началѣ десятаго къ троимъ марсіанамъ присоединилось еще четыре; каждый изъ нихъ несъ въ рукахъ толстую черную трубку. Такія же трубки были розданы первымъ тремъ, и всѣ семеро, помѣстившись на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, оцѣпили по кривой линіи Сентъ-Джорджъ-хилль, Вэйбриджъ и деревню Сендъ, на юго-западъ отъ Рипли.

Какъ только они двинулись, съ ближайшихъ холмовъ взвилось до дюжины сигнальныхъ ракетъ, имѣвшихъ цѣлью предупредить артиллерію, размѣщенную около Диттона и Эшера. Въ то-же время четыре живыхъ машины, точно также вооруженныхъ трубками, перешло черезъ рѣку. Мы съ викаріемъ въ это время медленно и съ трудомъ брели по дорогѣ, ведущей отъ Галифорда на сѣверъ. Двое изъ марсіанъ подошли такъ близко, что могли видѣть насъ; черныя фигуры ихъ рѣдко выдѣлялись на фонѣ заката. Молочнаго цвѣта туманъ, разстилавшійся надъ полями, закрывалъ ихъ почти на треть снизу; намъ казалось, что они идутъ по облакамъ.

Завидѣвъ ихъ, викарій слабо вскрикнулъ, но крикъ замеръ у него въ горлѣ, и пустился бѣжать; я-же, по опыту зная, что отъ марсіанина не убѣжишь, свернулъ въ сторону и поползъ между росистой колючей крапивой и терномъ къ широкой канавѣ, тянувшейся параллельно дорогѣ. Викарій оглянулся, увидѣлъ, что я дѣлаю и поспѣшилъ присоединиться ко мнѣ.

Марсіане остановились; ближайшій къ намъ стоялъ лицомъ къ Сенбёри; второй, выступавшій вдали сѣрой массой, повернулся къ Стэну.

Марсіане перестали перекликаться между собою; въ абсолютномъ безмолвіи они размѣстились вокругъ цилиндровъ, образовавъ дугу миль въ двѣнадцать между

концами. Никогда еще, со временъ изобрѣтенія пороха, битва не начиналась среди такой тишины. Наблюдателю, который помѣстился бы въ Рипли, показалось бы, какъ и намъ, что марсіане были единственными владыками этой темной ночи озаренной лишь молодымъ мѣсяцемъ, мерцаніемъ звѣздъ, потухающимъ отблескомъ заката, да заревомъ пожаровъ въ Пенсхильскихъ лѣсахъ и на Сентъ-Джъорджъ хиллѣ.

А между тѣмъ, кругомъ этой дуги, въ Стэнѣ, Гаунслоу, Диттонѣ, Эшерѣ, Окхэмѣ, за лѣсистыми холмами на югъ отъ рѣки, на тучныхъ пастбищахъ къ сѣверу отъ нея,—повсюду, гдѣ имѣлось какое-нибудь прикрытіе, въ видѣ коттэджа, или купы деревьевъ, ждали пушки. Сигнальныя ракеты одна за другой взвивались кверху, огненнымъ дождемъ разсыпаясь во мракѣ; люди замерли въ напряженномъ, нѣмомъ ожиданіи. Марсіанамъ стоило бы только ступить шагъ впередъ, войти въ сферу артиллерійскаго огня. чтобы эти неподвижныя человѣческія фигуры оживились, чтобы раскрытыя, зловѣще блестѣвшія пасти орудій заревѣли въ бѣшеной ярости, загремѣли оглушительными раскатами.

Навѣрное, въ эту критическую минуту, всѣ эти тысячи людей, напрягавшія до послѣдней степени слухъ и зрѣніе, были заняты, какъ и я, однимъ вопросомъ, насколько вѣрно понимаютъ насъ марсіане? Сообразили-ли они, что милліоны ихъ противниковъ организованы, дисциплинированы, работаютъ сообща? Или всѣ наши залпы, градъ ядеръ, со всѣхъ сторонъ обложившая ихъ и наблюдающая за ними рать производитъ на нихъ лишь такое впечатлѣніе, какъ на насъ единодушіе разъяреннаго пчелинаго роя, который потревожили въ ульѣ? Ужъ не мечтаютъ ли они въ концѣ истребить насъ? (Въ то время мы еще не знали, какой пищей они поддерживаютъ свое существованіе). Сотни такихъ вопросовъ тѣснились въ моемъ умѣ, при видѣ гигантской фигуры марсіанина, стоявшаго на стражѣ неподалеку. А на днѣ души, рядомъ съ гордымъ сознаніемъ нашей силы, съ мыслью, что, по дорогѣ къ Лондону, скрыта, невѣдомо для врага, цѣлая армія и огромное количество боеваго матеріала, шевелился смутный страхъ. Хорошо ли мы приготовились? Съумѣемъ-ли поймать въ западню незваныхъ гостей? Усердно ли работаютъ пороховые заводы Ганслоу? Хватитъ ли духу у лондонцовъ, въ случаѣ надобности, лучше сжечь свой городъ, какъ была сожжена Москва. чтобы только онъ не доставался врагу?.

Прошла минута, показавшаяся намъ вѣчностью; затѣмъ, ползя по травѣ и пробираясь черезъ изгородь, мы услышали неясный звукъ,—какъ-бы отдаленнаго пушечнаго выстрѣла. За нимъ другой, ближе, и третій. Стоявшій возлѣ насъ марсіанинъ высоко поднялъ свою трубу и выстрѣлилъ изъ нея, какъ изъ ружья. Звукъ былъ такъ силенъ, что земля дрогнула у него подъ ногами. Товарищъ его, стоявшій у Стэна, сдѣлалъ то же. При этомъ не было ни искры, ни дыма,—ничего, кромѣ оглушительно-громкаго звука.

Я до того взволновался, что, забывъ о своихъ обожженныхъ рукахъ и личной безопасности, влѣзъ на изгородь и сталъ оглядывать окрестность. Какъ разъ въ это время раздался второй выстрѣлъ и огромный снарядъ пролетѣлъ надъ моей головой по направленію къ Ганслоу. Я ожидалъ увидѣть дымъ или огонь, хоть что-нибудь, указывавшее на его назначеніе, но видѣлъ лишь глубокое синее небо, одинокую звѣздочку надъ моей головой и бѣлый туманъ, разстилавшійся по землѣ. Ни треска, ни взрыва на мѣстѣ паденія; послѣ выстрѣла—абсолютная тишина. Прошло минуты три.

— Что случилось?—спросилъ меня священникъ, послѣдовавшій моему примѣру.

— Одному Богу извѣстно,—отвѣчалъ я.

Летучая мышь промелькнула мимо насъ, тяжело хлопая крыльями. Вдали начали было палить изъ пушекъ и перестали. Я повернулся въ сторону марсіанина и увидалъ его быстро идущимъ вдоль берега, по направленію къ востоку.

Съ минуты на минуту я ждалъ, что какая-нибудь скрытая во мракѣ батарея осыплетъ его градомъ картечи. но тишина не нарушалась. Фигура марсіанина становилась все меньше и нако-

нецъ исчезала въ туманѣ. Мы съ викаріемъ поспѣшили вскарабкаться какъ можно выше, но ничего не могли разсмотрѣть. Между нами и Сенбёри внезапно выросъ невѣдомо откуда взявшійся коническій холмъ, закрывавшій видъ на окрестности. За рѣкой, надъ Уольтономъ виднѣлось такое же возвышеніе. Оба холма на нашихъ глазахъ постепенно становились ниже и шире, какъ-бы расплываясь въ воздухѣ.

Въ умѣ моемъ, какъ молнія, мелькнула догадка; я обернулся къ сѣверу и замѣтилъ тамъ третій черный колеблющійся конусъ.

Кругомъ стало вдругъ необычайно тихо. Лишь вдали перекликались между собой марсіане, да звуки ихъ выстрѣловъ, прокатившіеся въ воздухѣ, еще разъ нарушили безмолвіе ночи. Наши пушки молчали.

Въ то время мы не могли понять, что это значитъ; позже мнѣ стало извѣстно происхожденіе и назначеніе зловѣщихъ конусовъ, расплывавшихся у насъ передъ глазами. Каждый изъ марсіанъ, размѣстившихся по огромной дугѣ, какъ было описано выше, повинуясь какому-то невѣдомому сигналу, выстрѣлилъ изъ своей ружьеобразной трубки большимъ снарядомъ, формой похожимъ на жестянку изъ подъ кофе, цѣлясь въ ближніе холмы, рощицы, или группы домовъ,—словомъ, въ такія мѣста, которыя могли служить прикрытіемъ для пушекъ. Нѣкоторые выпустили только по одному снаряду; другіе по два; возлѣ Рипли, говорятъ, было выпущено цѣлыхъ пять снарядовъ заразъ. Всѣ они, падая на землю, разбивались,—безъ взрыва,—и выпускали огромныя количества чернильнаго цвѣта пара, который свивался въ клубъ, тяжелымъ чернымъ облакомъ подымался кверху, образуя волнистое коническое возвышеніе, затѣмъ постепенно осѣдалъ и разстилался по землѣ. Прикосновеніе этого ядовитаго пара, вдыханіе его было смертью для всего живаго.

Паръ этотъ былъ тяжелъ, тяжеле самаго плотнаго дыма; поднявшись кверху, силою перваго взрыва, онъ скоро начиналъ осѣдать и, скорѣе разливаясь, какъ жидкость, чѣмъ стелясь какъ газъ, по землѣ, сползалъ съ возвышеній въ долины, рвы и водяные протоки;—то-же, какъ я слышалъ, происходитъ съ углекислымъ газомъ, выходящимъ изъ разсѣлинъ волкановъ. При соприкосновеніи его съ водой происходила какая-то химическая реакція, вслѣдствіе которой онъ моментально превращался въ черную накипь, или, вѣрнѣе, порошокъ, медленно осѣдавшій на дно. Накипь эта была абсолютно нерастворима въ водѣ, и воду изъ подъ нея можно было пить безъ всякаго вреда для здоровья,—что очень странно, въ виду убійственнаго дѣйствія самого газа. Паръ этотъ или дымъ не разсѣевался въ воздухѣ, какъ настоящій дымъ, но висѣлъ въ немъ грядами, затѣмъ медленно сползалъ по склонамъ холмовъ, слабо поддаваясь напору вѣтра, еще медленнѣе смѣшивался съ туманомъ и атмосферной влагой, и осѣдалъ на землю въ видѣ пыли. Природа его такъ и осталась намъ неизвѣстной; мы знаемъ только, что въ составъ его входилъ какой-то новый и невѣдомый намъ элементъ, дающій, при спектральномъ анализѣ, четыре линіи въ голубой части спектра.

Разъ осѣвшій, хотя бы и на ровное мѣсто, черный дымъ висѣлъ такъ низко надъ землею, что на высотѣ пятидесяти футовъ, взобравшись на крышу, въ верхній этажъ высокаго дома, или на высокое дерево, легко было избѣжать его ядовитаго дѣйствія, что и было испытано въ ту же ночь въ Стритъ-Кобхэмѣ и Диттонѣ.

Одинъ изъ спасенныхъ разсказывалъ потомъ удивительныя вещи. Онъ влѣзъ на шпицъ колокольни и высидѣлъ тамъ полторы сутки, томясь голодомъ и жаждой, изнывая отъ усталости. Солнце немилосердно жгло его затекшіе члены; надъ головой его раскинулось синее небо, внизу, куда глазомъ ни кинь, черный бархатный коверъ, изъ котораго тамъ и сямъ выступали, озаренныя солнцемъ красныя крыши, зеленыя верхушки деревьевъ, а позже кусты, ворота, амбары и риги, покрытыя какой-то черной пеленою.

Но такъ было въ Стритъ-Кобхэмѣ,

гдѣ черный дымъ оставался неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока, силою собственной тяжести, не осѣлъ на землю и не смѣшался съ почвенной влагой. Обыкновенно же марсіане, тотчасъ послѣ того, какъ онъ отслужитъ свою службу, очищали отъ него воздухъ посредствомъ струи водяного пара.

Мы съ викаріемъ сами видѣли при свѣтѣ звѣздъ, какъ они это продѣлывали; изъ окна одного брошеннаго дома въ Верхнемъ Галифордѣ мы видѣли и направляемые на нихъ лучи электрическаго свѣта изъ Ричмонда и Кингстонъ-хилля. Часовъ въ одиннадцать у насъ въ домѣ стекла зазвенѣли отъ нежданно грянувшаго залпа изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, стоявшихъ на позиціи въ Ричмондѣ. Пальба продолжалась безъ перерыва съ четверть часа, причемъ стрѣляли наудачу, по невидимой цѣли; затѣмъ блѣдный электрическій свѣтъ погасъ, а вмѣсто него по небу, разлилось ярко-красное зарево.

Въ полночь упалъ четвертый цилиндръ, промелькнувъ въ воздухѣ блестящимъ зеленымъ метеоромъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ упалъ въ Бушей-паркѣ. Немного пораньше пушечныхъ залповъ въ Ричмондѣ и Кингстонѣ, слышна была безпорядочная канонада вдали, на югозападѣ; должно быть, тамъ тоже стрѣляли наугадъ, пока дымъ не задушилъ канонировъ.

Постепенно, методически, какъ люди выкуриваютъ осъ изъ ульевъ, марсіане выкурили своимъ удушливымъ паромъ все подгородное населеніе столицы. Концы дуги все расширялись, пока, наконецъ, она не вытянулась въ линію, проходящую черезъ Ганвелль, Кумбъ и Мольденъ. Всю ночь напролетъ работали ихъ губительныя трубки. Ни разу съ тѣхъ поръ, какъ упалъ ихъ товарищъ на Сентъ-Джорджъ-хиллѣ, они не подставлялись подъ артиллерійскій огонь, не давали наводчикамъ возможности вѣрно прицѣлиться. Гдѣ только было хоть какое-нибудь основаніе предполагать скрытыя за постройками, или деревьями пушки,—туда тотчасъ же летѣлъ снарядъ, заряженный чернымъ дымомъ; гдѣ батарея была видна на позиціи, туда они направляли тепловой лучъ.

Въ полночь пылающія деревья на склонахъ ричмондскихъ холмовъ и зарево пожара на Кингстонъ-хиллѣ освѣтили цѣлое море чернаго дыма, покрывшее долину Темзы и разстилавшееся во всѣ стороны вплоть до предѣловъ горизонта. По морю медленно двигались два марсіанина, направляя то туда, то сюда со свистомъ вырывавшуюся изъ трубъ струю пара.

Въ эту ночь марсіане мало прибѣгали къ тепловому лучу—потому ли, что у нихъ истощился запасъ матеріала, необходимаго для полученія его, потому ли, что они не хотѣли раззорить страну, но лишь преодолѣть и сломить сопротивленіе, въ чемъ они, разумѣется, вполнѣ успѣли. Съ этой ночи объ организованной оппозиціи дѣйствіямъ марсіанъ не было и помину; всякая попытка въ этомъ родѣ была бы безнадежной. Даже команды миноносокъ, введенныхъ въ Темзу, съ цѣлью взорвать жителей Марса на воздухъ, отказались повиноваться своимъ начальникамъ и вернулись обратно. Единственной активной мѣрой, на которую еще отваживались люди, было рытье минъ и волчьихъ ямъ, да и тутъ человѣческая энергія проявлялась неровно, спазмодически, какими-то отчаянными порывами.

Предоставляемъ воображенію читателя нарисовать ему картину гибели батарей, стоявшихъ подъ Эшеромъ. Разсказывать было некому; очевидцевъ въ живыхъ не осталось. Пусть онъ представитъ себѣ размѣщенныя въ образцовомъ порядкѣ орудія, проворныхъ и бдительныхъ офицеровъ, солдатъ, готовыхъ по первому знаку открыть пальбу, подъ рукой наваленные грудой заряды, поодаль передки и зарядные ящики съ запряженными въ нихъ лошадьми; группы штатскихъ зрителей на почтительномъ разстояніи, лазаретные передки и фургоны съ обожженными и ранеными изъ Вэйбриджа. Полная тишина. Все замерло въ напряженномъ ожиданіи. Потомъ—глухой раскатъ, звукъ выстрѣла—и огромный, неуклюжій снарядъ, пролетѣвъ надъ домами и деревьями, беззвучно падаетъ на сосѣднее поле.

Представьте себѣ, какъ, мгновенно

всѣ головы поворачиваются въ его сторону, какъ свиваются и развиваются кольца чернаго дыма; вотъ онъ поднялся клубомъ кверху, — и солнце померкло, и свѣтъ дневной превратился въ осязаемый мракъ. Черная пелена спускается все ниже и ниже; чуть видны сквозь нее люди и лошади; слышны крики ужаса и отвращенія; все живое бѣжитъ, спотыкается, падаетъ; пушки брошены; люди задыхаются, извиваясь въ корчахъ на землѣ; а темный конусъ ширится и осѣдаетъ, разливаясь все дальше и дальше. А затѣмъ, мракъ и безлюдье,—ничего, кромѣ проницаемаго чернаго савана, окутавшаго мертвецовъ.

Еще до разсвѣта потокъ чернаго дыма разлился по улицамъ Ричмонда, и обезсилѣвшее правительство прибѣгло къ послѣдней отчаянной мѣрѣ — подняло на ноги жителей Лондона, указывая имъ на необходимость бѣжать.

XVI.

Исходъ.

Теперь вамъ ясно положеніе. Волна страха, охватившая въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ населеніе Лондона, скоро выросла въ огромный потокъ. Потокъ этотъ разлился по всѣмъ улицамъ, бурля и пѣнясь у желѣзнодорожныхъ станцій, превращаясь въ губительные водовороты на судовыхъ пристаняхъ, хлынулъ во всѣ ходы и выходы, прокладывая себѣ по самымъ узкимъ канальцамъ путь на востокъ и на сѣверъ. Къ десяти часамъ разбѣжалась полиція, къ полудню то же произошло съ персоналомъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ; всѣ виды правительственной организаціи потеряли форму и смыслъ, обезличились, растаяли въ общей массѣ расплывшагося соціальнаго тѣла.

По всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ на сѣверъ отъ Темзы и въ юго восточной части города, въ Каннонъ-стритѣ, населеніе было еще въ полночь предупреждено о близости марсіанъ и на станціяхъ до двухъ часовъ шла невообразимая давка. Вагоны были биткомъ набиты, обезумѣвшіе пассажиры дрались изъ за мѣстъ. Въ три часа ночи даже въ Бишопсгэтъ-стритѣ находили раздавленныхъ; возлѣ Ливерпульской станціи были пущены въ ходъ кинжалы и револьверы; измученные и обозленные полисмены, поставленные здѣсь, чтобы регулировать движеніе, проламывали саблями головы тѣмъ, кого они были призваны охранять.

Машинисты и кочегары выходившихъ изъ Лондона поѣздовъ отказывались возвращаться обратно; мало по-малу движеніе прекратилось; на разсвѣтѣ толпы бѣглецовъ отхлынули отъ станцій и разлились по дорогамъ, ведущимъ на сѣверъ. Въ полдень въ Барксѣ видѣли марсіанина; тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ туча медленно осѣдающаго чернаго дыма повисла надъ Темзой и низкими мѣстами юго-восточныхъ кварталовъ, отрѣзавъ отступленіе черезъ мосты. Другая такая же туча протянулась надъ Илингомъ, обложивъ кольцомъ Кассль-хилль, обитатели котораго остались въ живыхъ, но были лишены возможности спастись бѣгствомъ.

Всѣ попытки брата попасть въ одинъ изъ поѣздовъ, отходившихъ съ Чокъ-фэрмской станціи оказались безплодными; тамъ ихъ отправляли съ товарной платформы, причемъ локомотиву буквально приходилось *пропахивать* себѣ дорогу сквозь ревущую и стонущую живую массу, и дюжинѣ храбрецовъ едва удалось геройскими усиліями отстоять машиниста, котораго толпа притиснула къ горну. Потерявъ всякую надежду спастись этимъ путемъ, братъ выбрался на Чокъ-фэрмъ-родъ, пробился сквозь толпу экипажей, и тутъ ему посчастливилось попасть однимъ изъ первыхъ на разграбленіе магазина велосипедовъ. Онъ вытащилъ черезъ окно стального коня, поплатившись за это всего только порѣзомъ руки и легкимъ поврежденіемъ передней шины.

Взобраться на Гаверстокъ-хилль нечего было и думать; весь подъемъ былъ заваленъ опрокинутыми экипажами. Братъ поѣхалъ по Бельсайзъ-и Эджвэръ-родъ и къ семи часамъ добрался до Эджвэра, усталый и голодный, но зна-

чительно опередивъ обезумѣвшую отъ страха толпу. Его, въ свою очередь, обогнали нѣсколько человѣкъ велосипедистовъ, всадники и два автомобиля. Не доѣзжая мили до Эджвэра сломалось переднее колесо; пришлось бросить велосипедъ. Братъ пошелъ дальше пѣшкомъ. На главной улицѣ мѣстечка уже открывали лавки; на мостовой, въ дверяхъ и окнахъ толпился народъ, дивясь на это необычное движеніе. Брату удалось даже достать себѣ кое-что перекусить въ гостинницѣ.

Не зная, что начать дальше, братъ нѣсколько времени пробылъ въ Эджвэрѣ. Бѣглецовъ все прибывало. Многіе, подобно брату, видимо, намѣрены были, пока что, остаться здѣсь. О марсіанахъ ничего новаго не было слышно.

Толпа бѣглецовъ росла, но давки пока еще не было. Авангардъ составляли главнымъ образомъ велосипедисты, но скоро появились автомобили, кабріолеты, коляски и всевозможные экипажи, поднимавшіе страшную пыль.

Въ смутной надеждѣ добраться до Челмсфорда, гдѣ у него были друзья, братъ свернулъ въ тихій переулокъ и, дойдя до распутья, пошелъ по проселочной дорогѣ, ведущей къ востоку. Онъ миновалъ нѣсколько фермъ и деревушекъ, даже не спрашивая о названіи ихъ. Бѣглецовъ попадалось мало, но подъ Гай-Барнетомъ онъ случайно столкнулся съ двумя дамами, которыя съэтой минуты сдѣлались его спутницами. Ему посчастливилось какъ разъ во-время подоспѣть къ нимъ на выручку.

Подходя къ Гай-Барнету, онъ услыхалъ крики, завернулъ за уголъ и увидалъ двоихъ мужчинъ, усиливавшихся вытащить двухъ дамъ изъ плетеной колясочки, между тѣмъ, какъ третій мужчина съ трудомъ удерживалъ перепуганнаго пони. Одна изъ дамъ, невысокая, полная, въ бѣломъ платьѣ по просту визжала отъ ужаса; другая, стройная брюнетка, свободной рукой изо всей силы била хлыстомъ по лицу мужчину, сжимавшему какъ въ клещахъ, ея другую руку.

Братъ сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, и съ громкимъ крикомъ бросился на помощь. Человѣкъ, тащившій толстушку, мгновенно выпустилъ ее и обернулся къ брату. По лицу его было видно, что безъ драки дѣло не обойдется. Братъ, будучи опытнымъ боксеромъ, не задумываясь, кинулся на него первый и однимъ ударомъ свалилъ его на земь, такъ что онъ стукнулся головой о колесо.

Въ такую минуту было не до соблюденія правилъ бокса; отдѣлавшись отъ одного, братъ схватилъ за шиворотъ другого, сжимавшаго руку стройной брюнетки. Мгновенно вслѣдъ затѣмъ раздался стукъ копытъ, хлыстъ стегнулъ брата по лицу, третій противникъ нанесъ ему ударъ кулакомъ въ переносицу, а тотъ, котораго онъ держалъ за воротъ, вырвался и убѣжалъ.

Оглушенный ударомъ, братъ очутился лицомъ къ лицу съ дюжимъ парнемъ, который раньше удерживалъ лошадь; коляска мчалась во весь опоръ, причемъ ее кидало изъ стороны въ сторону; дамы все время оглядывались назадъ. Противникъ его только занесъ было руку, какъ братъ ударилъ его кулакомъ въ лицо и видя, что помощи ждать неоткуда, пустился бѣжать вслѣдъ за коляской. Дюжій парень гнался за нимъ; вернувшійся бѣглецъ слѣдовалъ сзади, въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Внезапно братъ споткнулся о камень и упалъ, благодаря чему первый преслѣдователь нагналъ его; вскочивъ на ноги, онъ очутился лицомъ къ лицу съ двумя противниками. Плохо пришлось бы ему, если бы брюнетка не повернула лошадь и не поспѣшила къ нему на помощь. У нея былъ съ собой револьверъ, но, при такомъ неожиданномъ нападеніи, она не успѣла вытащить его изъ подъ сидѣнья. На разстояніи шести ярдовъ она выстрѣлила и едва не попала въ брата. Тотъ, что бѣжалъ позади, наиболѣе трусливый, мгновенно повернулъ оглобли; товарищъ послѣдовалъ за нимъ, проклиная его трусость. Оба остановились вдали надъ лежавшимъ безъ чувствъ третьимъ оборванцемъ.

Брюнетка соскочила на землю и подбѣжала къ брату.

— Возьмите! — сказала она, подавая ему револьверъ.

— Идите, садитесь въ экипажъ, — отвѣчалъ ей братъ, отирая кровь съ разсѣченной губы. Оба они дрожали отъ волненія.

Не говоря ни слова, брюнетка повернулась и пошла къ колясочкѣ, гдѣ ея толстенькая спутница употребляла всѣ усилія, чтобъ удержать на мѣстѣ испуганнаго пони.

Разбойники отступали, очевидно, не желая подвергать себя дальнѣйшей опасности.

— Я сяду здѣсь, если позволите, — сказалъ братъ, вскакивая на заднее сидѣнье.

Брюнетка оглянулась черезъ плечо, взяла возжи изъ рукъ сосѣдки, вытянула пони кнутомъ, и черезъ мгновеніе трое оборванцевъ скрылись за поворотомъ дороги.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для себя, братъ, задыхаясь отъ усталости и волненія, съ разсѣченной губой и окровавленными пальцами, очутился въ экипажѣ, скачущимъ по неизвѣстной ему дорогѣ, въ обществѣ двухъ неизвѣстныхъ дамъ.

Вскорѣ онъ узналъ, кто онѣ. Одна оказалась женой, другая — младшей сестрой врача, живущаго въ Стэнморѣ. Наканунѣ вечеромъ врача вызвали въ Пиннеръ, къ тяжело больному. По дорогѣ домой, онъ узналъ на одной изъ станцій о приближеніи марсіанъ. Вернувшись, онъ поспѣшилъ разбудить жену и сестру—служанка дня за два передъ тѣмъ отошла,—велѣлъ имъ захватить съ собой провизіи, усадилъ ихъ въ экипажъ, положилъ подъ сидѣнье револьверъ—къ счастью для брата,—и сказалъ, чтобы онѣ ѣхали въ Эджвэръ, въ надеждѣ, что тамъ онѣ успѣютъ захватить поѣздъ. Самъ онъ отправился оповѣстить сосѣдей, говоря, что нагонитъ ихъ не позже, какъ въ половинѣ пятаго, но онѣ прождали до девяти, а онъ все не являлся. Въ Эджверѣ оставаться было немыслимо, по причинѣ огромнаго стеченія народа; вотъ онѣ и выѣхали на проселочную дорогу; а тутъ на нихъ напали разбойники.

Все это было сообщено брату отрывками, на пути. Возлѣ Нью-Барнета они рѣшили сдѣлать привалъ. Братъ обѣщалъ своимъ спутницамъ не покидать ихъ, пока онѣ не рѣшатъ, что съ собой дѣлать, или пока не явится пропавшій безъ вѣсти мужъ, и, чтобы успокоить ихъ, увѣрилъ ихъ, что онъ отлично стрѣляетъ изъ револьвера, хотя на самомъ дѣлѣ никогда въ рукахъ не держалъ этого оружія.

Всѣ трое вышли изъ экипажа и расположились на травѣ; пони щипалъ молодые листочки съ изгороди, чувствуя себя совершенно счастливымъ. Братъ описалъ свое бѣгство изъ Лондона и сообщилъ все, что зналъ о марсіанахъ. Солнце начинало припекать, темы для разговора скоро истощились; всѣмъ троимъ было не по себѣ; всѣхъ угнетало тяжелое предчувствіе. Каждаго прохожаго братъ останавливалъ и разспрашивалъ, и съ каждой новой вѣстью въ умѣ его укоренялась увѣренность въ томъ, что человѣчество постигло тяжкое бѣдствіе и необходимо бѣжать отъ него, какъ можно дальше. Онъ повѣрилъ эту мысль своимъ спутницамъ.

— У насъ есть деньги... — нерѣшительно начала брюнетка и запнулась, но, встрѣтивъ взглядъ брата, мгновенно оправилась отъ смущенія.

— У меня тоже есть,— сказалъ братъ.

Оказалось, что у дамъ было цѣлыхъ тридцать фунтовъ золотомъ, не считая пяти-фунтоваго банковаго билета. Брюнетка полагала, что этого достаточно, чтобы сѣсть на поѣздъ въ Сентъ-Альбанѣ или Нью-Барнетѣ. Братъ возразилъ, что не стоитъ и пытаться, такъ какъ лондонцы захватили всѣ мѣста, и предложилъ пробраться черезъ Эссексъ въ Гарвичъ, а оттуда заграницу.

М-рсъ Эльфинстонъ—такъ звали даму въ бѣломъ платьѣ—и слышать объ этомъ не хотѣла, говоря, что она никуда не уѣдетъ безъ своего «Джорджа», но ея *belle soeur* съ поразительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ обсудила предложеніе брата и кончила тѣмъ, что согласилась. Всѣ трое двинулись дальше, въ Барнетъ, намѣреваясь пересѣчь тамъ Большую Сѣверную дорогу; братъ правилъ, стараясь какъ можно больше щадить пони.

По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше, становилось нестерпимо жарко; накалившійся бѣлый песокъ жегъ ноги лошади и слѣпилъ глаза; изгороди стояли совсѣмъ сѣрыя отъ пыли. Наши путники подвигались впередъ очень медленно, и чѣмъ ближе подъѣзжали къ Барнету, тѣмъ больше народу попадалось имъ на встрѣчу. Попадались все какіе-то странные субъекты, съ неподвижнымъ взоромъ, съ изнуренными лицами, въ запыленномъ, разорванномъ платьѣ, бормотавшіе себѣ подъ носъ невнятныя рѣчи. Господинъ во фракѣ прошелъ мимо, мрачно потупивъ глаза въ землю, и вдругъ закричалъ не своимъ голосомъ. Обернувшись, они увидали, какъ онъ одной рукой рвалъ на себѣ волосы, а другой билъ по воздуху, нанося удары воображаемому врагу. Припадокъ ярости миновалъ у него такъ же внезапно, какъ и начался, и онъ пошелъ дальше, даже не оглянувшись назадъ.

На перекресткѣ, не доѣзжая южной заставы Барнета, они увидали идущую черезъ поле женщину съ ребенкомъ на рукахъ; за ней бѣжали двое дѣтей и поодаль слѣдовалъ мужчина въ грязной черной парѣ, съ толстой палкой въ одной рукѣ и небольшимъ саквояжемъ въ другой. Изъ боковой улочки между дачами выѣхала телѣжка, запряженная взмыленнымъ чернымъ пони. Въ ней сидѣли напиханныя, какъ сельди въ бочкѣ, три дѣвушки, съ виду фабричныя работницы и двое маленькихъ дѣтей. Правилъ тощій юноша, съ бѣлымъ лицомъ и растерянными глазами, въ шарообразной шляпѣ, весь сѣрый отъ пыли.

— Можно тутъ проѣхать на Эджвэръ?—спросилъ онъ брата, и когда тотъ сказалъ, что нужно свернуть налѣво, онъ, не поблагодаривъ за отвѣтъ, стегнулъ лошадь и поскакалъ.

Братъ замѣтилъ впереди блѣдно-сѣрый дымокъ, поднимавшійся изъ группы строеній и окутывавшій бѣлый фасадъ террасы большой виллы. Внезапно м-рсъ Эльфинстонъ вскрикнула отъ испуга при видѣ множества языковъ краснаго пламени, смѣшаннаго съ дымомъ, взвившихся къ яркому синему небу. Уже давно до нихъ доносился глухой гулъ; теперь они стали различать въ немъ людской говоръ, стукъ колесъ, грохотъ фургоновъ, отрывистый топотъ копытъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ перекрестка проселочная дорога круто поворачивала, выходя на большую.

— Боже милосердый! — вскричала м-рсъ Эльфинстонъ. — Куда вы насъ везете?

Братъ остановилъ лошадь.

Большая дорога была сплошь залита народомъ: шоссе превратилось въ живой потокъ, стремившійся къ сѣверу. Бѣлая пыль, вздымаемая ногами лошадей, людей и колесами экипажей, тучами стояла надъ дорогой, сверкая въ лучахъ солнца. Слышались окрики: «Пади! Дорогу дайте! Прочь съ дороги!»

Мѣсто сліянія проселочной дороги съ большой, казалось, тонуло въ облакахъ дыма; толпа гудѣла, какъ пламя; горячая удушливая пыль набивалась въ ротъ и глаза. Въ довершеніе всего, неподалеку горѣла вилла, и клубы настоящаго чернаго дыма стлались черезъ дорогу.

Мимо пробѣжали двое мужчинъ, потомъ рыдающая грязная женщина съ тяжелымъ узломъ на плечахъ. Лягашъ, потерявшій хозяина, съ высунутымъ языкомъ, перепуганный и несчастный, покружился около нихъ, словно желая пристать, но братъ погрозилъ ему бичемъ, и собака убѣжала.

Дорога, насколько ее можно было видѣть вправо, между домами, представляла сплошную массу пыльныхъ головъ и тѣлъ, прижатыхъ другъ къ другу; по мѣрѣ приближенія къ углу, очертанія отдѣльныхъ фигуръ выступали яснѣе, потомъ опять сливались съ общей массой и, наконецъ, тонули въ облакѣ пыли.

— Пропустите! Дорогу дайте! Прочь съ дороги!

Тѣснота на шоссе была страшная; задніе напирали на переднихъ, клали имъ руки на плечи. Братъ соскочилъ и держалъ въ поводу пони. Словно очарованный, онъ медленно, шагъ за шагомъ приближался къ большой дорогѣ. Онъ видѣлъ смятеніе въ Эджвэрѣ и давку на Чокъ-фэрмѣ, но здѣсь было совсѣмъ другое—сцена изъ временъ ве-

ликаго переселенія народовъ. Трудно вообразить себѣ эту неисчислимую рать, безформенную, хаотическую. Изъ-за угла выдвигались фигуры и тотчасъ же пропадали опять; виднѣлись только ихъ спины. По краямъ брели пѣшіе, ежеминутно рискуя попасть подъ колеса экипажей, оступаясь, падая въ канавы, наталкиваясь другъ на друга.

Экипажи сплотились въ густую массу; лишь только въ ней образовался просвѣтъ, тѣ, что полегче, спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобъ обогнать другихъ, и устремлялись впередъ, прижимая пѣшеходовъ къ воротамъ и забораиъ.

— Впередъ! впередъ!—стономъ стояло въ воздухѣ.—Спѣшите! *Они* идутъ!

Въ одной изъ повозокъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, слѣпой старикъ, въ формѣ арміи спасенія, жестикулируя скрюченными пальцами и крича: «Вѣчность! вѣчность!» Голосъ его, хриплый, но сильный, былъ слышенъ еще долго послѣ того, какъ его фигура скрылась въ пыли. Экипажи всѣ были биткомъ набиты. Нѣкоторые изъ возницъ, совсѣмъ ополоумѣвъ, хлестали по лошадямъ и бранились съ другими кучерами за то, что имъ не даютъ дороги, хотя ѣхать было некуда; другіе сидѣли неподвижно, устремивъ въ пространство растерянный, жалкій взоръ; иные кусали руки отъ жажды или же лежали безъ силъ, распростертые на днѣ повозокъ. У лошадей уздечки были въ пѣнѣ, глаза налились кровью.

Экипажей было безчисленное множество, всѣхъ видовъ и формъ: кэбы, коляски, телѣги, товарные фургоны, омнибусъ, почтовыя кареты и рядомъ бочка для вывозки нечистотъ съ надписью: «Приходъ св. Панкратія»; длинныя дроги для досокъ. У одной телѣги колеса были обрызганы свѣжею кровью.

— Очистите дорогу! Очистите дорогу!

— Вѣч-ность! вѣч-ность! — доносилось издали.

Въ толпѣ виднѣлись печальныя, измученныя женскія лица. Здѣсь были всякія женщины, и оборванныя, и нарядныя, въ модныхъ, но запыленныхъ костюмахъ; сами плача, они вели за руки плачущихъ, спотыкающихся дѣтей. Иныхъ сопровождали мужчины, старавшіеся оберечь ихъ; были и такіе, что отталкивали ихъ кулаками. Бокъ-о-бокъ съ нарядной дамой пробивалъ себѣ дорогу оборванецъ въ лохмотьяхъ, громко ругаясь нехорошими словами. Тутъ были дюжіе молодцы-рабочіе, раздвигавшіе толпу кулаками, клерки и приказчики, судорожно протискивавшіеся впередъ, желѣзнодорожные носильщики; братъ замѣтилъ въ толпѣ раненаго солдата; какой-то бѣднякъ ухитрился выбѣжать изъ дому въ одной ночной сорочкѣ и накинутомъ поверхъ нея пальто.

Однако у этой разношерстной толпы было кое-что общее—выраженіе страха и муки на лицахъ, чувство страха, подгонявшее ихъ впередъ. Каждое столкновеніе на дорогѣ, каждая ссора изъ-за мѣста въ повозкѣ заставляла всю армію бѣглецовъ ускорять шагъ; даже тѣ, у кого подгибались колѣни, на мигъ оживали и храбро шагали впередъ, словно подбодренные электрическимъ токомъ. Зной и пыль уже сдѣлали свое дѣло. У всѣхъ кожа была сухая и воспаленная, губы запеклись, почернѣли. Всѣ томились жаждой, усталостью; у всѣхъ ныли натруженныя ноги. Въ общемъ гулѣ можно было различить споры, упреки, тяжелые вздохи; голоса у большинства были упавшіе, хриплые. И всѣ голоса покрывалъ одинъ немолчный вопль:

— Дорогу! дорогу! Марсіане идутъ!

Улица, на которой стояли наши путники, выходила на шоссе бокомъ, давая обманчивое впечатлѣніе, будто она ведетъ къ Лондону. Въ мѣстѣ скрещенія образовалось нѣчто въ родѣ водоворота; поминутно живой потокъ выкидывалъ въ узкое отверстіе часть своихъ волнъ, которыя спѣшили тотчасъ же вернуться обратно. Лишь немногіе останавливались и добровольно отходили въ сторону. Подлѣ, на травѣ у дороги, лежалъ человѣкъ съ обнаженной ногой, завернутой въ окровавленныя тряпки; около него хлопотали двое друзей,—счастливецъ, ему не измѣнили друзья и въ такую минуту!

Вотъ изъ толпы вынырнулъ низенькій

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636747